Ф. Мерингъ.

ИСТОРІЯ
ГЕРМАНСКОЙ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ.

Томъ второй.

ДО ПРУССКАГО КОНСТИТУЦІОННАГО КОНФЛИКТА (1862 г.).

переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія
подъ ред. М. Е. ЛАНДАУ.

МОСКВА.
Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°".
1906.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.
Москва—1906 г.

Типо-литографія Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К°**. Пименовская ул., соб. домъ.
Москва—1906 г.

Оглавленіе.

Книга II. Мартовская революція и ея послѣдствія.

Стр.

КНИГА ВТОРАЯ.

МАРТОВСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ И ЕЯ ПОСЛѢДСТВІЯ.

Глава I.

Классовая борьба во время нѣмецкой революціи.

---

1. 18-ое марта.

Въ теченіе сороковыхъ годовъ нѣмецкая романтика пришла къ полному банкротству. Неспособная къ творческой дѣятельности, она стояла совершенно безпомощная передъ новыми силами, выросшими въ промышленности и торговлѣ. Послѣдній праздникъ свой она справляла въ длинной тронной рѣчи, которою прусскій король открылъ въ 1847 г. соединенный ландтагъ. Возраставшее недовольство образованныхъ и промышленныхъ классовъ, а еще больше неотступный гнетъ разстроенныхъ финансовъ принудили его соединить ландтаги восьми провинцій въ одно учрежденіе. Этимъ онъ думалъ выполнить старое обѣщаніе своего отца дать конституцію.

Соединенный ландтагъ не долженъ былъ представлять собою современный парламентъ, а феодально-сословное собраніе, и таковымъ онъ дѣйствительно былъ. Члены восьми провинціальныхъ ландтаговъ были раздѣлены на двѣ куріи: на курію господъ, состоявшую изъ 72 членовъ высшей знати, и на трехсословную курію, въ которой рыцарство имѣло 231, города—182 и крестьяне—120 представителей. Правомочія ландтага ограничивались разрѣшеніемъ займовъ въ мирное время и согласіемъ на введеніе новыхъ и повышеніе старыхъ налоговъ; сверхъ того онъ долженъ былъ давать свои заключенія о новыхъ законопроектахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда коронѣ угодно будетъ сдѣлать ему соотвѣтствующія предложенія. Въ своей тронной рѣчи король поклялся, что никакимъ земнымъ силамъ никогда не удастся сдѣлать его конституціоннымъ королемъ: онъ никогда не допуститъ, чтобы между страной и Господомъ Богомъ на небесахъ сталъ, на подобіе второго Провидѣнія, листъ исписанной бумаги и правилъ своими па-

раграфами, замѣняя ими исконную вѣрность. Далеко не столь романтично, но зато гораздо яснѣе и короче король такъ пояснилъ „краткій смыслъ длинной рѣчи" въ интимномъ письмѣ къ своему другу Бунзену: надо быть большимъ осломъ, чтобы требовать конституціи, но гораздо бо́льшимъ еще, чтобы дать таковую, разъ одна уже имѣется. Еще послѣдовательнѣе проводилъ эту милую точку зрѣнія принцъ Прусскій, въ качествѣ наслѣдника престола: онъ усматривалъ гибель старой Пруссіи уже въ соединенномъ ландтагѣ.

При всей своей реакціонной ограниченности онъ обладалъ всетаки лучшимъ инстинктомъ, чѣмъ его талантливый братъ, лучшимъ также, чѣмъ идеологи буржуазіи, презрительно пожимавшіе плечами по поводу такого осуществленія старыхъ идеаловъ и даже рекомендовавшіе совершенно не принимать подобной конституціи. Но буржуазный классъ, у котораго тоже былъ свой хорошій инстинктъ, не послушался ихъ. Этому классу, эгоистичному, смирному и къ тому еще напуганному первымъ, хотя и слабымъ пока лепетомъ пролетаріата, совершенно впору было и то, что предлагалъ ему король, и то, какъ онъ это предлагалъ. Въ союзѣ съ обуржуазившимися элементами изъ дворянства, которые своимъ аграрно-промышленнымъ товарнымъ производствомъ были вовлечены въ сферу интересовъ крупной буржуазіи, и имѣя за собою много крупныхъ и среднихъ крестьянъ, представлявшихъ въ этомъ сословномъ собраніи крестьянскій классъ, буржуазія образовала либеральную оппозицію въ соединенномъ ландтагѣ, и Ганземанъ своими крылатыми словами: „въ денежныхъ вопросахъ нѣтъ мѣста сентиментальности" перевернулъ вверхъ дномъ сентиментальную романтику тронной рѣчи короля. Ландтагъ держалъ въ своихъ рукахъ кошелекъ. Онъ не желалъ быть только, какъ выражались тогда, ссудной кассой (Pumpanstalt) для обанкротившагося абсолютизма и объявилъ, что не считаетъ себя въ правѣ разрѣшить заемъ въ двадцать съ чѣмъ-то милліоновъ талеровъ на постройку восточной желѣзной дороги, пока не будетъ гарантирована періодичность созыва соединеннаго ландтага и не будутъ расширены его права. Изъ-за этого ландтагъ разошелся, навлекши на себя неудовольствіе короны, чѣмъ не особенно, впрочемъ, огорчался, такъ какъ зналъ, что она вынуждена будетъ снова притти къ нему за помощью.

И вотъ на эту прусскую идиллію налетѣла буря міровой исторіи. Рядъ неурожаевъ и большой торговый кризисъ 1847 г.

вызвали конвульсивныя потрясенія во всей Европѣ. Гнилые устои сразу рухнули. Парижскіе рабочіе разбили тронъ Луи-Филиппа, а въ метрополіи міровото рынка мощно поднялъ голову чартизмъ. Впервые современный рабочій классъ выступилъ въ буржуазной революціи съ самостоятельными требованіями; во временномъ правительствѣ французской республики сидѣлъ настоящій рабочій. То не былъ 30-ый годъ, когда сверкнула молнія, то была гроза 48-го года—такъ воспѣлъ Фрейлигратъ прогрессъ февральской революціи по сравненію съ іюльской. Гроза пронеслась черезъ всю Европу вплоть до русской границы; на возстаніе западно-европейскаго пролетаріата отозвались героической борьбой за независимость порабощенные народы, ирландцы и поляки, итальянцы и венгерцы.

Въ Германіи революціонный западный вѣтеръ первымъ же порывомъ снесъ массу стараго хлама. Во всѣхъ малыхъ и среднихъ государствахъ зашатались троны. Обладатели послѣднихъ поспѣшили укрѣпить ихъ каріатидами изъ либеральныхъ мартовскихъ министровъ, сдѣлавъ при этомъ пріятное открытіе, что съ этими бравыми людьми собственно еще легче править, чѣмъ съ тугими на ухо бюрократами и упрямыми юнкерами. Ихъ общій жандармъ, союзный сеймъ, также капитулировалъ уже въ первые мартовскіе дни и поднялъ, какъ офиціальный стягъ Германіи, черно-красно-золотой флагъ, тотъ самый флагъ, который онъ такъ часто поносилъ и подвергалъ опалѣ, изъ-за котораго онъ погубилъ сотни и тысячи цвѣтущихъ человѣческихъ жизней. Но это его не спасло, и онъ тѣмъ скорѣе палъ подъ тяжестью всеобщаго презрѣнія. 5-го марта 51 преимущественно южногерманскихъ либераловъ (между ними было лишь 4 рейнскихъ пруссака и 1 австріецъ) приняли въ Гейдельбергѣ рѣшеніе созвать во Франкфуртъ на М. изъ всѣхъ частей Германіи людей, пользующихся общественнымъ довѣріемъ, дабы они „предложили отечеству и правительствамъ свое содѣйствіе“ для возможно скорѣйшаго созыва германскаго парламента.

Но все это имѣло политическую цѣнность лишь въ воздушномъ царствѣ грезъ. Рѣшеніе зависѣло отъ Вѣны и еще больше отъ Берлина. Пока австрійская монархія была парализована у себя дома національными революціями, всеобщей распрей ея разнообразныхъ національныхъ элементовъ, до тѣхъ поръ прусское государство со всѣми своими учрежденіями и традиціями, со своимъ абсолютизмомъ и феодализмомъ, своей арміей и своей

бюрократіей было единственнымъ серьезнымъ внутреннимъ противникомъ нѣмецкой революціи. Притомъ Пруссія стояла во главѣ германскаго таможеннаго союза, и какъ ни ненавистна была въ Германіи прусская смирительная рубашка, все же нѣмецкая буржуазія привыкла со времени безпокойныхъ движеній пролетаріата видѣть въ Пруссіи орудіе германскаго единства, въ которомъ она съ теченіемъ времени все больше нуждалась. Съ тѣхъ поръ какъ кулакъ французскаго рабочаго покончилъ съ буржуазной монархіей, медленный, но вѣрный методъ соединеннаго ландтага сталъ уже невозможенъ. По сравненію съ нимъ побѣдоносная революція въ Пруссіи являлась гораздо болѣе быстрымъ процессомъ, но она могла, конечно, смотря по обстоятельствамъ, снести также однимъ ударомъ все либеральное мартовское великолѣпіе среднихъ и мелкихъ государствъ.

Между тѣмъ до-мартовская Пруссія и не думала о томъ, чтобы пойти хотя бы на такія скромныя уступки, которыя удовлетворили бы буржуазію. Она полагалась на свое войско и другія орудія власти, а бюргерскій классъ столицы—молодая еще буржуазія и шумливое, но пугающееся энергичныхъ дѣйствій мѣщанство — отнюдь не внушалъ ей страха. Первыя выступленія этого класса въ мартѣ были продиктованы больше страхомъ передъ пролетаріатомъ, чѣмъ любовью къ свободѣ. Такой характеръ имѣли, напр., умиротворительная статья въ „Фоссовой Газетѣ" отъ 7 марта, гдѣ настойчиво доказывалось рабочимъ, что французская революція не должна поколебать ихъ въ убѣжденіи, что имъ лучше всего живется при капиталистическомъ строѣ, затѣмъ—рѣшеніе городского магистрата отъ 9 марта о необходимости дѣлать нѣсколько больше, чѣмъ до сихъ поръ, для рабочихъ классовъ и, въ частности, путемъ сбора пожертвованій среди состоятельныхъ гражданъ добыть средства для выполненія общеполезныхъ работъ. Въ тотъ же день послѣ безконечно долгихъ приготовленій было открыто городское бюро для прiисканія занятій, гдѣ немедленно записалось отъ 6 до 7 тысячъ безработныхъ, изъ которыхъ только одному удалось доставить работу.

Корона думала успокоить буржуазную оппозицію тѣмъ, что гарантировала соединенному ландтагу періодическій созывъ и созвала его на 27 апрѣля; сверхъ того, она обѣщала ходатайствовать передъ союзнымъ сеймомъ о свободѣ печати и гарантіяхъ, а передъ Меттернихомъ—о германскомъ единствѣ. Эти удивительныя обѣщанія дѣйствительно вызвали величайшій восторгъ у бер-

линскаго филистера: его лейбъ-органъ, „Фоссова Газета", и его признанныя власти, городскіе гласные, какъ „друзья разумнаго прогресса", задрожали отъ „радостнаго чувства благодарности" за такія великолѣпныя уступки. Берлинскій пролетаріатъ нельзя было, конечно, такъ легко удовлетворить. При всей недостаточности своего развитія и зрѣлости какъ класса, онъ все же былъ движущей силой при устройствѣ большихъ народныхъ собраній, происходившихъ передъ воротами города, гдѣ наряду со свободой печати, свободой собраній и прочими видами гражданской свободы требовали уже гарантіи работы и министерства труда.

Корона вообразила себѣ на свое несчастье, что и съ этой оппозиціей она можетъ тотчасъ же справиться. Допустивъ первыя собранія, она затѣмъ стала разгонять ихъ вооруженной силой, рубить и разстрѣливать возвращавшіяся домой массы и вообще наводнила улицы города войскомъ. Передъ этимъ принцъ Прусскій держалъ въ казармахъ зажигательныя рѣчи къ гвардіи, и жажда крови такъ быстро разгорѣлась въ ней, что въ концѣ-концовъ она стала рубить самыхъ безобидныхъ людей, показывавшихся на улицахъ. Эти избіенія повторились 13, 14, 15 и 16 марта. Сначала буржуазный классъ смотрѣлъ на нихъ равнодушно и даже запиралъ двери своихъ домовъ передъ спасающимися жертвами солдатской ярости; но когда и „самые спокойные граждане" начали получать сабельные удары, тогда и въ его средѣ стало обнаруживаться мятежное настроеніе.

На эту возраставшую массу горючаго матеріала словно искра упало извѣстіе о томъ, что населеніе Вѣны низвергло 13 марта систему Меттерниха и прогнало ея носителя. Тутъ-то правительство почувствовало, наконецъ, что дѣло приняло очень серьезный оборотъ, и въ этомъ сознаніи его еще больше укрѣпила многочисленая депутація, которая съ рейнскимъ оберъ-президентомъ во главѣ прибыла изъ Кельна. Депутація довольно прозрачно намекнула королю, что если онъ немедленно не рѣшится на реформы, то долженъ быть готовъ къ отпаденію рейнскихъ областей. Правительство поспѣшило выпустить два манифеста, изъ которыхъ одинъ былъ помѣченъ 17-мъ, а другой—18-мъ марта. Первый обѣщалъ свободу печати съ денежными залогами, второй—созывъ соединеннаго ландтага ко 2-му апрѣля, съ широкой программой, предусматривавшей нѣмецкое союзное государство подъ прусской гегемоніей и конституціонный строй для Пруссіи. Подписаны оба

манифеста были до-мартовскимъ министерствомъ, со всѣми его ненавистными именами.

Между тѣмъ вѣнская революція вызвала въ берлинскомъ населеніи чувство глубокаго стыда. Было слишкомъ горько, что „городъ ума", который въ высокопарныхъ рѣчахъ превозносилъ себя не хуже, чѣмъ купецъ свой товаръ, стоитъ по уровню своего политическаго пониманія и энергіи ниже презрѣннаго города феаковъ на берегу Дуная. Какъ разъ самые мирные элементы, „граждане охраны", назначенные за два дня до того городскимъ управленіемъ, чтобы призвать къ порядку „нарушителей общественнаго спокойствія", рѣшили устроить 18 марта въ полдень массовую мирную демонстрацію передъ дворцомъ, чтобы потребовать отъ короля удаленія военной силы, организаціи гражданской гвардіи, дарованія безусловной свободы печати и скораго созыва соединеннаго ландтага. Изъ этихъ пунктовъ четвертый былъ цѣликомъ обѣщанъ манифестами короля, а третій — на половину. Второе требованіе имѣло своей цѣлью—такъ, по крайней мѣрѣ, думало преобладающее большинство его иниціаторовъ—не вооруженіе народа противъ войска, а лишь образованіе изъ гражданъ добровольной жандармеріи противъ бунтовщиковъ, чтобы такимъ путемъ сдѣлать возможнымъ исполненіе перваго требованія—перваго не только по порядку, но и по смыслу: удаленія военной силы. Вотъ къ чему сводилась въ сущности цѣль предполагаемой манифестаціи. Къ счастью, бойней, устроенной съ помощью военной силы, и своей претензіей, чтобы населеніе, какъ безвольное стадо барановъ, позволяло рѣзать себя, если того пожелаетъ султанскій капризъ, до-мартовскій деспотизмъ сумѣлъ положить конецъ безконечному терпѣнію до-мартовскихъ подданныхъ.

Какъ извѣстно, въ этомъ пунктѣ возгорѣлась революція. Народныя массы, собравшіяся къ 12 часамъ 18 марта на дворцовой площади, одобрительно отнеслись, правда, къ объявленію королевскихъ манифестовъ, но король-романтикъ и его бюрократически-феодальное министерство слишкомъ часто дурачили ихъ своими пышными рѣчами, чтобы онѣ дали обмануть себя въ главномъ пунктѣ всего положенія. Когда министръ юстиціи Савиньи, извѣстный глава исторической школы права, сталъ у одного изъ входовъ дворца растолковывать напиравшей толпѣ, что король далъ гораздо больше, чѣмъ требовали, то одинъ рабочій сказалъ ему:- „Старина, ты этого не понимаешь, ничего не дали",—отвѣтъ, заключавшій въ себѣ больше историческаго смысла, чѣмъ когда-либо

сумѣла выставить вся историческая школа. Крики объ отозваніи войскъ становились все громче и громче, несмотря на всѣ попытки короля успокоить толпу съ балкона; они превратились въ бурю, когда изъ манежа появился эскадронъ драгунъ, а изъ самого дворца показалась рота пѣхотныхъ солдатъ, чтобы очистить площадь. Два выстрѣла, раздавшіеся затѣмъ изъ рядовъ пѣхоты, послужили сигналомъ къ уличной борьбѣ.

Скучный споръ о томъ, были ли это случайные выстрѣлы или нѣтъ, далъ ли принцъ Прусскій приказаніе войскамъ двинуться или нѣтъ, и все относящееся сюда имѣетъ совершенно второстепенное значеніе. Возможно, что въ разряженіи двухъ ружей игралъ роль случай, возможно, что принцъ Прусскій, котораго всѣ считали иниціаторомъ нападенія войскъ и который своими зажигательными рѣчами въ казармахъ въ большой степени заслужилъ такое подозрѣніе, случайно въ этотъ часъ не велъ никакой реакціонной интриги: вооруженное столкновеніе было неизбѣжно, разъ удаленіе войскъ стало жгучимъ практическимъ вопросомъ, въ которомъ ни одна изъ спорящихъ сторонъ не могла или не желала уступать. Если бы оно не послѣдовало при этихъ случайныхъ обстоятельствахъ, то оно произошло бы при другихъ случайныхъ обстоятельствахъ.

Такимъ же празднымъ является вопросъ о томъ, кто побѣдилъ въ этой тридцатичасовой борьбѣ. Побѣдить въ войнѣ значитъ: навязать свою волю противнику вопреки его желанію, и не понятно, почему эта простая логика, которую каждому прусскому ребенку излагаютъ въ школѣ по поводу сраженій стараго Блюхера или стараго Фрица, не должна имѣть примѣненія къ борьбѣ между короной и народомъ. Утромъ 19 марта корона удалила войска изъ города, отъ чего она упорно отказывалась 18 марта днемъ, несмотря на угрожавшую опасность уличной борьбы. Если же говорятъ,—какъ это уже говорилось безчисленное множество разъ благонамѣренными историками,—что приказаніе отступить было дано войскамъ безъ настоятельной необходимости и понынѣ неизвѣстно какимъ образомъ, то нужно замѣтить слѣдующее: не однажды, а трижды разбита та главная квартира, рѣшающіе приказы которой отдаются неизвѣстно кѣмъ и неизвѣстно почему. Въ дѣйствительности старая Пруссія безвозвратно рухнула въ ночь съ 18 на 19 марта подъ тяжестью своихъ грѣховъ, которую привелъ въ движеніе энергичный толчокъ революціи.

Уличная борьба велась фанатизированными солдатами съ жестокостью, вырвавшей у весьма патріотическихъ ветерановъ освободительныхъ войнъ скорбный крикъ, что она составляетъ позоръ для прусской арміи. Напротивъ, молодежь и взрослые сражались на баррикадахъ съ веселой и храброй выдержкой, съ добродушной человѣчностью, которую потверждаютъ всѣ безпристрастные свидѣтели, а подчасъ признаетъ безсознательно и тотъ или иной повѣствователь изъ военныхъ. Несмотря на свое недостаточное вооруженіе, они сумѣли въ теченіе ночи настолько ослабить тѣ 14.000 солдатъ и 36 пушекъ, съ которыми имъ пришлось имѣть дѣло, что около 5 часовъ утра военачальники приказали совершенно измученнымъ войскамъ прекратить борьбу. Борцы же на баррикадахъ черпали все новыя и новыя силы въ симпатіяхъ населенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что весенняя буря этой мартовской ночи выбила главную массу мѣщанства изъ узкихъ рамокъ его прекраснодушнаго міросозерцанія.

Главная тяжесть борьбы легла, однако, на пролетаріатъ. Между 183 убитыми лицами гражданскаго званія, торжественно преданными землѣ 22 марта, былъ одинъ референдарій и два студента, изъ которыхъ одинъ не принималъ даже участія въ борьбѣ, а былъ просто убитъ кровожадными солдатами. Масса убитыхъ состояла изъ ремесленниковъ (среди нихъ лишь немногіе помѣчены въ спискахъ мастерами, большинство же — подмастерьями), изъ рабочихъ, механиковъ, приказчиковъ, учениковъ. Ясно, что и тѣ 33 трупа, которые не могли быть опознаны, принадлежали исключительно къ рабочему классу. Къ этимъ неопознаннымъ трупамъ реакція пріурочила впослѣдствіи свою злобную клевету, будто борцы 18 марта состояли изъ иностранныхъ эмиссаровъ, бродягъ и преступниковъ. Доказать это ей не удалось ни въ одномъ случаѣ: несмотря на всѣ свои горячія усилія, она не въ состояніи была открыть среди 700 плѣнныхъ ни одного эмиссара, бродягу или преступника или хотя бы человѣка, „наказаннаго въ уголовномъ порядкѣ“, хотя въ до-мартовскомъ Берлинѣ даже куреніе на улицѣ влекло за собой „наказаніе въ уголовномъ порядкѣ“. „Часто утверждали, что въ числѣ павшихъ было нѣсколько десятковъ лицъ, отбывшихъ наказаніе за воровство. Тайныхъ совѣтниковъ среди нихъ, конечно, не было. Но если бы упомянутое утвержденіе и было истинно, то такая смерть уравняла бы этихъ людей съ честными“. Такъ кратко и мѣтко даетъ отпоръ этой наглой клеветѣ Гнейстъ, самъ прусскій тайный совѣтникъ.

Вмѣстѣ съ войсками покинулъ столицу и принцъ Прусскій; переодѣтый, онъ бѣжалъ въ Лондонъ, переживъ въ пути далеко не героическія приключенія. Кромѣ того, Берлинъ покинули и самые ненавистные изъ старыхъ министровъ и масса боязливыхъ людей изъ верхнихъ десяти тысячъ. Король поручилъ образованіе новаго министерства графу Арниму, крупному землевладѣльцу, любившему полиберальничать при случаѣ, но никто не былъ въ состояніи твердо взять въ руки волочившіяся бразды правленія. Въ дворцовыхъ покояхъ господствовало безграничное смятеніе, во дворѣ толкалась все возраставшая толпа. Въ этотъ моментъ, гонимые однимъ общимъ стихійнымъ чувствомъ, стали стекаться черезъ дворцовыя ворота изъ всѣхъ частей города защитники баррикадъ. Съ побѣдоноснымъ оружіемъ въ рукахъ, съ горящими еще отъ борьбы лицами они несли на плечахъ носилки съ трупами павшихъ братьевъ: раны ихъ зіяли, а окровавленныя головы были заботами женскихъ рукъ обвиты иммортелями и лавровыми листьями. Безмолвно приняла ихъ толпа, только губы задрожали и потекли слезы; во дворѣ замка отдавались громко лишь твердые шаги носильщиковъ и время отъ времени выкрикиваемыя имена павшихъ: „Отецъ пяти малолѣтнихъ дѣтей"; „Убитъ картечью на баррикадѣ у кельнской ратуши"; „Безжалостно заколотъ, послѣ того какъ сдался"; „Пятнадцати лѣтъ отъ роду, убитъ пулей около меня, мой единственный сынъ". И надъ Гогенцоллерномъ разразился такой судъ, какого не пришлось пережить на ступеняхъ эшафота ни одному Стюарту и ни одному Капету,—судъ, потрясающая сила котораго увѣковѣчена въ безсмертныхъ стихахъ Фрейлиграта:

So wars! Die Kugel in der Brust, die Stirne breit gespalten,
So habt ihr uns auf schwankem Brett auf zum Altan gehalten!
„Herunter!"—und er kam gewankt—gewankt an unser Bette;
„Hut ab!"—er zog—er neigte sich! (so kam zur Marionette,
Der erst ein Komödiante war!)—bleich stand er und beklommen!
Das Heer indess verliess die Stadt, die sterbend wir genommen!
Dann „Jesus meine Zuversicht!", wie ihrs in Buch könnt'lesen;
Ein „Eisen meine Zuversicht!" wär' passlicher gewesen! *)

---

*) Такъ было! Съ свинцомъ въ груди, съ зіяющей раной на лбу мы на колеблющихся носилкахъ были подняты вами къ балкону! „Внизъ!"—и онъ дрожа спустился — дрожа сошелъ къ нашему ложу; „Шляпу долой!"—онъ снялъ—онъ поклонился (такъ сталъ маріонеткой тотъ, кто до того комедіантомъ былъ!)—блѣдный и растерянный стоялъ онъ, а войско между тѣмъ поки-

Легкій упрекъ, который мертвые дѣлаютъ въ этомъ стихотвореніи оставшимся въ живыхъ, съ тѣхъ поръ не разъ дѣлался побѣдоноснымъ борцамъ баррикадъ. Зачѣмъ было вонзать въ сердце короля жало вѣчно памятнаго униженія, вмѣсто того, чтобы съ хладнокровною рѣшимостью уничтожить тронъ? Этотъ упрекъ такъ же справедливъ или такъ же несправедливъ, какъ если бы штурмовавшихъ Бастилію захотѣли упрекать за то, что они не провозгласили немедленно республики. Въ великодушномъ порывѣ пролетаріатъ разбилъ постыдное ярмо, кровью одного дня смылъ позоръ десятилѣтій, провелъ историческую грань, черезъ которую не могла уже вернуться назадъ никакая земная сила. Правда, онъ могъ бы на мгновеніе опрокинуть тронъ, но онъ не могъ вступить во власть, для которой былъ далеко еще недостаточно развитъ и зрѣлъ; онъ не могъ разрѣшить задачи, основные элементы которой лишь смутно нащупывалъ. Онъ не позабылъ того, что „мечъ—упованіе мое“, ибо шествіе съ убитыми ко дворцу было не только искупленіемъ, къ которому народное правосудіе принудило виновнаго короля: оно увѣнчало дѣло 18-го марта, вырвавъ у короля согласіе на вооруженіе народа. Пролетаріатъ могъ только очистить почву для буржуазіи, для того класса, который по состоянію историческаго развитія былъ ближайшимъ образомъ призванъ къ тому, чтобы взять въ свои руки власть. На буржуазіи лежала обязанность покончить съ абсолютизмомъ и феодализмомъ, отъ нея зависѣло увѣнчать или предать геройское дѣло 18 марта.

Она предала это дѣло, и ея нечистая совѣсть дала запустѣть кладбищу, на которомъ похоронены павшіе народные борцы. Ржавчина изъѣла надписи и цифры на крестахъ, а завалившіяся могилы поросли травой. Но наступилъ день, когда проснувшееся классовое сознаніе пролетаріата поняло историческое значеніе мартовской революціи и освятило снова могилы Фридрихсгайна. Къ его покойникамъ примѣнимы слова, сказанныя впослѣдствіи Марксомъ о мученикахъ другого 18 марта: имена ихъ благоговѣйно хранятся въ великомъ сердцѣ рабочаго класса.

нуло городъ, который мы взяли умирая! А тамъ „Христосъ упованіе мое!“, которое вы можете прочесть въ книгѣ церковныхъ гимновъ, когда умѣстнѣе было бы „Мечъ мое упованіе!“

2. Предательство буржуазіи.

На берлинскихъ баррикадахъ нѣмецкая революція обрѣла твердую почву подъ ногами. Она бурно понеслась по странѣ, вырывая корни феодальнаго общества. Поднялось крестьянство, чтобы отомстить за свои невыразимыя страданія. Въ южной Германіи, въ Оденвальдѣ, въ Шварцвальдѣ, изъ стараго пепелища крестьянскихъ войнъ вспыхнуло новое пламя; управляющіе дворянъ и медіатизированныхъ князей были прогнаны, поземельныя и оброчныя книги были уничтожены, замки землевладѣльцевъ разрушены. Въ королевствѣ Саксонія сдѣлались жертвой огня нѣсколько феодальныхъ замковъ. Сильнѣе всего крестьянское движеніе разыгралось въ той части Пруссіи, которая лежитъ къ востоку отъ Эльбы, особенно въ Силезіи. Крестьяне шли въ помѣщичьи усадьбы и заставляли своихъ мучителей выдавать акты, въ которыхъ послѣдніе отказывались отъ всѣхъ крѣпостныхъ оброковъ и барщинныхъ повинностей. Феодальная партія, единственная организованная партія въ Пруссіи, была уничтожена безчисленнымъ множествомъ крестьянскихъ бунтовъ, а вмѣстѣ съ ней рухнула и послѣдняя опора до-мартовскаго государства.

Между тѣмъ въ самомъ Берлинѣ рѣзко выступилъ антагонизмъ между буржуазнымъ и пролетарскимъ классомъ. Едва только улетучился энтузіазмъ мартовской ночи, какъ буржуа стали призывать къ „заключенію революціи", къ спокойствію во что бы то ни стало. Въ рукахъ буржуазнаго класса находились городскія должности, и онъ использовалъ ихъ, чтобы захватить тѣ 25.000 ружей, которыя были выданы изъ цейхгаузовъ арміи для гражданскаго ополченія. Онъ поставилъ условіемъ вступленія въ гражданское ополченіе постоянное жительство въ Берлинѣ, личную гарантію возврата ввѣреннаго оружія и хозяйственную самостоятельность,—правила, примѣнявшіяся самымъ широкимъ образомъ, чтобы исключить пролетаріатъ изъ народнаго ополченія. На слѣдующій же день послѣ побѣды у побѣдителей была обманомъ отнята награда за ихъ борьбу.

Новое гражданское ополченіе тотчасъ же стало вести себя какъ полицейская команда, способная вызвать нѣкоторую тоску по до-мартовской жандармеріи. Оно яростно неистовствовало за святость собственности и противъ „смутьяновъ". Между тѣмъ такъ называемыя безчинства мартовской борьбы ограничились разгромомъ квартиры одного отставного офицера и лавки одного

перчаточника за предательскую выдачу баррикадныхъ борцовъ войскамъ. Такая же судьба грозила дворцу принца Прусскаго, но она была предотвращена тѣмъ, что одинъ изъ народныхъ вождей имѣлъ присутствіе духа объявить его собственностью націи. Въ прочихъ отношеніяхъ въ мартовскую недѣлю проявилась, какъ то часто уже бывало, облагораживающая сила революціи: число обыкновенныхъ преступленій, въ особенности преступленій противъ собственности, уменьшилось. Довольно характерно, что министръ полиціи фонъ-Бодельшвингъ уже въ дни, непосредственно предшествовавшіе 18-му марта, когда онъ еще „оспаривалъ политическую опасность народной массы",—что уже тогда онъ „счелъ грознымъ симптомомъ уменьшеніе преступленій противъ собственности". Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ 18 марта президентъ берлинской полиціи заявилъ публично, что „въ общемъ поведеніе подмастерьевъ и рабочихъ до сихъ поръ справедливо заслуживаетъ оффиціальнаго одобренія", а черезъ три недѣли послѣ добытой, наконецъ, свободы печати прокуроръ берлинскаго суда также принужденъ былъ, въ отвѣтъ на безчисленные доносы бравыхъ буржуа на „злоупотребленія печати", заявить публично: „Кто желаетъ свободы печати, тотъ долженъ умѣть также переносить и злоупотребленія ею; впрочемъ, новизна дѣла заставляетъ безспорно преувеличивать размѣры опасности". Несмотря на это, гражданское ополченіе продолжало шумѣть объ опасности, которая угрожаетъ собственности; „все спокойно въ городѣ, кромѣ гражданскаго ополченія", докладывалъ однажды ночью начальникъ патруля, которому опротивѣло поведеніе его товарищей. Ничто не характеризуетъ въ такой степени духа этого браваго войска, какъ рядъ выбранныхъ имъ самимъ начальниковъ: первымъ былъ президентъ полиціи фонъ-Минутоли, за нимъ слѣдовалъ комендантъ города фонъ-Ашовъ, затѣмъ архи-реакціонный майоръ Блессонъ и, наконецъ, когда этихъ героевъ изъ буржуа сталъ одолѣватъ страхъ передъ собственнымъ всемогуществомъ, филистеръ Римплеръ, плоть отъ плоти и кость отъ кости ихъ, заячья душа передъ лицомъ вооруженной реакціи и левъ рыкающій передъ безоружнымъ пролетаріатомъ.

Къ 23-му марта скандалъ принялъ такіе размѣры, что единственная политическая газета Берлина, приблизительно за годъ до того возникшая „*Zeitungshalle*", выступила со статьей противъ проповѣдниковъ спокойствія. Она совершенно правильно замѣтила, что если буржуа въ первый же день послѣ революціи всѣми силами тянутъ назадъ, то къ такому самоубійству ихъ гонитъ страхъ передъ

рабочими. Правда, продолжала она, между буржуазнымъ и рабочимъ классомъ существуетъ пропасть, но, чтобы перекинуть мостъ черезъ нее, буржуазія должна итти не назадъ, а впередъ. Возмущенные господа изъ гражданскаго ополченія чуть-чуть не предали редактора „*Zeitungshalle*" суду Линча за эту столь же спокойную, сколько разумную статью. Демократическіе друзья его кинулись къ нему въ домъ, чтобы заявить о разрывѣ съ нимъ, а биржа торжественно объявила „мерзавцемъ" всякаго, кто не будетъ содѣйствовать отнятію у его газеты подписчиковъ и объявленій.

Достойнымъ гражданскаго ополченія оказался, конечно, магистратъ. Въ своихъ заявленіяхъ онъ упорно повторялъ завѣдомо невѣрное утвержденіе, что политическое движеніе массъ направлено противъ собственности буржуазныхъ классовъ, и уже 21 марта онъ путемъ тайныхъ махинацій вошелъ съ короной въ соглашеніе, чтобы вернуть обратно только-что прогнанные изъ города гвардейскіе полки. Чтобы пустить народу въ глаза надлежащую пыль, напечатанная прокламація магистрата гласила: „его величество приказалъ, чтобы до вступленія въ городъ войска присягнули на вѣрность германской конституціи", т.-е. конституціи, которой совсѣмъ не существовало. Однако въ послѣднюю минуту не хватило мужества выполнить этотъ недурной планъ, и прокламація пошла въ корзину. Зато коронѣ былъ поданъ адресъ, покрытый 14.000 подписей, въ которомъ ее просили вернуть, если не прогнанныя войска, то „дружественные бюргерамъ полки". Одинъ весьма подозрительный демагогъ, ветеринарный врачъ Урбанъ, много поработалъ въ пользу этого дѣла, и большинство гражданскаго ополченія тоже высказалось за него. При всемъ щеголяніи пестрыми шнурами и погонами, въ которомъ они превосходили даже усатыхъ гвардейскихъ поручиковъ, безопасность все-таки оставалась безопасностью: священная собственность лучше защищалась настоящими солдатами, чѣмъ волонтерскимъ геройствомъ гражданскаго ополченія. Такимъ образомъ 30 марта снова вступили въ столицу полкъ пѣхоты, полкъ кавалеріи и, кромѣ того, еще два батальона и одинъ эскадронъ.

Это было неблагопріятное предзнаменованіе для буржуазіи, какъ разъ тогда вступившей въ министерство. Она была призвана ко власти въ первую очередь, и такъ какъ въ ней самой наиболѣе развитою и зрѣлою частью была рейнская буржуазія, то Кампгаузенъ и Ганземанъ, предсѣдатели торговыхъ камеръ въ Кёльнѣ и Ахенѣ, тотчасъ получили отъ графа Арнима приглашеніе вступить

въ его министерство; они благоразумно отказались, однако, служить фигурантами подъ началомъ крупнаго землевладѣльца, который временами надѣвалъ, правда, либеральную маску, но по существу дѣла былъ проникнутъ сословно-феодальными взглядами. Объ это сопротивленіе графъ Арнимъ споткнулся, и 29 марта Кампгаузенъ былъ назначенъ министръ-президентомъ, а Ганземанъ— министромъ финансовъ. Графъ Шверинъ и Ауэрсвальдъ, два видныхъ члена оппозиціи въ соединенномъ ландтагѣ, перешли изъ стараго кабинета въ новый, одинъ—какъ министръ исповѣданій, другой — какъ министръ внутреннихъ дѣлъ; въ новый кабинетъ вошелъ также, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, Арнимъ-Гейнрихсдорфъ, бывшій до того посланникомъ въ Парижѣ.

Эти господа заслужили мѣсто въ первомъ министерствѣ буржуазіи, для которой они уже поработали энергично при графѣ Арнимѣ. По ихъ иниціативѣ былъ устроенъ 21 марта театральный выѣздъ короля по главнымъ улицамъ Берлина. Окруженный генералами и министрами, несшими черно-красно-золотыя перевязи на рукахъ, имѣя впереди себя милиціонера съ трехцвѣтнымъ знаменемъ, рядомъ съ собой полицейскаго Штибера, а позади себя ветеринарнаго врача Урбана съ изображеніемъ императорской короны, король, словно ярмарочный герольдъ, провозгласилъ передъ ратушей и университетомъ, что Пруссія должна раствориться въ Германіи, что онъ желаетъ спасти нѣмецкое единство и свободу, что онъ хочетъ стать во главѣ конституціонной Германіи. Несмотря на всю радость, которую это зрѣлище доставило берлинскимъ зѣвакамъ. фарсъ навлекъ новый позоръ на голову короля, который только что былъ подвергнутъ величайшему униженію, а теперь способенъ былъ опять находить удовольствіе въ хвастливомъ выѣздѣ. Насмѣшливое эхо изъ всей Германіи было отвѣтомъ на его торжественныя обѣщанія.

Но устроители театральнаго выѣзда прекрасно знали, чего хотѣли. Король тотчасъ же, въ письмѣ къ герцогу Аугустенбургскому, извлекъ для себя изъ него обязанность вмѣшаться въ борьбу герцогствъ Шлезвигъ-Голштинія съ Даніей. Оффиціально это дѣлалось подъ эгидой германскаго союза, для спасенія нѣмецкихъ племенъ отъ чужеземнаго владычества Даніи, тайныя же цѣли заключались въ томъ, чтобы, съ одной стороны, дать военное удовлетвореніе униженной и прогнанной изъ Берлина гвардіи, а съ другой — раздавить въ лицѣ Шлезвигъ-Голштиніи, дѣло которой было чрезвычайно популярно въ Германіи, очагъ революціи,

Еще раньше чѣмъ прусскія войска переступили границу Даніи, прусскій посланникъ фонъ-Вильденбрухъ писалъ датскому кабинету въ тайной нотѣ отъ 8 апрѣля, чтобы тотъ не принималъ слишкомъ близко къ сердцу этой войны: прусское правительство желаетъ прежде всего сохранить герцогства датскому королю; походъ предпринятъ имъ исключительно съ цѣлью воспрепятствовать пагубному вмѣшательству радикальныхъ и республиканскихъ элементовъ Германіи.

Уже въ министерство Арнима была, слѣдовательно, заложена основа контръ-революціи. Однако безъ помощи буржуазіи кабинетъ оказался слишкомъ слабымъ, чтобы противостоять жестокимъ ударамъ революціи. 22 марта депутація изъ Бреславля и Лейпцига рѣшительно вмѣшалась въ политику короны, подобно кельнской депутаціи 18 марта, пустивъ притомъ въ ходъ однородное средство: угрозу, что Силезія отпадетъ, если вмѣсто соединеннаго ландтага не будутъ гарантированы народное представительство на основѣ прямыхъ выборовъ, неприкосновенность личности, судъ присяжныхъ, особенно для политическихъ преступленій, гражданское ополченіе со свободнымъ выборомъ командировъ, несмѣняемость судей, уничтоженіе всѣхъ видовъ феодальной юстиціи и полиціи, отвѣтственность министровъ и приведеніе войска къ присягѣ на вѣрность конституціи. Графъ Арнимъ упирался руками и ногами, но депутація, имѣвшая во главѣ своей одного бывшаго полицеймейстера и состоявшая въ большинствѣ изъ городскихъ чиновниковъ, была такъ настойчива, а извѣстія изъ Силезіи былистоль тревожнаго характера, что коронѣ волей-неволей пришлось уступить.

На имя силезской депутаціи былъ немедленно опубликованъ кабинетскій указъ, гдѣ король обѣщалъ „конституціонный строй на самомъ широкомъ основаніи“ и демократическій избирательный законъ, который могъ бы создать представительство, основанное на прямыхъ выборахъ и обнимающее всѣ интересы народа. Это представительное собраніе должно было принятьокончательное рѣшеніе относительно требованій силезской депутаціи, вторично перечисленныхъ въ кабинетскомъ указѣ. Кромѣ того, король обѣщалъ привести постоянную армію къ присягѣ на вѣрность будущей конституціи и только въ одномъ пунктѣ сдѣлалъ оговорку, а именно, что новый избирательный законъ долженъ быть представленъ на заключеніе соединеннаго ландтага. Сохранить при такой программѣ графа Арнима было невозможно. Онъ сопроти-

влялся еще нѣсколько дней, но его собственные коллеги, въ особенности его однофамилецъ, вытѣснили его. Эти обуржуазившіеся аристократы не задумываясь стали подъ начало буржуазіи.

Изъ двухъ новыхъ министровъ Кампгаузенъ былъ болѣе образованнымъ, Ганземанъ болѣе рѣшительнымъ. Ганземанъ хотѣлъ безъ зазрѣнія совѣсти проводить матеріальные интересы буржуазіи, тогда какъ Кампгаузенъ не раздѣлался еще съ требованіями буржуазной идеологіи. Но на первыхъ порахъ оба были согласны въ томъ, что побѣда пролетаріата должна быть использована въ интересахъ буржуазіи. Они отказались поэтому созвать, опираясь на историческій фактъ революціи, новое народное представительство; они предпочли, напротивъ, стать на „почву права", они хотѣли сохранить „непрерывность правопорядка" и т. д. Они твердо стояли на томъ, что соединенный ландтагъ долженъ обсудить избирательный законъ и выработать основныя черты новой конституціи. Пресловутая „почва права" заключалась въ хитромъ разсчетѣ, что безчестное присвоеніе буржуазіей плодовъ революціи пріобрѣтетъ почтенный ореолъ, если оно будетъ навязано пролетаріату феодальнымъ призракомъ.

Какъ и надо было ожидать, соединенный ландтагъ оказался чистѣйшимъ призракомъ. Феодальная партія была разбита по всей линіи. Даже такой ярый феодалъ, какъ фонъ Бисмаркъ, и тотъ съ искреннимъ огорченіемъ призналъ, что никакая человѣческая сила не въ состояніи болѣе воскресить погребеннаго прошлаго, и прибавилъ съ кислосладкой миной, что онъ будетъ поддерживать министерство Кампгаузена, такъ какъ иначе нѣтъ никакой надежды на прочное установленіе „законности и порядка". Соединенный ландтагъ походилъ на гальванизированный трупъ, который не былъ уже способенъ ни на что другое, кромѣ записыванія приказаній, диктовавшихся ему буржуазіей. Въ законѣ 6 апрѣля были перечислены основанія новой конституціи: свобода печати безъ представленія денежныхъ залоговъ, судъ присяжныхъ, распространяющійся также на политическія преступленія, независимость суда и отмѣна изданнаго для него дисциплинарнаго закона, свобода союзовъ и собраній, политическая и гражданская равноправность независимо отъ вѣроисповѣданія и, какъ вѣнецъ всего— обѣщаніе, что изданіе всѣхъ законовъ, установленіе бюджета и взиманіе налоговъ должно зависѣть отъ согласія будущихъ народныхъ представителей. Къ этому законъ 8 апрѣля прибавилъ всеобщее, равное, тайное, но не прямое избирательное право для представи-

тельнаго собранія, которое должно было по соглашенію съ короной окончательно установить новое государственное устройство.

Въ этихъ законахъ можно еще очень ясно прослѣдить страхъ передъ побѣдоноснымъ пролетаріатомъ. Они являются практическимъ осадкомъ тѣхъ обѣщаній, которыя король далъ силезской депутаціи. Въ особенности было порождено страхомъ, какъ это прямо засвидѣтельствовано Родбертусомъ, то изъ новыхъ правъ народа, которое прежде всего должно было вступить въ дѣйствіе. Для положенія вещей характерно, что изъ всѣхъ членовъ соединеннаго ландтага Родбертусъ былъ, вѣроятно, единственный, который принципіально стоялъ за всеобщее избирательное право, но онъ несомнѣнно былъ единственный, фактически выступившій противъ него, такъ какъ онъ считалъ массы еще недостаточно зрѣлыми для пользованія этимъ правомъ. Но если министерство уже косвенными выборами пробило значительную брешь во всеобщемъ избирательномъ правѣ, то постановленіемъ, что будущая конституція должна быть продуктомъ соглашенія между короной и народнымъ представительствомъ, оно отодвинуло проведеніе законовъ 6 и 8 апрѣля въ область совершенно неопредѣленнаго будущаго.

„Соглашеніе“ (Vereinbarung) представляло собою буржуазную ловушку, достойную „почвы права“. Какъ выразился впослѣдствіи въ національномъ собраніи одинъ ораторъ лѣвой, это была клякса, положенная заднимъ числомъ на великое движеніе, не старое и не новое слово, даже не нѣмецкое, настоящій словесный уродъ, наподобіе пуповины привязавшійся къ новому, чтобы всосать старое. „Соглашеніемъ“ положеніе вещей было принципіально отброшено назадъ къ полудню 18 марта, побѣда народа была кассирована, корона возстановлена въ своей старой власти. Опять-таки Родбертусъ открыто поставилъ въ соединенномъ ландтагѣ вопросъ, что же будетъ, если корона и собраніе не придутъ къ соглашенію. Ганземанъ отвѣтилъ съ хладнокровной насмѣшкой: „Тогда побѣдитъ мнѣніе того, у кого будетъ больше силъ“, послѣ чего Родбертусъ съ тяжелымъ вздохомъ закончилъ: „Но мнѣ кажется, что это можетъ совершиться лишь путемъ второй революціи“. Тѣмъ не менѣе и онъ сталъ на сторону принципа соглашенія. Утопистъ въ политикѣ, какъ и въ соціальныхъ вопросахъ, онъ желалъ спасти „дѣвственное цѣломудріе Пруссіи въ правѣ“,—той самой П[illegible] сіи, оффиціальная исторія которой, начиная съ XVI столѣтія, [illegible] сплошнымъ рядомъ вѣроломныхъ нарушеній права; ради того, чтобы имѣть возможность отвергнуть „первую революцію“—революцію

народа, онъ подготовлялъ „вторую революцію", контръ-революцію короны.

Буржуазія не была бы буржуазіей, если бы она послѣ этой измѣны пролетаріату не укрѣпила своего собственнаго господства „нервомъ вещей". Министерство потребовало отъ соединеннаго ландтага кредита въ 40 милліоновъ талеровъ, изъ которыхъ 15 милліоновъ должны были пойти на вооруженіе войска, а 25 милліоновъ—на прекращеніе внутренней анархіи путемъ доставленія торговлѣ и промышленности оборотныхъ капиталовъ, въ волнахъ которыхъ могъ бы снова потонуть безработный и безпокойный пролетаріатъ. Такъ какъ передъ денежными вопросами исчезаетъ не только благодушіе монархіи, но и „правовая почва" буржуазіи, то Кампгаузенъ и Ганземанъ потребовали этого кредита отъ того самаго ландтага, который годомъ раньше объявилъ себя по ихъ настоянію некомпетентнымъ вотировать подобные кредиты, и безъ дальнихъ разговоровъ получили этотъ приличный кушъ.

Не такъ удачно сошла у нихъ третья махинація, для проведенія которой они хотѣли злоупотребить соединеннымъ ландтагомъ. Одновременно съ нимъ открылось созванное изъ Гейдельберга собраніе нотаблей во Франкфуртѣ на М., такъ называемый предварительный парламентъ, который стоялъ на революціонной почвѣ, но отнюдь не былъ проникнутъ революціоннымъ духомъ. Какъ ни была тогда незрѣла политическая мысль въ Германіи, все же съ непреодолимой силой напрашивалось сознаніе, что изъ двухъ великихъ державъ, полудюжины среднихъ и нѣсколькихъ дюжинъ мелкихъ государствъ, словомъ—изъ безпорядочнаго конгломерата почти исключительно монархическихъ государствъ можно создать единую и свободную Германію лишь въ формѣ республики. Слѣдовательно, если предварительный парламентъ желалъ сдѣлать цѣльную работу, то онъ долженъ былъ не „заключить" революцію, а объявить ее непрерывной. Но на это у нѣмецкой буржуазіи не хватило духа. Меньшинство, вербовавшееся преимущественно изъ мелкой буржуазіи южной Германіи, хотѣло, правда, нѣмецкую республику, но въ формѣ, исторически давно отжившей,—въ видѣ федераціи республиканскихъ кантоновъ по швейцарскому образцу. Главная масса буржуазіи и особенно большинство сѣверо-германской мелкой буржуазіи готовы были скорѣе поступиться единствомъ, чѣмъ монархіей. Идеаломъ ихъ была общипанная Германія. Отказываясь

отъ нѣмецкой Австріи, которую подлая политика Меттерниха уже много десятилѣтій какъ отгородила отъ остальной Германіи духовными заставами цензуры и матеріальными рогатками таможни, они стремились къ прусской наслѣдственной имперіи, которая должна была снять съ буржуазнаго класса слишкомъ тяжелыя феодальныя и партикуляристскія путы, въ прочихъ же отношеніяхъ оставить по возможности все по-старому. Никогда не испытывая недостатка въ красивыхъ фразахъ, они съ благоговѣніемъ преклонялись передъ революціей, „почтительно остановившейся передъ тронами“. Ихъ идеалъ только потому оставался еще нѣсколько прикрытымъ, что надъ прусскимъ королемъ слишкомъ сильно тяготѣло пока всеобщее презрѣніе.

Въ предварительномъ парламентѣ эти противоположныя теченія рѣзко столкнулись другъ съ другомъ, но побѣда монархическаго направленія была заранѣе обезпечена. Своими 370 голосами оно было много сильнѣе 150 республиканскихъ голосовъ. Къ тому же мѣстности, изъ которыхъ вышли защитники карликоваго республиканства, были непропорціонально сильно представлены: на 52 вюртембержцевъ, 72 баденцевъ и 84 гессенцевъ приходились только 2 австрійца и 141 пруссакъ. Предварительный парламентъ отклонилъ предложеніе объявить себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и революцію непрерывными. Наоборотъ, онъ назначилъ комитетъ изъ пятидесяти членовъ, поручивъ ему совмѣстно съ очищеннымъ союзнымъ сеймомъ созвать нѣмецкое народное представительство на основѣ всеобщаго избирательнаго права, причемъ усмотрѣнію отдѣльныхъ государствъ было предоставлено отдать предпочтеніе системѣ прямыхъ или непрямныхъ выборовъ. Правда, національное собраніе должно было одно (einzig und allein) выработать будущую конституцію Германіи, но его суверенитетъ долженъ былъ распространяться и на вопросъ о томъ, желаетъ ли оно вступать въ соглашеніе съ правительствами или нѣтъ. Къ этой двусмысленности предварительнаго парламента союзный сеймъ прибавилъ еще одну двусмысленность, созвавъ „учредительное“ національное собраніе, но поставивъ ему задачей выработку конституціи путемъ соглашенія „между нѣмецкимъ народомъ и правительствами“. Обѣ стороны топтались около теоріи соглашенія: предварительный парламентъ не отклонялъ ея безусловно, а союзный сеймъ не выставлялъ ея открыто; здѣсь также все зависѣло отъ того, кто окажется въ концѣ-концовъ сильнѣе. Въ данный моментъ предварительный парламентъ обладалъ большей

силой, и тѣмъ безсмысленнѣе было, что онъ отклонилъ предложеніе поставить позади своихъ рѣшеній вооруженную силу; суверенитетъ будущаго національнаго собранія получалъ вслѣдствіе этого болѣе чѣмъ сомнительный характеръ.

Роль, которую въ соединенномъ ландтагѣ играли прусскіе мартовскіе министры — Кампгаузенъ и Ганземанъ, въ предварительномъ парламентѣ игралъ гессенскій мартовскій министръ фонъ-Гагернъ, — Юпитеръ, какъ называла его за громовый голосъ и густыя брови преклонявшаяся передъ нимъ буржуазія, „совсѣмъ глупый парень" и „фразеръ", какъ болѣе правильно оцѣнилъ его послѣ пятиминутнаго разговора практическій юнкеръ Бисмаркъ. Сѣверо-германская мелкая буржуазія была представлена въ предварительномъ парламентѣ главнымъ образомъ Блюмомъ. Своей энергіей и ловкостью онъ нѣсколько сплачивалъ неповоротливое собраніе; въ частности, благодаря ему собраніе не разбѣжалось постыдно вслѣдствіе ложной тревоги, будто приближается вооруженная толпа народа. Однако и Блюмъ послѣ нѣкотораго сопротивленія покорился въ концѣ-концовъ рѣшеніямъ большинства. Въ сравненіи съ нимъ представители южно-германской мелкой буржуазіи, Геккеръ и Струве, отличались и большей неясностью взглядовъ и болѣе пылкимъ темпераментомъ; невыбранные въ комитетъ 50-ти въ наказаніе за свою строптивость, они подъ вліяніемъ этого устроили республиканское возстаніе въ Баденѣ, кончившееся трагикомической неудачей.

Но какъ разбавлено ни было вино предварительнаго парламента, оно на берлинскій вкусъ все еще было слишкомъ крѣпко. Прусскій король сталъ уже во главѣ конституціонной Германіи, а рейнская буржуазія отнюдь не думала отрекаться отъ своего положенія въ пользу мѣстныхъ знаменитостей Бадена или Гессена. По предложенію министерства Кампгаузена, опиравшагося на рѣшеніе, принятое союзнымъ сеймомъ еще до того, какъ собрался предварительный парламентъ, соединенный ландтагъ выбралъ прусскихъ депутатовъ въ германское національное собраніе. Но революціонное движеніе было еще слишкомъ сильно, чтобы безропотно принять этотъ вызовъ, и когда комитетъ пятидесяти заявилъ протестъ, то Кампгаузенъ счелъ благоразумнымъ отступить. Соединенный ландтагъ вынужденъ былъ уничтожить только что произведенные выборы; онъ взялъ на себя и этотъ крестъ, раньше чѣмъ навѣки сойти въ могилу.

---

3. Парламенты.

Но измѣна буржуазіи совершилась и въ другихъ отношеніяхъ не безъ сильнаго сопротивленія революціонныхъ элементовъ. Созывъ соединеннаго ландтага, непрямые выборы, пресловутое соглашеніе вызвали бурные протесты, особенно въ Берлинѣ. И тѣмъ не менѣе буржуазіи удалось захватить общество врасплохъ, ибо на ея сторонѣ было то большое преимущество, что она уже сознавала свои классовые интересы, тогда какъ въ мелкобуржуазныхъ и пролетарскихъ массахъ перекрещивались еще совершенно неясныя тенденціи.

Иначе и не могло быть. Изъ политически совершенно мертваго существованія онѣ внезапно были брошены въ революціонное движеніе. Онѣ вступили въ обладаніе неограниченной свободой печати и собраній послѣ того, какъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій не имѣли никакой возможности заниматься общественными дѣлами. Понятно, что онѣ могли только безпомощно обращаться со своимъ новымъ оружіемъ.

Мелкая буржуазія была наиболѣе сильнымъ классомъ городского населенія, но сила ея парализовалась ея разрозненностью. Она была еще полна цеховыхъ предразсудковъ и въ безчисленныхъ чиновничьихъ, военныхъ и столичныхъ городахъ зависѣла отъ двора и помѣщиковъ, отъ чиновниковъ и солдатъ, какъ отъ своихъ покупателей и заказчиковъ. Значительная часть этого класса, несмотря на все свое недовольство, была реакціонна, и когда она начинала бунтовать, ее легко было поймать на удочку первыми попавшимися реакціонными лозунгами. Даже болѣе развитые элементы мѣщанства очень трудно было сплотить въ одно цѣлое; въ раздробленной и экономически еще очень отсталой Германіи интересы, а сообразно съ этимъ и требованія этого класса мѣнялись отъ государства къ государству, даже отъ провинціи къ провинціи, а иной разъ отъ города къ городу. Но что̀ пугало и дѣлало ненадежными самыхъ храбрыхъ мелкихъ буржуа, это—сама революція, которая выравнивала не „золотое дно“ ремесла, а поле сраженія для современной классовой борьбы.

Отъ такихъ роковыхъ сюрпризовъ рабочій классъ былъ застрахованъ; однако лишь тамъ, гдѣ крупная промышленность изощрила его взоръ, онъ сознавалъ, что́ ему прежде всего нужно сдѣлать въ данный моментъ, т.-е. понималъ необходимость организоваться какъ классъ современнаго буржуазнаго общества. Другая и при-

томъ наиболѣе значительная часть пролетаріата стояла еще на самой примитивной ступени своего классоваго сознанія, только что начавшаго просыпаться, но на-половину еще объятаго сномъ. Она желала, какъ говорится въ Коммунистическомъ Манифестѣ, возстановить рухнувшее положеніе средневѣковаго рабочаго. Это было въ особенности вѣрно по отношенію къ сельскому пролетаріату. Что касается большихъ городовъ, то здѣсь неизбѣжная неясность взглядовъ у рабочихъ, ихъ неспособность разобраться въ государственно-правовыхъ хитросплетеніяхъ буржуазіи и страшно бѣдственное положеніе, въ которомъ они находились, открыли дорогу разнымъ сомнительнымъ демагогамъ, въ родѣ ветеринара Урбана, отставного поручика Гельда, кандитера Карбе и тому подобныхъ господъ. Въ Берлинѣ жестоко отомстила за себя та легкомысленная манія геніальности у „свободныхъ“, которую Марксъ горько порицалъ уже въ „*Рейнской Газетѣ*“; столичная интеллигенція безъ толку разстрѣляла свой порохъ, и теперь, когда дѣло шло о дѣйствительной борьбѣ, у нея не было и крупинки его. Тотчасъ послѣ мартовскихъ дней начались также попытки абсолютистско-феодальной реакціи поднять босяцкій пролетаріатъ; да и какъ было не использовать прекраснаго случая, который доставила ей буржуазія своими испуганными криками объ опасномъ положеніи собственности!

Сюда присоединилось то обстоятельство, что выборы въ германское и прусское собранія приковали къ себѣ всеобщій интересъ. Парламенты могли и должны были наверстать то, что было упущено въ первыя недѣли послѣ революціи. Правда, уже фактъ одновременнаго засѣданія двухъ большихъ собраній достаточно показывалъ, насколько основательно предательство буржуазіи испортило все положеніе вещей. Комитетъ пятидесяти требовалъ отъ правительствъ, чтобы они не созывали ландтаговъ своихъ государствъ до тѣхъ поръ, пока франкфуртскій парламентъ не выработаетъ германской конституціи, и это требованіе вполнѣ имѣло смыслъ при условіи, если бы нѣмецкое народное представительство пожелало взять на себя роль революціоннаго конвента. Но разъ оно оставалось въ эмпиреяхъ предварительнаго парламента и комитета пятидесяти, то послѣдняя надежда нѣмецкой революціи покоилась на прусскомъ собраніи, которое, по крайней мѣрѣ, боролось на твердой землѣ съ могущественнѣйшей короной Германіи. Въ воззваніи къ прусскимъ народнымъ представителямъ Іоганнъ Якоби требовалъ, чтобы, собравшись, они тотчасъ

назначили министрами людей, пользующихся ихъ довѣріемъ, и, снабдивъ ихъ неограниченными полномочіями, отложили свои засѣданія до того времени, когда будетъ окончено составленіе германской конституціи. Онъ патетически заявлялъ, что Германія никогда не допуститъ, чтобы судьба ея зависѣла отъ *одного* города, отъ задора дерзкихъ народныхъ массъ этого города,—какъ будто Германію не вырвалъ изъ до-мартовскаго болота именно „задоръ" берлинскаго пролетаріата, а не предварительный парламентъ и комитетъ пятидесяти, въ которыхъ засѣдалъ Якоби! Логика вещей принудила однако этого честнаго человѣка, едва затихли его громкія слова, занять свое мѣсто въ прусскомъ собраніи.

Выборы въ оба парламента происходили въ первыхъ числахъ мая, и всеобщая подача голосовъ доказала на нихъ свой здоровый естественный инстинктъ, отправивъ во Франкфуртъ, въ болѣе почетное по видимости, но фактически болѣе слабое собраніе, всю буршеншафтскую романтику, вплоть до Арндта и Яна, этихъ окаменѣлостей эпохи освободительныхъ войнъ, и всѣ до-мартовскія знаменитости ландтаговъ и университетовъ. Въ прусскій парламентъ были, напротивъ, выбраны новые люди, и отчасти очень практическіе люди: не только въ первый, но и въ послѣдній разъ сельскій пролетаріатъ былъ представленъ въ парламентѣ полусотней голосовъ. Зато въ немъ почти отсутствовали юнкеры, и въ силезскомъ помѣщичьемъ раю былъ, напр., выбранъ всего одинъ. Даже задняя Померанія, эта нѣмецкая Вандея, стала мятежной. Изъ Лауенбурга явился сельскій учитель, изъ Шлаве—безземельный крестьянинъ, изъ Рюгенвальде — секретарь суда, изъ Нейштеттина—малоземельный крестьянинъ, изъ Бельгарда—мясникъ, а изъ юнкерской твердыни Штолпа—ассесоръ Лотаръ Бухеръ, который, будучи судьей юнкеровъ, пріобрѣлъ тѣмъ не менѣе любовь и довѣріе ихъ крестьянъ.

О настоящей борьбѣ партій во время выборовъ не могло быть еще рѣчи просто потому, что партій еще не было. Даже въ самомъ Берлинѣ случалось, что изъ двухъ депутатовъ, выбранныхъ одними и тѣми же избирателями на однихъ и тѣхъ же выборахъ, одинъ садился въ новомъ собраніи на крайней правой, другой—на крайней лѣвой. „*Національная газета*" („*Nationalzeitung*")—новый органъ, который берлинская буржуазія основала для себя, потому что „*Газетная читальня*" („*Zeitungshalle*") была для нея слишкомъ еретической, а старыя филистерскія газеты слишкомъ узкими—настолько еще бродила въ потемкахъ, что говорила съ сокруше-

ніемъ объ избраніи Вальдека въ Берлинѣ, какъ объ успѣхѣ реакціонеровъ. Всеобщее избирательное право могло использовать лишь существующій матеріалъ, а тутъ у него большого выбора не было. Чтобы покончить со старымъ государствомъ, новое народное представительство нуждалось въ вышколенныхъ силахъ, и въ сущности не было уже такой близорукостью, какъ казалось на первый взглядъ, когда среди избирателей находили сочувствіе лица, принадлежавшія собственно къ правящимъ классамъ, къ должностнымъ лицамъ въ церкви, школѣ и государствѣ, особенно если они пострадали раньше отъ романтической реакціи за мнимое или дѣйствительное свободомысліе. Священники, учителя и судьи были въ большомъ числѣ представлены среди избранныхъ; къ тому же цеховая замкнутость адвокатуры создала своего рода пролетаріатъ юристовъ, изъ кадровъ котораго въ собраніе попалъ цѣлый рой недовольныхъ ассесоровъ. Точно также буржуазія большихъ городовъ, сознавая крайнюю недостаточность своего образованія, охотно выбирала въ парламентъ свою юридически образованную бюрократію.

Однако, какъ ни понятно и какъ ни неизбѣжно до извѣстной степени было преобладаніе чиновниковъ въ берлинскомъ собраніи, все же оно принесло послѣднему и тяжелый вредъ. Юридическій формализмъ не разъ сбивалъ его съ толку, духовныя лица и учителя, подвергшіеся гоненіямъ со стороны Эйхгорна, оказывались, большею частью, ненадежными соратниками, а главное—прусскіе бюрократы всегда останутся прусскими бюрократами, т.-е. людьми, у которыхъ, говоря словами одного изъ ихъ лучшихъ представителей, всѣ умственныя и моральныя ребра сломаны утонченной дрессировкой. Все это должно было въ рѣшительную минуту оказаться роковымъ.

Лишь постепенно въ прусскомъ собраніи образовались четыре фракціи, съ очень неопредѣленными границами и довольно однородными программами, но которыя можно было тѣмъ не менѣе различить по ихъ соціальной структурѣ. Многочисленная правая, обнимавшая почти половину членовъ собранія, была чисто министерской; отвергая принципіально феодализмъ со всѣми его послѣдствіями, она практически была однако готова на всевозможные компромиссы съ короной и юнкерами. Во главѣ ея стояли рейнскій юристъ Рейхеншпергеръ, силезскій фабрикантъ Мильде, померанскій профессоръ Бауммтаркъ и Грабовъ, оберъ-бургомистръ города Пренцлау. Мильде былъ первымъ, Грабовъ — вторымъ президентомъ собранія.

Къ правой примыкалъ правый центръ, отличавшійся отъ нея приблизительно такъ, какъ династическая оппозиція во Франціи— отъ послушнаго большинства Гизо. Эта фракція тоже хотѣла ѣсть изъ одной миски съ короной и юнкерами, но не прочь была запустить ложку нѣсколько глубже правой. Во главѣ ея стоялъ архитекторъ и регирунгсратъ Унру, родомъ изъ восточной Пруссіи, сынъ генерала и первоначально усердный бюрократъ, пока желѣзнодорожныя постройки не втянули его въ интересы буржуазіи, столъ которой онъ нашелъ болѣе обильнымъ и вкуснымъ, чѣмъ столъ бюрократіи. Всегда готовый предать массы, онъ однако упорно торговался за цѣну своего предательства. Снѣдаемый скрытымъ тщеславіемъ, онъ разыгрывалъ роль прямодушнаго простака, для котораго общее благо составляетъ все, а собственная персона— ничто. Рядомъ съ нимъ и за нимъ стояли берлинскій городской гласный Дункеръ и штеттинскій городской синдикъ Гирке, затѣмъ ассесоръ Пилетъ изъ Стендаля, который до тѣхъ поръ занимался ликвидаціей обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами и на практикѣ научился давать юнкерамъ возможность выходить безъ убытка изъ трудныхъ положеній.

Въ лѣвомъ центрѣ сидѣли идеологи буржуазіи. Эту фракцію можно было бы сравнить съ республиканской оппозиціей при Луи-Филиппѣ, хотя она и слышать не хотѣла о республикѣ. Она защищала общіе интересы буржуазныхъ классовъ, и притомъ съ болѣе высокой принципіальной точки зрѣнія, чѣмъ это дѣлала гешефтмахерская практика правой и праваго центра. Бухеръ и Родбертусъ, вожди лѣваго центра, были, пожалуй, лучшими головами въ собраніи, но они явились изъ Помераніи, политически наиболѣе отсталой провинціи, и у нихъ не было даже признака революціонной энергіи. Они до извѣстной степени понимали смыслъ историческаго развитія, но то не было пониманіе борца среди сутолоки жизни, а пониманіе ученаго, уединившагося въ своемъ кабинетѣ. Родбертусъ никогда не говорилъ въ національномъ собраніи по соціальнымъ и экономическимъ вопросамъ, которые могли быть выяснены имъ лучше, чѣмъ кѣмъ бы то ни было изъ другихъ членовъ собранія; зато онъ съ особенной любовью топтался въ области вопроса объ единой Германіи, гдѣ его склонность къ утопіямъ могла безпрепятственно строить одинъ воздушный замокъ надъ другимъ. Рѣзче и безпощаднѣе была логика Бухера, но зато у него не было той соціальной независимости, которой пользовался Родбертусъ. Жалкія обществен-

ныя условія Германіи рѣдко мстили такъ за себя на какомъ-нибудь крупномъ дарованіи, какъ на Бухерѣ; съ дѣтства онъ вынужденъ былъ перебиваться среди тяжелыхъ матеріальныхъ условій, пока не поблекъ въ немъ „румянецъ сильной воли". Далеко уступалъ Бухеру и Родбертусу по своему образованію и широтѣ кругозора находившійся подъ ихъ вліяніемъ вотчинный судья Шульце изъ Делича въ Саксоні насквозь мелкій буржуа, онъ обладалъ зато практическимъ талантомъ. Въ послѣдніе дни собранія въ лѣвый центръ вступилъ еще по дополнительнымъ выборамъ Циглеръ, оберъ-бургомистръ Бранденбурга, остроумный и типичный представитель прусской демократіи, не осмѣливавшейся вступить въ обѣтованную землю гражданской свободы иначе, какъ опираясь на костыль стараго Фрица, человѣкъ, далеко превосходившій Шульце-Делича по практическому организаторскому таланту и въ то же время раздѣлявшій съ Бухеромъ и Родбертусомъ болѣе глубокій взглядъ на соціальные вопросы; однако, подобно Родбертусу, и онъ былъ загипнотизированъ прусской государственной идеей.

Четвертую фракцію образовала лѣвая. Ея нельзя даже сравнить съ демократическо-соціалистической партіей, во главѣ которой стояли Ледрю-Ролленъ и Луи Бланъ. Ея узкій, мелкобуржуазный характеръ лишь рѣзче выступалъ, благодаря республиканскимъ и даже коммунистическимъ убѣжденіямъ отдѣльныхъ ея членовъ. Въ своей массѣ она представляла наиболѣе радикальные элементы сѣверо-германской мелкой буржуазіи; она превосходила, правда, лѣвый центръ своей рѣшительностью, но никакъ не политическимъ кругозоромъ. Это замѣчаніе справедливо также по отношенію къ ихъ руководителямъ Іоганну Якоби и члену судебной палаты Вальдеку. Якоби мало понималъ въ классовой борьбѣ своего времени. Это былъ человѣкъ строгаго принципа, но принципа мелкобуржуазнаго, гнувшагося какъ тростникъ, когда имъ приходилось мѣрить конвульсивныя революціонныя движенія пролетаріата, и открывавшаго въ нихъ то „справедливыя требованія трудящихся классовъ", то „анархистскія дѣйствія празднолюбивой черни". Если Якоби слишкомъ цѣплялся за абстрактныя формулы, то Вальдекъ, наоборотъ, страдалъ отъ изобилія конкретныхъ точекъ зрѣнія. Поклонники Вальдека сравнивали этого уроженца Вестфаліи съ иммермановскимъ старшиной, и не совсѣмъ несправедливо. Онъ былъ въ своемъ родѣ сильной личностью, но исполненной всякаго рода фантазій. Фанатическій пруссакъ и ярый монархистъ, онъ разма-

хивалъ „мечомъ Фридриха Великаго", какъ старшина Иммермана мечомъ Карла Великаго. Въ качествѣ „вестфальскаго мужицкаго короля" онъ любилъ и понималъ крестьянина-старшину, но не крестьянина-пролетарія. Онъ относился отрицательно ко всеобщему избирательному праву, какъ соціальному оружію рабочихъ классовъ. Онъ былъ правовѣрнымъ католикомъ, былъ гордымъ бюрократомъ и считалъ себя слишкомъ „важной" персоной, чтобы говорить въ народныхъ собраніяхъ. Парламентскій мандатъ онъ обратилъ въ какое-то священство, которое отворачивалось отъ практической жизни.

Эти четыре фракціи лишь постепенно выдѣлились въ собраніи; раньше другихъ это сдѣлали лѣвая и правая, между которыми провелъ рѣзкую грань споръ о принципѣ соглашенія. Оба центра долго колебались какъ по количеству своихъ членовъ, такъ и въ своей политикѣ, склоняясь сильно къ правой, пока нараставшая контръ-революція не отбросила ихъ влѣво. Лѣвая вначалѣ насчитывала едва 40—50 членовъ, и почти такова же была численность каждаго изъ обоихъ центровъ.

Съ своей стороны министерство Кампгаузена продолжало свою предательскую политику и призвало обратно въ Берлинъ прогнаннаго народомъ принца Прусскаго, прикрываясь разными баснями о „дипломатической миссіи", которую принцу якобы поручено было выполнить въ Англіи. Въ расчетѣ защитить себя самого тѣмъ, что онъ заставитъ наслѣдника престола признать конституціонную монархію, Кампгаузенъ сталъ „щитомъ передъ династіей", но въ дѣйствительности онъ обратнымъ призваніемъ принца далъ совершенно еще безголовой контръ-революціи, если и не дѣльную, то упрямую голову. Самъ принцъ лицемѣрилъ не больше, чѣмъ то было абсолютно необходимо. Въ Кобленцѣ онъ принялъ офицерскій корпусъ дружескими словами: „я полагаюсь только на этихъ господъ"; въ національномъ собраніи, куда принцъ былъ выбранъ однимъ избирательнымъ округомъ въ Познани, онъ оффиціально призналъ, правда, новый порядокъ вещей, но такъ холодно и сдержанно, что едва ли оставалось сомнѣніе въ его желаніи возможно скорѣе устранить опять этотъ порядокъ.

Рѣзкій контрастъ съ нѣжной заботой министерства Кампгаузена о династіи составляло его пренебрежительное отношеніе къ народному представительству. Министерство ничего не сдѣлало, чтобы облегчить ему первые шаги, чтобы предотвратить неурядицу, которая необходимо должна была возникнуть, разъ собранію

изъ четырехсотъ человѣкъ приходилось оріентироваться въ непривычной для него парламентской обстановкѣ. Даже съ правой, которая господствовала на первыхъ порахъ, правительство не вступило въ болѣе тѣсныя сношенія. Оно ограничилось тѣмъ, что внесло проектъ конституціи, неудачную копію бельгійской конституціи, съ которой въ концѣ-концовъ никто не согласился.

Легче было понять, если масса берлинскаго населенія не обнаруживала большого интереса къ собранію, отъ котораго оно не ожидало многаго. Какъ на берлинскомъ, такъ и на франкфуртскомъ парламентѣ очень вредно отозвалось то обстоятельство, что они работали въ городахъ, не бывшихъ крупными центрами народной жизни. Они не имѣли подъ собой той вулканической почвы, которой являлись для англійской и французской революціи Лондонъ и Парижъ. Правда, берлинскія массы время отъ времени старались насильственными ударами вдохнуть жизнь и расчистить путь берлинскому собранію, но онѣ не были организованы, и минутныя вспышки ихъ доставили лишь насторожившейся реакціи сначала случай повести двойную игру, а затѣмъ предлогъ распустить народное представительство.

Сильнѣйшій изъ этихъ ударовъ послѣдовалъ 14 іюня, когда былъ взятъ приступомъ цейхгаузъ. Послѣ того какъ собраніе кое-какъ сорганизовалось, лѣвая внесла предложеніе, чтобы въ знакъ одобренія революціи было занесено въ протоколъ, что борцы 18 и 19 марта пріобрѣли заслуги предъ отечествомъ. Предложеніе защищалось не особенно энергично и ясно; добродушно смѣшивая вещи, Шульце-Деличъ выразилъ даже желаніе, чтобы одобрено было поведеніе баррикадныхъ борцовъ не столько *во время* борьбы, сколько *послѣ* нея, — чтó значило превратить предложеніе почти въ его противоположность. Тѣмъ лучше понимали смыслъ предложенія массы, и во время двухдневныхъ дебатовъ по его поводу онѣ въ сильнѣйшемъ возбужденіи толпились вокругъ зала засѣданій. Предложеніе было отклонено 196 голосами противъ 177. Собраніе перешло къ порядку дня, на томъ основаніи, что высокое значеніе мартовскихъ событій, на которыхъ вмѣстѣ съ согласіемъ короля зиждется современный государственно-правовой порядокъ, никѣмъ не оспаривается, и къ тому же народное представительство не призвано выносить моральныя оцѣнки, а выработать соглашеніе съ короной по вопросу о конституціи. Этимъ было признано соглашеніе, и толпа пришла въ сильнѣйшій гнѣвъ. Министръ фонъ-Арнимъ, который, покидая залъ засѣданій, счелъ

умѣстнымъ еще подразнить ее нѣсколькими презрительными фразами, принужденъ былъ поспѣшно бѣжать; вмѣстѣ съ нимъ пришлось спасаться бѣгствомъ проповѣднику Сидову, который въ качествѣ депутата такъ же рѣшительно отрекался отъ революціи, какъ онъ прославлялъ ее въ качествѣ священника во время погребенія павшихъ на баррикадахъ.

Эти акты весьма мягкаго народнаго суда правая использовала въ засѣданіи 14 іюня, чтобы объявить народное представительство въ опасности и потребовать принятія мѣръ для его защиты. Лѣвой удалось отбить атаку, но возбужденіе массъ нашло себѣ тѣмъ не менѣе выходъ во взятіи приступомъ цейхгауза. Если въ этомъ проявилось и нѣкоторое недовѣріе къ лѣвой, то черезъ нѣсколько дней выяснилось, что оно было совершенно основательно. Безъ единаго слова протеста, едва позволяя себѣ слабое шиканіе, лѣвая слушала, какъ коммиссаръ военнаго министра разсказывалъ всякій вздоръ о томъ, что банда воровъ разграбила цейхгаузъ. Возможно, что контръ-революціи уже тогда удалось примѣшать къ толпѣ, бравшей цейхгаузъ, нѣсколько провокаторовъ, и эти рыцари престола и алтаря могли, конечно, что-нибудь стянуть. По существу своему штурмъ цейхгауза былъ инстинктивно-революціоннымъ отвѣтомъ на измѣну буржуазіи, которую большинство собранія запечатлѣло своимъ отреченіемъ отъ борцовъ, дравшихся на баррикадахъ. Сначала штурмъ удался, и военный гарнизонъ цейхгауза капитулировалъ. Но раньше чѣмъ возставшая толпа успѣла вооружиться, вновь прибывшимъ войскамъ удалось прогнать ее. Гражданское ополченіе, какъ по обыкновенію, осрамило себя и въ этотъ разъ.

Тѣмъ не менѣе штурмъ цейхгауза до извѣстной степени укрѣпилъ парламентъ. Большинство членовъ правой, уже тогда задумывавшей перенести собраніе въ какой-нибудь отдаленный провинціальный городъ, подъ вліяніемъ страха не явилось на засѣданіе 15 іюня, лѣвая же провела не только резолюцію, что собраніе отказывается отъ какихъ бы то ни было мѣръ для обезпеченія его безопасности и ставитъ себя подъ защиту берлинскаго населенія, но и рѣшеніе отнестись къ правительственному проекту конституціи, какъ къ „цѣнному матеріалу“, и сдать его въ комиссію, которая должна заняться его переработкой или выработкой новаго проекта. Лѣвая и лѣвый центръ поняли, что тѣмъ или инымъ листомъ бумаги не добьешься многаго. Вальдекъ воскликнулъ: „Мы должны строить снизу; мы

должны раньше устроить общину, уничтожить печальные остатки феодальнаго государства. Если мы этого не сдѣлаемъ, то мы ничего не сдѣлали; мы пашемъ песокъ, мы строимъ въ воздухѣ". То же приблизительно говорилъ и Бухеръ: „Намъ не слѣдовало бы упускать ни одного дня, не уничтожая какого-нибудь обломка побѣжденнаго прошлаго". Родбертусъ уже раньше внесъ предложеніе, чтобы собраніе приняло, какъ органическія части конституціи, уставъ о промышленности, законы объ организаціи общинъ, о налоговой системѣ, о народномъ образованіи, о воинской повинности и т. д.

Это былъ первый энергичный натискъ, который могъ повести гораздо дальше, чѣмъ нравилось крупной буржуазіи. Она поспѣшила предупредить угрожавшую опасность предательствомъ въ квадратѣ.

---

4. Министерство Ганземана.

Министерство Кампгаузена получило отъ принца Прусскаго едва замаскированное, а отъ народнаго представительства совершенно открытое предложеніе удалиться. Но особенно нетерпѣливъ былъ Ганземанъ, которому хотѣлось поскорѣе оттѣснить своего „почтеннаго друга", все еще носившагося съ разными идеологическими угрызеніями совѣсти.

Ганземанъ былъ того мнѣнія, что пассивное сопротивленіе революціи сыграло свою роль, и отнынѣ требуется активное нападеніе на нее, что буржуазія должна превратиться изъ щита для короны въ мечъ противъ народа, что „министерство посредничества" должно уступить мѣсто „министерству дѣла", чтобы непремѣнно разоружить революцію, а, если возможно, то и контръ-революцію. Его планъ былъ столь же простъ, сколько геніаленъ. Буржуазія приноситъ народъ въ жертву коронѣ, а за это корона отдаетъ дворянство въ жертву буржуазіи. Поддержка народнаго представительства пріобрѣтается тѣмъ, что каждой изъ трехъ буржуазныхъ фракцій бросается подачка въ видѣ одного министерскаго портфеля. Ганземанъ былъ типичнѣйшимъ хитрымъ буржуа, въ духѣ конституціонной системы балансированія Луи-Филиппа, которая только что потерпѣла столь позорное банкротство; онъ и не подумалъ задать себѣ маленькій второстепенный вопросъ, не справятся ли тѣмъ легче корона и юнкерство, эти историческія силы старой Пруссіи, съ ново-испе-

ченной буржуазіей, какъ только она справится съ народными массами.

Корона по весьма понятнымъ мотивамъ предоставила Ганземану на время полную свободу дѣйствій, а собраніе тоже пошло на удочку. Ганземанъ сдѣлалъ Ауэрсвальда, перваго попавшагося изъ множества представителей этого имени, министромъ-президентомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ, самъ онъ оставилъ за собой министерство финансовъ, какъ источникъ всѣхъ милостей, посты министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи были замѣщены буржуазными бюрократами Кюлветтеромъ и Меркеромъ, министерство торговли досталось Мильде изъ правой, земледѣлія—Гирке изъ праваго центра, а просвѣщенія—Родбертусу изъ лѣваго центра. При этомъ ярко обнаружилось, какъ сильно Ганземанъ, этотъ бравый спасатель общества, былъ озабоченъ торговлей голосами, и какъ мало его занимали хотя бы только буржуазныя реформы. Практически и теоретически образованному сельскому хозяину Родбертусу было отдано министерство просвѣщенія, къ задачамъ котораго онъ никогда не проявилъ ни призванія, ни интереса, между тѣмъ какъ въ заново учрежденное министерство земледѣлія, которому предстояло вымести весь феодальный мусоръ, вступилъ городской синдикъ Гирке, съ грустью признававшійся, что онъ не въ состояніи отличить ячменя отъ овса и ржи отъ пшеницы. Только въ военное министерство не удалось проникнуть буржуазіи; здѣсь царилъ генералъ Ротъ фонъ-Шрекенштейнъ, не то какъ призракъ прошлаго, не то какъ терроръ будущаго.

26 іюня новый кабинетъ предсталъ предъ собраніемъ. Конституція „на самой широкой демократической основѣ“ была погребена вмѣстѣ съ Кампгаузеномъ. Ея мѣсто заняла конституціонная монархія „на достаточной основѣ“, двухпалатная система, недопустимость возврата къ абсолютизму и феодализму, но въ то же время недопустимость свободы, вырождающейся въ анархію, возстановленіе нарушеннаго довѣрія, укрѣпленіе кредита и, послѣ прочнаго утвержденія господства буржуазіи, въ туманномъ розовомъ отдаленіи—обширныя работы на благо всѣхъ трудящихся классовъ народа.

Идиллія эта длилась ровно два дня. 28 іюня германское національное собраніе во Франкфуртѣ, послѣ нѣсколькихъ недѣль фантазированія насчетъ своего призрачнаго суверенитета, имѣло неосторожность сдѣлать подъ вліяніемъ своего президента, благороднаго Гагерна, „смѣлый шагъ“ и назначить собственною вла-

стью безотвѣтственнаго блюстителя имперіи, взявъ этого блюстителя изъ среды государей. Избранъ былъ эрцгерцогъ Іоганнъ австрійскій, и такимъ образомъ нѣмецкое движеніе было отдано въ руки правительствъ. Пусть неизвѣстно, совершилъ ли Гагернъ это предательство непосредственно въ ихъ интересахъ, или онъ дѣйствительно вообразилъ себѣ, что Габсбургскій домъ, принявъ временную центральную власть для одного изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ, свяжетъ себѣ руки и такимъ образомъ впослѣдствіи не сможетъ запретить дому Гогенцоллерновъ принять наслѣдственную императорскую корону. Во всякомъ случаѣ онъ обманывалъ себя или другихъ, когда напыщенно утверждалъ, что, дѣлая свой „смѣлый шагъ", онъ не поступается суверенитетомъ націи.

Овцы объявили волкамъ; „Мы хотимъ выбрать васъ въ свои защитники, подъ условіемъ, что вы сами въ выборахъ участвовать не будете; въ силу своей собственной верховной власти мы желаемъ постановить, что вы вправѣ насъ сожрать". Такой „суверенитетъ націи" пришелся, конечно, весьма по душѣ правительствамъ, но они не считали больше нужнымъ скрывать отъ смѣлыхъ представителей народа, что овцы остаются овцами. Союзный сеймъ объявилъ, что уже до выбора Іоганна германскимъ національнымъ собраніемъ правительства согласились признать этого блюстителя имперіи, а въ прусскомъ собраніи министерство Ганземана, въ договоръ котораго съ короной входила также измѣна и нѣмецкому дѣлу, возвѣстило, что хотя оно и одобряетъ выборъ блюстителя имперіи, но протестуетъ заранѣе противъ того, чтобы изъ „этого экстраординарнаго случая были сдѣланы выводы для будущаго времени".

Этимъ протестомъ прусское правительство открыто оспаривало суверенитетъ германскаго парламента, и Якоби поспѣшилъ внести вотумъ порицанія министерству Ганземана. Но именно въ резолюціи Якоби ярко выступило безнадежно запутанное состояніе обще-нѣмецкихъ дѣлъ. Онъ требовалъ, чтобы прусское собраніе, высказавъ неодобреніе состоявшемуся выбору блюстителя имперіи, въ то же время признало право германскаго парламента производить избраніе безъ предварительнаго согласія правительствъ. Логически совершенно правильное, это предложеніе фактически сводилось къ тому, что германскому парламенту говорили: „Ты совершилъ, правда, большую глупость, но твоего права дѣлать такія глупости никто не смѣетъ ограничить". Послѣ очень запутанныхъ

дебатовъ резолюція Якоби была отклонена большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ пятидесяти. Тѣмъ не менѣе этотъ инцидентъ былъ скорѣе пораженіемъ, чѣмъ побѣдой министерства. Во-первыхъ, большинство руководилось весьма неодинаковыми мотивами, во-вторыхъ, Родбертусъ отказался отъ своего портфеля. Онъ по-своему честно относился къ нѣмецкому единству и не хотѣлъ убивать его изъ засады, какъ это замышляли Ганземанъ вмѣстѣ съ прусской короной и прусскимъ юнкерствомъ. Съ выходомъ въ отставку вождя лѣваго центра послѣдній сталъ подаваться въ сторону лѣвой.

Но еще основательнѣе, чѣмъ франкфуртской трагикомедіей, расцвѣтъ министерства Ганземана былъ уничтоженъ въ зародышѣ французской трагедіей. На первыхъ порахъ могло казаться, что жестокое подавленіе парижскаго пролетаріата въ страшные іюньскіе дни исполняетъ всѣ тайныя задушевныя желанія европейской буржуазіи, и Баумштаркъ имѣлъ даже наглость чествовать въ прусскомъ національномъ собраніи, какъ „одно изъ счастливѣйшихъ событій во всей Европѣ", то обстоятельство, что „этотъ вопросъ такъ блестяще похороненъ во Франціи". Фактически однако буржуазія, убивая парижскій пролетаріатъ, убивала свое собственное политическое господство. Франкфуртскій сентябрь, вѣнскій октябрь, берлинскій ноябрь были ничѣмъ инымъ, какъ отголосками парижскаго іюня.

При такихъ предзнаменованіяхъ дѣянія „министерства дѣла" свелись къ тому, чтобы опять открыть дорогу старопрусскому чиновничьему, полицейскому и военному государству. Не спрашивая собранія, Ганземанъ усилилъ столичную полицію институтомъ городовыхъ, 1600 констеблями, поспѣшившими еще превзойти до-мартовскую полицію массой незаконныхъ арестовъ, непрерывнымъ рядомъ вызывающихъ актовъ по отношенію къ мирной публикѣ на улицахъ и грубостями, жертвой которыхъ сдѣлался даже Родбертусъ, несмотря на свои спокойныя и аристократическія манеры. Когда Шульце-Деличъ жаловался на то, что эти „бабочки народной весны" хозяйничаютъ гораздо хуже, чѣмъ „старыя зимнія птицы, жандармы", то министръ внутреннихъ дѣлъ Кюлветтеръ отвѣтилъ такъ, словно 18-го марта никогда не было „Государство, желающее быть вполнѣ свободнымъ, должно имѣть въ качествѣ исполнительной власти вполнѣ хорошій полицейскій персоналъ". Напрасно Родбертусъ предлагалъ, чтобы правительство заднимъ числомъ внесло законъ о правахъ, предоставлен-

ныхъ городовымъ: правая и правый центръ провалили предложеніе. Собраніе ограничилось безплоднымъ протестомъ. По предложенію Вальдека, оно приняло законъ объ огражденіи личной свободы, на который корона выразила свое согласіе. На бумагѣ онъ выглядѣлъ очень красиво, но онъ и остался только на бумагѣ. Рука объ руку съ незаконными арестами шло возбужденіе множества процессовъ противъ печати на основаніи общаго земскаго права, а когда систематически раздражаемыя массы произвели ничтожное безчинство и разбили окна у министра-президента, то министерство внесло законъ о скопищахъ и уличныхъ безпорядкахъ, направленный къ уничтоженію свободы собраній.

„Органическіе законы", съ которыхъ началъ Ганземанъ, не выходили за предѣлы той системы, при помощи которой французская буржуазія восемнадцать лѣтъ хозяйничала при Луи-Филиппѣ, съ той разницей однако, что въ отношеніи къ коронѣ и юнкерству они не возвысились даже до того буржуазнаго сознанія своего достоинства, какое имѣется у любого парижскаго москательщика. Предложенія Ганземана о коммунальномъ устройствѣ и организаціи гражданскаго ополченія были направлены къ тому, чтобы всѣ пріобрѣтенія мартовской революціи упрочить исключительно за буржуазіей, а пролетаріатъ совершенно отстранить отъ нихъ. Типичнымъ для законодательства этого сорта является законъ о гражданскомъ ополченіи, который—послѣ паденія министерства Ганземана — дѣйствительно былъ отмѣненъ. Согласно ему, гражданское ополченіе должно было, правда, защищать „конституціонную свободу и законный порядокъ", но отдѣльные пункты, касавшіеся организаціи ополченія, превращали его на-половину въ безполезную военную игрушку, на-половину въ вооруженную полицейскую силу. Обязанность служить въ ополченіи начиналась лишь на 24-мъ году и кончалась 50-мъ годомъ жизни; подлежащіе ополченской повинности должны были вооружать себя на собственный счетъ, если же они не имѣли необходимыхъ для этого средствъ, то общины были обязаны дать имъ оружіе, но въ то же время общинамъ предоставлялось право призывать лишь двадцатую часть населенія,—чѣмъ могли быть устранены и фактически были устранены двѣ трети или даже три четверти обязанныхъ служить, и прежде всего — неимущій пролетаріатъ. Сюда надо прибавить еще массу бюрократически-мелочныхъ правилъ, изъ которыхъ одно — что корона „по важнымъ соображеніямъ, которыя должны быть подробнѣе приведены въ указѣ о распущеніи", вправѣ

распускать гражданское ополченіе отдѣльныхъ общинъ или округовъ — превращало весь законъ въ пустой листъ бумаги и ставило въ полную зависимость отъ произвола короны вооруженіе народа, завоеванное мартовской революціей. Несмотря на сказанное, противъ самоубійственнаго акта голосовали въ концѣ-концовъ только лѣвая и часть лѣваго центра.

Въ этомъ направленіи корона и юнкерство охотно предоставляли „министерству дѣла“ полную свободу. Но тѣмъ сильнѣе они воспротивились, когда бравый Ганземанъ, вѣроломно лишивъ пролетаріатъ его правъ и насильно остановивъ его движеніе, захотѣлъ въ интересахъ буржуазіи наложить руку и на феодальное общество. Этотъ трезвый дѣлецъ увлекался поэтической мечтой, когда воображалъ себѣ, что корона такъ же охотно отдастъ ему въ жертву дворянство, какъ онъ принесъ ей въ жертву народъ.

Королю пришлось весьма по душѣ, что буржуазія таскаетъ для него каштаны изъ того огня, на которомъ онъ обжегъ себѣ королевскіе пальцы, но ѣсть эти каштаны онъ хотѣлъ одинъ. Придворные опутали его легковѣрный умъ сѣтью невѣроятной лжи о происхожденіи и ходѣ мартовской революціи; въ своихъ интимныхъ письмахъ къ Бунзену король называлъ либерализмъ „спинной сухоткой“, характеризовалъ его, какъ „грѣховное безуміе, проклятое Богомъ“, а своихъ министровъ ругалъ „болванами“ и „интриганами“. А между тѣмъ Ганземанъ былъ настолько же скроменъ въ требованіяхъ, которыя онъ предъявлялъ къ абсолютизму и феодализму, насколько онъ былъ безсовѣстенъ въ своихъ насиліяхъ надъ массами. При уничтоженіи изъятій отъ общей подсудности онъ, опираясь на юридическій формализмъ собранія, сохранилъ ихъ для войска и университетовъ. На феодальныя повинности, на работу при помѣщичьемъ дворѣ, на барщину онъ даже не дерзнулъ поднять руки; точно также долженъ былъ остаться безнаказаннымъ тотъ безстыдный грабежъ, которому крестьяне въ теченіе цѣлаго поколѣнія подвергались со стороны юнкеровъ. Законопроектъ объ уничтоженіи различныхъ оброковъ и повинностей, внесенный министромъ земледѣлія Гирке, предлагалъ безвозмездно отмѣнить лишь самую ничтожную и наименѣе цѣнную для помѣщиковъ часть феодальныхъ оброковъ и повинностей. Онъ имѣлъ цѣлью причинить юнкерамъ возможно меньше боли и пустить возможно больше пыли въ глаза крестьянамъ.

Нѣсколько суровымъ Ганземанъ становился лишь въ той области, въ которой онъ вообще не признавалъ благодушія въ

области финансовъ. Здѣсь приходилось довольно-таки трудно. Доходы государства упали, расходы его возросли, государственный кредитъ былъ исчерпанъ. Ганземанъ началъ свое правленіе подъ знакомъ принудительнаго займа. Чтобы обезпечить господство буржуазіи съ финансовой стороны и по возможности урѣзать издержки на осуществленіе этого господства, онъ задумалъ произвести до извѣстной степени переворотъ во всей старопрусской финансовой системѣ. Какъ истый буржуа, онъ ненавидѣлъ всякое государственное хозяйство, домены онъ хотѣлъ разбить на мелкіе участки, государственный банкъ превратить въ частный, „морскую компанію" уничтожить, государственныя фабрики продать частнымъ предпринимателямъ, „хотя бы и съ большимъ убыткомъ"; онъ началъ съ того, что продалъ за безцѣнокъ большія прядильныя и ткацкія фабрики, основанныя морской компаніей въ силезскихъ горахъ. Онъ высказался противъ тѣхъ косвенныхъ налоговъ, которые удорожаніемъ предметовъ первой необходимости поднимали рабочую плату. Зато крупное землевладѣніе должно было расплачиваться. Ганземанъ внесъ законопроекты о повышеніи акциза на спиртъ и свекловичный сахаръ и, въ особенности, объ уничтоженіи феодальныхъ изъятій отъ поземельнаго и классснаго налога.

Ганземанъ хвалился, что этимъ онъ глубоко запустилъ ножъ „въ тѣло реакціи", и феодальные денежные мѣшки, девизъ которыхъ былъ „съ Богомъ за короля и отечество", дѣйствительно подняли страшный крикъ. Но то, что Ганземанъ потерялъ на этой сторонѣ, онъ отнюдь не пріобрѣлъ на другой. Реакціонная сторона его политики отомстила за себя въ недовѣріи массъ къ ея революціонной, такъ сказать, сторонѣ. Развѣ въ интересахъ народнаго дѣла было наполнять казну министерства, полицейская палка котораго по мѣрѣ силъ подавляла справедливыя требованія народа, или „усиливать государственную власть", торопившуюся возможно скорѣе уничтожить пріобрѣтенія мартовской революціи? Эта мысль отравляла лѣвой собранія даже радость по поводу уничтоженія изъятій отъ поземельнаго налога,—самой радикальной мѣры, какую задумалъ Ганземанъ. Къ тому же повышеніе налога на спиртъ удорожало предметъ потребленія, ставшій уже необходимымъ для народной массы, и ставило винокуровъ-буржуа изъ Рейнской провинціи въ крайне неблагопріятное положеніе при конкурренціи съ крупными землевладѣльцами Остэльбіи. При всей своей хитрости „министерство дѣла" подрубило единственный сукъ, на которомъ

оно могло сидѣть, и самодержавно-феодальная реакція поспѣшила теперь спровадить его энергичнымъ пинкомъ.

Благодаря растерянной политикѣ буржуазіи самодержавно-феодальная реакція все болѣе и болѣе оправлялась отъ весеннихъ ударовъ. Сначала она организовала войну вѣрноподданныхъ провинцій противъ мятежной столицы,—войну, которая велась съ оглушительнымъ шумомъ, но помимо этого не имѣла большого значенія. Несравненно важнѣе было то, что реакція быстро и рѣшительно стала по-своему на почву революціи. Она создала себѣ парламентъ и прессу. Союзъ „для защиты собственности" или „помѣщичій парламентъ", какъ съ вѣрнымъ инстинктомъ прозвалъ его „гласъ народа", засѣдалъ въ іюлѣ рядомъ съ берлинскимъ національнымъ собраніемъ. Съ начала того же мѣсяца стала выходить и *Крестовая Газета*, явившаяся знаменемъ, вокругъ котораго собрались разбросанные обломки феодальной партіи. Основателемъ ея былъ Германъ Вагенеръ; онъ велъ ее въ достаточно злобномъ духѣ, но во всякомъ случаѣ не глупо и не трусливо.

Крестовая Газета не тратила драгоцѣннаго времени на то, чтобы стать „щитомъ передъ династіей". Въ одномъ изъ своихъ первыхъ пробныхъ номеровъ она сразу же „самымъ рѣшительнымъ образомъ" отвергла „абсолютизмъ какого бы то ни было человѣка, какого бы то ни было государя". Она прекрасно поняла, что править на до-мартовскій ладъ больше нельзя. Она заявила, что стоитъ за конституцію и меньше всего сочувствуетъ централизаторской бюрократіи. Вагенеръ желалъ организовать крупное землевладѣніе, какъ классъ современнаго буржуазнаго общества, поскольку это, въ силу положенія вещей, стало неизбѣжной необходимостью; помѣщики должны были научиться защищать себя баррикадами на конституціонномъ театрѣ войны, чтобы не допустить подчиненія короны побѣдоносно пробивавшеюся впередъ буржуазіей. Противъ министерства Вагенеръ выступилъ съ самыми рѣзкими нападками. Онъ отдавалъ на судъ общества „конфискаціонные планы" Ганземана, которые выбрасываютъ за окно милліоны частной и государственной собственности, раздаривая ихъ притомъ не бѣднякамъ, а состоятельнымъ людямъ,—планы, имѣющіе цѣлью отнять у крупныхъ землевладѣльцевъ ихъ собственность и, такимъ образомъ, лишить корону ея вѣрноподданныхъ слугъ; онъ угрожалъ, что корона, давъ согласіе на такой грабежъ, поступила бы по отношенію къ крупнымъ землевладѣльцамъ хуже иноземнаго завоевателя. „Ганземанъ, раз-

махивая краснымъ знаменемъ, несется во главѣ революціи". Это были комически преувеличенныя фразы, но иначе, какъ этимъ грубымъ тономъ, Вагенеръ не могъ втолковать тупымъ юнкерскимъ головамъ, что настало новое время, требующее новой тактики.

Этотъ процессъ воспитанія длился довольно долго, и вполнѣ Вагенеръ никогда не достигъ своей цѣли. Между тѣмъ политика буржуазіи сдѣлала возможнымъ и болѣе сокращенный способъ дѣйствій. Какъ классъ, господствовавшій въ теченіе многихъ вѣковъ, помѣщики прекрасно знали, что въ борьбѣ классовъ рѣшающее значеніе имѣетъ организованная сила, и войско было тѣмъ крупнымъ козыремъ, съ которымъ они выступили противъ революціи. Скромнымъ стишкомъ: „Gegen Demokraten helfen nur Soldaten" („Противъ демократовъ помогаютъ лишь солдаты"), исчерпывалась ихъ программа.

Страшный крахъ государства раскрылъ глубокіе недуги и въ прусской арміи. Въ мартовскіе дни многіе генералы осрамили себя трусостью и растерянностью. Съ другой стороны, многіе младшіе офицеры присоединились къ революціи; еще при штурмѣ цейхгауза лейтенантъ Теховъ пожертвовалъ блестящей карьерой и перешелъ на сторону народа. Въ общемъ, однако, послѣ мартовскихъ дней корпоративный духъ въ войскѣ одержалъ верхъ надъ всѣми оппозиціонными движеніями еще быстрѣе, чѣмъ въ бюрократіи. Кампгаузенъ и Ганземанъ постарались возстановить до-мартовскій милитаризмъ усмиреніемъ польскихъ повстанцевъ и бряцаніемъ оружія противъ Даніи. Вмѣсто того, чтобы направить польскую революцію на смертельнаго врага—Россію, вмѣсто того, чтобы освободить Шлезвигъ-Голштинію серьезной войной, эти мудрые государственные люди предпочли предать національные интересы, лишь бы отточить мечъ, который былъ въ конечномъ счетѣ направленъ противъ ихъ собственной груди.

И вотъ, когда французское войско въ страшной уличной битвѣ одержало побѣду надъ парижскимъ пролетаріатомъ, не стало уже никакой возможности удержать юнкерскій мечъ въ ножнахъ. Вызывающее поведеніе офицеровъ возрастало съ каждымъ днемъ. Дѣло обстояло такъ, какъ обрисовалъ его Вальдекъ: „Старая военная система, съ которой порвали въ мартовскіе дни, сохранилась еще въ полнѣйшей неприкосновенности". Ганземанъ ничего противъ этого не имѣлъ, но большинство собранія, которое прежде смѣло шло за нимъ, все же испугалось, когда швейдницкій гарнизонъ, научившійся проливать кровь гражданъ во время

возстанія ткачей, устроилъ страшную кровавую баню гражданскому ополченію.

Комендантъ Швейдница по какому-то капризу запретилъ гражданскому ополченію барабанный бой и за этотъ геройскій поступокъ былъ награжденъ кошачьимъ концертомъ. Гражданское ополченіе явилось для того, чтобы разсѣять непрошенныхъ концертантовъ, но передъ домомъ коменданта было встрѣчено отрядомъ пѣхоты, который безъ всякаго повода далъ по немъ залпъ изъ 102 ружей. 14 ополченцевъ было убито, 32 ранено, притомъ большею частью тяжело. Эта кровавая баня раскрыла берлинскому собранію глаза на истинное положеніе вещей. По предложенію депутата лѣвой Штейна оно потребовало 9 августа отъ военнаго министра, чтобы тотъ приказомъ по арміи предостерегъ офицеровъ отъ всякихъ реакціонныхъ поползновеній и конфликтовъ со штатскими, рекомендовалъ имъ сближеніе съ гражданами и искреннюю, беззавѣтную работу на осуществленіе конституціоннаго правового порядка и, наконецъ, указалъ, что долгъ чести тѣхъ офицеровъ, политическія убѣжденія которыхъ не мирятся съ предыдущимъ, выйти изъ арміи. Это былъ всетаки очень робкій шагъ, и пунктъ о долгѣ чести прошелъ лишь большинствомъ одного голоса. Министерство Ганземана думало, что до поры до времени достаточно будетъ съ него, если оно не будетъ обращать вниманія на рѣшеніе собранія.

Германское національное собраніе было пробуждено прусскимъ милитаризмомъ изъ своихъ суверенныхъ мечтаній инымъ, хотя не менѣе энергичнымъ способомъ. Послѣ назначенія блюстителя имперіи оно проводило свое время въ безконечной болтовнѣ о бумажныхъ основныхъ правахъ, вторично одураченное благороднымъ Гагерномъ, который въ интимныхъ бесѣдахъ не скрывалъ, что надо во что бы то ни стало выиграть время, пока прусскій король не оправится отъ всеобщаго презрѣнія настолько, чтобы его можно было провозгласить германскимъ императоромъ. Въ промежуткѣ большинство Гагерна развлеклось внушительнымъ скандаломъ, когда одинъ изъ членовъ мѣщанско-демократическаго меньшинства нарушилъ процессъ моральнаго выздоровленія прусской короны замѣчаніемъ, что республиканецъ Геккеръ такъ же заслуживаетъ амнистіи, какъ и реакціонный принцъ Прусскій. Изъ-за этого невиннаго заявленія, безспорно не очень лестнаго для Геккера, „суверенные“ народные представители чуть-чуть не устроили торжественной драки. Но прусская корона отнюдь не была располо-

жена отблагодарить хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ за столь неумѣренную почтительность. Игнорируя имперскія власти, она 26 августа заключила въ Мальмё съ датскимъ правительствомъ перемиріе на семь мѣсяцевъ,—перемиріе, условія котораго, крайне постыдныя для Германіи, достойно увѣнчали жалкую военную кампанію Пруссіи въ Шлезвигъ-Голштиніи.

Война была начата прусской короной, чтобы доказать свое призваніе объединить Германію, чтобы выполнить постановленія германскаго союза, а преемникомъ союзнаго сейма было германское національное собраніе. Уже 9 іюня послѣднее торжественно постановило, что оно не одобритъ никакого мира, который пожертвуетъ правами герцогствъ и честью Германіи. Но въ перемиріи, заключенномъ въ Мальмё, прусская корона пожертвовала и тѣмъ и другимъ: правами герцогствъ и честью Германіи. Послѣ всѣхъ своихъ пустыхъ резолюцій и рѣчей національное собраніе должно было теперь впервые доказать на практикѣ, представляетъ ли оно дѣйствительную силу. 5 сентября оно отмѣнило мальмскій договоръ и большинствомъ 17 голосовъ рѣшило, что необходимо пріостановить мѣры для осуществленія перемирія.

Вслѣдъ за этимъ немедленно послѣдовала отставка такъ наз. имперскаго министерства,—того мнимаго кабинета блюстителя имперіи Іоганна, въ которомъ австріецъ Шмерлингъ и пруссакъ Пейкеръ, несмотря на все свое соперничество, единодушно работали надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать германскій парламентъ всеобщимъ посмѣшищемъ. Тогда блюститель имперіи согласно конституціонному шаблону поручилъ образованіе новаго министерства лидеру большинства отъ 5-го сентября Дольману. Это былъ образецъ доктринерскаго профессорскаго либерализма до-мартовской эпохи; въ своей личной неспособности къ энергичнымъ дѣйствіямъ онъ вѣрно отразилъ все безсиліе германскаго парламента. Черезъ нѣсколько дней онъ вернулъ посмѣивающемуся блюстителю имперіи свой мандатъ въ виду его невыполнимости, а 16 сентября національное собраніе кассировало свое прежнее рѣшеніе и большинствомъ 21 голоса одобрило перемиріе.

Этимъ оно само себя уничтожило, какъ морально, такъ и политически. Плоды мартовской революціи, доставшіеся ему безъ всякаго труда, оно позорно промотало; оставалось одно лишь спасеніе—новая революція. Тысячи вооруженныхъ борцовъ стеклись въ Франкфуртъ изъ окрестностей, изъ пунктовъ, отстоявшихъ отъ Франкфурта на разстояніи 50-ти часовъ ѣзды, и по-

требовали, чтобы фракціи лѣвой объявили себя конвентомъ и взяли на себя руководительство новымъ революціоннымъ движеніемъ. Но за немногими исключеніями, въ родѣ мужественнаго Шлёффеля, эти фракціи отказались дѣйствовать. Онѣ рѣшили подчиниться большинству парламента. Робертъ Блюмъ, самый вліятельный членъ ихъ, совершилъ тогда ошибку, которую два мѣсяца спустя ему пришлось искупить своей трагической смертью. Разочарованныя толпы вооруженныхъ людей покинули Франкфуртъ. Безъ той или иной поддержки со стороны выборныхъ народныхъ представителей всякое возстаніе должно было потерпѣть неудачу и могло лишь укрѣпить контръ-революцію государей. Новая революціонная попытка Струве въ Баденѣ была тотчасъ же подавлена.

Въ самомъ Франкфуртѣ вспыхнуло небольшое возстаніе, которому воскресшіе министры Пейкеръ и Шмерлингъ намѣренно дали разрастись,—если не вызвали его сами,—чтобы получить возможность призвать значительную вооруженную силу изъ союзной крѣпости Майнца и поставить, такимъ образомъ, парламентъ подъ власть штыковъ. По отношенію къ данному собранію это былъ собственно лишній трудъ. Два члена его, старый генералъ фонъ Ауэрсвальдъ и юнкерскій фанфаронъ фонъ Лихновскій, настолько забыли свое достоинство народныхъ представителей, что 18 сентября выѣхали на рекогносцировку народныхъ борцовъ и при исполненіи этой развѣдочной службы были убиты. Но еще больше забыло свое собственное достоинство само національное собраніе, когда оно 19 сентября, при отсутствіи какой бы то ни было опасности для жизни и здоровья своихъ членовъ, вотировало благодарность войскамъ за „самоотверженную службу, доказанную ими при подавленіи возстанія“; по предложенію лѣвой къ „самоотверженной службѣ“ была прибавлена еще „умѣренность“. Едва 8—10 членовъ лѣвой голосовали противъ этого самоуниженія. Отнынѣ германскій парламентъ окончательно сталъ безразличной говорильней.

Въ тѣ же сентябрскіе дни рѣшилась судьба прусскаго собранія. Оно знало, почему было заключено перемиріе въ Мальмё. Предпринятая съ контръ-революціонными цѣлями, война за Шлезвигъ-Голштинію грозила принять революціонный характеръ съ того момента, какъ Англія и Россія, державы европейской контръ-революціи и заклятые враги германскаго единства, дипломатически вмѣшались въ пользу Даніи. Корона и юнкерство не хотѣли, чтобы прусское войско оказывало „лакейскія услуги революціи“; ихъ

тайнымъ желаніемъ было направить его скорѣе противъ прусскаго собранія, какъ представителя революціи. Разъ Врангель вернулся бы съ гвардіей изъ Шлезвигъ-Голштиніи въ предѣлы Бранденбурга, то контръ-революція собрала бы свои силы для рѣшительнаго удара. Иностранныя державы были бы тогда удовлетворены, германскій парламентъ морально уничтоженъ, прусскій парламентъ окруженъ военной силой. Понятно, что берлинскимъ народнымъ представителямъ своя рубашка была ближе къ тѣлу. Они приняли перемиріе при Мальмё безъ восторга, но и безъ жалобъ по поводу попранной части Германіи. Зато они обратились снова къ своему постановленію отъ 9 августа, и Штейнъ внесъ резолюцію, гдѣ объявлялось настоятельнѣйшею обязанностью министерства немедленно издать тотъ приказъ по арміи, который былъ принятъ собраніемъ въ вышеуказанный день.

Самъ приказъ имѣлъ при этомъ лишь значеніе кулисы. Однородные приказы, запрещавшіе чиновникамъ реакціонныя интриги, были изданы въ различныхъ отрасляхъ гражданскаго управленія съ тѣмъ успѣхомъ, какой подобныя бумажныя манифестаціи обыкновенно имѣютъ противъ фактическаго соотношенія силъ. Легко понять, съ какимъ почтеніемъ отнеслись упорные грѣшники изъ реакціонныхъ чиновниковъ къ увѣщаніямъ либеральныхъ министровъ, которые ни одного изъ нихъ не посмѣли смѣстить. Корона могла—и недѣли черезъ двѣ она это сдѣлала—безъ всякаго ущерба для своихъ интересовъ отдать приказъ по арміи, который удовлетворилъ бы собраніе. Но то, что корона охотно разрѣшила министерству съ военной окраской, того она не позволила буржуазному министерству. Ганземану не дали выполнить постановленіе собранія отъ 9 августа, лисица попалась въ собственную ловушку.

Тѣмъ энергичнѣе собраніе должно было настаивать на исполненіи своей резолюціи. Разъ армія должна была остаться для него недотрогой, разъ министерство смѣло обращаться съ его рѣшеніями, какъ съ матеріаломъ для бумажной корзины, его роль была сыграна. Въ сущности дѣло снова шло о принципѣ соглашенія, какъ и въ іюнѣ, когда лѣвая предложила признать революцію. Какъ и тогда, берлинское населеніе было охвачено сильнѣйшимъ возбужденіемъ. Даже вялое гражданское ополченіе обратилось черезъ своего командира и свой штабъ къ собранію съ адресомъ, въ которомъ обѣщало поддержать рѣшенія собранія всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами.

7 сентября обсуждалось предложеніе Штейна. Ганземанъ не постѣснялся угрожать контръ-революціей, гражданской войной и кровопролитіемъ, если собраніе будетъ настаивать на своемъ постановленіи. Ораторы правой старались доказать всякого рода юридическими уловками и хитросплетеніями, что резолюція заключаетъ въ себѣ покушеніе на конституціонную паутину. Ораторы лѣвой правильно возражали на это, что дѣло идетъ не столько о содержаніи постановленія, сколько о томъ, должно ли министерство исполнить его. Въ сильной рѣчи Бухеръ показалъ, что дѣло идетъ здѣсь не о правѣ, а о силѣ. Было бы наивно, по его мнѣнію, въ виду надвигающейся грозы заниматься кропотливымъ изслѣдованіемъ писаннаго закона: новая эпоха нуждается въ совершенно иномъ основаніи, чѣмъ страница изъ свода законовъ; собраніе должно выполнить свое призваніе,—быть можетъ, безпримѣрное въ исторіи: осуществить мирнымъ законодательнымъ путемъ логическіе выводы изъ недоконченной революціи, только не при помощи узко-юридическаго взгляда на дѣло, а въ духѣ, достойномъ государственныхъ мужей. Власти, принципы, институты, противъ которыхъ была направлена революція, осуждены, но не уничтожены, всѣ органы абсолютизма продолжаютъ еще дѣйствовать, почти всѣ его законы существуютъ еще. Собраніе не должно допустить, чтобы абсолютизмъ создалъ себѣ въ войскѣ орудіе для ниспроверженія народной свободы; оно должно сломить дворянскую дерзость офицеровъ, а солдатамъ напомнить о томъ, что оно желаетъ завоевать для нихъ и для ихъ товарищей по страданіямъ права человѣка.

Рѣшеніе зависѣло отъ праваго центра, но на этотъ разъ онъ склонился къ лѣвой и лѣвому центру. Унру все же не былъ склоненъ такъ безусловно играть роль орудія въ рукахъ короля и юнкеровъ, какъ Ганземанъ. Отъ политической точки зрѣнія Бухера онъ былъ очень далекъ: какъ сухой дѣловой человѣкъ, онъ показалъ, что если собраніе кассированіемъ своего постановленія совершитъ „моральное самоубійство“, то останется лишь „опасная дилемма“ между контръ-революціей и второй революціей. Не малое вліяніе на его рѣшеніе могло оказать и то обстоятельство, что если бы онъ склонилъ вѣсы въ пользу предложенія Штейна, то онъ бы оказался ближайшимъ кандидатомъ на наслѣдство свергнутаго имъ министерства. Унру предавался пріятной иллюзіи, что онъ въ состояніи вести дѣло буржуазіи лучше Ганземана.

Предложеніе Штейна было принято 219 голосами противъ 143.

Центръ тяжести собранія былъ передвинутъ этимъ влѣво. Но то, что въ маѣ могло бы открыть собою побѣду собранія, въ сентябрѣ явилось лишь началомъ предсмертной борьбы.

---

5. Закланіе крестьянъ.

На предложеніе Штейна корона отвѣтила тѣмъ, что назначила военнымъ министромъ и министромъ-президентомъ генерала Пфуля; далѣе, нѣкоторые — не всѣ — министерскіе посты были замѣщены безразличными статистами изъ до-мартовской бюрократіи и дипломатіи. Одновре::знно генералъ Врангель получилъ высшее командованіе войсками, собранными въ провинціи Бранденбургъ. Это было подготовленіе къ государственному перевороту, но еще не самый государственный переворотъ. Контръ-революція не имѣла яснаго плана кампаніи; по совершенно основательнымъ причинамъ она не рѣшалась попросту разогнать собраніе силой; въ особенности король испытывалъ спасительный трепетъ передъ возможностью повторенія событій 18 и 19 марта.

Главная уловка реакціи состояла на первыхъ порахъ въ томъ, чтобы съ силою „семи быковъ“ мычать по конституціи. Все сантиментальное томленіе до-мартовскаго либерализма по конституціи было дѣтской игрой въ сравненіи съ охватившимъ теперь вдругъ всѣхъ реакціонеровъ пылкимъ благоговѣніемъ къ тому листу бумаги, который „подобно второму провидѣнію долженъ былъ стать между царемъ небеснымъ и этой страной“. Собраніе осыпали самыми рѣзкими упреками за то, что оно легкомысленно пренебрегаетъ своимъ призваніемъ выработать соглашеніе насчетъ конституціи и тратитъ свое время на всякій вздоръ.

Этой отвратительной комедіей, перешедшей въ патріотическія исторіи революціоннаго года, какъ почтенный гласъ народа, имѣлось въ виду достигнуть двоякой цѣли. Съ одной стороны, хотѣли настолько запугать собраніе, чтобы оно перестало колебать учрежденія до-мартовскаго государства и сосредоточило свои силы исключительно на исписываніи листа бумаги, который при желаніи можно было впослѣдствіи разорвать первымъ попавшимся штыкомъ. Но, съ другой стороны, въ новой конституціи былъ параграфъ, внушавшій юнкерамъ и всѣмъ преданнымъ имъ общественнымъ элементамъ, безъ сомнѣнія, живой интересъ: мы разумѣемъ параграфъ, который объявлялъ собственность, какъ и подобало бур-

жуазной конституціи, священной и неприкосновенной, допуская ея ограниченіе лишь при условіи полнаго вознагражденія. Чѣмъ скорѣе этотъ параграфъ былъ бы провозглашенъ, какъ новое основное право, тѣмъ пріятнѣе это было бы для юнкеровъ; вооруженные имъ, они готовы были зубами защищать всю свою феодальную собственность, какъ бы она ни прогнила.

Собраніе поняло смыслъ этого реакціоннаго шахматнаго хода, и его вожди, Бухеръ и Вальдекъ, раскрыли игру. Коммиссія собранія выработала довольно сносную съ буржуазной точки зрѣнія конституцію; если въ ней были пробѣлы, то они были обусловлены медлительностью правительства, которое по злой волѣ или печальной неспособности еще не справилось съ проектами Положеній объ округахъ и уѣздахъ. Точно также надо поставить на счетъ правительства ту дѣйствительную растрату силъ и времени, въ какой можно упрекнуть собраніе. Новый парламентъ, которому министерство намѣренно кидало палки подъ ноги, поневолѣ долженъ былъ часто спотыкаться. Несмотря на всѣ затрудненія, берлинское собраніе доказало, что народное представительство, выбранное путемъ всеобщаго избирательнаго права подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ революціи, далеко превосходитъ практическимъ пониманіемъ и ясностью взглядовъ самую вышколенную бюрократію. Оно выполнило несравненно большую работу, чѣмъ прусская бюрократія въ лучшіе свои періоды, и Гнейстъ, далеко не принадлежащій къ числу его почитателей, выдаетъ ему даже аттестатъ въ томъ, что въ пять мѣсяцевъ оно матеріально сдѣлало больше, чѣмъ англійскій парламентъ сдѣлалъ за какую бы то ни было сессію текущаго столѣтія. Хотя противъ собранія можно очень много возражать съ революціонной точки зрѣнія, но реакціонная брань, успѣвшая за пятьдесятъ лѣтъ преобразиться въ „объективную исторіографію", совершенно не заслужена имъ.

Чего ему недоставало, это—революціонной энергіи. Министерство Пфуля съ одной стороны указывало ему на очевидную опасность, а съ другой—давало еще ему небольшую отсрочку. Самъ Пфуль былъ образованный офицеръ изъ школы Гнейзенау и Шарнгорста, въ старости другъ Лассаля, какъ въ юности другъ Генриха Клейста. Если контръ-революція думала найти въ немъ послушное орудіе для своихъ тайныхъ плановъ, то она ошиблась. Но возможно также, что она видѣла въ немъ только человѣка, который будетъ благодушно и лѣниво тянуть дѣла до тѣхъ поръ, пока можно будетъ устроить государственный переворотъ. Собраніе ни въ коемъ

случаѣ не должно было обманывать себя насчетъ того, что Пфуль— лишь временная мѣра. Если оно хотѣло наверстать до извѣстной степени то, что уже было потеряно, то должно было итти дальше по тому пути, на который оно вступило предложеніемъ Штейна.

Само это предложеніе потеряло свое значеніе съ паденіемъ министерства Ганземана. Унру тайкомъ доставилъ новому министерству приказъ по арміи, приблизительно соотвѣтствовавшій предложенію Штейна, и Пфуль немедленно опубликовалъ его. Никто не могъ обманывать себя насчетъ практическаго дѣйствія этой ромашки; дневные приказы, издававшіеся генераломъ Врангелемъ, въ качествѣ главнокомандующаго въ шлезвигъ-голштинскихъ пограничныхъ областяхъ, и графомъ Бранденбургомъ, въ качествѣ командующаго войсками въ Силезіи, разрушали всякое сомнѣніе въ томъ, что твердыня, которой феодально-абсолютистская реакція обладала въ лицѣ арміи, не можетъ быть вынуждена къ сдачѣ мягкими увѣщаніями. Если берлинское собраніе упустило благопріятный моментъ, чтобы забрать въ свои руки войско, то у него оставался еще одинъ крупный шансъ успѣха съ его собственной, буржуазной точки зрѣнія: это—связать со своей судьбой интересы крестьянскаго класса. Корона и юнкерство были бы парализованы тогда въ своей политической, соціальной и, въ конечномъ результатѣ, военной позиціи также.

За лѣто броженіе въ крестьянской массѣ скорѣе усилилось, чѣмъ ослабѣло. Оно, какъ коршунъ, терзало сердце короля и его юнкеровъ. Крестьянъ старались силой и добромъ убѣдить въ любвеобильныхъ намѣреніяхъ ихъ прежнихъ угнетателей. Но они упорно стояли на своемъ и продолжали грубыми кулаками уничтожать феодальные оброки, барщинныя работы и повинности. Циркуляръ министерства Арнима отъ 27 марта, объявлявшій всѣ уступки, вынужденныя у помѣщиковъ угрозами и насиліями, лишенными всякой юридической силы, они попросту подняли на смѣхъ.

Король и юнкеры попробовали тогда прибѣгнуть къ фарсу. Подобно безчисленному множеству другихъ силезскихъ юнкеровъ, графъ Шафгочъ былъ принужденъ своими крестьянами отказаться отъ лаудемій (пошлины при отчужденіи крестьянскихъ земель), отъ всѣхъ барщинныхъ службъ и ряда оброковъ. И вотъ какимъ-то путемъ удалось уговорить общину Вармбруннъ, чтобы она вернула графу Шафгочу къ 5-му мая, дню его рожденія, „документъ отреченія", съ просьбой навсегда предать его забвенію. Этотъ „благородный поступокъ" король довелъ до всеобщаго свѣдѣнія въ

торжественномъ кабинетскомъ указѣ отъ 25 мая. Онъ выразилъ свое „величайшее удовольствіе“ по поводу „столь яркаго примѣра вѣрности, чувства справедливости, законности и истиннаго возврата на путь добраго и необходимаго порядка“ и приглашалъ силезскихъ крестьянъ „такимъ же возвышеннымъ образомъ“ явиться опять, какъ телята, на бойни юнкеровъ. Но крестьяне снова подняли его на смѣхъ.

Ничто не помогало: старое феодальное хозяйство отжило свои дни. Обуржуазившаяся часть земельной аристократіи признала это добровольно, а упрямымъ юнкерскимъ головамъ волей или неволей приходилось понять это. Чтобы и впредь имѣть возможность обирать крестьянъ, нужно было дѣлать это уже не на феодальный манеръ, а буржуазнымъ способомъ. Иначе говоря: феодальныя повинности приходилось увѣковѣчить путемъ выкупа ихъ деньгами или землею. Но этого нельзя было покуда сдѣлать въ такой грубой и безпощадной формѣ, какъ въ десятилѣтія, слѣдовавшія за Ватерлоо: законы о выкупѣ и регулированіи феодальныхъ повинностей столько же возбуждали мятежное настроеніе среди меньшинства крестьянъ, сколько сохраненіе феодальныхъ повинностей въ полномъ объемѣ — среди большинства ихъ. Но такихъ законовъ, которые стригли бы крестьянъ менѣе замѣтно, чѣмъ до сихъ поръ, нельзя было создать въ одинъ моментъ, а между тѣмъ хроническіе бунты среди сельскихъ массъ требовали быстрыхъ мѣръ. Изъ этой дилеммы министерство Кампгаузена вывернулось докладной запиской объ урегулированіи отношеній между помѣщиками и крестьянами. Записка была подписана министромъ торговли фонъ-Патовымъ, обуржуазившимся аристократомъ типа Шверина и Ауэрсвальда.

Докладная записка Патова покоилась на слѣдующихъ основаніяхъ. Всѣ выкупы феодальныхъ повинностей, регулированные уже судебнымъ рѣшеніемъ или договорами, остаются безъ измѣненій. Принципіально и впредь сохраняется правило, что феодальныя повинности, „всѣ ограниченія, стѣсняющія свободное распоряженіе личностью и собственностью“, упраздняются за вознагражденіе, но на будущее время надо сдѣлать возможнымъ выкупъ на болѣе льготныхъ основаніяхъ, чѣмъ до сихъ поръ. Исключеніе отсюда составляютъ тѣ ограниченія, которыя вытекаютъ изъ личной крѣпостной зависимости, изъ прежней системы налоговъ, изъ вотчинной юстиціи, или же которыя являются—отчасти уже устарѣвшимъ—отягощеніемъ земельной собственности, не представляющимъ дѣйствительной и постоянной цѣнности для помѣщика, и не касаются

хозяйственныхъ отношеній. Записка содержала длинный перечень такихъ повинностей и сборовъ *), имѣвшій довольно внушительный видъ, но практическое значеніе его равнялось нулю или было крайне невелико. Въ „самомъ благоустроенномъ государствѣ міра“ сохранилась такая масса феодальнаго мусора, что его можно было вывезти цѣлый холмъ, и это мало отразилось бы на всей горѣ. Оброки и повинности, которые предполагалось безвомездно уничтожить, либо совершенно вышли изъ употребленія, либо сохранились только въ отдѣльныхъ мѣстахъ, либо не приносили юнкерамъ сколько-нибудь серьезной пользы, какъ отмѣчаетъ сама докладная записка съ достойной благодарности прямотою. Это было чистѣйшее пусканіе пыли въ глаза, и именно потому министерство Ганземана постаралось, чтобы только эта часть докладной записки Патова была облечена въ форму закона.

Изъ всѣхъ ошибокъ берлинскаго собранія это была самая крупная, и непониманіе своей исторической задачи въ этой области является самымъ темнымъ пятномъ на его памяти. Пусть по отношенію къ нуждамъ промышленнаго пролетаріата оно также не имѣло въ запасѣ ничего, кромѣ дешевыхъ фразъ и случайныхъ жалкихъ палліативовъ, на то оно было буржуазнымъ парламентомъ. Но именно какъ таковой оно должно было понять, что нужно освободить крестьянъ отъ феодальнаго ярма. Въ лицѣ 50—60 крестьянскихъ депутатовъ оно имѣло генеральный штабъ, который могъ ему создать непобѣдимую армію. Несомнѣнно, лишь часть этихъ народныхъ представителей была настолько развита, чтобы сѣсть тамъ, гдѣ имъ подобало, т.-е. на крайней лѣвой; другая часть еще не отдавала себѣ отчета въ окружающемъ и попалась въ сѣти хитраго Ганземана, который пользовался ею какъ „голосующей скотиной“, обрабатывая ее въ министерствѣ финансовъ, гдѣ она, по выраженію одного англійскаго корреспондента, имѣла такой же видъ, какъ труппа чипвейскихъ индѣйцевъ въ салонѣ герцога Девонширскаго. Тѣмъ болѣе буржуазной оппозиціи слѣдовало просвѣтить этихъ бѣдныхъ парней насчетъ ихъ интересовъ. Вмѣсто этого одинъ изъ членовъ лѣваго центра доставилъ правой даже дешевое торжество: онъ предложилъ исключить изъ собранія сельскаго батрака Колбасу, такъ какъ тотъ не знаетъ будто бы нѣмецкаго языка, и долженъ былъ выслушать отъ президента, при-

---

*) Мы опускаемъ ихъ названія, не представляющія интереса для русскаго читателя. *Прим. перев.*

надлежавшаго къ правой, суровую нотацію за свое недостойное предложеніе. „Крестовая Газета" не выходила изъ своей роли, когда приводила смѣшные разсказы, будто Колбаса имѣетъ обыкновеніе сбрасывать сапоги въ залѣ засѣданія, потому что привыкъ ходить босикомъ, и будто, получая у кассира діеты блестящими талерами, онъ отъ избытка чувствъ цѣлуетъ фалды его сюртука. Но что сказать о буржуазныхъ либералахъ, которые въ восторгѣ вторили этимъ прѣснымъ шуткамъ, что сказать о такомъ человѣкѣ, какъ Густавъ Фрейтагъ, который, соперничая съ „Крестовой Газетой", осмѣивалъ въ „Grenzboten" своихъ земляковъ Мроза и Колбасу, какъ „забавныхъ чертей"?

Правда, лѣвая и лѣвый центръ сдѣлали нѣсколько вылазокъ противъ феодальныхъ повинностей, противъ устава о батракахъ, противъ права охоты на чужой землѣ и многаго другого въ томъ же родѣ, но эти вылазки не были достаточно энергичны, и въ видѣ закона было проведено лишь предложеніе Бухера, лишавшее феодальныя сословныя собранія уѣздовъ права вотировать расходы. Еще 1 сентября собраніе высказалось противъ неотложности предложенія объ отмѣнѣ обязательныхъ работъ при помѣщичьемъ дворѣ. Мало того, внесенное въ іюнѣ предложеніе лѣваго центра о томъ, чтобы производства по дѣламъ о ликвидаціи крестьянско-помѣщичьихъ отношеній были временно пріостановлены до опубликованія болѣе льготныхъ законовъ о выкупѣ и урегулированіи повинностей, въ концѣ сентября еще не было принято собраніемъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ 18 марта оно не въ состояніи было возвыситься до этой простой предварительной мѣры, въ то время какъ французское національное собраніе 1789 г. черезъ три недѣли послѣ взятія Бастиліи покончило со всѣмъ феодальнымъ безобразіемъ.

Несмотря на это, можно было еще многое спасти въ тотъ моментъ, когда съ назначеніемъ министерства Пфуля начался кризисъ, который долженъ былъ рѣшить вопросъ о жизни или смерти собранія. Крестьяне были попрежнему еще очень бодры, во многихъ тысячахъ петицій они взывали къ народному представительству о защитѣ; начавшаяся 1 сентября охота повела къ кровавымъ столкновеніямъ между крестьянами и помѣщиками, такъ какъ крестьяне совершенно справедливо думали, что право охоты уничтожено мартовской революціей, а юнкеры не хотѣли разставаться съ благородною страстью охотиться на крестьянскихъ поляхъ. Дѣйствительно, собраніе вмѣшалось въ это дѣло и притомъ съ

успѣхомъ, который вполнѣ могъ ободрить его. По собственной инициативѣ оно рѣшило уничтожить право охоты на чужой землѣ, какъ вещное право, безъ всякаго вознагражденія; оно при этомъ поступало даже радикальнѣе, чѣмъ то можно было оправдать съ буржуазной точки зрѣнія, и все-таки корона не посмѣла отказать въ своемъ согласіи на законъ. Собранію стоило бы теперь лишь превратить законъ о безвозмездномъ упраздненіи различныхъ оброковъ и повинностей изъ оптическаго обмана въ нѣчто реальное, включивъ въ него тяжелыя или хотя бы самыя тяжелыя повинности крестьянскаго класса, и у него все еще осталась бы позиція, на которой оно могло бы съ успѣхомъ вступить въ политическую борьбу съ короной и юнкерствомъ.

Къ сожалѣнію, его энергія опять истощилась послѣ перваго же натиска, послѣ проведенія закона объ охотѣ. Кромѣ него, оно приняло наконецъ столь долго откладывавшійся законъ о пріостановкѣ дѣлъ по ликвидаціи помѣщичье-крестьянскихъ отношені˘ но зато отклонило уже всѣ выгодныя для крестьянъ поправки. Корона одобрила и этотъ законъ. Но при обсужденіи закона о реальныхъ повинностяхъ пошла безнадежная путанница. Лѣвый центръ, который 7 сентября доставилъ фракціямъ лѣвой побѣду, снова перешелъ къ правой. Унру былъ такой фанатикъ собственности, что даже принципы патовской записки казались ему слишкомъ крайними. Товарищъ его по фракціи Пилетъ заявилъ, въ качествѣ докладчика по этому закону, что несправедливо и неразумно уничтожать безвозмездно феодальныя повинности, кромѣ нѣкоторыхъ ничтожныхъ или малозначащихъ исключеній: несправедливо потому, что законъ въ теченіе столѣтій охранялъ владѣніе ими, и онѣ стали, такимъ образомъ, предметомъ правильно пріобрѣтенной собственности; неразумно потому, что это вызвало бы недовольство новыми государственными учрежденіями среди многочисленнаго и, благодаря своему богатству, очень вліятельнаго класса землевладѣльцевъ, въ пользу которыхъ повинности установлены. Фракціи правой не хотѣли, правда, возстановить противъ себя крестьянъ, которые ждали только момента, чтобы укрѣпить положеніе собранія, но онѣ еще меньше желали испортить свои отношенія съ юнкерами, только выжидавшими случая, чтобы нанести собранію смертельный ударъ. Онѣ подмигивали крестьянамъ: синица въ руки лучше, молъ, чѣмъ журавль въ небѣ, и вы можете быть совершенно довольны, если мы уничтожимъ тридцатую или даже двадцатую часть вашихъ повинностей; юнкерамъ же онѣ под-

мигивали: не бѣда, если вы немного заплатите, разъ вы получаете за это возможность превратить свою феодальную собственность, которой угрожаетъ опасность, въ собственность буржуазную.

Противъ этого клянчанья и торгашества выступилъ въ рядѣ блестящихъ рѣчей Бухеръ. Справедливость и разумность онъ понималъ иначе, чѣмъ Пилетъ. Одно изъ двухъ: либо помѣщикъ вправѣ требовать вознагражденія, и тогда его надо дать, либо законодательный корпусъ вправѣ уничтожить повинности безъ вознагражденія, и тогда онъ не имѣетъ права дѣлать юнкерамъ подарки за счетъ крестьянъ. Правовымъ основаніемъ, съ точки зрѣнія котораго этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ, является не сгнившее правовое основаніе исторической школы, а правовое основаніе революціи. „Революція — это необходимая самооборона народа, задѣтаго въ самыхъ святыхъ правахъ своихъ. А необходимая самооборона есть право, признанное не только нравственнымъ закономъ, но и законодательствами всѣхъ временъ и народовъ. Когда какой-нибудь народъ совершилъ революцію, истинную революцію въ указанномъ смыслѣ, т.-е. въ случаѣ необходимой самообороны, и когда его представители, становясь на эту почву, продолжаютъ законодательствовать въ этомъ смыслѣ, т.-е. воплощаютъ идею революціи, то они стоятъ на почвѣ права". Покидать эту почву такъ же неразумно, какъ и несправедливо. Какъ и 7 сентября, Бухеръ снова предостерегалъ противъ мудрствованій формально юридическаго характера. „Юристы должны будутъ познакомиться ближе съ соціальными науками для того, чтобы ихъ не проглотили соціальные вопросы... Если мы съ юридическою мелочностью будемъ обсуждать проектъ пунктъ за пунктомъ и вносить къ нему множество поправокъ, то съ нами легко можетъ случиться то же, что съ Архимедомъ, когда онъ сидѣлъ надъ своими чертежами". При этомъ Бухеръ вполнѣ сознавалъ, что революція, на правовую почву которой онъ становился, была буржуазной революціей. По существу онъ требовалъ, чтобы собраніе поступило такъ, какъ поступили собранія великой французской революціи, т.-е. согласно принципу: помѣщичьи права должны быть уничтожены немедленно и безъ всякаго вознагражденія, поскольку они имѣютъ феодальный, господскій характеръ, поскольку они покоятся на господствѣ одного лица надъ другимъ; наоборотъ, они подлежатъ выкупу, поскольку они опираются на сохраняющій свою силу въ буржуазномъ обществѣ юридическій титулъ договора, на принципъ взаимности услугъ.

Отношеніе голосовъ въ національномъ собраніи было тогда таково, что фракціи правой и фракціи лѣвой были почти равны по силамъ. Въ концѣ октября, когда Грабовъ отказался отъ предсѣдательства, Унру былъ выбранъ фракціями правой 177 голосами, тогда какъ фракціи лѣвой насчитали при этомъ 170 голосовъ. Уже это отношеніе голосовъ сильно затрудняло послѣдовательное проведеніе принципа, выставленнаго Бухеромъ и его друзьями. Но послѣдніе шансы, которые онъ имѣлъ именно какъ совершенно ясный принципъ, способный служить аріадниной нитью въ феодальномъ лабиринтѣ,—эти шансы были уничтожены лѣвой. Испытывая чувство стыда за все упущенное ею, эта фракція хотѣла однимъ почеркомъ пера безвозмездно уничтожить по возможности всѣ помѣщичьи права, безразлично, покоились ли они на феодальномъ или на буржуазномъ юридическомъ титулѣ. Лѣвая, нисколько не думавшая покидать буржуазной почвы права, не только поступала этимъ непослѣдовательно, но и попадала въ ловушку, коварно разставленную для нея правой. Эта милая партія противилась всѣми силами безвозмездному уничтоженію феодальныхъ повинностей и всячески старались обезцѣнить для крестьянъ относящійся сюда законъ, но въ тѣхъ случаяхъ, когда ей не удавалось достичь своей благородной цѣли, она содѣйствовала побѣдѣ слѣпого порыва лѣвой, чтобы создать собранію у имущихъ классовъ репутацію коммунистовъ, такъ же мало уважающихъ буржуазную собственность, какъ и феодальную.

Перваго успѣха эта вѣроломная двойная игра достигла уже при обсужденіи закона объ охотѣ. Какъ только было рѣшено безвозмездное уничтоженіе феодальнаго права охоты, правая вмѣстѣ съ лѣвой отклонила внесенную Шульце-Деличемъ поправку лѣваго центра, согласно которой за уничтоженіе права охоты на чужой землѣ полагается вознагражденіе, если настоящій или прежніе собственники земли въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ уступали уже тогда принадлежавшее имъ право охоты за плату.

Но настоящія оргіи эта вѣроломная тактика правой и страшная близорукость лѣвой справляли лишь при обсужденіи закона объ отмѣнѣ реальныхъ повинностей, напримѣръ—въ спорѣ о лаудеміяхъ. Такъ назыв. Laudemien—Marktgroschen, Konfirmationsgebühren, Zählgelder, Verrufsgelder, Vorschreibegelder, Pfändergebühren, Anfahrtgelder, господскія Kaufsporteln, Dominialjura и тому подобные сборы принадлежали къ самымъ тяжкимъ бичамъ крестьянства. Они взимались при каждой смѣнѣ владѣльца помѣстья или

крестьянскаго двора и доходили, смотря по обстоятельствамъ, до десяти процентовъ стоимости участковъ, обремененныхъ повинностью. Это былъ чистый грабежъ, настоящая конфискація имущества. Если крестьянинъ умиралъ, то его наслѣдники должны были уплачивать помѣщику до десятой доли стоимости двора, независимо отъ того, былъ ли онъ обремененъ долгами или нѣтъ. Если крестьянскій дворъ, стоящій 10.000 талеровъ, но обремененный ипотечнымъ долгомъ въ 6.000 талеровъ и личнымъ долгомъ въ 3.000 талеровъ, переходилъ вслѣдствіе смерти владѣльца къ его вдовѣ, то государство опредѣляло наслѣдственную пошлину только въ 10 талеровъ—съ фактически полученныхъ въ наслѣдство 1.000 талеровъ, между тѣмъ какъ юнкеръ взималъ въ качествѣ Laudemium десятую часть всей цѣнности двора, т.-е. все наслѣдство въ 1.000 талеровъ. Онъ могъ заставить немедленно продать дворъ съ публичнаго торга. Если бы имущество было, напр., продано въ этомъ случаѣ за 7.000 талеровъ, то личныя претензіи кредиторовъ не получили бы удовлетворенія и остались бы на шеѣ наслѣдницы, а изъ вырученной суммы помѣщикъ получилъ бы, за вычетомъ ипотечнаго долга, не только свой Laudemium, но онъ имѣлъ бы еще право требовать отъ новаго владѣльца новый Laudemium въ 700 талеровъ.

И вотъ, лѣвый центръ внесъ черезъ Бухера и Шульце-Делича предложеніе безвозмездно упразднить лаудеміи, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда „можно доказать, что обязательство объ его уплатѣ основано на договорѣ, заключенномъ относительно даннаго поземельнаго участка между лицомъ, имѣющимъ право на этотъ сборъ, и лицомъ, обязаннымъ уплачивать его, или между ихъ предшественниками по владѣнію". Какъ и при соотвѣтствующей поправкѣ къ закону объ охотѣ, это ограниченіе было фактически настолько же незначительно, насколько оно принципіально было важно; лаудеміи въ громадномъ большинствѣ случаевъ были чисто феодальнаго происхожденія и покоились не не договорахъ, а на правѣ давности. Предложеніе было принято 178 голосами противъ 160; тогда два члена правой, юстицратъ Геллернъ и членъ высшаго земскаго суда Тюсгаузъ, голосовавшіе оба *противъ* предложенія, внесли поправку, что въ оговоренныхъ случаяхъ высота лаудеміальной пошлины не должна превышать двухъ процентовъ. Намѣреніе ихъ было совершенно ясно: надо было подвинуть собраніе на вмѣшательство въ такое право собственности, которое оно само только что признало граждан-

скимъ, а не феодальнымъ правомъ. Тѣмъ не менѣе, лѣвая пошла въ эту грубую ловушку. Но едва поправка была принята безъ поименнаго голосованія, какъ другіе члены правой, съ членомъ земскаго суда Рейхеншпергеромъ и членомъ судебной палаты Ринтеленомъ во главѣ, потребовали занесенія въ протоколъ ихъ торжественнаго протеста противъ постановленія, принятаго вслѣдствіе иниціативы ихъ же товарищей по фракціи; протестъ мотивировался тѣмъ, что принятая собраніемъ поправка непростительнымъ образомъ посягаетъ на право договоровъ и потому колеблетъ увѣренность въ прочности всякаго права.

Мы можемъ ограничиться одной этой сценой изъ печальной комедіи, для разыгрыванія которой правая ежедневно распадалась на различныя группы. Комедія не была вполнѣ доведена до конца, и это была еще лучшая ея сторона. Собраніе ухитрилось состряпать законъ, который задѣвалъ имущіе классы и въ особенности обуржуазившуюся аристократію въ ихъ священнѣйшемъ чувствѣ собственности, но въ то же время дѣлалъ крестьянъ все болѣе и болѣе недовѣрчивыми и подозрительными. Какъ могли послѣдніе разобраться въ этой массѣ ограничительныхъ или расширительныхъ поправокъ, нерѣдко до сорока къ одному только параграфу, когда въ ней съ трудомъ разбирались самые опытные крючкотворцы? Какъ могли они подвергать свою жизнь опасности за собраніе, которое умѣло не освобождать ихъ, а только приносить ихъ въ жертву?

Положеніе собранія ничуть не было улучшено тѣмъ, что въ министерство Пфуля оно одновременно съ закономъ о феодальныхъ повинностяхъ обсудило и первые раздѣлы новой конституціи. Оно вычеркнуло изъ королевскаго титула слова „Божьей милостью“, упразднило дворянство, ордена и титулы. Все это не помогло ему, наоборотъ! Политика, которая одной рукой распускаетъ войска, а другой посылаетъ врагу рѣзкіе вызовы, тѣмъ вѣрнѣе идетъ къ пораженію.

---

6. Корона и юнкеры.

Контръ-революція сумѣла лучше использовать переходное время при министерствѣ Пфуля. Она все тѣснѣе обхватывала Берлинъ сотней пушекъ, арміей въ 40—50 тысячъ человѣкъ. Она усердно старалась вызвать въ народныхъ массахъ столицы возстаніе,

которое позволило бы пустить въ ходъ военную силу. Больше всего ей хотѣлось бы устроить маленькую копію іюньской бойни въ Парижѣ. Попытку къ этому она сдѣлала въ серединѣ октября, когда безработные ремесленники, занимаемые государствомъ при постройкѣ канала на Кёпеникскомъ полѣ, разрушили машину, которая съ приближеніемъ зимы грозила отнять у нихъ послѣдній кусокъ хлѣба. Отчаянное настроеніе этихъ бѣдняковъ было тѣмъ понятнѣе, что большинство ихъ были люди, привыкшіе къ тонкой работѣ, напр., серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастера, руки которыхъ отъ грубыхъ земляныхъ работъ становились все менѣе и менѣе годными для ихъ настоящей профессіи. Полурастерянное, полу-неумѣлое вмѣшательство гражданскаго ополченія привело къ столкновенію, въ которомъ нѣсколько рабочихъ и ополченцевъ было убито; однако депутатамъ лѣвой удалось устранить конфликтъ раньше, чѣмъ могло быть призвано войско. Реакція сдѣлала затѣмъ еще одну попытку поднять рабочихъ: инженеръ, руководившій постройкой канала на Кёпеникскомъ полѣ, по „приказу свыше" распорядился, чтобы въ наказаніе за разрушеніе машины были разсчитаны не только тѣ рабочіе, которые принимали въ немъ участіе, но и сотня другихъ, совершенно непричастныхъ къ этому дѣлу. Однако и эта варварская демагогія не достигла цѣли. Сколько-нибудь развитыя и организованныя рабочія массы прекрасно понимали, кому была на руку въ тотъ моментъ кровавая баня.

Контръ-революція принуждена была удовольствоваться болѣе скромными формами спасанія государства. Въ теченіе октября вокругъ зданія драматическаго театра, въ которомъ засѣдало національное собраніе, стали собираться шумныя толпы. Онѣ прислушивались не къ голосу депутатовъ лѣвой, а къ рѣчамъ сомнительныхъ демагоговъ въ родѣ графа Бресслера, который сближался то съ лѣвой, то съ юнкерскимъ парламентомъ, и относительно котораго впослѣдствіи было установлено на судѣ, что въ критическіе октябрскіе дни онъ пытался деньгами подстрекать рабочихъ къ постройкѣ баррикадъ. Впрочемъ, возраставшія съ каждымъ днемъ сѣтованія реакціи на то, что эти толпы терроризируютъ парламентскіе дебаты, не имѣли подъ собой никакой почвы. Тѣ самые депутаты правой, которые оставались дома въ дни нападенія на цейхгаузъ, когда настоящіе пролетаріи попытались толкнуть впередъ собраніе, теперь въ пріятномъ расположеніи духа разгуливали по залу засѣданія, свободно входя и выходя изъ него. Они сами не

смѣли утверждать, что голосовали подъ вліяніемъ страха передъ шумной толпой, и сокрушались лишь по поводу „опасности, угрожающей достоинству“ собранія, того самаго собранія, достоинство котораго они ежедневно подрывали своими жалкими интригами. Но если даже совершенно оставить въ сторонѣ вопросъ, какую роль сыграли въ шумныхъ уличныхъ сценахъ передъ театромъ подстрекательства со стороны реакціонеровъ, то не только всѣ безпристрастные судьи, но даже такіе люди, какъ Гнейстъ и Унру, которые были крайне чувствительны ко всякой, хотя бы самой отдаленной угрозѣ собственности и личности, свидѣтельствуютъ, что въ свободныхъ странахъ весь этотъ шумъ едва ли обратилъ бы на себя даже мимолетное вниманіе.

Рѣшительный ударъ былъ нанесенъ въ Вѣнѣ. Подобно берлинской революціи, берлинская контръ-революція также получала свой лозунгъ изъ австрійской столицы. Послѣ побѣдъ Радецкаго въ Италіи австрійское правительство собрало свои полу-варварскія славянскія народности, чтобы кинуть ихъ на революціонные культурные народы, на нѣмцевъ и мадьяръ. 31 октября князь Виндишгрецъ взялъ приступомъ побѣжденную послѣ храбраго сопротивленія Вѣну. Вечеромъ того же дня прусскій парламентъ принялъ послѣ страстныхъ дебатовъ безобидное предложеніе Родбертуса, требовавшее отъ правительства, чтобы оно возможно скорѣе предприняло энергичные шаги предъ блюстителемъ имперіи, дабы народная свобода, подвергающаяся опасности въ нѣмецкихъ земляхъ Австріи, и угрожаемый въ своемъ существованіи рейхстагъ были взяты подъ дѣйствительную и надежную защиту, и чтобы былъ возстановленъ миръ. 1 ноября пришла въ Берлинъ вѣсть о паденіи Вѣны. Тотчасъ же Пфуль былъ отставленъ, и составленіе новаго министерства поручено графу Бранденбургу. Бранденбургъ совмѣщалъ въ себѣ юнкера, офицера и Гогенцоллерна; онъ былъ дядей короля и происходилъ отъ одного изъ тѣхъ двоеженствъ, въ которыхъ король Фридрихъ Вильгельмъ II имѣлъ обыкновеніе проявлять свою богобоязненость и строгую нравственность.

Графъ Бранденбургъ означалъ государственный переворотъ въ самой неприкрытой формѣ, въ такой формѣ, которая даже правой казалась слишкомъ сильной. Собраніе могло теперь либо объявить коронѣ открытую войну, признавъ себя самостоятельною властью, но эта тактика, которую горячо защищалъ Якоби, была слишкомъ революціонна для его большинства,—либо оно могло

попытаться парализовать новое министерство парламентскимъ путемъ, но этотъ путь казался большинству слишкомъ безнадежнымъ. Сошлись на предложеніи лѣваго центра — сдѣлать королю черезъ депутацію представленіе о „положеніи страны". Это была полумѣра, которая вмѣстѣ съ оппозиціонныхъ духомъ собранія выдавала королю и его безсиліе. Характеръ ея проявился уже во внѣшней формѣ адреса, который депутація должна была представить королю. Составленіе его было поручено Якоби, Бухеру и Рейхеншпергеру, и въ прекрасно написанный проектъ Бухера, который въ серьезномъ тонѣ указывалъ королю на „безконечно печальныя, напоминающія судьбу сосѣдняго государства послѣдствія" его образа дѣйствій, Рейхеншпергеръ ввелъ разныя лояльныя фразы о „сердцѣ его величества",— сердцѣ, будто бы всегда бившемся за благо народа.

2 ноября депутація послѣ продолжительныхъ переговоровъ съ флигель-адъютантомъ фонъ-Мантейфелемъ, впослѣдствіи фельдмаршаломъ, была принята королемъ въ Сансуси. Пока Унру читалъ адресъ, король сначала ударялъ рукой по своей шпагѣ, а затѣмъ повернулся къ депутаціи спиной, съ тѣмъ привѣтливымъ жестомъ, который въ большомъ ходу у берлинскихъ уличныхъ мальчишекъ для выраженія чувства, противоположнаго почтенію, но въ конституціонныхъ отношеніяхъ между короной и народнымъ представительствомъ, нужно сознаться, еще не былъ испробованъ. Когда король по прочтеніи адреса сталъ удаляться изъ комнаты, пораженная депутація сначала молчала. Но затѣмъ Якоби пришелъ въ себя и спросилъ, желаетъ ли король выслушать депутацію; на грубый отвѣтъ: Нѣтъ! онъ крикнулъ вслѣдъ удалявшемуся Фридриху-Вильгельму: „Въ томъ-то и заключается несчастіе королей, что они не хотятъ слушать правды".

Можно было ожидать, что Якоби услышитъ выраженія благодарности отъ своихъ сотоварищей, ибо своими словами, если не особенно оригинальными, то вполнѣ умѣстными, онъ хоть до нѣкоторой степени вывелъ депутацію изъ того тягостнаго положенія, въ которое она была поставлена страннымъ поведеніемъ короля. Но на самомъ дѣлѣ, какъ только король оставилъ комнату, большинство депутаціи набросилось на Якоби съ жестокими упреками, и едва появился снова флигель-адъютантъ, какъ Родбертусъ, самъ хвалившійся этимъ на слѣдующій день въ открытомъ собраніи, поспѣшилъ къ нему и „настоятельно просилъ пойти къ его величеству и сказать, что чувство его величества сумѣетъ, мы

убѣждены, различить между адресомъ національнаго собранія и словами депутата, услышанными въ концѣ аудіенціи". Вотъ каковы были эти народные представители, и даже лучшіе среди нихъ: въ то время какъ король приказывалъ точить сабли, сѣдлать коней и заряжать пушки, чтобы военной силой разогнать народное представительство, въ это самое время руководители парламента приносили адъютанту короля жалобу на своего товарища за недостатокъ вѣрноподданическаго почтенія. Эта жалкая политика должна была придать новое мужество контръ-революціи.

А она въ немъ очень нуждалась. Бранденбургъ и Врангель были не больше какъ солдаты, которые своимъ хвастовствомъ о „пулѣ въ стволѣ и остро отточенныхъ мечахъ" внушали мало довѣрія осторожнымъ реакціонерамъ. Въ то время острили, что флигель-адъютантъ фонъ-Мантейфель съ револьверомъ въ рукахъ дѣлаетъ небезопасными улицы Берлина, чтобы силою навербовать министровъ. Въ шесть дней Бранденбургъ не набралъ даже половины министерства; какой-то солдатъ былъ командированъ въ военное министерство, и два до-мартовскихъ бюрократа, Ладенбергъ и фонъ-Мантейфель, взяли на себя министерства народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ. Для министерства иностранныхъ дѣлъ, торговли, земледѣлія, юстиціи и финансовъ не нашлось кандидатовъ. Простое возстановленіе до-мартовскаго абсолютизма и феодализма было столь невозможною вещью, что объ этомъ мечтали лишь самые ограниченные юнкеры. Вагенеръ откровенно объявилъ такое возстановленіе реакціонной утопіей, и даже Бранденбургъ не переставалъ увѣрять, что онъ конституціоналистъ съ головы до ногъ, хотя конституціонализмъ былъ для него книгой за семью печатями.

Прежде чѣмъ нанести собранію смертельный ударъ, контръ-революція должна была столковаться, по крайней мѣрѣ, съ правой. Но и здѣсь она натолкнулась на препятствія, такъ какъ правая тоже неоднократно заявляла, что собраніе не можетъ быть распущено короной. Принципъ соглашенія былъ безсмысленнымъ, потому что двухъ суверенов такъ же не можетъ быть въ одномъ государствѣ, какъ двухъ солнцъ на небѣ, но буржуазія крѣпко уцѣпилась за него и не могла отъ него сразу отдѣлаться. Согласно этому принципу король такъ же мало имѣлъ право распустить собраніе, какъ собраніе имѣло право низложить короля. Это мучительно-неопредѣленное состояніе длилось цѣлую недѣлю, въ теченіе которой собраніе занималось безразличными дебатами, послѣ

того какъ оно вторично отклонило предложеніе лѣвой назначить комитетъ безопасности. Въ городѣ все это время господствовало полное спокойствіе. Октябрскіе демонстранты словно провалились сквозь землю, съ тѣхъ поръ какъ контръ-революція стала у кормила правленія, но не знала, что ей дѣлать.

Тѣмъ временемъ прекрасныя души графа Бранденбурга и правой обрѣли другъ друга. Гдѣ и какъ, въ точности не выяснено, но результатъ ихъ тайныхъ махинацій тотчасъ же выступилъ наружу. Если король не имѣлъ права распускать собраніе, то онъ вѣдь имѣлъ право перенести мѣсто его засѣданій и съ этою цѣлью отсрочить ихъ. Отличный предлогъ для такой мѣры подали „нерѣдкія анархическія движенія" и „преступныя демонстраціи" въ столицѣ, имѣвшія цѣлью „запугать" собраніе. Развѣ могла быть нѣжная заботливость о самостоятельности собранія покушеніемъ на его жизнь? Это былъ старый планъ, который правая уже надумала разъ въ дни нападенія на цейхгаузъ. Если бы собраніе согласилось на перенесеніе засѣданій въ другое мѣсто и отсрочку ихъ, то былъ бы созданъ прецедентъ, на основаніи котораго можно было бы доказать, въ случаѣ надобности, что корона имѣетъ также право распускать собраніе; если бы, напротивъ, послѣднее не согласилось, то оно бунтовало бы противъ законнаго распоряженія короны, не замышляющей ничего дурного и желающей лишь освободить собраніе изъ-подъ власти черни. Основательно сомнѣваясь въ умственныхъ силахъ графа Бранденбурга, правая предусмотрительно приставила къ нему, въ качествѣ министра юстиціи, испытаннаго крючкотворца, въ лицѣ своего члена Ринтелена. Правда, не далѣе какъ 2 ноября Ринтеленъ ѣздилъ въ числѣ другихъ въ Сансуси, чтобы протестовать противъ министерства Бранденбурга, но что значило для прусскаго члена судебной палаты накладывать сегодня печать права на насилія, которыя онъ вчера проклиналъ? Съ этимъ миленькимъ планомъ въ карманѣ Бранденбургъ отправился къ Унру, чтобы позондировать его. Унру не задумываясь отвѣтилъ, что большинство собранія, центры и лѣвая, и во главѣ его онъ самъ, въ качествѣ президента, не подчинятся перенесенію мѣста засѣданій и отсрочкѣ ихъ; если бы Бранденбургъ умѣлъ читать въ душѣ буржуазіи, то этотъ отвѣтъ долженъ былъ бы искренно обрадовать его.

Для Унру абсолютистско-феодальная реакція была очень скверной штукой, и онъ отнюдь не былъ намѣренъ такъ дешево разсчитаться съ ней, какъ правая. Но еще хуже, по его мнѣнію, была

вторая революція народа, и желаніе во что бы то ни стало помѣшать ей было, какъ публично заявилъ самъ Унру, истиннымъ мотивомъ его строптивости. Если бы собраніе позволило перенести и отсрочить себя, то его престижъ, давно уже поколебленный въ глазахъ народа, совершенно погибъ бы. Можно было опасаться, что „во главѣ движенія станутъ тогда политическіе союзы“, „уличная борьба стала бы неизбѣжной“,—такъ говоритъ Унру въ своихъ воспоминаніяхъ. Наоборотъ, воспротивившись приказу короны, собраніе освѣжало свой престижъ въ глазахъ массъ и тогда оно могло совершенно спокойно привести дѣла въ такое состояніе, чтобы никакая человѣческая сила не могла уже поправить ихъ. Унру справедливо полагалъ, что онъ способенъ мастерски разрѣшить эту задачу.

Понималъ ли Бранденбургъ положеніе дѣлъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ онъ имѣлъ теперь въ рукахъ политическую нить, которую могъ наматывать. 9 ноября онъ прочелъ въ національномъ собраніи королевское посланіе, которымъ его засѣданія переносились въ Бранденбургъ и отсрочивались до 27 ноября. На заявленіе Унру, что онъ не можетъ закрыть засѣданія безъ согласія собранія и потому предоставитъ ему рѣшить вопросъ, Бранденбургъ „торжественно“ протестовалъ противъ „незаконнаго“ продолженія засѣданія и покинулъ залъ. Онъ забаррикадировался въ военномъ министерствѣ, а Врангель вступилъ съ значительнымъ количествомъ войска въ Берлинъ. Не прошло и трехъ дней, какъ оба эти солдата попрали своими кавалерійскими сапогами всякое публичное право: законы 6 и 7 апрѣля, законы о гражданскомъ ополченіи и гарантіи личной свободы. Зато они создали, въ качествѣ новаго права, осадное положеніе, для введенія котораго у нихъ не было ни малѣйшаго законнаго основанія и ни малѣйшаго реальнаго повода. Они установили грубую власть штыка.

---

7. Ноябрская трагикомедія.

Благодаря образу дѣйствій контръ-революціи, собраніе пріобрѣло такую твердую почву права подъ ногами, какой прусская буржуазія не имѣла ни до того, ни впослѣдствіи.

Воспротивившись приказу короны, парламентъ былъ въ полномъ своемъ правѣ, какъ формально, такъ и матеріально, и притомъ независимо отъ того, была ли теорія соглашенія состоятельна

или нѣтъ. Даже тѣ, которые признавали за этой теоріей руководящее значеніе, должны были придти къ выводамъ, формулированнымъ столь близкимъ къ правой юристомъ, какъ Гнейстъ: „Національное собраніе созвано въ Берлинѣ для выработки конституціи по соглашенію съ короной. Оно собралось на основаніи закона и на его же основаніи созвано въ Берлинѣ. Оно тогда же и впослѣдствіи фактически одобрило этотъ выборъ мѣста. Одностороннее измѣненіе мѣста и времени недопустимо поэтому ни для короны, ни для собранія, ибо оба противостоятъ другъ другу, какъ самостоятельныя власти. Кто допускаетъ право перенесенія собранія въ Бранденбургъ, тотъ долженъ согласиться и на перенесеніе его въ Тильзитъ, въ Саарлуи или въ какое-нибудь другое мѣсто сосѣдняго дружественнаго государства; кто признаетъ отсрочку на 14 дней, долженъ допустить также отсрочку на 14 лѣтъ. Свободное соглашеніе исчезаетъ, разъ одна сторона единолично желаетъ опредѣлять время и мѣсто. Но тамъ, гдѣ одна сторона присвоиваетъ себѣ право сужденія о томъ, существенно ли данное измѣненіе и достаточны ли основанія для него,—тамъ мы имѣемъ предъ собой одностороннее рѣшеніе. Дѣло идетъ теперь, слѣдовательно, не о „приказываніи и подчиненіи“, а о защитѣ нашихъ правъ“. Вопросъ права былъ настолько ясенъ, что даже самые консервативные юристы, въ родѣ Борнемана, министра юстиціи въ министерствѣ Кампгаузена, рѣшали его въ смыслѣ Гнейста, если только они не желали сознательно извращать право.

Большинство собранія и было убѣждено въ своемъ правѣ. Когда Бранденбургъ 9 ноября, послѣ своего „торжественнаго протеста“, покинулъ залъ засѣданія, то даже правая не послѣдовала за нимъ въ полномъ составѣ. Отдѣльные члены ея остались съ центромъ и лѣвой, потому ли, что въ нихъ заговорила совѣсть, или что ими руководили болѣе дурные мотивы. Членовъ собранія, не подчинившихся государственному перевороту, было около 250-ти— число, вполнѣ обезпечивавшее его способность принимать рѣшенія. По предложенію Гирке, бывшаго министра земледѣлія, собраніе почти единогласно приняло резолюцію, которая отрицала за короной право откладывать собраніе противъ его воли, переносить его въ другое мѣсто или распускать его и упрекала отвѣтственныхъ министровъ въ тяжкомъ нарушеніи долга передъ короной, страной и собраніемъ. Послѣ этого правильнаго рѣшенія вопроса о правѣ дальнѣйшее зависѣло отъ того, какъ собраніе защититъ свое право и отразитъ неправомѣрныя дѣйствія короны.

Самъ по себѣ вопросъ факта былъ такъ же ясенъ, какъ вопросъ о правѣ, и рѣшеніе его непосредственно вытекало изъ послѣдняго. Разъ корона употребила силу, то и собраніе должно было защищать себя силой. Дѣло шло здѣсь не о какомъ-либо правѣ на революцію, которое могло бы вызывать сомнѣнія у буржуазіи, стоящей на почвѣ „законности". Дѣло шло просто о законной самооборонѣ противъ незаконнаго нападенія, и защитникамъ волей или неволей приходилось прибѣгнуть къ тому же оружію, какое выбрали нападающіе. Народъ, въ предѣлы котораго насильственно вторгается чужеземный завоеватель, тоже защищаетъ свои очаги оружіемъ, а государственные измѣнники Бранденбургъ и Врангель были опаснѣе и болѣе достойны ненависти, чѣмъ чужеземный завоеватель. Разъ собраніе послѣ вѣроломнаго нарушенія права короною считало себя единственной законной властью въ странѣ, каковой оно въ дѣйствительности и было, то оно должно было призвать народъ къ сопротивленію во что бы то ни стало,—слѣдовательно—противъ вооруженныхъ угнетателей къ вооруженному же сопротивленію. Это было его правомъ и обязанностью, разъ корона пыталась силой разогнать его.

Въ описываемомъ положеніи вещей ничего не мѣнялось и въ томъ случаѣ, если собраніе опасалось, что изъ-за своихъ грубыхъ ошибокъ оно потеряло довѣріе народа, если оно боялось, что не сумѣетъ противопоставить вооруженнымъ силамъ короны болѣе значительныхъ силъ. Отказываться отъ борьбы за право только потому, что она можетъ кончиться пораженіемъ,—такъ поступаютъ трусы, а не мужчины. Если бы Леонидъ со своими тремястами воинами отступилъ отъ Ѳермопилъ на томъ основаніи, что онъ неизбѣжно будетъ разбитъ войскомъ персовъ, то онъ былъ бы увѣковѣченъ въ исторіи не какъ герой, а какъ плутъ или сумасшедшій. Но что вѣрно по отношенію къ войнѣ, то вѣрно и по отношенію къ революціи. Осуждая впослѣдствіи тактику прусскаго собранія во время ноябрьскаго кризиса, Марксъ писалъ: „Пораженіе послѣ упорной борьбы есть фактъ, имѣющій такое же революціонное значеніе, какъ легко добытая побѣда". Если бы собраніе рискнуло на борьбу даже при полной увѣренности въ пораженіи, то оно могло бы искупить вину своего прошлаго и спасти свое будущее: никогда прусскій парламентаризмъ не былъ бы осужденъ въ такомъ случаѣ на то, чтобы въ теченіе послѣдующаго полувѣка вести чисто призрачное бытіе. Къ тому же борьба вовсе не была такъ безна-

дежна, если бы собраніе сумѣло энергично, ясно и быстро дѣйствовать.

Случай къ этому представился національному собранію въ тотъ же день. Съ истинно прусскимъ цинизмомъ министръ внутреннихъ дѣлъ приказалъ черезъ президента полиціи начальнику гражданскаго ополченія не пропускать собранія въ зданіе драматическаго театра. Начальникъ отказался, совершенно основательно мотивируя свой отказъ тѣмъ, что по закону о гражданскомъ ополченіи оно обязано защищать „конституціонную свободу и законный порядокъ", а не нарушать ихъ, и что, согласно тому же закону, давать ему приказанія можетъ только магистратъ, а не министръ внутреннихъ дѣлъ и, еще того менѣе, президентъ полиціи. Римплеръ препроводилъ эту переписку Унру, а послѣдній поспѣшно созвалъ собраніе на 10 ноября къ 5 часамъ утра, такъ какъ президентъ полиціи объявилъ, что если гражданское ополченіе до 6 часовъ утра не выразитъ своей готовности исполнить приказаніе, то королевскія власти сами примутъ „соотвѣтствующія мѣры".

Въ этомъ рѣшительномъ засѣданіи собраніе имѣло передъ собой три заявленія, которыя могли опредѣлить его дѣйствія. Депутація отъ магистрата предложила себя въ посредники между короной и парламентомъ, она требовала „примирительныхъ шаговъ" отъ собранія и, въ особенности, предотвращенія кровопролитія. Гражданское ополченіе передало собранію переписку, которой обмѣнялось его начальство съ президентомъ полиціи, не прибавляя къ этому никакихъ особыхъ предложеній, слѣдовательно молчаливо намекая, что если оно и не дастъ злоупотребить собой для покушенія на собраніе, то на большій героизмъ съ его стороны собраніе не должно разсчитывать. Наконецъ, организованные рабочіе Берлина, „Берлинскій Окружный Комитетъ братства нѣмецкихъ рабочихъ", къ которому, — какъ Унру выразился во время чтенія, — „примыкаетъ, судя по подписямъ, большое число здѣшнихъ промысловъ", призывалъ собраніе къ вооруженному сопротивленію. Краткій адресъ ихъ гласилъ: „Берлинскіе рабочіе готовы съ оружіемъ въ рукахъ откликнуться на вашъ призывъ, если кто-нибудь осмѣлится нарушить права народа въ лицѣ его представителей; они предлагаютъ вамъ свои руки и свою кровь противъ всякаго врага, который захотѣлъ бы совершить государственную измѣну по отношенію къ вамъ и къ народнымъ свободамъ". Не открывая дебатовъ объ этихъ заявленіяхъ, Унру высказалъ, что „примирительныхъ шаговъ" собраніе больше дѣлать не мо-

жетъ, но что кровопролитіе должно быть, конечно, избѣгнуто. У министерства нужно отнять всякій поводъ къ насильственнымъ и принудительнымъ мѣрамъ, къ объявленію осаднаго положенія и т. д. Надо оказать пассивное сопротивленіе, и достаточно того, если собраніе дастъ разогнать себя „только силой“. Окончательное рѣшеніе зависитъ отъ страны. Пока печать, пока свобода союзовъ и собраній еще не задушены снова, страна можетъ безъ кровопролитія одолѣть реакцію. Если же страна не отвѣтитъ на насиліе достаточнымъ протестомъ, то она должна будетъ сама винить себя въ томъ, что едва расцвѣтшая свобода снова завянетъ.

Такъ какъ Унру лучше чѣмъ кому-либо былъ извѣстенъ фактъ, ни для кого не составлявшій секрета,—что контръ-революція какъ разъ и собирается „снова задушить“ свободу печати и свободу собраній и объявить осадное положеніе, съ достаточнымъ ли основаніемъ или безъ него, то героизмъ его принципіальнаго заявленія вполнѣ ясенъ. Сюда онъ присоединилъ еще призывъ къ гражданскому ополченію, чтобы оно не защищало активно собранія въ случаѣ, если послѣднему будетъ угрожать военная сила, а оказывало лишь пассивное сопротивленіе. По поводу же адреса рабочихъ онъ сказалъ: „Милостивые государи, если я васъ правильно понялъ, то намъ чуждо намѣреніе требовать или даже только допустить, чтобы эти люди, сила и кровь которыхъ принадлежатъ отечеству, пожертвовали ими въ ненадлежащемъ мѣстѣ и въ ненадлежащее время“. Унру былъ слишкомъ продувной буржуа, чтобы когда-либо и гдѣ-либо признать умѣстными рабочіе кулаки, хотя бы они хотѣли разгромить деспотическое беззаконіе исключительно въ интересахъ буржуазіи; по его мнѣнію, кровь и силы пролетаріата принадлежали исключительно „отечеству“, подъ которымъ онъ разумѣлъ прибыль на капиталъ.

Собраніе встрѣтило разъясненія своего президента „всеобщимъ браво“. Не было ни одного возраженія. Болѣе того, собраніе еще въ томъ же засѣданіи выпустило воззваніе къ народу, чтобы „въ эту тяжкую минуту, когда законное представительство народа разгоняется штыками, онъ ни на одно мгновеніе не покидалъ почвы закона“. Затѣмъ, желая доказать свою независимость отъ правительства тѣмъ, что оно обсуждаетъ органическіе законы въ отсутствіи министровъ, собраніе продолжало обсужденіе закона о феодальныхъ повинностяхъ, но при условіяхъ, которыя должны были такъ же охладить сельскій пролетаріатъ, какъ былъ уже охлажденъ объясненіемъ Унру пролетаріатъ городской. Немногіе оставшіеся

въ собраніи члены правой потребовали, чтобы расширительныя поправки къ закону, въ случаѣ возраженій хотя бы со стороны одного члена, передавались обратно въ коммиссію, и собраніе согласилось на это. Такимъ образомъ, оно приносило въ жертву интересы крестьянъ, чтобы ничѣмъ не поступиться изъ правъ тѣхъ членовъ, которые, забывъ свой долгъ, покинули собраніе.

Теперь только это „національное собраніе" разыграло, какъ фарсъ съ переодѣваніями, то, что французское національное собраніе сумѣло 60-ю годами раньше разыграть, какъ историческую драму.

Такъ, напримѣръ, правительственный законопроектъ предлагалъ безвозмездно уничтожить тѣ не опредѣленныя точно барщинныя повинности, которыя были чисто феодальнаго происхожденія и нигдѣ не основывались на договорѣ,—повинности, признанныя даже до-мартовскимъ законодательствомъ за слѣдствія крѣпостной зависимости. Но уничтоженіе ихъ предлагалось лишь въ немногихъ уголкахъ провинцій Саксонія и Вестфалія, гдѣ онѣ еще сохранились; въ западныхъ частяхъ страны иноземное владычество французовъ давно уже покончило съ этими остатками христіанско-германскаго величія. Однако, когда внесено было предложеніе отмѣнить безъ выкупа вообще всѣ не опредѣленныя точно барщинныя повинности, слѣдовательно—уничтожить ихъ и въ восточныхъ провинціяхъ, гдѣ онѣ являлись орудіемъ жестокой ростовщической эксплуатаціи, то предложеніе пришлось отложить, такъ какъ одинъ изъ членовъ правой высказался противъ обсужденія. Далѣе, правительственный проектъ хотѣлъ безвозмездно уничтожить охотничьи барщинныя службы и охотничьи оброки, встрѣчавшіеся подъ самыми разнообразными названіями. Рядъ поправокъ предлагалъ прибавить къ этой кучѣ средневѣковыхъ пережитковъ еще безчисленное множество другихъ натуральныхъ и денежныхъ оброковъ. Но ни одна изъ этихъ поправокъ не обсуждалась, такъ какъ всякій разъ какой-нибудь членъ правой возражалъ противъ этого. И эта исторія тянулась въ теченіе многихъ часовъ.

По горькой, но заслуженной ироніи судьбы, во время этой недостойной комедіи получилось извѣстіе, что зданіе театра, охраняемое гражданскимъ ополченіемъ съ Римплеромъ во главѣ, окружено теперь также войсками, которыми командуетъ Врангель. Чисто гомерическій словесный поединокъ, въ который вступили между собой Римплеръ и Врангель, кончился заявленіемъ генерала, что

хотя бы ему пришлось восемь дней стоять на площади, онъ уйдетъ не раньше, чѣмъ депутаты покинутъ зданіе, которое онъ намѣренъ послѣ ихъ ухода запереть. Гражданское ополченіе не хотѣло однако отступить безъ собранія, и потому президентъ констатировалъ, что наступило вмѣшательство военной силы. При „всеобщемъ браво", на которое всѣ были очень щедры въ эти дни, собраніе заявило, что оно уступаетъ „лишь военной силѣ", и удалилось вмѣстѣ съ гражданскимъ ополченіемъ. Послѣ этого войска заняли зданіе театра и во имя спасенія отечества стали забавляться разбрасываніемъ архива собранія.

11 ноября министерство распустило гражданское ополченіе, на чтó король формально имѣлъ право, „по важнымъ соображеніямъ, которыя должны быть ближе указаны въ указѣ о распущеніи". Тѣмъ ярче свидѣтельствовалъ о матеріальной незаконности этой мѣры единственный мотивъ, который былъ приведенъ въ указѣ: гражданское ополченіе распускалось за то, что отказалось подчиниться формально и матеріально незаконному приказанію президента полиціи и преградить доступъ къ зданію театра. Собраніе, которое въ этотъ день состоялось въ Стрѣлковомъ домѣ, объявило распущеніе гражданскаго ополченія незаконнымъ, а всякаго чиновника или гражданина, который будетъ содѣйствовать распущенію, измѣнникомъ отечеству, но прибавило сюда предусмотрительную оговорку, что оно требуетъ отъ министерства отмѣны указа и что гражданское ополченіе и населеніе Берлина должны спокойно ждать этой отмѣны. Римплеръ немедленно сложилъ съ себя командованіе. Маіоры гражданскаго ополченія сдѣлали больше, чѣмъ можно было ожидать. Въ ночь съ 11-го на 12-е ноября они собрались, чтобы обсудить, слѣдуетъ ли оказывать пассивное или активное сопротивленіе. Депутація отъ „Рабочаго братства" призывала ихъ къ активному сопротивленію и ручалась за энергичную поддержку пролетаріата, но кромѣ нея къ нимъ явился также Вальдекъ съ нѣсколькими депутатами лѣвой и сказалъ, что не его, молъ, дѣло давать совѣты майорамъ, такъ какъ онъ не военный и въ военныхъ наукахъ ничего не понимаетъ; что каждый долженъ знать, какъ ему слѣдуетъ поступать, — и тому подобныя фразы, имѣвшія цѣлью только расхолодить собравшихся. Послѣ непродолжительныхъ и безпорядочныхъ дебатовъ малочисленное собраніе разбѣжалось, и разоруженіе гражданскаго ополченія совершилось „спокойно".

Военщина опять не знала, что ей дѣлать дальше. Она хотѣла

и должна была объявить осадное положеніе, чтобы задушить свободу собраній и печати, но гражданское ополченіе дало благодушно разоружить себя, а отъ бумажныхъ протестовъ національнаго собранія ни у кого не упалъ даже волосокъ съ головы. Изъ этого затруднительнаго положенія услужливо вывелъ безпомощныхъ военныхъ глупый задоръ буржуазіи. 12 ноября въ совѣтѣ министровъ явилась депутація городскихъ гласныхъ, чтобы предложить ему выйти въ отставку. У Бранденбурга хватило самообладанія, чтобы со „спокойнымъ достоинствомъ", какъ разсказываетъ очевидецъ Гнейстъ, отклонить это требованіе, восхитительный юморъ котораго не ускользнулъ даже отъ его сообразительности. Но тутъ ораторъ магистрата выпалилъ слова: „Въ руки Демократическаго клуба и рабочихъ попало сейчасъ, неизвѣстно какимъ путемъ, много тысячъ ружей гражданскаго ополченія; мы считаемъ поэтому своимъ долгомъ, для предотвращенія страшнаго кровопролитія, протестовать противъ распущенія гражданскаго ополченія и угрожающаго осаднаго положенія". При этихъ словахъ, фактическое содержаніе которыхъ было чистѣйшей выдумкой, по лицамъ министровъ прошла гримаса злобной радости—„они просіяли отъ пріятной неожиданности", какъ выражается учтивый Гнейстъ. Они немедленно же отвѣтили, что именно въ виду такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ и нужно объявить осадное положені ; это было сдѣлано въ тотъ же день.

Всѣ клубы были немедленно закрыты, собранія численностью болѣе двадцати человѣкъ запрещены, выпускъ афишъ, газетъ и другихъ произведеній литературы поставленъ въ зависимость отъ дозволенія полиціи. Всѣ неугодные правительству органы печати были тотчасъ закрыты полиціей, а старымъ филистерскимъ газетамъ она внушила, что нить ихъ жизни будетъ прервана, какъ только онѣ опубликуютъ что-либо въ пользу національнаго собранія или во вредъ правительству. Сюда присоединилась еще масса обысковъ, арестовъ и другихъ притѣсненій, наприм., предоставленіе полиціи права—оно было тотчасъ же примѣнено къ Родбертусу—высылать въ 24 часа всѣхъ иногороднихъ, „которые не сумѣютъ представить удовлетворительныхъ объясненій о цѣли своего пребыванія въ Берлинѣ", или введеніе военныхъ судовъ, которымъ подлежалъ всякій, чьи „измѣнническія дѣйствія" будутъ угрожать войскамъ опасностью или вредомъ.

Узнавъ обо всѣхъ этихъ событіяхъ, собраніе поспѣшило въ Стрѣлковый домъ. Оказалось, что самый домъ и та часть города,

въ которой онъ находился, переполнены вооруженными людьми, не изъ гражданскаго ополченія, а изъ тѣхъ летучихъ отрядовъ, которые состояли изъ молодыхъ купцовъ, техниковъ, художниковъ, студентовъ и всегда выступали нѣсколько энергичнѣе ополченія. Всѣ они категорически требовали, чтобы имъ позволили защищать собраніе. Унру столь же категорически отвѣтилъ, что собраніе не желаетъ ихъ защиты, и Вальдекъ, въ качествѣ вице-президента, поддержалъ его. Унру прогналъ вооруженныхъ молодыхъ людей, отказавшись до ихъ ухода открыть засѣданіе. Въ самомъ засѣданіи осадное положеніе, объявленное правительствомъ, было признано незаконнымъ, но на этотъ разъ уже безъ обычнаго припѣва, что населеніе не должно оказывать ему активнаго сопротивленія. Юнгъ изъ лѣвой рѣшился даже заявить, что пора бросить учительскую манеру по отношенію къ народу и создавать своими увѣщаніями невѣрное представленіе, будто народъ не имѣетъ права активно противиться даже противозаконному насилію; если собраніе не желаетъ призывать народъ къ оружію, то пусть не удерживаетъ его, по крайней мѣрѣ, отъ этого. Въ собраніи заговорило понемногу чувство стыда. Въ то время какъ изъ всѣхъ концовъ страны на него сыпались сотни ободрительныхъ адресовъ, оно работало надъ квадратурой круга, желая защитить свободу, но такъ, чтобы при этомъ не была пролита ни одна капля крови.

Уже 11 ноября лѣвая предложила высказаться за всеобщій отказъ отъ уплаты налоговъ; предложеніе было, конечно, сдано въ коммиссію, послѣ того какъ Унру завѣрилъ собраніе, что и безъ этого „послѣдняго мирнаго средства" „голосъ страны" покроетъ „пискъ реакціи". Но такъ какъ реакція не „пищала", а стремительно прибѣгала ко все болѣе и болѣе незаконнымъ насильственнымъ мѣрамъ, несмотря на то, что „голосъ страны" раздавался все громче и громче, то 12 ноября лѣвая снова внесла предложеніе, которымъ измѣнническое министерство лишалось права расходовать государственныя деньги и взимать налоги. Кромѣ того Бухеръ предложилъ резолюцію, объявлявшую войско свободнымъ отъ данной присяги, если ему прикажутъ выполнять незаконныя дѣйствія въ родѣ проведенія на практикѣ осаднаго положенія. Затѣмъ нѣкоторые члены лѣвой предложили выпустить воззваніе, гдѣ „братья въ арміи" приглашались одобрить „законное поведеніе" собранія. Но немногимъ присутствовавшимъ членамъ правой всѣ эти мѣры показались слишкомъ крайними, и они при-

грозили, что если собраніе не откажется отъ подобныхъ плановъ, то они удалятся и лишатъ такимъ образомъ собраніе возможности принимать рѣшенія, такъ какъ оно не будетъ въ законномъ числѣ. Предложенія, касавшіяся арміи, были взяты обратно, и даже Циглеръ, обуреваемый своимъ прусскимъ государственнымъ фанатизмомъ, за который ему скоро пришлось довольно горько поплатиться, послалъ имъ вслѣдъ проклятіе, восхваляя дисциплину, какъ мать побѣдъ. Противъ отказа отъ уплаты налоговъ высказалось уже большинство коммиссіи, и собраніе отложило рѣшеніе этого вопроса до полученія письменнаго доклада ея. Немногіе члены правой, рѣшенію которыхъ собраніе было обязано своимъ формальнымъ правомъ на жизнь, одновременно лишили это право всякаго матеріальнаго содержанія.

Послѣ объявленія осаднаго положенія министерство выступило рѣшительнѣе противъ собранія, третируя его какъ частный клубъ съ числомъ членовъ, превышающимъ 20 человѣкъ. Тѣмъ не менѣе собранію удалось имѣть еще три засѣданія 13-го, 14-го и 15-го ноября. Невозможно безъ стыда читать стенографическіе отчеты объ этихъ засѣданіяхъ. Министры были снова объявлены государственными измѣнниками, и на нихъ была принесена жалоба... прокурору, читались при бурныхъ одобреніяхъ адресы, а въ промежуткахъ вице-президентъ и нѣсколько секретарей, оставшихся послѣ засѣданія 13 ноября въ залѣ Стрѣлковаго дома для пріема депутацій, разсказывали, съ какой неожиданной для нихъ вѣжливостью они были удалены оттуда военной силой. Вице-президентъ растроганнымъ голосомъ пояснилъ, что противъ него была употреблена, хотя и суровая, но не грубая сила; одинъ изъ секретарей съ чувствомъ умиленія изобразилъ, какъ солдатъ, „рослый и сильный дѣтина, самымъ нѣжнымъ образомъ, рука объ руку, скорѣе какъ братъ, чѣмъ какъ противникъ“, спровадилъ его внизъ по лѣстницѣ, а другой секретарь прибавилъ, что у солдатъ „катились слезы изъ глазъ“. Правда, одинъ изъ членовъ лѣвой протестовалъ противъ этого восхищенія прусской тиранніей, когда она входитъ крадучись въ мягкихъ чулкахъ, но за такую насмѣшку былъ наказанъ „порицаніемъ“ собранія. Наряду съ этимъ старательно заносилось, впрочемъ, въ протоколъ и всякое рѣзкое слово, сказанное депутату тѣмъ или инымъ поручикомъ. Эти „хорошіе люди и плохіе музыканты“ вели себя такъ, словно дѣло шло не объ историческомъ процессѣ между короной и народомъ, а разбирался процессъ объ оскорбленіи словами, сильно нуждающійся въ доказательствахъ за и противъ.

Теперь собраніе угнеталъ еще только одинъ предпринятый имъ шагъ важнаго государственнаго значенія—отказъ отъ уплаты налоговъ. Разъ оно такъ часто объявляло Бранденбурга и его товарищей государственными измѣнниками, оно могло и даже должно было отказать имъ въ правѣ взимать налоги и расходовать государственныя суммы. Но при такомъ условіи отказъ отъ уплаты налоговъ былъ уже не послѣднимъ шагомъ пассивнаго сопротивленія, а первымъ шагомъ активнаго. Если за отказомъ отъ уплаты налоговъ желали сохранить характеръ „мирнаго средства", то оставалось только поднять разныя конституціонныя сомнѣнія насчетъ того, можетъ ли собраніе, несмотря на право вотированія налоговъ, предоставленное будущимъ народнымъ представителямъ въ законѣ 6-го апрѣля, отказать въ уплатѣ налоговъ, внесенныхъ уже въ бюджетъ текущаго года.

Вопросъ этотъ настолько вплотную придвинулся къ собранію, что не только члены правой, но и многіе другіе депутаты почувствовали себя весьма непріятно. Послѣ вторичнаго обсужденія коммиссія пятью голосами противъ трехъ снова отвергла отказъ отъ уплаты налоговъ. Но адресы и депутаціи становились все настойчивѣе, и вотъ Унру придумалъ особенно хитрую тактику. Когда въ засѣданіи 14 ноября, происходившемъ въ залѣ городской думы, стали передаваться слухи о приближеніи войска, то онъ заявилъ: если собраніе будетъ еще разъ разогнано, то онъ не будетъ созывать его до тѣхъ поръ, пока оно не сможетъ спокойно работать, ибо достоинство собранія не позволяетъ, чтобы оно давало себя гнать изъ одной части города въ другую. Войско не явилось, однако, и когда Вальдекъ при рѣзкихъ протестахъ правой потребовалъ рѣшенія вопроса объ отказѣ отъ уплаты налоговъ, то президентъ попросилъ его потерпѣть до слѣдующаго дня, чтобы не нарушить какимъ-либо разногласіемъ „славной позиціи", занятой собраніемъ. Унру обѣщалъ созвать собраніе, такъ какъ оно не было разогнано, на слѣдующее утро въ томъ же самомъ залѣ. Вальдекъ удовлетворился этимъ обѣщаніемъ и выразилъ согласіе на отсрочку. Но послѣ засѣданія залъ былъ занятъ войсками, и Унру думалъ теперь, что вмѣстѣ съ народнымъ представительствомъ онъ похоронилъ и отказъ отъ уплаты налоговъ.

Однако собраніе было не совсѣмъ такъ недостойно настроено, какъ его достойный предсѣдатель. Вслѣдствіе письменнаго требованія, подписаннаго болѣе чѣмъ 202 членами (каковое число давало право принимать рѣшенія), Унру вынужденъ былъ

еще разъ созвать собраніе на вечеръ 15 ноября въ отель Миленцъ. На него одинаково поспѣшили явиться и сторонники и противники отказа отъ уплаты налоговъ. Съ одной стороны, коммиссія пришла теперь къ выводу: дѣйствія и мѣры правительства дошли до такихъ крайнихъ предѣловъ насилія, хитрости и несправедливости, собраніе окружено такою сѣтью насилія и коварства, что ему не остается ничего другого, какъ рѣшиться на это крайнее средство, хотя бы оно грозило водвореніемъ анархіи въ странѣ. Съ другой стороны, противники отказа отъ уплаты налоговъ весьма не прочь были, раньше чѣмъ этотъ жгучій вопросъ вспыхнетъ яркимъ пламенемъ, растоптать его или, въ худшемъ случаѣ, обставить постановленіе собранія столькими оговорками, чтобы оно на дѣлѣ свелось къ нулю. Они подготовили предложеніе, согласно которому налоги должны взиматься попрежнему и точно такъ же должны производиться платежи, ассигнованные за счетъ этихъ налоговъ, но излишки поступленій должны быть препровождаемы не въ распоряженіе министерства Бранденбурга, а удерживаемы органами фиска у себя подъ своей собственной отвѣтственностью. Трудно было придумать болѣе яркую иллюстрацію пассивнаго сопротивленія, чѣмъ это сваливаніе противодѣйствія государственному перевороту на самый безпомощный изъ всѣхъ классовъ: на всецѣло зависимую отъ министерства бюрократію.

Отъ этого послѣдняго позора собраніе было избавлено своевременнымъ появленіемъ войска. Во время громовой филиппики которую одинъ изъ членовъ собранія произносилъ противъ отказа отъ уплаты налоговъ, маіоръ Герварть, впослѣдствіи фельдмаршалъ, занялъ домъ пикетомъ солдатъ. Едва Унру замѣтилъ появленіе спасительныхъ касокъ въ залѣ, какъ заявилъ, что въ присутствіи штыковъ онъ не приступитъ къ голосованію. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ Гервартомъ Унру произнесъ сакраментальную формулу—„мы опять уступаемъ силѣ“, но собраніе, охваченное мгновеннымъ приливомъ возбужденія, запротестовало и потребовало голосованія. Родбертусъ со свойственною ему учтивостью попросилъ майора удалиться на минуту, и отказъ отъ уплаты налоговъ былъ единогласно принятъ въ самой слабой изъ всѣхъ формулировокъ, предложенныхъ до тѣхъ поръ, а именно, у министерства Бранденбурга отнималось право распоряжаться государственными суммами и взимать налоги, покуда собраніе лишено возможности безпрепятственно продолжать свои

засѣданія въ Берлинѣ. Президентъ объявилъ рѣшеніе принятымъ на законномъ основаніи и закрылъ засѣданіе.

Но вслѣдъ затѣмъ сей осторожный мужъ немедленно устроилъ совѣщаніе изъ должностныхъ лицъ національнаго собранія, гдѣ было констатировано, что изложенное выше постановленіе не есть еще постановленіе, ибо принятое предложеніе было внесено лишь въ рукописномъ видѣ, а такой-то параграфъ регламента гласитъ, что ненапечатанныя предложенія, если они были приняты собраніемъ, должны послѣ напечатанія подвергаться вторичному голосованію, безъ дебатовъ. Правда, всего лишь днемъ раньше президентъ объяснилъ, что нарушеніе этого чисто формальнаго требованія нисколько не подрываетъ матеріальной законности рѣшенія, но хорошая идея могла вѣдь и за ночь притти ему въ голову. Разумѣется только, что въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ либо созвать еще разъ собраніе для выполненія указанной формальности, либо, если онъ этого не желалъ, то, по крайней мѣрѣ, оффиціально оповѣстить плательщиковъ налоговъ, что постановленіе, которое онъ оффиціально призналъ „принятымъ на законномъ основаніи", все-таки не имѣетъ силы закона. Элементарнѣйшее чувство чести и долга должно были удержать его отъ сознательнаго введенія въ заблужденіе избирателей, которые не могли, конечно, знать всѣхъ мудреныхъ формальностей парламентской процедуры. Тѣмъ не менѣе совѣщаніе высказалось въ томъ смыслѣ, что собраніе не обязано публиковать поученій насчетъ своего регламента. Послѣ того какъ эти бравые буржуа спасли свои драгоцѣнные животы, они не боялись больше разыгрывать изъ себя безстрашныхъ героевъ за счетъ своихъ избирателей.

При такихъ обстоятельствахъ рѣшеніе объ отказѣ отъ уплаты налоговъ было выстрѣломъ въ воздухъ. Отдѣльные революціонные очаги, особенно въ Рейнской провинціи и въ Силезіи, воспользовались имъ, чтобы поднять вооруженное сопротивленіе, но эти мѣстные пожары сгорѣли въ собственномъ огнѣ, такъ какъ собраніе не позаботилось о томъ, чтобы зажечь огромный пожаръ, *организовавъ* отказъ отъ уплаты налоговъ. Когда нѣсколько десятковъ депутатовъ, высказавшихся за отказъ отъ уплаты налоговъ, были впослѣдствіи привлечены къ суду за мнимое подстрекательство своихъ избирателей, то они убѣдительно доказали свою совершенную невинность, а Шульце-Деличъ могъ даже похвалиться, что онъ удержалъ гражданъ своего родного города, когда тѣ уже готовились взять приступомъ складъ оружія для ландвера. Только

одинъ Бухеръ былъ изобличенъ въ томъ, что онъ призывалъ своихъ избирателей, и, въ особенности, органы городского самоуправленія въ своей родной провинціи къ захвату королевскихъ казначействъ, къ устраненію чиновниковъ, послушныхъ измѣнническому министерству, къ вооруженному сопротивленію противъ вооруженныхъ покушеній, словомъ, ко всему тому, что должны были сдѣлать члены собранія, если они въ своемъ рѣшеніи объ отказѣ отъ уплаты налоговъ видѣли нѣчто большее, чѣмъ пустыя слова.

Благополучно приведши дѣла въ безнадежное состояніе, Унру и товарищи задумали собраться въ городѣ Бранденбургѣ для продолженія своего парламентскаго пустословія. Но этотъ расчетъ былъ сдѣланъ безъ министерства Бранденбурга. Какъ только контръ-революція убѣдилась, что народныя массы не поддерживаютъ больше собранія, она обнаружила то практическое и тактическое превосходство, которое всегда отличало политику прусскаго юнкерства по сравненію съ политикой прусской буржуазіи. 5 декабря министерство распустило собраніе, но одновременно съ этимъ обнародовало составленную по его же черновымъ конституцію, подлежавшую еще пересмотру собранія, выбраннаго на основаніи всеобщаго избирательнаго права. Правда, конституція была жестоко искажена въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ; правда, наряду съ новымъ собраніемъ корона призывала еще для пересмотра первую палату, выбранную на основаніи высокаго ценза, но блескъ свободныхъ принциповъ такъ ярко сіялъ въ дарованной королемъ грамотѣ, что публика легко проглядѣла оговорки, которыя могли свести на нѣтъ все это конституціонное великолѣпіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство обѣщало внести въ ближайшее представительное собраніе длинный рядъ поименно перечисленныхъ законопроектовъ, которые должны были поставить прусское государство на твердомъ основаніи гражданской свободы. Въ доказательство своихъ добрыхъ намѣреній оно отмѣной газетнаго штемпельнаго сбора пощекотало буржуазную печать въ томъ мѣстѣ, гдѣ та была особенно чувствительна; затѣмъ, оно наполнило судейскою гордостью сердца бравыхъ бюргеровъ, издавъ рескриптъ о введеніи суда присяжныхъ, и, наконецъ, указомъ о временномъ урегулированіи помѣщичье-крестьянскихъ отношеній въ Силезіи попыталось затушить самый опасный очагъ крестьянскаго бунта. Послѣднее удалось ему не столько благодаря нѣсколько болѣе мягкимъ предписаніямъ указа, сколько благодаря летучимъ отрядамъ, разъ-

ѣзжавшимъ по Силезіи, и, въ особенности, благодаря разочарованію, которое парламентъ принесъ надеждамъ крестьянъ. Именно на это и спекулировала контръ-революція. Она грустно жаловалась крестьянамъ, что къ своему горю не можетъ кореннымъ образомъ помочь имъ до созыва второго собранія, но виновато въ этомъ исключительно только что распущенное собраніе, которое вмѣсто заботы о благѣ крестьянъ, столь близкомъ сердцу короля, занималось „безпрерывными запросами о вещахъ, совершенно чуждыхъ его призванію". Это былъ необыкновенно наглый обманъ, такъ какъ именно усердное обсужденіе собраніемъ закона о повинностяхъ, быть-можетъ, больше всего побудило корону и юнкеровъ къ государственному перевороту, но тотъ фактъ, что правительство вообще отважилось на такую ложь, не лишенную притомъ нѣкотораго правдоподобія, собраніе должно было поставить въ вину самому себѣ.

Теперь ясно стало, что собраніе сумѣло усѣсться не между двумя только, а между тремя стульями. Оно было покинуто собственнымъ классомъ. Министерство даровало щедрой рукой почти все, что хотѣло дать собраніе, и если даже кое-что недоставало, то недочеты съ избыткомъ искупались надеждой на оживленіе кредита и на возстановленіе спокойствія, которыя позволили бы эксплуататорской машинѣ безпрепятственно функціонировать дальше. Добрые буржуа воображали себѣ, что все останется при томъ положеніи, которое контръ-революція нашла въ данный моментъ удобнымъ пообѣщать.

Еще болѣе жалкимъ, чѣмъ поведеніе буржуазіи, было поведеніе образованныхъ классовъ, изъ которыхъ она главнымъ образомъ брала своихъ передовыхъ парламентскихъ борцовъ: мы разумѣемъ городскую бюрократію, университеты и, въ особенности, суды. За немногими исключеніями магистраты большихъ городовъ старались превзойти другъ друга въ раболѣпныхъ заявленіяхъ, а 80 профессоровъ берлинскаго университета, въ томъ числѣ такіе люди, какъ оба Гервинуса, Шёнлейнъ, Эренбергъ, Бекъ, договорились въ адресѣ королю до такого перла, что разогнанное національное собраніе „опозорило честь нѣмецкой націи". Затѣмъ, въ исторіи прусской юстиціи неизгладимыми чертами записано, какъ суды, до извѣстной степени для искупленія своихъ крамольныхъ вожделѣній, подчинились штыку, какъ они, открыто и сознательно издѣваясь надъ закономъ, сумѣли каждый насильственный актъ правительства окружить почтеннымъ ореоломъ права; все это происхо-

дило, конечно, не въ первый и не въ послѣдній разъ въ храмѣ правосудія, къ которому неисправимое холопское терпѣніе нѣмецкаго Михеля дерзаетъ приблизиться не иначе, какъ съ священнымъ трепетомъ.

Но позорнѣе всѣхъ почти вело себя во время ноябрской трагикомедіи германское національное собраніе. Оно послало въ Берлинъ нѣсколькихъ коммиссаровъ для посредничества между короной и парламентомъ, но эти господа сдѣлали себя невозможными,— одни, какъ Симсонъ, своимъ тщеславнымъ, ни на чемъ неоснованнымъ важничаньемъ, другіе, какъ Бассерманъ, глупыми измышленіями относительно Берлина, который они изобразили въ видѣ Содома и Гоморры, кишащихъ какими-то страшными чудищами. Франкфуртское собраніе пролепетало затѣмъ требованіе объ отставкѣ министерства Бранденбурга и громовымъ голосомъ объявило рѣшеніе объ отказѣ отъ платежа налоговъ лишеннымъ всякой юридической силы. Этотъ просвѣщенный парламентъ не понималъ даже того, что такимъ образомъ онъ самого себя объявляетъ лишеннымъ всякой силы, ибо его собственная гибель такъ же необходимо слѣдовала за гибелью берлинскаго собранія, какъ Б за А.

---

8. Мятежная мелкая буржуазія.

Изъ страха передъ рабочимъ классомъ нѣмецкая буржуазія подчинилась абсолютистско-феодальной реакціи. Разъ корона и юнкеры зажимали ротъ пролетаріату, она охотно или неохотно давала зажимать его и себѣ. Но одно утѣшеніе въ своемъ горѣ она имѣла: при своей слабости она все-таки значительно шагнула впередъ; она осталась поднимающимся вверхъ классомъ, несмотря на узду, которая снова была накинута на нее.

Иначе дѣло обстояло съ нѣмецкой мелкой буржуазіей: тотъ классъ потерпѣлъ во время нѣмецкой революціи рѣшительное пораженіе, отъ котораго ему никогда не суждено было оправиться. Съ середины 18-го и до середины 19-го вѣка она неоднократно пыталась подняться и по своему боролась за гражданскую свободу. Но ей никогда не удавалось совершенно освободиться отъ того стараго мѣщанства и филистерства, которыя съ половины 16-го столѣтія вошли въ ея плоть и кровь. Какъ только послѣ мартовскихъ дней исчезла иллюзія, что съ крушеніемъ до-мартовскаго государства наступитъ всеобщее благополучі ; какъ толь-

ко оказалось, что гражданская свобода лишь создала почву, на которой можетъ развиваться великая классовая борьба современнаго буржуазнаго общества,—такъ нѣмецкій мелкій буржуа въ ужасѣ отпрянулъ передъ страшной перспективой. Онъ желалъ во что бы то ни стало сохранить свой покой, хотя бы за это пришлось заплатить своимъ моральнымъ, экономическимъ и политическимъ паденіемъ.

Въ Англіи и Франціи, въ англійскомъ чартизмѣ и французской соціалъ-демократіи, наиболѣе энергичные элементы мѣщанства вступили съ пролетаріатомъ въ союзъ противъ буржуазіи,—не ко благу пролетаріата, развитіе котораго, какъ класса, сильно замедлилось отъ этого, а къ выгодѣ мѣщанства, пріобрѣвшаго благодаря этому союзу революціонные инстинкты. Нѣмецкая мелкая буржуазія никогда не была въ состояніи возвыситься до идеи такого союза; она всегда считала достаточнымъ уже подвигомъ съ своей стороны, если обращалась къ пролетаріату съ дѣтскимъ требованіемъ, чтобы тотъ слѣпо довѣрился ея руководству. Эта мѣщанская ограниченность принесла необыкновенную пользу нѣмецкому пролетаріату; среди причинъ, содѣйствовавшихъ болѣе могучей политической организаціи пролетаріата въ Германіи, чѣмъ въ Англіи и Франціи, она занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Наоборотъ, для нѣмецкой мелкой буржуазіи имѣло роковое значеніе то обстоятельство, что она никогда, даже послѣ самыхъ горькихъ уроковъ, не сумѣла возвыситься до сочувственнаго пониманія пролетарской классовой борьбы. Въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ не проходило десятилѣтія, чтобы отдѣльные идеологи не пытались организовать мелкобуржуазной демократіи, предлагая ей разомкнуть свои ряды влѣво, чтобы тѣмъ крѣпче сомкнуть ихъ справа. Блестящіе публицистическіе таланты, въ родѣ Валесроде и Гвидо Вейса, надорвали свои силы въ такихъ попыткахъ. Но всякій разъ вокругъ этого знамени собиралась лишь кучка идеологовъ, и, едва развернувшись, оно снова падало. Масса нѣмецкой мелкой буржуазіи оставалась глуха ко всѣмъ призывамъ вступить на путь разумной и смѣлой классовой политики.

Эта масса распадалась въ 1848 г. на три части, жалкіе остатки которыхъ сохранились въ современномъ рейхстагѣ въ видѣ антисемитской, свободомыслящей и южно-германской „народной“ партій. Антисемитско-цеховое направленіе нашло себѣ опорный пунктъ въ сѣверо-германскихъ мелкихъ и среднихъ государствахъ, гдѣ еще не былъ окончательно уничтоженъ цеховый строй: въ ганзей-

скихъ городахъ, въ Ганноверѣ, Брауншвейгѣ, Мекленбургѣ, отчасти также въ Саксоніи. Уже 22 апрѣля 1848 г. 22 старшины лейпцигскихъ цеховъ обратились ко всѣмъ „цеховымъ товарищамъ Германіи" съ открытымъ письмомъ, гдѣ послѣдніе приглашаются крѣпко хранить цеховый строй, какъ „сокровище", безъ котораго рабочій вопросъ никогда не можетъ быть разрѣшенъ, безъ котораго Германіи не видать вообще хорошихъ дней. Рука объ руку съ этимъ восхваленіемъ цеха шли яростныя нападки противъ евреевъ, сердце которыхъ — денежный мѣшокъ, эмансипація которыхъ—модный товаръ: ихъ дѣятельности Германія въ значительной мѣрѣ обязана ростомъ пролетаріата, который затѣмъ возбуждается еврейскими ораторами и писателями противъ существующаго строя. Далеко не послѣдней реакціонной чертой этого воззванія были его партикуляристскія подмигиванія въ сторону другихъ нѣмецкихъ государствъ и рѣзкая полемика противъ всеобщаго избирательнаго права, которое подавляетъ-де мастеровъ тѣмъ, что даетъ право голоса прислугѣ и подмастерьямъ.

Подобныя же воззванія были выпущены бременскими и гамбургскими ремесленными мастерами, а 2 іюня въ Гамбургѣ открылось „Собраніе сѣверо-германскаго ремесленнаго и промышленнаго сословія", на которое явилось 200 делегатовъ; здѣсь на всѣ лады варьировалась старая пѣсня объ единоспасающемъ цехѣ и всеразоряющей свободѣ промышленности. Смѣлое заявленіе одного берлинскаго делегата, что безъ свободы промышленности никогда не удалось бы возстановить берлинцевъ противъ ихъ добраго короля, встрѣтило даже восторженное одобреніе. При такой безнадежной спутанности понятій съѣздъ разошелся бы, вѣроятно, безъ всякихъ результатовъ, тѣмъ болѣе, что между мастерами и подмастерьями возгорѣлся ожесточенный споръ, но тутъ вмѣшался съ примирительною цѣлью одинъ изъ членовъ собранія, который былъ допущенъ въ него лишь послѣ долгаго сопротивленія: онъ внесъ въ эту цеховую путаницу современную, такъ сказать, связующую идеѣ. Это былъ профессоръ Винкельблехъ, котораго послало делегатомъ одно народное собраніе въ Касселѣ.

Винкельблехъ читалъ лекціи по химіи въ кассельской высшей промышленной школѣ и страннымъ образомъ открылъ у себя соціалистическія симпатіи во время одной поѣздки въ Норвегію, подъ вліяніемъ тѣхъ картинъ бѣдственнаго положенія пролетаріата, которыя нарисовалъ ему одинъ случайно встрѣченный тамъ нѣмецкій фабричный рабочій. Послѣ этого Винкельблехъ, по его

собственнымъ словамъ, рѣшилъ заниматься впредь не однѣми только машинами и техникой, а человѣкомъ и его хозяйственной системой. Онъ составилъ ученую систему, размазанную впослѣдствіи и въ пространномъ сочиненіи,—систему, которая должна была примирить либерализмъ и коммунизмъ посредствомъ федерализма, уничтожить монополизмъ панполизмомъ и вообще скверные „измы" замѣнить хорошими „измами". По существу дѣла это былъ ограниченный мѣщанскій соціализмъ, не нашедшій лучшаго способа выразить свою справедливую ненависть къ эксплуататорскимъ тенденціямъ буржуазіи, какъ состряпавъ винигретъ изъ христіанско-германскаго цеховаго строя, мальтузіанской теоріи народонаселенія—да притомъ еще въ грубомъ преувеличеніи—и отдѣльныхъ мыслей Фурье и Луи Блана.

Такая мѣшанина была однако какъ разъ подходящей для собранія ремесленныхъ мастеровъ, которые на почвѣ буржуазной революціи хотѣли снова оживить цеховый строй. По предложенію Винкельблеха гамбурскій съѣздъ объявилъ, что лишь послѣдовательное проведеніе цеховаго устройства во всѣхъ отрасляхъ промышленности можетъ спасти Германію отъ участи Англіи и Франціи и отъ опасностей коммунизма. Для обсужденія такого устройства и для передачи выработаннаго проекта германскому національному собранію съѣздъ рѣшилъ созвать во Франкфуртѣ-на М. всеобщій германскій конгрессъ ремесленниковъ. Этотъ конгрессъ, на который пріѣхали 116 мастеровъ изъ 24 нѣмецкихъ государствъ, засѣдалъ отъ середины іюля до середины августа и выработалъ, по указаніямъ Винкельблеха, проектъ ремесленнаго и промышленнаго устава, переданный затѣмъ національному собранію, какъ „торжественный, подписанный милліонами несчастныхъ протестъ противъ свободы промышленности". Но германскій парламентъ не зналъ, что ему дѣлать съ этой странной смѣсью прогрессивныхъ и реакціонныхъ предложеній, и изъ всѣхъ его грѣховъ это былъ, пожалуй, самый малый грѣхъ.

Проектъ требовалъ своего рода цеховаго государства, іерархически расчлененнаго, съ общегерманской промышленной камерой во главѣ. „Соціальная камера" должна была избираться всѣми цеховыми мастерами путемъ прямыхъ выборовъ и собираться одновременно съ германскимъ парламентомъ въ его резиденціи, чтобы составить совѣщательное учрежденіе при немъ. Внутри цеховъ долженъ былъ сохраниться старый рядъ ступеней—ученика, подмастерья, мастера; точно также должны были остаться рабо-

чія книжки, обязательность ученичества и странствованія подмастерьевъ, экзаменъ на званіе мастера, ограниченіе *однимъ* ремесломъ. Сюда прибавили еще требованіе брачнаго ценза, т.-е. представленія всѣми желающими вступить въ бракъ доказательства наличности брачнаго капитала. Рядомъ съ этими реакціонными утопіями были, правда, выставлены также практически-реформаторскія требованія: введеніе прогрессивнаго налога на доходы и имущества, законодательное регулированіе рабочаго времени, коренное улучшеніе школьнаго дѣла, безплатное обученіе и поднятіе народныхъ школъ на степень общихъ образовательныхъ учрежденій для всѣхъ членовъ гражданскаго общества, дабы искусство и наука стали общедоступнымъ благомъ для всего народа и не оставались больше монополіей богатства.

Тѣмъ не менѣе центръ тяжести конгресса лежалъ въ реакціонныхъ цеховыхъ стремленіяхъ. Это проявилось, въ частности, въ его враждебномъ отношеніи къ тѣмъ десяти подмастерьямъ, которые были выбраны делегатами на конгрессъ. Сначала ихъ совсѣмъ не желали допустить, затѣмъ они были допущены, но только съ совѣщательнымъ голосомъ. Тогда они созвали, также во Франкфуртѣ, особый конгрессъ подмастерьевъ, на который явилось много делегатовъ. Конгрессъ этотъ, засѣдавшій съ конца іюля до конца сентября, сталъ въ рѣзкій антагонизмъ къ конгрессу мастеровъ. „Эгоизмъ мастеровъ",—такъ пишетъ онъ въ петиціи къ національному собранію,—„заставляетъ ихъ настолько терять разсудокъ, что они осмѣливаются объявлять насъ несовершеннолѣтними, — насъ, обладающихъ молодостью, а слѣдовательно и силой, насъ, являющихся работниками, слѣдовательно истинными производителями, а потому и солью земли въ Германіи, насъ, составляющихъ громадное большинство и знающихъ, что мы его составляемъ". Однако и этотъ конгрессъ не вышелъ изъ-подъ власти отжившихъ цеховыхъ идеаловъ.

Винкельблехъ, желавшій объединить всѣхъ противниковъ крупнаго капитала, съ глубокою скорбью видѣлъ, что его мелкобуржуазной утопіи грозитъ опасность вслѣдствіе раздора между мастерами и подмастерьями, и его неутомимой энергіи удалось привлечь подмастерьевъ на сторону главныхъ требованій мастеровъ, на сторону принудительной организаціи цеховъ и даже на сторону брачныхъ ограниченій для рабочихъ. Правда, подмастерья хотѣли цеховаго устройства не по шаблону стараго цеховаго порядка. Они по-своему требовали „организаціи труда", „введенія

новаго цеховаго строя, который былъ бы совершенно отличенъ отъ прежняго, который бы отвѣчалъ нашимъ высоко развитымъ промышленнымъ условіямъ, признавалъ одинаковыя права за всѣми производителями и охватывалъ всѣ соціальныя профессіи". Они возставали также противъ нѣкоторыхъ важныхъ положеній въ проектѣ мастеровъ, проникнутыхъ духомъ опеки надъ подмастерьями. Они отвергли рабочія книжки, какъ „крайне стѣснительную полицейскую мѣру", они слышать не хотѣли объ обязательномъ странствованіи, они приняли прогрессивный налогъ лишь какъ палліативъ, но отнюдь не какъ достаточное средство для примиренія капитала съ трудомъ. Но въ существѣ своихъ воззрѣній конгрессъ подмастерьевъ все же являлся представителемъ лишь той части германскихъ подмастерьевъ, которая еще коснѣла въ грубыхъ предразсудкахъ цеховаго ремесла.

Онъ поэтому и началъ крайне неумѣло съ основанія всеобщаго нѣмецкаго союза рабочихъ, который долженъ былъ объединить нѣмецкіе рабочіе ферейны подъ однимъ лозунгомъ, гласившимъ, что рабочіе не должны служить никому, кромѣ самихъ себя, что они должны преслѣдовать исключительно свои собственныя цѣли. Этотъ разумный принципъ былъ однако тотчасъ же снова нарушенъ совѣтомъ, чтобы рабочіе союзы занимались политикой лишь тогда, когда ею затрагиваются непосредственно ихъ сословные интересы. Важнѣе политики конгрессъ подмастерьевъ считалъ общую кокарду и общее знамя, принятіе которыхъ онъ въ напыщенныхъ воззваніяхъ рекомендовалъ рабочимъ. Конгрессъ подмастерьевъ кончилъ тѣмъ, что назначилъ коммиссію, которой поручилъ организацію всѣхъ рабочихъ Германіи, а также изданіе общенѣмецкой рабочей газеты; въ коммиссію былъ выбранъ и Винкельблехъ. Эта газета вышла во Франкфуртѣ 1 января 1849 г., но уже первымъ своимъ номеромъ, гдѣ конституціонная система вышучивалась при помощи романтическихъ фразъ прусскаго короля, она сдѣлала себя невозможной въ глазахъ всѣхъ сколько-нибудь развитыхъ рабочихъ.

Рядомъ съ реакціонно-цеховымъ мѣщанствомъ существовала мелко-буржуазная демократія. Она состояла изъ тѣхъ элементовъ ремесла, которымъ еще не угрожала крупная индустрія или которые сумѣли приспособиться къ ней, изъ мелкихъ торговцевъ, изъ политически пробудившихся слоевъ крестьянства и, въ довольно значительной степени, изъ тѣхъ частей ученаго и литературнаго класса, которыя не могли еще примириться съ наемной каба-

лой, грозившей имъ со стороны капитализма. Эта демократическая мелкая буржуазія организовалась политически въ конгрессахъ, союзахъ, газетахъ. Но она не была замкнутымъ цѣлымъ, а распадалась на сѣверо-германскую и южно-германскую составныя части, которыя при всемъ своемъ значительномъ сходствѣ различались все-таки другъ отъ друга во многихъ отношеніяхъ.

Мелко-буржуазная демократія сѣверной Германіи нашла себѣ классическое выраженіе въ лѣвой прусскаго національнаго собранія. Если она и освободилась отъ средневѣковыхъ цеховыхъ фантазій, то тѣмъ крѣпче была взята на буксиръ буржуазіей, — подчасъ довольно длинный, но все же неразрывный буксиръ. Постоянно вести послѣдовательную, самостоятельную политику она никогда не отваживалась, и даже всякая охота къ этому пропадала у нея регулярно всякій разъ, когда ей приходилось дѣлать рѣшительный выборъ между буржуазіей и пролетаріатомъ. Въ такіе моменты она безъ оглядки ухватывалась за наиболѣе передовую фракцію буржуазіи. Правда, въ лѣвой прусскаго національнаго собранія были отдѣльные члены, которые не пугались союза съ рабочимъ классомъ и даже сами желали его: соціалисты по чувству, въ родѣ престарѣлаго Неесъ фонъ-Эзенбека изъ Бреславля, или рѣшительные практическіе люди, въ родѣ молодого врача д'Эстера изъ Кельна. Но все это были единицы, въ моментъ же, когда собраніе переживало рѣшительный кризисъ, демократическая мелкая буржуазія плясала вполнѣ подъ дудку либеральной буржуазіи.

Съ самой дурной стороны она проявила себя въ Берлинѣ, гдѣ она безконечнымъ похмельемъ искупала мгновенное опьянѣніе мартовской ночи. Въ своей коммунальной и военной организаціи, въ лицѣ городского управленія и гражданскаго ополченія, она дошла до крайнихъ проявленій трусливаго страха. Даже отъ органа берлинской буржуазіи, безспорно не страдавшей излишествомъ героизма, ей пришлось выслушать суровый репримандъ по поводу того, что „она изъ-за всякаго пустяка бьетъ тревогу". Классическій памятникъ она воздвигла себѣ въ „*Фоссовой Газетѣ*". Въ первые дни послѣ мартовской борьбы всегдашняя трусливость этого органа была прервана на время трескучими крайними фразами, которыми мѣщанинъ такъ любитъ щеголять, когда онъ сидитъ въ безопасномъ мѣстѣ и думаетъ, что можетъ безнаказанно разыгрывать изъ себя героя; по словамъ „экстреннаго радостнаго номера", который „*Фоссова Газета*" выпустила 20 марта, баррикады защищали „наиболѣе уважаемыя должностныя лица городского упра-

вленія". Но эта „радость" была дѣйствительно только „экстреннымъ" номеромъ, и демократическій историкъ революціоннаго года справедливо говоритъ, что ни одинъ реакціонный голосъ не защищалъ съ такимъ упорствомъ сказки о бродягахъ и преступникахъ, будто бы сражавшихся на баррикадахъ, какъ „*Фоссова Газета*". Газета изобрѣла доходную статью „Писемъ въ редакцію" и за наличныя деньги брала на себя роль глашатая всякой клеветы, которую юнкерская реакція вздумаетъ бросить въ буржуазную революцію или буржуазія—въ пролетаріатъ. Первый номеръ первой рабочей газеты, появившейся въ Берлинѣ, выступилъ съ гордымъ протестомъ противъ этой „продажной прессы". Въ номерѣ „*Народа*" („*Volk*"), органа центральнаго комитета рабочихъ, за 25-ое мая мы читаемъ: „*Фоссова Газета*" пользуется необыкновеннымъ преимуществомъ: вмѣсто того, чтобы платить своимъ сотрудникамъ, она, наоборотъ, еще получаетъ отъ нихъ плату. Время отъ времени она дѣлаетъ исключеніе изъ правила: такъ, напримѣръ, она помѣщаетъ длинную статью владѣльцевъ берлинскихъ типографій безъ вознагражденія авторовъ, но зато она заставляетъ типографскихъ подмастерьевъ, бѣдныхъ рабочихъ, чтобы они заплатили ей 16 талеровъ 22 зильбергрошена за напечатаніе возраженія". Отъ такой жадной погони за наживой воздерживались тогда даже газеты буржуазіи.

Со своей лучшей стороны мелкобуржуазная демократія сѣверной Германіи проявила себя въ королевствѣ Саксонія. Высокое экономическое развитіе этой небольшой страны постоянно приходило въ столкновеніе съ весьма отсталыми еще государственными формами ея, между тѣмъ какъ кустарная форма промышленности, лежавшая въ основаніи этого развитія, замедляла процессъ отдѣленія мелкой буржуазіи отъ пролетаріата. Въ саксонскомъ ландтагѣ 14 членовъ образовали соціалъ-демократическую фракцію—соціалъ-демократическую во французскомъ, мѣщанско-пролетарскомъ смыслѣ этого слова,—а изъ 24 депутатовъ, которыхъ Саксонія послала въ германское національное собраніе, 20 примкнули къ лѣвой. Во главѣ послѣднихъ стояли Блюмъ и Трюцшлеръ, и мстительная реакція, опозоривъ даже военно-полевой судъ, убила этихъ двухъ парламентаріевъ 1848 г., перваго—имперско-австрійскими, второго—королевско-прусскими пулями. Трюцшлеръ былъ тонкій, изящный аристократъ, въ которомъ рѣшительный характеръ сочетался съ мягкими манерами, Блюмъ—дитя рейнскаго пролетарія, крѣпышъ, смѣлое сердце, глубоко скрытое подъ некрасивою внѣшностью.

Въ лицѣ Блюма нѣмецкая мелкая буржуазія дала буржуазной революціи своего лучшаго представителя. Однако и онъ не избѣжалъ судьбы этого класса, съ тою лишь разницей, что у него она поднялась на трагическую высоту. Если Блюмъ въ предварительномъ парламентѣ, когда предстояло призваніе массы къ избирательнымъ урнамъ, поступилъ разумно, предотвративъ разрывъ между крупной и мелкой буржуазіей, то онъ совершенно неразумно принялъ то же рѣшеніе въ критическіе сентябрскіе дни, когда германскаго парламента вообще уже нельзя было спасти, а нѣмецкую революцію можно было спасти только второй революціей. Съ тѣхъ поръ онъ потерялъ надежный компасъ и тщетно пытался спасти въ вѣнской уличной борьбѣ то, что онъ упустилъ во франкфуртской. Онъ искупилъ свою политическую вину мужественною смертью, и память о немъ продолжаетъ жить,—правда, не среди того класса, за который онъ умеръ, а среди того, за который онъ не чувствовалъ склонности сражаться, хотя и вышелъ изъ его рядовъ. Къ сожалѣнію, Блюмъ до извѣстной степени заслужилъ симпатію, которую Бисмаркъ двадцать лѣтъ спустя высказалъ къ нему за то, что онъ ничего знать не хотѣлъ о пролетарской классовой борьбѣ.

Всего ближе мелкая буржуазія и пролетаріатъ сходились на демократическихъ конгрессахъ, но, конечно, лишь съ тѣмъ, чтобы скоро опять разойтись. Первый такой конгрессъ состоялся въ серединѣ іюня во Франкфуртѣ-на М. На немъ было больше 200 делегатовъ, которые представляли 88 демократическихъ союзовъ; изъ членовъ „Союза коммунистовъ“ здѣсь присутствовали, между прочимъ, Молль и Шапперъ. Конгрессъ единогласно заявилъ, что демократическая республика есть единственный пригодный для Германіи строй, и пытался создать организацію для демократическо-республиканской пропаганды. Демократическіе союзы должны были объединяться по округамъ и провинціямъ подъ руководствомъ окружныхъ комитетовъ, центрами которыхъ рекомендовались города Мангеймъ, Штуттгартъ, Бамбергъ, Вѣна, Берлинъ, Кельнъ, Франкфуртъ, Марбургъ, Галле, Бреславль, Штеттинъ, Кёнигсбергъ. Надъ окружными комитетами стоялъ центральный комитетъ изъ пяти членовъ, мѣстопребываніемъ котораго былъ, вопреки противодѣйствію южно-германскихъ партикуляристовъ, выбранъ Берлинъ. Берлинскимъ союзамъ было предоставлено право выбрать двухъ членовъ этого комитета. Изъ трехъ членовъ, выбранныхъ конгрессомъ, двое склонялись къ соціализму весьма сомнительнаго

свойства—Юліусъ Фрёбель и тотъ Криге изъ Нью-Іорка, „слюнявую сантиментальность“ котораго Марксъ и Энгельсъ такъ рѣзко критиковали. Органами конгресса были признаны наряду съ „*Mannheimer Abendzeitung*“, самой радикальной газетой южной Германіи, „*Neue Rheinische Zeitung*“ въ Кельнѣ и „*Zeitungshalle*“ въ Берлинѣ.

Эта организація оказалась неспособной развить энергичную работу, за исключеніемъ кельнскаго окружного комитета, гдѣ рядомъ съ двумя буржуазными демократами засѣдали три члена „Союза коммунистовъ“ — Марксъ, Молль, Шапперъ—и Германъ Беккеръ, впослѣдствіи оберъ-бургомистръ Кельна, не принадлежавшій, правда, къ названноому союзу, но стоявшій близко къ нему. Достаточнымъ образчикомъ путаницы понятій, господствовавшей въ центральномъ комитетѣ, служитъ то обстоятельство, что Фрёбель отправился въ Вѣну, такъ какъ—поясняетъ Криге—„идея республиканской федераціи со славянскими племенами казалась намъ даже возвышеннѣе, чѣмъ идея нѣмецкой республики“. Второй конгрессъ, засѣдавшій въ концѣ октября въ Берлинѣ, обнаружилъ уже полное разложеніе организаціи. На этомъ конгрессѣ было 240 делегатовъ, преимущественно сѣверо-германскихъ. Изъ коммунистовъ присутствовалъ Эвербекъ изъ Парижа, вскорѣ послѣ того выступившій изъ „Союза коммунистовъ“, и Вейтлингъ, который въ своемъ утопическомъ самомнѣніи давно отдѣлился отъ него. Въ президенты конгресса былъ, по предложенію Криге, выбранъ Георгъ Фейнъ, политическая мумія давно прошедшихъ временъ романтическаго студенческаго буршеншафтства. Въ качествѣ докладчика центральнаго комитета Криге открылъ засѣданіе многообѣщающими словами: „Главной опорой нашей должны быть буржуа, пролетаріатомъ мы не можемъ воспользоваться: онъ слишкомъ грубъ и необразованъ, чтобы быть въ состояніи проникнуться нашими стремленіями“. Криге прибавилъ, правда, что конгрессъ долженъ оставаться въ боевой готовности, какъ правительство для демократическо-соціальной республики, и что было бы безсовѣстно производить революцію безъ такой организаціи. Но эти вспышки, какъ и подобныя имъ выходки другихъ ораторовъ, привели лишь къ тому, что многіе члены покинули конгрессъ; свой уходъ они мотивировали тѣмъ, что пославшіе ихъ не знали ничего относительно обязанности „членовъ настоящаго конгресса быть приверженцами республиканской формы правленія и работать надъ ея осуществленіемъ“.

Оставшаяся часть конгресса растрачивала затѣмъ время на пустую игру въ союзъ, на пространныя разсужденія о томъ, не должны ли сидѣть въ центральномъ комитетѣ вмѣсто 5-ти членовъ 3 или 7, на дебаты о робеспьеровскихъ правахъ человѣка, основательное обсужденіе которыхъ было рекомендовано демократическимъ ферейнамъ, на воззваніе въ пользу осажденной Вѣны, вышедшее изъ-подъ пера Руге. Объ этомъ воззваніи *„Новая Рейнская Газета"* мѣтко сказала, что отсутствіе революціонной энергіи оно замѣняетъ проповѣдническими завываніями, за которыми скрывается полное убожество мысли и чувства. И все это въ такое время, когда въ воздухѣ носился уже прусскій государственный переворотъ! Полная неудача конгресса влила не мало мужества въ сердца военщины, а дикія рѣчи, въ которыхъ разливались отдѣльные члены, имѣли лишь тотъ результатъ, что послѣ побѣды государственнаго переворота прусскіе прокуроры воспользовались ими для привлеченія этихъ безобиднѣйшихъ бунтовщиковъ къ суду, какъ страшныхъ заговорщиковъ. Такая судьба постигла, напримѣръ, бѣднаго Вальдека, королевско-прусскому патріотизму котораго демократическій конгрессъ со своими республиканскими все-таки тенденціями внушалъ неподдѣльный ужасъ.

Мелкобуржуазная демократія южной Германіи въ общемъ держалась въ сторонѣ отъ этой демократической организаціи, послѣ того какъ на первомъ конгрессѣ центральнымъ пунктомъ республиканской пропаганды былъ выбранъ Берлинъ. Южно-германская ненависть къ Пруссіи заключала въ себѣ не только весьма почтенное отвращеніе къ прусскому деспотизму, но и безспорно реакціонный элементъ: ненависть благодушнаго провинціала къ большому государству, на почвѣ котораго начали развертываться великіе конфликты современнаго общества. Этой борьбы южно-германскій мелкій буржуа еще больше знать не хотѣлъ, чѣмъ сѣверо-германскій. Онъ испытывалъ страхъ передъ классовой борьбой между буржуазіей и пролетаріатомъ, инстинктивно сознавая, что между этими твердыми жерновами его классъ будетъ стертъ въ порошокъ. Карликовый республиканизмъ, игравшій первую скрипку въ южной Германіи и, въ частности, сильно представленный также въ лѣвой франкфуртскаго парламента, шелъ скорѣе въ арріергардѣ, чѣмъ въ авангардѣ революціоннаго движенія.

Въ мелкихъ государствахъ юго-западной Германіи, расположенныхъ по сосѣдству съ болѣе свободными странами и въ то же время страдавшихъ въ теченіе многихъ десятилѣтій отъ деспоти-

ческаго режима, массы мелкой буржуазіи и, въ особенности, мелкаго крестьянства находились въ состояніи глубокаго броженія. Онѣ легче снимали ружье со стѣны, чѣмъ прусскій мелкій буржуа, и гораздо слабѣе его воспринимали благодѣтельную силу „монархической идеи", но зато въ другихъ отношеніяхъ ихъ кругозоръ былъ еще болѣе узокъ. Онъ едва выходилъ за предѣлы собственной околицы, а государственный идеалъ ихъ не шелъ дальше общины въ увеличенномъ масштабѣ. Такимъ образомъ эти массы легко сдѣлались игрушкой въ рукахъ лицъ, которыя видѣли нѣсколько дальше ихъ: въ рукахъ адвокатовъ, книгопродавцевъ, школьныхъ учителей, журналистовъ, которые удивляли ихъ прямотой и дѣловитостью своихъ убѣжденій, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ предать ихъ въ интересахъ собственнаго честолюбія, подчасъ ребяческаго, но иной разъ и очень хитраго.

Въ Баденѣ, центрѣ южно-германской демократіи, вожди до-мартовской оппозиціи пріобрѣли славу, которая гремѣла по всей Германіи. Но едва собрались грозовыя тучи революціи, какъ часть этихъ образцовыхъ патріотовъ, разные Бассерманы, Мати, Суароны, тотчасъ же потеряли свой престижъ. Когда Блюмъ прибылъ во Франкфуртъ, онъ не могъ достаточно нажаловаться на „мерзавцевъ, которые въ теченіе десятилѣтій считались рѣшительными и свободомыслящими людьми, а теперь превратились въ реакціонеровъ". Если бы онъ пожилъ дольше, то нашелъ бы, что и во франкфуртской лѣвой еще далеко не вся пшеница была очищена отъ мякины. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ, въ качествѣ парламентскаго вождя лѣвой, Карлъ Фохтъ изъ Гиссена, который въ 1849 г. разыгрывалъ роль регента германской имперіи, чтобы въ 1859 г. съ одинаковымъ достоинствомъ играть роль бонапартистскаго писаки.

---

9. Революціонный пролетаріатъ.

Въ нѣмецкой революціи пролетарская классовая борьба могла развиться лишь подъ опредѣляющимъ вліяніемъ рѣшительной борьбы между буржуазіей и аристократіей. При нѣкоторой храбрости буржуазіи весь рабочій классъ пошелъ бы за ней. Но, капитулировавъ передъ короной и юнкерами изъ страха передъ пролетаріатомъ, буржуазія вызвала какъ разъ то, чего желала избѣгнуть, ибо подняла классовое сознаніе рабочихъ на высоту, которой оно

по историческому положенію вещей не могло бы тогда достигнуть естественнымъ путемъ.

Что касается сельскаго пролетаріата, то онъ, конечно, не имѣлъ еще никакой организаціи, проникнутой классовымъ сознаніемъ, за исключеніемъ развѣ Силезіи, гдѣ такъ называемые крестьянскіе союзы надѣлали много хлопотъ контръ-революціи. Въ остальныхъ мѣстностяхъ онъ излагалъ свою программу въ тысячахъ петицій къ берлинскому и франкфуртскому національному собранію, но требованія его не шли дальше устраненія феодальныхъ повинностей, отведенія маленькаго участка земли, хотя бы только небольшого клочка для пастьбы гусей, повышенія поденной платы и пониженія налоговъ. Иначе и быть не могло, ибо именно эта программа соотвѣтствовала воззрѣніямъ феодальныхъ крѣпостныхъ; они ждали своего освобожденія отъ буржуазной революціи и сообразно съ этимъ не могли принять никакой точки зрѣнія, которая выходила бы далеко за предѣлы этой революціи.

Иначе дѣло обстояло у промышленнаго пролетаріата, давно уже находившагося въ скрытой войнѣ съ капиталомъ; онъ поддерживалъ буржуазную революцію только для того, чтобы пріобрѣсти арену, на которой онъ могъ бы объявить буржуазіи открытую войну. Какъ только пролетаріатъ увидѣлъ, что буржуазный классъ, жертвуя своими собственными интересами, начинаетъ закрывать эту арену, онъ не могъ не понять, что онъ не можетъ больше итти на буксирѣ у буржуазіи, а долженъ организоваться наперекоръ ей. Чѣмъ больше мелѣла буржуазная революція, тѣмъ революціоннѣе становился рабочій классъ. Онъ былъ еще слишкомъ слабъ, чтобы привести къ побѣдѣ знамя, которому измѣнила буржуазі но онъ храбро сражался вокругъ этого знамени, и его пораженіе не было, какъ у буржуазнаго класса, началомъ конца, а наоборотъ—концомъ начала его освободительной борьбы. Въ мартовскую революцію рабочій классъ окончательно разстался съ иллюзіями, которыя приходится переживать современному пролетаріату въ первыхъ стадіяхъ своего революціоннаго развитія; онъ былъ сброшенъ съ исторической сцены лишь для того, чтобы, оправившись за десять лѣтъ отъ своихъ тяжелыхъ ранъ, появиться на ней опять съ тѣмъ большею рѣшительностью, умѣлостью и ясностью сознанія.

Главными центрами пролетарской классовой борьбы въ 1848 г. естественно были большіе города, и прежде всего—Берлинъ и Кельнъ. Берлинскіе рабочіе добыли побѣду 18 марта съ тѣмъ,

чтобы на слѣдующій день послѣ побѣды дать вырвать у себя ея плоды. Это было возможно лишь потому, что у нихъ не было яснаго пониманія своихъ интересовъ и организованной силы для защиты ихъ. Дѣйствительно, ихъ политическая незрѣлость была еще очень велика, и это тотчасъ же обнаружилось на первомъ большомъ собраніи, которое они устроили 26 марта съ цѣлью обсудить вопросъ о томъ, какъ имъ выйти изъ своего бѣдственнаго положенія. Собралось до двадцати тысячъ человѣкъ, изъ среды которыхъ были выставлены самыя разнообразныя предложенія. Собраніе окончилось скандаломъ, длившимся нѣсколько часовъ, такъ какъ одному хитрому сотруднику „*Фоссовой Газеты*" удалось неясной постановкой вопроса вызвать невѣрное представленіе, будто собраніе отдало соединенному ландтагу преимущество передъ народнымъ представительствомъ, основаннымъ на современныхъ началахъ.

Разумѣется, господствующіе классы сознательно или безсознательно дѣлали все возможное, чтобы увеличить путаницу въ рабочемъ классѣ. Яростныя атаки гражданскаго ополченія и грубая ловля мужиковъ, производимая контръ-революціей, безвозмездная выдача изъ королевскихъ ломбардовъ всѣхъ вещей, заложенныхъ въ суммѣ ниже 5 талеровъ, сложеніе всѣхъ недоимокъ по квартирному налогу, равно какъ и всѣхъ накопившихся недоимокъ по школьному налогу и штрафамъ, устройство своего рода національныхъ мастерскихъ, земляныхъ и канализаціонныхъ работъ, на которыхъ государство занимало 3500, а городъ 2500 безработныхъ, учрежденіе такъ называемаго министерства труда, министерства торговли, промышленности и общественныхъ работъ, которое, конечно, тотчасъ же вылупилось въ новый оплотъ имущихъ классовъ, пустое бахвальство демагоговъ Гельда съ компаніей, любвеобильныя рѣчи благородныхъ друзей рабочаго класса, патетическія увѣщанія, чтобы рабочіе работали и жили теперь на благо общества, какъ они умѣли сражаться и умирать за него на баррикадахъ, увѣщанія, со скорбной миной произносившіяся до-мартовскими шутами либеральнаго филистера, литераторами Гроссбреннеромъ и Коссакомъ,—все это обрушивалось на берлинскихъ рабочихъ, оглушая и спутывая ихъ сознаніе. Тѣмъ больше чести дѣлаетъ рабочимъ, что они не дали себя сбить съ политическаго пути, на который имъ указывала ихъ историческая задача. Не поддаваясь чувству отвращенія, которое должна была вызывать трусость либераловъ, они, съ другой стороны, относились

также равнодушно къ обольстительному пѣнію реакціонныхъ сиренъ, и вплоть до государственнаго переворота предоставляли въ распоряженіе буржуазной революціи свои руки и свою кровь.

Ихъ ошибки не прошли для нихъ безслѣдно. Уже черезъ нѣсколько дней послѣ неудавшагося массоваго собранія 150 рабочихъ соединились въ особый рабочій клубъ, откровенно признавъ, что они должны привыкнуть сначала въ небольшихъ кружкахъ къ парламентскимъ формамъ и логическому расчлененію вопросовъ, прежде чѣмъ устраивать большія массовыя собранія, гдѣ ихъ могутъ водить за носъ всякіе проходимцы и бахвалы. Клубъ рѣшилъ предложить всѣмъ рабочимъ союзамъ, мастерскимъ и фабрикамъ выбрать представителей, которые образовали бы центральный комитетъ рабочихъ.

Такъ и было сдѣлано, и послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ совѣщаній 19 апрѣля составился задуманный центральный комитетъ; хотя комитетъ заключалъ въ себѣ кое-какіе ненадежные элементы, но въ своихъ предсѣдателяхъ, наборщикѣ Борнѣ и золотыхъ дѣлъ мастерѣ Биски, онъ имѣлъ двухъ руководителей, прекрасно разбиравшихся въ окружающемъ.

Рядомъ съ ними въ этихъ первыхъ совѣщаніяхъ выдвинулся студентъ Густавъ Адольфъ Шлёффель, молодой энтузіастъ 19 лѣтъ, сынъ того силезскаго помѣщика, который подвергся нѣкогда преслѣдованію Штибера и которому предстояло занять вскорѣ мѣсто среди лучшихъ элементовъ лѣвой во франкфуртскомъ національномъ собраніи. Молодой Шлёффель былъ исключенъ изъ гейдельбергскаго университета за распространеніе мятежныхъ сочиненій въ Оденвальдѣ, а берлинскій университетъ, гдѣ онъ хотѣлъ продолжать свое образованіе, отказался принять его. Тогда Шлёффель всецѣло отдался пролетарской агитаціи и сталъ выпускать черезъ нерегулярные промежутки летучіе листки подъ названіемъ *„Volksfreund“* (*„Другъ народа“*), гдѣ страстно и смѣло проповѣдывалъ непримиримую борьбу труда съ капиталомъ. Его привлекательная наружность быстро доставила ему многихъ приверженцевъ среди рабочихъ. Тѣмъ не менѣе ему пришлось рѣзко столкнуться съ Борномъ и Биски, когда онъ сталъ агитировать за большую массовую демонстрацію, которая должна была 20 апрѣля явиться ко дворцу и вынудить прямое избирательное право.

Борнъ обладалъ хорошей, но холодной и спокойной головой. Въ Брюсселѣ и Парижѣ онъ принадлежалъ къ „Союзу коммунистовъ“ и, какъ показываютъ его статьи и рѣчи, хорошо понялъ

духъ Коммунистическаго Манифеста. Какъ руководитель собрані какъ привлекательный и сильный ораторъ, онъ даже по удостовѣренію органа буржуазіи превосходилъ всѣхъ тогдашнихъ народныхъ вождей въ Берлинѣ. Если онъ вмѣстѣ съ Биски,—который при меньшемъ дарованіи походилъ на него,—не желалъ содѣйствовать массовой демонстраціи за прямое избирательное право, то причиною было, вѣроятно, опасеніе, что невооруженная толпа будетъ разогнана вооруженнымъ гражданскимъ ополченіемъ и такимъ образомъ возникнетъ столкновеніе между бюргерами и рабочими, которое должно открыть дорогу контръ-революціи, разъ національное собраніе не только не засѣдаетъ, но даже не выбрано еще. Когда въ комитетѣ, поставившемъ себѣ задачей добиваться прямого избирательнаго права, большинство высказалось за планъ Шлёффеля, то Борнъ и Биски вмѣстѣ съ нѣкоторыми буржуазными демократами выступили изъ него. Планъ не удался, впрочемъ, такъ какъ ожидавшіяся народныя массы не собрались къ назначенному мѣсту. Послѣ этого Шлёффель былъ арестованъ и 11 мая присужденъ каммергерихтомъ за покушеніе на подстрекательство къ возстанію къ шести мѣсяцамъ крѣпости, которые онъ и отбылъ въ Марбургѣ. Онъ сдѣлался еще при министерствѣ Кампгаузена первой жертвой реакціи. Благороднаго юношу провожали живѣйшія проявленія симпатіи, но прочнаго слѣда его дѣятельность не оставила въ берлинской революціи.

Конфликтъ между Борномъ и Шлёффелемъ имѣлъ болѣе глубокое основаніе и до извѣстной степени былъ типиченъ для всего хода вещей. Борнъ самъ вполнѣ откровенно высказалъ свой взглядъ, когда говорилъ, что въ Германіи буржуазія и пролетаріатъ, капиталъ и трудъ не находятся еще въ такомъ рѣзкомъ и открытомъ антагонизмѣ, какъ въ Англіи и Франціи, гдѣ они стоятъ лицомъ другъ къ другу, хладнокровные и готовые къ бою, какъ строго обособленныя партіи. Въ Германіи рабочіе, по его мнѣнію, еще не организованы, они еще не сознаютъ себя какъ партію. Когда отдѣльные рабочіе разрушаютъ машины или требуютъ отъ отдѣльныхъ фабрикантовъ такихъ вещей, которыхъ послѣдніе рѣшительно не въ состояніи дать имъ, то подобный образъ дѣйствій лишенъ всякаго смысла. Если рабочій классъ желаетъ быть силой въ государствѣ, то собственная организація составляетъ первую его задачу. „Мы причисляемъ къ себѣ большую часть націи, къ намъ принадлежитъ не только наемный рабочій, подмастерье, къ намъ принадлежитъ также большое число мел-

кихъ мастеровъ, которыхъ давитъ конкурренція крупнаго капитала; земледѣлецъ, парцелла котораго слишкомъ мала, чтобы прокормить его съ семьей; учитель, обучающій дѣтей; дѣвушка, сидящая за пяльцами или машиной. Къ намъ принадлежитъ всякій, чей напряженный трудъ одолѣвается силой капитала и долженъ погибнуть при свободной конкурренціи". Эту программу Борнъ приложилъ къ уставу Центральнаго Комитета для рабочихъ,—уставу, при помощи котораго предполагалось организовать пролетаріатъ.

Впослѣдствіи Энгельсъ выразился какъ-то, что въ оффиціальныхъ изданіяхъ организаціи, основанной Борномъ, идеи Коммунистическаго Манифеста безпорядочно перемѣшаны съ цеховыми воспоминаніями и желаніями, съ обрывками идей Луи Блана и Прудона, съ протекціонизмомъ и т. д. Это вѣрно, но когда Энгельсъ прибавляетъ, что Борнъ, весьма талантливый молодой человѣкъ, нѣсколько поторопился со своимъ превращеніемъ въ политическую величину, что онъ связался съ самымъ разношерстнымъ сбродомъ, лишь бы собрать толпу, и что онъ отнюдь не былъ человѣкомъ, способнымъ внести единство въ противоположныя тенденціи и свѣтъ въ хаосъ, то такая оцѣнка нуждается по меньшей мѣрѣ въ дополненіи.

Насколько можно прослѣдить по первоисточникамъ, рабочее движеніе 1848 г. въ германскихъ торговыхъ и промышленныхъ городахъ было—за исключеніемъ Рейнской области и отчасти Вестфаліи—развито какъ разъ лишь настолько, чтобы стоять приблизительно на высотѣ тогдашней французской соціалъ-демократіи, т.-е. не способно было идти дальше вопросовъ въ родѣ организаціи труда, права на трудъ, министерствъ труда. Оно давно прошло стадію безцѣльныхъ голодныхъ бунтовъ, хотя кое-гдѣ бывали еще случаи разрушенія машинъ. Въ существенныхъ чертахъ оно преодолѣло также утопическій ремесленный коммунизмъ; Вейтлингъ, явившійся въ іюлѣ въ Берлинъ, не могъ найти никакой почвы въ рабочихъ кругахъ Берлина и вынужденъ былъ, за недостаткомъ читателей, прекратить послѣ нѣсколькихъ номеровъ изданіе основанной имъ газеты „*Urwähler*" („*Избиратель*"). Но движеніе еще не созрѣло для точки зрѣнія Коммунистическаго Манифеста, который можетъ стать знаменемъ массоваго движенія только при гораздо большемъ распространеніи крупной промышленности, какъ типичной формы производства, чѣмъ мы видимъ это въ тогдашней восточной Германіи. Если Борнъ желалъ организовать рабочихъ какъ классъ, то онъ долженъ былъ считаться

съ тѣмъ кругомъ идей, какой былъ въ данную минуту доступенъ имъ; наряду съ этимъ онъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы открыть имъ болѣе широкій горизонтъ.

Когда во время предварительныхъ совѣщаній, приведшихъ къ учрежденію Центральнаго Комитета для рабочихъ, явился либеральный бюрократъ, президентъ Летте, съ цѣлью уговорить рабочихъ создать одну общую организацію съ предпринимателями, которые въ состояніи, молъ, урегулировать съ болѣе широкой точки зрѣнія отношенія національнаго производства къ міровому рынку, то Борнъ возразилъ, что эти отношенія совершенно не касаются рабочихъ: для рабочаго, какъ таковoго, отношеніе къ иностраннымъ государствамъ, сбытъ продуктовъ совершенно безразличенъ. Расширеніе промышленности не есть средство для улучшенія быта рабочихъ классовъ, оно скорѣе вызываетъ ростъ пролетаріата, и интересы рабочихъ прямо противоположны интересамъ предпринимателей. Столь же рѣшительно Борнъ выступилъ противъ всякаго рода цеховыхъ стремленій; онъ заявлялъ, что ни одно государство, однажды вступившее на путь современной крупной индустріи, не можетъ уже вернуться назадъ къ погибшей формѣ производства, если не хочетъ раззорить себя или занять совершенно второстепенное положеніе въ ряду европейскихъ государствъ.

Когда затѣмъ Прудонъ захотѣлъ осуществить свою утопію рабочихъ денегъ путемъ основанія народнаго банка, но потерпѣлъ неудачу, то Борнъ писалъ вполнѣ въ духѣ Коммунистическаго Манифеста и историческаго матеріализма: „Мы отнюдь не рукоплескали этому предпріятію, и если его гибель и огорчаетъ насъ, то она насъ все-таки не поражаетъ: мы почти съ увѣренностью ожидали этого исхода, по той простой причинѣ, что идея, какъ бы велика и истинна она ни была, никогда не можетъ быть прямо осуществлена тамъ, гдѣ не имѣются въ достаточномъ количествѣ элементы для ея осуществленія. Республика, напримѣръ, есть безспорно болѣе разумная государственная форма, чѣмъ монархі но подходитъ ли она одинаково для всѣхъ народовъ, для кроатовъ такъ же, какъ для французовъ, это другой вопросъ... Мы всегда ставили организацію рабочихъ выше организаціи труда, мы всегда полагали, что политическое господство должно перейти къ рабочему классу, раньше чѣмъ станетъ возможно осуществленіе соціальныхъ идей въ крупномъ масштабѣ, захватывающее всѣ общественные круги. Мы заранѣе осуждаемъ подобные соціалистическіе опыты, хотя мы, даже съ тѣмъ большимъ правомъ, принадлежимъ къ соціали-

стической партіи... Человѣческое общество, этотъ вѣчно живой и творческій организмъ, такъ же нельзя уложить въ прокрустово ложе системы, какъ нельзя бороться съ растущимъ обѣднѣніемъ при помощи народныхъ банковъ, которые должны черпать свои фонды изъ кармановъ тѣхъ же бѣдняковъ... Мы справедливо ставимъ вопросъ, какую будущность, какую жизнеспособность имѣлъ народный банкъ, если онъ долженъ былъ рухнуть... изъ-за литературнаго процесса г-на Прудона. Съ помощью народнаго банка Прудонъ хотѣлъ построить новый міръ, на народномъ банкѣ покоилось его рѣшеніе соціальнаго вопроса, и изъ-за шести мѣсяцевъ тюрьмы и нѣсколькихъ тысячъ франковъ штрафа, къ которымъ присудили гражданина Прудона, міръ снова лишился своего спасителя. Мы не въ состояніи подавить въ себѣ горькаго смѣха, когда подумаемъ о тѣхъ маленькихъ тщеславіяхъ, которыя желаютъ освѣщать путь великому народному движенію и, какъ Іисусы Навины новаго времени, шествовать впереди его въ пророческомъ одѣяніи, но не для того, чтобы самимъ наносить удары, чтобы разить зазубреннымъ мечомъ, нѣтъ—для того, чтобы составлять предметъ удивленія. Вотъ, напр., является г. Консидеранъ, пророкъ второго ранга, и хочетъ оспаривать у г-на Прудона изобрѣтеніе народнаго банка; какъ жалка эта маленькая война между двумя личностями въ такое время, когда весь міръ чреватъ планами, когда земля дрожитъ отъ поступи двухъ великихъ армій, которыя съ бѣшеной жаждой брани все ближе и ближе подступаютъ другъ къ другу и вотъ-вотъ столкнутся между собой,—въ такое время, когда одно сраженіе, выигранное въ Венгріи Дембинскимъ или Бемомъ, имѣетъ большую цѣнность, чѣмъ всѣ напечатанныя и ненапечатанныя еще произведенія гражданъ Прудона и Консидерана вмѣстѣ взятыхъ, въ такое время, когда величайшія знаменитости изнашиваются въ одинъ день". Такъ писалъ Борнъ въ „*Народѣ*" („*Volk*") и „*Братствѣ*" („*Verbrüderung*"), оффиціальныхъ органахъ организаціи, которой онъ руководилъ. Если тѣмъ не менѣе въ ея программахъ, вѣ тѣсномъ значеніи слова, преобладали идеи Луи Блана, къ тому еще перемѣшанныя со всякимъ протекціонизмомъ, утопизмомъ и цеховыми вожделѣніями, то этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что промышленные рабочіе Германіи, за исключеніемъ отдѣльныхъ западныхъ полосъ, еще едва только могли подняться до точки зрѣнія тогдашней французской соціалъ-демократі для пролетаріата, жившаго къ востоку отъ Эльбы, эта точка зрѣні была, впрочемъ, довольно высокою ступенью развитія.

Центральный Комитетъ для рабочихъ развилъ оживленную агитацію въ прессѣ, въ собраніяхъ, а также по поводу выборовъ въ національное собраніе, на которыхъ ему удалось въ одномъ берлинскомъ избирательномъ округѣ провести Биски въ замѣстители депутата. Съ 1 іюня комитетъ выпускалъ три раза въ недѣлю „*Народъ*", „соціально-политическую газету", ставившую себѣ задачей „съ одной стороны, поддерживать буржуазію въ ея борьбѣ противъ аристократіи, противъ средневѣковья, противъ властей милостью Божіей, а съ другой стороны—притти на помощь мелкому промышленнику и рабочему противъ силы капитала и свободной конкурренціи и всегда быть въ первыхъ рядахъ тамъ, гдѣ надо будетъ завоевывать народу то или иное политическое право, дабы онъ получилъ средства возможно скорѣе достигнуть соціальной свободы и независимаго существованія". Въ третьемъ своемъ номерѣ газета привѣтствовала появленіе „*Новой Рейнской Газеты*" (также начавшей выходить съ іюня), за „рѣшительное направленіе" которой ручаются имена „нашихъ друзей" Маркса, Энгельса и Вольфа. Въ политическомъ отношеніи „*Народъ*" поддерживалъ лѣвую берлинскаго національнаго собранія; онъ смѣло выступилъ въ защиту парижскихъ іюньскихъ борцовъ, восхвалялъ англійскій чартизмъ и вообще старался поддерживать тѣсное духовное общеніе съ революціонными рабочими партіями европейскаго Запада. Рука объ руку съ этимъ шло безпощадное бичеваніе политическо-соціальнаго шарлатанства, которымъ обманывали населеніе демагоги въ родѣ Гельда. Газета отводила много мѣста выясненію соціальныхъ вопросовъ, обсуждавшихся въ Центральномъ Комитетѣ, начиная съ вывозныхъ премій и ремесленныхъ корпорацій вплоть до вопрса о предоставленіи государствомъ занятія безработнымъ.

Далѣе Центральный Комитетъ послалъ делегатовъ на гамбургскій конгрессъ ремесленниковъ, но съ его „фанатической защитой средневѣковыхъ цеховъ" объявилъ себя, конечно, несогласнымъ. Такъ же мало онъ былъ удовлетворенъ менѣе значительнымъ конгрессомъ ремесленныхъ и рабочихъ союзовъ, который собрался въ Берлинѣ 18 іюня; хотя этотъ конгрессъ не проявилъ себя такимъ сторонникомъ цеховъ, какъ гамбургскій но онъ все-таки не пошелъ дальше самыхъ общихъ доброжелательныхъ фразъ о благѣ рабочихъ. 27 іюня шесть членовъ его, Борнъ — отъ лица Центральнаго Комитета, Лухтъ и Краузе—отъ лица берлинскихъ машиностроительныхъ рабочихъ, Бюрингъ и Штейнгауеръ—отъ лица

гамбургскихъ и Крюгеръ—отъ лица кенигсбергскихъ рабочихъ, выпустили воззваніе „ко всѣмъ рабочимъ, ремесленнымъ и просвѣтительнымъ союзамъ Германіи, къ нѣмецкимъ союзамъ въ Швейцаріи, Парижѣ, Брюсселѣ и Лондонѣ", приглашая ихъ прислать делегатовъ въ рабочій парламентъ, который долженъ собраться въ Берлинѣ. Въ парламентѣ должны были быть представлены „рабочіе классы изъ всѣхъ городовъ, фабричныхъ и земледѣльческихъ округовъ"; предметами обсужденія предполагались: гарантія труда государствомъ, государственная поддержка промышленныхъ рабочихъ ассоціацій, государственное призрѣніе всѣхъ безпомощныхъ и инвалидныхъ рабочихъ, регулированіе и ограниченіе рабочаго времени, реформа податного дѣла въ интересахъ рабочихъ (прогрессивный подоходный налогъ, ограниченіе права наслѣдованія и отмѣна всѣхъ налоговъ на жизненные припасы, какъ и всѣхъ феодальныхъ оброковъ и повинностей), національныя школы съ безплатнымъ обученіемъ, безвозмездное отправленіе правосудія, учрежденіе въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ министерствъ труда, свободно выбранныхъ рабочимъ классомъ.

Рабочій конгрессъ собрался 23 августа. Въ немъ участвовало 40 человѣкъ, въ томъ числѣ 5 съ совѣщательнымъ голосомъ; делегатовъ прислали 35 рабочихъ обществъ изъ Берлина, Бреславля, Гамбурга, Лейпцига, Кёнигсберга, Мюнхена и другихъ большихъ городовъ. Присутствовалъ также делегатъ отъ франкфуртскаго конгресса подмастерьевъ. Тотчасъ по открытіи засѣданія Вейтлингъ совмѣстно съ этимъ делегатомъ предложилъ обратиться къ франкфуртскому національному собранію съ петиціей о созывѣ особаго рабочаго парламента и оскорбленный покинулъ залу, когда конгрессъ, не отклоняя предложенія, перенесъ его въ порядокъ дня второго засѣданія. Конгрессъ избралъ Неесъ фонъ-Эзенбека и Борна въ предсѣдатели, Биски и геометра Швеннигера изъ Гамма въ секретари и затѣмъ въ теченіе десяти дней разсмотрѣлъ большое число предложеній, которыя почти всѣ не выходили изъ рамокъ, намѣченныхъ иниціаторами конгресса. Въ цѣломъ они представляли еще довольно пеструю смѣсь. Такъ, были приняты детальныя постановленія о правѣ на званіе мастера, для котораго конгрессъ требовалъ удостовѣренія въ знаніи ремесла; большую роль игралъ также планъ собрать путемъ вычетовъ изъ заработной платы средства для скупки и парцелляціи имѣній. Въ манифестѣ конгресса къ германскому національному собранію было обращено требованіе, чтобы оно включило рѣшенія кон-

гресса въ число основныхъ правъ нѣмецкаго народа и на государственныя средства созвало во Франкфуртъ рабочій парламентъ, который составлялъ бы совѣщательный органъ при экономической коммиссіи собранія.

Важнѣе этихъ теоретическихъ постановленій былъ уставъ, выработанный конгрессомъ для организаціи нѣмецкихъ рабочихъ. „Братство рабочихъ", какъ долженъ былъ именоваться новый союзъ, составлялось изъ мѣстныхъ и окружныхъ комитетовъ, надъ которыми стоялъ, въ качествѣ высшей власти, Центральный Комитетъ. Въ мѣстныхъ комитетахъ различныя производства данной мѣстности должны были имѣть представительство, пропорціональное числу ихъ членовъ. Задача этихъ комитетовъ заключалась въ томъ, чтобы устраивать регулярныя собранія рабочихъ и защищать интересы мѣстныхъ рабочихъ. Большее или меньшее число мѣстныхъ комитетовъ группировались въ округахъ около окружнаго комитета, который избирался представителями мѣстныхъ комитетовъ на окружныхъ собраніяхъ; послѣднія должны были собираться по меньшей мѣрѣ одинъ разъ въ году. На окружныхъ комитетахъ лежала обязанность охранять рабочіе интересы въ своихъ округахъ и поддерживать связь между центральнымъ и мѣстными комитетами; въ особомъ ихъ отдѣленіи должны были быть представлены также интересы работницъ. Въ качествѣ резиденцій окружныхъ комитетовъ конгрессъ намѣтилъ пока города Данцигъ, Кёнигсбергъ, Штеттинъ, Кельнъ, Билефельдъ, Франкфуртъ, Гамбургъ, Штуттгартъ, Аугсбургъ, Мюнхенъ, Линцъ, Вѣну, Брюннъ, Прагу, Нюренбергъ, Бамбергъ, Іену, Кобургъ, Марбургъ, Ганноверъ, Оснабрюкъ, Брауншвейгъ, Магдебургъ, Берлинъ, Бреславль, Дрезденъ, но мѣстные комитеты не лишались, конечно, права образовывать изъ себя еще другіе окружные комитеты. Надъ окружными комитетами стоялъ Центральный Комитетъ, мѣстопребываніемъ котораго былъ выбранъ Лейпцигъ; на него возложено было изданіе органа союза. Въ свою очередь, онъ контролировался и избирался общимъ собраніемъ всѣхъ нѣмецкихъ рабочихъ, которое должно было происходить по меньшей мѣрѣ одинъ разъ въ году. Пока конгрессъ назначилъ членами Центральнаго Комитета Борна, Кика и Швеннигера, которые съ октября мѣсяца начали издавать въ Лейпцигѣ органъ союза—„*Братство*".

Новый Центральный Комитетъ посвятилъ себя своей задачѣ съ неутомимымъ рвеніемъ, и ему удалось распространить дѣятельность

союза на значительную часть Германіи; съ этою цѣлью имъ былъ устроенъ рядъ мѣстныхъ конгрессовъ въ Альтенбургѣ, Лейпцигѣ, Гамбургѣ, Гейдельбергѣ, Нюрнбергѣ и другихъ мѣстахъ. Въ Гейдельбергѣ Борнъ столкнулся съ Винкельблехомъ, и наборщикъ такъ основательно разбилъ ученаго профессора, что Винкельблехъ уже послѣ перваго дня засѣданій уѣхалъ. Вообще рабочій союзъ, основанный франкфуртскимъ конгрессомъ подмастерьевъ, былъ отчасти поглощенъ, отчасти вытѣсненъ новымъ союзомъ. Политически „Братство рабочихъ“ вело себя вполнѣ мужественно. Его берлинскій окружный комитетъ, во главѣ котораго стоялъ Биски, предложилъ свои услуги національному собранію для борьбы съ государственнымъ переворотомъ, только не при помощи однѣхъ фразъ, а съ оружіемъ въ рукахъ; въ ночь засѣданія майоровъ берлинскаго гражданскаго ополченія Биски лично и самымъ усерднымъ образомъ гналъ буржуазныхъ филистеровъ на баррикады. Точно также Центральный Комитетъ въ Лейпцигѣ разослалъ въ ноябрѣ окружнымъ и мѣстнымъ комитетамъ настойчивое требованіе позаботиться о вооруженіи рабочихъ.

Не такъ безупречны были соціальныя стремленія „Братства рабочихъ“. Дѣло въ томъ, что оно внесло въ свою программу самыя разнородныя вещи, и чѣмъ многочисленнѣе были точки, къ которымъ оно старалось приложить свои силы, тѣмъ больше послѣднія дробились. Его попытки скупать имѣнія на вычеты изъ заработной платы, создавать кредитныя кассы для рабочихъ, основывать всякаго рода производительныя товарищества, вообще завязать борьбу съ капиталистической формой производства, раньше чѣмъ пролетаріатъ завоевалъ политическую власть, привели къ разочарованіямъ и убыткамъ. Тѣмъ не менѣе органъ союза много способствовалъ пробужденію и изощренію классоваго сознанія рабочихъ. Умѣло редактируемый, онъ мѣтко и остроумно разбивалъ знаменитыя фразы о капиталѣ, вносящемъ деньги въ народъ, о бѣдныхъ и богатыхъ, которые всегда, молъ, существовали, и тому подобные капиталистическіе софизмы. Онъ дѣятельно поддерживалъ также стачки рабочихъ, доказывая ихъ законность и удерживая иногороднихъ рабочихъ отъ срыванія стачекъ.

Такими забастовками 1848 годъ былъ очень богатъ. Въ одномъ Берлинѣ было послѣ мартовскихъ дней много десятковъ стачекъ. Какъ и слѣдовало ожидать по положенію вещей, стачечники добились значительныхъ временныхъ успѣховъ, но не пріобрѣли ни-

чего прочнаго. Что было дано имъ изъ страха передъ революціей, то было снова отнято съ наступленіемъ самоувѣренной реакціи. Изъ множества случайныхъ стачекъ выросли въ нѣкоторыхъ производствахъ зачатки болѣе устойчивыхъ и національныхъ союзовъ. Раньше и энергичнѣе всѣхъ пошли въ этомъ направленіи наборщики и сигарные рабочіе; наборщики основали свой профессіональный органъ „Гутенбергъ", сигарные рабочіе—„Конкордію". Буржуазія отнеслась къ профессіональной организаціи рабочихъ, непосредственно угрожавшей ея прибылямъ, еще враждебнѣе, чѣмъ къ ихъ политическо-соціальной организаціи, и она нашла себѣ ревностныхъ помощниковъ въ лицѣ юстиціи и полиціи, которыя такъ усердно примѣняли до-мартовское запрещеніе коалицій, словно закономъ 6 апрѣля никогда не была гарантирована неограниченная свобода союзовъ.

Передъ этими силами грубаго и незаконнаго притѣсненія не могъ въ то время устоять долго ни одинъ профессіональный союзъ, но интеллектуальная побѣда цѣликомъ осталась на сторонѣ рабочихъ. Когда берлинскіе наборщики, изнуряемые непомѣрнымъ трудомъ и плохо вознаграждаемые, устроили стачку, требуя уменьшенія рабочаго времени и повышенія заработной платы, то собственники берлинскихъ типографій объявили, что если удовлетворить требованія рабочихъ, то цѣны должны подняться на 50 процентовъ, слѣдовательно потребленіе упасть на сто. Ибо существуетъ-де неопровержимая, страшная истина, доказанная вѣковой статистикой на безчисленномъ множествѣ фактовъ, что когда цѣна какого-нибудь продукта труда растетъ въ ариѳметической прогрессіи, то потребленіе его падаетъ въ геометрической. Эту безсмыслицу „образованные" буржуа сопровождали негодующимъ вопросомъ: „Должны ли и вправѣ ли мы, причастные къ дѣлу, поистинѣ питающему умъ, отречься отъ первыхъ и высшихъ благъ ума?" Въ свою очередь, *„Національная Газета"* доказывала, что стачки могутъ быть допускаемы лишь съ правительственнаго разрѣшенія, ибо иначе государство распалось бы на ассоціаціи, ведущія другъ съ другомъ беззаконную войну, а *„Фоссова Газета"* доносила на забастовавшихъ наборщиковъ, что они подкупленные наемники иностранныхъ государствъ и получили 14.000 франковъ изъ Франціи и Швейцаріи. Такъ какъ наборщики этой газеты за недѣльное вознагражденіе въ 4 — 6 талеровъ должны были работать ежедневно, не исключая воскресенья, отъ 14-ти до 16-ти часовъ, то берлинскій буржуа легко сообразилъ, что не-

довольство такими идиллическими условіями труда могло быть вызвано лишь презрѣннымъ французскимъ золотомъ.

Еще теперь пріятно читать, съ какимъ превосходствомъ руководители пролетарскихъ стачекъ, наборщики Борнъ и Фрёлихъ, сигарные работники Кольвекъ и Штеханъ, отдѣлывали пустословіе, рожденное въ отвратительномъ бракѣ идіотизма и алчности буржуазіи. Это были исключительно или большею частью пролетаріи, прошедшіе школу въ „Союзѣ коммунистовъ".

Глава II.

Neue Rheinische Zeitung.

---

1. Германская политика.

Съ началомъ революціи дальнѣйшее существованіе „Союза коммунистовъ“ утратило смыслъ и прекратилось. Даже если бы онъ не былъ слишкомъ слабымъ орудіемъ для управленія массами, захваченными революціоннымъ движеніемъ, то онъ уже потому являлся бы излишнимъ, что рабочій классъ обладалъ теперь средствами и возможностью открытой пропаганды.

Получивъ извѣстіе о парижской революціи, центральный комитетъ союза въ Лондонѣ перенесъ свои полномочія на комитетъ брюссельскаго „руководящаго округа“. Но дни послѣдняго были уже сочтены, такъ какъ члены его либо уже были высланы или арестованы бельгійскимъ правительствомъ, либо могли съ часу на часъ ждать своей высылки или ареста. Марксъ и Энгельсъ и безъ того готовились отправиться въ Парижъ, куда Флоконъ, членъ временнаго правительства французской республики, письмомъ отъ 1 марта пригласилъ Маркса вернуться. Въ моментъ своего закрытія брюссельскій центральный комитетъ передалъ „временное центральное управленіе всѣми дѣлами союза“ Марксу, поручивъ ему также образовать въ Парижѣ новый центральный комитетъ.

Это было сдѣлано, и согласно Коммунистическому Манифесту новый центральный комитетъ въ который входили Марксъ, Энгельсъ, Вильгельмъ Вольфъ, Бауеръ, Молль и Шапперъ, обратилъ свое главное вниманіе на Германію. Буржуазная революція приняла здѣсь особый характеръ, благодаря тому, что она побѣдила не собственными силами, а вслѣдъ за французской революціей, носившей на себѣ уже ярко выраженную пролетарскую печать. Вслѣдствіе этого незначительная революціонная энергія, какая сущест-

вовала у нѣмецкой буржуазіи, была заранѣе надломлена, и тѣмъ важнѣе было толкать этотъ классъ впередъ къ обезпеченію правъ, необходимыхъ пролетаріату для его политической организаціи, къ обезпеченію свободы союзовъ, свободы печати и другихъ правъ, завоеваніе которыхъ составляетъ историческое призваніе буржуазіи, но которыя нѣмецкая буржуазія тайно помышляла предать изъ страха передъ пролетаріатомъ. Если „Союзъ коммунистовъ" желалъ вмѣшаться въ революціонное движеніе массъ, если онъ не желалъ снова впасть въ сектантство, которое только что сбросилъ съ себя, то онъ могъ вступить на почву нѣмецкой революціи лишь въ качествѣ самаго крайняго крыла демократіи,—изъ чего отнюдь не слѣдовало, что ему надо сколько-нибудь скрывать свои конечныя цѣли.

Сообразно съ этимъ „Требованія коммунистической партіи въ Германіи", которыя новый центральный комитетъ изложилъ въ особомъ воззваніи, ограничились рядомъ пунктовъ, одинаково отвѣчавшихъ интересамъ мелкаго крестьянства и бюргерства и интересамъ пролетаріата. Наиболѣе существенными изъ этихъ пунктовъ были: объединеніе Германіи въ единую, нераздѣльную республику, вооруженіе всего народа, жалованье народнымъ представителямъ, ограниченіе права наслѣдованія, сильно-прогрессивные налоги, уничтоженіе налоговъ на предметы потребленія, устройство національныхъ мастерскихъ, всеобщее безплатное обученіе, переходъ въ руки государства, въ интересахъ неимущихъ классовъ, всѣхъ перевозочныхъ средствъ—желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, пароходовъ, гужевыхъ дорогъ, почтъ. Далѣе, выставлялось требованіе о переходѣ всѣхъ рудниковъ и копей, всѣхъ княжескихъ и феодальныхъ помѣстій въ государственную собственность, съ оговоркой однако, что въ интересахъ общества сельское хозяйство должно вестись здѣсь въ крупномъ масштабѣ и при помощи новѣйшихъ техническихъ пріемовъ. Равнымъ образомъ выражалось требованіе, чтобы ипотеки на крестьянскія земли были объявлены государственной собственностью и чтобы крестьяне платили проценты по этимъ ипотекамъ государству; то же слѣдовало сдѣлать по отношенію къ земельной рентѣ и арендной платѣ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ была развита аренда.

Эти требованія далеко не исчерпывали коммунистической программы, они оставались далеко позади мѣропріятій, которыя Коммунистическій Манифестъ предложилъ для „наиболѣе передовыхъ странъ", послѣ того какъ пролетаріатъ завоюетъ тамъ полити-

ческую власть; они, слѣдовательно, отнюдь не упустили изъ виду экономической отсталости Германіи. Однако исторія показала, что даже эта программа была преждевременна при той высотѣ экономическаго развитія, на которой стояла тогда Германія. Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ заходить слишкомъ далеко и утверждать, что она была непрактична и утопична. Она не была непрактична, такъ какъ направила вниманіе революціонно возбужденныхъ массъ на правильный путь; она не была утопична, такъ какъ творцы ея очень хорошо знали и совсѣмъ не скрывали того, что она можетъ быть проведена лишь путемъ длиннаго ряда революціонныхъ конфликтовъ и переворотовъ. Они ошибались только въ допущеніи, что она вообще можетъ быть достигнута посредствомъ одного непрерывнаго революціоннаго процесса, хотя бы и продолжительнаго. Они ошибались не относительно направленія и цѣли, а лишь относительно длины пути.

„Союзъ коммунистовъ" выступалъ противъ всякой игры въ революцію такъ же безпощадно, какъ противъ всякой игры въ секты. Онъ боролся со свирѣпствовавшей среди парижскихъ эмигрантовъ маніей „революціонныхъ легіоновъ", долженствовавшихъ освободить свои отечества отъ рабскаго ярма. Большинство буржуа, засѣдавшихъ во временномъ правительствѣ французской республики, съ заднею мыслью поддерживали эту манію; чтобы избавиться отъ иностранныхъ рабочихъ, правительство обѣщало отводить легіонерамъ квартиры для дневокъ и выдавать имъ содержаніе до самой французской границы, а краснобай Ламартинъ охотно сдѣлалъ еще въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, все зависѣвшее отъ него, чтобы предать легіонеровъ ихъ отечественнымъ правительствамъ. Гервегъ далъ одурачить себя и сталъ во главѣ нѣмецкаго легіона, который долженъ былъ двинуться черезъ Рейнъ, чтобы революціонировать Германію, но Марксъ, не убоявшись недоброжелательства возбужденныхъ массъ, выяснилъ въ открытыхъ собраніяхъ безнадежность всей авантюры. Насильственный ввозъ революціи въ Германію могъ только явиться желаннымъ для правительствъ пугаломъ и выдать самый легіонъ въ руки ихъ войскъ. Особенно послѣ того какъ революція вспыхнула въ Вѣнѣ и Берлинѣ, эта глупая игра потеряла даже ту каплю смысла, на которую она раньше могла бы еще притязать. Къ сожалѣнію, игра все-таки продолжалась, вплоть до того жалкаго конца, который предсказалъ ей Марксъ.

Вмѣсто нѣмецкаго легіона Марксъ и Энгельсъ основали нѣ-

мецкій коммунистическій кружокъ, членамъ котораго они посовѣтовали вернуться поодиночкѣ въ Германію и дѣйствовать въ революціонномъ движеніи наподобіе дрожжей. Флоконъ предоставилъ этимъ работникамъ такія же льготы, какія были даны легіонерамъ, и такимъ образомъ до Германіи добрались отъ 300 до 400 человѣкъ, въ томъ числѣ большинство членовъ „Союза коммунистовъ". Такъ какъ они разсѣялись по Германіи, то „Союзъ коммунистовъ" распался, но въ этомъ распаденіи онъ доказалъ, какой прекрасной школой онъ былъ для освободительной борьбы пролетаріата. Всюду, гдѣ рабочій классъ въ этотъ революціонный годъ начиналъ проявлять нѣкоторую степень сознательности, въ качествѣ движущихъ силъ оказывались члены союза; даже тамъ, гдѣ они волей или неволей приспособлялись къ мѣстнымъ условіямъ и не устояли на принципіальной высотѣ Коммунистическаго Манифеста, они по своему вѣрному взгляду на вещи и рѣшительности далеко превосходили буржуазныхъ народныхъ вождей. Они дѣйствовали въ Гессенѣ и Нассау, въ Гамбургѣ, Бременѣ и Ганноверѣ, въ Берлинѣ, Лейпцигѣ и Бреславлѣ; въ послѣднемъ съ большимъ успѣхомъ агитировалъ Вильгельмъ Вольфъ, который былъ даже выбранъ замѣстителемъ депутата во франкфуртское національное собраніе. Но само собою разумѣется, что „Союзъ коммунистовъ" могъ развить широкую революціонную агитацію лишь тамъ, гдѣ имѣлись уже налицо предпосылки современнаго буржуазнаго общества.

Марксъ и Энгельсъ съ болѣе тѣснымъ кругомъ своихъ друзей отправились въ Кельнъ, гдѣ демократы и отчасти коммунисты подготовляли большую газету. Основатели этой газеты сначала косились на нихъ и думали сплавить ихъ въ Берлинъ, но тѣ по совершенно правильнымъ соображеніямъ не поддались. Они знали Берлинъ, и имъ было извѣстно, какъ мало еще былъ развитъ буржуазный классъ прусской столицы. Они знали также,—и судьба молодого Шлёффеля съ избыткомъ убѣдила ихъ въ этомъ,—что въ Пруссіи нѣтъ еще прочной свободы печати. Въ Берлинѣ дѣйствовало еще прусское Земское право, и политическіе процессы разбирались коронными судьями; на Рейнѣ дѣйствовалъ кодексъ Наполеона, согласно которому политическіе процессы подлежали суду присяжныхъ. Большая газета, которая должна была освѣщать волнующееся море революціи, до извѣстной степени наподобіе маяка, могла выходить только въ рейнской столицѣ, и твердой энергіи, съ которою Марксъ и его друзья

отстаивали этотъ правильный взглядъ, удалось скоро преодолѣть всѣ препятствія. Они получили новую газету въ свои руки, подъ однимъ условіемъ—принять въ редакцію Генриха Бюргерса, который, по мысли акціонеровъ, долженъ былъ явиться тормазомъ въ колесницѣ, фактически же сталъ лишь пятымъ колесомъ въ ней.

Первый номеръ „*Новой Рейнской Газеты*" вышелъ 1 іюня 1848 г. Ея редакціонный штабъ составляли Карлъ Марксъ въ качествѣ главнаго редактора, Генрихъ Бюргерсъ, Эрнстъ Дронке, Фридрихъ Энгельсъ, Георгъ Вертъ, Фердинандъ Вольфъ и Вильгельмъ Вольфъ. Газета начала дѣло съ очень ограниченнымъ акціонернымъ капиталомъ, изъ котораго была внесена лишь небольшая часть, и первая же статья ея, направленная противъ пустой болтовни, изъ-за которой франкфуртское національное собраніе теряетъ одно орудіе власти за другимъ, стоила ей половины акціонеровъ.

Въ своемъ заголовкѣ „*Новая Рейнская Газета*" называла себя „органомъ демократіи", но она не скрывала, что примыкаетъ къ самому крайнему въ данный моментъ крылу революціоннаго движенія только для того, чтобы толкать его впередъ въ интересахъ пролетаріата. Газета не гналась за честью быть органомъ какой-нибудь парламентской лѣвой; она открыто заявила, что при крайнемъ разнообразіи элементовъ, изъ которыхъ составилась демократическая партія въ Германіи, она, наоборотъ, считаетъ настоятельно необходимымъ ни за кѣмъ такъ зорко не слѣдить, какъ за демократами; что ея идеалъ не черно-красно-золотая республика, что въ этой республикѣ лишь начнется ея настоящая оппозиція. Въ первый же мѣсяцъ своего существованія она раскрыла свои дѣйствительныя цѣли въ сильной, горячо и страстно написанной статьѣ по поводу хора клеветъ, разразившихся надъ побѣжденными іюньскими борцами Парижа,—хора, въ которомъ голоса либеральной буржуазіи и демократическаго мѣщанства занимали далеко не послѣднее мѣсто.

Парижскіе рабочіе разбиты, но ихъ противники побѣждены,— писала „*Новая Рейнская Газета*"; минутное торжество грубой силы куплено уничтоженіемъ всѣхъ обмановъ и иллюзій февральской революціи, распаденіемъ французской націи на двѣ націи, націю собственниковъ и націю рабочихъ. Эта глубокая пропасть не должна внушать демократамъ мысли, что борьба за государственную форму призрачна и безсодержательна. Коллизіи, вытекающія изъ условій самого буржуазнаго общества, приходится продѣлать путемъ борьбы, отъ нихъ нельзя отдѣлаться фантазі-

ями. Лучшая государственная форма не та, въ которой общественные антагонизмы затушевываются, гдѣ они скованы насильственно, слѣдовательно лишь искусственно, лишь по видимости, а та, гдѣ они получаютъ, наоборотъ, возможность свободно бороться и такимъ образомъ придти къ разрѣшенію. На вопросъ, къ кому должна примкнуть демократія въ классовой борьбѣ между буржуазіей и пролетаріатомъ, статья отвѣчала слѣдующими сильными словами: „Насъ спросятъ, неужели у насъ не найдется ни одной слезы, ни одного вздоха, ни одного слова въ пользу тѣхъ жертвъ, которыя погибли отъ народной ярости, въ пользу національной гвардіи, подвижной гвардіи, республиканской гвардіи, линейныхъ войскъ? Государство позаботится объ ихъ вдовахъ и сиротахъ, правительственные декреты превознесутъ ихъ, торжественныя погребальныя процессіи предадутъ землѣ ихъ останки, оффиціальная пресса объявитъ ихъ безсмертными, европейская реакція отъ востока до запада воздастъ имъ почести. Но плебеи—они истерзаны голодомъ, они оскорбляемы печатью, покинуты врачами, „честные“ люди ругаютъ ихъ ворами, поджигателями, каторжниками, ихъ жены и дѣти повергнуты въ еще болѣе безмѣрную нищету, а лучшіе изъ оставшихся въ живыхъ сосланы за море, и обвить лавровый вѣнокъ вокругъ ихъ грозно-мрачнаго чела есть привилегія, есть право декократической печати“. Эта статья Маркса, нетлѣнный памятникъ истинно-революціоннаго воодушевленія, стоила „*Новой Рейнской Газетѣ*“ послѣдняго остатка ея акціонеровъ.

Между тѣмъ газета твердо укрѣпилась въ массахъ. Она соединяла въ себѣ два свойства, изъ которыхъ ни одно не было достигнуто, хотя бы даже въ приблизительной степени, ни одной другой газетой Германіи,—свойства, рѣдко встрѣчающіяся въ отдѣльности и еще рѣже въ гармоническомъ сочетаніи: она соединяла въ себѣ глубокое пониманіе исторической связи вещей, никогда не вырождавшееся, однако, въ досужую созерцательность, со смѣлой жаждой подвиговъ, никогда все-таки не расплывавшеюся въ фантазіи. Она такъ же мало льстила націи, какъ ея деспотамъ. Она жестоко бичевала остатки старозавѣтнаго рабскаго духа, еще таившіеся въ нѣмцахъ, и въ то же время раздувала всякую революціонную искру, обѣщавшую пройти очистительнымъ пламенемъ черезъ жалкую гниль нѣмецкой общественной жизни. Такъ наз. „прекраснодушіе“, которое было лишь смягчающимъ названіемъ для дряблости разслабленнаго мѣщанина, встрѣчало съ ея стороны однѣ злыя насмѣшки; она третировала нѣмецкій народъ

en canaille, выражаясь словами Верта, но нигдѣ великіе интересы нѣмецкаго будущаго не охранялись такъ твердо и ясно, какъ на ея столбцахъ, и даже буржуазія не могла бы сдѣлать ничего лучшаго, съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ интересовъ, какъ прислушиваться къ напоминаніямъ и предостереженіямъ этой газеты.

„Новая Рейнская Газета“ своевременно предсказывала, наприм., министерству Кампгаузена, что желая сѣять реакцію въ духѣ крупной буржуазіи, оно пожнетъ ее въ духѣ феодальной партіи. Она назвала квадратурой круга желаніе министерства Ганземана утвердить господство буржуазіи путемъ компромисса со старымъ феодальнымъ и полицейскимъ государствомъ. Буржуазія,— писала *„N. R. Zeitung“*, — не въ состояніи воздвигнуть своего собственнаго господства, не заручившись содѣйствіемъ всего народа, не выступая болѣе или менѣе демократически; министерство дѣла должно потерпѣть крушеніе, если буржуазія, борющаяся еще съ абсолютизмомъ, феодализмомъ, помѣстнымъ дворянствомъ, военщиной и бюрократіей, желаетъ уже исключить народъ, уже поработить и отбросить его въ сторону. Газета подвергала разлагающей критикѣ дебаты берлинскаго національнаго собранія; она старалась заставить лѣвую, чтобы та бросила половинчатую политику, она разъясняла лѣвой, что старый режимъ охотно предоставляетъ ей маленькія парламентскія побѣды и большіе конституціонные проекты, если только онъ получаетъ возможность овладѣть въ это время всѣми главными позиціями власти; въ одно прекрасное утро лѣвая откроетъ, что ея парламентское торжество и ея фактическое пораженіе совпадаютъ. Всѣ эти предсказанія оправдались съ величайшей точностью.

Противъ самодовольнаго витійства, которому предавались новыя парламентскія знаменитости буржуазіи и мѣщанства, *„Новая Рейнская Газета“* выступила съ горькими сарказмами. Особенно безпощадно она раскрыла несостоятельность этого „парламентскаго кретинизма“ на примѣрѣ франкфуртскаго собранія, гдѣ онъ свирѣпствовалъ еще сильнѣе, чѣмъ въ берлинскомъ. Она не обнаруживала, конечно, никакого сочувствія къ стремленіямъ партіи Гагерна опруссачить Германію: прошло то прекрасное время,— писала газета,—когда совершенно распадавшаяся Германія Союзнаго сейма готова была видѣть послѣднее средство объединенія даже во всеобщемъ примѣненіи прусско-бюрократической смирительной рубахи. Вообще газета относилась къ прусской легендѣ

съ величайшимъ презрѣніемъ. Когда при штурмѣ берлинскаго цейхгауза былъ уничтоженъ кой-какой хламъ изъ старыхъ знаменъ и касокъ, и патріотическія сердца подняли по этому поводу жалобный вопль, то газета похвалила совершенно вѣрный тактъ берлинскаго народа, впервые выступившаго революціонно не только противъ своихъ угнетателей, но и противъ блестящихъ иллюзій своего собственнаго прошлаго; первое, что нѣмцы должны сдѣлать,—заявляла она,—это порвать со всѣмъ своимъ позорнымъ прошлымъ.

Но „*Новая Рейнская Газета*" рѣзко критиковала также и федеративное республиканство, какъ оно было представлено во франкфуртской лѣвой: федерація изъ конституціонныхъ монархій, маленькихъ княжествъ и республикъ съ республиканскимъ правительствомъ во главѣ не можетъ быть, по мнѣнію газеты, окончательнымъ государственнымъ устройствомъ Германіи. „Мы не выставляемъ утопическаго требованія, чтобы à priori была возвѣщена единая, нераздѣльная нѣмецкая республика, но мы требуемъ отъ такъ называемой радикально-демократической партіи, чтобы она не смѣшивала исходнаго пункта борьбы и революціоннаго движенія съ ихъ конечной цѣлью. Германское единство, какъ и германскій государственный строй, могутъ быть лишь результатомъ движенія, въ которомъ къ рѣшенію будутъ толкать столько же внутренніе конфликты, сколько война съ Россіей. Окончательное государственное устройство не можетъ быть декретировано, оно совпадаетъ съ движеніемъ, которое намъ надо пройти. Дѣло идетъ, слѣдовательно, не объ осуществленіи того или иного мнѣнія, той или другой политической идеи, а о пониманіи хода развитія. Національное собраніе должно дѣлать лишь ближайшіе, практически возможные шаги". Ни въ чемъ не проявляется такъ существующая путаница понятій, какъ въ желаніи скроить германскій государственный строй по образцу сѣверо-американскаго федеративнаго государства. „Не говоря уже о томъ, что Соединенные Штаты Сѣверной Америки имѣютъ всѣ одинаковое политическое устройство, они занимаютъ пространство, равное цивилизованной Европѣ. Они могли бы найти себѣ аналогію лишь въ европейской федераціи. Но для того чтобы Германія могла вступить въ федерацію съ другими странами, она должна прежде всего стать единой страной. Въ Германіи борьба централизаціи съ федеративной системой есть борьба между современной культурой и феодализмомъ. Германія погрузилась въ

обуржуазившійся феодализмъ въ тотъ самый моментъ, когда на Западѣ образовались великія монархіи, но она была также исключена изъ міроваго рынка въ тотъ моментъ, когда онъ открылся для Западной Европы. Она бѣднѣла, между тѣмъ какъ тѣ обогащались. Она становилась крестьянской страной въ то время, какъ тѣ превращались въ государства большихъ городовъ. Если бы Россія даже не стучалась какъ врагъ въ ворота Германіи, то уже одни экономическія условія принудили бы послѣднюю къ самой строгой централизаціи. Даже съ исключительно буржуазной точки зрѣнія безусловное единство Германіи составляетъ первое условіе для спасенія ея изъ того жалкаго положенія, въ которомъ она до сихъ поръ находится, и для созданія національнаго богатства. А чтò сказать о разрѣшеніи современныхъ соціальныхъ вопросовъ на территоріи, раздробленной на тридцать девять маленькихъ странъ?" Изъ этого отрывка можно также видѣть, чтó Марксъ и Энгельсъ понимали подъ „непрерывной революціей", которою они будто бы стремились создать всеобщій хаосъ и анархію.

„*Новая Рейнская Газета*" противилась патріотическому „окончанію революціи" столько же въ интересахъ буржуазнаго, сколько въ интересахъ рабочаго класса.

---

2. Европейская политика.

Не послѣднимъ преимуществомъ „*Новой Рейнской Газеты*" было тонкое и глубокое пониманіе иностранной политики, истолкованіе которой всегда составляло одну изъ слабыхъ сторонъ демократическихъ партій. Газета ни на минуту не упускала изъ виду связи нѣмецкихъ дѣлъ съ европейскими. Какъ и борьбу нѣмецкихъ партій, она борьбу европейскихъ народовъ также оцѣнивала не по шаблону безсодержательныхъ лозунговъ, въ родѣ свободы, равенства, братства, справедливости.

Рѣшающимъ моментомъ для нея всегда былъ уровень культуры и цивилизаціи, достигнутый отдѣльными народами, и позиція, которую они сообразно съ этимъ занимали въ современной революціонной борьбѣ. Развертывая передъ нѣмецкимъ народомъ позорную картину того, какъ его сыны въ теченіе 70-ти лѣтъ, отъ американской войны за независимость и французскихъ революціонныхъ войнъ вплоть до подавленія послѣднихъ итальянскихъ и польскихъ возстаній, брали на себя роль пала-

чей относительно революціонныхъ народовъ, газета заявляла: „Теперь, когда нѣмцы стряхиваютъ съ себя собственное иго, вся ихъ политика по отношенію къ иностраннымъ государствамъ тоже должна измѣниться, въ противномъ случаѣ мы тѣми же самыми цѣпями, въ которыя мы заковываемъ чужеземные народы, заточимъ и свою собственную, молодую, почти только предчувствуемую нами свободу. Германія освобождаетъ себя самое въ той же мѣрѣ, въ какой она оставляетъ свободными сосѣдніе народы". Но газета проводила строгое различіе между большими, жизнеспособными націями, мощно боровшимися за свою независимость, и маленькими, отсталыми обломками націй, которые возставали съ демократическими лозунгами на языкѣ лишь для того, чтобы фактически становиться на пути революціонному движенію наиболѣе передовыхъ народовъ или служить орудіемъ для этой цѣли въ чужихъ рукахъ.

Она требовала Польши для поляковъ, Италіи для итальянцевъ, Венгріи для венгровъ, но относилась отрицательно къ панславистскому движенію, которое, по ея мнѣнію, представляетъ собою либо пустое фантазерство, либо русскую нагайку. Она клеймила макіавелліевскую политику австрійскаго и прусскаго правительствъ, подавившихъ при помощи кровавыхъ насилій возстанія въ Италіи и Польшѣ: „Чувствуя, какъ ихъ устои колеблются внутри Германіи, эти правительства сдѣлали попытку парализовать демократическую энергію, отвлечь отъ себя вниманіе, отвести въ сторону потокъ революціонной лавы, выковать оружіе для внутренняго угнетенія, и съ этой цѣлью искусственно вызвали въ свѣтъ эгоистическую, противную космополитическому характеру нѣмцевъ племенную ненависть". Но въ то же время газета защищала историческое право Германіи въ борьбѣ съ Даніей за Шлезвигъ-Голштинію.

На первомъ планѣ газета требовала революціонной войны съ Россіей. „Лишь война съ Россіей есть война революціонной Германіи: въ ней она можетъ смыть грѣхи своего прошлаго, въ ней она можетъ окрѣпнуть и побѣдить своихъ собственныхъ самодержцевъ, въ ней она, какъ это подобаетъ народу, сбрасывающему съ себя цѣпи долгаго покорнаго рабства, купитъ жизнью своихъ сыновъ пропаганду цивилизаціи и освободитъ себя въ предѣлахъ собственнаго государства, освобождая народы внѣ ихъ". Газета неустанно указывала на опасность грозившую нѣмецкой революціи со стороны царскаго деспотизма. Она предвидѣла дни Вилагоша и Варшавы и, восклицая уже

въ іюнѣ 1848 г.: „Царь стоитъ передъ воротами Торна!", словно читала опубликованную лишь тридцать лѣтъ спустя ноту, гдѣ Николай I какъ разъ въ эти дни предлагалъ принцу Прусскому помощь русской арміи для насильственнаго возстановленія до-мартовскаго деспотизма.

Съ войной противъ Россіи было неразрывно связано возрожденіе Польши. Оно было безусловно необходимо въ интересахъ европейской революціи, которая не могла развернуть всѣхъ своихъ силъ, не парализовавъ раньше русскаго колосса, и которая для парализованія этого колосса не имѣла въ своемъ распоряженіи иного средства, кромѣ польскаго возстанія. Этимъ объясняется громадная популярность, которой дѣло Польши пользовалось въ Западной Европѣ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Всего меньше въ Германіи она была романтическимъ капризомъ или воодушевленіемъ за чужихъ братьевъ, какъ насмѣшливо утверждали Бисмаркъ и модные имперскіе патріоты; она вытекала, напротивъ, изъ очень трезвой реальной политики, правомѣрность и правильность которой не могли подлежать никакому сомнѣнію до тѣхъ поръ, пока царь игралъ роль опекуна надъ нѣмецкими государями. Кто желалъ нѣмецкаго единства и нѣмецкой свободы, тотъ долженъ былъ желать и самостоятельной Польши. Даже предварительный парламентъ, при всѣхъ другихъ своихъ недостаткахъ, не могъ не подчиниться этой неотразимой логикѣ; такъ, онъ объявилъ раздѣлъ Польши „позорной несправедливостью" и призналъ возстановленіе Польши „священной обязанностью" нѣмецкаго народа.

„Покуда мы помогаемъ угнетать Польшу, покуда мы приковываемъ часть Польши къ Германіи, до тѣхъ поръ мы прикованы къ Россіи и русской политикѣ, до тѣхъ поръ мы не можемъ сломить у себя патріархально-феодальнаго абсолютизма". Въ этихъ сжатыхъ положеніяхъ *„Новая Рейнская Газета"* резюмировала политику, которая предписывалась нѣмецкой революціи въ польскомъ вопросѣ. Насколько эта точка зрѣнія была правильна, это разительнѣе всего доказала политика контръ-революціи, политика прусской короны и прусскаго юнкерства, которая ничего такъ не боялась, какъ разрыва съ Россіей, и сообразно съ этимъ старалась всѣми силами приковать прусскую долю въ польскомъ грабежѣ къ новой Германіи, еще не созданной 18-мъ марта, но все же возвѣщенной имъ. Правда, подъ вліяніемъ перваго испуга мартовскихъ дней Фридрихъ-Вильгельмъ IV обѣщалъ провинціи

Познань „національную реорганизацію“, и польское населеніе этой провинціи всячески старалось показать, насколько оно готово рука объ руку съ революціонной Германіей воевать противъ Россіи. Но очень скоро обнаружилось, что обѣщаніе дано было именно только подъ давленіемъ страха. Прусская военная и гражданская бюрократія въ провинціи Познань стала науськивать нѣмецкое и еврейское населеніе противъ поляковъ; она зажгла междоусобную войну, которую вела, правда, безъ геройскихъ военныхъ подвиговъ, но зато съ достойными вандаловъ опустошеніями. Неоднократно и позорно разбитыя на голову въ открытомъ полѣ, прусскія войска въ концѣ-концовъ побѣдили благодаря своему численному превосходству и лучшему вооруженію; противъ ихъ картечи польскія косы не могли долго бороться. Но министерство Кампгаузена и въ этомъ вопросѣ не имѣло ни силы, ни мужества отстаивать права буржуазной революціи; оно санкціонировало военныя насилія, отторгши отъ провинціи Познань въ апрѣлѣ и маѣ болѣе двухъ третей ея и побудивъ агонирующій Союзный сеймъ поскорѣе включить ихъ въ германскій союзъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ населены преимущественно нѣмцами.

Франкфуртскому національному собранію предстояло теперь рѣшить вопросъ, имѣютъ ли законную силу мандаты тѣхъ 12-ти депутатовъ, которые были выбраны въ этихъ частяхъ Познани. Послѣ трехдневныхъ преній оно 27 іюля разрѣшило его въ утвердительномъ смыслѣ и такимъ образомъ запутало польскій вопросъ съ точки зрѣнія нѣмецкой революціи. Раздѣлы Польши, которые предварительный парламентъ объявилъ „позорной несправедливостью“, были теперь санкціонированы самимъ парламентомъ. И если „*Новая Рейнская Газета*“ подвергла эти пренія франкфуртскаго собранія болѣе детальной критикѣ, чѣмъ всякіе другіе его дебаты, то такое усиленное вниманіе вполнѣ отвѣчало значенію, которое Марксъ и Энгельсъ придавали революціонной войнѣ съ Россіей. Ихъ статьи по этому поводу представляютъ собою лучшее изъ всего, что когда-либо появлялось на нѣмецкомъ языкѣ о тогдашнемъ польскомъ вопросѣ, хотя онѣ и не свободны отъ историческихъ ошибокъ. Онѣ разсматривали польскую исторію преимущественно въ освѣщеніи тѣхъ польскихъ историковъ и политическихъ дѣятелей, которые, подобно Лелевелю и Мѣрославскому, считали возможной внѣшнюю независимость польской націи лишь въ тѣснѣйшей связи съ внутренней аграрно-демократической революціей. Насколько этотъ взглядъ былъ правиленъ самъ по себѣ, настолько же онъ

былъ у исповѣдовавшихъ его польскихъ патріотовъ лишь продуктомъ чувства: они оцѣнивали реформаторскія попытки, сдѣланныя польскимъ шляхетствомъ для спасенія своего государства отъ гибели, напр., польскую конституцію 1791 г., больше со стороны ихъ намѣреній, чѣмъ результата; обманчивымъ отраженіемъ взглядовъ, господствовавшихъ въ этихъ кругахъ, можно считать заявленіе, сдѣланное „*Новой Рейнской Газетой*" въ августѣ 1848 г.,— что Польша шляхетской демократіи давно умерла и похоронена, но что она произвела на свѣтъ крѣпкаго сына—Польшу крестьянской демократіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что газета приписывала нѣмецкой иммиграціи въ Польшу гибельныя послѣдствія, которыхъ та фактически не имѣла,—не имѣла уже потому, что она совсѣмъ не происходила безпрерывно. Мы готовы видѣть доказательство быстроты и глубины взгляда, съ которыми Марксъ схватывалъ обыкновенно общую связь историческихъ явленій, въ слѣдующемъ мѣстѣ изъ его статей о Польшѣ: „Нѣмцы, достигшіе вообще своего высшаго расцвѣта въ мелкомъ бюргерствѣ средневѣковыхъ имперскихъ городовъ, въ караванообразной, вялой внутренней торговлѣ и въ ограниченной морской торговлѣ, въ цеховомъ ремесленномъ производствѣ XIV-го и XV-го в., — нѣмцы доказали свое призваніе стать мѣщанами міровой исторіи въ частности тѣмъ, что они по сей день образуютъ ядро мелкой буржуазіи во всей восточной и сѣверной Европѣ, даже въ Америкѣ. Въ Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Краковѣ, въ Стокгольмѣ и Копенгагенѣ, въ Пештѣ, Одессѣ и Яссахъ, въ Нью-Іоркѣ и Филадельфіи значительная доля, часто большинство ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ и мелкихъ посредниковъ состоитъ изъ нѣмцевъ или лицъ нѣмецкаго происхожденія. Во всѣхъ этихъ городахъ существуютъ кварталы, гдѣ говорятъ исключительно по-нѣмецки; нѣкоторые города, напр. Пештъ, даже почти исключительно населены нѣмцами". Но какъ разъ въ Польшѣ дѣло происходило иначе. Правда, въ XII-мъ и XIII-мъ столѣтіяхъ нѣмецкіе поселенцы привлекались въ страну князьями, дворянствомъ и духовенствомъ, но уже съ XV-го столѣтія, во всякомъ случаѣ не позже, началось совершенно обратное движеніе: въ интересахъ монополизированной ими хлѣбной торговли польскіе помѣщики насильственно уничтожили зачатки городского развитія, и нѣмецкіе иммигранты потянулись обратно на родину. Они не помѣшали образованію польскихъ городовъ, какъ упрекала ихъ „*Новая Рейнская Газета*"; они не затруднили

централизаціи, этого могущественнѣйшаго политическаго средства къ быстрому развитію страны, своимъ особымъ языкомъ, своей замкнутостью отъ польскаго населенія, необычайнымъ разнообразіемъ своихъ привилегій и особыми городскими установленіями. Столь же неоснователенъ былъ упрекъ въ томъ, что они не накопили большихъ капиталовъ, не сумѣли создать у себя крупной промышленности, не овладѣли обширными торговыми сношеніями. Если „*Новая Рейнская Газета*“ правильно усматривала истинную причину упадка Польши въ отсутствіи всякаго городского развитія, то въ послѣднемъ виновно было исключительно польское шляхетство.

Несравненно справедливѣе была критика, которой газета подвергла легендарныя утвержденія прусскаго историка Штенцеля во франкфуртскомъ собраніи относительно культуры и цивилизаціи, якобы внесенныхъ въ Польшу прусской короной и прусскимъ юнкерствомъ послѣ ея раздѣла. Въ противоположность такимъ сознательнымъ извращеніямъ историческихъ фактовъ, которые долженъ былъ знать всякій прусскій историкъ, „*Новая Рейнская Газета*“ констатировала, что раздѣлъ Польши былъ грабежомъ не только въ государственномъ, но и въ гражданско-правовомъ смыслѣ. Она совершенно вѣрно изобразила тѣ колоссальные разбойничьи набѣги на церковныя имѣнія и имѣнія староствъ, которые прусская корона и прусское юнкерство предприняли послѣ третьяго раздѣла Польши 1796 г. и повторили—въ нѣсколько измѣненной формѣ—послѣ польскихъ возстаній 1830 и 1846 гг. Точно такъ же, когда газета высказала мнѣніе, что настоящимъ связующимъ цементомъ Священнаго союза было далеко не священное ограбленіе Польши, то она попала въ самую точку, хотя бы она и преувеличила при этомъ страхъ передъ аграрной революціей, испытываемый въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ деспотическими угнетателями Польши.

По положенію вещей въ 1848 г. сущность польскаго вопроса все-таки заключалась въ томъ, что національное существованіе Польши ни для одного народа не было такъ необходимо, какъ для нѣмецкаго. Общая война революціонной Германіи и революціонной Польши противъ Россіи была бы самымъ вѣрнымъ средствомъ сломить феодализмъ какъ въ Германіи, такъ и въ Польшѣ. Возможно, конечно, что въ своей революціонной смѣлости и въ своемъ преувеличенномъ представленіи о крестьянско-демократической Польшѣ газета слишкомъ умаляла трудности, стоявшія на пути польско-нѣмецкаго союза, когда писала: „Понятно, что дѣло

идетъ не о призрачномъ возстановленіи Польши, а о созданіи государства на жизнеспособномъ фундаментѣ. Польша должна, по меньшей мѣрѣ, обладать территоріей 1772 года, должна владѣть не только бассейнами, но и устьями своихъ большихъ рѣкъ и должна имѣть въ своемъ распоряженіи, по меньшей мѣрѣ, значительную береговую полосу у Балтійскаго моря. Все это Германія могла бы ей гарантировать и при этомъ обезпечить все-таки собственные интересы и собственную честь, если бы она послѣ революціи имѣла мужество въ своихъ собственныхъ интересахъ потребовать у Россіи съ оружіемъ въ рукахъ выдачи Польши. Что при крайнемъ смѣшеніи нѣмецкаго и польскаго элемента, существующемъ на границѣ и въ особенности у морского побережья, обѣимъ сторонамъ пришлось бы пойти на уступки, что многимъ нѣмцамъ пришлось бы стать польскими гражданами, а многимъ полякамъ—нѣмецкими, это понятно само собой и не создало бы никакихъ практическихъ трудностей". Но великодушное заблужденіе, которое могло играть здѣсь извѣстную роль, давало газетѣ тѣмъ большее право насмѣхаться надъ половинчатой нѣмецкой революціей, не имѣвшей мужества выступить съ такой рѣшительностью: „Произносить громкія рѣчи объ освобожденіи Польши, встрѣчать на желѣзнодорожныхъ станціяхъ проѣзжающихъ поляковъ и предлагать имъ горячія симпатіи нѣмецкаго народа (кому только онѣ не предлагались?), на это еще можно было пойти. Но начать войну съ Россіей, поколебать все европейское равновѣсіе и, чего добраго, выдать обратно клочокъ грабежомъ добытой области—да, для этого нужно не знать своихъ нѣмцевъ!" И „*Новая Рейнская Газета*" снова разъясняла, что война съ Россіей является полнымъ, открытымъ и дѣйствительнымъ разрывомъ со всѣмъ позорнымъ прошлымъ Германіи, дѣйствительнымъ освобожденіемъ и объединеніемъ Германіи, единственно возможнымъ путемъ для спасенія нѣмецкой чести и нѣмецкихъ интересовъ по отношенію къ славянскимъ сосѣдямъ и, въ частности, по отношенію къ полякамъ.

Къ венграмъ газета была такъ же справедлива, какъ и къ полякамъ, до извѣстной степени даже болѣе, чѣмъ справедлива. Въ спорившей мѣшанинѣ народовъ австрійской монархіи газета стала скоро различать два большихъ военныхъ лагеря: на сторонѣ революціи—нѣмцы, поляки и венгры, на сторонѣ контръ-революціу—румыны, семиградскіе саксы и всѣ славяне, за исключеніемъ поляковъ. На вопросъ, въ чемъ причина этого раздѣленія, „*Новая*

Рейнская Газета“ отвѣчала: во всей прошлой исторіи этихъ племенъ. Если исключить поляковъ, которые не входятъ въ старую Австрію въ узкомъ смыслѣ слова, то начиная отъ среднихъ вѣковъ историческая иниціатива принадлежала въ придунайскихъ областяхъ нѣмцамъ и венграмъ. Не будь нѣмцевъ и венгровъ, всѣ южные славяне, называемые такъ въ противоположность полякамъ и русскимъ, подпали бы подъ турецкое владычество, какъ это и случилось съ частью ихъ. А это была услуга, за которую австрійскіе южные славяне не слишкомъ дорого заплатили бы, даже обмѣнявъ свою національность на нѣмецкую или венгерскую.

Турецкое нашествіе XV-го и XVI-го столѣтій было вторымъ изданіемъ арабскаго нашествія VIII-го вѣка. Побѣда Карла Мартелла была снова одержана подъ стѣнами Вѣны и на равнинахъ Венгріи. Какъ тогда при Пуатье, такъ и здѣсь опасность грозила опять всему европейскому развитію. И гдѣ дѣло шло о спасеніи послѣдняго, можно ли было обращать вниманіе на какія-нибудь двѣ-три захудалыя, безсильныя народности, въ родѣ австрійскихъ славянъ, которые вдобавокъ тоже были спасены? Во внутренней жизни дѣло обстояло такъ же, какъ во внѣшней. Движущій классъ, носитель историческаго движенія—городское сословіе было повсюду нѣмецкимъ или венгерскимъ. Южные славяне лишь въ опредѣленныхъ мѣстахъ создали національную буржуазію. Вмѣстѣ съ буржуазіей въ нѣмецкихъ или венгерскихъ рукахъ находилась также промышленная сила, капиталъ, развилось нѣмецкое образованіе, славяне же и въ умственномъ отношеніи подчинились сначала нѣмцамъ, а затѣмъ венграмъ. Такимъ образомъ нѣмцы и венгры сдѣлались въ австрійскомъ государствѣ революціонными, потому что они были носителями культуры и цивилизаціи. Въ противоположность имъ австрійскіе славяне замкнулись въ отдѣльный союзъ, въ панславизмъ, который родился не въ Польшѣ или Россіи, а въ Прагѣ и Аграмѣ; панславизмъ носитъ съ самаго начала реакціонный характеръ, будучи сознательной противоположностью нѣмцамъ и венграмъ, которые революціоннымъ путемъ двигаются впередъ.

„*Новая Рейнская Газета*“ сравнивала венгерскую войну за свободу съ борьбой революціонной Франціи противъ реакціонной Европы. „Превосходство силъ страшное. Вся Австрія, имѣя впереди 16 милліоновъ фанатизированныхъ славянъ, стоитъ противъ 4 милліоновъ венгровъ. Массовое возстаніе, національное производство оружія, ассигнаціи, короткая расправа со всякимъ, кто мѣшаетъ револю-

ціонному движенію, непрерывность революціи, словомъ—всѣ главныя черты достославнаго 1793 года мы находимъ въ Венгріи, вооруженной, организованной и воодушевленной Кошутомъ". Въ противоположность этому доказывается безнадежная реакціонность панславизма. „Прямая цѣль панславизма, это—созданіе славянскаго царства отъ Рудныхъ горъ и Карпатовъ до Чернаго, Эгейскаго и Адріатическаго морей подъ властью Россіи, царства, которое помимо нѣмецкаго, итальянскаго, венгерскаго, румынскаго, турецкаго, греческаго и албанскаго языковъ обнимало бы приблизительно еще дюжину славянскихъ языковъ и главныхъ діалектовъ. Все это, сдерживаемое воедино не тѣми элементами, которые до сихъ поръ сплачивали и развивали Австрію, а абстрактнымъ свойствомъ славянства и такъ называемымъ славянскимъ языкомъ, общимъ, конечно, большинству ея жителей. Но гдѣ же существуетъ это славянство внѣ головъ нѣкоторыхъ идеологовъ, гдѣ существуетъ „славянскій языкъ" внѣ фантазіи господъ Палацкаго, Гая и компаніи, да еще, пожалуй, древнеславянской литургіи русской церкви, которой ни одинъ славянинъ уже не понимаетъ? Въ дѣйствительности эти народы находятся на самыхъ различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, начиная съ очень высоко развитой (благодаря нѣмцамъ) промышленности и культуры современной Богеміи и кончая почти кочевымъ варварствомъ кроатовъ и болгаръ, и потому всѣ эти націи имѣютъ фактически самые противоположные интересы. Въ дѣйствительности славянскій языкъ этихъ 10—12 націй состоитъ изъ такого же числа большей частью непонятныхъ другъ другу нарѣчій, которыя можно даже свести къ различнымъ главнымъ группамъ (чешскій, иллирійскій, сербо-болгарскій); благодаря полному отсутствію какой бы то ни было литературы, эти нарѣчія превратились въ чистый patois и за немногими исключеніями всегда имѣли надъ собою, въ качествѣ литературнаго языка, чужой, неславянскій языкъ". Именно отсюда „*Новая Рейнская Газета*" выводила, что панславистское единство есть либо пустое фантазерство, либо русскі кнутъ.

Впослѣдствіи она еще подробнѣе остановилась на демократической разновидности панславизма, которая сильно шумѣла въ іюнѣ 1848 г. на славянскомъ конгрессѣ въ Прагѣ и которую Бакунинъ отстаивалъ въ напыщенномъ воззваніи къ славянамъ. Газета прежде всего признаетъ, что политическая романтика и политическій сентиментализмъ демократовъ славянскаго конгресса

весьма простительны. „За исключеніемъ поляковъ — поляки не панслависты по совершенно понятнымъ причинамъ—всѣ они принадлежат › къ народностямъ, либо контръ-революціоннымъ по всему своему историческому положенію, какъ южные славяне, либо, какъ русскіе, еще очень далекимъ отъ революціи и потому контръ-революціоннымъ, по крайней мѣрѣ, до поры до времени. Эти фракціи, демократичныя благодаря своему иноземному образованію, стараются привести въ гармонію свои демократическія убѣжденія со своимъ національнымъ чувствомъ, какъ извѣстно, очень рѣзко выраженнымъ у славянъ; но такъ какъ реальный міръ, дѣйствительныя условія ихъ родины, не даютъ никакихъ или даютъ только воображаемыя точки опоры для подобнаго примиренія, то имъ остается только по-ту-стороннее „воздушное царство грезъ", царство благихъ пожеланій, политика фантазіи. Какъ бы хорошо это было, если бы кроаты, пандуры и казаки образовали авангардъ европейской демократіи, если бы посланникъ республики Сибирь вручилъ свои вѣрительныя грамоты въ Парижѣ! Несомнѣнно, перспективы очень пріятныя, но чтобы европейская демократія ждала ихъ осуществленія, этого вѣдь не пожелаетъ самый восторженный панславистъ,—а пока именно тѣ націи, особенной независимости которыхъ манифестъ требуетъ, являются особенными врагами демократіи. Повторяемъ: кромѣ поляковъ, русскихъ, да еще, пожалуй, турецкихъ славянъ, ни одинъ славянскій народъ не имѣетъ будущности, по той простой причинѣ, что у всѣхъ остальныхъ славянъ отсутствуютъ самыя элементарныя историческія, географическія, политическія и промышленныя условія самостоятельности и жизнеспособности".

„*Новая Рейнская Газета*" обосновала этотъ взглядъ подробными историческими доказательствами. Она указала далѣе, что славяне нигдѣ не приняли серьезнаго участія въ революціонномъ движеніи 1848 года. „Одна демократическая и мужественная революціонная попытка, хотя бы она была подавлена, стираетъ въ памяти народовъ цѣлыя столѣтія подлости и трусости, реабилитируетъ тотчасъ же всякую націю, какъ бы сильно ее ни презирали раньше. Это испытали нѣмцы. Но въ то время какъ французы, нѣмцы, итальянцы, поляки, венгерцы подняли знамя революціи, славяне стали, какъ одинъ человѣкъ, подъ знамя контръ-революціи. Впереди всѣхъ—южные славяне, которые уже много лѣтъ раньше защищали свои контръ-революціонныя вожделѣнія противъ венгровъ, затѣмъ чехи, а позади нихъ, въ боевомъ вооору-

женіи, готовые въ рѣшительный моментъ появиться на полѣ брани—русскіе".

Газета заканчиваетъ эти краснорѣчивыя статьи словами: „Мы знаемъ теперь, гдѣ сосредоточены враги революціи: въ Россіи и въ славянскихъ земляхъ Австріи, и никакія фразы, никакія указанія на неопредѣленную демократическую будущность этихъ народовъ не удержатъ насъ отъ обращенія со своими врагами, какъ съ врагами. Бакунинъ восклицаетъ: „Воистину, славянинъ ничего не долженъ терять, онъ долженъ пріобрѣсти! Воистину, онъ долженъ жить! И мы будемъ жить. Покуда у насъ оспаривается самая малая часть нашихъ правъ, покуда хотя бы одинъ членъ всего нашего тѣла отдѣленъ или оторванъ, до тѣхъ поръ мы будемъ биться до крови, будемъ неумолимо биться не на животъ, а на смерть, пока славянство не предстанетъ, наконецъ, передъ міромъ великимъ, свободнымъ и независимымъ". Если революціонный панславизмъ говоритъ это серьезно и совершенно покидаетъ почву революціи, какъ только дѣло заходитъ о фантастической славянской національности, въ такомъ случаѣ мы знаемъ, чтѳ намъ дѣлать. Въ такомъ случаѣ—борьба, „неумолимая борьба не на животъ, а на смерть" съ измѣняющимъ дѣлу революціи славянствомъ, истребительная борьба и безпощадный терроризмъ,—не въ интересахъ Германіи, а въ интересахъ революціи!" На основаніи этого мѣста одинъ профессоръ-карьеристъ обвинилъ „*Новую Рейнскую Газету*" въ томъ, что она требовала искорененія русскаго, чешскаго и кроатскаго народовъ.

Въ шлезвигъ-голштинскомъ спорѣ газета высказалась за энергичное веденіе войны съ Даніей, не проявляя однако ни малѣйшаго духовнаго родства съ буржуазнымъ энтузіазмомъ пивной, мечтающимъ объ окруженной морями Германіи. Право Германіи противъ Даніи, писала газета, есть право цивилизаціи противъ варварства, прогресса противъ застоя. Если бы трактаты даже говорили въ пользу Даніи, чтó очень сомнительно, то это право все-таки имѣло бы больше силы, чѣмъ всѣ договоры, ибо оно есть право историческаго развитія. „Датчане—народъ, находящійся въ полной коммерческой, промышленной, политической и литературной зависимости отъ Германіи. Извѣстно, что главнымъ городомъ Даніи фактически является не Копенгагенъ, а Гамбургъ, что всю свою литературную пищу, какъ и матеріальную, Данія получаетъ черезъ Германію и что датская литература, за исключеніемъ Гольберга, лишь блѣдная копія нѣмецкой. Какъ безсильна

ни была всегда Германія, все же она можетъ съ чувствомъ удовлетворенія констатировать, что скандинавскія націи, въ особенности Данія, подпали подъ ея господство, что по сравненію съ ними она еще прогрессивна и революціонна". Скандинавизмъ есть форма, въ которой датчане взываютъ къ помощи шведовъ и норвежцевъ противъ Германіи. „Скандинавизмъ заключается въ восторженномъ отношеніи къ грубой, грязной, пиратской, древнесѣверной національности, къ тому глубокому „нутру", которое не можетъ выразить словами свое бьющее черезъ край обиліе мыслей и чувствъ, но зато можетъ сдѣлать это поступками, именно грубостью въ отношеніи къ женщинѣ, вѣчнымъ пьянствомъ и припадками берсеркерской ярости, смѣняющимися слезливой чувствительностью". Война Германіи противъ Даніи есть настоящая революціонная война, и для Германіи будетъ довольно печально, если ея первая революціонная война окажется самой комичной войной, какая когда-либо велась!

На сторонѣ Даніи съ самаго начала стояли европейскія державы, всего враждебнѣе относившіяся къ революціи: Россія, Англія и прусское правительство. Этимъ тремъ державамъ всего больше приходилось бояться германской революціи и ея перваго слѣдствія—единства Германіи. „Пруссіи, потому что она перестала бы тогда существовать, Англіи, потому что она лишилась бы возможности эксплуатировать нѣмецкій рынокъ, Россіи, потому что демократія продвинулась бы тогда не только до Вислы, но до Двины и Днѣпра. Пруссія, Англія и Россія составили заговоръ противъ Шлезвигъ-Голштиніи, противъ Германіи и революціи". Въ дни перемирія при Мальмё „*Новая Рейнская Газета*" требовала, чтобы франкфуртское собраніе рѣшилось на войну. „Именно въ такой войнѣ нуждается засыпающее нѣмецкое движеніе, въ войнѣ противъ трехъ великихъ державъ контръ-революціи, въ войнѣ, которая дѣйствительно растворитъ Пруссію въ Германіи, которая сдѣлаетъ союзъ съ поляками необходимостью, которая сейчасъ же освободитъ Италію, которая будетъ направлена какъ разъ противъ старыхъ контръ-революціонныхъ союзниковъ 1792—1815 г., въ войнѣ, которая подвергнетъ „отечество опасности" и именно потому спасетъ его, такъ какъ поставитъ побѣду Германіи въ зависимость отъ побѣды демократіи". Газета не скрываетъ, конечно, что германское національное собраніе поставило бы въ этой войнѣ на карту свое существованіе. „Пусть буржуа и юнкеры во Франкфуртѣ не создаютъ себѣ никакихъ иллюзій на этотъ счетъ: разъ

они рѣшатъ отвергнуть перемиріе, то этимъ самымъ они рѣшатъ и собственное паденіе, подобно тому какъ жирондисты первой революціи, принимавшіе участіе въ 10-мъ августа и голосовавшіе за смерть эксъ-короля, тѣмъ самымъ подготовили свое собственное паденіе 31 мая. Если же, наоборотъ, они примутъ перемиріе, то они также подписываютъ себѣ приговоръ: они подчиняются власти Пруссіи, и имъ нечего больше дѣлать. Пусть выбираютъ! Увидимъ. Но мы повторяемъ: честь Германіи находится въ плохихъ рукахъ". И она, дѣйствительно, находилась въ плохихъ рукахъ.

„*Новая Рейнская Газета*" вѣрно предвидѣла, что парижская іюньская битва, кровавая побѣда французской буржуазіи надъ французскимъ пролетаріатомъ, означала, съ одной стороны, порабощеніе вновь тѣхъ національностей, которыя на крикъ галльскаго пѣтуха отозвались геройской освободительной борьбой, а съ другой—пораженіе среднихъ классовъ въ тѣхъ европейскихъ странахъ, гдѣ они, соединившись на мгновеніе съ народомъ, отвѣтили на крикъ галльскаго пѣтуха кровавымъ возстаніемъ противъ феодализма. Въ концѣ 1848 г. газета писала: въ настоящій моментъ царь вездѣсущъ въ Европѣ. Правда, Венгрія не была еще усмирена, но „*Новая Рейнская Газета*" знала, что европейская революція идетъ не съ востока на западъ, а съ запада на востокъ. Сколько бы побѣдъ ни одержала еще венгерская революція, говоритъ газета, тѣмъ не менѣе и это возстаніе должно будетъ понести пораженіе, если его не поддержитъ революціонное возстаніе во Франціи. Въ передовой статьѣ, которой она начала 1849 г., „*Н. Р. Г.*" заявляла, что остается еще одинъ только лозунгъ европейскаго освобожденія: низверженіе французской буржуазіи, торжество французскаго рабочаго класса, освобожденіе рабочаго класса вообще.

Она ни на минуту не обманывалась насчетъ того, какую позицію въ революціонной борьбѣ занимаетъ Англія, это „прибѣжище свободы" по вульгарному представленію. „Страна, превращающая въ своихъ пролетаріевъ цѣлые народы, охватывающая своими гигантскими руками весь міръ, своими деньгами уже покрывшая однажды издержки по европейской реставраціи, — страна, въ собственныхъ предѣлахъ классовый антагонизмъ принялъ наиболѣе выраженную, наиболѣе циничную форму — Англія кажется утесомъ, о который разбиваются революціонныя волны; она моритъ голодомъ новое общество еще во чревѣ ма-

тери. Англія господствуетъ надъ міровымъ рынкомъ. Переворотъ въ экономическихъ отношеніяхъ любой страны европейскаго континента и даже на всемъ европейскомъ континентѣ, но безъ Англіи, не болѣе какъ буря въ стаканѣ воды". Если освобожденіе Европы—будетъ ли то возстаніе порабощенныхъ національностей за свою независимость, или низверженіе феодальнаго абсолютизма—зависитъ отъ побѣдоноснаго возстанія французскаго рабочаго класса, то всякій переворотъ въ смыслѣ французскаго соціализма разбивается о торгово-промышленное міровое господство Великобританіи.

Но первымъ слѣдствіемъ побѣдоносной рабочей революціи во Франціи будетъ, по мнѣнію газеты, всемірная война. „Старая Англія будетъ низвергнута лишь всемірной войной, которая одна можетъ дать чартистской партіи, организованной рабочей партіи Англіи, условія для успѣшнаго возстанія противъ ея гигантскихъ угнетателей. Чартисты во главѣ англійскаго правительства—лишь въ этотъ моментъ соціальная революція переходитъ изъ области утопіи въ область дѣйствительности". Революціонное возстаніе французскаго рабочаго класса, всемірная война—такъ резюмировала „*Новая Рейнская Газета*" задачу 1849 года. Она переоцѣнила силы, оставшіяся у французскаго пролетаріата послѣ основательнаго іюньскаго кровопусканія. Лишь спустя годы и десятилѣтія французскій пролетаріатъ сумѣлъ подняться вновь. Тѣмъ очевиднѣе выступалъ фактъ, что европейское освобожденіе до поры до времени невозможно. Русскій медвѣдь своими неперебитыми лапами смялъ венгерскую революцію, и „царь былъ вездѣсущъ въ Европѣ".

---

3. Рейнская агитація.

Сентябрскіе кризисы во Франкфуртѣ и Берлинѣ, одобреніе мальмскаго перемирія въ первомъ изъ нихъ и паденіе министерства Ганземана во второмъ повели также къ катастрофѣ въ Кельнѣ.

Поведеніе Рейнскихъ областей было самымъ тяжелымъ кошмаромъ, угнетавшимъ берлинскую контръ-революцію. Уже до мартовскихъ дней правительство наводнило западныя провинціи войсками, набранными большей частью въ восточныхъ частяхъ Пруссіи. Въ Рейнской провинціи съ ея пятью крѣпостями, въ Вестфаліи, Майнцѣ и Люксембургѣ была сосредоточена почти третья часть прусской арміи, 14 изъ 45-ти полковъ пѣхоты и соотвѣтствующее ко-

личество конницы и артиллеріи. Эти войска были расположены большой дугой, отъ Кельна и Бонна черезъ Кобленцъ и Триръ до французской и люксембургской границъ. Особенное вниманіе было обращено при этомъ на Кельнъ. Въ іюнѣ форты были вооружены пушками, войска переведены изъ города въ форты, снабжены хлѣбомъ на 8 дней и боевыми патронами. Чѣмъ ревностнѣе дѣлались вооруженія, тѣмъ больше бросалось въ глаза, что деревья на гласисахъ остались повсюду нетронутыми: это было бы совершенно безсмысленно, если бы вооруженія имѣли въ виду внѣшняго врага, но разъ они были направлены противъ самого города, то пощаженныя деревья дѣлали, конечно, пушки городского вала безполезными противъ фортовъ, между тѣмъ какъ фортамъ ничто не мѣшало посылать черезъ деревья бомбы и гранаты въ городъ.

По поводу этихъ странныхъ вооруженій д'Эстеръ интерпеллировалъ 28 іюня министерство Ганземана въ берлинскомъ собраніи, но получилъ лишь отъ военнаго министра Рота фонъ-Шрекенштейна надменный отвѣтъ, что всѣ пограничныя крѣпости должны быть вооружены для защиты отечества отъ опасности, а какъ это сдѣлать, понимаютъ лишь военные. Грубая ложь была тотчасъ же раскрыта однимъ силезскимъ депутатомъ лѣвой, указавшимъ на то, что Нейссе, самая важная крѣпость Силезіи съ восточной стороны и крупный центръ оружейнаго производства, съ большимъ числомъ оружейныхъ и пушечныхъ заводовъ и однимъ изъ двухъ государственныхъ пороховыхъ заводовъ, совершенно не въ состояніи противостать непріятельскому нападенію: эта пограничная крѣпость имѣетъ не больше 6-ти снабженныхъ лошадьми орудій, у артиллерійскаго парка не хватаетъ 1.150 лошадей, у понтоннаго обоза—240 и т. д. Даже министерство не могло этого отрицать, а его глава Ауэрсвальдъ прямо призналъ фактъ, такъ какъ, сдѣлавъ патріотически-скорбную мину, онъ сталъ жаловаться, что разглашеніемъ такихъ подробностей наносятъ вредъ интересамъ отечества.

Если правительство оставляло незащищенными восточныя границы, не взирая на столь же правдоподобныя, сколько открытыя угрозы войной со стороны Россіи, и вооружало, наоборотъ, съ головы до ногъ западныя границы, несмотря на столь же правдоподобныя, сколько открытыя мирныя завѣренія французской буржуазіи, то „*Новая Рейнская Газета*“ сумѣла правильно истолковать эту правительственную любовь къ отечеству,—тѣмъ правильнѣе, чѣмъ

настойчивѣе полицейскія и судебныя власти, вопреки всѣмъ пріобрѣтеніямъ мартовскихъ дней, старались раздражать демократическую оппозицію. Она неутомимо предостерегала рейнскихъ рабочихъ противъ всякой вспышки, которая въ виду положенія вещей могла бы стать роковой только для нихъ самихъ. Но благоразуміе не исключало смѣлости, а скорѣе наоборотъ—подразумѣвало ее. Если наводненная войсками Рейнская провинція не могла собственными силами побѣдить контръ-революцію, то она должна была тѣмъ заботливѣе собирать свои силы и щадить ихъ для того дня, когда половинчатая революція сумѣетъ стать цѣльной. Чѣмъ настойчивѣе *„Новая Рейнская Газета“* предостерегала противъ всякой безнадежной вспышки, тѣмъ энергичнѣе она поддерживала революціонную пропаганду.

Кельнская демократія была организована въ три большихъ союза, изъ которыхъ каждый насчитывалъ нѣсколько тысячъ членовъ: въ Демократическое Общество, которымъ руководили Марксъ и адвокатъ Шнейдеръ, въ Рабочій ферейнъ, во главѣ котораго стояли Молль и Шапперъ, и въ Ферейнъ работодателей и рабочихъ, главнымъ представителемъ котораго былъ референдарій Германъ Беккеръ. Когда демократическій конгрессъ во Франкфуртѣ-на-М. выбралъ Кельнъ главнымъ центромъ для Рейнской области и Вестфаліи, то три упомянутыхъ союза выдѣлили центральный комитетъ, который состоялъ изъ названныхъ выше лицъ и созвалъ на середину августа въ Кельнъ конгрессъ всѣхъ рейнскихъ и вестфальскихъ союзовъ съ демократической окраской. Въ этомъ конгрессѣ участвовало 17 союзовъ, представленныхъ 40 делегатами. Онъ призналъ центральный комитетъ трехъ кельнскихъ союзовъ окружнымъ комитетомъ для Рейнской области и Вестфаліи, а затѣмъ занимался лишь внѣшними организаціонными вопросами. Предсѣдателями были адвокатъ Шнейдеръ и профессоръ Кинкель, который вмѣстѣ со студентомъ Шурцемъ представлялъ боннскій демократическій ферейнъ; секретарями—адвокатъ Шили изъ Трира и учитель Имандтъ изъ Крефельда, приверженцы Маркса, оставшіеся ему вѣрными несмотря на всѣ превратности судьбы. Органами рейнской демократіи въ Кельнѣ были, кромѣ *„Новой Рейнской Газеты“*, еще *„Новая Кельнская Газета“ („Neue Kölner Zeitung“)*, *„Стражъ на Рейнѣ“* (*„Wächter am Rhein“*) и выходившая дважды въ недѣлю *„Газета Рабочаго Ферейна“*. Свобода союзовъ и свобода печати были использованы рейнской демократіей до послѣдней капли.

Демократія была также сильно представлена въ гражданскомъ ополченіи, но она не располагала въ немъ большинствомъ, и благодаря этому въ командиры былъ выбранъ губернаторъ фонъ-Витгенштейнъ. Во время одного безчинства военныхъ, имѣвшаго мѣсто 11 сентября, обнаружилась ненадежность Витгенштейна, и демократическимъ отрядамъ гражданскаго ополченія удалось добиться его смѣщенія, а также удаленія виновнаго полка изъ города. Далѣе большое народное собраніе на Frankenplatz'ѣ постановило выбрать комитетъ общественной безопасности, „какъ представительство той части кельнскаго населенія, которая не представлена въ существующихъ органахъ управленія"; одновременно съ этимъ былъ, по предложенію Энгельса, отправленъ адресъ берлинскому собранію съ требованіемъ, чтобы оно защищало мѣста своихъ засѣданій даже противъ военной силы. Еще болѣе многочисленное народное собраніе, изъ 8—10 тысячъ человѣкъ, собравшееся 17 сентября въ Воррингенѣ, на лугу у Рейна, утвердило эти постановленія и высказалось за демократическо-соціальную, „красную" республику. Кромѣ Энгельса, Шаппера и Вильгельма Вольфа, на этомъ собраніи говорилъ также молодой Фердинандъ Лассаль изъ Дюссельдорфа и Генри Брисбэнъ, корреспондентъ демократическо-соціалистической „*New York Tribune*".

Критическіе сентябрскіе дни, несмотря на свое рѣшающее значеніе для нѣмецкой революціи, прошли сначала во Франкфуртѣ и Берлинѣ совершенно безслѣдно. Франкфуртскій парламентъ не рѣшался на революцію, министерство Пфуля—на контръ-революцію. Тѣмъ усерднѣе кельнскія власти взялись за старую задачу—провоцировать возстаніе среди рейнскихъ рабочихъ; для этого онѣ на основаніи вымышленныхъ предлоговъ, впослѣдствіи отвергнутыхъ ими самими, предприняли рядъ полицейскихъ и судебныхъ мѣръ противъ членовъ демократическаго окружнаго комитета и сотрудниковъ „*Новой Рейнской Газеты*". Но вожди рейнской демократіи тѣмъ настойчивѣе совѣтовали рабочимъ не поддаваться никакому подстрекательству къ возстанію, указывая на его безцѣльность въ такой моментъ, когда никакой крупный вопросъ не толкаетъ всего населенія къ борьбѣ и когда всякій мятежъ долженъ поэтому кончиться неудачно; возстаніе тѣмъ безцѣльнѣе,—говорили они, — что въ близкомъ будущемъ могутъ наступить грандіозныя событія, слѣдовательно рабочіе рискуютъ истощить свои силы *до* рѣшительнаго дня. Когда министерство въ Берлинѣ отважится на контръ-революцію, тогда и для народа наступитъ

день, когда онъ долженъ будетъ отважиться на революцію. Тѣмъ не менѣе дѣло дошло до безпорядковъ, когда власти 25 сентября попытались арестовать Беккера, Шаппера, Вильгельма Вольфа и Молля. Беккеръ и Шапперъ были схвачены, Вольфа нельзя было найти, а Молль былъ отбитъ народомъ. Тогда начальникъ полиціи потребовалъ отъ гражданскаго ополченія, чтобы оно арестовало Молля и не допустило народнаго собранія, которое тотчасъ же было созвано къ 12 часамъ на Старомъ рынкѣ. Гражданское ополченіе не захотѣло, однако, исполнить ни того, ни другого; оно заняло, правда, Старый рынокъ, но заявило, что присутствуетъ здѣсь для защиты народа. Кромѣ оскорбленія дѣйствіемъ одного полицейскаго коммиссара, на площади не произошло никакихъ безчинствъ, ни такъ называемыхъ, ни дѣйствительныхъ. Но въ тотъ моментъ, когда собраніе уже намѣревалось разойтись, разнесся слухъ, что приближаются войска, и оно принялось за постройку баррикадъ; гражданское же ополченіе, болѣе озабоченное своей собственной безопасностью, чѣмъ защитой народныхъ правъ, отправилось домой.

Слухъ о приближеніи войска оказался невѣрнымъ. Даже на баррикады не было сдѣлано нападенія, и на большей части ихъ всю ночь спокойно развѣвалось красное знамя. Защитники покинули ихъ, когда нападающіе не явились и когда, сверхъ того, выяснилось, что изъ Берлина нѣтъ никакихъ рѣшительныхъ вѣстей; они помѣшали лишь вторичной попыткѣ войскъ арестовать Молля, который благополучно спасся за-границу.

Послѣ того какъ спокойствіе возстановилось само собой, комендантъ набрался смѣлости объявить осадное положеніе въ крѣпости. Онъ сослался при этомъ на какую-то до-мартовскую инструкцію для комендантовъ крѣпостей, которую передѣлалъ на современный ладъ, отмѣнивъ свободу союзовъ, пріостановивъ „*Новую Рейнскую Газету*“ и три другихъ демократическихъ органа, распустивъ гражданское ополченіе и пригрозивъ военнымъ судомъ за открытое и насильственное противодѣйствіе законнымъ распоряженіямъ властей. Такъ какъ буржуазные элементы гражданскаго ополченія обрадовались случаю сдать опасное огнестрѣльное оружіе, то и остальная часть подчинилась въ виду безполезности всякаго разрозненнаго сопротивленія. Впрочемъ, черезъ восемь дней незаконная мѣра была отмѣнена. Она вызвала въ берлинскомъ собраніи горячіе дебаты, и министерство Пфуля сочло благоразумнымъ отречься отъ солидарности съ нею.

„*Новая Рейнская Газета*“ тяжко пострадала отъ этого насильственнаго акта. Чтобы избѣгнуть ареста, большинство ея сотрудниковъ покинуло Кельнъ; Дронке и Энгельсъ перешли черезъ бельгійскую границу, Вольфъ уѣхалъ въ Пфальцъ. Разсѣявшаяся редакція могла снова собраться лишь постепенно. Къ тому же финансы газеты, никогда не бывшіе блестящими, пришли въ совершенно разстроенное состояніе. Тѣмъ не менѣе удалось побороть всѣ трудности, и 12 октября газета вышла снова съ заявленіемъ, что финансовыя затрудненія преодолѣны и что штабъ редакціи остается тотъ же, съ той лишь разницей, что въ нее вступилъ вновь Фердинандъ Фрейлигратъ.

Газета явилась еще во-время, чтобы аккомпанировать вѣнской революціи въ ея смѣлой борьбѣ и трагическомъ концѣ—не сантиментальными жалобами, не безплодными симпатіями, не призывами о помощи, обращенными къ безпомощному блюстителю имперіи, какъ это дѣлали ораторы парламентской лѣвой, а страстными воззваніями къ народу, чтобы онъ проснулся изъ своей спячки и оказалъ вѣнскимъ борцамъ единственную помощь, которую онъ еще можетъ оказать имъ: одержалъ побѣду надъ контръ-революціей у себя дома. Именно эту мысль Маркса Фрейлигратъ передалъ въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи, обращенномъ къ Вѣнѣ:

Räum' auf im eignen Hause! Räum' auf und halte Stich—
Den Jellachich zu jagen, wirf *deinen* Jellachich!
Ein dreister Schlag im Norden ist auch im Süd ein Schlag;
Mach' fallen unser Olmütz und Olmütz rasselt nach! *)

Вѣна пала, и „*Новая Рейнская Газета*“ написала ея революціи эпилогъ: „Въ Вѣнѣ только что былъ поставленъ второй актъ драмы, первый актъ которой играли въ Парижѣ подъ названіемъ: іюньскіе дни. Въ Парижѣ—подвижная гвардія, въ Вѣнѣ—кроаты, въ обоихъ лаццарони, вооруженный и подкупленный босяцкій пролетаріатъ противъ трудового и мыслящаго пролетаріата. Въ Берлинѣ мы будемъ переживать скоро третій актъ“. Какъ разъ въ это время взвился занавѣсъ надъ третьимъ актомъ.

Послѣдовательная, какъ всегда, газета еще до своей пріостановки указала истинный смыслъ разговоровъ о томъ, что возбу-

---

*) Прибери у себя дома! Прибери и стойко жди— чтобы прогнать Іеллачича, свали собственнаго Іеллачича. Смѣлый ударъ на сѣверѣ есть также ударъ на югѣ; заставь пасть нашъ Ольмюцъ, и Ольмюцъ съ грохотомъ падетъ за нимъ

жденныя массы угрожаютъ будто бы берлинскому собранію. „Право демократическихъ народныхъ массъ морально вліять своимъ присутствіемъ на поведеніе учредительныхъ собраній есть старое революціонное народное право, безъ котораго со временъ английской и французской революции нельзя было обойтись ни въ какую бурную эпоху. Этому праву исторія обязана почти всѣми энергичными шагами такихъ собраній. Если сидящіе на «почвѣ права», если боязливые и филистерскіе друзья парламентской «свободы обсужденія» жалуются на это, то причина здѣсь одна: они вообще не желаютъ никакихъ энергичныхъ рѣшеній". Нѣтъ болѣе пустой фразы, чѣмъ фраза о свободѣ обсужденія. „Эта «свобода обсужденія» ограничивается, съ одной стороны, свободой печати, свободой собраній и слова, правомъ всенароднаго вооруженія, съ другой—существующей государственной властью, которая находится въ рукахъ короны и ея министровъ: арміей, полиціей, судьями, яко бы «независимыми», а на самомъ дѣлѣ зависимыми отъ всякихъ повышеній по службѣ, отъ всякой политической перемѣны. Парламентская свобода обсужденія во всякое время является фразой, въ сущности означающей лишь одно: независимость отъ всѣхъ непризнанныхъ закономъ вліяній. Эти признанныя вліянія, подкупъ, повышеніе по службѣ, частные интересы, страхъ передъ распущеніемъ палаты и т. д., одни только и дѣлаютъ обсужденіе истинно «свободнымъ». Но въ революціонное время эта фраза окончательно теряетъ смыслъ. Гдѣ другъ противъ друга стоятъ двѣ силы, двѣ вооруженныя партіи, гдѣ борьба можетъ возгорѣться ежеминутно, тамъ депутатамъ остается только выборъ: либо они становятся подъ защиту народа, и тогда имъ приходится время отъ времени выслушивать терпѣливо маленькую нотацію; либо они становятся подъ защиту короны, переѣзжаютъ въ какой-нибудь маленькій городъ, засѣдаютъ подъ защитой штыковъ и пушекъ или даже осаднаго положенія—и тогда они ничего не станутъ возражать, если корона и штыки будутъ предписывать имъ ихъ рѣшенія. Запугиваніе невооруженнымъ народомъ или запугиваніе вооруженной военщиной — пусть собраніе выбираетъ!" Снова и снова пыталась „*Новая Рейнская Газета*" вдохнуть мужество въ сердце берлинскаго собранія, но это „ноющее, умничающее, нерѣшительное" собраніе нельзя было подвинуть ни на какіе рѣшительные поступки. Оно не хотѣло становиться подъ защиту штыковъ, но еще меньше отваживалось стать подъ защиту народа.

Излишне прибавлять, что рейнская демократія исполнила свой

долгъ во время сентябрскаго кризиса. Теперь наступилъ рѣшительный моментъ, когда на контръ-революцію надо было отвѣтить второй революціей, и „*Новая Рейнская Газета*“ ежедневно призывала массы противопоставить силѣ всякаго рода силу. Пассивное сопротивленіе должно опираться на активное, иначе оно похоже на сопротивленіе теленка мяснику. Всѣ юридическія тонкости теоріи соглашенія, за которыя такъ охотно желала спрятаться трусость буржуазіи, были безпощадно отметены въ сторону. „Прусская корона по-своему права, когда она выступаетъ противъ собранія, какъ самодержавная корона. Но собраніе неправо, когда оно, съ своей стороны, не выступаетъ противъ короны, какъ самодержавное собраніе... Старая бюрократія не хочетъ спуститься до положенія служанки буржуазіи, деспотической учительницей которой она была до сихъ поръ. Феодальная партія не желаетъ сжечь свои привилегіи и интересы на алтарѣ буржуазіи. Наконецъ, корона видитъ въ элементахъ стараго феодальнаго общества, высшимъ продуктомъ котораго она является, свою настоящую, природную общественную почву, между тѣмъ какъ въ буржуазіи она видитъ чуждую, искусственную почву, въ которой она можетъ только зачахнуть. Опьяняющее „Божіей милостью“ буржуазія превращаетъ въ трезвый юридическій титулъ, господство крови—въ господство бумаги, королевское солнце—въ буржуазную керосиновую лампу. Королевская власть не поддалась поэтому на красивыя слова буржуазіи. На ея половинчатую революцію она отвѣтила цѣльной контръ-революціей. Она бросила буржуазію назадъ въ объятія революціи, народа, крикнувъ ей: „Бранденбургъ въ собраніи и собраніе въ Бранденбургѣ“. „*Новая Рейнская Газета*“ мѣтко перевела этотъ лозунгъ контръ-революціи: „гауптвахта въ собраніи и собраніе на гауптвахтѣ“. Она надѣялась, что съ этимъ паролемъ народъ побѣдитъ, она видѣла въ немъ надгробную надпись Бранденбургскаго дома.

Когда берлинское собраніе высказалось, наконецъ, за отказъ отъ уплаты налоговъ, Окружный демократическій комитетъ въ воззваніи отъ 18 ноября, подписанномъ Марксомъ, Шапперомъ и Шнейдеромъ, предложилъ демократическимъ союзамъ провести слѣдующія мѣры: противодѣйствовать всѣми способами насильственному взиманію налоговъ, организовать народное ополченіе для отраженія врага, снабдить неимущихъ оружіемъ и боевыми припасами на счетъ общинъ или на добровольныя пожертвованія если власти откажутся признать и выполнить постановленія

Національнаго собранія, то образовать комитеты общественной безопасности, притомъ, елико возможно, по соглашенію съ коммунальными совѣтами; коммунальные совѣты противящіеся законодательному собранію, замѣняются новыми путемъ всеобщихъ народныхъ выборовъ. Окружный демократическій комитетъ Рейнской области сдѣлалъ такимъ образомъ то, что обязано было сдѣлать берлинское собраніе, если бы оно серьезно отнеслось къ своему постановленію объ отказѣ отъ уплаты налоговъ. Подписывавшіе воззваніе прекрасно знали, что окончательное рѣшеніе зависитъ отъ національнаго собранія, и что искра, которую они бросили въ страну, должна потухнуть, если она не будетъ раздута и подхвачена возстаніемъ всего народа. Но они поддержали революціонную честь Рейнской области, и результатъ ихъ воззванія достаточно показалъ, сколь многаго можно было бы все-таки достигнуть, если бы собраніе сдѣлало такіе же шаги. Но такъ какъ собраніе предпочло сложить оружіе, то правительству, имѣвшему на своей сторонѣ перевѣсъ военныхъ силъ, удалось подавить сопротивленіе Рейнскихъ областей.

Противъ подписавшихъ рейнское воззваніе было возбуждено преслѣдованіе за призывъ къ вооруженному сопротивленію войскамъ и чиновникамъ, и 9 февраля 1849 г. они предстали передъ кельнскимъ судомъ присяжныхъ. Подсудимые не отрицали, конечно, что подъ внутреннимъ врагомъ они разумѣли вооруженную правительственную власть. Прокуроръ на основаніи законовъ 6 и 8 апрѣля 1848 г.—тѣхъ самыхъ законовъ, которые правительство разорвало своимъ государственнымъ переворотомъ, октроированіемъ конституціи и новаго избирательнаго закона—не постыдился доказывать неправоту берлинскаго собранія и, въ еще большей степени, неправоту подсудимыхъ. Въ своей оправдательной рѣчи Марксъ возразилъ прокурору, что правительство не можетъ аппелировать къ тѣмъ законамъ, которые оно само такъ позорно попрало. Кто удачно совершаетъ революцію, тотъ можетъ вѣшать своихъ противниковъ, но не произносить надъ ними судебные приговоры, онъ можетъ устранить ихъ съ пути, какъ побѣжденныхъ враговъ, но не судить какъ преступниковъ. Примѣнять послѣ завершенія революціи или контръ-революціи отмѣненные законы противъ защитниковъ этихъ самыхъ законовъ, это трусливо-лицемѣрная законность. Вопросъ о томъ, кто былъ правъ, корона или собраніе, есть историческій вопросъ, рѣшать его можетъ только исторія, а не суды присяжныхъ.

Но Марксъ шелъ дальше, заявляя, что вообще не признаетъ законовъ 6 и 8 апрѣля: это произвольныя созданія соединеннаго ландтага, пустыя формы, имѣвшія своимъ назначеніемъ избавить корону отъ унизительнаго признанія въ своемъ мартовскомъ пораженіи; фраза о „правовой почвѣ" основана либо на сознательномъ обманѣ, либо на безсознательномъ самообманѣ. Въ соединенномъ ландтагѣ было представлено старое феодальное общество, и нельзя судить по его законамъ собраніе, являющееся представителемъ современнаго буржуазнаго общества. Мнѣніе, будто общество зиждется на законѣ, есть не болѣе какъ юридическая фантазія. Напротивъ, законъ зиждется на обществѣ; онъ долженъ быть выраженіемъ интересовъ и потребностей всего общества, вытекающихъ изъ его матеріальнаго способа производства въ данный моментъ, и защищать ихъ противъ произвола отдѣльнаго индивидуума. „Вотъ у меня въ рукахъ Кодексъ Наполеона; онъ не создалъ современнаго буржуазнаго общества, а напротивъ, въ немъ лишь находитъ себѣ законное выраженіе буржуазное общество, возникшее въ 18-мъ столѣтіи и развившееся въ 19-мъ. Какъ только онъ перестаетъ быть выраженіемъ общественныхъ отношеній, онъ не больше, какъ кипа бумаги. Вы не можете превратить старые законы въ фундаментъ новаго общества, точно такъ, какъ эти старые законы не создали старыхъ законныхъ порядковъ". Марксъ заявилъ, что защита старыхъ законовъ противъ новыхъ требованій и потребностей общественнаго развитія, знаменитая „почва права", представляетъ собою не что иное, какъ лицемѣрную защиту несовременныхъ частныхъ интересовъ противъ современнаго общаго интереса.

Прокуроръ воспользовался, конечно, той милой уверткой, которою господа Унру и товарищи постарались защитить свои драгоцѣнныя персоны противъ риска, сопряженнаго съ отказомъ отъ уплаты налоговъ. Онъ утверждалъ, что рѣшеніе берлинскаго собранія объ отказѣ отъ уплаты налоговъ вообще не имѣло законной силы, такъ какъ второе голосованіе, требуемое регламентомъ собранія, не состоялось. На это Марксъ отвѣтилъ съ гордой насмѣшкой: „Съ одной стороны, пренебрегаютъ существенными формами, которыя обязаны соблюдать по отношенію къ національному собранію, а съ другой—отъ національнаго собранія требуютъ соблюденія самыхъ ничтожныхъ формальностей. Правительство совершаетъ одно насиліе за другимъ. Оно, ни съ чѣмъ не считаясь, нарушаетъ самые важные законы. Оно произвольно вво-

дитъ самый неограниченный военный деспотизмъ подъ вывѣской осаднаго положенія. Оно разгоняетъ самихъ народныхъ представителей. И безстыдно нарушая всѣ законы, оно требуетъ на ряду съ этимъ самаго щепетильнаго соблюденія даже какого-то регламента". Съ неменьшимъ превосходствомъ Марксъ осмѣялъ старанія прокурора то осуждать поведеніе берлинскаго собранія, какъ незаконное, то хвалить его, какъ законное, въ зависимости отъ того, при помощи какого изъ этихъ пріемовъ онъ надѣялся выставить подсудимыхъ преступниками.

Утвержденіе прокурора, будто собраніе не желало компромисса, Марксъ называетъ противоположностью истины, имѣющей своимъ источникомъ либо намѣренное извращеніе фактовъ, либо невѣжество. Наоборотъ, въ маніи компромисса заключались несчастіе и неправота собранія, которое съ высоты революціоннаго конвента опустилось до уровня двусмысленной компаніи посредниковъ. Оно не поняло своей исторической позиціи, какъ она вытекала изъ мартовской революціи. „Въ данномъ случаѣ имѣлъ мѣсто не политическій конфликтъ двухъ фракцій на почвѣ *одного* общества: это былъ конфликтъ *самихъ двухъ обществъ*, соціальный конфликтъ, принявшій политическую форму, это была борьба стараго, феодально-бюрократическаго общества съ современнымъ буржуазнымъ обществомъ, борьба между обществомъ свободной конкурренціи и обществомъ цеховаго строя, между землевладѣльческимъ обществомъ и обществомъ крупной промышленности, между обществомъ вѣры и обществомъ знанія". Между этими обществами не можетъ быть мира, ихъ матеріальные интересы и потребности вызвали борьбу не на жизнь, а на смерть. Отказъ отъ уплаты налоговъ не колеблетъ основъ общества, какъ комично утверждалъ прокуроръ, а представляетъ собою необходимую самооборону общества противъ правительства, которое угрожаетъ обществу въ его основахъ; онъ не вызываетъ конфликта, а служитъ лишь показателемъ того, что конфликтъ существуетъ.

Если, постановивъ отказъ отъ уплаты налоговъ, собраніе дѣйствовало совершенно законно, то своимъ пассивнымъ сопротивленіемъ оно дѣйствовало незаконно. „Разъ взысканіе налоговъ признано незаконнымъ, то развѣ я не долженъ силой противиться насильственному совершенію беззаконія?" Если господа, постановившіе отказъ отъ уплаты налоговъ, отвергли революціонный путь, не желая рисковать своими головами, то народъ вынужденъ былъ въ осуществленіи отказа отъ уплаты налоговъ стать на

революціонную почву. „Поведеніе національнаго собранія отнюдь не было обязательно для народа. Національное собраніе само по себѣ не обладаетъ никакими правами, народъ передалъ ему только защиту народныхъ правъ. Если оно не выполняетъ даннаго ему порученія, то порученіе теряетъ силу. Народъ самолично выступаетъ тогда на сцену и дѣйствуетъ на основаніи своего суверенитета. Если корона совершаетъ контръ-революцію, то народъ съ полнымъ правомъ отвѣчаетъ на это революціей. Онъ не нуждается для этого въ разрѣшеніи какого бы ни было національнаго собранія". Въ заключеніе Марксъ сказалъ, что окончился лишь первый актъ драмы. Неизбѣжный результатъ можетъ быть только слѣдующій: либо полная побѣда контръ-революціи, либо новая побѣдоносная революція. Быть можетъ, побѣда революціи возможна лишь послѣ окончанія контръ-революціи.

Рѣчь эта весьма замѣчательна, такъ какъ въ ней коммунистъ дѣловито и неотразимо показываетъ буржуазнымъ присяжнымъ, что онъ привлеченъ къ отвѣтственности за защиту интересовъ буржуазіи въ ея борьбѣ съ феодальнымъ обществомъ, т.-е. за дѣйствія, исполненіе коихъ составляло право и обязанность того класса, къ которому принадлежатъ его судьи. Присяжные оттого и не согласились сыграть роль палачей, которую желало навязать имъ правительство. Они признали подсудимыхъ невиновными и, сверхъ того, выразили черезъ своего старшину благодарность Марксу за его поучительное разъясненіе.

Чѣмъ больше однако задачи, разрѣшеніе которыхъ составляло историческое призваніе буржуазіи, падали на плечи пролетаріата, тѣмъ болѣе выступала также необходимость прочнѣе организовать рабочій классъ, отчетливѣе выдѣлить его изъ демократической партіи, которую годъ революціонной борьбы скорѣе дезорганизовалъ, чѣмъ сплотилъ. 14 апрѣля Марксъ, Шапперъ, Беккеръ и Аннеке, редактировавшій „*Новую Кельнскую Газету*", руководившій вмѣстѣ съ Моллемъ и Шапперомъ Рабочимъ ферейномъ и выбранный, на мѣсто Молля, въ окружный демократическій комитетъ,—выступили изъ этого комитета. Они заявили, что существующая организація демократическихъ союзовъ заключаетъ въ себѣ слишкомъ много разнородныхъ элементовъ, и что поэтому плодотворная дѣятельность невозможна; по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ предпочесть болѣе тѣсное соединеніе рабочихъ союзовъ, состоящихъ изъ однородныхъ элементовъ. Одновременно съ этимъ

Кельнскій рабочій ферейнъ выступилъ изъ союза рейнскихъ демократическихъ ферейновъ и тотчасъ же пригласилъ на провинціальный конгрессъ всѣ рабочіе и другіе союзы, рѣшительно исповѣдывавшіе принципы соціальной демократіи; конгрессъ долженъ былъ состояться 6-го мая и обсудить организацію рейнско-вестфальскихъ рабочихъ союзовъ, а также вопросъ о посылкѣ делегатовъ на конгрессъ всѣхъ нѣмецкихъ рабочихъ союзовъ, созванный „Братствомъ рабочихъ“ на іюнь мѣсяцъ въ Лейпцигъ.

Еще до этого Марксъ показалъ въ „*Новой Рейнской Газетѣ*“ политическое банкротство буржуазіи, подвергнувъ тщательному анализу ходъ событій въ Пруссіи отъ марта до ноября. Теперь онъ сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ въ этой новой тактикѣ, напечатавъ лекціи о наемномъ трудѣ и капиталѣ, которыя онъ читалъ въ Брюссельскомъ рабочемъ ферейнѣ, а Вильгельмъ Вольфъ попытался поднять сельскій пролетаріатъ Остъ-Эльбіи своими страстными статьями о силезскомъ милліардѣ.

Все это были многообѣщающіе зачатки объединенія революціоннаго рабочаго движенія всей Германіи для солидарныхъ и принципіально ясныхъ дѣйствій. Но раньше чѣмъ они могли развиться, они были задушены въ предсмертныхъ судорогахъ буржуазной революціи.

---

4. Историческое положеніе.

О редакціи „*Новой Рейнской Газеты*“ Энгельсъ говоритъ, что ея конституціей была полная диктатура Маркса; его ясный взглядъ и твердое направленіе сдѣлали газету самымъ знаменитымъ періодическимъ органомъ революціоннаго года.

Дѣйствительно, стоитъ только просмотрѣть ея триста номеровъ, чтобы придти къ тому же выводу. Марксъ былъ лишь въ теченіе этого единственнаго года своей жизни руководителемъ большой ежедневной газеты при довольно неограниченной свободѣ печати, но среди его главныхъ титуловъ не послѣднее мѣсто занимаетъ то, что онъ былъ первымъ—и до настоящаго времени также послѣднимъ—нѣмецкимъ журналистомъ крупнаго масштаба. „*Новая Рейнская Газета*“ до сихъ поръ еще представляетъ собой неистощимый кладезь просвѣщенія и поученія для всякаго газетнаго работника по политическимъ вопросамъ, если онъ не желаетъ быть простымъ поденщикомъ.

Подобно „*Rheinische Zeitung*“ 1842 г., ей была совершенно

чужда пустая болтовня о политикѣ, неизбѣжно возникающая при существованіи обязательныхъ ежедневныхъ передовицъ о тѣхъ или иныхъ „вѣчныхъ принципахъ". Единственный образчикъ такой болтовни мы находимъ во второмъ номерѣ, въ единственной статьѣ, которую далъ газетѣ Бюргерсъ. Въ прочихъ номерахъ газета всюду беретъ исходнымъ пунктомъ только факты, которые она приводитъ въ порядокъ, анализируетъ, объясняетъ въ ихъ исторической связи, изслѣдуетъ со стороны ихъ историческихъ послѣдствій. Подобно тому какъ прошлое служитъ ей для объясненія настоящаго, точно такъ она отъ настоящаго заключаетъ къ будущему.

Съ удивительнымъ тактомъ Марксъ умѣетъ изъ „запутанной массы на первый взглядъ безсвязныхъ и несовмѣстимыхъ другъ съ другомъ фактовъ", которые приносилъ революціонный годъ, выдѣлить то, что должно было образовать „часть міровой исторіи".Еще теперь *„Новая Рейнская Газета"* заключаетъ въ себѣ за годъ своего изданія болѣе основательную и болѣе исчерпывающую исторію революціоннаго движенія, чѣмъ всѣ посвященныя этому времени буржуазныя историческія произведенія вмѣстѣ взятыя. Врачъ, который объявилъ бы рожденіе ребенка противоестественнымъ, потому что оно связано съ муками и страданіями для матери, имѣлъ бы всѣ права на мѣсто въ сумасшедшемъ домѣ; между тѣмъ ученые историки, которые всякую революцію объявляютъ противоестественной, безсмысленной и несправедливой, нарушающей нормальный ходъ вещей, являются самыми законными претендентами на чины и ордена капиталистическаго культурнаго государства. Именно потому, что Марксъ умѣетъ разсматривать революцію, какъ историческій процессъ, совершающійся по историческимъ законамъ, его статьи, набросанныя на бумагу среди водоворота великихъ событій, еще теперь имѣютъ несравненно болѣе высокую цѣнность, чѣмъ буржуазныя историческія писанія о нѣмецкой революціи.

Не трудно, конечно, вырвать отдѣльныя фразы изъ совершенно различныхъ статей Маркса, отдѣленныхъ другъ отъ друга многими мѣсяцами, и найти между ними такъ называемыя „противорѣчі ". Еслибы хоть знать, что̀ собственно желаютъ доказать этимъ пріемомъ, который Шопенгауэръ въ одномъ мѣстѣ называетъ самымъ глупымъ и сквернымъ изъ всѣхъ глупыхъ и скверныхъ критическихъ пріемовъ! Такого же дешеваго свойства указанія на „ложныя пророчества", которыя Марксъ яко бы дѣлалъ въ *„Новой Рейнской Газетѣ"*. Какъ будто мыслима честная борьба за великое дѣло безъ того, чтобы въ борцахъ не пробуждались надежды, выходя-

щія подчасъ за предѣлы достижимаго! Маркъ яснѣе, чѣмъ какой-либо другой борецъ нѣмецкой революціи, понималъ всѣ возможности и невозможности ея, но развѣ онъ поэтому долженъ былъ отказаться отъ мысли воспламенять и двигать ее впередъ, насколько только возможно было двинуть ее? Получивъ первое извѣстіе о ноябрьскомъ переворотѣ въ Берлинѣ, Марксъ заявилъ, что это—введеніе къ полной революціи, и ученые мужи смѣются теперь надъ его ошибкой, такъ какъ переворотъ былъ лишь введеніемъ къ полной реакціи. Этимъ господамъ слѣдовало бы снисходительно отнестись къ тому, что Марксъ считалъ ихъ собственныхъ отцовъ и дѣдовъ не настолько неисправимыми, какими они оказались въ дѣйствительности. Если бы буржуазный и, въ частности, ученый классъ обладали хоть сколько-нибудь энергіей и рѣшительностью, то берлинскій государственный переворотъ сталъ бы, конечно, подготовительной ступенью къ полной революціи.

Не стоитъ, однако, заниматься такими придирками. Кто вообще способенъ логически мыслить, тотъ самъ понимаетъ, что „*Новая Рейнская Газета*“ была боевымъ органомъ: она писалась въ раскаленной атмосферѣ революціи и предназначалась для активнаго вмѣшательства въ эту самую революцію,—слѣдовательно, она обсуждала событія не съ ретроспективной точки зрѣнія историческаго познанія, а въ моментъ ихъ возникновенія, какъ бы въ процессѣ ихъ нарожденія, въ которомъ она сама участвовала въ качествѣ повивальной бабки. Но для дѣйствующаго лица представляется довольно часто правильнымъ именно то, что позднѣйшему наблюдателю кажется, и подчасъ совершенно основательно, неправильнымъ. Нѣтъ свѣта безъ тѣни, и самый неисправимый мечтатель, становившійся на баррикады, потому что возлагалъ на революцію надежды, которыхъ она не оправдала, былъ несравненно проницательнѣе боязливаго филистера, заранѣе складывавшаго руки на груди, потому что изъ революціи все равно, молъ, ничего не выйдетъ, какъ это, повидимому, убѣдительно подтвердилъ впослѣдствіи историческій ходъ событій.

Подъ впечатлѣніемъ величественной борьбы парижскаго пролетаріата въ іюньскіе дни „*Новая Рейнская Газета*“ оцѣнила силу сраженнаго колосса выше и ожидала его пробужденія въ болѣе близкомъ будущемъ, чѣмъ это возможно было по положенію вещей. Постыдное поведеніе нѣмецкаго буржуа, превозносившаго на словахъ героическую борьбу Польши, съ тѣмъ чтобы предать ее на дѣлѣ, ввело газету въ заблужденіе, побудивъ ее переоцѣнить

польскія событія въ смыслѣ ихъ революціоннаго значенія. Лакейскія услуги, которыя австрійскіе славяне оказали европейской реакціи, привели газету къ отрицанію за этими народами и народцами права на національное существованіе, — на первый взглядъ въ „противорѣчіи“ съ тѣмъ фактомъ, что, когда въ іюнѣ 1848 года въ Прагѣ вспыхнуло чешское возстаніе, газета стала на сторону чеховъ въ Богеміи, какъ она стояла за поляковъ въ Познани и итальянцевъ въ Италіи. „Противорѣчіе“ разрѣшается очень просто соображеніями, высказанными газетой тотчасъ послѣ того, какъ это возстаніе вспыхнуло: 400-лѣтнее угнетеніе чеховъ нѣмцами, говорила она, броситъ чеховъ въ объятія Россіи, толкнетъ ихъ изъ лагеря революціи въ лагерь деспотизма. Половинчатость нѣмецкой революціи именно и создала то исполненное дѣйствительныхъ противорѣчій положеніе, котораго не могъ разрѣшить безъ видимыхъ противорѣчій самый ясный и острый умъ.

Но кто желаетъ порицать тѣневыя стороны, тотъ долженъ хвалить и свѣтъ, съ которымъ онѣ были нераздѣльно связаны. Ставши прямо и безусловно на сторону іюньскихъ борцовъ въ Парижѣ, газета совершила актъ не только большого политическаго мужества, но и большой политической проницательности. То же замѣчаніе примѣнимо къ позиціи, занятой ею относительно польскихъ возстаній, которыя она безусловно защищала, убѣдительно доказывая, что возстановленіе Польши абсолютно необходимо и для европейской культуры и для національнаго единства Германіи. Когда Марксъ нѣсколько лѣтъ спустя описывалъ въ „*New York Tribune*“ нѣмецкую революцію и контръ-революцію, онъ высказался объективнѣе о трудностяхъ польскаго вопроса; онъ говоритъ здѣсь, что вопросъ о разграниченіи между польской и нѣмецкой національностями былъ довольно запутанъ и его нельзя было разрѣшить, руководствуясь просто границами старой польской республики 1772 года. Единственно возможное рѣшеніе дала бы война съ Россіей; поляки охотнѣе согласились бы выслушать разумное слово относительно запада, если бы они получили обширныя земли на востокѣ; Рига и Митава показались бы имъ въ концѣ-концовъ столь же важными, какъ Данцигъ и Эльбингъ. Тѣмъ не менѣе „*Новая Рейнская Газета*“ имѣла полное право ставить польскій вопросъ самымъ рѣзкимъ образомъ, когда стало выясняться, что его практическому разрѣшенію хотятъ помѣшать, утопивъ его въ морѣ патріотическихъ фразъ. Пруссія сдѣлала провинціи Познань безконечно меньше добра и согрѣшила про-

тивъ нея безконечно больше, чѣмъ Францiя по отношенiю къ Эльзасъ-Лотарингiи; сорвать со всѣхъ этихъ безобразiй покрывало, которое набрасывалось на нихъ, чтобы присоединить къ старой несправедливости новую,—это было столь же патрiотическимъ, сколько революцiоннымъ подвигомъ. Наконецъ, никто такъ ясно и мѣтко не освѣтилъ реакцiонной сущности панславизма, какъ *„Новая Рейнская Газета“*, оставляя въ сторонѣ вопросъ, отнеслась ли она при этомъ вполнѣ справедливо къ каждому изъ тѣхъ народовъ и народцевъ, которые собрались подъ его знаменемъ. Знакъ революцiоннаго борца—мечъ, а не вѣсы.

Многое изъ содержанiя *„Новой Рейнской Газеты“* нынѣ уже устарѣло, но многое вполнѣ еще сохранило свою гордую силу. Все, въ чемъ газета ошибалась, можно свести въ послѣднемъ счетѣ къ одному заблужденiю, проходившему въ то время красной нитью черезъ всю дѣятельность Маркса и Энгельса,—заблужденiю, въ силу котораго европейская классовая борьба казалась имъ достигшей болѣе высокой ступени развитiя, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Но это заблужденiе было лишь тѣнью къ свѣту глубокаго познанiя, которымъ они проникли до самыхъ основъ классовой борьбы современнаго буржуазнаго общества. Вотъ почему оно никогда не лишало ихъ бодрости, а, наоборотъ, всегда вливало въ нихъ мужество, никогда не парализовало ихъ борьбы, а всегда укрѣпляло ее; при каждомъ новомъ пораженiи оно давало имъ лишь новое ручательство приближающейся побѣды. И потому годъ борьбы *„Новой Рейнской Газеты“* не пропалъ даромъ, а принесъ обильные плоды. У массъ, однажды наэлектризованныхъ газетой, уже нельзя было вытравить опять пролетарское классовое сознанiе, и когда нѣмецкiй рабочiй классъ настолько оправился отъ ударовъ контръ-революцiи, чтобы снова начать непрерывное отнынѣ побѣдное шествiе, то рейнскiе рабочiе образовали наиболѣе стойкое его ядро.

Если *„Новой Рейнской Газетѣ“* посчастливилось имѣть въ лицѣ Маркса безподобнаго редактора, то Марксъ имѣлъ счастье стоять во главѣ безподобнаго штаба сотрудниковъ. Всѣ они были люди высокаго образованiя, и каждому изъ нихъ принадлежитъ большая или меньшая доля въ славѣ газеты: наибольшая, конечно, Энгельсу, который между прочимъ блестяще свелъ счеты съ панславистскими тенденцiями Бакунина, затѣмъ — Вильгельму Вольфу, который такъ же удачно осмѣивалъ захолустные идеалы мелкихъ государствъ, какъ жестоко бичевалъ феодальное хищни-

чество. О буряхъ во франкфуртскомъ имперско-лягушечьемъ пруду писалъ отчеты сначала Дронке, затѣмъ молодой Шлёффель. Фрейлигратъ украшалъ отдѣлъ фельетоновъ своими великолѣпными революціонными пѣснями; въ одномъ изъ первыхъ же номеровъ появились его варіаціи на тему „Вопреки всему", лучшая строфа которыхъ пала въ собраніи его стихотвореній жертвою „свободы печати" новой Германской имперіи:

Und ob der Prinz zurück auch kehrt
Mit Hurra hoch und alledem:—
Sein Schwert ist ein gebrochen Schwert,
Sein ehrlos Schwert trotz alledem!
Ja doch: trotz all-und alledem,
Der Meinung Acht, trotz alledem,
Die brach den Degen ihm entzwei
Vor Gott und Welt, trotz alledem!

(И хотя бы принцъ вернулся назадъ при кликахъ: ура! hoch! и т. д., все же его мечъ—сломленный, опозоренный мечъ! Да: несмотря на все, почетъ общественному мнѣнію, которое переломило ему пополамъ шпагу предъ Богомъ и всѣмъ свѣтомъ!)

Но настоящимъ властелиномъ фельетона былъ Георгъ Вертъ; это былъ веселый король веселаго царства,—не шутникъ и острякъ буржуазнаго пошиба, а принцъ изъ царства геніевъ, легко выступавшій со сверкающимъ мечомъ и въ блестящихъ латахъ. Съ тѣхъ поръ какъ нѣмецкій буржуа всецѣло посвятилъ себя пошлой наживѣ, онъ потерялъ вмѣстѣ съ теоретическимъ смысломъ и литературный вкусъ, отличавшій его раньше, и не одинъ кандидатъ высшей политической экономіи Джобсъ поднималъ страшный вопль по поводу мнимой порнографіи въ фельетонѣ *„Новой Рейнской Газеты"*.

Если бы Вертъ могъ еще слышать, то серьезный тонъ этого нравственнаго возмущенія вырвалъ бы у него самый искренній смѣхъ. Его главная работа въ *„Новой Рейнской Газетѣ"*: „Жизнь и дѣятельность знаменитаго рыцаря Шнаппганскаго", гдѣ онъ вѣрно описывалъ съ натуры приключенія князя Лихновскаго, получившаго эту кличку отъ Гейне,—представляетъ собою перлъ той геніальной дерзости, которая искони пользовалась во всякой литературѣ полнымъ правомъ гражданства по отношенію къ подобнымъ сюжетамъ, по крайней мѣрѣ—въ литературѣ, которой наслаждаются настоящіе мужчины и настоящія женщины, хотя бы она и внушала притворный ужасъ дѣвицамъ старшаго возраста или дѣйствительный ужасъ академическимъ карьеристамъ.

Глава III.

Фердинандъ Лассаль.

На столбцахъ „*Новой Рейнской Газеты*“ часто упоминается юноша, который принималъ выдающееся участіе въ революціонномъ движеніи Рейнской области и которому предстояло впослѣдствіи принять еще гораздо болѣе выдающееся участіе въ освободительной борьбѣ пролетаріата. Ему было тогда всего 23 года, но онъ успѣлъ уже пріобрѣсти громкую извѣстность, звучавшую въ борьбѣ того времени какъ боевой кличъ.

Фердинандъ Лассаль родился 11 апрѣля 1825 г. въ Бреславлѣ, въ семьѣ богатаго еврейскаго купца, торговавшаго шелкомъ. Сперва Лассаль посѣщалъ въ Бреславлѣ такъ наз. реформированную гимназію, но затѣмъ перешелъ въ гимназію св. Магдалины. Весною 1840 г. родители Лассаля, по настойчивой просьбѣ сына, перевели его въ лейпцигское коммерческое училище. „Не пользовался уваженіемъ ни со стороны учителей, ни со стороны учениковъ“,—такъ аттестовалъ Лассаля директоръ Шабе въ школьномъ спискѣ, когда Лассаль черезъ годъ покинулъ школу; съ точки зрѣнія ревностнаго, озлобленнаго школьнаго тирана, это свидѣтельство было вполнѣ заслужено. Лассаль понялъ, что не годится для наживы, въ тотъ моментъ, когда онъ былъ посвященъ въ тайны наживы; его приводила въ ужасъ перспектива „продавать въ жалкомъ Бреславлѣ коленкоръ польскимъ еврейчикамъ“, и уже 3 августа онъ писалъ въ своемъ дневникѣ: „Я твердо вѣрю, что случай или, скорѣе, Провидѣніе вырветъ меня изъ конторы и броситъ на арену, гдѣ я сумѣю дѣйствовать. Я полагаюсь на случай и свое твердое желаніе заниматься больше музами, нежели гроссбухами и меморіалами, больше Элладой и Востокомъ, нежели индиго и свекловицей, больше Таліей и ея

жрецами, чѣмъ лавочниками и ихъ приказчиками, заботиться больше о свободѣ, чѣмъ о цѣнѣ товаровъ, сильнѣе проклинать собакъ-аристократовъ, отнимающихъ у человѣка его первое и высшее благо, чѣмъ конкуррентовъ, сбивающихъ цѣны. Но одними проклятіями дѣло не ограничится".

Прилежное изученіе Гёте, Шиллера и Лессинга, Вольтера и Байрона, Бёрне и Гейне раскрыло передъ молодымъ Лассалемъ духовныя сокровища современной культуры. Его литературный вкусъ на первыхъ порахъ еще очень нетвердъ, и за нѣкоторыя тенденціозныя громкія фразы онъ до небесъ превозноситъ поверхностныхъ беллетристовъ въ родѣ Генриха Лаубе или даже болѣе ничтожныхъ. Но чѣмъ ниже была та ступень, съ которой ему приходилось подниматься, тѣмъ сильнѣе онъ чувствовалъ потребность взобраться на высоту классическаго образованія.

Въ отличіе отъ Маркса и Энгельса Лассаль превратился въ революціонера подъ давленіемъ тяжелыхъ личныхъ условій. Онъ прекрасно сознавалъ это и бранилъ себя самъ „эгоистомъ", когда во время представленія шиллеровскаго „Фіеско" ясно почувствовалъ, что будь онъ на мѣстѣ графа Лаваньи, онъ, несмотря на свои революціонныя, демократическо - республиканскія убѣжденія, поступилъ бы точно такъ же и простеръ бы руку къ коронѣ вмѣсто того, чтобы довольствоваться ролью перваго гражданина Генуи. „Если бы я родился принцемъ или княземъ, я былъ бы душою и тѣломъ аристократъ. Но такъ какъ я всего лишь сынъ простого бюргера, то въ свое время буду демократомъ". Того неотступнаго стремленія „уяснить себѣ борьбу и желанія эпохи", которое отличало первые сознательные годы Маркса и Энгельса, мы не находимъ у Лассаля. Какъ только его самосознаніе проснулось, для него не было уже сомнѣній относительно того, что ему дѣлать и чего ему не дѣлать. Онъ не искалъ цѣли вещей, а наоборотъ подчинялъ вещи своей цѣли. Отъ конкурренціи и товарныхъ цѣнъ онъ искалъ спасенія въ общей идеѣ свободы, тогда какъ Марксъ и Энгельсъ отказались отъ общей идеи свободы, потому что они изъ конкурренціи и товарныхъ цѣнъ познали ея призрачность.

Шестнадцати лѣтъ молодой Лассаль отдавалъ уже себѣ ясный отчетъ въ своей будущности, въ будущности агитатора, оратора, писателя, борющагося за священнѣйщіе интересы человѣчества, хотя бы за это пришлось заплатить жизнью. Въ маѣ 1841 г. онъ поставилъ своему отцу ультиматумъ. Онъ хотѣлъ посвятить себя

изученію исторі предложенный отцомъ компромиссъ—изучать медицину или юридическія науки—онъ отклонилъ на томъ основаніи, что врачъ и адвокатъ также лишь торгуютъ своими знаніями. Къ чести стараго Лассаля надо признать, что онъ смутно понялъ высокія стремленія сына и подчинился. Осенью 1841 г. Фердинандъ Лассаль началъ свою новую карьеру.

О ближайшихъ годахъ жизни Лассаля имѣются лишь скудныя свѣдѣнія. Съ гигантскимъ прилежаніемъ онъ наверстывалъ то, что было упущено имъ во время пребыванія въ классической школѣ. Онъ скоро получилъ аттестатъ зрѣлости, и поступивъ въ университетъ, сначала въ Бреславлѣ, а затѣмъ Берлинѣ, набросился прежде всего на изученіе античнаго міра и гегелевской философіи. Въ полномъ освѣщеніи онъ снова появляется предъ нами лишь 3 января 1846 г. въ письмѣ, которымъ Генрихъ Гейне рекомендуетъ его Варнгагену-фонъ-Энзе; мы читаемъ здѣсь: „Податель сего письма—мой другъ г. Лассаль, молодой человѣкъ отличнѣйшихъ дарованій; основательнѣйшая ученость, обширнѣйшія познанія, величайшая острота ума, какую мнѣ когда-либо приходилось встрѣчать, богатѣйшій изобразительный талантъ сочетаются въ немъ съ энергіей воли и практичностью, приводящими меня въ изумленіе. Что дѣлать, г. Лассаль типичный сынъ новаго времени, а оно знать не хочетъ того самоотреченія и скромности, которыми мы всѣ болѣе или менѣе лицемѣрно перебивались въ наше время. Это новое поколѣніе хочетъ пользоваться жизнью и занять мѣсто въ видимомъ мірѣ; мы, старики, смиренно склонялись передъ невидимымъ, мы гнались за призрачными поцѣлуями и голубымъ благоуханіемъ цвѣтовъ, мы отказывали себѣ и хныкали и все-таки были счастливѣе, быть можетъ, чѣмъ эти суровые гладіаторы, такъ гордо идущіе навстрѣчу смерти въ бою". Въ этихъ какъ будто небрежно и наскоро набросанныхъ строкахъ отражается и весь Гейне, и весь Лассаль. Каждое слово ихъ носитъ на себѣ печать истины, и показывая намъ Лассаля сложившимся человѣкомъ, они бросаютъ также слабый свѣтъ на тотъ одинокій и трудный путь, который ему пришлось пройти въ теченіе какихъ-нибудь трехъ лѣтъ, чтобы стать сложившимся человѣкомъ.

Во всей исторіи умственнаго развитія нельзя найти второго примѣра, чтобы геніальная натура была такъ незрѣла еще въ 15 лѣтъ и такъ созрѣла уже къ 20-ти. Чѣмъ меньше мы знаемъ объ этомъ періодѣ жизни Лассаля, тѣмъ меньше мы должны ума-

лять вліяніе, которое эти годы самоосвобожденія несомнѣнно оказали на его характеръ. Невѣроятная увѣренность въ своихъ силахъ, воодушевлявшая его, неутолимая жажда подвиговъ, которой онъ былъ снѣдаемъ, объясняются тѣмъ, чтó сумѣлъ сдѣлать изъ себя этотъ „глупый еврейчикъ“, этотъ „аршинникъ“, этотъ „торгашъ“, какъ только онъ сознавалъ, что способенъ, а слѣдовательно и призванъ къ чему-то лучшему, чѣмъ нажива. Надъ рубцами смѣется лишь человѣкъ, никогда не страдавшій отъ ранъ, а слабости Лассаля, это рубцы, свидѣтельствующіе о томъ, въ какихъ горячихъ бояхъ онъ уже долженъ былъ одержать побѣды, раньше чѣмъ онъ могъ выступить революціоннымъ борцомъ на общественной аренѣ.

Никакой человѣкъ не въ силахъ безслѣдно ампутировать первыя 15 лѣтъ своей жизни. Рана можетъ зажить, но рубецъ остается, и этотъ рубецъ дергаетъ, мучаетъ и болитъ, особенно съ приближеніемъ бурной погоды. Исповѣдуясь въ письмѣ къ одной любимой дѣвушкѣ, „какъ зрѣлый мужъ, которому отъ роду только 35 лѣтъ, но который по своему жизненному опыту можетъ себя считать 90-лѣтнимъ“ старикомъ, Лассаль писалъ однимъ духомъ, что онъ былъ бы, пожалуй, въ состояніи жениться на особѣ съ 3—4 милліонами талеровъ приданаго, не обращая вниманія на другія ея качества, исключительно ради этого состоянія, которое можетъ содѣйствовать осуществленію его великихъ цѣлей, но что онъ не желалъ бы никогда зарабатывать себѣ деньги умственнымъ трудомъ, и несчастье этой проституціи да минуетъ его. Здѣсь чувство внутренней нетвердости бросаетъ Лассаля изъ одной крайности въ противоположную крайность: торговля своей личностью кажется этому революціонеру болѣе сносной, чѣмъ перспектива, что надъ умственнымъ прогрессомъ человѣчества будутъ работать бѣдняки. Насколько объективнѣе говорили о „повелительной необходимости труда для заработка“ такіе люди, какъ Лессингъ или Марксъ! Конечно, и у Лассаля дѣло шло только о нетвердости чувства: фактически онъ никогда не думалъ жениться на деньгахъ, а о гонорарѣ за свое главное научное сочиненіе онъ весьма энергично торговался.

Внутренняя нетвердость Лассаля, которою всегда было нѣсколько затуманено зеркало его революціоннаго самосознанія, проявлялась между прочимъ въ его тщеславіи и воспріимчивости къ лести; въ этомъ отношеніи Лассаль былъ на многое способенъ и могъ удивительно много выносить. Но его тщеславіе было совершенно

свободно отъ зависти; никто охотнѣе его не признавалъ чужихъ заслугъ, если только это были дѣйствительныя заслуги. Его честолюбіе не было никогда направлено на мелкія цѣли, и гдѣ это видано, чтобы великое честолюбіе не имѣло большихъ претензій? Наивная откровенность, съ которой Лассаль принималъ расточаемые ему знаки поклоненія, не интересуясь особенно ихъ источникомъ и цѣнностью, навлекла на него не мало рѣзкихъ сужденій, и тѣмъ не менѣе она была скорѣе смягчающимъ, нежели отягчающимъ обстоятельствомъ для этой слабости.

Вообще Лассаль, несмотря на все свое высокое образованіе, несмотря на рефлексію, проникавшую всѣ дѣйствія его, остался наивной натурой. Въ немъ было много дѣтскихъ чертъ, много дѣтскаго великодушія и дѣтскаго эгоизма также. Несомнѣнно, что онъ немного хвасталъ, когда говорилъ о порокахъ своей силы, о своихъ дикихъ инстинктахъ, о своемъ страшномъ гнѣвѣ, о своей безграничной страстности, о своей жестокой и безжалостной суровости; нѣкоторое хвастовство заключалось и въ роли Донъ-Жуана, которую онъ больше разыгрывалъ, чѣмъ дѣйствительно переживалъ. Всего несноснѣе онъ былъ, повидимому, когда франтоватымъ денди, въ свѣтло-желтыхъ перчаткахъ, разсыпался въ берлинскихъ салонахъ передъ томными Эльвирами буржуазіи; однако, когда госпожа Гервегъ сдѣлала ему какъ-то по этому поводу замѣчаніе, то онъ съ добродушнымъ смѣхомъ отвѣтилъ: „Таковъ ужъ я всегда при подобныхъ обстоятельствахъ". Быть безъ памяти влюбленнымъ, это вообще не входило въ его понятi ; онъ былъ въ данномъ отношенiи вполнѣ античной натурой и цѣнилъ дружбу выше любви. Онъ былъ образцовымъ другомъ, неизмѣнно преданнымъ, надежнымъ, самоотверженнымъ, всегда готовымъ помочь совѣтомъ, дѣломъ и деньгами. Кто заручился его словомъ, тотъ могъ полагаться на него, какъ на скалу, и Лассаль любилъ повторять наивно простодушную поговорку стараго Симона Даха: „Нѣтъ черты болѣе свойственной, болѣе приличествующей человѣку, чѣмъ его способность быть преданнымъ и сохранять вѣрность въ дружбѣ".

Въ Парижъ Лассаль отправился съ тѣмъ, чтобы собрать въ тамошнихъ библіотекахъ матеріалы для сочиненія, которое онъ задумалъ написать о греческомъ философѣ Гераклитѣ. Въ кругъ французскихъ ученыхъ его ввела рекомендація Александра фонъ Гумбольдта, который обыкновенно называлъ его „чудомъ-ребенкомъ",—того самаго Гумбольдта, который какъ разъ въ это вре-

мя принималъ участіе въ интригѣ, приведшей къ высылкѣ Маркса изъ Парижа. Возможно, что Марксу и Лассалю не пришлось тогда лично столкнуться; вѣроятнѣе всего, что они слышали другъ о другѣ благодаря тѣмъ близкимъ отношеніямъ, въ которыхъ оба стояли къ Гейне. Но если бы даже они встрѣтились, то врядъ ли сошлись бы ближе. Въ то время они шли совершенно различными путями. Марксъ подвергъ разрушительной критикѣ гегелевскую философію, чтобы найти изъ нея путь къ реальному міру, между тѣмъ какъ Лассалю казалось, что въ гегелевской философіи онъ обрѣлъ то высшее знаніе, которое должно дать ему высшую власть въ дѣйствительной жизни. Соціалистомъ Лассаль былъ, какъ онъ потомъ писалъ однажды Марксу, уже съ 1843 года, но это не исключаетъ того, что онъ ближе примкнулъ къ соціализму лишь во время своего пребыванія въ Парижѣ, и притомъ къ тому соціалъ-демократическому направленію его, которое начало собираться вокругъ Ледрю-Роллена и Луи Блана въ видѣ сплоченной партіи. Многое изъ круга ихъ идей прочно засѣло въ міровоззрѣніи Лассаля даже тогда, когда онъ зналъ уже наизусть Коммунистическій Манифестъ,—обстоятельство легче всего объясняющееся свѣжимъ и глубокимъ дѣйствіемъ первыхъ впечатлѣній.

По возвращеніи на родину Лассаль началъ работать надъ своимъ трудомъ о Гераклитѣ, но еще раньше, чѣмъ онъ окончилъ его, случайная встрѣча съ умной, красивой и несчастной женщиной бросила его въ водоворотъ практической борьбы, которому суждено было поглотить около десяти лѣтъ его жизни. Беспристрастному наблюдателю трудно смотрѣть на войну Лассаля за графиню Гацфельдтъ съ тѣмъ же чувствомъ удовлетворенія, съ какимъ самъ Лассаль всегда вспоминалъ этотъ „тріумфъ своей жизни“. Понятно, что связанныя съ этимъ сплетни не заслуживаютъ ничего, кромѣ величайшаго презрѣнія; точно также для моральной и политической оцѣнки этого дѣла не имѣетъ никакого значенія вопросъ, сильно интересующій, повидимому, старыхъ бабъ обоего пола,—существовала ли когда-нибудь интимная связь между Лассалемъ и графиней, которая была старше его на двадцать лѣтъ. Совершенно справедливо Лассаль незадолго передъ смертью писалъ Губеру, что, вступаясь за графиню, онъ ни отъ чего не былъ такъ далекъ, какъ отъ фривольности, что онъ при этомъ дѣйствовалъ вполнѣ въ духѣ своихъ политическихъ убѣжденій; еще болѣе мѣтко онъ охарактеризовалъ въ своей послѣдней судебной

рѣчи мотивъ, побудившій его вмѣшаться въ дѣло графини Гацфельдтъ, какъ „практическій рыцарскій паѳосъ“.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что побудительные мотивы Лассаля были чисты и безупречны. Въ тихое до-мартовское время, снѣдаемый жгучею жаждою подвиговъ, онъ сталъ на защиту безпомощной женщины, которую травили и предали ея естественные защитники, ея мужъ, ея братья, ея классъ,—женщины, для которой христіанская и неограниченная королевская власть нашла только безсильное слово утѣшенія, чтобы затѣмъ снова прикрыть сѣнью своихъ крыльевъ возмутительнѣйшую несправедливость. Судьба графини Гацфельдтъ была, безспорно, микрокосмомъ, въ которомъ отразилась вся низость классовъ, правившихъ до-мартовской Пруссіей. Когда Лассаль, молодой и безсильный еврей, поднялся противъ негодяя, передъ высокомѣрнымъ упорствомъ котораго пугливо отступили корона, дворянство и юстиція, то онъ въ сущности на свой страхъ и рискъ поднялъ возстаніе. Если Лассаля можно упрекнуть, что въ его революціонной жаждѣ борьбы играло нѣкоторую роль и романтическое рыцарство, то онъ самъ въ высшей степени мило обезоружилъ этотъ упрекъ, заявивъ передъ кельнскими присяжными, что юность во всѣ времена была и останется возрастомъ самопожертвованія, энтузіазма и безкорыстія.

Разъ пути Лассаля и графини Гацфельдтъ встрѣтились, то Лассаль не былъ бы Лассалемъ, если бы онъ равнодушно прошелъ мимо страданій этой оскорбляемой женщины. Въ ея дѣлѣ онъ усмотрѣлъ воплощеніе общихъ принциповъ и точекъ зрѣні онъ сказалъ себѣ, что графъ Гацфельдтъ лишь какъ надменный князь и милліонеръ можетъ осмѣлиться на такіе гнусные поступки, какіе онъ въ теченіе десятилѣтій совершалъ по отношенію къ своей супругѣ. Съ этой стороны Лассаль проявилъ болѣе тонкое и болѣе глубокое пониманіе революціонной связи явленій, чѣмъ редакція „*Deutsche Brüsseler Zeitung*“, открыто заявившая своему рейнскому корреспонденту, что онъ можетъ обратиться къ скандальной прессѣ, если желаетъ доставлять сообщенія о борьбѣ Лассаля съ графомъ Гацфельдтомъ. Гораздо справедливѣе судила „*Новая Рейнская Газета*“. Не принимая этого дѣла особенно близко къ сердцу, она все-таки подробно сообщала о процессѣ, разбиравшемся кельнскимъ судомъ присяжныхъ въ августѣ 1848 г. по обвиненію Лассаля въ подстрекательствѣ къ кражѣ шкатулки, и вообще она открыла ему столбцы для наступательныхъ и оборонительныхъ дѣйствій въ его войнѣ съ графомъ

Гацфельдтомъ. Но именно когда изучаешь „*Новую Рейнскую Газету*", когда читаешь на первой страницѣ сильныя статьи Маркса и затѣмъ видишь на четвертой страницѣ, какъ Лассаль возится съ подкупленными камердинерами и предательскими камеристками, съ проститутками и ихъ хозяевами и всякой другой сволочью, то на душѣ остается непріятный осадокъ. Чѣмъ лучше Лассаль велъ свое дѣло, чѣмъ безпощаднѣе онъ былъ въ своихъ атакахъ и тверже въ своей защитѣ, тѣмъ труднѣе помириться съ фактомъ, что онъ впутался въ эти дрязги въ такое время, когда и въ Германіи началась, наконецъ, борьба за великіе интересы человѣчества.

Вина за это падаетъ, правда, не на Лассаля. Когда онъ въ 1846 году взялъ въ свои руки дѣло графини Гацфельдтъ, то не могъ знать, что въ 1848 г. въ Германіи начнется революція. Но если бы онъ даже могъ это знать, то все-таки вправѣ былъ бы предположить, что къ указанному времени давно успѣетъ возстановить графиню въ ея правахъ. Дѣйствительно, если бы въ великолѣпномъ прусскомъ государствѣ существовало хоть что-нибудь похожее на право и справедливость, то война Лассаля съ графомъ Гацфельдтомъ не должна была бы продолжаться столько недѣль, сколько лѣтъ она длилась. Было бы несправедливо порицать Лассаля за то, что развращенность прусскаго государственнаго строя создавала ему все новыя препятствія, пока ему не удалось превратить, наконецъ, невыносимую неправду въ сносное право, было бы несправедливо ставить ему въ упрекъ, что, вступивъ въ борьбу, онъ оставилъ ее не раньше, чѣмъ довелъ до благополучнаго окончанія.

Но могутъ сказать: развѣ нельзя было удовлетвориться, какъ удачнымъ концомъ, доведеніемъ борьбы до того момента, когда всему свѣту стала очевидна невозможность обуздать законными средствами беззаконный произволъ прусскаго феодала, когда неисправимая развращенность прусскаго государства была такъ ярко доказана въ настоящемъ единичномъ случаѣ, что обществу былъ данъ еще одинъ сильный стимулъ для его низверженія? Такого вопроса для Лассаля вообще не существовало; не къ нему были приложимы слова римскаго поэта, что достаточно, если человѣкъ желалъ великаго. Для него существовалъ лишь одинъ благополучный конецъ—заставить могущественнаго негодяя покориться. Для достиженія этой цѣли онъ не остановился передъ средствами, которыя переступали границу, диктуемую всякой борьбѣ за общіе принципы ея же собственными интересами.

Правда, въ выборѣ своего оружія Лассаль всегда стоялъ выше своего противника. Когда онъ могъ добиться чего-нибудь силой ума, неистощимаго въ изобрѣтеніи остроумныхъ средствъ, то онъ ограничивался этимъ оружіемъ. Но желая сразить самого графа Гацфельдта, онъ вынужденъ былъ не разъ выходить за эти предѣлы, вынужденъ былъ дѣлать много такого, отъ чего ему слѣдовало бы лучше воздержаться даже съ точки зрѣнія людей, отнюдь не склонныхъ къ уступкамъ филистерскому общественному мнѣнію. Но Лассаль никогда не простилъ бы себѣ, если бы онъ ушелъ съ поля битвы до полнаго пораженія графа. Таковъ ужъ онъ былъ, и инымъ онъ не могъ быть по условіямъ своего развитія. Онъ долженъ былъ совершить „сверхчеловѣческое", чтобы затѣмъ погибнуть на „слишкомъ человѣческомъ". Можно видѣть своего рода насмѣшливый прологъ къ трагическимъ конфликтамъ въ томъ, что изъ крупнаго и независимаго состоянія, которое Лассаль добылъ графинѣ послѣ 8—9-лѣтней борьбы, значительная часть погибла во время торговаго кризиса 1857 г.

При всемъ томъ Лассаль никогда не забывалъ, что его жизнь принадлежитъ революціи. Едва кельнскіе присяжные оправдали его по вздорному обвиненію въ подстрекательствѣ къ кражѣ шкатулки, какъ Лассаль всѣми силами ринулся въ революціонное движеніе. Въ Дюссельдорфѣ, гдѣ движеніе было довольно сильно, онъ принадлежалъ къ числу его руководителей. Благодаря этому онъ вступилъ въ дѣятельныя сношенія съ Окружнымъ демократическимъ комитетомъ и съ „*Новой Рейнской Газетой*". Въ 1848 г. Марксъ и Лассаль впервые познакомились ближе другъ съ другомъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что Марксъ пріобрѣлъ тогда большое вліяніе на Лассаля. Правда, Лассаль никогда не былъ ученикомъ Маркса въ томъ смыслѣ, чтобы онъ слѣпо вѣрилъ словамъ учителя, и даже не въ томъ, чтобы взгляды Маркса дали новое направленіе его духовному развитію. Для такого вліянія Лассаль былъ уже слишкомъ законченнымъ и сложившимся человѣкомъ. Существовала извѣстная граница, за которой невозможно было взаимное пониманіе между Марксомъ и Лассалемъ, хотя бы мы и не могли провести этой границы съ *принципіальной* ясностью, именно потому, что она обусловливалась столь неодинаковымъ и, въ извѣстномъ смыслѣ, даже противоположнымъ ходомъ *индивидуальнаго* развитія обоихъ. Въ томъ пунктѣ, гдѣ изъ происходившаго въ Марксѣ внутренняго процесса самоуясненія получился ясный и отчетливый революціонный выводъ, Лассаль

схватился за него съ дѣйственной революціонной энергіей, совершенно не интересуясь, однако, самимъ этимъ процессомъ. Коммунистическій Манифестъ и *„Новая Рейнская Газета“* произвели на него глубокое впечатлѣніе, укрѣпили, уяснили, расширили его революціонныя воззрѣнія; но изъ длиннаго ряда статей и книгъ, написанныхъ Марксомъ со времени *„Новой Рейнской Газеты“* до книги противъ Прудона, статей и книгъ, хорошо знакомыхъ Лассалю, мы не находимъ въ работахъ послѣдняго никакихъ слѣдовъ, во всякомъ случаѣ эти слѣды лишь крайне слабы.

Во время ноябрьскаго кризиса 1848 г. Лассаль съ воодушевленіемъ послѣдовалъ призыву Окружнаго демократическаго комитета. По порученію дюссельдорфскаго гражданскаго ополченія и ландвера дюссельдорфскаго округа онъ составилъ адресы къ берлинскому Національному собранію, гдѣ говорилось: „Пассивное сопротивленіе исчерпано. Мы заклинаемъ Національное собраніе: издайте призывъ къ оружію, призывъ къ долгу“. Лассаль былъ самымъ усерднымъ адъютантомъ Кантадора, который въ качествѣ командира дюссельдорфскаго ополченія день и ночь отливалъ пули и вообще подготовлялъ вооруженное сопротивленіе. Лассаль ревностно агитировалъ также въ окрестностяхъ Дюссельдорфа, при чемъ ему въ свою очередь служилъ адъютантомъ рабочій Вейерсъ. Онъ пламенно призывалъ сельское населеніе держать наготовѣ своихъ людей, позаботиться о боевыхъ припасахъ и оружіи.

Но собраніе не выступило со столь страстно ожидаемымъ призывомъ, и 22 ноября Кантадоръ, Лассаль и Вейерсъ были арестованы. Теперь началась судебная процедура, которая представляла собой худшее среди множества беззаконій, совершенныхъ ноябрьскими героями. Неутолимая ненависть, съ которой рейнскія судебныя власти преслѣдовали Лассаля, безспорно доказывала, что въ дѣлѣ графини Гацфельдтъ онъ отстаивалъ общіе принципы: защиту такого принципа представляли собою, въ частности, его старанія поднять прогнившую насквозь юстицію изъ болота, въ которомъ она столь пріятно расположилась. Въ то время какъ Марксъ, Шапперъ и Шнейдеръ за совершенно одинаковый образъ дѣйствій обвинялись въ томъ, что призывали населеніе къ вооруженному сопротивленію войскамъ и должностнымъ лицамъ, т.-е., по Кодексу, въ простомъ проступкѣ, не влекущемъ за собою предварительнаго заключенія и караемомъ, въ худшемъ случаѣ, нѣсколькими мѣсяцами ареста, Лассаль былъ обвиненъ въ уголов-

номъ преступленіи, будто онъ призывалъ къ вооруженному возстанію противъ королевской власти, т.-е. въ дѣяніи, требовавшемъ предварительнаго заключенія и, въ случаѣ осужденія, грозившемъ Лассалю лишеніемъ всѣхъ гражданскихъ правъ. Чтобы облегчить буржуазнымъ присяжнымъ произнесеніе обвинительнаго вердикта, буржуа Кантадоръ, совершившій тѣ же дѣянія, что и Лассаль, только на болѣе вліятельномъ посту, былъ освобожденъ отъ обвиненія. Но такъ какъ оправдательный приговоръ все-таки былъ возможенъ, то достойная юстиція приняла еще двѣ мѣры. Во-первыхъ, она продлила подслѣдственный арестъ Лассаля: прокуроръ такъ долго не передавалъ судебному слѣдователю документовъ, яко бы уличающихъ обвиняемаго, что дѣло не могло уже попасть въ ближайшую сессію суда присяжныхъ. Во-вторыхъ, на тотъ случай, если бы присяжные оправдали Лассаля, противъ него было возбуждено запасное обвиненіе въ призывѣ къ вооруженному сопротивленію войскамъ и должностнымъ лицамъ. При этомъ былъ, съ одной стороны, нарушенъ старый правовой принципъ, что никого нельзя дважды привлекать къ отвѣтственности за одно и то же дѣяніе, а съ другой—выставлено завѣдомо невѣрное утвержденіе, что призывъ къ отказу отъ уплаты налоговъ и вооруженному сопротивленію есть отнюдь не политическое, а общее преступленіе и подлежитъ поэтому компетенціи не суда присяжныхъ, а суда исправительной полиціи. Это былъ клубокъ правонарушеній, неслыханныхъ, можно сказать, даже въ тогдашней прусской юстиціи.

На 3 мая 1849 г. дѣло Лассаля и Вейерса было, наконецъ, назначено къ слушанію. Лассаль заранѣе подготовилъ свою защитительную рѣчь и отдалъ ее въ печать. Отдѣльные печатные листы проникли безъ вѣдома Лассаля въ публику, и коронные судьи, прекрасно знавшіе, что̀ ихъ ждало, воспользовались этимъ обстоятельствомъ для новаго насилія. Они постановили разбирать дѣло при закрытыхъ дверяхъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что рѣчь Лассаля опасна для общественнаго порядка и спокойствія. Лассаль отказался говорить при такихъ условіяхъ и обратился къ присяжнымъ, заклиная ихъ не выносить приговора до тѣхъ поръ, пока ему не будетъ гарантировано право защиты. Нѣкоторые присяжные готовы были согласиться на его просьбу, но большинство ихъ высказалось за немедленное оправданіе Лассаля и Вейерса.

Защитительная рѣчь Лассаля сохранилась въ печати. Она

очень характерно отличается отъ защитительной рѣчи, произнесенной Марксомъ мѣсяца за три до того противъ однороднаго обвиненія. Марксъ выяснилъ себѣ и присяжнымъ историческое положеніе вещей, раскрылъ передъ присяжными классовыя столкновенія нѣмецкой революціи и предоставилъ до извѣстной степени имъ самимъ сдѣлать заключеніе о томъ, какую печальную роль правительство навязываетъ имъ въ этой борьбѣ. Напротивъ, Лассаль ринулся прямо въ лагерь своихъ враговъ, въ самую гущу ихъ, нанося имъ сокрушающіе удары своимъ мечомъ. Онъ открыто призналъ себя революціонеромъ, рѣшительнымъ сторонникомъ соціальной демократической республики, но счелъ ненужнымъ бороться съ прокуратурой на этой почвѣ. Онъ не хочетъ опровергать ее съ революціонной точки зрѣнія, онъ хочетъ стать на ея собственную точку зрѣнія, чтобы пристыдить ее, чтобы изобличить въ измѣнѣ своимъ собственнымъ принципамъ. Защитительная рѣчь Лассаля не есть историческое изслѣдованіе, какъ рѣчь Маркса; это—негодующій обвинительный актъ насилуемаго права противъ насильниковъ.

Принципіальный взглядъ Лассаля на прусскій государственный переворотъ сходится въ существенныхъ чертахъ со взглядомъ Маркса. Нѣкоторыя мѣста въ рѣчи Лассаля звучатъ какъ эхо „*Новой Рейнской Газеты*". Но несмотря на это видимое единомысліе Лассаля съ Марксомъ, то и дѣло проявляется контрастъ, всегда раздѣлявшій ихъ. Лассаль говоритъ—только другими словами — то же или почти то же, что Марксъ, когда заявляетъ: „Въ жизни народовъ почва права—плохая точка зрѣнія, ибо законъ есть лишь выраженіе и писанная воля общества, а не учитель его. Разъ общественная воля и потребности измѣнились, то старому кодексу мѣсто въ историческомъ музеѣ, а его мѣсто занимаетъ новое отраженіе современности". Но тотчасъ вслѣдъ за этимъ Лассаль переходитъ къ доказательству положенія, что контръ-революціей правительство само уничтожило свою правовую почву, и прибавляетъ: „Теперь почва права принадлежитъ мнѣ и моимъ единомышленникамъ! Съ ноября мѣсяца мы наложили на нее запрещеніе. Революція стала именно съ точки зрѣнія права *юридической необходимостью*. Эриннія попраннаго права и потребность народовъ наперерывъ призываютъ теперь къ оружію". Фразы, которыя ни по своему содержанію, ни по стилю никогда не могли бы выйти изъ-подъ пера Маркса.

Однако этотъ неудачный образъ стоитъ довольно одиноко въ

рѣчи Лассаля, вообще очень богатой мѣткими образами и сравненіями. Краснорѣчіе Лассаля всего менѣе можно было назвать пустымъ и безсодержательнымъ; то обстоятельство, что слабыя мѣста, которыхъ оно не чуждо, появляются обыкновенно какъ разъ тогда, когда внутренняя логика лассалевской точки зрѣнія начинаетъ измѣнять ему,—это обстоятельство говоритъ больше въ пользу его краснорѣчія, чѣмъ противъ него. Когда вмѣстѣ съ содержаніемъ тотчасъ начинаетъ страдать и форма, то такой фактъ служитъ лучшимъ доказательствомъ наличности тѣсной связи между формой и содержаніемъ. Тамъ, гдѣ Лассаль чувствуетъ подъ ногами твердую почву, его риторика проникнута большимъ вкусомъ, содержательна, наполнена до края революціонной энергіей.

Правда, въ то время какъ Марксъ наноситъ короткій смертельный ударъ мечомъ, Лассаль, раньше чѣмъ снести голову противнику, любитъ поиграть на солнцѣ своей шпагой. Когда Марксъ заявилъ, что пассивное сопротивленіе похоже на сопротивленіе теленка мяснику и что вотировавшіе отказъ отъ уплаты налоговъ отвергли революціонный путь изъ нежеланія рисковать своей головой, то этимъ было сказано все необходимое. Но нелишне было и то, что Лассаль выразилъ ту же мысль въ блестящей и яркой формѣ, сказавъ: „Пассивное сопротивленіе заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, это—покорное сопротивленіе, это—несопротивляющееся сопротивленіе, это сопротивленіе, которое не есть сопротивленіе... Пассивное сопротивленіе, это лишь внутренняя злая воля безъ внѣшняго акта. Корона конфисковала народную свободу, и Національное собраніе въ защиту народа декретировало злую волю. Было бы непостижимо, какимъ образомъ элементарнѣйшая логика не удержала законодательнаго собранія отъ мѣры, сдѣлавшей его посмѣшищемъ въ глазахъ всего свѣта; было бы непостижимо, почему оно лучше открыто не подчинилось приказанію короны,—все это было бы непостижимо, если бы оно не было слишкомъ понятно! Пассивное сопротивленіе есть продуктъ двухъ факторовъ: ясно сознанной обязанности сопротивляться и личной трусости, нежеланія сопротивляться, рискуя своей шкурой; эти двѣ силы, отвратительно обнявшись, произвели на свѣтъ въ ночь 10-го ноября чахоточное дитя, чахлый плодъ пассивнаго сопротивленія". Одинъ стиль такъ же допустимъ, какъ и другой, и каждый изъ нихъ на свой особый ладъ энергично поддерживалъ борьбу революціоннаго пролетаріата.

После того какъ Лассаль былъ оправданъ присяжными, юстиція выполнила свой милый планъ и поставила его вторично за то же дѣяніе предъ судьями, состоящими на жалованьѣ. И судъ исправительной полиціи дѣйствительно запятналъ себя позорнымъ актомъ, котораго правительство ждало отъ него: онъ осудилъ Лассаля на шесть мѣсяцевъ тюрьмы. Когда Лассаль получилъ, наконецъ, возможность покинуть тюрьму, нѣмецкая революція уже угасла.

Глава IV.

Исходъ нѣмецкой революціи.

---

1. Франкфуртъ и Берлинъ.

Какъ только контръ-революція побѣдила въ Вѣнѣ и Берлинѣ, она направила свои стремленія на то, чтобы покончить съ германскимъ Національнымъ собраніемъ, этимъ сильно выродившимся, но все же дѣтищемъ революціи. По той же причинѣ вокругъ него сплотились всѣ способные еще къ сопротивленію элементы населенія. Безъ всякихъ заслугъ съ своей стороны франкфуртскій парламентъ получилъ, наконецъ, извѣстную историческую роль. Если бы только онъ сумѣлъ иначе сыграть ее, чѣмъ это было сдѣлано въ дѣйствительности!

Австрійскіе и прусскіе насильники прибѣгли къ неодинаковой политикѣ противъ Франкфурта. Вѣнскій кабинетъ фактически желалъ вернуться къ старой союзной конституціи, которая обезпечивала ему господствующее положеніе въ Германіи, не возлагая на него никакихъ обязанностей по отношенію къ послѣдней. Централизуя въ самыхъ строгихъ формахъ все австрійское государство, австрійская контръ-революція одновременно заявляла, что сумѣетъ отстоять свое старое положеніе и въ томъ новомъ германскомъ государственномъ организмѣ, который долженъ образоваться. Но это значило не болѣе и не менѣе, какъ сдѣлать невозможнымъ нѣмецкое единство. Нѣмецко-австрійскія области не могли входить одновременно въ составъ германскаго и австрійскаго государствъ. Нѣмецкая программа австрійской контръ-революціи исчерпывалась, слѣдовательно, возстановленіемъ германскаго союзнаго сейма. Если контръ-революція не защищала пока этой программы съ той настойчивостью, съ какой она рѣшила ее защищать, то причиною были только успѣхи венгерскаго возстанія.

Прусское правительство хотѣло, наоборотъ, использовать крушеніе революціи, чтобы въ своихъ интересахъ половить рыбу въ мутной водѣ. „*Крестовая Газета*“ раскрыла эту программу, сказавъ, что корона должна уничтожить Франкфуртъ, рѣшительно, но дружески порвавъ съ нимъ. Въ то самое время, когда австрійскій генералъ презрительно швырнулъ къ ногамъ франкфуртскаго собранія голову Блюма, прусскій король со слезами умиленія обнималъ своего „друга“ Гагерна. Если въ другихъ случаяхъ Фридриху-Вильгельму IV было написано на роду, чтобы его дурачили въ разыгрываемыхъ имъ комедіяхъ, то на сей разъ ему посчастливилось натолкнуться на такого комедіанта, котораго даже онъ могъ одурачить и дѣйствительно одурачилъ.

Казалось, наступило время, когда Гагернъ и его друзья могли сорвать, наконецъ, тотъ плодъ, на который они такъ долго поглядывали съ вожделѣніемъ. Упорный отказъ Австріи согласиться на что-либо, хотя бы только отдаленно напоминающее нѣмецкое единство, далъ возможность открыто выступить съ прусской императорской идеей. Австріецъ Шмерлингъ уступилъ благородному Гагерну мнимый постъ министра-президента въ мнимомъ имперскомъ министерствѣ, а въ самомъ парламентѣ началась запутанная борьба партій, результатомъ которой была имперская конституція 28 марта 1849 г.

Несмотря на значительныя преимущества по сравненію съ прежней союзной конституціей Германіи, конституція 28-го марта далеко не была такъ либеральна, какой ее выставляетъ либеральная легенда. Но если-бы у нея даже были столь прекрасные глаза, какъ это утверждал иея поклонники, то все же ей не хватало ногъ, на которыхъ она могла бы вступить въ дѣйствительную жизнь. Она покоилась на компромиссѣ, который былъ заключенъ частью лѣвой съ имперской партіей Гагерна и освященъ черно-желтой злобой. Споръ между австрійскими велико-германцами и прусскими мало-германцами далъ демократамъ лѣвой бо̀льшую силу, чѣмъ на какую они могли претендовать по своей численности и своимъ талантамъ. Сначала они противились нѣмецкому единству подъ прусской каской и сообразно съ этимъ поддерживали велико-германцевъ, которые со своими партикуляристическими, реакціонными и ультрамонтанскими элементами составляли, впрочемъ, по меньшей мѣрѣ столь же разношерстную компанію, какъ и мало-германцы. Но когда затѣмъ австрійская контръ-революція октроировала конституцію 4 марта съ ея рѣзко централистическими тенденціями, то часть лѣ-

вой перешла къ Гагерну и товарищамъ. Эта часть выразила готовность примириться съ наслѣдственнымъ императоромъ, если ей сдѣлаютъ двѣ уступки: всеобщее избирательное право и условность императорскаго veto.

По новой конституціи рейхстагъ долженъ былъ состоять изъ палаты представителей государствъ (Staatenhaus) и палаты представителей народа (Volkshaus); для всякаго имперскаго закона необходимо было согласіе обѣихъ. Члены палаты представителей государствъ должны были избираться на-половину правительствами, на-половину народными представительствами отдѣльныхъ государствъ, палата же представителей народа, согласно требованію лѣвой, должна была выбираться народомъ на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. Еще большее значеніе, чѣмъ всеобщему избирательному праву, перебѣжчики лѣвой придавали условному veto, согласно которому право протеста императора противъ рѣшеній рейхстага было ограничено въ томъ смыслѣ, что рѣшеніе, принятое рейхстагомъ въ неизмѣненномъ видѣ въ трехъ послѣдовательныхъ сессіяхъ, становилось по окончаніи третьей сессіи закономъ даже безъ согласія императора. Для господствовавшей тогда путаницы характерно, что за эту химеру боролись съ величайшимъ упорствомъ. Современная имперская конституція не знаетъ ни абсолютнаго, ни условнаго veto; союзный совѣтъ достаточно заботится о необходимой реакціи, какъ о ней позаботилась бы и палата представителей государствъ, если бы имперская конституція 1849 г., была когда-нибудь осуществлена.

Компромисъ между имперской партіей и примкнувшей къ ней частью лѣвой удался, впрочемъ, лишь благодаря тому, что австрійскіе голоса рѣшили въ положительномъ смыслѣ вопросъ о наслѣдственной имперіи и вопросъ объ условномъ veto. По программѣ Гагерна, отношенія между новой Германіей и новой Австріей нужно было урегулировать особо, и австрійскіе депутаты во Франкфуртѣ доставили себѣ невинное развлеченіе, преподнесши прусскому королю супъ, который они предварительно крѣпко посолили. Противъ условнаго veto прусское правительство уже раньше протестовало. Заключившіе компромисъ попытались на время подавить въ себѣ всѣ тревожныя предчувствія, давъ торжественную письменную клятву, что послѣ окончательнаго принятія конституціи они не пойдутъ ни на какія существенныя измѣненія ея и ни на какія сколько-нибудь значительныя уступки, кто бы ихъ ни потребовалъ.

Конституціонное строительство было затѣмъ увѣнчано избраніемъ Фридриха-Вильгельма IV въ „императоры нѣмцевъ". Избраніе прошло 290 голосами; 248 воздержалось отъ голосованія. Торжественная депутація, которой поручено было отправиться съ бумажной короной на поклоненіе въ Берлинъ, нѣсколько дней околачивалась по Германіи, чтобы не прибыть въ мѣсто своего назначенія въ лукавый день 1 апрѣля. Но въ то время какъ она старалась избѣжать хронологической критики своей глупости, ей не разъ пришлось выслушать критику музыкальную: въ Кельнѣ она была принята торжественнымъ кошачьимъ концертомъ. Самое жестокое разочарованіе ждало ее, однако, въ Берлинскомъ дворцѣ, въ переднихъ котораго уже лакеи третировали ея главу, „громкозвучнаго рапсода" Симсона, какъ назойливаго просителя.

Самъ романтическій король колебался между старопрусскимъ отвращеніемъ къ революціи и старопрусскимъ аппетитомъ къ территоріальнымъ присоединеніямъ. Съ одной стороны ему была противна франкфуртская корона, которая, какъ онъ выражался на своемъ миломъ языкѣ, оскорбляетъ его до послѣдней степени своимъ трупнымъ запахомъ революціи 1848 г., самой безсмысленной, самой глупой, самой скверной, хотя слава Богу—и не самой злой революціи 19-го вѣка. Онъ полагалъ, что законный король Божіей милостью не можетъ принять такую воображаемую корону, испеченную изъ навоза и глины; всего меньше это можетъ сдѣлать король прусскій, имѣющій счастье носить, если не самую старую, то самую благородную корону, корону, которая ни у кого не была украдена,—о чемъ другіе, напр., римская курія, держались и держатся, какъ извѣстно, иного мнѣнія. Съ другой стороны, король понималъ, что старопрусскому аппетиту къ добру ближняго придется лишь облизываться, если Франкфуртъ погибнетъ, и дѣло попадетъ въ руки государей. Нельзя отрицать, что на этотъ разъ въ романтическихъ причудахъ короля совершенно вѣрно отразилась дилемма, предъ которой стояла прусская государственность. И прусскіе государственные люди прежде всего попытались „дружески" порвать съ Франкфуртомъ.

Отвѣтъ, данный королемъ почтительно ожидавшей депутаціи Національнаго собранія, представлялъ собой торжественный наборъ словъ, смыслъ которыхъ онъ слѣдующимъ образомъ разъяснилъ въ письмѣ къ Бунзену: „Я вамъ не могу сказать ни да, ни нѣтъ. Принимаютъ или отвергаютъ лишь такую вещь, которая *можетъ* быть предложена, а вамъ нечего предлагать: дѣло это я

устрою съ равными себѣ. Но на прощаніе позвольте вамъ сказать истину: противъ демократовъ помогаютъ лишь солдаты. Adieu"! Дѣйствительно, таковъ былъ смыслъ королевскаго отвѣта, оканчивавшагося угрозой, что прусскій мечъ и щитъ всегда готовы къ отраженію внѣшняго и внутренняго врага. Такимъ образомъ было открыто возвѣщено желаніе Пруссіи ограбить трупъ нѣмецкой революціи, такъ какъ внѣшніе враги прусскаго меча и щита вели себя тогда вполнѣ смирно.

Подобно берлинскому, франкфуртское собраніе разбилось о принципъ соглашенія. Отклоняя корону на томъ основаніи, что ее могутъ предлагать не народные представители, а только государи, романтическій король ребромъ поставилъ вопросъ: кому принадлежитъ въ Германіи верховная власть, государямъ или народу? Франкфуртское собраніе было насильственно отброшено назадъ къ революціонной точкѣ зрѣнія, которую оно, на свое несчастье, покинуло. Имперская конституція, какъ изуродована она ни была, стала такимъ образомъ знаменемъ революціи, знаменемъ всѣхъ элементовъ, которые не были расположены уступить мѣсто до-мартовскому абсолютизму. Въ борьбѣ за имперскую конституцію разыгрался послѣдній актъ нѣмецкой революціи.

Мы говоримъ послѣдній актъ не потому, что онъ случайно кончился пораженіемъ революціи, а потому, что онъ необходимо долженъ былъ кончиться этимъ пораженіемъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій Энгельсъ писалъ: „Тѣ, которые принимали близко къ сердцу движеніе, не относились серьезно къ имперской конституціи, а тѣ, которые принимали близко къ сердцу имперскую конституцію, не относились серьезно къ движенію". Послѣ побѣды самодержавно-феодальной контръ-революціи въ Австріи и Пруссіи имперская конституція пріобрѣла особую цѣнность для нѣмецкой буржуазіи, но весною 1849 г. этотъ классъ былъ еще болѣе разстроенъ и обезкураженъ, чѣмъ онъ былъ уже весною 1848 г. Больше всего ему нравилось въ имперской конституціи то, что всеобщее признаніе ея положило бы „конецъ революціи". Ради этой цѣли, какъ выяснилось скоро, онъ готовъ былъ пожертвовать даже средствомъ.

Наоборотъ, пролетаріатъ ничуть не былъ заинтересованъ въ наслѣдственной императорской власти дома Гогенцоллерновъ, и даже въ самыхъ прогрессивныхъ пунктахъ имперской конституціи онъ былъ заинтересованъ лишь постольку, поскольку они обѣщали нѣсколько расчистить ему путь не къ побѣдѣ, а къ рѣши-

тельной борьбѣ. Но тѣмъ важнѣе было для рабочихъ, чтобы революціонное движеніе не свелось на нѣтъ, чтобы принципъ народнаго суверенитета не сталъ игрушкой военщины. „Нѣтъ ничего безсмысленнѣе", писалъ Борнъ въ „*Братствѣ*", „какъ желать совершить революцію въ пользу наслѣдственной императорской власти, какъ принуждать короля, чтобы онъ принялъ корону".
Но совершенно другой вопросъ, прибавлялъ онъ, должны ли народные представители позволить государямъ смѣяться надъ ними. „Мы, народъ, имѣемъ право выражать нашимъ депутатамъ въ Франкфуртѣ свое рѣшительное неодобреніе за ихъ поведеніе до настоящаго момента; мы, избиратели, имѣемъ право отозвать ихъ или разогнать, если они не хотятъ уходить. Но у государей такого права нѣтъ. Поддерживая франкфуртское собраніе, мы отнюдь не выражаемъ этимъ своего желанія установить наслѣдственную императорскую власть; мы защищаемъ народный суверенитетъ и ничего больше". Исходя изъ этой точки зрѣнія, пролетаріатъ, поскольку въ немъ проснулось классовое сознаніе, энергично вмѣшался въ кампанію за имперскую конституцію. Онъ выставилъ самыхъ храбрыхъ и самыхъ неутомимыхъ борцовъ ея.

Несравненно большей силой чѣмъ буржуазія и даже пролетаріатъ, обладало мелкое бюргерство, и отъ него зависѣло, съ какой энергіей и съ какимъ успѣхомъ будетъ вестись борьба за имперскую конституцію. Между тѣмъ названному классу, въ особенности южно-германскому мелкому бюргерству, имперская конституція приходилась какъ разъ впору. Новое единство сохраняло отдѣльныя государства съ незначительными ограниченіями ихъ суверенитета, а прославленное условное veto позволяло спокойнѣйшимъ образомъ смѣстить въ одно прекрасное утро императора вмѣстѣ со всѣми государями и мигомъ призвать къ жизни любезную захолустную республику. Правда, и для демократическихъ мелкихъ бюргеровъ перспектива защищать съ оружіемъ въ рукахъ имперскую конституцію представлялась не особенно заманчивой. Но вѣдь они такъ часто клялись принести свою жизнь и имущество на алтарь отечества, а ихъ крестьянскіе элементы испытывали столь же искренній, сколько справедливый ужасъ передъ возвращеніемъ до-мартовскаго феодализма. Къ тому же буржуазія, которая при случаѣ не прочь, чтобы другіе пошли за нее въ огонь, завлекала мелкихъ бюргеровъ въ борьбу, понятно съ задней мыслью—предать ихъ послѣ перваго выстрѣла; съ другой стороны,

пролетаріатъ также толкалъ ихъ въ борьбу, имѣя, конечно, въ виду выставить послѣ послѣдняго выстрѣла свои собственныя требованія. Само мелкое бюргерство поняло послѣ перваго выстрѣла, какія слѣдствія вытекаютъ изъ борьбы, и потому въ ужасѣ отступило передъ послѣднимъ выстрѣломъ; это обстоятельство и придало кампаніи за имперскую конституцію ея безпорядочный и неустойчивый характеръ.

Шансы ея сами по себѣ отнюдь не были неблагопріятны. Во Франціи грозилъ новый взрывъ соціалистическо-демократической партіи противъ монархической реакціи; въ Венгріи возставшіе мадьяры побѣдоносно гнали передъ собой австрійскіе полки; въ Италіи римская республика успѣшно сопротивлялась французскому нашествію. Въ самой Германіи массы охватило стихійное движеніе; возрастающія притязанія контръ-революціи, ея вѣроломство и клятвопреступленія, трусость мартовскихъ министровъ будили мятежный духъ даже въ самомъ сонномъ патріотѣ. Движеніе было достаточно сильно, чтобы принудить 28 правительствъ признать имперскую конституцію; воспротивились, кромѣ Пруссіи и Австріи, еще лишь четыре королевства средней величины— Баварія, Ганноверъ, Саксонія и Вюртембергъ, и даже изъ нихъ королевство Вюртембергъ принуждено было сдаться. Въ Пруссіи и Саксоніи палаты потребовали признанія имперской конституціи, а баварское и ганноверское правительства предотвратили подобныя же требованія лишь тѣмъ, что первое изъ нихъ не созвало своей палаты, а второе распустило ее. При этомъ между Пруссіей и государствами средней величины существовало глубокое недовѣріе, такъ какъ послѣднимъ были хорошо извѣстны тайныя вожделѣнія Гогенцоллерновъ; они отвѣтили глубокимъ молчаніемъ, когда прусское правительство пригласило ихъ и остальныя правительства послать къ 3 апрѣля уполномоченныхъ во Франкфуртъ, чтобы столковаться насчетъ общаго соглашенія съ Національнымъ собраніемъ.

Все зависѣло теперь отъ того, сможетъ ли франкфуртское собраніе воспрянуть и повести себя энергично. 11 апрѣля оно торжественно заявило, что оно не отступится отъ имперской конституціи и всеобщаго избирательнаго права, и выбрало коммиссію изъ 30-ти человѣкъ для обсужденія способовъ практическаго осуществленія этой политики. Коммиссія состояла поровну изъ членовъ императорской партіи и лѣвой; одинъ свѣдущій человѣкъ рекомендовалъ ей слѣдующую тактику: демократическіе

элементы не должны чрезмѣрно толкать впередъ, а умѣренные элементы не должны слишкомъ сильно отставать. Но, къ сожалѣнію, онъ не указалъ одновременно, какимъ образомъ собраніе можетъ двинуться съ мѣста, если оно половину лошадей запряжетъ впереди телѣги, а другую сзади, и предложенія коммиссіи дѣйствительно оставили телѣгу на томъ же мѣстѣ. Предложенія ея сводились къ слѣдующему: во-первыхъ, потребовать отъ непокорныхъ правительствъ, чтобы они признали, наконецъ, имперскую конституцію; во-вторыхъ, запретить имъ подавлять законныя, согласныя съ конституціей проявленія народной воли и, въ особенности, пользоваться въ настоящій рѣшительный моментъ своимъ правомъ роспуска своихъ ландтаговъ или отсрочки ихъ засѣданій; въ-третьихъ, блюститель имперіи — тотъ самый, который съ момента принятія имперской конституціи открыто велъ предательскую политику въ интересахъ Австріи, — этотъ блюститель долженъ всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами способствовать проведенію конституціи въ жизнь. Послѣ трехдневныхъ дебатовъ собраніе 26 апрѣля съ большой энергіей произвело эти три удара по водѣ.

Тѣмъ временемъ прусское правительство сбросило съ себя маску. Первоначальный планъ „дружескаго разрыва“ съ Франкфуртомъ потерпѣлъ крушеніе потому, что короли среднихъ государствъ не поддавались на удочку, а нараставшее массовое движеніе сплачивалось вокругъ имперской конституціи не *ради*, а *вопреки* прусской императорской власти. Къ тому же въ концѣ февраля собрались прусскія палаты для пересмотра конституціи, и вторая палата оказалась строптивѣе, чѣмъ угодно было правительству. Она состояла изъ двухъ, почти равныхъ частей—фрондирующей лѣвой, члены которой вотировали въ свое время отказъ отъ уплаты налоговъ, и правительственной правой, гдѣ сидѣли рядомъ буржуа въ родѣ Кампгаузена и юнкеры въ родѣ Бисмарка. Но правая была лишь временно сплочена желаніемъ признать въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь законность конституціи, „дарованной“ 5 декабря 1848 г.; она распалась, какъ только эта цѣль была достигнута незначительнымъ большинствомъ, и не было никакой надежды на то, чтобы при пересмотрѣ конституціи были проведены желанія юнкеровъ. Кромѣ того, вторая палата требовала признанія имперской конституціи и отмѣны осаднаго положенія, противозаконно объявленнаго въ Берлинѣ. Въ нѣмецкомъ вопросѣ правительство имѣло за собой лишь кучку юнкеровъ, между ко-

торыми выдѣлялся Бисмаркъ своими презрительными рѣчами о борьбѣ за нѣмецкое единство, о возмущеніи Шлезвигъ-Голштиніи противъ своего „законнаго государя“ и тому подобными „допотопными“, какъ выражались даже старопрусскіе патріоты, выходками.

Но и теперь, какъ во время ноябрьскаго кризиса, юнкеры, стремившіеся къ реакціонному государственному перевороту, показали, что они все-таки умѣютъ дѣйствовать, тогда какъ буржуазія умѣла только болтать безъ конца. 26 апрѣля франкфуртское національное собраніе сдѣлало свои удары по водѣ, а 27 апрѣля прусское правительство разогнало вторую палату, приказало благородному воинству стрѣлять въ безоружный народъ и открыто порвало съ Франкфуртомъ. Въ нотѣ отъ 28 апрѣля оно окончательно дало разводъ имперской конституціи и въ тотъ же день пригласило на конференцію въ Берлинъ тѣ правительства, которыя готовы вмѣстѣ съ нимъ устроить нѣмецкое единство. Оно прибавило, что имъ приняты необходимыя мѣры для оказанія правительствамъ, готовымъ откликнуться на это предложеніе, потребной помощи въ „опасныхъ кризисахъ“, если они того пожелаютъ. Прусское правительство предлагало себя нѣмецкимъ династіямъ въ палачи революціи, въ надеждѣ, что нѣмецкія династіи согласятся за это на его гегемонію. Трудно сказать, чего было въ этой политикѣ больше—близорукости или предательства; но несомнѣнно одно,—что она вполнѣ заслужила тѣ страшные удары, которыми ее наказали австрійская палка въ Ольмюцѣ и царскій кнутъ въ Варшавѣ.

Франкфуртское собраніе сдѣлало еще одну слабую попытку сопротивленія: 4 мая оно на основаніи имперской конституціи созвало новый рейхстагъ на 22 августа, а выборы въ палату представителей народа назначило на 15 іюля. Хотя рѣшеніе и на этотъ разъ было довольно призрачнаго характера, такъ какъ при противодѣйствіи правительствъ большихъ и почти всѣхъ среднихъ государствъ выборы могли состояться едва въ шестой части Германіи, тѣмъ не менѣе это мнимое отступленіе отъ „почвы права“ дало имперской партіи первый поводъ къ бѣгству, усиливавшемуся въ той же мѣрѣ, въ какой народное движеніе разгоралось. Возстанія въ Дрезденѣ, въ рейнской Пруссіи, въ Баденѣ и Пфальцѣ развѣяли компанію Гагерна и передали господство въ франкфуртскомъ собраніи въ руки лѣвой.

Къ сожалѣнію, и эта партія проявила теперь печальную не-

состоятельность. Вмѣсто того, чтобы низложить измѣнническаго блюстителя имперіи, она позволила ему морочить партію министерствомъ, составленнымъ изъ комическихъ персонажей собранія; вмѣсто того, чтобы организовать и концентрировать революціонныя возстанія, она тратила драгоцѣнное время на воззванія и резолюціи, высокопарныя фразы которыхъ находились въ обратномъ отношеніи къ силѣ, заключавшейся въ нихъ. Классическимъ типомъ этихъ мелкобуржуазныхъ демократовъ былъ Карлъ Фохтъ, который пріостановилъ въ Нюренбергѣ франконское возстаніе потому, что не былъ вполнѣ спокоенъ на счетъ своей личной безопасности. Но зато этотъ энтузіастъ имперіи разыгралъ изъ себя возмущеннаго патріота, когда Вильгельмъ Вольфъ, призванный въ Національное собраніе на мѣсто бѣжавшаго историка Штенцеля, сказалъ 26 мая собранію, что ему пора, наконецъ, перестать выпускать столь же безуспѣшныя, сколько многословныя воззванія къ народу; если оно желаетъ что-нибудь дѣлать, то должно объявить блюстителя имперіи внѣ закона, какъ перваго предателя народа, и противопоставить надвигающимся войскамъ династической реакціи хорошо организованныя штурмовыя колонны. Уже черезъ нѣсколько дней собранію пришлось бѣжать изъ Франкфурта предъ своимъ возлюбленнымъ блюстителемъ имперіи, но и теперь оно бросилось не въ лагерь баденскаго возстанія, а направилось въ Штуттгартъ, гдѣ на мѣсто блюстителя имперіи выбрало имперскими регентами Карла Фохта и четырехъ другихъ депутатовъ. Послѣ этой комедіи парламентъ имѣлъ еще все таки счастіе быть разогнаннымъ вюртембергскимъ правительствомъ и, такимъ образомъ, умереть до нѣкоторой степени приличной смертью.

Прусское правительство сумѣло лучше использовать май мѣсяцъ. Оно созвало значительную часть ландвера, подавило возстаніе въ Дрезденѣ, усилило строгость осаднаго положенія въ Берлинѣ, арестовало вождя парламентской оппозиціи Вальдека по тяжкому обвиненію въ государственной измѣнѣ и собрало массу войскъ въ западныхъ частяхъ государства, чтобы подавить волненія въ Рейнской провинціи и задушить революцію въ юго-западной Германіи. Его славная программа имѣла лишь одинъ большой изъянъ: насколько остальныя нѣмецкія правительства охотно принимали его услуги палача, настолько же они не склонны были влюбляться въ его прекрасные глаза. Съ большимъ трудомъ ему удалось привлечь Саксонію и Ганноверъ въ

такъ назыв. „союзъ трехъ королей“, длившійся ровно столько времени, сколько продолжалось стѣсненное положеніе этихъ обоихъ государствъ. Конституція новаго союза была подражаніемъ имперской конституціи, съ той разницей, однако, что всѣ исторически-прогрессивные элементы послѣдней подверглись здѣсь искаженію и что прусская гегемонія была въ общемъ нѣсколько ослаблена. Такимъ путемъ хотѣли сдѣлать блюдо вкуснымъ для династическаго партикуляризма. Правда, это не удалось, но зато удалось покушеніе на прусскій избирательный законъ, сдѣланное при помощи этой конституціи. Она по внѣшности сохранила всеобщее, хотя и непрямое избирательное право, но зато обломила ему всѣ его острые зубы, сдѣлавъ его неравнымъ и уничтоживши закрытую подачу голосовъ. Для этого призрачнаго союзнаго акта была изобрѣтена трехклассная система открытыхъ выборовъ и затѣмъ тотчасъ же дарована прусскому государству, чтобы дать доказательство прусской преданности союзу и чтобы не лишать народъ благъ гласности въ сферѣ выборовъ, какъ выразилось съ цинической насмѣшкой въ оффиціальномъ докладѣ королю министерство Бранденбургъ-Мантейфель.

Благородные рыцари государственнаго переворота накопили уже достаточно опыта, чтобы знать, что они могутъ позволить себѣ все по отношенію къ буржуазіи. Несмотря на свою торжественную клятву стоять за имперскую конституцію, великіе мужи императорской партіи съ благороднымъ Гагерномъ во главѣ собрались въ концѣ іюня въ Готѣ, чтобы торжественно отречься отъ той самой конституціи, которую они тремя мѣсяцами раньше столь же торжественно провозгласили. Зато они объявили себя удовлетворенными тѣмъ сортомъ нѣмецкаго единства и нѣмецкой свободы, съ трехкласснымъ избирательнымъ правомъ включительно, какой готовъ даровать прусскій государственный переворотъ. Благородные съ головы до пятъ, господа готцы—имя, подъ которымъ они стали извѣстны съ тѣхъ поръ, какъ классическій образецъ политической безпринципности, — говорили, что не принимать единства и свободы изъ рукъ государей въ такой же мѣрѣ неразумно, какъ неразумно было со стороны короля прусскаго отказываться отъ принятія короны изъ рукъ народа.

Демократическое крыло буржуазіи не пало такъ низко, какъ ея конституціонно-либеральное крыло, но прусскіе депутаты, вотировавшіе въ свое время отказъ отъ уплаты налоговъ, теперь так-

же удовольствовались тѣмъ, что, собравшись въ серединѣ іюня въ Кетенѣ подъ предсѣдательствомъ Унру, постановили отказаться послѣ октроированія трехклассной системы выборовъ отъ какой бы то ни было борьбы. Правда, наиболѣе энергичные элементы мелкой буржуазіи, напр., Шульце-Деличъ и недавно основанная берлинская газета „*Urwähler-Zeitung*", протестовали противъ такого рѣшенія. Хотя мелко-буржуазные избиратели значительно больше пострадали отъ трехклассной системы выборовъ, чѣмъ крупно-буржуазные, однако они инстинктивно чувствовали, что рѣшеніе абсолютно ничего не дѣлать—принято ли оно подъ вліяніемъ оскорбленнаго правосознанія, или другихъ возвышеннѣйшихъ мотивовъ—представляетъ собою самое обоюдуострое рѣшеніе, какое только можетъ принять политическая партія. Но имъ не удалось провести своего мнѣнія; даже такой человѣкъ, какъ Родбертусъ, сталъ на сторону Унру, въ ребяческой надеждѣ, что когда опасные люди, вотировавшіе отказъ отъ уплаты налоговъ, сойдутъ со сцены, то буржуазія окажетъ самодержавно-феодальной реакціи болѣе энергичное сопротивленіе.

Единственнымъ свѣтлымъ лучомъ въ печальной агоніи нѣмецкой революціи были возстанія въ защиту имперской конституціи. Они не могли имѣть успѣха, отчасти потому, что франкфуртское собраніе оказалось не на высотѣ своей задачи, отчасти также вслѣдствіе полной перемѣны въ европейскомъ положеніи, обусловленой пораженіемъ соціалистическо-демократической партіи во Франціи и вторженіемъ русскихъ въ побѣдоносную Венгрію. Кромѣ того, они далеко не были свободны отъ печальныхъ слабостей, недомыслія и предательства, которыя вообще погубили нѣмецкую революцію. Но они были единственными серьезными попытками спасти еще революцію; въ особенности же, поскольку въ нихъ принималъ участіе пролетаріатъ, они представляютъ собою почетные эпизоды въ его исторіи.

---

2. Кампанія за имперскую конституцію.

Первое возстаніе вспыхнуло въ Дрезденѣ. Саксонскій король поддался шедшему изъ Берлина внушенію ни въ коемъ случаѣ не соглашаться на имперскую конституцію и упорно стоялъ на своемъ, несмотря на всю агитацію среди бюргерства, которое умоляло его уступить, указывая на господствующее во всей странѣ возбужденіе. 3 мая демонстрація гражданскаго ополченія и

попытка пролетаріата добыть себѣ оружіе изъ цейхгауза повели къ кровавому столкновенію съ войскомъ. Король бѣжалъ въ Кенигштейнъ. Однако и гражданское ополченіе благоразумно отступило, когда потекла кровь, и временное правительство, составившееся 4 мая, могло лишь очень условно считаться революціоннымъ правительствомъ. Три члена его были взяты изъ трехъ жалкихъ фракцій, на которыя распадалась буржуазная оппозиція саксонскаго ландтага, и они рѣзко расходились въ своихъ взглядахъ. Тодтъ былъ либеральничающимъ бюрократомъ до-мартовской эпохи, Гейбнеръ принадлежалъ къ лѣвой франкфуртскаго собранія и близко принималъ къ сердцу вопросъ объ имперской конституціи, и только одинъ Чирнеръ былъ вполнѣ преданъ дѣлу революціи. Къ сожалѣнію, и онъ сдѣлалъ ошибку, назначивъ главнокомандующимъ подполковника Гейнце, состоявшаго раньше на греческой службѣ, человѣка совершенно неспособнаго, если не измѣнника.

Что на первыхъ порахъ спасло возстаніе, это—приливъ промышленныхъ и сельскихъ рабочихъ изъ окрестностей. Они образовали ядро баррикадныхъ борцовъ и получили двухъ рѣшительныхъ и способныхъ руководителей въ лицѣ Бакунина и Борна. Бакунинъ черезъ голову безпомощнаго временнаго правительства взялъ въ свои руки дѣла, а Борнъ сумѣлъ исправить ошибки главнокомандующаго. Борнъ командовалъ на Дворцовой улицѣ на самой важной баррикадѣ, которую сдѣлалъ неприступной, приказавъ своевременно пробить внутреннія стѣны домовъ, тянувшихся между дворцомъ и ратушей. Когда Гейнце 7 мая сдался правительственнымъ войскамъ, то Борнъ фактически получилъ высшее командованіе, которое сумѣлъ вести столь же искусно, сколько хладнокровно.

Если бѣгство дрезденскаго гражданскаго ополченія было до извѣстной степени возмѣщено приливомъ рабочихъ извнѣ, то дальнѣйшіе шансы возстанія зависѣли отъ того, поднимется ли провинція, чтобы освободить столицу отъ осады. Но этого не случилось, главнымъ образомъ изъ-за лейпцигской буржуазіи, отказавшейся поддержать возстаніе. Въ большомъ торговомъ городѣ рѣшающее слово принадлежитъ торговому капиталу, а этотъ капиталъ не пускается на такія безнадежныя и рискованныя дѣла, какимъ было дрезденское возстаніе. Поведеніе Лейпцига опредѣлило поведеніе другихъ городовъ, такъ какъ Лейпцигъ въ гораздо большей степени составлялъ экономическій центръ маленькаго

королевства, чѣмъ Дрезденъ. Одинъ приливъ изъ сельскихъ мѣстностей не могъ поддержать возстанія; его едва хватало на то, чтобы замѣщать баррикадныхъ борцовъ, выбывавшихъ изъ строя вслѣдствіе сверхчеловѣческаго напряженія силъ. Число ихъ не превышало 3.000 человѣкъ, располагавшихъ самымъ пестрымъ вооруженіемъ и всего какой-нибудь парой небольшихъ пушекъ, тогда какъ министерство призвало на помощь прусскіе полки и въ концѣ возстанія имѣло въ своемъ распоряженіи свыше 15.000 человѣкъ всѣхъ родовъ оружія. Лучшія ружья возставшихъ далеко уступали по дальности боя ружьямъ солдатъ, а ихъ 4-фунтовыя пушки годились въ сущности для того, чтобы производить шумъ, тогда какъ баррикады осыпались настоящимъ дождемъ картечи.

Тѣмъ болѣе достойно удивленія то упорство, съ которымъ возстаніе держалось въ теченіе четырехъ дней, съ утра 5-го мая до утра 9-го. Оно могло бы продержаться еще одинъ день, но съ опасностью, что городъ будетъ въ такомъ случаѣ совершенно окруженъ и возставшимъ будетъ отрѣзана возможность отступить въ порядкѣ. Такъ какъ всякая надежда на снятіе осады исчезла, то Борнъ, по его собственному разсказу, счелъ болѣе разумнымъ вырвать изъ когтей абсолютизма нѣсколько тысячъ храбрѣйшихъ борцовъ за свободу, чѣмъ обречь ихъ на безплодную бойню. Утромъ 9 мая три удара съ Крестовой башни дали сигналъ ко всеобщему отступленію къ Фрейбергу. Борнъ вѣрно сообразилъ, что въ Саксоніи дѣло проиграно, и требовалъ отступленія въ горы, откуда возставшіе могли бы спастись для возстанія въ юго-западной части Германіи. Вопреки его протесту Бакунинъ и Гейбнеръ предприняли безнадежный походъ въ Хемницъ, который обоихъ выдалъ въ руки правительства. Самъ Борнъ съ большимъ трудомъ спасся отъ саксонской конной гвардіи и черезъ Богемію направился въ Пфальцъ, гдѣ тяжелая болѣзнь вынудила его лечь въ одну страсбургскую больницу. Другіе участники саксонскаго возстанія приняли дѣятельное участіе въ баденско-пфальцскомъ возстаніи; они отличались трудолюбіемъ въ кабинетахъ и храбростью на полѣ сраженія.

Если военные лавры въ дрезденской борьбѣ достались на долю побѣжденныхъ, то побѣдители вознаградили себя безчеловѣчной жестокостью. Саксонское правительство, во главѣ котораго стоялъ ничтожный дипломатъ фонъ Бейстъ, издало двусмысленный или, вѣрнѣе, недвусмысленный приказъ, что оно не желаетъ обременять себя слишкомъ большимъ числомъ плѣнныхъ, а поскольку

саксонскіе солдаты оказались не совсѣмъ понятливыми, ихъ вывели изъ затрудненія прусскіе спасатели отечества, которые сваливали прикладами или кидали въ Эльбу безоружныхъ плѣнныхъ. Графъ Вальдерзее, начальникъ прусскихъ экзекуціонныхъ командъ, самъ признаетъ этотъ фактъ и старается лишь скрасить его, увѣряя, что саксонскіе прозелиты вели себя еще хуже своихъ прусскихъ учителей. Затѣмъ дрезденскіе мѣщане, откармливавшіе солдатъ жареной телятиной во время борьбы, были по заслугамъ наказаны и вынуждены были молча смотрѣть, какъ эти самые питомцы грабили ихъ; только впослѣдствіи лейпцигская буржуазная печать заднимъ числомъ подняла страшный шумъ по этому поводу. Менѣе двусмысленнымъ выраженіемъ нравственнаго возмущенія и мѣткой характеристикой происшедшаго были слова Руге, который, подъ страшнымъ впечатлѣніемъ злодѣяній, совершенныхъ въ Дрезденѣ спасателями отечества, сказалъ, что контръ-революція снова будитъ звѣря въ человѣкѣ, послѣ того какъ революція пробудила человѣка въ звѣрѣ.

По отношенію къ плѣннымъ, оставшимся въ живыхъ, обязанность палача выполнила безчестная юстиція. Дипломатическія ничтожества мелкихъ государствъ искони не были чужды черточекъ жестокаго мексиканскаго бога Вицлипуцли, и могилы на кладбищѣ Вальдгеймской каторжной тюрьмы будутъ повѣствовать о Бейстѣ еще тогда, когда его дипломатическія интриги давно будутъ позабыты. Грязная пища, изнурительная каторжная работа, превращеніе человѣка въ номеръ въ арестантской курткѣ, запрещеніе, подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія, произнести слово, предложить щепотку нюхательнаго табаку, — такова была месть спасенной власти „Божіей милостью“ по отношенію къ храбрымъ майскимъ борцамъ. Многіе были медленно замучены такимъ путемъ, другіе, напр. Гейбнеръ, вынесли 10 лѣтъ этого страшнаго наказанія и даже 11, какъ, напр., капельмейстеръ Августъ Рёккель, участвовавшій въ возстаніи подобно другимъ выдающимся художникамъ—своему коллегѣ Рихарду Вагнеру и архитектору Готфриду Земперу. Бакунинъ былъ препровожденъ изъ саксонской тюрьмы въ австрійскую, а отсюда въ русскую для отсылки въ ледяныя пустыни Сибири.

Въ Силезіи происходило такое же броженіе, какъ и въ Саксоніи, но въ этомъ опасномъ пунктѣ прусское правительство давно уже было насторожѣ. Первая же попытка построить баррикады въ Бреславлѣ была тотчасъ подавлена введеніемъ осаднаго поло-

женія, а сельскіе округа попрежнему держали въ уздѣ летучія колонны. Еще большія мѣры предосторожности правительство приняло въ западныхъ провинціяхъ, а изолированное возстаніе въ рейнскихъ областяхъ заранѣе было обречено на неудачу. Тѣмъ не менѣе дѣло дошло здѣсь до единичныхъ кровавыхъ столкновеній.

Буржуазія даже первая начала непріятельскія дѣйствія. Значительное число прирейнскихъ городскихъ гласныхъ собралось 8 мая въ Кельнъ и высказалось въ пользу франкфуртскаго собранія въ его распрѣ съ прусскимъ правительствомъ. Они обратились ко „всему народу Рейнской области" съ призывомъ твердо стоять за имперскую конституцію, потребовали отъ франкфуртскаго собранія „болѣе энергичныхъ мѣръ" для сообщенія необходимаго единства и твердости сопротивленію народа противъ хорошо организованной контръ-революціи, объявили призваніе ландвера на службу излишней мѣрой, въ высокой мѣрѣ опасной для внутренняго мира, выразили министерству Бранденбургъ-Мантейфель свое рѣшительное недовѣріе и въ заключеніе пригрозили открыто, что если ихъ воля не будетъ исполнена, то „самое существованіе Пруссіи въ современномъ ея составѣ окажется въ опасности". Если бы эти слова были такъ же серьезны, какъ они были величественны, то изъ рейнскаго возстанія, несмотря на численное превосходство правительственныхъ военныхъ силъ, могло бы, пожалуй, что-нибудь выйти; но руководители собранія вели ту же политику, какую полугодомъ раньше вели берлинцы, голосовавшіе за отказъ отъ уплаты налоговъ: они не прочь были втянуть мелкую буржуазію и пролетаріатъ въ огонь, но лишь постольку, поскольку это было возможно безъ опасности для ихъ собственной шкуры, которую они дѣйствительно сумѣли прекрасно сберечь.

Первыми воспротивились призыву на службу ратники ландвера въ промышленномъ округѣ Бергишъ-Маркъ. Центрами этого сопротивленія были Эльберфельдъ и Изерлонъ, и попытка правительства подавить его военной силой кончилась сначала неудачно. Изъ Эльберфельда войска — батальонъ пѣхоты и эскадронъ уланъ съ двумя орудіями — были прогнаны съ разбитыми физіономіями, а батальонъ, посланный противъ Изерлона, вообще не отважился напасть на забаррикадированный городъ. Получивъ извѣстіе объ отступленіи войскъ изъ Эльберфельда, рабочіе Дюссельдорфа тоже возстали, но, будучи совершенно безоружны или очень плохо во-

оруженные, они были послѣ упорной борьбы на баррикадахъ разбиты сильнымъ гарнизономъ. Счастливѣе были золингенскіе рабочіе, которые взяли приступомъ грефратскій арсеналъ и запаслись изъ него оружіемъ. Въ Эльберфельдѣ, Изерлонѣ, Золингенѣ и Гагенѣ окружныя и мѣстныя власти были смѣщены, и на ихъ мѣсто поставлены комитеты общественной безопасности.

Судьба этого возстанія зависѣла отъ того, сумѣетъ ли лѣвый берегъ Рейна придти на помощь правому, а это было невозможно вслѣдствіе подавляющаго превосходства правительственныхъ военныхъ силъ. Всякая попытка возстанія въ Кельнѣ, Кобленцѣ, Ахенѣ, Трирѣ должна была, какъ и въ Дюссельдорфѣ, кончиться побѣдой правительства и уничтожить послѣдніе шансы бергишъ-маркскаго возстанія. На лѣвой сторонѣ Рейна революціонное движеніе возможно было лишь въ небольшихъ городахъ и въ сельскихъ мѣстностяхъ. И здѣсь дѣйствительно не было недостатка въ революціонныхъ попыткахъ: въ Нейсѣ и Кемпенѣ вспыхнули волненія, прюнскій цейхгаузъ былъ взятъ приступомъ подъ начальствомъ Имандта и Шили, а Кинкель и боннскіе демократы попытались завладѣть цейхгаузомъ въ Зигбургѣ. Но такихъ разрозненныхъ вспышекъ, конечно, недостаточно было для того, чтобы поддержать промышленный округъ Бергишъ-Маркъ. На этой настоящей аренѣ рейнско-прусскаго возстанія все было погублено, во-первыхъ, измѣной буржуазіи, которая послѣ перваго же выстрѣла либо бѣжала, либо трепетала въ дикомъ страхѣ за свою священную собственность, и, во-вторыхъ, недомысліемъ мѣщанскихъ слоевъ, которые предпочли броситься въ объятія предательской буржуазіи, чѣмъ двигаться впередъ подъ давленіемъ пролетарской революціи. Трусливые мелкіе бюргеры эльберфельдскаго комитета общественной безопасности, не переставали лакействовать предъ буржуазіей и выпроводили, наоборотъ, Энгельса, поспѣшившаго пріѣхать изъ Кельна, чтобы организовать вооруженное сопротивленіе; воздавая дань уваженія его дѣятельности, они въ то же время слезно молили его покинуть городъ, такъ какъ буржуазія въ высшей степени встревожена его присутствіемъ и все боится, что онъ можетъ провозгласить красную республику. Энгельсъ, заявившій съ самаго начала, что онъ не намѣренъ вмѣшиваться въ политическую сторону движенія, возразилъ, что навязываться онъ не желаетъ, но не можетъ все-таки покинуть однажды взятый на себя постъ безъ прямого приказа комитета общественной безопасности и командующаго; этотъ приказъ былъ ему немедленно

данъ комитетомъ, а затѣмъ и командующимъ послѣ настойчивыхъ просьбъ со стороны перепуганныхъ буржуа.

Храбрость прусскихъ генераловъ отнюдь не уступала, впрочемъ, храбрости этихъ господъ. Чтобы одолѣть четыре незащищенныхъ города, эти осторожные полководцы сформировали настоящую армію въ 20.000 человѣкъ и расположили ее по всѣмъ правиламъ искусства на стратегической позиціи за рѣкой Руръ. Между тѣмъ вооруженные революціонеры Эльберфельда, убѣдившись, что буржуазный классъ только и ждетъ удобнаго момента, чтобы предать ихъ контръ-революціи, пробились въ мятежный Пфальцъ, преслѣдуемые по пятамъ прусскими уланами и натравленными на нихъ крестьянами. Буржуазія свободно вздохнула и, приказавъ немедленно снести баррикады, построила вмѣсто нихъ тріумфальныя арки для приближавшихся войскъ. Такимъ же образомъ буржуазія выдала войскамъ Гагенъ и Золингенъ, и только Изерлонъ пришлось взять послѣ двухчасовой борьбы.

Теперь, наконецъ, правительство набралось духу, чтобы нанести рѣшительный ударъ „*Новой Рейнской Газетѣ*". Газета насчитывала 6.000 подписчиковъ, больше, чѣмъ она имѣла до закрытія въ сентябрѣ; она стала революціонной силой, и чѣмъ больше приближался рѣшительный моментъ, тѣмъ чаще падали ея удары на контръ-революцію. „*Крестовая Газета*" выдала ей тогда почетный дипломъ, что передъ ея изумительной дерзостью блѣднѣетъ даже „*Moniteur*" 1793 г. На такую же смѣлость не могли рѣшиться герои государственнаго переворота; они прибѣгли къ полицейской уловкѣ и выслали Маркса изъ Пруссіи, яко бы какъ иностранца. Остальныхъ сотрудниковъ также ожидала, по заявленію полиціи, высылка и, въ случаѣ ея невозможности, арестъ; противъ нихъ было возбуждено десятка два процессовъ. Такимъ образомъ „*Новая Рейнская Газета*" вынуждена была прекратить свое существованіе 19 мая 1849 года.

Въ своемъ прощальномъ номерѣ, напечатанномъ красными буквами, она предостерегала кельнскихъ рабочихъ противъ всякой революціонной вспышки въ Кельнѣ. „При настоящемъ военномъ положеніи Кельна вы безнадежно погибли бы. Вы видѣли въ Эльберфельдѣ, какъ буржуазія посылаетъ рабочихъ въ огонь, чтобы затѣмъ самымъ низкимъ образомъ предать ихъ. Осадное положеніе въ Кельнѣ деморализовало бы всю Рейнскую провинцію, а всякое возстаніе съ вашей стороны въ настоящій моментъ непремѣнно повлекло бы за собой введеніе осаднаго положенія.

Пруссаки придутъ въ отчаяніе отъ вашего спокойствія. Сотрудники „*Новой Рейнской Газеты*“ на прощаніе благодарятъ васъ за проявленное къ нимъ участіе. Ихъ послѣднимъ словомъ всегда и вездѣ будетъ: освобожденіе рабочаго класса!“ Что касается Маркса, то онъ заклеймилъ насильственную мѣру, принятую по отношенію къ нему, убійственными словами: „Къ чему ваши лицемѣрныя фразы, ищущія небывалаго предлога? Мы безпощадны и не требуемъ также никакой пощады отъ васъ. Когда чередъ дойдетъ до насъ, мы не будемъ прикрашивать терроризма. Но роялистскіе террористы, террористы Божіей милостью и милостью закона, — они на практикѣ грубы, презрѣнны, низки, въ теоріи — закоснѣлы, трусливы, двуязычны, въ обоихъ отношеніяхъ безчестны. Прусская правительственная дрянь достаточно тупоумна, чтобы говорить о какомъ-то „правѣ гостепріимства, постыдно нарушенномъ“ Карломъ Марксомъ. То право гостепріимства, которое наглые пришельцы, передне-руссы (боруссы), даровали намъ, рейнскимъ уроженцамъ, на нашей собственной землѣ, было, конечно, „постыдно“ нарушено *Новой Рейнской Газетой*, но мы полагаемъ, что заслужили этимъ благодарность Рейнской провинціи. Мы спасли революціонную честь нашей родной земли“. Наконецъ, Фрейлигратъ пропѣлъ предательски убитой защитницѣ пролетаріата незабвенную прощальную пѣснь:

Kein offner Hieb in offner Schlacht—
Es fällen die Nücken und Tücken,
Es fällt mich die schleichende Ni
Der schmutzigen Westkalmücken!
Aus dem Dunkel flog der tötende Schaft,
Aus dem Hinterhalt fielen die Streiche—
Und so lieg' ich nun da in meiner Kraft,
Eine stolze Rebellenleiche! *)

Изъ сотрудниковъ „*Новой Рейнской Газеты*“ Марксъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ тогда еще предстояло рѣшеніе революціоннаго кризиса, выпавшее 13-го іюня не въ пользу соціалистическо-демократической партіи. Вольфъ отправился въ франкфуртское собраніе, которое тщетно старался подвинуть на энергичныя дѣйствія. Энгельсъ взялъ въ руки оружіе и принялъ участіе въ баденско-

*) Не открытый ударъ въ открытомъ бою — коварство и хитрость сразили меня, сразила ползучая низость грязныхъ калмыковъ Запада! Смертоносная стрѣла полетѣла изъ тьмы, удары нанесены изъ засады, — и вотъ я лежу въ расцвѣтѣ силъ, гордый трупъ повстанца!

пфальцскомъ возстаніи въ качествѣ адъютанта Виллиха, въ волонтерскій отрядъ котораго вступили революціонные борцы, пробившіеся изъ возставшихъ мѣстностей рейнской Пруссіи.

Баденско-пфальцское возстаніе отличалось отъ рейнскихъ и саксонскихъ возстаній тѣмъ, что здѣсь мелкое бюргерство было въ своемъ кругу. Участь сѣверо-германской революціи была фактически рѣшена уже во время прусскаго ноябрьскаго кризиса. Послѣ того какъ прусская буржуазія подставила голову подъ ярмо контръреволюціи, а сѣверо-германское мелкое бюргерство приняло участіе въ этой самоубійственной политикѣ, побѣдоносная революція стала до поры до времени невозможной въ сферѣ прусскаго вліянія. Ходъ возстанія въ Дрезденѣ и въ промышленномъ округѣ Бергишъ-Маркъ долженъ былъ разсѣять всякое сомнѣніе на этотъ счетъ. Иначе обстояло дѣло въ южной и, въ особенности, въ юго-западной Германіи, гдѣ антагонизмъ между буржуазіей и пролетаріатомъ находился въ слабомъ, зачаточномъ состояніи.

Въ Баденѣ почти все населеніе было единодушно въ своей ненависти къ вѣроломному и двоедушному правительству. Оно не успокоилось даже тогда, когда великій герцогъ согласился признать имперскую конституцію. Оскорбляемое офицерами изъ дворянъ, войско стало во главѣ революціоннаго движенія и помогло ему побѣдить. Не совсѣмъ такъ единодушенъ былъ сосѣдній рейнскій Пфальцъ, гдѣ имѣлись отдѣльные реакціонные округа. Но и онъ сбросилъ съ себя баварское иго, и здѣсь часть арміи перешла къ народу. За исключеніемъ старо-баварскихъ войскъ, броженіе захватило всѣ южно-германскія арміи, и населеніе Вюртемберга, Гессена, Нассау, Франконіи ждало лишь общаго сигнала къ возстанію. Если бы баденское войско двинулось къ Франкфурту и подчинило германское національное собраніе своему терроризирующему вліянію, то вся юго-западная Германія превратилась бы въ военный лагерь революціи, и тогда, пожалуй, отнюдь не была бы исключена возможность крупнаго успѣха даже въ прирейнскихъ земляхъ.

Всѣ эти шансы и возможности уничтожилъ мелко-буржуазный „земскій комитетъ“ (Landesausschuss), засѣдавшій въ Карлсруэ въ качествѣ революціоннаго правительства, и въ особенности адвокатъ Брентано, членъ франкфуртской лѣвой, игравшій руководящую роль въ этомъ комитетѣ. Онъ упорно противился всякимъ мѣрамъ, которыя могли бы вовлечь это маленькое государство въ борьбу, выходившую далеко за предѣлы его мелко-буржуазнаго

горизонта. Господа Брентано въ Карлсруэ такъ же отказывались идти на Франкфуртъ, какъ господа Фохты во Франкфуртѣ отказывались взять на себя руководство возстаніемъ юго-запада Германіи. Брентано не прочь былъ, чтобы революціонное движеніе сдѣлало его министромъ великаго герцога, но даже сѣсть на стулѣ своего бѣжавшаго государя было ему уже не по душѣ. Все, что онъ дѣлалъ, совершалось съ тайной мыслью, какъ бы ему оправдать это по возвращеніи своего законнаго государя, и такимъ образомъ онъ дѣлалъ все, что было въ его почти неограниченной власти, чтобы въ корнѣ подорвать баденско-пфальцскую революцію. Попытка болѣе энергичныхъ элементовъ принудить Брентано къ революціонной политикѣ разбилась о почти безграничную его популярность. Правда, эта популярность перешла въ столь же большое презрѣніе, когда Брентано бѣжалъ передъ наступавшими пруссаками и оставилъ баденскую мелкую буржуазію въ рукахъ мстительныхъ враговъ. Но одно чувство было столь же неосновательно или, въ зависимости отъ точки зрѣнія, столь же основательно, какъ и другое: то самое мелкобуржуазное хитроуміе, которое сдѣлало Брентано любимцемъ баденскихъ мѣщанъ, предало также баденскую революцію.

Какъ только рѣшено было, что эта революція должна остаться исключительно мѣстнымъ возстаніемъ, она потеряла бóльшую часть своего значенія. Но и въ этихъ предѣлахъ Брентано ничего не сдѣлалъ, чтобы спасти ее. Уполномоченныхъ Пфальца, умолявшихъ его о деньгахъ, пушкахъ и ружьяхъ, онъ водилъ пустыми разговорами. Онъ не осмѣлился даже уничтожить феодальныя повинности, подъ бременемъ которыхъ еще стонали баденскіе крестьяне. Точно также онъ ничего не сдѣлалъ для организаціи военныхъ силъ, на которую имѣлъ достаточно времени, отъ середины мая до середины іюня. Кромѣ 21.000 человѣкъ линейныхъ войскъ, перешедшихъ въ Баденѣ и Пфальцѣ на сторону революціи, возстаніе могло еще имѣть въ своемъ распоряженіи отъ 8 до 10 тысячъ человѣкъ народнаго ополченія и отъ 13 до 15 тысячъ гражданскаго ополченія. Эти довольно внушительныя силы проводили праздно время, шатаясь по трактирамъ. Поручикъ Зигель, первоначальный главнокомандующій баденской арміи, проявилъ много рвенія и мужества, но, благодаря своей крайней молодости, не пріобрѣлъ необходимаго авторитета. Другіе же офицеры, которымъ было ввѣрено военное министерство, отчасти ничего не дѣлали, отчасти были даже ненадежны.

Лишь крайняя нужда заставила Брентано передать высшее начальство надъ баденско-пфальцской арміей поляку Мѣрославскому, который съ большимъ рвеніемъ и очень умѣло принялся за свою задачу, но не могъ уже наверстать того, что было непоправимо упущено. Въ своемъ дневномъ приказѣ отъ 13-го іюня онъ опредѣлилъ численность рейнской и неккарской арміи Бадена въ 20.000 человѣкъ, изъ которыхъ лишь двѣ трети могли быть пущены въ дѣло и не болѣе половины въ состояніи были дать правильное сраженіе. Сюда надо было прибавить боевую силу Пфальца, которая въ цвѣтущую пору свою насчитывала отъ 5 — 6 тысячъ ружей и отъ 1.000 до 1.500 косъ. Она состояла изъ пестрой смѣси линейныхъ войскъ и народнаго ополченія и была почти совершенно не дисциплинирована. Готовымъ къ бою былъ почти одинъ лишь отрядъ Виллиха, насчитывавшій отъ 700 до 800 человѣкъ, и волонтерскій рейнско-гессенскій полкъ изъ прекрасныхъ солдатъ, военачальниками которыхъ были, къ сожалѣнію, Цитцъ и Людвигъ Бамбергеръ, столь же опытные въ бѣгствѣ, сколько неопытные въ бояхъ.

Вообще военное и политическое лидерство, даже помимо Брентано и его комитета, оставляло желать очень многаго. Большинство польскихъ офицеровъ, предоставившихъ свои услуги возстанію, мало куда годилось, такъ какъ лучшія силы польской эмиграціи находились на венгерскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Генералъ Шнайде, который долженъ былъ командовать пфальцскимъ войскомъ, оказался неспособнымъ гулякой. Но у него былъ прекрасный начальникъ штаба въ лицѣ Техова, который за участіе въ штурмѣ берлинскаго цейхгауза былъ присужденъ къ 15-лѣтнему заключенію въ крѣпости и счастливо бѣжалъ изъ казематовъ Магдебурга. Рядомъ съ Теховымъ выдѣлился, какъ ловкій и смѣлый партизанъ, бывшій прусскій поручикъ Виллихъ. Другіе офицеры только болѣе или менѣе оправдывали свое назначеніе, а часто и совсѣмъ не оправдывали его; больше ихъ всѣхъ отличился Іоганнъ-Фридрихъ Беккеръ, которому Мѣрославскій ввѣрилъ командованіе баденскимъ народнымъ ополченіемъ. Со времени Гамбаха Беккеръ становился все болѣе и болѣе революціоннымъ и научился своему организаторскому искусству, стратегіи и тактикѣ въ ганебюхенской школѣ швейцарской милиціи.

Въ гражданскомъ управленіи развилась грандіозная погоня за мѣстами, величественно драпировавшаяся въ мантію „концентраціи всѣхъ демократическихъ силъ Германіи“. Подобно Брентано

Поправка.

На страницѣ 174, строкѣ 4 снизу, по грубому недосмотру напечатано: *ганебюхенской*, слѣдуетъ читать: *основательной*.

и Цитцу, Арнольдъ Руге осрамилъ франкфуртскую лѣвую, настойчиво, хотя и тщетно добиваясь мѣстечка баденскаго посланника въ Парижѣ. Нѣкоторые другіе парламентаріи показали, впрочемъ, что имъ надоѣла вѣчная болтовня и что они способны на нѣчто лучшее. Въ Пфальцѣ д'Эстеръ являлся душой всего, что было сдѣлано по части практической организаціи; въ Мангеймѣ дѣйствовалъ, въ качествѣ гражданскаго коммиссара, Трюцшлеръ; въ баденской арміи подвизался старый Шлёффель, въ качествѣ дѣятельнаго военнаго коммиссара, а въ ея рядахъ сражался его молодой сынъ. Къ сожалѣнію, дѣльнымъ „иностранцамъ" и „сѣверо-германцамъ" приходилось много терпѣть отъ ревниваго захолустнаго патріотизма баденцевъ и жителей Пфальца.

Противъ этого-то внутренне дезорганизованнаго возстанія надвигались громадныя военныя силы подъ главнымъ начальствомъ принца Прусскаго. Путемъ быстраго наступленія имъ очень легко было бы раздавить баденско-пфальцскую революцію, но контръреволюція предпочла вести игру осторожно, и у нея были для этого достаточныя основанія въ ненадежномъ настроеніи южногерманскихъ войскъ и рейнскихъ ландверовъ. Оба прусскихъ корпуса Грёбена и Гиршфельда, союзный корпусъ Пейкера, составленный изъ контингентовъ мелкихъ и среднихъ государствъ, баварскій резервный корпусъ Турна-и-Таксиса, не считая двухъ обсерваціонныхъ корпусовъ, выставленныхъ Вюртембергомъ въ Гейльброннѣ и Австріей въ Форарльбергѣ, охватили кольцомъ очагъ возстанія на юго-западѣ Германіи. Уже три корпуса Грёбена, Гиршфельда и Пейкера со своими 60.000 хорошо обученныхъ и отлично вооруженныхъ солдатъ представляли подавляющую силу по сравненію съ двумя десятками тысячъ недостаточно вооруженныхъ и плохо обученныхъ повстанцевъ, которыми часто командовали также плохіе предводители. Нѣсколько случаевъ траги-комической паники во время боя показали, что повстанческимъ войскамъ недоставало военной дисциплины, но рядомъ съ этимъ послѣднія доказали примѣрами безподобнаго героизма, что они все-таки были проникнуты революціоннымъ духомъ. Коммунисты и пролетаріи, сражавшіеся въ ихъ рядахъ, всегда оказывались самыми храбрыми солдатами. Въ рѣшительной стычкѣ при Ваггейзелѣ, которую повстанцы съ честью проиграли, палъ во главѣ своего батальона молодой Шлёффель. Трудное отступленіе черезъ горы отъ Гейдельберга къ Карлсруэ и Раштатту Беккеръ прикрывалъ своими необученными ополченцами такъ умѣло и

успѣшно, что даже прусская военная пресса отдала дань уваженія этому дѣлу. Подъ стѣнами Раштатта собралось еще 13.000 человѣкъ, послѣдніе остатки баденской и пфальцской арміи, и въ двухдневномъ сраженіи на р. Мургъ они держались такъ храбро, что въ шесть разъ болѣе сильный непріятель могъ сдвинуть ихъ лишь посредствомъ обхода черезъ нейтральную вюртембергскую область. Въ этомъ сраженіи выстрѣломъ въ голову былъ убитъ Молль. Изъ Лондона, куда онъ бѣжалъ послѣ сентябрьскихъ безпорядковъ въ Кельнѣ, Молль вернулся въ Германію еще зимою, чтобы снова отдаться агитаціи среди пролетаріата. Какъ всегда, онъ и въ баденско-пфальцскомъ возстаніи проявилъ готовность брать на себя самыя опасныя порученія; до начала военныхъ дѣйствій онъ въ самой прусской арміи вербовалъ канонировъ для пфальцской артиллеріи. Послѣ потери мургской линіи остаткамъ революціонной арміи осталось лишь бѣжать въ Швейцарію.

Контръ-революція побѣдила, но лавровъ не пожала. Зато она насладилась своимъ исконнымъ занятіемъ—убійствомъ. Солдаты послѣ каждой стычки въ Баденѣ и Пфальцѣ такъ же разстрѣливали безоружныхъ плѣнныхъ, какъ и въ Дрезденѣ. Послѣ подавленія всего возстанія были устроены военные суды въ Мангеймѣ, Раштаттѣ и Фрейбургѣ. Не совсѣмъ понявъ свою варварскую задачу, они присуждали революціонныхъ борцовъ не къ смерти, а къ тяжкимъ каторжнымъ работамъ. Тогда изъ главной квартиры принца Прусскаго прибылъ приказъ устроить новые военные суды, которые дѣйствительно уже лучше сумѣли оцѣнить культурность прусской контръ-революціи. Они присудили къ смертной казни 28 революціонеровъ, въ томъ числѣ людей, совсѣмъ не участвовавшихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, напр. Трюцшлера и народнаго учителя Гёфера. Всѣ осужденные умерли какъ герои, блестяще проявивъ благородство человѣческой натуры, отъ котораго сумѣлъ такъ основательно отрѣшиться принцъ Прусскій во время своего бѣгства послѣ 18 марта. 68 другихъ борцовъ за свободу были приговорены каждый къ 10 годамъ каторги. Поэтъ Готфридъ Кинкель, служившій рядовымъ въ корпусѣ Виллиха, раненный рядомъ съ Моллемъ во время боевъ на Мургѣ и взятый затѣмъ въ плѣнъ, былъ „помилованъ" прусскимъ королемъ: пожизненное заключеніе въ крѣпости, къ которому присудилъ его военный судъ, было замѣнено пожизненной каторгой. Это была одна изъ тѣхъ благочестивыхъ шутокъ, къ которымъ вдохновляло романтическаго короля „воздыманіе очей горѣ". Неисчислимы

жертвы, тайно убитыя въ казематахъ Раштатта голодомъ, дурнымъ обращеніемъ и тифомъ, свирѣпствовавшимъ въ этихъ сырыхъ и душныхъ каменныхъ мѣшкахъ.

Въ памяти южно-германскаго населенія навсегда осталось съ тѣхъ поръ имя „картечнаго принца" („Kartätschen-Prinz"), какъ въ западной части Англіи сохранилось послѣ такъ наз. „кровавыхъ ассизовъ" имя Джефриса.

---

3. Нѣмецкая эмиграція.

Въ срединѣ 1849 года нѣмецкая революція кончилась, и бѣлый терроръ царствовалъ отъ Маннгейма до Мемеля. Онъ разстрѣливалъ свои жертвы посредствомъ военно-полевого суда, замучивалъ ихъ въ каменныхъ мѣшкахъ и каторжныхъ тюрьмахъ. Революціонная пропаганда въ предѣлахъ Германіи была возможна, какъ и до 1848 года, лишь въ формѣ тайной организаціи, а открыто она могла вестись не иначе, какъ изъ-за рубежа.

Поскольку она была возможна, ее отнюдь нельзя было считать совершенно безнадежной. Во Франціи рѣшительный жребій все еще не былъ брошенъ, и такимъ образомъ судьба европейской революціи все еще не была окончательно рѣшена. Понятно, что нѣмецкіе эмигранты, собравшіеся тысячами въ Англіи и особенно въ Швейцаріи, надѣялись на скорое пробужденіе революціи въ своемъ отечествѣ и усердно работали надъ этимъ. Безотрадное во всѣхъ отношеніяхъ положеніе, въ которомъ они находились, побуждало ихъ отчаянно напрягать свои усилія, но оно же должно было тѣмъ сильнѣе затуманивать ихъ политическое сознаніе, чѣмъ ниже падали шансы революціи. Сюда присоединялось еще то обстоятельство, что нѣмецкая эмиграція представляла собой чрезвычайно пеструю массу. Жестокія насилія контръ-революціи заставили удалиться за предѣлы Германіи даже самыхъ безобидныхъ мятежниковъ; въ нѣмецкой эмиграціи были представлены всевозможные оттѣнки оппозиціи, начиная отъ самыхъ робкихъ парламентаріевъ и кончая самыми рѣшительными коммунистами.

Всякая попытка сплотить эту массу для общихъ дѣйствій была заранѣе осуждена на неудачу, а если ее все-таки предпринимали, то она кончалась обыкновенно шумихой напыщенныхъ воззваній и малоназидательной взаимной грызней при первомъ активномъ шагѣ. Отъ классовой борьбы, опредѣлившей ходъ революціи, нельзя было въ рядахъ эмигрантовъ отдѣлаться фантазіями, ее

нужно было продѣлать на практикѣ и въ ихъ средѣ. Въ иллюзіяхъ, которыя эмиграціонное злополучіе безпрестанно создавало, съ тѣмъ чтобы безпрестанно же уничтожать ихъ, классовая борьба принимала довольно часто такую форму, которая должна была скорѣе радовать, чѣмъ озабочивать контръ-революцію, если бы только побѣдоносный абсолютизмъ и феодализмъ не видѣлъ „гигантской тѣни своихъ собственныхъ страховъ въ кривомъ зеркалѣ нечистой совѣсти".

Онъ продолжалъ преслѣдовать эмигрантовъ, и въ Швейцаріи это вполнѣ удалось ему. Швейцарское право убѣжища оказалось призрачнымъ именно въ тотъ моментъ, когда оно должно было доказать свою силу,—явленіе, которое и раньше и впослѣдствіи приходилось наблюдать въ освободительной борьбѣ 19-го вѣка. Швейцарія, по выраженію Маркса, находилась въ скверномъ положеніи маленькой страны съ великой исторіей. Ея политическіе ресурсы были недостаточны для осуществленія ея историческихъ претензій. Европейская реакція позволяла ей развиваться демократически во внутренней жизни лишь подъ условіемъ, чтобы она ставила свое право убѣжища подъ контроль той великой державы, которая окажется заинтересованной въ этомъ въ данный моментъ. Въ 1849 году указанныя отношенія выразились особенно ярко въ томъ, что радикалу Друэй, успѣвшему дослужиться до должности шефа федеральнаго департамента юстиціи и полиціи, пришлось исполнять для Священнаго союза роль полицейскаго служителя. Другъ Вейтлинга высылалъ изъ Швейцаріи рабочихъ-коммунистовъ. Ему пришлось выслушать отъ женевскихъ эмигрантовъ справедливыя слова: „Да скроется поэтому федеральный крестъ передъ турецкимъ полумѣсяцемъ, ибо тотъ показываетъ рога, а не покоряется, когда въ его двери стучится полицейскій сыщикъ, охотящійся за политическими эмигрантами". Друэй безпомощно извивался подъ схватившей его желѣзной рукой, оправдываясь тѣмъ, что въ политикѣ нѣтъ справедливости, и помогая изъ собственнаго кармана эмигрантамъ, которыхъ самъ же высылалъ.

Швейцарская травля политическихъ выходцевъ не становилась оттого менѣе возмутительной. Въ теченіе какого-нибудь года Швейцарія выжила почти всѣ 11.000 нѣмецкихъ эмигрантовъ, поселившихся на ея территоріи. Громадное большинство вынуждено было эмигрировать въ Америку, и именно этого хотѣли преслѣдовавшіе ихъ государи. По обыкновенію, къ жестокости при-

соединилась еще клевета. Швейцарскіе радикалы приписывали высланнымъ эмигрантамъ самыя сумасбродныя революціонныя идеи или объявляли ихъ шпіонами. Они нашли при этомъ усердныхъ помощниковъ въ лицѣ нѣмецкихъ парламентаріевъ покроя Карла Фохта, охотно покупавшихъ себѣ убѣжище злобнымъ поношеніемъ болѣе честныхъ и болѣе энергичныхъ товарищей своихъ по изгнанію.

Самымъ грубымъ образчикомъ этихъ интригъ была полицейская комедія, разыгранная въ февралѣ 1850 года съ такъ назыв. „революціоннымъ съѣздомъ въ Муртенѣ". Революціонеры-пролетаріи среди нѣмецкихъ эмигрантовъ основали нѣсколько рабочихъ ферейновъ и мѣстами возстановили обломки нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ временъ младо - нѣмецкой и коммунистической агитаціи. Существовало 24 такихъ рабочихъ ферейна въ Женевѣ, Лозаннѣ, Бернѣ, Цюрихѣ, Базелѣ, Винтертурѣ и другихъ мѣстахъ; число ихъ членовъ колебалось между 6 и 112. Мысль о необходимости ихъ вступленія въ болѣе тѣсную взаимную связь напрашивалась сама собою, и этотъ планъ особенно усердно проводился Вильгельмомъ Либкнехтомъ, стоявшимъ во главѣ женевскаго рабочаго ферейна.

Вильгельму Либкнехту было тогда 24 года. Происходя изъ старинной гессенской фамиліи чиновниковъ и ученыхъ, онъ очень быстро и съ большимъ отличіемъ прошелъ гимназію, чтобы затѣмъ, уже въ университетѣ, придти къ заключенію, что онъ не годится ни въ нѣмецкіе чиновники, ни въ нѣмецкіе ученые. Въ 1847 году онъ совсѣмъ было уже собрался эмигрировать въ Америку, но случайная встрѣча съ однимъ швейцарскимъ учителемъ побудила его направить свои стопы въ республиканскую Швейцарію и выждать тамъ разряженія наэлектризованной атмосферы, нависшей тогда надъ Европой. Буря февральской революціи привлекла его въ Парижъ, и лишь тяжелая болѣзнь помѣшала ему принять участіе въ походѣ Гервега. Онъ снова вернулся тогда въ Швейцарію и участвовалъ въ сентябрской революціонной попыткѣ Струве въ Баденѣ. Взятый въ плѣнъ, онъ сидѣлъ въ баденскихъ тюрьмахъ, пока майская революція не освободила его. Затѣмъ онъ вступилъ канониромъ въ народное ополченіе, которымъ командовалъ Іоганнъ-Филиппъ Беккеръ, и находился среди революціонныхъ элементовъ, старавшихся подвинуть Брентано къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Брентано приказалъ бросить его за это въ казематы Раштатта. Вторично освобожден-

ный, Либкнехтъ принялъ участіе въ кампаніи за имперскую конституцію. Живя эмигрантомъ въ Женевѣ, онъ старался сплотить рабочіе союзы въ крѣпкую организацію и объединить ихъ на почвѣ соціалистической программы. Еще будучи въ гимназіи, Либкнехтъ проглотилъ произведенія Сенъ-Симона, а подъ вліяніемъ практическаго опыта революціи въ немъ быстро созрѣло пониманіе классовой борьбы въ буржуазномъ обществѣ.

Агитируя за объединеніе нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ въ болѣе сплоченную организацію, Либкнехтъ дѣйствовалъ совершенно открыто, и ферейны были приглашены гласнымъ циркуляромъ прислать своихъ представителей на конгрессъ, который долженъ былъ состояться 20 февраля 1850 г. въ Муртенѣ. Но когда представители 16 союзовъ собрались на конгрессъ, они были арестованы швейцарскими властями, которыя взвели на нихъ обвиненіе, будто они замышляютъ вооруженное нападеніе на Баденъ. Затѣмъ было начато обширное дознаніе, „общій результатъ" котораго, оффиціально опубликованный, достаточно раскрылъ причины и цѣли всего шума. Въ этомъ документѣ констатировалось, во-первыхъ, какъ нѣчто „вполнѣ доказанное", что нѣмецкіе рабочіе въ Швейцаріи организовались для новой революціи, съ цѣлью уничтожить не только троны, но и соціальныя учрежденія, ближайшимъ образомъ въ Германіи. Во-вторыхъ, въ немъ говорилось, что „исторически невѣрно и потому несправедливо называть Швейцарію очагомъ нѣмецкой революціи", ибо революціонная пропаганда, какъ показываетъ дознаніе, ведется главнымъ образомъ иностранцами и чужеземцами. Въ-третьихъ, правительственное сообщеніе объявляло, что рабочіе союзы находились въ тѣсной связи съ эмигрантами, и этотъ фактъ, надо надѣяться, успокоитъ всѣхъ тѣхъ, которые усматривали несправедливость въ высылкѣ эмигрантскихъ главарей изъ Швейцаріи. Обративши себя въ орудіе Священнаго союза, швейцарскій союзный совѣтъ умывалъ руки, какъ передъ тѣми, которые его упрекали въ поддержкѣ революціонной пропаганды, такъ и передъ тѣми, которые упрекали его въ преслѣдованіи ея. Впрочемъ, на основаніи этого остроумнаго и безпристрастнаго дознанія, онъ выслалъ изъ Швейцаріи членовъ тѣхъ 16 рабочихъ союзовъ, представители которыхъ явились въ Муртенъ, „за исключеніемъ состоящихъ въ швейцарскомъ гражданствѣ"; всего онъ выслалъ 296 нѣмецкихъ рабочихъ, дипломатическимъ путемъ сообщивъ ихъ имена нѣмецкимъ правительствамъ; относительно остальныхъ нѣмецкихъ ра-

бочихъ ферейновъ союзный совѣтъ ограничился „пока лишь отдачей ихъ подъ надзоръ полиціи“.

Съ разгромомъ рабочихъ ферейновъ въ Швейцаріи была разрушена единственная организація среди нѣмецкихъ эмигрантовъ, которая могла разсчитывать на продолжительную дѣятельность. Другія организаціи оказались весьма эфемерными, и именно потому, что онѣ состояли изъ самыхъ разношерстныхъ элементовъ. Единственная изъ нихъ, еще заслуживающая, быть можетъ, упоминанія, это—„Революціонная Централизація“, гдѣ были смѣшаны самыя разнообразныя направленія, начиная отъ отдѣльныхъ членовъ „Союза коммунистовъ“ и кончая безобидными любителями выпивки изъ южно-германской демократіи. Это былъ генеральный штабъ безъ солдатъ, и ядро названной организаціи, повидимому, дѣйствительно составляли предводители баденско-пфальцскаго возстанія, Іоганнъ Филиппъ Беккеръ, Зигель, Теховъ и другіе. Она послала въ Германію двухъ эмиссаровъ, студента Шурца, вернувшагося съ извѣстіемъ, что всѣ годныя силы онъ нашелъ уже въ рукахъ „Союза коммунистовъ“, и Бруна изъ Шлезвига, стараго революціонера тридцатыхъ годовъ, принадлежавшаго уже къ „Союзу изгнанниковъ“ и затѣмъ къ „Союзу коммунистовъ“, а теперь старавшагося отвлечь отъ этого союза на сторону „Революціонной Централизаціи“ отдѣльные города и отдѣльныхъ членовъ. Онъ былъ поэтому исключенъ изъ „Союза коммунистовъ“, который въ 1850 г. отвергъ изъ принципіальныхъ соображеній союзъ, предложенный ему „Революціонной Централизаціей“. Когда Теховъ, спустя мѣсяцъ, прибылъ въ Лондонъ, чтобы снова вступить въ переговоры съ Марксомъ и Энгельсомъ, „Революціонная Централизація“ была уже распущена.

Единственная серьезная попытка побудить нѣмецкую эмиграцію къ активному вмѣшательству въ судьбы Германіи исходила отъ Маркса, Энгельса и ихъ ближайшихъ друзей. Послѣ неудавшейся манифестаціи 13 іюня французское правительство поставило Марксу альтернативу: либо отправиться въ Бретань, либо покинуть Францію. Онъ переѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ его ждали тяжкія невзгоды изгнанія. Однако, ни эти невзгоды, ни жестокія разочарованія, которыя принесъ ходъ историческаго развитія, не были въ силахъ поколебать равновѣсіе этого могучаго духа. Въ „*Обозрѣніи Новой Рейнской Газеты*“ („*Revue der Neuen Rheinischen Zeitung*“), ежемѣсячникѣ, который Марксъ сталъ издавать съ января 1850 г., онъ тотчасъ же приступилъ къ критическому анализу револю-

ціи, только что пережитой имъ въ качествѣ участника-борца. Его вѣрнымъ помощникомъ при этомъ былъ Энгельсъ, также пріѣхавшій скоро изъ Швейцаріи въ Лондонъ. Первыя три книжки „*Обозрѣнія*“ почти исключительно заполнены статьями Маркса о французской революціи и Энгельса о кампаніи за имперскую конституцію. Авторы совершенно раздѣлывались здѣсь со всякими иллюзіями, не впадая, однако, ни въ безплодный пессимизмъ, ни въ произнесеніе дешево-мудрыхъ приговоровъ. Насколько энергично они разсѣивали всякій туманъ, окутывавшій причины пораженія революціи, настолько же внимательно они относились ко всякой искрѣ, изъ которой могло снова разгорѣться революціонное пламя. Они еще не вѣрили, что революціонная буря истощила свои силы.

Въ этихъ статьяхъ Марксъ и Энгельсъ сдѣлали первую попытку изслѣдовать съ точки зрѣнія историческаго матеріализма внутреннюю связь значительныхъ отдѣловъ современной имъ исторіи. Они раскрыли во всей ея яркой наготѣ классовую борьбу, отъ которой демократическое и реакціонное политическое резонерство одинаково отдѣлывались общими ходячими фразами. Исходя изъ уровня общественнаго и политическаго развитія Германіи, Энгельсъ показалъ, почему кампанія за имперскую конституцію потерпѣла неудачу и почему она должна была ее потерпѣть. Въ своей безпощадной критикѣ Энгельсъ не останавливался передъ самыми рѣзкими выраженіями, но изъ-за уродливыхъ и комическихъ сторонъ нѣмецкой революціи онъ не забывалъ ея трагической серьезности. Онъ закончилъ свои статьи слѣдующими словами: „Баденскій народъ заключаетъ въ себѣ лучшіе воинственные элементы; но во время возстанія они были съ самаго начала настолько испорчены и запущены, что получилась та жалкая картина, которую мы нарисовали. Вся „революція“ разрѣшилась настоящей комедіей, и единственное утѣшеніе состояло лишь въ томъ, что вшестеро болѣе сильный противникъ обладалъ еще въ шесть разъ меньшимъ мужествомъ. Комедія кончилась, однако, трагически, благодаря кровожадности контръ-революцій. Тѣ самые воины, которыхъ не разъ охватывалъ паническій ужасъ во время похода, или на полѣ брани,—они умерли какъ герои во рвахъ Раштатта. Ни одинъ не молилъ о пощадѣ, ни одинъ не задрожалъ. Нѣмецкій народъ не забылъ раштаттскихъ разстрѣловъ и казематовъ; онъ не забудетъ тѣхъ высокопоставленныхъ особъ, по приказанію которыхъ совершались эти подлости, но онъ не за-

будетъ также измѣнниковъ, благодаря трусости которыхъ онѣ стали возможными: мы разумѣемъ господъ Брентано изъ Карлсруэ и Франкфурта". Нѣмецкій народъ, по крайней мѣрѣ — буржуазный классъ, такъ охотно разыгрывающій роль „нѣмецкаго народа", не можетъ безспорно пожаловаться на то, что Энгельсъ обидѣлъ его. Этотъ классъ не разъ подымалъ на щитъ „господъ Брентано изъ Карлсруэ и Франкфурта" и сдѣлалъ себѣ идоловъ изъ „высокопоставленныхъ особъ", по приказу которыхъ разстрѣливались въ свое время храбрые борцы за его освобожденіе.

Несравненно болѣе сложный историческій матеріалъ разрабатывалъ Марксъ въ статьяхъ о французской революціи. Политику-идеологу она представлялась неразрѣшимой путаницей, да и не могла ему представляться иной: кто принималъ ярлыки вещей за самыя вещи, для того все оставалось полной загадкой. Марксъ сдѣлалъ картину этихъ запутанныхъ классовыхъ столкновеній ясной, показавъ ихъ движущую внутреннюю пружину— экономическій антагонизмъ, который въ нихъ проявлялся. Какъ часто ему удается въ этихъ статьяхъ разрѣшить самые запутанные вопросы дня какими-нибудь двумя-тремя эпиграмматическими положеніями! Чего только ни наговорили въ теченіе цѣлыхъ дней о правѣ на трудъ самыя свѣтлыя головы буржуазіи и даже доктринеры-соціалисты во французскомъ Національномъ собраніи, и какъ совершенно исчерпалъ Марксъ историческій смыслъ и безсмыслицу этого лозунга въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: „Въ первомъ проектѣ конституціи, составленномъ еще до іюньскихъ дней, мы находимъ еще право на трудъ, первую безпомощную формулу, въ которой резюмированы революціонныя притязанія пролетаріата. Оно было превращено потомъ въ право на общественное призрѣніе, а какое современное государство не кормитъ въ той или иной формѣ своихъ пауперовъ? Право на трудъ въ буржуазномъ смыслѣ есть нелѣпость, жалкое благое пожеланіе, но за настоящимъ правомъ на трудъ стоитъ господство надъ капиталомъ, за господствомъ надъ капиталомъ—присвоеніе орудій производства, подчиненіе ихъ ассоціированному рабочему классу, слѣдовательно упраздненіе наемнаго труда, капитала и ихъ взаимоотношенія". Игнорируя это классическое разъясненіе, нѣмецкіе ученые цѣлое поколѣніе спустя повторили еще разъ всѣ путаныя разсужденія французскаго Національнаго собранія, когда Бисмаркъ изъ демагогическихъ соображеній попытался изобразить капиталистическое право призрѣнія бѣдныхъ какъ соціалистическое право на трудъ. Эти

самые ученые подняли шумный крикъ о вздорности матеріалистическаго пониманія исторіи, только потому, что Марксъ весною 1850 г. по совершенно основательнымъ соображеніямъ—въ виду пролетарско-соціалистической побѣды на парижскихъ выборахъ и задуманнаго буржуазіей покушенія на всеобщее избирательное право—ждалъ вторичнаго взрыва французской революціи.

Одновременно съ литературной пропагандой Марксъ и Энгельсъ возобновили также практическую. Они основали эмигрантскій комитетъ и реорганизовали „Союзъ коммунистовъ", старые члены котораго почти всѣ собрались опять въ Лондонѣ. Кромѣ Молля, недоставало только Вильгельма Вольфа, который жилъ въ Швейцаріи и прибылъ въ Лондонъ лишь въ 1851 г. Эти потери были пополнены новыми силами, Виллихомъ, Либкнехтомъ и Конрадомъ Шраммомъ, о которомъ Марксъ пишетъ: „Его необузданная, жаждущая подвиговъ, огненная натура, никогда не дававшая себя опутывать будничнымъ интересамъ, была полна критическаго ума, оригинальной мысли, насмѣшливаго юмора и наивнаго добродушія; онъ былъ Перси-Готспоръ нашей партіи". Затѣмъ были возстановлены старыя и завязаны новыя связи съ самымъ революціоннымъ крыломъ чартизма, съ французской партіей движенія, съ венгерской эмиграціей.

Что касается континента, то въ Бельгіи Союзъ былъ почти задушенъ жестокими преслѣдованіями, во Франціи онъ совершенно распался; Эвербекъ устранился отъ практической агитаціи, объявивъ свою литературную дѣятельность болѣе важной, чѣмъ коммунистическую пропаганду. Зато въ Германіи еще дѣйствовали многіе члены Союза, а рабочіе, крестьянскіе и гимнастическіе ферейны, не искорененные еще насильственно контръ-революціей, представляли отличное поле для вербовки. Центральный комитетъ послалъ въ Германію эмиссаромъ Генриха Бауера, сумѣвшаго искусными дипломатическими дѣйствіями привлечь въ активную организацію тѣхъ членовъ Союза, которые залѣнились или работали на свой рискъ и страхъ, въ томъ числѣ самыхъ вліятельныхъ руководителей „Братства рабочихъ". Снова появились руководящіе кружки въ Гамбургѣ для Шлезвигъ-Голштиніи, въ Шверинѣ—для Мекленбурга, въ Бреславлѣ—для Силезіи, въ Лейпцигѣ—для Саксоніи и Берлина, въ Нюренбергѣ—для Баваріи, въ Кельнѣ—для Рейнской области и Вестфаліи. Въ Гёттингенѣ и Штуттгартѣ существовали отдѣльные членскіе кружки, находившіеся въ непосредственной связи съ Центральнымъ коми-

тетомъ; въ Гёттингенѣ выдѣлялся своей восторженной защитой диктатуры рабочаго класса молодой Микель, хотя эта защита не всегда хорошо была продумана и не останавливалась даже передъ іезуитскими средствами. Въ мартѣ 1850 г. Центральный комитетъ обратился къ нѣмецкимъ членамъ Союза съ воззваніемъ, исходящимъ изъ взгляда, что предстоитъ новая революція, которая „будетъ вызвана либо самостоятельнымъ возстаніемъ французскаго пролетаріата, либо походомъ Священнаго союза противъ революціоннаго Вавилона". Подобно тому какъ мартовская революція привела къ побѣдѣ буржуазіи, такъ новая революція приведетъ къ побѣдѣ мелкой буржуазіи, которая вторично предастъ рабочій классъ. Отношеніе революціонной рабочей партіи къ мелко-буржуазнымъ демократамъ воззваніе формулируетъ слѣдующимъ образомъ: „Она идетъ вмѣстѣ съ ними противъ фракціи, къ сверженію которой они стремятся; она выступаетъ противъ нихъ во всемъ, чѣмъ они хотятъ укрѣпить свою власть". Если революція доставитъ побѣду мелкимъ буржуа, то они используютъ ее для реформированія капиталистическаго общества ровно настолько, чтобы оно стало болѣе удобнымъ и болѣе сноснымъ для ихъ собственнаго класса и до извѣстной степени также для рабочихъ. Но этимъ отнюдь не можетъ удовлетвориться пролетаріатъ. Въ то время какъ демократическіе мелкіе буржуа, проведя свои ограниченныя требованія, будутъ настаивать на возможно скорѣйшемъ окончаніи революціи, задача и интересъ рабочихъ заключаются, напротивъ, въ томъ, чтобы сдѣлать революцію непрерывной, „пока всѣ болѣе или менѣе имущіе классы не будутъ оттѣснены отъ господства, пока государственная власть не будетъ завоевана пролетаріатомъ, и ассоціація пролетаріевъ—не только въ одной странѣ, а во всѣхъ господствующихъ странахъ міра—не сдѣлаетъ такихъ успѣховъ, что прекратится конкурренція пролетаріевъ въ этихъ странахъ, и производительныя силы, по крайней мѣрѣ главныя, сосредоточатся въ рукахъ пролетаріевъ".

Воззваніе предостерегаетъ рабочихъ, чтобы они не дались въ обманъ проповѣдямъ мелко - буржуазныхъ демократовъ на тему объ единеніи и примиреніи и не позволили низвести себя до роли придатка буржуазной демократіи. Они должны, наоборотъ, возможно прочнѣе и тѣснѣе организоваться, чтобы послѣ побѣды революціи, которую имъ по обыкновенію придется добывать своимъ собственнымъ мужествомъ, рѣшительностью и самопожертвованіемъ, диктовать побѣдоносной мелкой буржуазіи такія условія,

вслѣдствіе которыхъ господство буржуазныхъ демократовъ съ самаго начала заключало бы въ себѣ зародышъ своей гибели и значительно облегчилось вытѣсненіе его впослѣдствіи господствомъ пролетаріата. „Въ особенности рабочіе должны, и во время конфликта и непосредственно послѣ борьбы, елико возможно противодѣйствовать буржуазному миротворничанью и принудить демократовъ осуществить свои теперешнія террористическія фразы". Они должны возможно дольше поддерживать революціонное возбужденіе. „Такъ называемымъ эксцессамъ, актамъ народной мести относительно ненавистныхъ лицъ и общественныхъ зданій, съ которыми связаны одни злобныя воспоминанія, не только не слѣдуетъ препятствовать, ихъ надо не только терпѣть, но даже взять на себя руководство ими". Рабочіе должны во время революціи выставлять по всякому поводу свои собственныя требованія, требовать и, въ случаѣ надобности, вынуждать у мелкихъ буржуа гарантіи для пролетаріата, обязывать новыхъ правителей ко всевозможнымъ обѣщаніямъ и уступкамъ, компрометировать ихъ этимъ и вообще съ перваго же момента побѣды направлять недовѣріе не въ сторону побѣжденной реакціонной партіи, а въ сторону прежнихъ союзниковъ, въ сторону той партіи, которая пожелаетъ одна эксплуатировать общую побѣду.

Первымъ результатомъ революціи, говоритъ дальше воззваніе, будетъ созывъ Національнаго собранія, въ которое рабочіе должны повсюду выставить самостоятельныхъ кандидатовъ, даже тамъ, гдѣ нѣтъ никакой надежды на побѣду. Не обращая вниманія на демократическія фразы, они должны сохранять свою самостоятельность, подсчитывать свои силы, открыто выставлять свою революціонную позицію. Первымъ пунктомъ, на которомъ рабочіе столкнутся съ буржуазными демократами, будетъ уничтоженіе феодализма. Рабочіе не должны допустить, чтобы феодальныя земли, какъ въ первую французскую революцію, были отданы крестьянамъ въ свободную частную собственность, чтобы такимъ образомъ былъ сохраненъ сельскій пролетаріатъ и образовался мелко-буржуазный крестьянскій классъ, который продѣлаетъ тотъ же круговоротъ обѣднѣнія и задолженности, какой продѣлалъ французскій крестьянинъ. Рабочимъ нужно требовать, наоборотъ, чтобы конфискованныя земли феодаловъ остались собственностью государства и были обращены въ рабочія колоніи, которыя должны обрабатываться ассоціаціями селькихъ пролетаріевъ при помощи всѣхъ средствъ крупнаго сельскаго хозяйства. Этимъ путемъ

принципъ общей собственности сразу получитъ прочное основаніе среди шаткихъ отношеній буржуазной собственности. Понятно, что въ началѣ движенія рабочіе еще не могутъ предложить никакихъ прямо коммунистическихъ мѣръ, но они могутъ принудить демократовъ, чтобы тѣ возможно многостороннѣе вмѣшивались въ прежній общественный порядокъ, нарушали его правильный ходъ и компрометировали себя, они могутъ заставить демократовъ сосредоточить въ рукахъ государства возможно большее количество производительныхъ силъ, перевозочныхъ средствъ, фабрикъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д. Предложеніямъ демократовъ, которые во всякомъ случаѣ станутъ на почву реформъ, а не революціи, рабочіе должны будутъ придавать самую крайнюю форму и превращать ихъ въ прямыя атаки на частную собственность.

Второе воззваніе Центральнаго комитета, выпущенное въ іюнѣ 1850 г., содержало отчетъ о состояніи Союза и приглашало возможно прочнѣе организовать его вліяніе на крестьянскіе и гимнастическіе ферейны, формируя, въ крайнемъ случаѣ, второй разрядъ членовъ Союза изъ лицъ, годныхъ и надежныхъ въ революціонномъ отношеніи, но не понимающихъ еще коммунистическихъ выводовъ современнаго движенія. Практически изъ этого расширенія Союза, повидимому, ничего или почти ничего не вышло, такъ какъ тѣ самыя обстоятельства, которыя вызвали новый подъемъ Союза, навлекли на него внутреннюю катастрофу.

Въ теченіе лѣта 1850 г. становилось все яснѣе, что революція сходитъ на нѣтъ. Во Франціи всеобщее избирательное право было уничтожено, и пролетаріатъ не поднялся въ его защиту; теперь оставался еще лишь вопросъ, кто побѣдитъ—претендентъ Луи Бонапартъ или монархически-реакціонное Національное собраніе. Въ Германіи демократическое мѣщанство сложило руки, либеральная буржуазія была обманута прусскимъ правительствомъ, прусское правительство—австрійскимъ правительствомъ, и оба они вмѣстѣ плясали подъ дудку царскаго деспотизма. Вполнѣ понятно поэтому, если нѣмецкіе эмигранты, тѣснимые, преслѣдуемые, удручаемые крайней нуждой, пытались тѣмъ судорожнѣе запрудить революціонный потокъ, чѣмъ неудержимѣе онъ мелѣлъ; если они, въ той же мѣрѣ, въ какой дѣйствительная революція шла на убыль, пытались фабриковать искусственную революцію. Это настроеніе охватило даже трезвыя натуры, но тѣмъ болѣе оно открывало свободное поприще не только фантазерамъ, болтунамъ и сума-

сбродамъ, но и лже-братьямъ, политическимъ искателямъ приключеній и аферистамъ, полицейскимъ шпіонамъ и прочей сволочи.

Одна старая гвардія „Союза коммунистовъ" не поддалась этому настроенію. Марксъ и Энгельсъ не метали громовъ по поводу побѣдоноснаго шествія контръ-революціи, а изслѣдовали его причины. Они нашли экономическое рѣшеніе политической загадки. Уже въ февральской книжкѣ своего „*Обозрѣнія*" они указали на открытіе золота въ Калифорніи, какъ на фактъ, который „еще важнѣе февральской революціи" и который будетъ имѣть еще болѣе грандіозные результаты, чѣмъ открытіе Америки. „Береговая полоса длиною въ тридцать градусовъ широты, одна изъ самыхъ красивыхъ и плодородныхъ въ мірѣ, до сихъ поръ почти необитаемая, на нашихъ глазахъ превращается въ богатую, цивилизованную страну, густо населенную людьми всѣхъ племенъ, отъ янки до китайца, отъ негра до индѣйца и малайца, отъ креола и метиса до европейца. Калифорнское золото разливается потоками по Америкѣ и азіатскому берегу Тихаго океана и втягиваетъ самые упрямые варварскіе народы въ міровую торговлю, въ цивилизацію. Міровая торговля второй разъ получаетъ новое направленіе... Благодаря калифорнскому золоту и неутомимой энергіи янки, оба берега Тихаго океана скоро будутъ такъ же населены, такъ же открыты для торговли, такъ же промышленны, какъ побережье отъ Бостона до Новаго Орлеана. Тогда Тихій океанъ будетъ играть ту же роль, какую теперь играетъ Атлантическій океанъ, а въ древности и въ средніе вѣка—Средиземное море, т.-е. роль великаго воднаго пути для міроваго торговаго оборота, Атлантическій же океанъ опустится до роли озера, какую теперь играетъ Средиземное море. Чтобы европейскія цивилизованныя страны не попали тогда въ такую же промышленную, коммерческую и политическую зависимость, въ какой сейчасъ находятся Италія, Испанія и Португалія, у нихъ остается лишь одинъ шансъ—соціальная революція. Подобная революція, произведенная пока еще есть время, была бы соединена съ переворотомъ въ способахъ производства и обмѣна согласно потребностямъ самого производства, вытекающимъ изъ современныхъ производительныхъ силъ; такимъ образомъ, она сдѣлала бы возможнымъ созданіе новыхъ производительныхъ силъ, обезпечивающихъ превосходство европейской промышленности и уравновѣшивающихъ невыгоды географическаго положенія". Въ этой величественной исторической перспективѣ заключалось уже пониманіе того, что

февральская революція, выражаясь словами Маркса, разбилась въ послѣднемъ счетѣ объ открытіе калифорнскихъ и австралійскихъ золотыхъ розсыпей; подробное изученіе мірового экономическаго положенія все больше убѣждало Маркса, что подобно тому какъ всемірный торговый кризисъ 1847 г. породилъ революцію, точно такъ же контръ-революція была порождена постепеннымъ промышленнымъ улучшеніемъ, достигшимъ полнаго расцвѣта въ 1850 г.

Такимъ выводомъ произносился, конечно, приговоръ надъ игрой въ насильственную революцію, которой предавались нѣмецкіе и вообще европейскіе политическіе выходцы. Марксъ и Энгельсъ съ самаго начала занимали очень тяжелое положеніе въ эмигрантской средѣ. Ихъ безпощадная критика идеологическихъ фразъ давно выводила изъ себя „сантиментальныхъ плутовъ и демократическихъ декламаторовъ", чувствовавшихъ себя задѣтыми ею. Она направлялась не только противъ великихъ свѣтилъ домартовскаго времени, какъ Карлейль и Гизо, поспѣшно заколачивавшихъ досками свой духовный міръ, какъ только они сталкивались съ классовой борьбой революціи; она гасила также и маленькія свѣтила демократіи, въ родѣ Людвига Симона и Готфрида Кинкеля, которымъ хотѣлось и впредь свѣтить, подобно блудящимъ огнямъ, надъ болотомъ контръ-революціи.

Но что окончательно переполнило чашу, это непримиримый антагонизмъ, въ который Марксъ и Энгельсъ стали по отношенію къ революціоннымъ мечтаніямъ эмиграціи своимъ выводомъ, что контръ-революція до поры до времени смѣнила революцію. Этотъ антагонизмъ проникъ и въ „Союзъ коммунистовъ". За единственнымъ исключеніемъ Шаппера, старые члены его, Бауеръ, Эккаріусъ, Пфендеръ, Зейлеръ, Фрейлигратъ, Фердинандъ Вольфъ, стояли на сторонѣ Маркса и Энгельса; болѣе молодые его члены, за единичными исключеніями, въ родѣ Либкнехта и Шрамма, поддались общему теченію эмиграціи и хотѣли втянуть Союзъ въ ея безнадежные бунтарскіе планы. Вождемъ ихъ былъ Виллихъ и рядомъ съ нимъ Шапперъ. Виллихъ принадлежалъ къ очень многочисленнымъ тогда коммунистамъ по чувству, сердце которыхъ увлекало за собой ихъ разсудокъ; честный, очень самоувѣренный, безъ экономическаго и философскаго образованія, онъ, какъ старый солдатъ, и безъ того имѣлъ склонность разрѣшать всѣ вопросы съ оружіемъ въ рукахъ. Какъ мало вообще эти бывшіе офицеры, при всей

своей храбрости и дѣльности, умѣли проникнуться идеями Маркса и Энгельса, доказалъ также Теховъ какъ разъ въ тѣ дни, когда разразился кризисъ въ „Союзѣ коммунистовъ“. Въ интимномъ письмѣ къ своимъ друзьямъ изъ „Революцiонной Централизацiи“ онъ сообщилъ объ одномъ разговорѣ своемъ съ Марксомъ, Энгельсомъ и Шраммомъ, и этимъ письмомъ, которое Карлъ Фохтъ десять лѣтъ спустя предалъ гласности безъ вѣдома и противъ воли автора и адресатовъ, пользуются иногда еще теперь, чтобы набросить тѣнь на личный характеръ Маркса. Фактически письмо это доказываетъ лишь, что Теховъ не имѣлъ даже слабаго представленiя о томъ, чего собственно хотѣли Марксъ и Энгельсъ,— что онъ, по выраженiю Маркса, серьезную часть разговора принялъ за шутки, а его шутливую часть принялъ въ серьезъ.

Въ засѣданiи Центральнаго комитета отъ 15 сентября 1850 г. антагонизмъ выступилъ наружу. Шесть членовъ,—Марксъ, Энгельсъ, Шраммъ, Бауеръ, Пфендеръ, Эккарiусъ, стояли противъ четырехъ—Виллиха, Шаппера, Френкеля и Лемана. Самый антагонизмъ Марксъ мѣтко охактеризовалъ слѣдующими словами: „На мѣсто критическаго воззрѣнiя меньшинство ставитъ догматическое, на мѣсто матерiалистическаго—идеалистическое. Вмѣсто дѣйствительныхъ отношенiй двигателемъ революцiи является для него одна воля. Мы говоримъ рабочимъ: вы должны 15, 20, 50 лѣтъ вести междоусобныя и международныя войны не только для того, чтобы измѣнить внѣшнiя условiя, но и для того, чтобы измѣнить самихъ себя и сдѣлать себя способными къ политическому господству; вы, наоборотъ, говорите: мы должны сейчасъ же достигнуть власти, иначе мы можемъ ложиться спать. Въ то время какъ мы указываемъ спецiально нѣмецкимъ рабочимъ на неразвитое состоянiе нѣмецкаго пролетарiата, вы самымъ грубымъ образомъ льстите нацiональному чувству и сословнымъ предразсудкамъ нѣмецкихъ ремесленниковъ, что̀, конечно, популярнѣе. Подобно тому какъ демократы превратили слово *народъ* въ какое-то священное существо, такъ вы дѣлаете имъ слово *пролетарiатъ*. Подобно демократiи, вы подсовываете на мѣсто революцiоннаго развитiя революцiонную фразу“. Примиренiя между такими противоположностями не могло быть, и единственнымъ средствомъ спасти Союзъ было рѣшенiе большинства перенести резиденцiю центральнаго комитета въ Кельнъ и предоставить кельнскому округу выбрать новый центральный комитетъ, а на мѣсто бывшаго лондонскаго округа образовать два округа, совершенно независимыхъ другъ

отъ друга и сносящихся лишь съ общимъ центральнымъ комитетомъ.

Марксъ и Энгельсъ подробно обосновали свой взглядъ въ 5-й и 6-й книжкѣ своего *„Обозрѣнія"*, послѣдней двойной книжкѣ его, вышедшей въ свѣтъ. Она открывалась статьей, въ которой Энгельсъ выяснялъ классовую борьбу нѣмецкой крестьянской войны и разсѣивалъ идеологическій туманъ, окутывавшій исторію нѣмецкой реформаціи. Въ политическомъ обозрѣніи этой книжки, помѣченномъ 1-мъ ноября 1850 г., излагается прежде всего экономическая исторія 40-хъ годовъ, какъ реальная основа, на которой разыгралась политическая исторія революціи и контръреволюціи. Статья доказываетъ, что за періодомъ кризиса 1847 года послѣдовалъ періодъ подъема, который въ 1850 году не достигъ еще своей кульминаціонной точки. „Процвѣтаніе англійской промышленности еще увеличится благодаря послѣдовавшему недавно открытію голландскихъ колоній, благодаря предстоящему устройству новыхъ линій сообщенія по Тихому океану и благодаря большой промышленной выставкѣ 1851 г. Уже въ 1849 г., когда весь континентъ еще грезилъ о революціи, англійская буржуазія съ удивительнымъ хладнокровіемъ намѣтила эту выставку. Она созываетъ всѣхъ своихъ вассаловъ, отъ Франціи до Китая, на большой экзаменъ, на которомъ тѣ должны показать, какъ они использовали свое время, и даже всесильный русскій царь вынужденъ приказать своимъ подданнымъ, чтобы они явились въ большомъ числѣ на этотъ экзаменъ. Этотъ великій міровой конгрессъ продуктовъ и производителей имѣетъ совершенно иное значеніе, чѣмъ абсолютистскіе конгрессы Брегенца и Варшавы, бросающіе въ потъ нашихъ континентальныхъ демократическихъ мѣщанъ, или европейско-демократическіе конгрессы, то и дѣло проектируемые для спасенія міра различными временными правительствами in partibus. Эта выставка есть разительное доказательство сосредоточенной силы, съ которою современная крупная промышленность всюду разбиваетъ національныя перегородки и все болѣе стираетъ мѣстныя особенности въ производствѣ, въ общественныхъ отношеніяхъ, въ характерѣ каждаго отдѣльнаго народа. Демонстрируя на небольшомъ пространствѣ всю совокупность производительныхъ силъ современной промышленности, и какъ разъ въ такой моментъ, когда современныя буржуазныя отношенія уже расшатаны со всѣхъ сторонъ, она въ то же время показываетъ намъ матеріалъ для построенія новаго обще-

ства, созданный и ежедневно продолжающій создаваться среди этихъ расшатанныхъ условій".

Подъемъ въ англійской промышленности отразился на континентѣ. „Уже лѣтомъ 1849 г. нѣмецкія фабрики, особенно въ Рейнской области, имѣли довольно много работы, а съ конца 1849 г. оживленіе дѣлъ было уже повсемѣстнымъ. Этотъ новый подъемъ, наивно приписываемый нашими нѣмецкими буржуа возстановленію спокойствія и порядка, въ дѣйствительности зависитъ исключительно отъ новаго подъема въ Англіи и увеличеннаго спроса на продукты промышленности на американскихъ и тропическихъ рынкахъ". Отмѣтивъ затѣмъ однородные симптомы во Франціи, „*Обозрѣніе*" резюмировало свою точку зрѣнія слѣдующимъ образомъ: „При такомъ всеобщемъ подъемѣ, когда производительныя силы буржуазнаго общества развились настолько пышно, насколько это вообще возможно въ предѣлахъ буржуазнаго общества, не можетъ быть рѣчи о дѣйствительной революціи. Подобная революція возможна лишь въ такіе періоды, когда оба эти фактора, т.-е. современныя производительныя силы и буржуазныя формы производства, становятся въ противорѣчіе другъ съ другомъ. Напротивъ, перекоры, которыми занимаются и компрометируютъ теперь другъ друга представители отдѣльныхъ фракцій партіи порядка, возможны именно потому, что фундаментъ отношеній въ настоящій моментъ такъ надеженъ и, чего реакція не знаетъ, такъ буржуазенъ. Всѣ реакціонныя попытки задержать буржуазное развитіе будутъ такъ же безрезультатно отскакивать отъ него, какъ нравственное возмущеніе и восторженныя прокламаціи демократовъ. Новая революція возможна лишь какъ слѣдствіе новаго кризиса. Но она такъ же несомнѣнна, какъ послѣдній". Это предсказаніе подтвердилъ большой торговый кризисъ 1857 г.; начиная съ него революціонное развитіе Европы снова двинулось впередъ.

Исходя изъ экономическихъ фактовъ, „*Обозрѣніе*" оцѣнивало политическое положеніе осенью 1850 г. По поводу войны, которая, казалось, грозила вспыхнуть тогда между Австріей и Пруссіей, журналъ писалъ слѣдующее: „Чтобы принудить Пруссію вступить снова въ союзный сеймъ, австрійскія и южно-германскія войска собираются въ Франконіи и Богеміи. Пруссія тоже вооружается. Газеты переполнены извѣстіями о маршахъ и контръ-маршахъ военныхъ корпусовъ. Весь этотъ шумъ ничѣмъ не кончится, такъ же какъ и перебранки французской партіи по-

рядка съ Бонапартомъ. Ни король прусскій, ни императоръ австрійскій не самодержавны, самодержавенъ лишь русскій царь. Предъ его приказомъ мятежная Пруссія въ концѣ-концовъ склонитъ голову, и безъ пролитія единой капли крови обѣ стороны мирно окажутся рядомъ въ креслахъ Союзнаго сейма, хотя отъ этого нисколько не уменьшится ни ихъ мелочная взаимная зависть, ни раздоръ ихъ со своими подданными, ни ихъ недовольство русскимъ сюзеренитетомъ". Все это сбылось въ самый короткій срокъ,—если не считать того, что знаменитая бронцелльская лошадь *) потеряла „каплю крови", къ удивленію не использованную еще для „опроверженія" Маркса.

Послѣднее слово „*Обозрѣнія*" было направлено противъ воззванія, съ которымъ Европейскій Центральный Комитетъ, состоявшій изъ Мадзини, Ледрю-Роллена, Руге и поляка Дараша, обратился ко всей эмиграціи, чтобы собрать ее подъ однимъ знаменемъ. Воззваніе, полное безсодержательныхъ фразъ, сводилось къ „филистерскому, въ высшей степени ординарному взгляду", будто причиною крушенія революціи была честолюбивая зависть отдѣльныхъ вождей и взаимная враждебность взглядовъ различныхъ учителей народа. „*Обозрѣніе*" говоритъ по этому поводу: „Борьба различныхъ классовъ и ихъ частей другъ съ другомъ, борьба, теченіе которой черезъ различныя фазы развитія и составляетъ собственно революцію, является для нашихъ евангелистовъ лишь несчастнымъ слѣдствіемъ существованія несогласныхъ другъ съ другомъ системъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ, т.-е. существованіе различныхъ системъ есть слѣдствіе существованія классовой борьбы. Уже отсюда видно, что авторы манифеста отрицаютъ существованіе классовой борьбы. Подъ предлогомъ борьбы съ доктринерами они устраняютъ всякое опредѣленное содержаніе, всякій опредѣленный партійный взглядъ, запрещаютъ отдѣльнымъ классамъ формулировать свои интересы и требованія

---

*) При дер. Бронцелль произошла въ ноябрѣ 1850 г. стычка между австрійско-баварскимъ экзекуціоннымъ отрядомъ, посланнымъ въ Гессенъ-Кассель для возстановленія власти курфюрста, и прусскимъ отрядомъ. Съ прусской стороны была при этомъ ранена только одна лошадь, получившая историческую извѣстность. Вскорѣ послѣ того Фридрихъ-Вильгельмъ IV отозвалъ свои войска, такъ какъ онъ и не думалъ, конечно, серьезно защищать конституцію Кургессена. „Бронцелль" и „Ольмюцъ" стали крылатыми словами для обозначенія тогдашняго пораженія прусской политики. *Прим. перев.*

по отношенію къ другимъ классамъ. Они требуютъ отъ этихъ классовъ, чтобы тѣ забыли свои противоположные интересы и примирились подъ знаменемъ столь же пошлой, сколько безстыдной неопредѣленности, которая подъ личиной примиренія интересовъ всѣхъ партій скрываетъ господство интересовъ лишь одной партіи—партіи буржуа... Наравнѣ съ развитіемъ и борьбою эти господа ненавидятъ также мышленіе, безсердечное мышленіе,—какъ будто какой-нибудь мыслитель, не исключая Гегеля и Рикардо, доходилъ когда - нибудь до безсердечности, съ которой выливаются на голову публики эти сантиментальныя слюни! Народъ долженъ перестать заботиться о завтрашнемъ днѣ и выбросить изъ головы всѣ мысли; когда наступитъ великій рѣшительный день, народъ будетъ наэлектризованъ однимъ лишь прикосновеніемъ, и загадка будущаго разрѣшится для него посредствомъ чуда. Этотъ призывъ къ безсмыслію является прямой попыткой надуть именно самые угнетенные класса народа". О боевомъ кличѣ Мадзини: „Богъ и народъ", которымъ „Европейскій Центральный Комитетъ" закончилъ свое воззваніе, „*Обозрѣніе*" писало, что этотъ лозунгъ имѣетъ, можетъ быть, смыслъ въ Италіи, гдѣ Бога противопоставляютъ папѣ, а народъ—государямъ, но выставлять этотъ плагіатъ у Іоанна Ронге, „самаго поверхностнаго представителя жалкаго нѣмецкаго просвѣщенства", какъ слово, которому предстоитъ разрѣшить загадку вѣка,—это ужъ черезчуръ сильно, особенно со стороны Руге, который на этотъ разъ, къ великой радости Лео, очевидно сумѣлъ оцѣнить разницу между божествомъ и человѣчествомъ.

Воззваніе „Европейскаго Центральнаго Комитета" не нашло отклика, какъ и вся буржуазно-демократическая игра въ революцію. Вмѣстѣ съ исторіей нѣмецкой революціи кончилась также исторія нѣмецкой эмиграціи. Расколъ, существовавшій внутри нея, нельзя было затушевать громкими фразами, и чѣмъ чаще дѣлались такія попытки, тѣмъ болѣе мелочныя формы онъ принималъ, выражаясь въ личныхъ ссорахъ и перебранкахъ, которыя годами еще продолжались въ американской печати.

Отъ всего этого Марксъ и Энгельсъ, начиная съ осени 1850 г. держались совершенно въ сторонѣ. Ихъ интересъ къ революціонной пропагандѣ ограничивался „Союзомъ коммунистовъ".

Глава V.

Кельнскій процессъ коммунистовъ.

Перенесеніемъ Центральнаго комитета въ Кельнъ не удалось предотвратить раскола въ „Союзѣ коммунистовъ". Антагонизмъ, существовавшій въ болѣе или менѣе скрытомъ состояніи, перешелъ въ открытую войну, и еще въ рѣшительномъ засѣданіи Центральнаго комитета отъ 15 сентября Виллихъ былъ вызванъ Шраммомъ на дуэль, состоявшуюся въ Антверпенѣ и кончившуюся легкимъ пораненіемъ Шрамма. Марксъ и Энгельсъ отнеслись, конечно, къ дуэли съ суровымъ осужденіемъ, но не были въ силахъ помѣшать ей.

Въ самомъ спорномъ вопросѣ большинство Центральнаго комитета было на сторонѣ Маркса и Энгельса, но это большинство далеко не представляло собой большинства членовъ Союза. Масса новыхъ членовъ, прибитыхъ къ Союзу революціоннымъ потокомъ, продолжала еще кружиться въ этомъ потокѣ и не была такъ вышколена, какъ рабочіе въ родѣ Бауера, Эккаріуса, Пфендера. Лондонское Общество для самообразованія рабочихъ, изъ котораго Марксъ, Энгельсъ, Бауеръ, Эккаріусъ, Пфендеръ, Зейлеръ, Шраммъ, Фердинандъ Вольфъ, Либкнехтъ и нѣкоторые другіе выступили 17 сентября, было на сторонѣ Виллиха и Шаппера; на сторонѣ послѣднихъ стоялъ также лондонскій округъ, который собственной властью смѣстилъ прежнихъ членовъ Центральнаго комитета, исключилъ Маркса и его единомышленниковъ изъ Союза и избралъ новый Центральный комитетъ, куда вошло главнымъ образомъ меньшинство 15 сентября. Кельнскій округъ взялъ, правда, на себя порученіе, возложенное на него въ этотъ день большинствомъ: выбравъ новый Центральный комитетъ, въ который во-

шли Беккеръ, Бюргерсъ и сигарочникъ Рёзеръ, онъ поручилъ Эккарiусу, съ одной стороны, и Шапперу, съ другой, образовать въ Лондонѣ по одному новому округу. Но въ отвѣтъ на это Виллихъ и Шапперъ послали въ Кельнъ эмиссара и поручили ему сначала добромъ уговорить тамошнiй округъ капитулировать, а если бы это не удалось, то исключить его изъ Союза. Кельнскiй округъ не сдался, а когда эмиссаръ объявилъ, что отнынѣ онъ исключенъ изъ Союза, то округъ отвѣтилъ, что этимъ шагомъ старый лондонскiй округъ и его Центральный комитетъ сами исключаютъ себя изъ Союза. Такимъ образомъ „Союзъ коммунистовъ" распался на двѣ фракцiи.

Вновь образовавшiйся союзъ Виллихъ-Шаппера одержалъ видимую побѣду, но всей дальнѣйшей своей дѣятельностью онъ только подрывалъ самъ корни своего существованiя. Игра въ революцiю, ради которой онъ вызвалъ расколъ, дѣлала его тѣмъ болѣе безсильнымъ, чѣмъ больше она привлекала къ нему новыхъ ненадежныхъ членовъ, отъ пустыхъ хвастуновъ до продувныхъ шпiоновъ включительно. Такимъ образомъ онъ основалъ три новыхъ общины въ Парижѣ, но выигрышъ отъ этого былъ болѣе чѣмъ сомнительный, ибо въ нихъ господствовалъ тотъ напыщенно-кровожадный паѳосъ, который былъ еще, пожалуй, понятенъ у революцiонеровъ 30-хъ гг., но представлялъ уже совершенное ребячество послѣ опыта дѣйствительной революцiи. Не особенно далеко, впрочемъ, ушли также отсюда Виллихъ и Шапперъ въ своихъ обращенiяхъ къ новому союзу. Много разглагольствуя по поводу „клики Маркса-Энгельса", якобы неспособной ни организовать что-либо, ни выполнить что-либо практическое, они превозносили себя, какъ „людей дѣла", въ противоположность „литераторамъ" и членамъ, „занимающимся только писанiемъ". Въ январѣ 1851 г. Виллихъ писалъ Беккеру въ Кельнъ, чтобы тотъ революцiонировалъ, наконецъ, кельнскiй гарнизонъ; когда кельнская революцiя будетъ готова, онъ не прочь будетъ взять на себя руководство дальнѣйшими операцiями. Беккеръ совершенно правильно охарактеризовалъ въ письмѣ къ Марксу этотъ способъ устраиванiя революцiй слѣдующими словами: „Своими глупостями Виллихъ введетъ въ бѣду еще безчисленное множество людей, ибо одного такого письма достаточно, чтобы гарантировать жалованье въ теченiе трехъ лѣтъ цѣлой сотнѣ судей по политическимъ дѣламъ". Напыщенное воззванiе, которое Виллихъ тайно разослалъ прусскимъ офи-

церамъ, призывая ихъ къ революціи, красовалось, конечно, резъ три дня на столбцахъ *„Крестовой Газеты“*.

Параллельно съ этимъ отдѣлившійся союзъ Виллихъ-Шаппера принималъ участіе во всевозможныхъ донкихотствахъ буржуазно-демократической эмиграціи. Виллихъ былъ даже вмѣстѣ съ Кинкелемъ однимъ изъ главныхъ участниковъ глупой затѣи, имѣвшей цѣлью основать нѣмецкую революцію на акціяхъ. Кинкель, проявившій уже передъ раштаттскимъ военнымъ судомъ жалкую слабость, но, благодаря мстительности прусскаго короля, снова возведенный въ почетное званіе мученика, сталъ разыгрывать изъ себя послѣ бѣгства изъ шпандауской каторжной тюрьмы въ Лондонъ двусмысленную роль интереснаго салоннаго демагога, остроумно осмѣянную въ стихахъ Фрейлигратомъ. Подражая Кошуту, онъ также предпринялъ путешествіе въ Соединенные Штаты для сбора денегъ. Но такъ какъ онъ все-таки не былъ Кошутомъ, то не привезъ даже значительной суммы, какъ это удалось послѣднему, а собралъ всего 1.500 фунтовъ стерлинговъ, изъ которыхъ около трети, послѣ немалыхъ дрязгъ, пошло въ счетъ путевыхъ и иныхъ издержекъ. Остатокъ былъ положенъ въ англійскій банкъ въ качествѣ оборотнаго капитала для перваго нѣмецкаго временнаго правительства, и во всемъ этомъ маскарадѣ Виллихъ принималъ участіе съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ.

Гораздо серьезнѣе понимала свою задачу оставшаяся часть стараго Союза. Воззваніе кельнскаго Центральнаго комитета отъ 1 декабря 1850 г. совершенно свободно отъ бахвальства новаго Союза. Напротивъ, оно ничуть не скрывало того обстоятельства, что внутренніе раздоры расшатали Союзъ. Четыре эмиссара, отправленные одинъ въ южную Германію, другой—въ Рейнскую провинцію, третій — въ королевство Саксонію и четвертый — въ Силезію, сообщали мало утѣшительнаго; сплоченная организація существовала еще собственно только въ Рейнской провинціи, да и она не была сильна; кельнскій и франкфуртскій „округи“ обнимали вмѣстѣ всего 11 общинъ.

Одинъ изъ этихъ эмиссаровъ, портняжный подмастерье Нотъюнгъ, былъ случайно арестованъ въ Лейпцигѣ 10 мая 1851 г. изъ-за отсутствія паспорта. Полиція нашла у него Коммунистическій Манифестъ, уставъ „Союза коммунистовъ“, воззванія Центральнаго комитета отъ марта и декабря 1850 г., письма Беккера и Бюргерса и нѣсколько адресовъ. Эти слѣды и признаніе аре-

стованнаго въ Гамбургѣ приказчика Гаупта привели къ открытію кельнскаго Центральнаго комитета. Одиннадцать членовъ союза были привлечены къ отвѣтственности за покушеніе на государственную измѣну и взяты подъ стражу: это были Нотъюнгъ, Беккеръ, Бюргерсъ, Рёзеръ, приказчики Эргардъ и Рейфъ, портняжный подмастерье Лесснеръ, химикъ Отто и три врача—Даніельсъ, Якоби и Клейнъ. Фрейлигратъ, котораго тоже хотѣли привлечь къ суду, находился уже въ Лондонѣ, куда рука прусской юстиціи не доставала.

Прусское правительство употребило всѣ усилія, чтобы превратить это обвиненіе въ важное государственное дѣло. Оно, конечно, нисколько не заблуждалось насчетъ практической безопасности Союза въ тогдашнемъ его состояніи, но контръ-революціи нуженъ былъ страшный призракъ заговора, чтобы парализовать послѣдніе остатки оппозиціи среди буржуазнаго класса. Къ тому же суды присяжныхъ обнаруживали до сихъ поръ извѣстную независимость, которую надо было сломить; наконецъ, требовалось вывести политическую полицію изъ состоянія до-мартовской безтолковости, которой она осрамилась передъ всѣмъ свѣтомъ въ процессѣ противъ Вальдека, и поднять ее на высоту тонкаго государственнаго искусства, безъ котораго нельзя было обойтись въ вѣкъ промышленности, чтó понимали даже юнкеры. Для всѣхъ этихъ возвышенныхъ цѣлей процессъ противъ кельнскихъ коммунистовъ представлялся великолѣпнѣйшей пробой; на рабочихъ можно было испытать остроту оружія, которымъ собирались кромсать буржуазію. И вотъ было торжественно возвѣщено, что въ лицѣ кельнскихъ обвиняемыхъ захвачены главари противогосударственнаго заговора, охватившаго, подобно вампиру, весь культурный міръ.

Правда, уже у самаго начала славнаго пути возвышалось непреодолимое, повидимому, препятствіе. Всѣ улики, бывшія въ распоряженіи полиціи и судебныхъ властей, доказывали лишь одно: что „Союзъ коммунистовъ“ не былъ ни тайнымъ, ни страшнымъ заговоромъ, а только тайнымъ обществомъ для пропаганды, за тайныя же общества Кодексъ не грозилъ никакимъ наказаніемъ. Коммунистическій Манифестъ каждой своей строчкой протестовалъ противъ ложнаго представленія, будто онъ ставитъ себѣ задачей подстрекáть къ заговорамъ, а воззванія Центральнаго комитета, найденныя у Нотъюнга, были посвящены исключительно отношенію коммунистовъ къ будущему правительству демо-

кратіи, слѣдовательно не касались современнаго правительства романтическаго короля. И дѣйствительно, обвинительная камера кельнскаго апелляціоннаго суда постановила въ октябрѣ 1851 г., что нѣтъ объективныхъ фактовъ для обвиненія и слѣдствіе надо начать сызнова.

Чѣмъ бóльшія препятствія приходилось, однако, преодолѣвать, тѣмъ заманчивѣе казалась сама цѣль. Если доказательствъ не было, то политическая полиція должна была изловчиться создать ихъ, а если бы буржуазные присяжные не захотѣли осуждать при полномъ отсутствіи уликъ или на основаніи уликъ ложныхъ, то ихъ тѣмъ больше нужно было развратить. Полицейратъ Штиберъ, который весною 1851 г. былъ посланъ на лондонскую промышленную выставку, чтобы слѣдить за нѣмецкими эмигрантами, получилъ тотчасъ же послѣ ареста Нотъюнга соотвѣтствующія указанія. Въ годы революціи онъ съ грѣхомъ пополамъ перебивался въ качествѣ восторженнаго борца за свободу и защитника депутатовъ, высказавшихся за отказъ отъ уплаты налоговъ, но когда съ революціей нельзя было дѣлать больше никакихъ дѣлъ, то Штиберъ съ повинной головой вернулся къ полицейскимъ мяснымъ горшкамъ, при чемъ даже начальникъ берлинской полиціи фонъ-Гинкельдей крайне неохотно согласился на то, чтобы опять пользоваться услугами этого отверженнаго и всюду опороченнаго человѣка. Но королевскій орелъ милостиво простеръ надъ нимъ свои крылья. Фридрихъ-Вильгельмъ IV, который самъ желалъ быть художникомъ, съ утонченной злобой „помиловалъ" поэта и историка искусства Кинкеля, замѣнивъ ему пожизненное заключеніе въ крѣпости пряденіемъ шерсти въ каторжной тюрьмѣ; когда же Кинкель благополучно бѣжалъ отъ медленной пытки, то богобоязненный монархъ писалъ Мантейфелю: „Это навело меня на одну мысль, по правдѣ сказать, не совсѣмъ чистую. Мысль эта вотъ какая: не является ли Штиберъ драгоцѣнной личностью, способной развернуть ткань освободительнаго заговора и доставить нѣмецкой публикѣ долго и справедливо вожделѣнное зрѣлище раскрытаго и (главное) наказаннаго комплота. Поспѣшите поэтому съ пріемомъ Штибера на службу и предоставьте ему сдѣлать свою пробную работу. Я думаю, что эта мысль плодотворна и придаю большое значеніе ея немедленному осуществленію". Получивъ, такимъ образомъ, отъ самого короля благословеніе на провокаторскую дѣятельность, Штиберъ поспѣшилъ развернуть всѣ свои провокаторскіе таланты.

Въ Лондонѣ онъ довольно скоро провѣдалъ о существованіи фракціи Виллихъ-Шаппера и черезъ сыщика Рейтера, жившаго въ одномъ домѣ съ секретаремъ названной фракціи, выкралъ ея корреспонденцію. Это сокровище Штиберъ сумѣлъ широко использовать. Затѣмъ онъ послалъ въ Парижъ сыщика Флери, поручивъ ему организовать въ тамошнихъ общинахъ Виллихъ-Шапперовскаго тайнаго союза заговоръ по всѣмъ правиламъ искусства. Настоящая фамилія этого сыщика была Краузе; сынъ разбойника, онъ съ дѣтства жилъ либо воровствомъ и полицейскимъ шпіонствомъ, либо содержался въ каторжныхъ тюрьмахъ. Вѣрнымъ чутьемъ полицейскаго Штиберъ понялъ изъ украденной корреспонденціи, что парижскія общины представляютъ благопріятную почву для провокаторскихъ подвиговъ, и онъ могъ вполнѣ разсчитывать на то, что бонапартистская полиція наканунѣ ожидаемаго всѣми государственнаго переворота съ благодарностью приметъ и используетъ предлагаемый ей готовый заговоръ.

Такъ оно и случилось. Флери тѣмъ легче удалась его игра, что онъ нашелъ уже въ парижскихъ общинахъ, на ряду съ честными сумасбродами, нѣкоего Шерваля, архи-негодяя, оказывавшаго раньше шпіонскія услуги прусскому посланнику въ Парижѣ. Этотъ Шерваль не былъ, впрочемъ, ирландцемъ, какъ онъ утверждалъ про себя, а подлиннымъ рейнскимъ пруссакомъ, и настоящая фамилія его была Кремеръ; осужденный въ 1844 г. за поддѣлку векселей, онъ бѣжалъ изъ ахенской тюрьмы. Такого же сорта субъектомъ былъ Гипперихъ, стоявшій во главѣ страсбургской общины Виляихъ-Шапперовскаго союза. Уже въ сентябрѣ 1851 г. Флери настолько успѣшно разрѣшилъ свою задачу, что Штиберу и полицейскому поручику Грейфу осталось лишь пріѣхать въ Парижъ, чтобы явиться здѣсь въ эффектномъ свѣтѣ спасителей государства, какъ люди, раскрывшіе заговоръ, направленный къ насильственному ниспроверженію французскаго государственнаго строя. Такъ какъ съ юридической стороны признаки „заговора“ были налицо, то нѣсколько несчастныхъ нѣмецкихъ рабочихъ были въ февралѣ 1852 г. на основаніи обвинительнаго вердикта парижскихъ присяжныхъ приговорены къ лишенію свободы на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Несравненно суровѣе были наказаны, на первый взглядъ, Шерваль и Гипперихъ, приговоренные къ восьми годамъ тюрьмы, но это было одной лишь комедіей: тотчасъ же послѣ осужденія имъ дали бѣжать изъ тюрьмы, ибо бонапартистскіе и прусскіе спасители государства были оди-

наково того мнѣнія, что такіе полезные люди не должны сидѣть безъ дѣла за тюремной рѣшеткой.

Какъ успѣшенъ ни былъ въ своемъ родѣ этотъ полицейскій походъ, онъ не достигъ, однако, своей настоящей цѣли: матеріала противъ кельнскихъ обвиняемыхъ онъ не далъ никакого. Невозможно было сдѣлать ихъ отвѣтственными за заговоръ, устроенный полиціей лишь послѣ ихъ ареста, а изъ всѣхъ связей, которыя были раскрыты въ парижскихъ общинахъ, ни одна не указывала на кельнскій центральный комитетъ или на фракцію Маркса-Энгельса. Въ украденныхъ Рейтеромъ бумагахъ нашелся, правда, одинъ документъ, писанный Марксомъ и Энгельсомъ, но это было очень безобидное заявленіе въ полторы строчки, гдѣ они 17 сентября 1850 г. заявили о своемъ выходѣ изъ лондонскаго Общества для самообразованія рабочихъ. Дѣйствительно драгоцѣнные документы, добытые Штиберомъ, — драгоцѣнные въ томъ смыслѣ, что они могли навести ужасъ на буржуазныхъ присяжныхъ, въ родѣ, напримѣръ, переписки Шерваля и Гиппериха, веденной въ стилѣ знаменитаго разбойника Живодера, — эти документы нельзя было привести даже въ отдаленнѣйшую связь съ кельнскими обвиняемыми.

Прусская полиція перенесла вслѣдствіе этого арену своей дѣятельности обратно въ Лондонъ. Къ фракціи Виллихъ-Шаппера присосѣдился поручикъ Генце, дѣлавшій здѣсь первые свои шаги на поприщѣ провокаторства и скоро ставшій артистомъ по этой части, какъ это обнаружилось въ процессахъ противъ Ладендорфа и Виггерса. Но изъ фракціи Виллихъ-Шаппера нельзя было уже много извлечь, во всякомъ случаѣ — ничего такого, что нужно было противъ кельнскихъ обвиняемыхъ. Грейфъ, прикомандированный тѣмъ временемъ къ прусскому посольству въ Лондонѣ, заявилъ шпіону Вильгельму Гиршу, что требуется непремѣнно добыть отчеты о тайныхъ засѣданіяхъ союза „партіи Маркса", они не должны только переступать предѣловъ вѣроятности, Флери же, поселившійся въ англійской столицѣ подъ видомъ простого купца, пояснилъ названному шпіону желанія прусской полиціи слѣдующимъ образомъ: „Документы — вотъ самое важное; если ихъ нельзя добыть, то надо найти иные способы"... Гиршъ, приказчикъ изъ Гамбурга, сумѣлъ втереться въ декабрѣ 1850 г. подъ личиной эмигранта-коммуниста въ одно частное общество, гдѣ Марксъ встрѣчался обыкновенно еженедѣльно со своими друзьями, но уже въ январѣ 1851 г. онъ былъ разоблаченъ и тотчасъ же выгнанъ.

„Партія Маркса“ была такая гадкая, что не хотѣла дать ни одного атома, который можно было бы использовать противъ кельнскихъ обвиняемыхъ. Тогда Гиршъ и Флери вышли, какъ умѣли, изъ затрудненія: они еженедѣльно фабриковали въ домѣ Флери, въ верхнемъ этажѣ котораго жилъ бравый Грейфъ, свои отчеты о „тайныхъ засѣданіяхъ союза партіи Маркса“ и продавали ихъ за полновѣсныя деньги прусскому правительству, наивно полагавшему, что безтолковая пачкотня двухъ необразованныхъ мошенниковъ содержитъ сокровеннѣйшую мудрость Маркса и Энгельса.

Несмотря на это возраставшее обиліе „объективныхъ фактовъ“, прусское правительство, повидимому, не чувствовало себя слишкомъ хорошо. Гласное разбирательство процесса кельнскихъ обвиняемыхъ откладывалось отъ одной сессіи суда присяжныхъ до другой. Полицейскія управленія Кельна и Берлина, министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ безпрестанно вмѣшивались въ ходъ предварительнаго слѣдствія, но всегда пѣсенка кончалась однимъ и тѣмъ же припѣвомъ: изъ ничего ничего не выходитъ. Ихъ постигло даже такое несчастіе, что главный свидѣтель Гауптъ былъ еще до начала процесса отправленъ въ Бразилію родными, стыдившимися его предательства. Къ тому же публика становилась все болѣе нетерпѣливой. Послѣ полутора лѣтъ пришлось, наконецъ, рѣшиться и поднять завѣсу надъ столь шумно возвѣщеннымъ сенсаціоннымъ дѣломъ. Этотъ шагъ былъ сдѣланъ при изысканнѣйшихъ мѣрахъ предосторожности. Тщательно подобранные присяжные представляли собой отборную коллекцію заячьихъ душъ изъ господствующихъ классовъ; защитникамъ, въ прямое нарушеніе закона, было запрещено сноситься съ обвиняемыми даже послѣ врученія обвинительнаго акта; почтовый „черный кабинетъ“, издавна сумѣвшій безподобно организовать кражу писемъ въ прусскомъ государствѣ, получилъ приказъ превзойти на этотъ разъ самого себя и отрѣзать защитѣ всякую возможность получить помощь извнѣ; наконецъ, Штиберъ стоялъ наготовѣ, чтобъ энергично давать одно лжесвидѣтельское показаніе за другимъ.

Разборъ дѣла длился шесть недѣль, отъ 7 октября до 12 ноября 1852 г. Помимо маленькихъ полицейскихъ сюрпризовъ, въ родѣ рукописи, полной дикихъ безсмыслицъ и принадлежащей яко бы перу Маркса,—рукописи, подложность которой была тотчасъ же доказана,—Штиберъ пытался запутать подсудимыхъ въ заговоръ Шерваля, безъ разбора сваливая въ кучу имена и даты

и не останавливаясь ни передъ какой ложью, если только можно было отважиться на нее безъ риска быть немедленно разоблаченнымъ. Письмо Шерваля къ Гиппериху въ духѣ Ринальдо-Ринальдини было прочитано не менѣе трехъ разъ, чтобы воочію показать присяжнымъ преступное злодѣйство коммунизма. Однако, несмотря на всю ограниченность „вѣрноподданнаго ума" буржуазныхъ присяжныхъ, на ихъ трусливый страхъ за священную собственность, всѣ лжесвидѣтельства Штибера не могли превозмочь силы простой логики, что нельзя дѣлать подсудимыхъ отвѣтственными за заговоръ, устроенный во время ихъ подслѣдственнаго ареста полицейскими провокаторами въ организаціи, явно враждебной подсудимымъ.

Штиберъ понялъ, что ему надо пустить въ ходъ самое сильное свое средство. 23 октября онъ призналъ, что въ заговорѣ Шерваля виновна, конечно, лишь Виллихъ-Шапперовская организація. Но теперь онъ представитъ судьямъ книгу подлинныхъ протоколовъ партіи Маркса-Энгельса, только что доставленную ему чрезвычайнымъ курьеромъ изъ Лондона; эта книга раскроетъ самыя страшныя козни въ Рейнской провинціи, въ Кельнѣ и даже въ залѣ суда. Чрезвычайный курьеръ былъ не кто иной, какъ пріятель Грейфъ, а книга протоколовъ состояла изъ отчетовъ, сфабрикованныхъ Флери и Гиршемъ, съ той лишь разницей, что въ представленной книгѣ они были яко бы собственноручно записаны и подписаны Г. Либкнехтомъ и Рингсомъ, секретарями партіи Маркса-Энгельса. Штиберъ подъ присягой удостовѣрялъ подлинность книги на томъ уважительномъ основаніи, что она содержитъ тѣ же свѣдѣнія, которыя были ему сообщены его тайными агентами о тайныхъ засѣданіяхъ названной партіи. Въ первую минуту обвиняемые и ихъ защитники были, конечно, безсильны противъ этого полицейскаго разоблаченія, а полицейскія и почтовыя власти снова приняли всѣ зависѣвшія отъ нихъ мѣры, чтобы отрѣзать доступъ всякимъ разъясненіямъ, которыя могли бы прибыть изъ Лондона отъ страшнаго Маркса.

Но всемогущества прусскаго государства оказалось недостаточно, чтобы провести преступный подлогъ. Въ самомъ Кельнѣ удалось раздобыть подлинныя рукописи Рингса и Либкнехта, даже имя котораго *) было невѣрно указано поддѣлывателями, а Марксъ су-

*) Вильгельмъ.—*Перев.*

мѣлъ, несмотря на всѣ совершаемыя почтовымъ вѣдомствомъ кражи писемъ, косвенными путями снабдить защитниковъ необходимыми указаніями. Штиберъ сдѣлалъ еще послѣднюю отчаянную попытку, командировавъ въ Лондонъ полицейскаго поручика Гольдгейма, чтобы обѣщаніемъ форменной государственной пенсіи заманить шпіона Гирша въ Кельнъ, гдѣ тотъ долженъ былъ, въ качествѣ Г. Либкнехта, подтвердить на судѣ подъ присягой подлинность книги протоколовъ. Но Гиршъ совершенно вѣрно чуялъ, что изъ этой авантюры онъ выйдетъ скорѣе козломъ отпущенія для полиціи и лжесвидѣтельствовавшимъ каторжникомъ, чѣмъ прусскимъ государственнымъ пенсіонеромъ. Онъ прогналъ искусителя и вмѣсто того раскрылъ тайники своей прекрасной души передъ Виллихомъ, который убѣдилъ его заявить 6 ноября подъ присягой предъ англійскими властями, что книга протоколовъ сфабрикована имъ подъ руководствомъ Грейфа и Флери. Кельнская прокуратура сама вынуждена была признать это великолѣпное вещественное доказательство „поддѣлкой“ и „злополучной книгой“.

Оправданіе кельнскихъ обвиняемыхъ казалось неизбѣжнымъ. Нѣмецкая и англійская буржуазная печать подготовляла общественное мнѣніе къ неблагопріятному исходу процесса. Тѣмъ не менѣе присяжные 12 ноября признали 7 изъ 11-ти подсудимыхъ виновными; Рёзеръ, Бюргерсъ и Нотъюнгъ были приговорены къ шести, Рейфъ, Отто и Беккеръ — къ пяти, Лесснеръ — къ тремъ годамъ заключенія въ крѣпости. Это было первое грѣхопаденіе присяжныхъ послѣ мартовскихъ дней; поставленные передъ выборомъ—совершить юридическое убійство надъ нѣсколькими коммунистами или передъ лицомъ всего міра запечатлѣть на лбу прусскаго правительства клеймо позора,—они предпочли юридическое убійство.

Послѣ этого остатки „Союза коммунистовъ“, какіе существовали еще въ Лондонѣ, распались. Въ резолюціи о распущеніи Союза было указано, въ качествѣ мотива, что послѣ ареста кельнскихъ осужденныхъ прекратились всѣ связи съ континентомъ, и что вообще подобное общество пропаганды не представляется больше своевременнымъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ заснулъ также Виллихъ-Шапперовскій союзъ. Шапперъ призналъ промахи „эмигрантскаго сумасбродства“, а Виллихъ отправился въ Америку и здѣсь снискалъ заслуженную славу въ качествѣ генерала во время междоусобной войны 60-хъ годовъ.

Съ распущеніемъ самой сильной организаціи закончился первый періодъ нѣмецкаго рабочаго движенія. Вейтлингъ, который послѣ ноябрскаго государственнаго переворота былъ высланъ изъ Берлина, занимался еще довольно успѣшно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ коммунистической пропагандой въ Гамбургѣ и Альтонѣ; онъ основалъ „Союзъ освобожденія", обратившій ткача Якова Аудорфа въ убѣжденнаго коммуниста. Но полиція уже въ августѣ 1849 г. напала на слѣдъ агитаціи Вейтлинга. Аудорфъ отправился еще затѣмъ, по тайному порученію своихъ единомышленниковъ, въ Англію, чтобы вмѣстѣ съ тамошними эмигрантами обсудить вопросъ о вооруженномъ возстаніи въ сѣверной Германіи, но послѣдніе, въ особенности Марксъ, сумѣли убѣдить Аудорфа въ полной безнадежности подобнаго предпріятія. Вейтлингъ бѣжалъ въ Америку, откуда уже не возвращался болѣе въ Германію. Къ числу прочихъ заслугъ Вейтлинга относится еще то, что онъ создалъ въ Соединенныхъ Штатахъ сильное движеніе среди нѣмецкихъ рабочихъ, руководство которымъ ускользнуло, однако, скоро изъ его рукъ изъ-за его самодурства и утопическихъ плановъ. До самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1871 году, Вейтлингъ скудно прокармливалъ себя и большую семью маленькой должностью въ Кестль-Гарденѣ, эмиграціонномъ депо нью-іоркской гавани. Послѣднія рукописи его свидѣтельствуютъ о томъ, что къ концу жизни онъ подпалъ цѣликомъ подъ власть навязчивыхъ идей и замышлялъ полный переворотъ въ астрономіи, при чемъ землѣ предстояло снова стать центромъ міра. Вейтлингъ умеръ на порогѣ эпохи, воздавшей ему должное какъ въ томъ, что онъ совершилъ положительнаго, такъ и въ томъ, въ чемъ онъ ошибался.

„Союзъ коммунистовъ" пережили, повидимому, отдѣльные ростки „Братства рабочихъ". Изъ всѣхъ практическихъ опытовъ послѣдняго удались только союзы для охраненія здоровья, члены которыхъ, за небольшіе мѣсячные взносы, получали безплатно въ случаяхъ болѣзни врачебную помощь и лѣкарства. Эти союзы были разгромлены лишь весною 1853 г., когда политическая полиція напала въ процессѣ Ладендорфа на мелко-буржуазную демократію при помощи тѣхъ же средствъ, какія она полугодомъ раньше пустила въ ходъ въ кельнскомъ коммунистическомъ процессѣ противъ революціоннаго пролетаріата. Штиберъ обнаружилъ, однако, извѣстную логичность, втянувъ союзы по охраненію здоровья не въ пролетарскую, а въ буржуазную катастрофу. Эти

союзы не могли уже, конечно, считаться пролетарскими организаціями; они совершенно обуржуазились и цѣнились буржуазіей за достигавшееся благодаря имъ облегченіе городскаго бюджета по призрѣнію бѣдныхъ. Либеральные филантропы протестовали противъ ихъ распущенія, ссылаясь на то, что союзы для охраны здоровья охотно подчиняли всегда свои собранія надзору полиціи.

Судьба этихъ союзовъ отразила до извѣстной степени судьбу самого „Братства рабочихъ". Пока продолжалась революція, неясность принциповъ, господствовавшая въ его средѣ, уравновѣшивалась революціоннымъ инстинктомъ пролетаріата; но она рѣзко выступила наружу, какъ только революція была разбита въ кампаніи за имперскую конституцію, и начался энергичный подъемъ въ области промышленности. Сюда присоединилось еще то, что Борнъ жилъ въ изгнаніи, а его преемники въ руководствѣ союзомъ и литературнымъ органомъ послѣдняго, геометръ Швеннингеръ и наборщикъ Ганглофъ, отнюдь не могли замѣнить его. Общее собраніе „Братства рабочихъ", происходившее отъ 20 до 26 февраля 1850 г. въ Лейпцигѣ и состоявшее изъ 25 делегатовъ (въ числѣ ихъ были нѣкоторые члены „Союза коммунистовъ", напр., Биски и Штеханъ), проявило самую рѣшительную склонность отказаться отъ крупныхъ политическихъ реформъ и вмѣсто того попробовать лѣчить капиталистическое общество при помощи такихъ негодныхъ средствъ, какъ различныя формы самопомощи. Подобно тому какъ страшное іюньское кровопусканіе, смерть и изгнаніе наиболѣе даровитыхъ вождей французскаго пролетаріата, пораженіе буржуазной революціи и пышный расцвѣтъ буржуазныхъ производительныхъ силъ вызвали, по классическому выраженію Маркса, среди этого пролетаріата движеніе, „въ которомъ онъ, отказавшись отъ мысли произвести переворотъ въ мірѣ при помощи всей совокупности громадныхъ средствъ послѣдняго, сдѣлалъ попытку добиться своего освобожденія, такъ сказать, за спиной общества, частнымъ образомъ, въ предѣлахъ своихъ ограниченныхъ средствъ существованія"; подобно тому какъ въ англійскомъ пролетаріатѣ проявилась совершенно однородная тенденція послѣ крушенія чартизма,—такъ точно аналогичныя причины вызвали аналогичныя слѣдствія въ нѣмецкомъ рабочемъ классѣ. Правда, онъ не переживалъ ни іюньской бойни, ни чартистскаго движенія, но, принимая во вниманіе его зачаточное еще развитіе, онъ столько же сдѣлалъ и претерпѣлъ въ революціонной борьбѣ, сколько англійскій и французскій рабочій

классъ, и теперь нуждался въ нѣкоторомъ отдыхѣ, чтобы ясно оцѣнить горькіе уроки революціи и сладкіе соблазны промышленнаго подъема.

Мы можемъ оставить въ сторонѣ вопросъ о томъ, щадила ли такъ долго реакція „Братство рабочихъ“ вслѣдствіе его второстепеннаго значенія, какъ думаетъ Энгельсъ, или же контръ-революція хотѣла сначала совершенно свалить сопротивленіе буржуазіи, чтобы потомъ уже взяться за осиное гнѣздо рабочихъ ферейновъ, объединенныхъ въ названномъ союзѣ,— предположеніе, въ пользу котораго говорятъ многія обстоятельства. Во всякомъ случаѣ „Братство рабочихъ“ было разгромлено одновременно въ Пруссіи, Баваріи и Саксоніи лишь въ серединѣ 1850 года. Въ качествѣ предлога былъ пущенъ въ ходъ прежде всего тотъ пунктъ новыхъ реакціонныхъ законовъ о союзахъ, который запрещалъ въ названныхъ государствахъ политическимъ союзамъ вступать въ связь другъ съ другомъ. Вмѣстѣ съ союзомъ погибъ и его органъ. Швеннингера выслали изъ Саксоніи, какъ прусскаго подданнаго, продержавъ его раньше довольно долго въ предварительномъ заключеніи за мнимое участіе въ дрезденскомъ майскомъ возстаніи. Ганглофъ продолжалъ еще издавать, взамѣнъ „*Братства*“, „*Прометей*“—еженедѣльный журналъ со слабымъ, невыдержаннымъ направленіемъ, гдѣ разводился въ лучшемъ случаѣ какой-то туманный соціализмъ. Журналъ такъ же превозносилъ до небесъ Прудона, какъ „*Братство*“ рѣзко критиковало его; онъ печаталъ безцвѣтную беллетристику Карла Грюна, снабдивъ ее еще собственнымъ глубокомысленнымъ примѣчаніемъ, что коммунизмъ относится къ соціализму такъ, какъ астрологія къ астрономіи или алхимія къ химіи. Когда „*Прометей*“ былъ запрещенъ въ Пруссіи, онъ жаловался на безсердечную жестокость властей по отношенію къ „невинной рабочей газетѣ, существующей для того, чтобы распространять ясныя идеи и доказывать невозможность коммунизма, по крайней мѣрѣ въ ближайшія 500 лѣтъ“. Несмотря на это рискованное приспособленіе къ подлымъ временамъ, дни его были сочтены: Ганглофъ былъ арестованъ и въ 1852 г. приговоренъ лейпцигской аппелляціонной камерой къ 4-лѣтнему заключенію въ работномъ домѣ за подготовительныя дѣйствія къ совершенію государственной измѣны и по подозрѣнію въ прикосновенности къ „Союзу коммунистовъ“. Въ „предостереженіе“ другимъ саксонское министерство распространило еще печатно этотъ безчестный приговоръ.

Дольше всего „Братство рабочихъ" удержалось въ сѣверо-западной Германіи, гдѣ Штеханъ собралъ его остатки вокругъ издаваемой имъ „*Deutsche Arbeiterhalle*", которая тоже приноравливалась къ реакціоннымъ временамъ, но не поступалась ради этого ничѣмъ изъ защищаемаго ею дѣла. Послѣ раскрытія „Союза коммунистовъ" Штеханъ былъ арестованъ, и его газета перестала выходить. Ему самому удалось бѣжать изъ подслѣдственнаго заключенія въ Англію.

У могилы „Братства рабочихъ" германскій союзный сеймъ салютовалъ своимъ постановленіемъ отъ 13 іюля 1854 г., которое „въ интересахъ общей безопасности" обязывало „всѣ союзныя правительства" закрыть въ теченіе двухъ мѣсяцевъ рабочіе союзы и братства, существующіе еще въ ихъ государствахъ и преслѣдующіе политическія, соціалистическія или коммунистическія цѣли, воспретивъ вмѣстѣ съ тѣмъ подъ страхомъ наказанія новое образованіе такихъ сообществъ. Главнымъ духовнымъ отцомъ этого исключительнаго закона былъ прусскій уполномоченный при союзномъ сеймѣ фонъ Бисмаркъ.

— —

Глава VI.

Пятидесятые годы.

---

1. Политическій упадокъ.

Въ ходячихъ учебникахъ исторіи реакціонная эпоха 50-хъ гг. изображается въ видѣ мрачной, однообразной и жалкой интермедіи, во время которой злой духъ Ариманъ развлекался злобными шутками, а добрый духъ Ормуздъ влачилъ безотрадное существованіе, какъ благородный страдалецъ. Въ грубой дѣйствительности исторія разыгралась, однако, совершенно иначе и притомъ именно такъ, какъ она должна была разыгрываться въ силу своихъ фактическихъ предпосылокъ.

Прусскія объединительныя стремленія потерпѣли заслуженную неудачу. Едва гогенцоллернскій орелъ спасъ среднія и мелкія государства отъ революціи, какъ они бѣжали отъ его жадныхъ когтей въ объятія Австріи. Царь, позвавъ Австрію и Пруссію, какъ вассаловъ, на свой судъ въ Варшаву, приказалъ имъ вести себя спокойно и возстановить старый союзъ. Но онъ третировалъ ихъ не какъ равноправныхъ вассаловъ: Пруссія должна была смириться, какъ вассалъ низшаго ранга, передъ Австріей, въ наказаніе за то, что кокетничала съ революціей. Прусскій патріотизмъ тяжко вздыхалъ, проходя дважды подъ кавдинскимъ ярмомъ, но въ то же время доказалъ и свое неистощимое терпѣніе, продолжая теперь еще сочинять всеподданнѣйшую легенду, гласившую, что графъ Бранденбургъ, „благородный Гогенцоллернъ", при возвращеніи изъ Варшавы въ Берлинъ, былъ подавленъ позоромъ своего отечества и умеръ съ разбитымъ сердцемъ, требуя себѣ въ предсмертномъ бреду оружія. Фактически этотъ грубый солдатъ умеръ отъ весьма прозаической простуды въ тотъ самый моментъ,

когда собрался унизиться предъ австрійскимъ соперникомъ съ той же пріятной улыбкой, съ какой онъ только что унизился предъ русскимъ сюзереномъ. Прусскіе историки, которымъ не по душѣ было, чтобы „благородный Гогенцоллернъ“ могъ когда-либо симпатизировать хотя бы самому робкому народному движенію, установили этотъ фактъ на основаніи историческихъ актовъ.

Мантейфель сдѣлалъ уступку этому народному движенію: онъ созвалъ палаты и мобилизовалъ войско. Но онъ и не думалъ дѣйствительно выступить противъ Австріи, а отправился въ Ольмюцъ, чтобы спокойнѣйшимъ образомъ закрѣпить документально прусскій позоръ. Посыпавъ пепломъ главу, онъ принесъ повинную и молилъ лишь о чести быть допущеннымъ, въ качествѣ палача второго ранга, къ участію въ экзекуціяхъ, при помощи которыхъ Австрія и нѣмецкія государства средней величины собирались сломить законное сопротивленіе кургессенскаго населенія династическому государственному перевороту и національное сопротивленіе шлезвигъ-голштинскаго населенія датскому чужеземному владычеству. И такими „уступками“ Мантейфель еще осмѣливался хвастать, а Бисмаркъ въ открытомъ засѣданіи палаты превозносилъ ольмюцскій договоръ. Напротивъ, старо-прусскій дипломатъ Пурталесъ, правильно полагая, что Ольмюцъ превосходитъ еще Іену, писалъ слѣдующее: „Въ нашей исторіи нѣтъ ничего такого, что можно было бы сравнить съ ольмюцскимъ пораженіемъ. Созвать при барабанномъ боѣ палаты и войско для того, чтобы получить торжественную оплеуху, говорить объ уступкахъ Австріи на томъ основаніи, что мы имѣемъ право поставить подручнаго палачу Рехбергу въ Гессенѣ, тащиться въ Голштинію въ качествѣ сводника и укрывателя, быть вынужденными, при громѣ трубъ и литавровъ, закрѣпить протоколами и актами свой позоръ — все это производитъ такое удручающее впечатлѣніе, что я не нахожу словъ для его выраженія“. Если настоящіе юнкеры захлебывались отъ восторга по поводу заключенія позорнаго ольмюцскаго договора, то болѣе стыдливыя души реакціи говорили шопотомъ, что только дипломатическимъ пораженіемъ можно было избѣгнуть военнаго разгрома. И дѣйствительно, мобилизація обнаружила полный упадокъ прусскаго военнаго дѣла, о которомъ уже раньше позволяли заключать печальныя кампаніи въ Познани, Шлезвигъ-Голштиніи и Баденѣ.

Пруссія подчинилась, союзный сеймъ былъ возстановленъ, кургессенскій государственный переворотъ закрѣпленъ военной си-

лой, а Шлезвигъ - Голштинія выдана чужеземному властителю. Великія державы, и въ ихъ числѣ Пруссія и Австрія, устранили путемъ насильственнаго акта исконное право герцогствъ, согласно которому въ нихъ имѣла право царствовать лишь мужская линія датскаго королевскаго дома; между тѣмъ прекращеніе этой линіи—его можно было ожидать въ близкомъ будушемъ—позволило бы герцогствамъ навсегда отдѣлиться отъ Даніи. Въ лондонскомъ протоколѣ отъ 8 мая 1852 г. было постановлено, что во всей датской монархіи, включая сюда и Шлезвигъ-Голштинію, правомъ наслѣдованія долженъ пользоваться одинъ Глюксбургскій домъ; отъ престолонаслѣдія были устранены Августенбургскіе князья, имѣвшіе на то право по шлезвигъ-голштинсному закону. Впрочемъ, глава этого дома согласился продать свои притязанія „Божіей милостью" за нѣсколько милліончиковъ. Затѣмъ возстановленный союзный сеймъ далъ среднимъ и мелкимъ государствамъ сигналъ къ уничтоженію завоеваній мартовской революціи. Въ большинствѣ этихъ государствъ, въ Саксоніи, Ганноверѣ, Вюртембергѣ, Нассау, въ обоихъ Гессенахъ и другихъ, это совершилось съ открытымъ нарушеніемъ присяги и слова со стороны государей; только Баварія и нѣкоторыя мелкія государства въ родѣ Брауншвейга, Кобурга, Мейнингена, Ольденбурга и Веймара, обошли этотъ подводный камень, хотя и они большей частью взяли реакціонный курсъ.

Князь Шварценбергъ, министръ-президентъ австрійской монархіи, издалъ пароль: il faut avilir la Prusse et puis la démolir, „надо унизить Пруссію, а затѣмъ уничтожить ее". Казалось, онъ достигъ теперь своей цѣли: Пруссія была фактически вычеркнута изъ числа великихъ державъ, и въ Германіи никто не хотѣлъ слышать больше объ ея „національной миссіи". Даже долготерпѣливый „батька Арндтъ" пропѣлъ прусской гегемоніи прощальный стишокъ:

„Wohl vieles wird vergeben und vergessen,
Doch nimmer Schleswig-Holstein, nimmer Hessen" *).

Тѣмъ не менѣе она въ это время пустила болѣе крѣпкіе корни, чѣмъ когда-либо раньше. Австріи и среднимъ государствамъ не удался рѣшающій ударъ: уничтоженіе таможеннаго союза. Ихъ отчаянныя усилія помѣшать возобновленію таможенныхъ договоровъ, истекавшихъ 1 января 1854 г., разбились о непреодолимое

*) Многое, конечно, забывается и прощается, но никогда такія вещи, какъ Шлезвигъ-Голштинія и Гессенъ.

veto экономическаго развитія. Таможенный союзъ не только не распался, а даже расширился: благодаря присоединенію Ганновера, Ольденбурга и мелкихъ государствъ сѣверо-западной Германіи, до сихъ поръ составлявшихъ самостоятельный „податной союзъ", онъ охватывалъ теперь область въ 9046 кв. миль съ 35 милліонами жителей.

Въ предѣлахъ самой Пруссіи контръ-революція тоже почувствовала, что ея политическое всемогущество имѣетъ свои опредѣленныя границы въ экономическихъ условіяхъ. Послѣ того какъ рабочій классъ былъ обузданъ, а мѣщанскіе слои и нѣсколько болѣе рѣшительная буржуазія отказались отъ политическихъ поползновеній, передъ контръ-революціей открылось довольно свободное поприще. Оппозиція готцевъ, за которой стояли лишь самые слабые элементы буржуазіи, не имѣла большого значенія. И вотъ наиболѣе рьяные представители юнкерской реакціи почти десятокъ лѣтъ трудились надъ возвращеніемъ до-мартовскихъ порядковъ, но безъ успѣха. Готцы проявили совершенно вѣрный буржуазный инстинктъ, когда утѣшали себя тѣмъ, что пѣтушка-свободу можно, конечно, задушить, но его нельзя уже посадить назадъ въ разбитое яйцо.

Въ утѣшеніи они, безспорно, очень нуждались, ибо юнкерско-бюрократическій ястребъ придушилъ пѣтушка почти на-смерть. Какія-либо колебанія съ точки зрѣнія совѣсти и права были ему чужды, и можно согласиться съ буржуазнымъ мученикомъ, что въ 50-е годы ему пришлось съ избыткомъ искупать грѣхи, которые онъ надѣлалъ въ дни революціи. Власть, которую онъ снова отдалъ въ руки коронѣ и юнкерству, была основательно использована, чтобы мучить и прижимать его. Но такъ какъ онъ погрузился въ это море мученій добровольно и даже выплылъ не собственными силами, то мы можемъ предоставить его плакальщицамъ пѣть свои элегіи по этому поводу. Здѣсь для насъ важно установить лишь тѣ факты изъ исторіи пятидесятыхъ годовъ, которые такъ или иначе повліяли на судьбы нѣмецкаго пролетаріата.

Выборы, происходившіе лѣтомъ 1849 г. на основаніи октроированной трехклассной избирательной системы, дали, наконецъ, результаты, отвѣчавшіе желаніямъ министерства Бранденбурга— Мантейфеля. Въ новыхъ палатахъ на крайней лѣвой сидѣли тѣ, которые въ берлинскомъ національномъ собраніи сидѣли на крайней правой. Этотъ характеръ палатъ выразился еще рѣзче въ

реакціонномъ смыслѣ послѣ выборовъ 1852 и 1855 гг. Октроированная конституція 5 декабря 1848 г. была теперь въ одинъ мигъ очищена отъ всѣхъ мартовскихъ пріобрѣтеній. Изъ опрятнаго все-таки листа бумаги она превратилась въ разорванные лоскутья, о которые всякій бюрократъ вытиралъ свое перо, а всякій юнкеръ свои сапоги. Палаты почти всегда были готовы пробить брешь въ конституціи; къ тому же продажный верховный трибуналъ приходилъ на помощь, истолковывая непріятные параграфы, вопреки самому ясному тексту, въ прямо противоположномъ смыслѣ, если только правительство считало вообще нужнымъ насиловать конституцію, вмѣсто того чтобы попросту нарушать ее, словно бы ея совершенно не существовало. Всякой ссылкѣ на конституцію правительство съ „античной откровенностью", какъ жаловался патріотическій историкъ, противопоставляло хладнокровное заявленіе: дѣло идетъ лишь о томъ, измѣнить ли этотъ пунктъ формально или обойти его административнымъ путемъ.

Въ усиленной чисткѣ, которой подверглись мартовскія завоеванія, было сдѣлано очень характерное исключеніе для закона о гражданскомъ ополченіи. Дѣйствіе его было пріостановлено, но онъ не былъ отмѣненъ; его аккуратно отставили въ уголъ, какъ домашнее средство для будущихъ надобностей. Надо было бережно обращаться съ институтомъ, на которомъ такъ быстро и рѣзко развернулся антагонизмъ между буржуазіей и пролетаріатомъ. Наоборотъ, законъ о неприкосновенности личности и ея гарантіяхъ былъ устраненъ. Законъ 8 апрѣля 1848 года былъ уничтоженъ уже октроированной трехклассной системой выборовъ. Такую же судьбу бюрократическо-юнкерская реакція охотно уготовила бы и закону 6 апрѣля 1848 года, но тутъ она натолкнулась на границы своего могущества.

Въ предѣлахъ своей силы она попрала его ногами. Мѣсто свободы печати безъ залоговъ занялъ законъ о печати съ залогами, со штемпельнымъ сборомъ, съ предварительнымъ полицейскимъ надзоромъ, сильно походившимъ на цензуру, со всякими другими прижимками. Политическія преступленія и нарушенія закона о печати были изъяты изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ и переданы состоящимъ на жалованьѣ короннымъ судамъ, а для особо важныхъ случаевъ введенъ государственный трибуналъ, въ качествѣ исключительнаго суда. Принципъ политической и гражданской равноправности, независимо отъ вѣроисповѣданія, нашелъ себѣ осуществленіе въ господствѣ ортодоксіи, проникнутой жаждою пре-

слѣдованія и наложившей, между прочимъ, свою тяжелую руку на школу. Независимость судей была сломлена новыми дисциплинарными законами, а честолюбивымъ карьеристамъ судейскаго сословія открыто безграничное поле дѣятельности уголовнымъ уложеніемъ 1850 г. Новое уголовное право наказывало за призывъ къ неповиновенію законамъ или распоряженіямъ властей, наказывало за сопротивленіе чиновникамъ, все равно входили ли ихъ дѣйствія въ предѣлы ихъ законной власти или нѣтъ, наказывало за открытое одобреніе запрещенныхъ дѣйствій, за нарушеніе общественнаго мира, за возбужденіе однихъ классовъ противъ другихъ; все это было неизвѣстно прусскому Земскому праву. Новое уложеніе не только защищало должностныхъ лицъ отъ оскорбленій и клеветы, но ограждало также государственныя учрежденія и распоряженія властей противъ искаженій, осмѣянія, возбужденія къ нимъ ненависти и презрѣнія. Отрицательная критика правительственныхъ дѣйствій, доказываніе ихъ незаконности стало фактически невозможнымъ. Гарантированная закономъ свобода союзовъ и собраній была задушена указомъ 1850 г. Требованіе, чтобы полиціи представлялись уставы союзовъ и списки ихъ членовъ носило на себѣ печать сыска, давало полиціи прекрасный матеріалъ для инквизиціонныхъ черныхъ списковъ и позволяло правительству наказывать и преслѣдовать людей, вступившихъ въ неугодные ему союзы. Запрещеніе политическимъ союзамъ вступать въ связь другъ съ другомъ парализовало развитіе современной системы партій. Необходимость оповѣщенія полиціи о предстоящихъ собраніяхъ и подчиненіе ихъ полицейскому надзору давали возможность любому низшему полицейскому чину распускать любое собраніе въ любой моментъ, рискуя въ худшемъ и самомъ рѣдкомъ случаѣ получить поощрительное „замѣчаніе“ отъ своего начальства. Этотъ славный законъ правительство внесло, впрочемъ, съ нѣкоторой краской стыда; оно не приложило къ проекту мотивовъ, и прислужникамъ его въ палатѣ пришлось пролепетать, что дѣло идетъ, молъ, объ исключительно временной мѣрѣ, при помощи которой можно было бы перебиться въ трудное время, но съ наступленіемъ лучшихъ временъ она будетъ опять отмѣнена. Какъ извѣстно, законъ въ большинствѣ своихъ постановленій продолжаетъ дѣйствовать и понынѣ.

Все это удалось чиновничье-дворянской реакціи. Но что ей не удалось или не вполнѣ удалось, это—уничтожить истинный вѣнецъ закона 6 апрѣля 1848 г.: право утвержденія бюджета и на-

логовъ. Право вотированія налоговъ было, правда, сведено къ объему, предоставленному уже соединенному ландтагу, т.-е. только къ утвержденію новыхъ займовъ и налоговъ; точно также право народнаго представительства на утвержденіе бюджета подверглось сомнѣнію, такъ какъ былъ поднятъ вопросъ, что дѣлать въ томъ случаѣ, если правительству не удастся приготовить росписи. По существу тутъ, конечно, и вопроса никакого не было, ибо по своему историческому и фактическому смыслу бюджетное право заключалось въ томъ, что правительство не въ правѣ производить никакого расхода, не одобреннаго парламентомъ. Такъ понимало дѣло и собраніе 1848 г., но, чтобы возможно прочнѣе укрѣпить бюджетное право, оно ограничилось въ конституціонномъ проектѣ министерства Кампгаузена 99 статьей, согласно которой всѣ доходы и расходы государства должны быть ежегодно заранѣе исчисляемы и вносимы въ смѣту, ежегодно утверждаемую въ законодательномъ порядкѣ. Оно воображало, что торжественная форма закона сдѣлаетъ бюджетъ, установленный народнымъ представительствомъ, особенно неприкосновеннымъ, тогда какъ, вѣроятно, уже министерство Кампгаузена-Ганземана и, внѣ всякаго сомнѣнія, министерство Бранденбурга-Мантейфеля имѣли при этомъ въ умѣ ст. 60 конституціи, согласно которой всякій законъ нуждается въ согласіи короля и обѣихъ палатъ. Изъ статей 99 и 60 чиновничье-феодальная реакція выводила заключеніе, что народное представительство въ правѣ дѣлать лишь тѣ измѣненія въ выработанной правительствомъ смѣтѣ, на которыя правительство такъ или иначе соглашается. Вторая палата 1849 года, производя пересмотръ конституціи въ реакціонномъ духѣ, прямо отвергла предложеніе „готцевъ“, внесенное съ цѣлью провозгласить истинный смыслъ 99-й статьи, но не отвѣтила, однако, на ею же поставленный вопросъ, что будетъ, если король и палаты не смогутъ притти къ соглашенію относительно бюджетнаго закона. Она оставила „пробѣлъ“, сохранивъ за собою право въ случаѣ надобности заполнить его по своему вкусу. Пока въ этомъ не было нужды. Но если реакція настолько подрубила или расшатала право утвержденія налоговъ и бюджета, чтобы въ случаѣ надобности его можно было свалить однимъ ударомъ топора, то она имѣла свои вѣскіе мотивы не раскрывать преждевременно внутренней пустоты этого права.

Каковы были эти мотивы, это кратко и ясно изложено въ „*Обозрѣніи Новой Рейнской Газеты*“: „Если мы вспомнимъ затрудни-

тельное финансовое положенiе отъ 1842 до 1848 года, вспомнимъ тщентыя попытки занять деньги у „Морской компанiи" и у банка, отказы Ротшильда, отклоненiе займа соединеннымъ ландтагомъ, истощенiе государственнаго казначейства и государственныхъ кассъ, и если мы сравнимъ со всѣмъ этимъ финансовый избытокъ 1850 г., покрытые три бюджета съ дефицитомъ въ 70 миллiоновъ, массовый выпускъ въ обращенiе кредитныхъ билетовъ и свидѣтельствъ государственнаго казначейства, отличныя отношенiя между государствомъ и банкомъ, въ какихъ оно никогда не находилось съ „Морской компанiей", и сверхъ всего этого въ запасѣ еще одобренный заемъ въ 34 миллiона—какой получается контрастъ!" Финансовая нужда дѣлала невозможнымъ открытое возвращенiе къ до-мартовскимъ порядкамъ; безъ конституцiонализма прусское государство не могло больше существовать, и юнкерскому честолюбiю пришлось ограничиться превращенiемъ прусскаго конституцiонализма въ одинъ лишь призракъ.

Но не только финансовая нужда ставила бюрократическо-феодальной реакцiи непреодолимую границу. Въ соцiальной области ей такъ же приходилось сдерживать себя, какъ и въ политической. Она возстановила вотчинную полицiю, феодальныя окружныя и провинцiальныя сословныя собранiя; болѣе того, она увѣнчала эту средневѣковую организацiю, замѣнивъ первую палату палатой господъ, гдѣ остъ-эльбское юнкерство имѣло большинство по праву рожденiя. Это уродливое противо-конституцiонное учрежденiе могло парализовать всю законодательную дѣятельность, если бы трехклассная система выборовъ не оправдала надеждъ, возлагавшихся на нее реакцiей. Обѣ палаты съ ихъ „революцiонными названiями" исчезли; вмѣсто нихъ палата господъ и палата депутатовъ образовали напоминающiй средневѣковье ландтагъ. Однако, и здѣсь оказалось невозможнымъ сохранить въ прежнемъ видѣ помѣщичье-крестьянскiя отношенiя. Этотъ фундаментъ всего феодальнаго величiя пришлось устранить. У юнкеровъ страхъ передъ крестьянами былъ еще слишкомъ силенъ, чтобы они сами не настаивали на этомъ. Они поняли, какъ красиво выразилось одно изъ послѣдующихъ министерствъ, что „нужно сейчасъ найти удовлетворительное рѣшенiе, если не хотятъ, чтобы вопросъ былъ впослѣдствiи разрѣшенъ съ меньщимъ вниманiемъ" къ интересамъ помѣщиковъ. Лассаль перевелъ эту благозвучную фразу въ энергичное и мѣткое положенiе: феодальный духъ чувствуетъ, что ему отпущено мало времени, и... снова быстро залѣзаетъ обѣими

руками въ карманы народа, чтобы еще раньше, чѣмъ закричитъ пѣтухъ, превратить путемъ новаго насилія свою феодальную собственность въ буржуазную.

Законъ 2 марта 1850 г. о выкупѣ и регулированіи помѣщичье-крестьянскихъ отношеній достаточно сильно забрался въ народный карманъ. Безвозмездно было уничтожено какихъ-нибудь двадцать совершенно второстепенныхъ повинностей: были упразднены такія права помѣщиковъ, которыя, по выраженію министерства, „представляютъ собою лишь обременительное стѣсненіе обязаннаго лица въ свободномъ распоряженіи землей, а лицу правомочному либо совсѣмъ не доставляютъ матеріальной выгоды, либо приносятъ такую выгоду, которая очень рѣдко можетъ быть реализована, зависитъ отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ и потому вообще не поддается денежной оцѣнкѣ"; кромѣ того, были безвозмездно уничтожены нѣкоторые виды лаудемій. Большинство послѣднихъ подлежали выкупу; вообще крестьянамъ пришлось выкупать всякую хоть сколько-нибудь доходную для помѣщика феодальную повинность, а также не опредѣленныя точно барщинныя службы, чисто феодальный характеръ которыхъ былъ признанъ прусскимъ законодательствомъ еще въ 1820 г., такъ что Лассаль справедливо заклеймилъ ихъ выкупъ какъ грабежъ, совершенный противозаконно и вопреки собственному правосознанію богатой поземельной аристократіей надъ бѣдняками. Регулированіе и выкупъ на этотъ разъ коснулись всего крестьянства, въ томъ числѣ и мелкихъ безлошадныхъ крестьянъ; юнкеры хотѣли разъ навсегда покончить со всѣмъ этимъ дѣломъ и взять все, что только возможно.

Однако, регулированіе коснулось всего лишь 12.706 крестьянъ, тогда какъ въ одной Силезіи ихъ должно было быть, судя по даннымъ 1816 г., 25 тысячъ—такую основательную чистку произвели юнкеры въ десятилѣтія, предшествовавшія мартовской революціи, среди крестьянъ съ прочнымъ правомъ владѣнія. Гораздо шире былъ примѣненъ выкупъ, причемъ юнкеры сдѣлали нѣкоторую уступку въ томъ отношеніи, что денежная или хлѣбная рента, на которую были переведены феодальныя повинности, могла быть капитализирована въ 18-кратномъ размѣрѣ, а не въ 25-кратномъ, какъ это было установлено раньше. Уплату капитала взяли на себя рентные банки, учрежденные на средства и съ гарантіей государства: они выплачивали помѣщикамъ 20-кратную сумму, а крестьяне путемъ выкупныхъ платежей въ теченіе 56 лѣтъ погашали эту

сумму и освобождались отъ всѣхъ обязательствъ. До 1865 г. выкупилось болѣе милліона крестьянъ.

Крестьяне, воспользовавшіеся регулированіемъ и выкупомъ, уплатили 19.697.483 талера въ формѣ капитала, 3.890.136 талеровъ и 55.522 шеффеля ржи въ формѣ ренты и, сверхъ того, уступили еще 113.071 моргенъ земли. По расчету одного оффиціальнаго статистика, все „освобожденіе крестьянъ“ съ 1816 до 1865 года обошлось кругомъ остъ-эльбскимъ крестьянамъ въ 213.861.035 талеровъ. Но этотъ расчетъ слишкомъ низокъ, такъ какъ упоминаемый статистикъ цѣнилъ каждый шеффель ржи всего въ 1 талеръ, каждый моргенъ земли всего въ 20 талеровъ, а моргенъ лѣса всего въ 10 талеровъ. Вѣроятно, мы будемъ значительно ближе къ истинѣ, если скажемъ, что остъ-эльбскіе крестьяне уплатили юнкерамъ въ теченіе 50 лѣтъ одинъ милліардъ марокъ за то, чтобы получить назадъ свободною отъ повинностей часть той земли, на которой ихъ предки сидѣли какъ свободные люди. Въ этотъ счетъ не вошли еще тѣ многія тысячи крестьянъ, которые подъ сѣнью прославленной на весь міръ „соціальной реформы“ были силой и хитростью сброшены въ ряды пролетаріата. При всемъ томъ юнкеры не насытились, а Бисмаркъ съ грустью жаловался, что прусское правительство обходится съ помѣстнымъ дворянствомъ, какъ съ „паріями 19-го вѣка“.

Подобно тому какъ уничтоженіе крѣпостной зависимости сопровождалось въ свое время Положеніемъ о батракахъ, такъ теперь за уничтоженіемъ помѣщичье-крестьянскихъ обязательныхъ отношеній послѣдовалъ законъ 24 апрѣля 1854 года, который трактовалъ о „нарушеніи условій найма“ и дѣлалъ сельскихъ рабочихъ тѣмъ болѣе безоружными жертвами помѣщичьей эксплуатаціи, что юнкеры снова захватили въ свои руки вотчинную полицію. Этотъ законъ заключалъ въ себѣ цѣлый рядъ въ высшей степени стѣснительныхъ правилъ и наказывалъ всякую попытку сельскаго пролетаріата устроить стачку тюрьмой до одного года. О томъ, какъ юнкеры осуществляли на практикѣ вотчинную полицію, игриво разболталъ въ палатѣ господъ графъ Пфейль. Онъ хозяйничалъ въ силезскихъ ткацкихъ округахъ и хвалился, что, желая задушить опасное возстаніе, онъ заковалъ въ кандалы и бросилъ въ тюрьму человѣка, въ юридической невинности котораго былъ убѣжденъ; онъ хвалился также, что избилъ человѣка, который во время большого голода отрѣзалъ и съѣлъ кусокъ конины, приготовленной для приманки лисицъ. Правитель-

ство едва осмѣлилось выразить слабый протестъ противъ этихъ откровенныхъ изліяній прекрасной юнкерской души.

Надо замѣтить, впрочемъ, что компромиссъ между тѣмъ, что было еще возможно для бюрократическо-юнкерской реакціи, и тѣмъ, что не представлялось уже больше возможнымъ для нея, совершился не безъ столкновеній въ ея собственныхъ предѣлахъ. Настоящій сельскій юнкеръ издавна велъ непрерывную партизанскую войну съ органами государственной власти, которые уже изъ военно-политическихъ и фискальныхъ соображеній нарушали безпечальное житье „маленькихъ господъ" или, какъ выразился Бисмаркъ, нарушали „естественный политическій порядокъ" помѣщичье-крестьянскихъ отношеній. Бисмаркъ вполнѣ выражалъ настроеніе этихъ юнкеровъ, когда писалъ Вагенеру: „Голова и члены бюрократіи изъѣдены язвами, лишь желудокъ ея здоровъ, и выдѣляемые ею экскременты - законы представляютъ собою самый естественный навозъ въ мірѣ". Юнкера-феодалы упрямо хотѣли вернуться къ до-мартовскимъ порядкамъ. Урокъ 1848 г. былъ достаточно внушителенъ, чтобы преисполнить ихъ страхомъ за свои головы и кошельки, но недостаточно силенъ для того, чтобы навсегда излѣчить ихъ отъ тоски по средневѣковью. Они сбивали съ ногъ своихъ собственныхъ вождей, Шталя, Вагенера, Герлаховъ, отлично понимавшихъ, что крупное землевладѣніе не можетъ больше образовать господствующій классъ, опираясь на фундаментъ, разъ навсегда разрушенный революціей.

Сами эти вожди расходились въ мнѣніяхъ по многимъ вопросамъ. Герлахи находились еще подъ властью романтики, Шталь, наоборотъ, былъ въ достаточно нѣжной связи съ современной философіей, чтобы, по насмѣшливому замѣчанію Лассаля, воспріять отъ нея якобинскій духъ, а Вагенеръ слишкомъ хорошо разбирался въ буржуазномъ обществѣ, чтобы не считать борьбу съ „современными разбойничающими рыцарями, таящимися за высокими фабричными трубами", важнѣе всякаго философскаго и религіознаго прикрашиванія юнкерскихъ интересовъ. Они сходились, однако, въ томъ, что не выказывали открыто своего недовольства; разглагольствуя втайнѣ объ ограниченныхъ юнкерахъ, стоящихъ-де лицомъ къ навозу и спиной къ государству, они для публики разыгрывали изъ себя вождей, водимыхъ за носъ. Болѣе честный, чѣмъ они, Губеръ выступилъ изъ феодальной партіи, заявивъ при этомъ, что она является камнемъ на шеѣ у всякой власти, къ которой она примыкаетъ, начиная отъ короны и кончая цехомъ.

Понятно, что сладкозвучныя пѣсни сиренъ о „соціальной монархіи" замолкли, какъ только буржуазію придавили. Одинъ развѣ Лоренцъ Штейнъ прорицалъ еще изъ своего кабинета о томъ, что отнынѣ всякая королевская власть должна либо стать пустымъ призракомъ или деспотіей, либо смѣниться республикой, если у нея не хватитъ высокаго мужества стать соціальной монархіей. Но онъ проповѣдывалъ въ пустынѣ. Единственный законъ 50-хъ годовъ, пытавшійся облегчить тяжелое положеніе промышленнаго пролетаріата, исходилъ отъ единственнаго консервативнаго буржуа, который былъ членомъ правительства бюрократическо-феодальной реакціи, отъ министра торговли фонъ-деръ-Гейдта. Гейдтъ былъ пайщикомъ банкирскаго дома „Керстенъ и сыновья" въ Эльберфельдѣ и настоящимъ буржуа изъ благочестивой вупперской долины. Про него разсказывали, что онъ каждое утро заставляетъ играть себѣ какой-нибудь хоралъ и всегда со слезами на глазахъ говоритъ о своей покойной матери, чтó не мѣшало ему быть капиталистомъ-эксплуататоромъ до мозга костей. Точно такъ же онъ тяжко вздыхалъ по поводу прекрасно знакомой ему нужды рейнскаго пролетаріата: пусть лучше погибнетъ вся крупная промышленность, если условіемъ ея существованія является дальнѣйшее сохраненіе этой нужды,—говорилъ министръ и провелъ фабричный законъ 16 мая 1853 г., не заботясь далѣе объ его практическомъ осуществленіи.

Законъ воспретилъ занимать работами на фабрикахъ дѣтей моложе 12-ти лѣтъ; для дѣтей до 14-ти лѣтъ рабочій день не долженъ былъ превышать 6 часовъ, а до 16-ти лѣтъ—10 часовъ. Затѣмъ, въ Ахенскомъ, Арнсбергскомъ и Дюссельдорфскомъ округахъ было назначено по одному фабричному инспектору для надзора за исполненіемъ этихъ предписаній. Но въ качествѣ инспекторовъ дѣйствовали совершенно непригодные люди, не имѣвшіе ни силъ, ни охоты сломить упорное сопротивленіе фабрикантовъ. Если же они иной разъ дѣйствительно привлекали какого-нибудь фабриканта къ отвѣтственности и добивались его оштрафованія, то грѣшникъ говорилъ себѣ въ утѣшеніе: эти пятьдесятъ талеровъ штрафа я въ одну недѣлю выжму снова изъ дѣтей. Ахенскій фабричный инспекторъ послѣ цѣлыхъ трехъ лѣтъ службы проявилъ еще полное незнакомство съ промышленностью и своими оптимистически прикрашенными отчетами вызвалъ неудовольствіе даже у окружнаго начальства. Необходимо, впрочемъ, упомянуть, что полицейратъ Пиперъ, занявшій его мѣсто въ 1857 г., велъ

себя иначе: по собственному побужденію, какъ добросовѣстный человѣкъ съ мужественнымъ и твердымъ характеромъ, онъ началъ борьбу съ могущественными фабрикантами. Онъ вывелъ систему выдачи заработной платы товарами вмѣсто денегъ, производилъ внезапные осмотры промышленныхъ заведеній, разстраивалъ всѣ ухищренія, при помощи которыхъ хотѣли скрыть отъ его контроля трудъ дѣтей, нерѣдко простаивалъ часами въ жестокую стужу и въ глубокомъ снѣгу передъ разбросанными по Эйфелю фабриками, поджидая дѣтей, заботился въ городскомъ школьномъ совѣтѣ о регулярномъ посѣщеніи дѣтьми школы, словомъ—такъ ревностно посвятилъ себя своей обязанности, что, въ концѣ-концовъ, принесъ себя въ жертву ей. Непрерывное напряженіе силъ вызвало у него продолжительную болѣзнь, отъ которой онъ уже не оправился. „Соціальная монархія" облегчила страданія этого медленно умиравшаго честнаго человѣка ежегоднымъ пособіемъ въ сто талеровъ прусской монетой. Въ утѣшеніе патріотамъ, которые придутъ въ ужасъ отъ подобной расточительности, мы можемъ прибавить, что она имѣла мѣсто въ 60-е годы, послѣ того какъ та же „соціальная монархія" уже въ 50-е годы обезпечила себя, не выдавъ „Центральному союзу для блага рабочихъ классовъ" 7.000 талеровъ изъ знаменитаго пожертвованія 40-хъ годовъ, оставшихся неизрасходованными въ революціонное время.

Къ феодальному направленію въ правительствѣ принадлежалъ шуринъ Карла Маркса фонъ-Вестфаленъ. Феодальная партія ввела его туда контрабандой въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, когда Мантейфель занялъ послѣ смерти Бранденбурга постъ министра-президента и министра иностранныхъ дѣлъ. Но Вестфаленъ не былъ подходящимъ человѣкомъ, чтобы справиться съ бюрократической оппозиціей противъ чрезмѣрныхъ вожделѣній юнкеровъ: его собственный подчиненный, президентъ берлинской полиціи фонъ-Гинкельдей забралъ бóльшую силу, чѣмъ онъ. То обстоятельство, что этотъ господинъ, создавшій процессъ Вальдека, кельнскій процессъ коммунистовъ и процессъ Ладендорфа, былъ самой способной и живой головой среди бюрократіи, достаточно доказывало, что въ милой распрѣ внутри самой бюрократическо-феодальной реакціи дѣло шло о чемъ угодно, только не о высшихъ благахъ человѣчества. Гинкельдей хозяйничалъ въ Берлинѣ почти такъ же, какъ графъ Пфейль въ Силезскихъ горахъ. Когда при „новой эрѣ" Штибера сдѣлали козломъ отпущенія за полицейскія безобразія 50-хъ годовъ, онъ документально

доказалъ, что Гинкельдей въ союзѣ съ прокуратурой и судомъ сознательно и систематически обходилъ самыя ясныя предписанія закона и почти ежедневно производилъ незаконные обыски и аресты.

Дѣло было лишь въ томъ, что, согласно извѣстной поговоркѣ, „вмѣстѣ съ должностью пришелъ и разумъ", что силою вещей бюрократія была приведена къ пониманію условій, безъ которыхъ невозможно было сохраненіе прусскаго государства въ серединѣ 19-го вѣка. Даже Мантейфель, который при своей инертной натурѣ лишь разыгрывалъ роль властнаго человѣка, чтобы мужественно отступать передъ каждымъ серьезнымъ противникомъ,—даже онъ вынужденъ былъ рѣшиться на попытку передвинуть до извѣстной степени прусскую податную систему съ феодальнаго основанія на буржуазное. Все это онъ дѣлалъ, однако, лишь скрѣпя сердце и спокойно позволилъ, чтобы его законопроектъ объ уничтоженіи изъятій отъ поземельнаго налога былъ отложенъ въ долгій ящикъ, а другой его законопроектъ объ уничтоженіи налога на мясо и хлѣбъ и о введеніи подоходнаго налога былъ принятъ въ сильно изуродованной формѣ. Всей душой Мантейфель служилъ современнымъ инстинктамъ только въ области фривольной биржевой игры. Напротивъ, Гинкельдей болѣе безпощадно дѣлалъ выводы изъ положенія, въ которомъ находилась бюрократія. Настоящій паша по характеру, онъ хотѣлъ, однако, не только разрушать, но и созидать. Чѣмъ глубже онъ ненавидѣлъ политическія притязанія буржуазіи, тѣмъ лучше онъ понималъ, что вѣрнѣе всего можно сдерживать эти притязанія, удовлетворяя матеріальные интересы буржуазіи. Гинкельдей превратилъ Берлинъ въ настоящій большой городъ, создалъ множество учрежденій, необходимыхъ большимъ городамъ—пожарную команду, водопроводъ, чистку улицъ, общественныя бани и прачешныя, столбы для объявленій, телеграфную сѣть и многое другое. Все это въ большинствѣ случаевъ встрѣчало рѣзкое противодѣйствіе со стороны органовъ городского самоуправленія, которые съ прирожденной безталанностью берлинской буржуазіи полагали, что они въ достаточной мѣрѣ выполнили свое историческое призваніе, выбравъ Мантейфеля и Врангеля въ почетные граждане. Нужно добавить слѣдующее: послѣ смерти Гинкельдея выяснилось, что, несмотря на всѣ упомянутыя выше крупныя предпріятія, онъ остался круглымъ бѣднякомъ, чего нельзя было сказать еще ни о комъ изъ тѣхъ „благороднѣйшихъ и лучшихъ", которые пріобрѣли себѣ рекламные лавры въ знаменитомъ „самоуправленіи нѣмецкаго бюргерства".

Раздоръ между бюрократическимъ и феодальнымъ направленіемъ разгорѣлся особенно сильно во время крымской войны. Хотя эта война была войной правительствъ, все же она явилась первымъ отвѣтомъ на европейскую диктатуру, которую царь присвоилъ себѣ послѣ побѣды контръ-революціи. Пруссія представляла тогда собою русскій пашалыкъ, и прусскіе юнкеры знали, что всякій ударъ, нанесенный батюшкѣ-царю, котораго они чествовали, какъ „отца отечества", расшатываетъ ихъ собственную власть. Пользуясь вліяніемъ на короля черезъ генералъ - адъютанта фонъ - Герлаха и кабинетсрата Нибура, они настаивали на томъ, что Россіи нужно оказать поддержку. Наоборотъ, Мантейфель и Гинкельдей, а вмѣстѣ съ ними и наслѣдникъ престола, стояли на сторонѣ западныхъ державъ, побѣда которыхъ должна была сломить высокомѣріе феодаловъ, не вызывая въ то же время революціонной пропаганды; бонапартизмъ соприкасался во многихъ пунктахъ съ идеалами Гинкельдея. И вотъ началась драка, приведшая къ полной анархіи въ средѣ правительства. Феодалы приставили къ принцу Прусскому, въ качествѣ шпіона, бывшаго каторжника Линденберга, который слѣдилъ за каждымъ его шагомъ, а Мантейфель поручилъ бывшему каторжнику Техену взломать потайные ящики генерала фонъ-Герлаха и украсть его секретную переписку съ русскимъ дворомъ. Такъ какъ Мантейфель по старопрусскому обычаю очень скупо заплатилъ своему вору, то Техенъ одновременно продалъ свою добычу и французскому посланнику; тутъ поднялся международный скандалъ, ставшій извѣстнымъ подъ именемъ „кражи депешъ" и лишившій прусское государство той небольшой крупицы европейскаго престижа, какой оно еще пользовалось.

Рѣшительной побѣды не одержала, однако, ни бюрократі ни юнкерство. Гинкельдею удалось, правда, выжить Вагенера изъ редакціи *„Крестовой Газеты"*, но когда онъ вздумалъ закрыть одинъ аристократическій игорный домъ, то былъ вызванъ на дуэль членомъ палаты господъ и убитъ. Вскорѣ, однако, душевная болѣзнь короля возстановила опять трогательное согласіе въ рядахъ бюрократическо-феодальной реакціи, ибо это событіе грозило подорвать общій корень ея власти.

Король по старой привычкѣ склонялся то къ одному, то къ другому изъ споривших братьевъ. Всего теплѣе онъ относился, конечно, къ своимъ старымъ романтическимъ товарищамъ, тѣмъ болѣе, что онъ не выносилъ сухого проныры Мантейфеля и его

дѣловито-трезвой реакціонной практики, но, съ другой стороны, онъ сильно любилъ также своего столичнаго президента полиціи, который изобрѣталъ такіе чудесные заговоры и подстегивалъ ослабѣвавшую фантазію своего высочайшаго покровителя жуткими разсказами о революціи. Несмотря на всѣ успѣхи контръ-революціи, жизнь перестала радовать короля. Старыя романтическія грезы не хотѣли возвращаться, послѣ того какъ надъ Европой пронеслась революціонная буря, а „мерзавецъ-государство" попрежнему не давалъ лѣпить изъ себя то, что угодно было высочайшимъ пальцамъ. Надъ всѣми нерѣшительными дѣйствіями и противорѣчивыми чувствованіями короля въ концѣ-концовъ стало доминировать смутное сознаніе, что иллюзіи его жизни исчезли навсегда; мозгъ его постепенно окутала безпросвѣтная ночь безумія.

Что касается наслѣдника престола, то онъ совершенно разошелся съ бюрократическо-феодальной реакціей: съ ея феодальнымъ крыломъ еще больше, чѣмъ съ бюрократическимъ. Принцъ Прусскій не обладалъ ни дарованіями, ни образованіемъ своего брата. Какъ младшій сынъ, онъ прошелъ военную школу, которая тѣмъ болѣе пришлась ему по душѣ, что онъ унаслѣдовалъ ограниченный умъ своего отца. Онъ былъ далекъ отъ восторженнаго романтизма, и сантиментальные предразсудки насчетъ угоднаго Богу преобладанія австрійскаго дома гораздо меньше становились на пути его старопрусскому аппетиту къ территоріальнымъ присоединеніямъ. Вильгельмъ не хотѣлъ, чтобы у него безъ околичностей зажилили вознагражденіе, ради котораго прусское правительство такъ настойчиво добивалось роли палача по отношенію къ нѣмецкой революціи, и разошелся съ Мантейфелемъ, когда тотъ направился въ Ольмюцъ. Съ тѣхъ поръ бюрократическо-феодальная реакція объявила наслѣдника „либераломъ" и стала преслѣдовать его даже въ частной жизни. Крымская война временно сблизила его съ фракціей Мантейфеля, но лишь для того, чтобы вырыть еще большую пропасть между нимъ и фракціей Герлаха. Затѣмъ вся бюрократическо-феодальная реакція совершенно испортила ему настроеніе тѣмъ, что долго скрывала безуміе короля, а когда этого уже нельзя было скрыть, сумѣла еще въ теченіе цѣлаго года не допускать Вильгельма къ регентству, на которое онъ имѣлъ право согласно конституціи. Лишь осенью 1858 г. Вильгельмъ могъ взять въ свои руки бразды правленія. Онъ тотчасъ же прогналъ Вестфалена, а Мантейфеля и другихъ министровъ отставилъ че-

резъ нѣсколько недѣль и образовалъ новое министерство изъ самыхъ слабыхъ готцевъ, изъ обуржуазившихся аристократовъ Ауэрсвальда, Патова, Шверина,—тѣхъ самыхъ людей, которые десятью годами раньше входили въ министерство Кампгаузена.

Буржуазія безъ всякой заслуги съ своей стороны занесла опять ногу въ стремя.

---

2. Экономическій подъемъ.

Нельзя сказать, чтобы буржуазія особенно сильно страдала отъ хозяйничанія реакціи въ 50-е годы. Правое крыло ея пользовалось парламентской и публицистической свободой дѣйствія въ мѣрѣ, вполнѣ достаточной для его слабаго тѣла, а лѣвому ея крылу промышленное благоденствіе служило утѣшеніемъ во временной неудачѣ его политическаго честолюбія.

Къ тому же буржуазія сумѣла извлечь обильныя матеріальныя выгоды изъ позора реакціонныхъ годовъ. Если прусское государство стало во время крымской войны посмѣшищемъ Европы изъ-за своихъ безпомощныхъ шатаній между воюющими державами, то именно какъ нейтральное государство оно могло поставлять и дѣйствительно поставляло Россіи все нужное ей, съ великолѣпнѣйшей для капитала прибылью. Злобныя преслѣдованія контръ-революціи довели число нѣмецкихъ эмигрантовъ въ 50-е годы почти до милліона человѣкъ, но въ той же мѣрѣ они увеличили океанское пароходство. Капиталъ сумѣлъ отомстить даже за мелкія прижимки и притѣсненія реакціи. Въ 1851 г. добрая половина прусскаго офицерства находилась въ его ростовщическихъ лапахъ, и когда померанскій ландратъ фонъ Дистъ-Даберъ, навязанный въ наказаніе Эльберфельдскому уѣзду, раскрылъ широкую систему подкуповъ, при помощи которой рейнская буржуазія освобождала своихъ сыновей отъ воинской повинности, то онъ натолкнулся на непреодолимыя препятствія, вплоть до кабинета короля, и былъ самъ отставленъ при первомъ удобномъ случаѣ.

Въ концѣ-концовъ буржуазія охотно соглашалась на всякое политическое нестроеніе, лишь бы пролетаріатъ оставался связаннымъ по рукамъ и ногамъ и дѣла шли хорошо. То и другое давала или, повидимому, давала реакція. Дѣла шли даже очень хорошо. Въ южной Германіи пышно расцвѣла хлопчатобумажная промышленность. Въ Саксоніи развились въ еще большемъ, чѣмъ прежде, масштабѣ почти всѣ вѣтви металлургической и текстиль-

ной промышленностей. Въ Пруссіи усиленно накинулись на горное и горнозаводское дѣло. Уголь и желѣзо стали лозунгомъ времени. За десять лѣтъ добыча угля возросла въ королевствѣ Саксонія вдвое, на Рейнѣ и въ Вестфаліи—втрое, Силезія занимала середину. Цѣнность произведеннаго чугуна увеличилась въ Силезіи въ два раза, а въ рейнскихъ земляхъ—въ пять разъ. Цѣнность всего горнозаводскаго производства возросла больше чѣмъ втрое. Соотвѣтственно производству развились пути сообщенія. Судоходство процвѣтало, а желѣзнодорожная сѣть достигла, благодаря массовой перевозкѣ товаровъ, такой густоты, о какой раньше и не мечтали.

Хотя во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Германія еще уступала Англіи и Франціи, тѣмъ не менѣе крупный капиталъ и въ странѣ дубовъ и липъ вступилъ уже въ эру расцвѣта спекуляціи. Берлинское Торговое Общество и основанное Ганземаномъ Учетное Общество явились первыми представителями тѣхъ могущественныхъ банковыхъ учрежденій, которыя служатъ орудіемъ для высасыванія соковъ изъ народныхъ массъ въ крупно-капиталистическомъ масштабѣ. Въ Берлинѣ дѣло дошло уже до недурной грюндерской спекуляціи, за которой послѣ торговаго кризиса 1857 г. послѣдовалъ столь же недурной крахъ. Прокурору, который сначала не былъ достаточно освѣдомленъ и намѣревался было проучить подозрительныхъ представителей капитализма, помѣшали въ этомъ могущественныя закулисныя вліянія, а торговый міръ бросился въ защиту „купеческихъ обычаевъ“ съ воодушевленіемъ, какого онъ далеко не проявлялъ въ защитѣ политическихъ идеаловъ.

И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Одинъ либеральный историкъ съ горькой самокритикой пишетъ объ этомъ времени: „Люди зарабатывали много денегъ и съ каждымъ днемъ жили все лучше и лучше. Быстро разбогатѣвшіе купцы могли съ чувствомъ удовлетворенія констатировать, что они опережаютъ дворянство и бюрократію въ финансовомъ отношеніи, а въ отдѣльныхъ случаяхъ даже въ соціальномъ. Они блистали въ элегантнѣйшихъ экипажахъ, у нихъ были ливреи, какъ у господина барона, они давали парадные обѣды, на которые охотно являлись дипломаты и министры, они получали ордена и титулы, а если дѣло шло совсѣмъ хорошо, то становились даже сами баронами. Могло ли этимъ милліонерамъ придти въ голову безпокоиться о затрудненіяхъ націи, которая не дѣлала никакихъ займовъ, не давала никакихъ прибыльныхъ концессій и сплошь жила въ сквер-

ныхъ условіяхъ?“ Дѣйствительно, какъ могло это придти имъ въ голову?

Тѣмъ не менѣе существовала одна область, гдѣ буржуазія оставалась строптивой и становилась тѣмъ строптивѣе, чѣмъ больше она получала основаній поглаживать свое жирное брюхо. Раздробленность Германіи налагала стѣснительнѣйшія путы на свободное развитіе капитализма. Неодинаковыя системы мѣръ, вѣсовъ и денегъ въ предѣлахъ Германіи, ограниченія относительно права вступленія въ бракъ и права поселенія, которыя раздѣляли другъ отъ друга отдѣльныя государства и мѣшали капиталу свободно распоряжаться пролетаріатомъ, отсутствіе дипломатической защиты за-границей, значительно затруднявшее нѣмецкую конкуренцію на міровомъ рынкѣ,—эти и другія слѣдствія нѣмецкаго партикуляризма становились тѣмъ невыносимѣе для нѣмецкой буржуазіи, чѣмъ больше она переростала свои прежнія рамки. Насколько она открыто отказывалась отъ всякихъ мечтаній о свободѣ, разъ прибыль возрастала, настолько же усиленное накопленіе прибылей толкало ее къ объединенію Германіи. Для мечтательныхъ душъ было, конечно, нѣчто обидное въ сознаніи, что эта „великая идея“ спустилась съ заоблачныхъ высотъ средневѣковой романтики на ровную землю наисовременнѣйшаго торгашества, но онѣ должны были утѣшать себя тѣмъ, что теперь идея имѣла, по крайней мѣрѣ, твердую почву подъ ногами. Развѣ не являлось благопріятнымъ предзнаменованіемъ то обстоятельство, что нѣмецкій вексельный уставъ, выработанный на бумагѣ незадолго до мартовской революціи, быстро занялъ мѣсто 56 отдѣльныхъ вексельныхъ уставовъ среди всѣхъ бурь революціи и контръ-революціи,—единственное удавшееся дѣло среди столь многихъ развалинъ?

Конгрессъ нѣмецкихъ экономистовъ, резюмировавшій стремленія нѣмецкой буржуазіи къ единству, чрезвычайно мало походилъ, конечно, на клопштоковскія собранія нѣмецкихъ бардовъ или на торжественные коммерши романтическаго буршеншафтства. Крайніе фритредеры, участвовавшіе въ немъ, были литературными слугами буржуазіи, по порученію которой они должны были агитировать въ пользу нѣмецкаго единства, какъ экономической необходимости, въ пользу свободы передвиженія, свободы промысловъ, быстраго удаленія всѣхъ феодально-цеховыхъ преградъ, словомъ—агитировать за всѣ интересы капитализма. Они исполняли свою службу не безъ успѣха, хотя въ большинствѣ случаевъ съ невѣроятно легкимъ багажемъ. Прошли тѣ времена, когда защитники

свободы торговли, чтобы привлечь къ своей премудрости нѣмецкое бюргерство, должны были сначала посидѣть у ногъ какого-нибудь голодающаго философа. Этотъ классъ пріобрѣлъ очень тонкій, воспріимчивый къ звону золота слухъ, а нѣмецкіе фритредеры тоже не имѣли больше охоты связываться съ голодными людьми. Они примостились къ выгодному дѣлу. Вожди ихъ, Фаухеръ и Принсъ-Смитъ, по происхожденію круглые бѣдняки, женились на двухъ дѣвахъ,— Фаухеръ, какъ галантный французъ, на молодой племянницѣ, Принсъ - Смитъ, какъ практическій англичанинъ, на старой теткѣ, — владѣвшихъ Unter den Linden *) полуразвалившейся лачугой на большомъ участкѣ земли, пріобрѣвшемъ колоссальную цѣнность благодаря огромному росту движенія въ прусской столицѣ. Женившись на этой золотоносной глыбѣ земли, Фаухеръ сталъ убѣдительно доказывать, что капиталистическая прибыль является наградой за тѣ лишенія, которыя обладатель капитала возложилъ на себя, чтобы собрать его, а Принсъ-Смитъ не менѣе убѣдительно доказывалъ, что семьи, сумѣвшія сберечь наибольшій капиталъ и оказавшія этимъ наибольшее благодѣяніе народному хозяйству, справедливо могутъ и должны притязать на наибольшую долю въ національномъ продуктѣ.

Старый рокъ, тяготѣвшій надъ нѣмецкой буржуазіей, сказался и на конгрессѣ экономистовъ. При каждомъ выпадѣ противъ своихъ историческихъ предшественниковъ конгрессъ боязливо косился на своихъ историческихъ преемниковъ. Лживость, съ которою онъ старался обмануть мелкую буржуазію и рабочій классъ относительно результатовъ капиталистической формы производства, была, по меньшей мѣрѣ, равна энергіи, съ которой онъ боролся противъ отжившихъ формъ производства. Чтобы достигнуть этой цѣли, даже англійское манчестерство было еще слишкомъ честно для него, и онъ всѣми святыми клялся въ истинности „экономическихъ гармоній“ француза Бастіа, которыми этотъ умничающій болтунъ затушевывалъ на бумагѣ бѣдственное положеніе промышленнаго пролетаріата. Правда, въ своихъ „соціальныхъ письмахъ“ Родбертусъ давно разорвалъ сплетеніе грубѣйшихъ софизмовъ, сотканное Бастіа, но замолчать Родбертуса было самымъ пустымъ дѣломъ для конгресса нѣмецкихъ экономистовъ. И ему дѣйствительно удалось поймать на удочку, если не пролетаріатъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, то мелкую буржуазію.

---

*) Улица въ Берлинѣ. *Перев.*

Нѣмецкому ремеслу перепало кое-что въ 50-е годы отъ плодотворнаго экономическаго подъема, но въ то же время быстрый ростъ крупной промышленности расшаталъ его корни еще сильнѣе, чѣмъ они были расшатаны до тѣхъ поръ. Настоящаго расцвѣта, какъ въ тридцатые годы, оно уже не достигло, и ушедшія навѣки времена всего меньше могъ вернуть ему реакціонный пересмотръ промышленнаго устава въ цеховомъ духѣ, къ которому, согласно своей излюбленной манерѣ, прибѣгло прусское правительство. Единственное дѣйствіе этой реакціонной глупости сводилось къ тому, что она убаюкивала старыхъ, пережившихъ себя мастеровъ, внушая имъ обманчивое чувство безопасности, и, съ другой стороны, тѣмъ больше парализовала жизнеспособныя и предпріимчивыя еще отрасли ремесла.

Этимъ элементамъ обѣщали болѣе дѣйствительную помощь кредитныя товарищества и товарищества для закупки сырья, въ пользу которыхъ повелъ оживленную агитацію Шульце-Деличъ, съ тѣхъ поръ какъ правительство устранило его отъ должности судьи. Шульце занялся пропагандой кооперативнаго дѣла полу-случайно. Нѣсколько небольшихъ товариществъ, которыя онъ впервые основалъ въ своемъ родномъ городѣ Деличѣ и его окрестностяхъ, достигли быстраго расцвѣта и распространенія благодаря потребности мелкой промышленности въ упорядоченномъ кредитѣ, — потребности, подавлявшейся предательскимъ законодательствомъ. Какъ практическій человѣкъ, Шульце счастливо обошелъ своимъ уставомъ подводные камни, которые прусское Земское право ставило народнымъ банкамъ, и его дѣйствительная заслуга отнюдь не умаляется тѣмъ, что быстрый успѣхъ на первыхъ порахъ поразилъ и нѣсколько смутилъ его самого. Какихъ-либо побочныхъ цѣлей онъ не преслѣдовалъ въ своей агитаціи. Какъ благомыслящій мелкій буржуа, онъ желалъ помочь своему классу и, насколько ему еще можно было помочь, дѣйствительно помогъ ему. Безъ сомнѣнія, было утопично бороться при посредствѣ мелкобуржуазныхъ товариществъ съ „мамонизмомъ и пауперизмомъ", этими „бѣдственными наростами нашей промышленности", въ которыхъ Шульце усматривалъ „силы, одинаково враждебныя истинной культурѣ", но эта утопія дала сильный толчокъ дѣлу ассоціаціи, непосредственно среди мелкобуржуазныхъ, а косвенно также среди пролетарскихъ слоевъ населенія. Родбертусъ мѣтко выразился, что Шульце не найдетъ клада, котораго ищетъ въ виноградникѣ, но, копая виноградникъ, онъ все же дѣлаетъ его плодороднѣе.

Буржуазія сначала косо поглядывала на стремленія Шульце, которыя грозили затруднить ей поглощеніе мелкой промышленности и, что было еще много страшнѣе, могли, пожалуй, сдѣлать и пролетаріатъ болѣе строптивымъ. Но скоро она смекнула, что съ Шульце можно устроиться. Онъ счелъ умѣстнымъ изложить свои идеи на международномъ конгрессѣ благотворительности, собравшемся въ 1857 г. во Франкфуртѣ на М. Здѣсь нѣкоторые застрѣльщики крупнаго капитализма позондировали его и сдѣлали пріятное для себя открытіе, что онъ не такъ страшно кусается. Это былъ годъ большого торговаго кризиса, когда буржуазія снова ощутила тревогу за свое богоподобіе. Болѣе хитрыя головы ея сообразили, что Шульце покладистый и не совсѣмъ безполезный слуга, и безъ труда отвлекли этого тщеславнаго и самодовольнаго, подобно всѣмъ мелкобуржуазнымъ знаменитостямъ, человѣка отъ лучшей стороны его дѣятельности. Уже въ слѣдующемъ году, на конгрессѣ экономистовъ въ Готѣ, договоръ былъ заключенъ. Шульце съ воодушевленіемъ поднялъ знамя Бастіа и за это былъ провозглашенъ крупно-капиталистическими товарищами новоявленнымъ спасителемъ рабочихъ.

Мелкая буржуазія снова пошла на буксирѣ у крупной. Печальный опытъ, который мѣщанство сдѣлало съ этой ролью въ 1848 г., не прошелъ для него совершенно безслѣдно; начиная съ весны 1849 г. наиболѣе энергичные элементы его попытались собраться вокругъ „*Избирателя*" („*Urwählerzeitung*"), — маленькой газеты, которую смѣло и талантливо редактировалъ Аронъ Бернштейнъ. Замѣшанная въ катастрофу ладендорфскаго процесса, она погибла, чтобы тотчасъ же снова воскреснуть въ видѣ „*Народной Газеты*" („*Volkszeitung*") и ревностно продолжать борьбу съ бюрократическо-феодальной реакціей. „*Народная Газета*" пріобрѣла много приверженцевъ даже среди пролетаріата. Но и она продѣлала вмѣстѣ съ Шульце его поворотъ въ экономической области. Вина въ томъ падала не столько на ея издателя Франца Дункера, который съ своей стороны всегда дѣлалъ оговорки противъ манчестерства, сколько на самого Бернштейна. Бернштейнъ обладалъ рѣдкимъ даромъ популяризировать естественно-научныя знанія и въ этой области пріобрѣлъ дѣйствительно большія заслуги, но въ политикѣ и экономіи онъ оперировалъ больше при помощи честнаго образа мыслей, чѣмъ дѣйствительныхъ знаній. Его уму, прошедшему естественно-научную, но не экономическую школу, казался неоспоримымъ софизмъ Басті средства существованія

должны становиться все болѣе и болѣе дешевыми и все болѣе и болѣе доступными для рабочихъ классовъ, такъ какъ успѣхи естествознанія все больше и больше позволяютъ взваливать работу на силы природы, а свободная конкурренція не потерпитъ, чтобы кто-нибудь получалъ деньги за то, что создано не трудомъ, а природой. Въ результатѣ получилось то, что едва ли въ какой-нибудь буржуазной газетѣ повторялись съ такой вѣрой скучныя проповѣди сикофанта крупнаго капитализма, какъ въ самомъ рѣшительномъ органѣ тогдашней мелкой буржуазіи.

---

3. Буржуазная литература и философія.

Развитіе литературы и философіи соотвѣтствовало экономическому и политическому перелому 50-хъ годовъ. Феодальная романтика отразилась въ „Амарантѣ" Редвица такой, какой она была: фанатичной и въ то же время гнилой до мозга костей. Изнѣженно-слащавый эпосъ и лирика показывали уже своей кокетливой внѣшностью маленькихъ томиковъ съ золотымъ обрѣзомъ, что всякая мощь исчезла изъ нѣмецкой поэзіи. Боденштедтъ съ убогой мудростью своего Мирзы Шаффи, Рокеттъ съ своей юмористической поэмой „Rhein-, Wein-und Wandermärchen", Шеффель со своими застольными пѣснями старались разогнать политическое похмѣлье нѣмецкаго филистера, подобному тому какъ краснокожій топитъ въ „огненной водѣ" свой злой историческій рокъ. Искреннѣе боролся съ недугомъ времени Гуцковъ въ двухъ своихъ большихъ романахъ, но и онъ, съ трудомъ добравшись до девятаго тома, долженъ былъ въ концѣ-концовъ признать, что не въ состояніи помочь этому недугу ни тайнымъ союзомъ всѣхъ „Рыцарей духа", ни обращеніемъ „Римскаго волшебника" въ послѣдователи Свободной общины.

Крупнѣйшій драматургъ эпохи, бывшій во многихъ отношеніяхъ самымъ крупнымъ драматургомъ всей нѣмецкой литературы, чувствовалъ себя въ водоворотѣ контръ-революціи, какъ рыба въ водѣ, и вышучивалъ ультра-демократовъ, которые не уважаютъ-де собственности и семьи, слѣдовательно—не хотятъ никакого общества и, при нѣкоторой послѣдовательности, не должны бы также хотѣть человѣка, животнаго, дерева, потому что и они, вѣдь, являются темницами свободныхъ стихійныхъ силъ. Если Фридрихъ Геббель въ 40-е годы создалъ единственнную мѣщанскую драму, которая могла сравняться съ „Коварствомъ и Любовью" Шиллера,

то теперь онъ дѣлаетъ героемъ эпической поэмы капиталистическаго идеальнаго человѣка—рабочаго, который грозитъ убить своего товарища-соціалиста, чтобы защитить ростовщиковъ; онъ возвеличиваетъ насильническое хозяйничаніе реакціи въ Вѣнѣ и Берлинѣ, поднимая на трагическую высоту гнусное убійство Агнесы Бернауеръ, совершенное средневѣковымъ герцогомъ; онъ попеременно превозноситъ австрійскаго императора и прусскаго короля, какъ творцовъ нѣмецкаго величія и могущества. Затѣмъ, Отто Людвигъ выступилъ въ своемъ „Erbförster" („Наслѣдственный лѣсничій") съ драматическимъ „предостереженіемъ" противъ революціи, которое должно было выставить въ отрицательномъ свѣтѣ инстинктивное правосознаніе массъ: честный лѣсникъ никакъ не можетъ взять въ толкъ того обстоятельства, что ему, какъ „рабочему", во всякое время можетъ быть отказано отъ мѣста „работодателемъ", и вслѣдствіе этого онъ переживаетъ всѣ ужасы трагедіи рока.

Эта пьеса, вкладывающая въ уста грязныхъ бродягъ какую-то безумную философію революціи, была въ первый разъ поставлена съ шумнымъ успѣхомъ на дрезденской придворной сценѣ, меньше чѣмъ черезъ годъ послѣ майскаго возстанія 1849 г. и на глазахъ министра Бейста, который возбуждалъ ужасъ всего цивилизованнаго міра своими истязаніями плѣнниковъ майскаго возстанія, томившихся въ Вальдгеймской каторжной тюрьмѣ. Такой эстетической безвкусицы и политической безтактности, какую Отто Людвигъ совершилъ постановкою своей пьесы, мы тщетно стали бы искать въ революціонной литературѣ 40-хъ годовъ. Характерно также для эпохи возрожденіе поэзіи на мѣстныхъ діалектахъ, противъ которой рѣшительно возставалъ Лудольфъ Винбаргъ, выразитель взглядовъ „Молодой Германіи" въ области эстетики. И мы видимъ, что представитель этой литературы Фрицъ Рейтеръ въ самомъ сильномъ своемъ произведеніи отдаетъ въ жертву угрызеніямъ совѣсти оскорбленнаго слугу, убившаго въ состояніи справедливой самообороны своего обидчика-юнкера. Этотъ же писатель своимъ юмористическимъ изображеніемъ травли демагоговъ, разбившей его собственную жизнь, вызвалъ меланхолическое замѣчаніе Циглера: „Рейтеръ такой истый нѣмецъ, что онъ въ состояніи шутить по поводу столь подлаго попранія закона".

Въ области философіи настали дни славы для Шопенгауэра, который въ письмахъ къ своимъ апостоламъ на всѣ лады повторялъ: „Нилъ у Каиро". Философія мѣщанина-рантье одержала верхъ

надъ смѣлыми порывами лѣвыхъ гегельянцевъ. Въ теченіе цѣлаго поколѣнія, пока въ нѣмецкомъ бюргерствѣ жила еще хоть капля силы и мужества, произведенія Шопенгауэра неподвижно лежали въ амбарѣ издателя; теперь, когда Шопенгауэръ состарился, его „Парерги и Паралипомены“ оказались вполнѣ по времени. Какое, въ самомъ дѣлѣ, счастье для нѣмецкаго буржуа, что остроумная въ своемъ родѣ философія освобождала его отъ всякаго чувства раскаянія и стыда, доказывая, что всѣ его инстинкты эгоизма и зависти составляютъ сущность человѣческой мудрости! Чтò удивительнаго, если во время тріумфальнаго шествія Шопенгауэра по нѣмецкой землѣ „*Фоссова Газета*“ шла, въ качествѣ барабанщицы, впереди всѣхъ!

Всѣ идеологи изъ лѣваго гегельянскаго крыла были выброшены бурной волной революціи на мель. Руге, пытавшійся „исправлять разумъ событій“, попадалъ изъ одного трагикомическаго приключенія въ другое. Штраусъ, выбранный въ вюртембергскую палату, благодаря мѣстному патріотизму своего родного города Людвигсбурга, навлекъ на себя вотумъ недовѣрія даже отъ этихъ пріятелей, когда онъ на-половину вотировалъ довѣріе имперско-королевскимъ убійцамъ Блюма. Бруно Бауеръ добивался въ 1848 и 1849 гг. парламентскаго мандата въ Берлинѣ, но избиратели отнеслись къ нему съ недовѣріемъ, какъ серьезно онъ ни увѣрялъ ихъ, что внесетъ чистый и свѣжій воздухъ критики въ залъ, гдѣ изъ-за борьбы интересовъ царитъ тяжелый, спертый воздухъ, гдѣ словесная война дѣлаетъ атмосферу удушливой. Теперь онъ сталъ горячимъ поклонникомъ первобытной русской силы, крестьянствовалъ самъ въ Риксдорфѣ, работая днемъ въ полѣ киркой и лопатой, а вечеромъ перомъ и чернилами въ бывшемъ коровникѣ. Каждую субботу онъ пугалъ франтовъ „*Крестовой Газеты*“, когда въ своихъ грязныхъ сапогахъ, въ плащѣ съ множествомъ воротниковъ и со своимъ зеленымъ шерстянымъ шарфомъ являлся въ редакцію, чтобы отдать свою рукопись для издаваемаго Вагенеромъ „Словаря общественныхъ и государственныхъ наукъ“, гдѣ онъ обрабатывалъ поперемѣнно античныхъ философовъ и современныхъ евреевъ. Совершенно смирился Максъ Штирнеръ: онъ отвернулся отъ революціи, которая не могла быть „достояніемъ“ „единственнаго“; однако и практика капиталистической конкурренціи оказалась не по плечу ея философскому провозвѣстнику. Штирнеръ бродилъ уже тѣнью между живыми и шелъ медленно къ голодной смерти.

Безсмертная душа до-мартовскаго идеализма давно переселилась въ историческій матеріализмъ, а на могильномъ холмѣ, подъ которымъ были погребены его смертные останки, сидѣлъ теперь забавный гномъ послѣ-мартовскаго матеріализма Его послѣдователи, Яковъ Молешоттъ, Карлъ Фохтъ, Людвигъ Бюхнеръ, бѣжали трусцой въ обозѣ естествознанія, энергично развивавшагося въ 50-е годы какъ это бываетъ во всѣ эпохи промышленнаго расцвѣта. Ихъ матеріализмъ былъ столько же похожъ на матеріализмъ XVIII вѣка, сколько прирученная Мантейфелемъ буржуазія 50-хъ годовъ была похожа на тотъ буржуазный классъ, который продѣлалъ великую французскую революцію. Онъ не только пошелъ назадъ въ сравненіи съ нѣмецкимъ идеализмомъ, но опустился даже до относительно ранней ступени французскаго матеріализма. Своими энергичными матеріалистическими фразами онъ такъ же пріятно щекоталъ за дессертомъ возвышающуюся буржуазію, сдавшую въ архивъ свои политическіе идеалы, но безмѣрно радовавшуюся промышленному и естественно-научному прогрессу, какъ, напр., Ламеттри пріятно щекоталъ за дессертомъ своими фразами стараго Фрица. Сколь великолѣпно долженъ былъ чувствовать себя сытый, откормленный буржуа даже въ уединенномъ кабинетѣ, когда Карлъ Фохтъ увѣрялъ его, что мысли находятся въ такомъ же отношеніи къ мозгу, какъ моча къ почкамъ!

Строго говоря, даже тамъ, гдѣ этотъ матеріализмъ попытался кое - что сдѣлать, онъ нѣсколько опоздалъ. Правда, вокругъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ онъ ходилъ съ опаскою, какъ „котъ вокругъ горячей каши", но зато онъ желалъ, по крайней мѣрѣ, покончить съ грубой религіозной вѣрой и уничтожить „двойную бухгалтерію" вѣры и знанія. Однако, съ религіей въ ея болѣе грубыхъ или болѣе утонченныхъ формахъ покончилъ уже нѣмецкій идеализмъ, и буржуазнымъ матеріалистамъ 50-хъ годовъ было далеко до фейербаховской „Сущности христіанства". Они не умѣли даже правильно разграничивать философскія понятія и выходили изъ этого затрудненія тѣмъ, что посылали къ чорту всякую философію, которая не могла быть немедленно понята всякимъ образованнымъ человѣкомъ, вѣрнѣе—всякимъ буржуа. Но именно потому, что они вообще не понимали идеализма, они не сумѣли также попасть въ наиболѣе уязвимый пунктъ религіи. Они споткнулись о мышленіе, какъ идеализмъ споткнулся о бытіе. Фохтъ могъ бросить свою сильную фразу объ отношеніи между мыслью и мозгомъ и находить удовлетвореніе въ этой хвастливой нелѣ-

ности, но Бюхнеръ, относившійся къ вещамъ серьезнѣе и вкусившій немного отъ искрометнаго вина своего старшаго брата, былъ своими узкими идеями о матеріи и силѣ отброшенъ назадъ въ объятія первыхъ отцовъ церкви.

Отвергая хвастливыя фразы Фохта, онъ самъ говорилъ, что матерія и сила неотдѣлимы другъ отъ друга, но логически очень сильно расходятся, „болѣе того, въ извѣстномъ смыслѣ прямо отрицаютъ другъ друга". И далѣе: „По крайней мѣрѣ, для насъ непонятно, какимъ образомъ можно разумѣть подъ духомъ, силою, что-либо иное, чѣмъ нематеріальное, что̀ само по себѣ исключаетъ матерію или противоположно ей". Но этимъ былъ цѣликомъ признанъ дуализмъ христіанства, какъ это уже замѣтилъ въ возраженіе Бюхнеру Альбертъ Ланге. Что матерія и сила неразрывно связаны другъ съ другомъ, достаточно доказано по отношенію къ видимой и осязаемой природѣ. Но разъ сила по существу своему есть нѣчто сверхчувственное, то почему бы ей не существовать, самостоятельно или въ связи съ нематеріальными субстанціями, въ нѣкоемъ мірѣ, недоступномъ нашимъ чувствамъ? На вопросъ о происхожденіи и исчезновеніи религій отвѣтъ могъ дать историческій матеріализмъ, но не матеріализмъ абстрактно-естественно-научный, который устранялъ историческій процессъ и тотчасъ начиналъ блуждать впотьмахъ, какъ только онъ дерзалъ выйти за предѣлы своей спеціальности,—въ области политической и соціальной не меньше, чѣмъ въ религіозной.

Недостаточность этого матеріализма видѣлъ и Фейербахъ. Онъ воспользовался лучшей стороной его и осмѣивалъ глупость реакціи, которая преслѣдуетъ философскіе и политическіе споры, предоставляя въ то же время полную свободу естественно-научному изслѣдованію; но Фейербахъ прибавлялъ, что считаетъ матеріализмъ Молешотта лишь фундаментомъ для построенія зданія, охватывающаго существо и знаніе человѣка, а не самимъ зданіемъ, какъ это дѣлаетъ Молешоттъ. Самъ Фейербахъ искалъ ощупью входа въ это зданіе, и многія его положенія свидѣтельствуютъ, что онъ смутно предугадывалъ истину; таково, напримѣръ, положеніе: „человѣкъ есть то, что̀ онъ ѣстъ",—эта „пресловутая безсмыслица", на которой ничтожные эклектики нѣмецкой университетской философіи понынѣ еще изощряютъ свое патріотическое остроуміе. Между тѣмъ по мысли Фейербаха оно должно было означать, что достойное существованіе массъ является необходимой предпосылкой всякаго образованія и всякой нравственной культуры человѣче-

ства. До пониманія историческаго матеріализма этотъ благородный мыслитель не дошелъ, однако, ибо онъ былъ совершенно не знакомъ со внутреннимъ механизмомъ современнаго буржуазнаго общества. Онъ медленно угасъ въ меланхолическомъ одиночествѣ.

Послѣ-мартовскій матеріализмъ былъ модной игрушкой буржуазіи, которая могла ее во всякое время сломать и дѣйствительно сломала, какъ только оказалось, что ханжество прибыльнѣе вольнодумства. Вѣрнѣе, чѣмъ въ немъ, буржуазные идеалы настоящаго и виды на будущее отразились въ двухъ журналахъ, въ „*Preussische Jahrbücher*", издававшихся въ Берлинѣ, и въ „*Grenzboten*", выходившихъ въ Лейпцигѣ. Эти органы усердно старались создать союзъ между нѣмецкой буржуазіей и прусскимъ государствомъ; они правильно чуяли, откуда дуетъ вѣтеръ.

Журналы до извѣстной степени подѣлили между собой работу. Вокругъ „*Preussische Jahrbücher*" сгруппировались историки-апологеты Малой Германіи, изображавшіе прусское государство мученикомъ, который въ сущности споконъ вѣковъ проливалъ свою кровь за нѣмецкое единство и свободу, но раздѣляетъ печальную судьбу всѣхъ мучениковъ и не пользуется признаніемъ неблагодарнаго міра. Такъ, напримѣръ, старо-прусскаго генерала Іорка, одного изъ самыхъ завзятыхъ юнкеровъ, какихъ только знаетъ прусская исторія, Дройзенъ изобразилъ національнымъ героемъ, и эта біографія сдѣлалась любимой книгой нѣмецкой буржуазіи, такъ что старый, 80-лѣтній Шёнъ, которому феодальныя интриги Іорка въ свое время доставили немало хлопотъ, при всемъ своемъ прусскомъ патріотизмѣ только въ удивленіи покачивалъ головой.

Этимъ усиліямъ обуржуазить Пруссію „*Grenzboten*" шли на встрѣчу своими усиліями опруссачить буржуазію. Главными застрѣльщиками этого журнала были Густавъ Фрейтагъ и Юліанъ Шмидтъ. Романъ „Soll und Haben" Фрейтага былъ литературнымъ апоѳеозомъ нѣмецкой буржуазіи 50-хъ годовъ. Ея новый міръ былъ еще полонъ унаслѣдованныхъ предразсудковъ, мы видимъ еще въ немъ много карикатурныхъ и уродливыхъ чертъ мелкаго мѣщанства: вѣдь торговый домъ Т. О. Шрётеръ ведетъ еще посредническую, а не міровую торговлю. Герой романа филистерски скученъ и съ этой стороны не имѣетъ себѣ равнаго во всей міровой беллетристикѣ. Но какъ рѣзко все-таки отличалась сытая добродѣтель и кредитоспособная мораль этого примѣрнаго мальчика отъ обанкрутившагося юнкерства! Нѣмецкій буржуа любитъ,

чтобы ему подавали его прибыль подъ моральнымъ соусомъ, и этотъ-то соусъ отлично умѣлъ готовить Фрейтагъ. Его поэтическій талантъ былъ невеликъ, у него почти совершенно отсутствовала художественная фантазія, но никогда необузданный энтузіазмъ религіознаго поэта не населялъ неба такимъ безчисленнымъ множествомъ ангеловъ, какимъ безконечнымъ количествомъ благодѣтельныхъ гномовъ Фрейтагъ обставлялъ каждый глотокъ прибыли торговаго дома Шрётеръ. Въ своихъ „Журналистахъ" онъ изобразилъ буржуазную прессу, со всѣмъ ея чернильнымъ невольничествомъ, геніальной, жизнерадостной, привлекательной; въ своихъ „Картинахъ изъ нѣмецкаго прошлаго" онъ доказывалъ, что въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ нѣмцы „въ своихъ добродѣтеляхъ и слабыхъ сторонахъ, по природному складу своихъ способностей и по характеру" были почти всегда такими же, какими были мѣщане его времени. Все удивительно приноравливалось къ этому нормальному человѣку, а если оставалось что-нибудь непріятное послѣднему, напр. еврейская конкурренція, то оно основательно наказывалось въ лицѣ ростовщика Итцига и репортера Шмока.

Фрейтагъ мягко и осторожно прививалъ буржуазному классу любезный его сердцу прусскій духъ. Выросши въ пограничныхъ польско-силезскихъ областяхъ, онъ былъ, по крайней мѣрѣ, честнымъ и убѣжденнымъ пруссакомъ; это обстоятельство, вмѣстѣ съ довольно солиднымъ образованіемъ, которое онъ сумѣлъ сохранить отъ добраго стараго времени нѣмецкой учености, значительно способствовало его успѣхамъ. Своей умѣлой, легкой и, въ конечномъ счетѣ, не нечестной рукой онъ помогалъ буржуазіи перемѣнить свою идеалистическую шкуру на мамоновскую, черно-красно-золотую на черно-бѣлую. Гораздо хуже былъ его сотоварищъ Юліанъ Шмидтъ. Единственная мысль, которую онъ произвелъ на своемъ вѣку, заключалась въ требованіи, чтобы романъ изображалъ нѣмецкій народъ при такихъ условіяхъ, при которыхъ онъ проявляетъ лучшія свои стороны: „въ его трудовыхъ начинаніяхъ", вѣрнѣе сказать—за наживаніемъ прибыли. Юліанъ Шмидтъ заполнялъ зеленыя книжки „*Grenzboten*" столь же бездарными, сколько ругательными критическими статьями о всѣхъ заоблачныхъ мечтателяхъ, отъ Лейбница до Гуцкова,—статьями, которыя онъ собралъ впослѣдствіи въ три толстыхъ тома „Исторіи нѣмецкой литературы". Эту жалкую кашу онъ преподнесъ буржуазной публикѣ, которая съ немалымъ удовольствіемъ хлебала ее.

Противъ романтики Юліанъ Шмидтъ питалъ, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ неискренній гнѣвъ, хотя его плоская трезвенность не въ состояніи была нанести ей сколько-нибудь дѣйствительный ударъ. Зато его отношеніе къ классической литературѣ и философіи было прямо таки отвратительно. Если бы онъ только третировалъ ихъ какъ старый хламъ, то Богъ съ нимъ—почему не быть и такому чудаку? Но онъ продѣлалъ надъ ними нѣчто худшее: съ видомъ благожелательнаго превосходства, съ придирчивымъ невѣжествомъ, въ основаніи котораго лежала его полная неспособность проникнуть въ ихъ духовную сущность, Шмидтъ притуплялъ ихъ мужественную энергію и внушалъ доброму буржуа блаженное сознаніе, что всѣ эти Лессинги, Гёте и Шиллеры, всѣ эти Канты, Фихте и Гегели были, собственно говоря, плоть отъ плоти его, а внѣ этого они были безнадежно глупыми малыми. Фейербахъ, о которомъ Юліанъ Шмидтъ писалъ, что только полуобразованные люди могутъ соглашаться съ нимъ, выразился съ хладнокровнымъ презрѣніемъ: „Это сужденіе мальчишки о взросломъ". Но не только Фейербахъ, Руге и Шопенгауэръ тоже рѣзко осудили дѣятельность Шмидта, для которой сравненіе съ мальчишескимъ кощунствомъ было еще наиболѣе снисходительной оцѣнкой.

Однако они лишь показывали кулакъ въ карманѣ, и до поры до времени не нашлось суровой руки, которая наказала бы по заслугамъ художественнаго критика „*Grenzboten*".

Глава VII.

Успѣхи научнаго коммунизма.

Въ Германіи 50-хъ годовъ коммунистическая пропаганда была совершенно невозможна. Въ рабочемъ классѣ она не находила отклика, а ея главные носители были разсѣяны по всему свѣту и почти всѣ принуждены были вести упорную борьбу за существованіе. Даже нѣмецкій книжный рынокъ и тотъ закрылся для такихъ людей, какъ Марксъ и Энгельсъ; немногіе издатели, продолжавшіе разыгрывать изъ себя радикаловъ, встрѣчали тѣмъ не менѣе съ искреннимъ ужасомъ „несвоевременное требованіе“ печатать ихъ произведенія. Лишь къ концу десятилѣтія Францъ Дункеръ нарушилъ тяготѣвшую надъ ними опалу, и въ этомъ его крупная заслуга.

Однако 50-е годы не пропали даромъ для научнаго коммунизма. Они были для него періодомъ накопленія силъ и углубленія. Онъ сточилъ со своего меча зазубрины, вынесенныя изъ горячей борьбы революціонныхъ годовъ, и изъ мощныхъ камней построилъ твердыню, о стѣны которой его противники разбивали себѣ потомъ головы. Тамъ, гдѣ практическая пропаганда была еще возможна, наприм., въ американской и англійской печати, ея отнюдь не забрасывали. Въ разоблаченіяхъ по поводу кельнскаго процесса коммунистовъ, появивившихся одновременно въ Базелѣ и Бостонѣ, Марксъ пригвоздилъ прусское правительство къ позорному столбу, котораго оно заслужило. Затѣмъ Марксъ написалъ для нѣмецко-американскаго журнала, издававшагося его другомъ Вейдемейеромъ, исторію французскаго государственнаго переворота—„*18-ое брюмера Луи Бонапарта*“, гдѣ онъ показалъ, какъ классовая борьба во Франціи дала заурядной и комической личности возможность разыграть роль героя; шедевръ матеріалистической исторіографіи, эта ѣдкая,

блещущая умомъ и остроумiемъ критика открыла бонапартизму, вызывавшему удивленiе всѣхъ европейскихъ спасителей общества, перспективу его одинаково позорныхъ успѣховъ и пораженiй. Въ „*New-York Tribune*", европейскимъ сотрудникомъ которой Марксъ оставался до американской междоусобной войны, онъ сильными штрихами нарисовалъ исторiю нѣмецкой революцiи и контръ-революцiи. Въ чартистскихъ газетахъ, которыя послѣ великаго пораженiя чартизма въ 1848 г. еще продолжали агитацiю за всеобщее избирательное право, Марксъ сотрудничалъ съ безкорыстнымъ усердiемъ; въ нѣсколькихъ летучихъ листкахъ онъ бичевалъ лорда Пальмерстона за его дружескiя услуги царскому правительству. Все это составляло въ общемъ итогѣ большую работу даже для незауряднаго человѣка, а между тѣмъ оно было лишь самой незначительной частью того, чтó Марксъ сдѣлалъ въ 50-е годы.

Подобно тому какъ Марксъ нашелъ средства къ существованiю въ работѣ для „*Нью-Iоркской Трибуны*", такъ Энгельсъ нашелъ ихъ, вступивъ опять въ дѣло своего отца въ Манчестерѣ. Раздѣленные пространствомъ, они не прекращали все-таки совмѣстной работы и раздѣлили между собой трудъ слѣдующимъ образомъ: Энгельсъ взялъ на себя защиту общей точки зрѣнiя противъ нападокъ со стороны противниковъ, для чего, впрочемъ, въ теченiе многихъ лѣтъ не представлялось случая, Марксъ же путемъ обширныхъ изслѣдованiй созидалъ научный фундаментъ современнаго коммунизма, прочно связывалъ его цѣли съ историческимъ процессомъ. Сокровища Британскаго Музея служили для него неизсякаемымъ источникомъ поученiя. Въ теченiе этого десятилѣтiя Марксъ и Энгельсъ пополняли свои знанiя и занимались изслѣдованiями въ самыхъ различныхъ научныхъ областяхъ; они такъ же основательно использовали для своего великаго дѣла вынужденный перерывъ въ борьбѣ, какъ они въ свое время использовали основательно всѣ благопрiятные моменты самой борьбы. Ни на одну минуту ихъ не сбивалъ съ пути тотъ фактъ, что отечество поминаетъ ихъ одной лишь бранью и клеветой, въ которыхъ ненависть ихъ противниковъ могла отнынѣ безнаказанно проявляться.

Все же это было тяжелое время, и откликъ его звучитъ еще въ словахъ, которыя Энгельсъ цѣлое поколѣнiе спустя произнесъ у могилы жены Маркса: „Теперь для Женни Марксъ наступило изгнанiе со всѣми его ужасами. Однако, матерiальную нужду, подъ гнетомъ которой погибли оба ея мальчика и одна дочка, она пе-

ренесла бы еще. Но то, что правительство и буржуазная оппозиція, отъ вульгарно-либеральнаго до демократическаго ея крыла, составили одинъ большой заговоръ противъ ея мужа, что они осыпали его самыми подлыми и низкими клеветами, что вся пресса закрылась для него, что у него была отрѣзана всякая возможность защищаться, что онъ на время оказался совершенно беззащитнымъ передъ противниками, которыхъ онъ и она презирали,—вотъ что глубоко задѣло ее. И это длилось очень долго". Въ эти мрачные годы Марксъ продѣлалъ главную работу для своего главнаго научнаго произведенія.

Въ самой Германіи коммунистическая пропаганда продолжала существовать въ молчаливой оппозиціи отдѣльныхъ рабочихъ и въ пламенныхъ надеждахъ Лассаля. Письма, которыя Лассаль писалъ въ это время Марксу, являются блестящимъ свидѣтельствомъ его революціоннаго пыла; среди бурныхъ, пѣнящихся волнъ контръреволюціи онъ стоялъ, какъ непоколебимый утесъ, и во время бѣлаго террора его домъ въ Дюссельдорфѣ служилъ надежнымъ убѣжищемъ для всѣхъ преслѣдуемыхъ. Не взирая на шпіонство полицейскихъ ищеекъ, онъ поддерживалъ оживленныя сношенія съ рейнскими рабочими, читалъ имъ поучительныя лекціи, доставлялъ имъ книги, не останавливался ни передъ какими денежными жертвами тамъ, гдѣ онъ могъ имъ помочь. Всего сильнѣе давала себя чувствовать Лассалю разлука со старыми друзьями революціонной эпохи. „Ахъ, не вы изгнаны",—писалъ онъ 26 апрѣля 1857 г. Марксу, „изгнанъ *я*! Ибо васъ, старыхъ товарищей по борьбѣ и убѣжденіямъ, собралось все-таки много въ одномъ городѣ! Между тѣмъ я живу всѣ эти годы такъ одиноко, столь оторваннымъ отъ прежнихъ братьевъ по оружію, послѣднимъ могиканиномъ, какъ я назвалъ себя разъ въ припадкѣ сантиментальности. Это, дѣйствительно, очень тяжело. Если оставить въ сторонѣ рабочій классъ, который не только сохранилъ здоровымъ и свѣжимъ свой умъ и свое сердце, но даже очень развился съ тѣхъ поръ, то между такъ наз. „образованными" людьми все еще—и даже больше, чѣмъ когда-либо—господствуетъ та же грусость, тотъ же страхъ, та же привычка прятаться, что и раньше. Исключеніе составляютъ, быть можетъ, одинъ-два человѣка. Правда, Дюссельдорфъ небольшой городъ, и въ немъ вообще нѣтъ значительныхъ умственныхъ силъ". Въ 1854 г. Лассаль побѣдоносно окончилъ дѣло графини Гацфельдтъ и затѣмъ, „безумно работая въ теченіе двухъ лѣтъ", окончилъ свое сочиненіе о Ге-

раклитѣ. Ссылаясь отчасти на необходимость слѣдить за печатаніемъ своей книги, отчасти на болѣзнь глазъ, вынуждающую его посовѣтоваться съ знаменитымъ окулистомъ Грефе, онъ добился отъ берлинской полиціи разрѣшенія прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ столицѣ; въ цитированномъ выше письмѣ къ Марксу Лассаль пишетъ, что собирается переѣхать туда черезъ нѣсколько дней.

Ни отъ Маркса, ни отъ кого-либо другого Лассаль не скрывалъ своего желанія жить въ большомъ городѣ, да онъ и не имѣлъ ни малѣйшаго повода скрывать это. Упрекать его за это, сводить къ тщеславнымъ мотивамъ или къ жаждѣ всеобщаго признанія то, что было для него законной жизненной потребностью, какъ въ политическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи, значило бы заниматься некрасивыми пересудами. Точно такъ же окончательно опровергнута теперь распространенная раньше легенда, будто Лассаль черезъ Александра фонъ-Гумбольдта обивалъ пороги у Фридриха-Вильгельма IV, чтобы получить разрѣшеніе проживать временно въ Берлинѣ. Зато опубликованные недавно архивные документы показали, что Лассаль, чтобы сломить необыкновенно злобное и упорное противодѣйствіе берлинскихъ властей его поселенію въ Берлинѣ, неоднократно прибѣгалъ къ средствамъ, которыя были не къ лицу ему. Нельзя признать достойными Лассаля ни письмо, съ которымъ онъ обратился въ маѣ 1855 г. къ президенту полиціи фонъ-Гинкельдею, ни его прошеніе къ принцу Прусскому, замѣстителю душевно больного короля, — прошеніе, которымъ онъ пробовалъ добиться отмѣны приказа о высылкѣ, изданнаго противъ него въ іюнѣ 1858 г. Несомнѣнно, что этотъ приказъ о высылкѣ былъ изданъ по самымъ вздорнымъ основаніямъ. Лассаль, только что устроившійся въ Берлинѣ, долженъ былъ снова подвергнуться высылкѣ изъ города за то, что какой-то военный нахалъ безъ всякаго повода и вдвоемъ съ товарищемъ напалъ на него на улицѣ и былъ, какъ слѣдуетъ, избитъ Лассалемъ. Однако, революціонеръ 1848 и 1849 гг. не долженъ былъ обращаться съ просьбой къ „картечному принцу“; отъ такого шага его должно было удерживать то, что Марксъ назвалъ однажды простымъ нравственнымъ тактомъ, который сторонится даже отъ кажущагося компромисса съ предержащими властями.

Эти промахи Лассаля можно разсматривать какъ отголосокъ гацфельдтовскихъ дрязгъ; вообще заступничество Лассаля за оскорбленную и беззащитную женщину дало христіанскому государству уже въ до-мартовское время первый поводъ выслать его изъ

Берлина, и его отношенія къ графинѣ Гацфельдтъ впослѣдствіи также играли для справедливыхъ и благожелательныхъ мужей берлинской полиціи извѣстную роль въ вопросѣ о томъ, слѣдуетъ ли терпѣть Лассаля въ Берлинѣ, или нѣтъ. Надо, впрочемъ, имѣть въ виду, что именно эти дрязги, все равно какъ къ нимъ ни относиться, приковывали „послѣдняго могиканина" къ Германіи, давали ему возможность находиться въ непрерывномъ соприкосновеніи съ процессомъ развитія Германіи. Лассаль самъ на себѣ испыталъ въ Берлинѣ, какъ легко вызываетъ оптическіе обманы даже относительно небольшое разстояніе; если въ рейнскихъ рабочихъ кругахъ онъ могъ наблюдать, насколько еще живы традиціи революціонныхъ годовъ, то въ Берлинѣ онъ убѣдился, къ душевному своему огорченію, какъ сильно еще проникнуто монархизмомъ остъ-эльбское населеніе. Будучи реальнымъ политикомъ, притомъ въ совершенно иномъ и гораздо болѣе глубокомъ смыслѣ, чѣмъ мягкотѣлые либералы, особенно охотно именующіе себя таковыми, Лассаль сумѣлъ учесть этотъ фактъ, и его переписка съ Марксомъ и Энгельсомъ, относящаяся именно къ этому берлинскому періоду, на каждой страницѣ свидѣтельствуетъ, что поступки, въ которыхъ видѣли печальный результатъ обезличивающаго вліянія берлинской жизни на его характеръ, были лишь плодомъ трезвой разсудительности.

Нельзя все-таки совершенно отвергать фактъ такого печальнаго обезличивающаго вліянія. Рента въ нѣсколько тысячъ талеровъ, по тому времени очень значительный доходъ, совершенно освобождала Лассаля отъ мелкихъ матеріальныхъ заботъ, и онъ безспорно „блисталъ"—по выраженію его юношескаго дневника—въ берлинскомъ обществѣ. Въ домѣ Франца Дункера, гдѣ собиралась литературная и политическая оппозиція, онъ являлся центромъ, на который направлялась и вражда и удивленіе многихъ, но его общественныя отношенія простирались дальше, захватывая не только научные круги такихъ людей, какъ Бекъ и Гумбольдтъ, но и многіе общественные слои, гдѣ уже не могло быть рѣчи о какой бы то ни было общности духовныхъ интересовъ и гдѣ начиналось простое разыгрываніе роли моднаго льва.

Не принесло пользы Лассалю и то, что графиня Гацфельдтъ послѣдовала за нимъ въ Берлинъ. Было бы, конечно, несправедливо упускать изъ виду высокое чувство, лежавшее въ основѣ преданности Лассаля графинѣ и графини Лассалю, но постоянное общеніе съ опытной, свѣтской и умной 50-лѣтней женщиной не

всегда приводило на правильный путь Лассаля, который былъ значительно моложе и, несмотря на свою геніальность, много наивнѣе ея. Несомнѣнно, что графиня Гацфельдтъ, поскольку она могла руководить Лассалемъ, всегда склоняла его къ тому, что она, по искреннему убѣжденію своему, считала наилучшимъ для него, но о томъ, что для него было самымъ лучшимъ, она въ виду всего своего прошлаго могла имѣть въ лучшемъ случаѣ смутное представленіе, и благодарное поклоненіе, которымъ она окружала каждый шагъ Лассаля, скорѣе поддерживало въ немъ дурные, чѣмъ хорошіе инстинкты.

Тѣмъ не менѣе Лассаль никогда не забывалъ своихъ великихъ цѣлей. Всегда стоя наготовѣ, чтобы вмѣшаться въ революціонный процессъ, какъ только тотъ снова начнется, Лассаль въ эти дни выжиданія написалъ свой главный научный трудъ, о которомъ онъ имѣлъ право сказать, что это „гигантскій продуктъ человѣческаго прилежанія". Онъ преслѣдовалъ въ немъ тѣ же революціонныя цѣли, что и Марксъ, но шелъ путями, одинаково ясно раскрывавшими и то, что раздѣляло ихъ обоихъ, и то, что ихъ соединяло.

---

1. Марксъ и Лассаль.

Альбертъ Ланге провелъ однажды слѣдующее сравненіе между „*Капиталомъ*" Маркса и „*Системой пріобрѣтенныхъ правъ*" Лассаля: „Оба произведенія имѣютъ ту общую черту, что умозрительный элементъ и позитивное содержаніе такъ проникаютъ въ нихъ другъ друга, какъ ни въ какомъ другомъ сочиненіи, но они различаются тѣмъ, что въ отношеніи спекулятивной основы своего произведенія Лассаль держится свободнѣе и—какъ философская натура по преимуществу—независимѣе отъ вліянія своего учителя (Гегеля), тогда какъ юридическій матеріалъ его онъ добылъ, правда, съ необычайной силой ума, но добылъ все-таки именно для достиженія указанной выше цѣли; наоборотъ, у Маркса экономическое содержаніе какъ бы само собой вытекаетъ изъ поразительнаго запаса спеціальныхъ эмпирическихъ знаній, которымъ авторъ владѣетъ необычайно свободно, тогда какъ спекулятивная форма тѣсно примыкаетъ у него къ манерѣ философскаго образца (Гегеля) и во многихъ частяхъ сочиненія съ трудомъ втискивается въ содержаніе, вредя его убѣдительности". Эта оцѣнка переворачиваетъ въ извѣстномъ смыслѣ вверхъ ногами фактическое соотношеніе

вещей. Не Лассаль относился свободнѣе и независимѣе къ Гегелю, чѣмъ Марксъ, а наоборотъ: Марксъ сумѣлъ совершенно отдѣлаться отъ ошибокъ Гегеля, тогда какъ Лассаль освободился отъ нихъ лишь на-половину. Заблужденіе Ланге объясняется тѣмъ, что онъ самъ не понималъ историческаго матеріализма. Но въ другомъ отношеніи Ланге затрагиваетъ глубочайшую основу различія, существовавшаго между Лассалемъ и Марксомъ. Оба были революціонерами, но Лассаль усваивалъ колоссальный научный матеріалъ, чтобы получить въ немъ могущественнѣйшее орудіе для революціонированія общества, тогда какъ Марксъ съ помощью спеціальныхъ эмпирическихъ знаній старался проникнуть въ корень вещей для того, чтобы отдать себя въ распоряженіе революціонныхъ силъ, преобразующихъ буржуазное общество.

Съ полной рельефностью это различіе выступаетъ, когда сопоставляешь любимыхъ писателей того и другого. Для Маркса таковыми были Гомеръ, Данте, Шекспиръ, Сервантесъ, изъ новѣйшихъ—Бальзакъ; для Лассаля--Гуттенъ, Лессингъ, Фихте, изъ новѣйшихъ—Платенъ. Мы видимъ здѣсь два кореннымъ образомъ различающихся между собою ряда литературныхъ типовъ. Въ первомъ случаѣ предъ нами писатели, настолько объективно воспринявшіе въ себя образъ цѣлой эпохи, что всякій субъективный элементъ болѣе или менѣе стушевался, а отчасти даже совершенно исчезъ, и самые творцы какъ бы скрываются за своими твореніями въ миѳическомъ туманѣ. Во второмъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ людьми, которые, по поэтическому сравненію одного изъ нихъ, лишь отражаютъ „образъ міровогo образа",—людьми, въ произведеніяхъ которыхъ мы не столько узнаемъ, какъ выглядѣлъ міръ въ ихъ время, сколько то, какъ они сами понимали или старались понять современный имъ міръ. Кто читаетъ теперь памфлеты Гуттена ради нихъ самихъ, ради ихъ содержанія или хотя бы ради ихъ формы? Ихъ читаютъ ради самого Гуттена. Изъ всѣхъ историческихъ фигуръ Гуттенъ былъ всего ближе сердцу Лассаля. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что его судьба и судьба Гуттена совершенно одинаковы и поразительно сходны въ деталяхъ,—утвержденіе, противъ котораго справедливо возражали, что въ то время, когда Лассаль его выставилъ, оно всего меньше отвѣчало фактической дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе въ основѣ его лежало очень вѣрное чувство. Стоитъ сравнить показанія того и другого, относящіяся къ самому раннему періоду ихъ жизни, дневникъ Лассаля и „Querelae" Гуттена, чтобы найти поразительное сходство

въ характерѣ ихъ темпераментовъ. Они похожи другъ на друга вплоть до дѣтскаго самообмана, съ какимъ они разыгрываютъ изъ себя невинно преслѣдуемыхъ овечекъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ достаточно прочесть сотню строкъ у Гуттена или Лассаля, чтобы видѣть, что они съ ранняго возраста были, вѣроятно, очень безпокойными малыми для окружающихъ, жившихъ традиціонно-размѣренной жизнью. Выражаясь словами его любимаго поэта Платена, Лассаль нашелъ „узелъ запутанной загадки своей жизни“ въ слѣдующемъ замѣчаніи Гуттена: „Совершенно вѣрно, что мнѣ приходится заботиться въ жизни не больше, чѣмъ другимъ, а даже меньше; но Богъ, я боюсь, послалъ мнѣ такой характеръ, что обычныя непріятности затрагиваютъ мое сердце глубже и причиняютъ мнѣ больше страданій, чѣмъ другимъ“.

Всякое сравненіе хромаетъ, и было бы нелѣпо проводить параллель между Марксомъ и Лассалемъ на основаніи ихъ литературныхъ симпатій дальше того пункта, гдѣ она освѣщаетъ различіе въ основномъ характерѣ ихъ духовной дѣятельности: отъ этого пострадалъ бы и Лассаль и Марксъ. Но въ указанныхъ предѣлахъ сравненіе это имѣетъ свой смыслъ. Представимъ себѣ на минуту невозможный случай, что Марксъ могъ бы быть совершенно забытъ: тѣмъ не менѣе, главный научный трудъ его сохранялъ бы въ теченіе столѣтій свое значеніе, какъ самая вѣрная картина эпохи крупной промышленности. Между тѣмъ сочиненія Лассаля сохранятся черезъ немногія десятилѣтія—отчасти мы видимъ это уже теперь—только какъ свидѣтельство о томъ, чтó думалъ и дѣлалъ геніальный человѣкъ во время всемірно-историческаго движенія; они будутъ жить какъ непреходящія свидѣтельства о дѣятельности человѣческаго духа, но не въ качествѣ монументальныхъ твореній, въ которыхъ нашелъ себѣ классическое выраженіе великій поворотъ въ міровой исторіи. Чисто внѣшнимъ образомъ это различіе проявляется въ томъ, что Лассаль и въ спеціально-научныхъ работахъ охотно выдвигаетъ свою личную точку зрѣнія, тогда какъ Марксъ даже въ политической агитаціи настолько отодвигалъ свою личность на задній планъ, что въ теченіе многихъ десятилѣтій могли находить себѣ распространеніе и вѣру невѣроятнѣйшія лживыя измышленія на его счетъ.

Но отсюда вытекаетъ еще нѣчто другое. Марксъ охватывалъ своимъ умомъ несравненно большую область, чѣмъ Лассаль. Онъ неутомимо переходилъ изъ одной области знанія въ другую, какъ

только научныя занятія раскрывали передъ нимъ новые горизонты. Какъ много, напримѣръ, поработали Марксъ и Энгельсъ въ области естествознанія, съ которою Лассаль былъ знакомъ лишь самымъ поверхностнымъ образомъ! Конечно, этому могло способствовать то, что Марксъ во время своего англійскаго изгнанія стоялъ на самой высокой обсерваторіи европейскаго общества, тогда какъ Лассаль жилъ въ самомъ глухомъ, такъ сказать, уголкѣ его, въ Пруссіи Мантейфеля. Однако Лассаль чувствовалъ себя здѣсь одинокимъ не столько умственно, сколько душевно; скорѣе онъ довольствовался болѣе узкимъ горизонтомъ потому, что этотъ горизонтъ охватывалъ какъ разъ тотъ міръ, который онъ намѣревался перевернуть. Лассаль вправѣ былъ сказать о себѣ, что, движимый фаустовскимъ стремленіемъ, онъ путемъ самаго серьезнаго и упорнаго труда пробился отъ греческой философіи и римскаго права черезъ разнообразнѣйшія историческія науки до современной политической экономіи и статистики; если ограничиться науками о духѣ, то слова Лассаля, что онъ владѣетъ всѣмъ образованіемъ вѣка,—слова, вызывавшія столько насмѣшекъ,—далеко не были пустымъ хвастовствомъ. Безспорно, однако, что научное изслѣдованіе стояло у Лассаля на второмъ планѣ.

Въ одномъ письмѣ къ Гервегу Лассаль говоритъ о такомъ изслѣдованіи, какъ о мукѣ—мукѣ приносящей, правда, освобожденіе, но все же мукѣ; быть можетъ, онъ въ этомъ письмѣ нѣсколько преувеличивалъ, чтобы встряхнуть Гервега отъ его тупой спячки, но онъ, безъ сомнѣнія, высказывалъ свой дѣйствительный взглядъ, когда въ 1859 г. писалъ Энгельсу, что будетъ заниматься впредь одной политической экономіей и философіей исторіи, если только—что̀ было бы весьма отрадно—не начнутся, наконецъ, практическія движенія, которыя пріостановятъ всякую болѣе обширную теоретическую работу. „Какъ охотно я оставилъ бы ненаписаннымъ то, что я *знаю*, если бы взамѣнъ удалось сдѣлать хоть что-нибудь изъ того, что мы *умѣемъ*". Если о Марксѣ Энгельсъ сказалъ: „Марксъ способенъ былъ радоваться отъ всей души всякому новому открытію въ любой теоретической наукѣ,—открытію, практическое приложеніе котораго представлялось, быть-можетъ, пока еще совершенно неяснымъ; но совершенно иную радость испытывалъ онъ, когда дѣло шло объ открытіи, которое тотчасъ же вліяло на промышленность, на историческое развитіе вообще",—то Лассаль во-

обще интересовался лишь революціоннымъ вмѣшательствомъ науки въ историческое развитіе. За исключеніемъ развѣ его сочиненія о Гераклитѣ, задуманнаго и разработаннаго въ значительнѣйшей своей части уже въ 40-е годы, вся научная работа Лассаля въ 50-е годы посвящена исключительно политическо-соціальной ликвидаціи мартовской революціи.

Въ связи со сказаннымъ находится еще третій моментъ: идеалистическое міровоззрѣніе Лассаля. Строго говоря, онъ даже не былъ гегельянцемъ младшей школы, а всегда оставался старогегельянцемъ, со всей ортодоксальной вѣрой въ умозрительное понятіе, какъ движущую силу всемірной исторіи. Его духовная жизнь стояла подъ знакомъ классической философіи и ея источника— античнаго образованія. Когда Лассаль впервые подошелъ ближе къ классической философіи, она находилась уже въ періодѣ полнаго разложенія, но, несмотря на свою боевую натуру, онъ никогда не вмѣшивался въ эти философскіе споры. О Штраусѣ, Бруно Бауерѣ, Фейербахѣ онъ почти никогда не упоминаетъ въ своихъ произведеніяхъ, а если упоминаетъ, то не въ связи съ ихъ разлагающими классическую философію тенденціями. Лассаль былъ въ полномъ смыслѣ слова запоздалымъ представителемъ этой философі если Гёте замѣчаетъ для характеристики историческаго значенія Вольтера, что старымъ народамъ выпадаетъ иногда счастье сконцентрировать всѣ свои хорошія и дурныя стороны въ одномъ индивидуумѣ, то его слова примѣнимы къ Лассалю въ томъ смыслѣ, что всѣ положительныя и отрицательныя стороны идеализма, который въ годы самаго глубокаго упадка Германіи одинъ удержалъ ее на высотѣ западно-европейскихъ культурныхъ народовъ, снова воплотились въ Лассалѣ.

Идеализмъ нашей классической философіи не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что въ настоящее время именуетъ себя идеализмомъ и ссылается въ борьбѣ съ историческимъ матеріализмомъ на Лассаля, чтобы поставить пустыя фразы на мѣсто рѣшительной классовой борьбы. На такую ссылку Лассаль отвѣтилъ бы презрительнымъ смѣхомъ. Къ классической философіи его влекала ея революціонная сущность. Изъ ея представителей ему былъ, какъ личность, всего ближе Фихте, который наиболѣе страстно воспринялъ духъ великой французской революціи и настолько расширилъ требованія буржуазнаго разума, чтобы они наиболѣе приблизились къ праву рабочаго класса. Смѣлый идеализмъ Фихте не ослабилъ, однако, чутья Лассаля къ позитивному, того

чутья, которое Кантъ пояснилъ однажды словами, что истина заключена только въ опытѣ, а всякое познанiе вещей изъ одного чистаго разума есть одна лишь иллюзiя. Въ такомъ же духѣ Лассаль писалъ: „матерiя безъ идеи все еще имѣетъ относительную цѣнность, но идея безъ матерiи имѣетъ лишь значенiе химеры." Удивительно мастерски пользуясь дiалектическимъ методомъ Гегеля, какъ оружiемъ революцiоннаго переворота, Лассаль въ то же время подчеркивалъ, что Гегель на каждой страницѣ своихъ произведенiй неутомимо напоминаетъ о необходимости углубленiя въ опытныя науки, какъ одномъ изъ самыхъ главныхъ требованiй философiи.

Лассаль самымъ рѣзкимъ образомъ полемизировалъ съ тѣми пустыми и бездарными подражателями, которые создали изъ философiи Гегеля новый видъ литературнаго остроумiя, превратили ее въ новый беллетристическiй пикантный соусъ, которымъ приправляли всѣ непонятныя и неизвѣстныя имъ вещи. Насколько эти господа были ему противны, объ этомъ еще рѣзче, чѣмъ указанная полемика, свидѣтельствуетъ чрезмѣрно снисходительное отношенiе Лассаля къ послѣ-мартовскому матерiализму. Онъ дѣлаетъ этому матерiализму комплиментъ: уже Гераклитъ положилъ въ основу своей философiи взглядъ, что мысль есть движенiе матерiи, и Бюхнеръ съ полнымъ правомъ ссылается на древнѣйшихъ iоническихъ философовъ. Но между ними,—продолжаетъ Лассаль,—есть одно немаловажное различiе: Гераклитъ высказывалъ это воззрѣнiе тогда, когда не существовало еще настоящей философiи духа, когда еще не развернулось различiе между мышленiемъ и бытiемъ, современная же физiологiя возвращается къ этому воззрѣнiю, когда развитiе философiи духа уже совершилось; это „возвращенiе, подобно всякому такому возвращенiю, совершающемуся послѣ того, какъ продѣлано и преодолѣно различiе, не можетъ уже быть простымъ возвращенiемъ къ первоначальной непосредственности, а должно воспринять въ себя преодолѣнное различiе". Правда, Лассаль дѣлаетъ примѣчанiе, что юная философiя, находящаяся еще въ процессѣ броженiя и преисполненная перваго восторга по поводу того, что она обрѣла себя, во многихъ отношенiяхъ грѣшитъ противъ указаннаго требованiя, но даже съ такой оговоркой онъ слишкомъ переоцѣниваетъ Бюхнера и компанiю, доказывая этимъ самымъ, что его идеализмъ дѣйствительно ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ безплотнымъ призракомъ, который въ настоящее время бродитъ подъ этимъ именемъ въ нѣмецкихъ университетахъ.

От исторического матеріализма идеализмъ Лассаля отличался тѣмъ, что Лассаль воспринималъ условія и законы пролетарской классовой борьбы не въ ихъ экономической наготѣ, а переводилъ ихъ предварительно въ идеалистическія формы мышленія, и притомъ въ тѣ идеалистическія формы мышленія, которыя больше всего были характерны для буржуазнаго вѣка, т.-е. въ формы философіи и права. Но Лассаль такъ же мало становился отъ этого *буржуазнымъ* революціонеромъ, какъ „желѣзнобокіе" Кромвеля не были *феодальными* революціонерами оттого, что они говорили ветхозавѣтнымъ языкомъ. Буржуазная революція въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій протекала въ формахъ религіознаго мышленія феодальной эпохи; точно такъ же пролетарская революція совершалась по меньшей мѣрѣ нѣсколько десятилѣтій въ юридическихъ и философскихъ формахъ мышленія буржуазной эпохи. Лишь историческій матеріализмъ сознательно и безъ остатка разбилъ ихъ. То, чего никогда не могли понять буржуазные революціонеры и соціалисты-доктринеры, т.-е. всемірно-историческое значеніе пролетарской классовой борьбы,—это Лассаль понялъ; отъ историческаго матеріализма его отдѣляла лишь та несравненно болѣе слабая преграда, что онъ пришелъ къ указанному пониманію черезъ буржуазныя формы мышленія.

Лассаль былъ убѣжденнымъ коммунистомъ въ духѣ Коммунистическаго Манифеста; къ нѣкоторымъ ошибкамъ и ложнымъ шагамъ его приводило лишь то обстоятельство, что онъ предварительно переводилъ себѣ экономическія воззрѣнія манифеста на юридическій и философскій языкъ. Такъ какъ онъ понималъ пролетарскую классовую борьбу, то свойственный классической философіи культъ государства не могъ выродиться у него въ такія застывшія формы, какъ у Родбертуса, но такъ какъ онъ никогда не порывалъ съ идеалистическими формами мышленія, то онъ никогда не порывалъ и съ этимъ культомъ государства. Безспорно, что въ области права и философіи онъ двигался несравненно увѣреннѣе, чѣмъ въ области политической экономіи, хотя было бы большимъ преувеличеніемъ сказать, что въ этой послѣдней онъ вообще не работалъ настоящимъ и самостоятельнымъ образомъ. Это онъ, конечно, дѣлалъ, и притомъ съ успѣхомъ, который могъ бы осчастливить цѣлый полкъ академическихъ педантовъ. Но онъ не былъ въ такой степени полнымъ хозяиномъ въ экономической области, какъ Марксъ или Энгельсъ, ибо идеалистическія формы мышленія слишкомъ часто становились ему поперекъ дороги. Въ раз-

гарѣ борьбы онъ бралъ, конечно, оружіе всюду, гдѣ находилъ его, слѣдуя извѣстному изреченію Лессинга: „Взбирается наверхъ не тотъ, кто дѣлалъ лѣстницу, а тотъ, кто поднимается по ней, ловкаго же и отважнаго человѣка выдерживаетъ и гнилая лѣстница“. Буржуазные экономисты правы, когда утверждаютъ, что Лассаль не былъ соціалистическимъ теоретикомъ, проложившимъ новые пути въ наукѣ. Если бы только эти кроты, такъ прекрасно оріентирующіеся въ темнотѣ, были способны видѣть также свѣтъ!

Но идеализмъ Лассаля, будучи его слабостью, былъ и его силой. Онъ далъ Лассалю ту несокрушимую вѣру въ могущество идеи, подъ вліяніемъ которой онъ совершилъ такъ много. Допустимъ даже, что Лассаль не такъ ясно и глубоко, какъ Марксъ и Энгельсъ, позналъ законы движенія и развитія современнаго буржуазнаго общества; все же было бы неправильно измѣрять его историческое значеніе исключительно по этой сторонѣ его, отнюдь не имѣющей рѣшающаго значенія, или даже еще по нѣсколькимъ другимъ сторонамъ. Это значило бы трактовать историческія проблемы, какъ школьныя упражненія, въ которыхъ, конечно, достаточно искать только ошибокъ. Каждой исторической личности можно воздать должное, лишь принимая во вниманіе ея историческую обстановку.

Если сравнить Лассаля съ Марксомъ и Энгельсомъ, выросшими при совершенно иныхъ историческихъ условіяхъ, то они, быть можетъ, затмеваютъ его до извѣстной степени,—вѣдь вообще жизненный путь его былъ съ самаго начала покрытъ болѣе густыми тѣнями, чѣмъ жизненный путь Маркса и Энгельса. Но если сравнить его съ современниками, которые получили опредѣляющія жизненныя впечатлѣнія при приблизительно одинаковыхъ или даже болѣе благопріятныхъ условіяхъ, т.-е. съ младшими гегельянцами въ философской области, съ Родбертусомъ въ экономической, съ Іоганномъ Якоби въ политической, то онъ гигантски выростаетъ и въ ширь и въ высь.

Ему удалось то, что никому изъ нихъ не удалось: несмотря на идеалистическое міровоззрѣніе, котораго онъ придерживался вмѣстѣ съ ними, онъ проникъ до глубокой сущности научнаго коммунизма благодаря своимъ великимъ умственнымъ дарованіямъ, благодаря своимъ революціоннымъ инстинктамъ, но въ то же время—и это важнѣе всего — благодаря своему честному и неутомимому исканію истины.

---

2. Марксъ о товарѣ и деньгахъ.

Первымъ опубликованнымъ въ свѣтъ плодомъ научной работы Маркса въ 50-е годы была небольшая книга „*Къ критикѣ политической экономіи*". („*Zur Kritik der politischen Oekonomie*"). Въ предисловіи Марксъ разсматривалъ систему буржуазной экономіи въ такомъ порядкѣ: капиталъ, земельная собственность, наемный трудъ; государство, внѣшняя торговля, міровой рынокъ. Подъ первыми тремя рубриками онъ хотѣлъ изслѣдовать экономическія условія существованія трехъ большихъ классовъ, на которые раскололось современное буржуазное общество, и первый отдѣлъ первой книги, трактующей о капиталѣ, долженъ былъ состоять изъ трехъ главъ—о товарѣ, о деньгахъ и о капиталѣ вообще. Обѣ главы о товарѣ и деньгахъ составили содержаніе перваго выпуска, изданнаго Марксомъ въ 1859 г.

Въ томъ же предисловіи Марксъ далъ краткій обзоръ хода своихъ научныхъ работъ: критическое разсмотрѣніе гегелевской философіи права,—писалъ онъ,—привело его къ заключенію, что правовыя отношенія и государственныя формы нельзя понять ни изъ нихъ самихъ, ни изъ такъ называемаго общаго развитія человѣческаго духа, что они коренятся, напротивъ, въ матеріальныхъ условіяхъ жизни, совокупность которыхъ Гегель назвалъ гражданскимъ обществомъ, анатомію же гражданскаго общества слѣдуетъ искать въ политической экономіи. Затѣмъ слѣдовало то классическое изложеніе матеріалистическаго пониманія исторіи, которое съ тѣхъ поръ не разъ цитировалось.

Марксъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ указалъ во введеніи на историческій характеръ своей книги, столь же недвусмысленно выступающій въ самомъ текстѣ на каждой страницѣ. „На первый взглядъ богатство *буржуазнаго* общества представляется громаднымъ скопленіемъ товаровъ, а отдѣльный товаръ—его элементарной формой", такъ начинается изложеніе. Марксъ изслѣдуетъ опредѣленную историческую форму общества; онъ желаетъ выяснить не то, чѣмъ товаръ или деньги *могутъ* или *должны* быть въ какомъ-либо общемъ, философскомъ смыслѣ, а лишь то, что̀ они *суть* въ современномъ буржуазномъ обществѣ. Уже въ своей книгѣ, направленной противъ Прудона, Марксъ осмѣялъ тѣхъ буржуазныхъ экономистовъ, которые возводили условія жизни буржуазнаго общества въ условія жизни человѣческаго общества вообще; теперь онъ въ

„Критикѣ политической экономіи" пространно изложилъ историческое развитіе и, слѣдовательно, историческую обусловленность теорій о товарѣ и деньгахъ. Тѣмъ не менѣе въ буржуазномъ лагерѣ, ради сознательнаго обмана или вслѣдствіе безсознательнаго самообмана, но всегда безнадежно путая понятія, не перестаютъ утверждать, будто Марксъ именно въ своей теоріи цѣнности измыслилъ какой то идеальный или моральный принципъ, который болѣе умныя или болѣе нравственныя головы могутъ опровергнуть при помощи какихъ-нибудь другихъ, идеальныхъ или моральныхъ принциповъ. И это тотъ самый Марксъ, который подробно развилъ мысль, высказанную Давидомъ Рикардо лишь косвенно,—что теорія цѣнности въ своемъвполнѣ развитомъ видѣ предполагаетъ общество съ крупнымъ промышленнымъ производствомъ и свободной конкурренціей, т.-е. современное буржуазное общество!

Слѣдствіемъ исторической точки зрѣнія Маркса было то, что онъ подхватилъ нить изслѣдованія тамъ, гдѣ она оборвалась у буржуазной политической экономіи. Рикардо въ наиболѣе чистомъ видѣ развилъ теорію опредѣленія товарной цѣнности рабочимъ временемъ, но и изъ его теоріи получался рядъ противорѣчій, которыхъ не въ состояніи были разрѣшить ни буржуазные экономисты, ни прежніе соціалисты. Достаточно напомнить о разницѣ между заработной *платой* и *продуктомъ* труда,—разницѣ, которая такъ рѣзко противорѣчила закону цѣнности Рикардо и которую Грей, Прудонъ, Родбертусъ пытались уничтожить устраненіемъ денегъ. Марксъ безпощаднѣе, чѣмъ кто-либо другой, доказалъ безнадежность этихъ попытокъ, но теперь дѣло шло о положительномъ выясненіи того, гдѣ крылась ошибка Рикардо, гдѣ буржуазная экономія недостаточно глубоко проникла въ организмъ буржуазнаго общества. Марксъ подвергъ основательному пересмотру свойство труда создавать цѣнность; онъ изслѣдовалъ вопросъ о томъ, какой именно трудъ создаетъ цѣнность, почему и какъ онъ ее создаетъ, почему цѣнность есть не что иное, какъ такой кристаллизованный трудъ. Онъ расчленилъ затѣмъ отношеніе между товаромъ и деньгами и показалъ, какъ и почему товаръ, въ силу присущаго ему свойства цѣнности, и товарообмѣнъ должны создавать противоположность между товаромъ и деньгами.

Марксъ первый открылъ двойственный характеръ труда въ буржуазномъ обществѣ. Всякій товаръ можно разсматривать двояко,

какъ потребительную и какъ мѣновую цѣнность. „Какова бы ни была общественная форма богатства, его содержаніе всегда составляютъ потребительныя цѣнности, ближайшимъ образомъ индифферентныя къ этой формѣ. По вкусу пшеницы не видно, кто ее воздѣлывалъ, русскій ли крѣпостной, французскій мелкій крестьянинъ или англійскій капиталистъ. Хотя и будучи предметомъ общественныхъ потребностей и получая такимъ образомъ общественный характеръ, потребительная цѣнность не выражаетъ, однако, никакого общественнаго отношенія производства... Потребительная цѣнность въ этомъ безразличіи своемъ къ опредѣленной экономической формѣ, т.-е. потребительная цѣнность, какъ таковая, не входитъ въ кругъ изслѣдованій политической эконо- Въ кругъ послѣдней она входитъ лишь тогда, когда она сама опредѣляетъ экономическія формы. Непосредственно она составляетъ матеріальное основаніе, на которомъ предъ нами выступаетъ опредѣленное экономическое отношеніе—мѣновая цѣнность". Этими ясными положеніями Марксъ уничтожилъ источникъ безконечныхъ недоразумѣній и бросилъ въ печку цѣлыя кучи учебниковъ политической экономіи.

Въ качествѣ мѣновой цѣнности одна потребительная цѣнность имѣетъ такое же значеніе, какъ всякая другая, при условіи, что она имѣется въ надлежащей пропорціи. „Мѣновая цѣнность какого-нибудь дворца можетъ быть выражена въ опредѣленномъ количествѣ коробокъ сапожной ваксы. Наоборотъ, лондонскіе фабриканты сапожной ваксы выразили въ своихъ дворцахъ мѣновую цѣнность множества коробокъ". Товары, обмѣниваясь другъ на друга, совершенно независимо отъ естественной формы ихъ бытія и безъ всякаго отношенія къ тѣмъ специфическимъ потребностямъ, которыя они должны удовлетворять, представляютъ одну и ту же сущность, несмотря на свое видимое разнообразіе.

Потребительныя цѣнности суть прежде всего средства существованія, но эти средства существованія сами являются продуктами общественной жизни, результатомъ затраты человѣческой, рабочей силы—овеществленнымъ трудомъ. Какъ овеществленіе общественнаго труда, всѣ товары представляютъ собою кристаллизаціи одной и той же сущности. „Трудъ, который равномѣрно овеществляется въ нихъ, слѣдовательно—трудъ, выражающійся въ мѣновой цѣнности, самъ долженъ быть однороднымъ, простымъ трудомъ, для котораго такъ же безразлично, проявляется ли онъ въ золотѣ, желѣзѣ, пшеницѣ, шелкѣ, какъ безразлично для кисло-

рода, встрѣчается ли онъ въ ржавчинѣ желѣза, въ атмосферѣ, въ виноградномъ соку или въ крови человѣка". Если различія потребительныхъ цѣнностей вытекаютъ изъ различій труда, производящаго потребительныя цѣнности, то для труда, образующаго мѣновыя цѣнности, такъ же безразличны особыя формы самого труда, какъ для него безразлично особое вещество потребительныхъ цѣнностей. Далѣе, если различныя потребительныя цѣнности являются продуктами дѣятельности различныхъ индивидуумовъ, слѣдовательно—результатомъ индивидуально различныхъ работъ, то въ качествѣ мѣновыхъ цѣнностей онѣ представляютъ собою одинаковый, однородный трудъ, т.-е. трудъ, въ которомъ вытравлена индивидуальность работавшихъ. Трудъ, образующій мѣновую цѣнность, является поэтому абстрактнымъ, всеобщимъ трудомъ, различающимся уже не качественно, а только количественно, сообразно большимъ или меньшимъ количествамъ его, овеществленнымъ въ мѣновыхъ цѣнностяхъ различной величины. Для количественно различныхъ массъ абстрактнаго, всеобщаго труда существуетъ лишь одно мѣрило: рабочее время, масштабомъ котораго являются, въ свою очередь, естественныя мѣры времени — часъ, день, недѣля и т. д. Рабочее время есть живое бытіе труда, безразличное къ его формѣ, его содержанію, его индивидуальности. Какъ мѣновыя цѣнности, всѣ товары представляютъ собою лишь опредѣленное количество застывшаго рабочаго времени. Рабочее время, овеществленное въ потребительныхъ цѣнностяхъ товаровъ, представляетъ собою, съ одной стороны, субстанцію, которая дѣлаетъ ихъ мѣновыми цѣнностями и потому товарами, а съ другой—мѣрило для опредѣленія величины ихъ цѣнности

Сведеніе различныхъ видовъ труда къ однородному, простому труду кажется абстракціей, но это абстракція, ежедневно совершаемая въ процессѣ общественнаго производства. „Разложеніе всѣхъ товаровъ въ рабочее время есть не большая, но и не менѣе реальная абстракція, чѣмъ разложеніе всѣхъ органическихъ тѣлъ въ газъ". Указанная выше абстракція существуетъ въ видѣ средняго труда, который можетъ быть выполненъ каждымъ среднимъ индивидуумомъ даннаго общества, это—опредѣленная производительная трата человѣческихъ мускуловъ, нервовъ, мозга и т. д. Простой трудъ образуетъ наибольшую массу труда въ буржуазномъ обществѣ. Сложный трудъ есть умноженный простой трудъ: одинъ день сложнаго труда равенъ, напримѣръ, тремъ днямъ простого труда; по какимъ бы законамъ ни совер-

шалось это приведеніе сложнаго труда къ простому, практическій опытъ показываетъ, что оно совершается ежедневно. Продукты сложнаго труда ежедневно обмѣниваются въ опредѣленной пропорціи на продукты простого средняго труда. Понятно далѣе, что рабочее время, образующее цѣнность, должно быть необходимымъ рабочимъ временемъ,—необходимымъ для того, чтобы при данныхъ общихъ условіяхъ производства создать новый экземпляръ того же товара; уже въ *„Нищетѣ философіи“* Марксъ показалъ, что цѣнность вещи образуетъ не то время, въ теченіе котораго она *была* произведена, а минимумъ времени, въ теченіе котораго она *можетъ* быть произведена.

Двойственный характеръ присущъ труду при исторически опредѣленной общественной формѣ производства, при товарномъ производствѣ, которое стало господствующей формой производства въ капиталистическомъ обществѣ и вмѣстѣ съ нимъ. Поскольку трудъ создаетъ потребительныя цѣнности, постольку онъ свойственъ всевозможнымъ формамъ общества; какъ цѣлесообразная дѣятельность, направленная къ использованію силъ природы въ той или иной формѣ, трудъ является естественнымъ условіемъ человѣческаго существованія, условіемъ обмѣна веществъ между человѣкомъ и природой, независимымъ отъ какихъ бы то ни было соціальныхъ формъ. Этотъ трудъ нуждается въ веществѣ и, такимъ образомъ, не есть единственный источникъ всего созданнаго имъ, т.-е. онъ не единственный источникъ вещественнаго богатства. Какъ бы различно ни было отношеніе между трудомъ и веществомъ природы въ различныхъ потребительныхъ цѣнностяхъ, все же потребительная цѣнность всегда заключаетъ въ себѣ естественный субстратъ.

Наоборотъ, трудъ, образующій мѣновую цѣнность, есть специфически общественная форма труда. Въ первобытномъ коммунизмѣ, который мы встрѣчаемъ на порогѣ исторіи всѣхъ культурныхъ народовъ, отдѣльный видъ труда составлялъ непосредственно одну изъ функцій общественнаго организма. Въ личныхъ службахъ и натуральныхъ повинностяхъ средневѣковья общественной стороной труда являлись не общія его свойства, а его индивидуальныя особенности. Въ деревенской патріархальной семьѣ, гдѣ женщины пряли, а мужчины ткали для собственной потребности семьи, пряжа и холстъ были общественными продуктами, пряденіе и ткачество были общественнымъ трудомъ въ предѣлахъ семьи. Семейный укладъ съ его естественнымъ раздѣленіемъ труда на-

лагалъ на продуктъ этого труда свою своеобразную общественную печать; пряжа и холстъ не обмѣнивались другъ на друга какъ равнозначащія и равносильныя выраженія одного и того же всеобщаго рабочаго времени Только въ товарномъ производствѣ индивидуальный трудъ становится общественнымъ трудомъ вслѣдствіе того, что онъ принимаетъ форму своей прямой противоположности, форму абстрактной всеобщности. Мѣновая цѣнность есть объективное выраженіе специфически общественной формы труда. Какъ таковая, она не содержитъ никакого вещества: трудъ есть единственный ея источникъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и единственный источникъ богатства, состоящаго изъ мѣновыхъ цѣнностей.

Но товаръ представляетъ собою непосредственное единство потребительной и мѣновой цѣнностей, и въ то же время онъ является товаромъ лишь въ отношеніи къ другимъ товарамъ. Реализація отношенія товаровъ другъ къ другу, это—мѣновой процессъ. Въ этомъ процессѣ, въ который вступаютъ независимые другъ отъ друга индивидуумы, товаръ долженъ являться одновременно потребительной и мѣновой цѣнностью, особымъ видомъ труда, удовлетворяющимъ особыя потребности, и трудомъ вообще, могущимъ обмѣниваться на одинаковое количество всеобщаго труда. Процессъ обмѣна товаровъ долженъ развернуть и разрѣшить противорѣчіе, заключающееся въ томъ, что индивидуальный трудъ, овеществленный въ отдѣльномъ товарѣ, долженъ непосредственно обладать характеромъ всеобщаго труда. Какъ мѣновая цѣнность, каждый отдѣльный товаръ становится мѣриломъ цѣнности всѣхъ другихъ товаровъ. Наоборотъ, всякій особый товаръ, въ которомъ всѣ другіе товары измѣряютъ свою цѣнность, становится адекватнымъ бытіемъ мѣновой цѣнности; мѣновою цѣнностью становится, такимъ образомъ, особый исключительный товаръ, который въ силу того, что всѣ другіе товары превращаются въ него, является непосредственнымъ овеществленіемъ всеобщаго рабочаго времени Такимъ образомъ въ этомъ одномъ товарѣ разрѣшается противорѣчіе, заключенное въ товарѣ, какъ таковомъ, т.-е. что будучи особой потребительной цѣнностью, товаръ долженъ быть въ то же время всеобщимъ эквивалентомъ или потребительной цѣнностью для всѣхъ, всеобщей потребительной цѣнностью. Этотъ особый, исключительный товаръ—деньги.

Въ деньгахъ мѣновая цѣнность товаровъ кристаллизуется какъ особый товаръ. Денежный кристаллъ есть необходимый продуктъ мѣнового процесса, въ которомъ разнообразные товары фактиче-

ски приравниваются другъ къ другу и потому фактически превращаются въ товары. Онъ продуктъ безсознательнаго историческаго развитія. Непосредственная мѣновая торговля, первобытная форма мѣнового процесса, представляетъ собой въ гораздо большей степени начало превращенія потребительныхъ цѣнностей въ товары, чѣмъ товаровъ въ деньги. Чѣмъ больше развивается мѣновая торговля, чѣмъ больше потребительныя цѣнности становятся товарами, чѣмъ болѣе, слѣдовательно, мѣновая цѣнность принимаетъ свободную форму и перестаетъ быть связанной непосредственно съ потребительной цѣнностью, тѣмъ больше мѣновая торговля толкаетъ къ созданію денегъ. Сначала роль денегъ играютъ одинъ или даже нѣсколько товаровъ, обладающихъ наиболѣе общей потребительной цѣнностью: скотъ, хлѣбъ, рабы. Функцію денегъ поперемѣнно исполняли весьма различные, болѣе или менѣе неподходящіе товары. Къ благороднымъ металламъ эта функція перешла въ концѣ-концовъ потому, что они обладаютъ необходимыми физическими свойствами того особаго товара, въ которомъ должна кристаллизоваться денежная сущность всѣхъ товаровъ,—свойствами, непосредственно вытекающими изъ природы мѣновой цѣнности: прочностью ихъ потребительной цѣнности, произвольной дѣлимостью, однородностью частей и одинаковостью всѣхъ экземпляровъ этого товара. Этотъ особый товаръ не долженъ портиться во время процесса обмѣна; какъ овеществленіе всеобщаго рабочаго времени, онъ долженъ быть овеществленіемъ однороднымъ и способнымъ выражать одни лишь количественныя различія.

Изъ благородныхъ металловъ, въ свою очередь, все болѣе и болѣе становится исключительнымъ денежнымъ товаромъ золото. Оно служитъ мѣриломъ цѣнностей и масштабомъ цѣнъ, оно служитъ орудіемъ обращенія товаровъ. Путемъ сальто-мортале товара въ золото опредѣленный видъ труда, накопленный въ товарѣ, доказываетъ, что онъ есть также абстрактный всеобщій трудъ, общественный трудъ. Если это превращеніе не удается товару, то онъ теряетъ свое значеніе не только какъ товаръ, но и какъ продуктъ, ибо товаромъ онъ является лишь потому, что не имѣетъ никакой потребительной цѣнности для своего обладателя.

Золото, специфическій товаръ, служащій мѣриломъ цѣнностей и орудіемъ обращенія товаровъ, становится деньгами безъ всякаго дальнѣйшаго содѣйствія общества. Въ противоположность товарамъ, которые суть только проявленія самостоятельнаго бытія мѣ-

новой цѣнности, общественнаго труда вообще, абстрактнаго богатства, золото есть само матеріальное бытіе абстрактнаго богатства. Но золото есть также матеріальный представитель вещественнаго богатства; оно удовлетворяетъ всякую потребность, поскольку оно можетъ быть непосредственно обмѣнено на предметъ любой потребности; въ своей массивной металличности золото содержитъ въ скрытомъ видѣ все богатство, развернутое въ мірѣ товаровъ. Оно одновременно является по своей формѣ непосредственнымъ воплощеніемъ труда вообще, а по содержанію—совокупностью всѣхъ реальныхъ видовъ труда. Золото есть всеобщее богатство какъ индивидуумъ. Изъ раба оно превращается въ господина, изъ простого подручнаго оно становится богомъ товаровъ.

Марксъ раскрываетъ роль денегъ въ буржуазномъ обществѣ во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, проливая свѣтъ повсюду, гдѣ раньше господствовалъ ненадежный полусвѣтъ или полная тьма. Сила его экономическаго анализа напоминаетъ тотъ паровой молотъ, о которомъ Марксъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „Онъ шутя превращаетъ въ пыль гранитную глыбу, но въ состояніи также рядомъ легкихъ ударовъ вогнать гвоздь въ мягкое дерево". Нѣтъ поэтому ничего болѣе ошибочнаго, чѣмъ упрекать Маркса въ затемняющей миѳологіи и туманной мистикѣ, какъ это дѣлали Рошеръ и его послѣдователи. Наоборотъ, Марксъ разсѣялъ миѳологическій и мистическій туманъ, окутывавшій товарное производство и неоднократно сбивавшій съ толку буржуазныхъ экономистовъ.

Марксъ показалъ, какъ общественное отношеніе производства принимается за существующій внѣ индивидуумовъ предметъ, какъ опредѣленныя отношенія, въ которыя эти индивидуумы вступаютъ въ процессѣ производства своей общественной жизни, принимаются за специфическія свойства извѣстной вещи, и какъ именно это превратное представленіе, эта прозаически реальная, а не воображаемая мистификація характеризируетъ всѣ общественныя формы труда, образующаго мѣновую цѣнность. „Въ товарѣ эта мистификація еще очень проста. Всѣ болѣе или менѣе сознаютъ, что отношеніе товаровъ, какъ мѣновыхъ цѣнностей, есть скорѣе отношеніе лицъ къ ихъ взаимной производительной дѣятельности. Въ высшихъ производственныхъ отношеніяхъ эта кажущаяся простота исчезаетъ. Всѣ иллюзіи такъ наз. монетной системы *) проистекаютъ отъ одной причины: на золотѣ не видно, что оно

*) Главной разновидностью этой системы является меркантилизмъ.—*Перев.*

представляетъ общественное производственное отношеніе, но только въ формѣ вещи съ опредѣленными свойствами. У современныхъ экономистовъ, презрительно посмѣивающихся надъ иллюзіей монетной системы замѣчается та же иллюзія, какъ только они начинаютъ оперировать высшими экономическими категоріями, напр. капиталомъ. Она прорывается въ выраженіи наивнаго удивленія, когда то, что они, казалось, сейчасъ лишь держали грубо въ рукахъ какъ вещь, вдругъ принимаетъ видъ общественнаго отношенія, и когда затѣмъ ихъ начинаетъ поддразнивать, какъ вещь, то самое, что они минуту назадъ фиксировали какъ общественное отношеніе". Рошеру слѣдовало бы лучше поразмыслить надъ этимъ тонкимъ разграниченіемъ, чѣмъ съ полдюжины разъ утѣшать себя въ своихъ толстыхъ книгахъ остротой, что Марксъ былъ-де человѣкомъ остроумнымъ, но не остраго ума.

На товарѣ и деньгахъ Марксъ раскрылъ мистификацію товарнаго производства. Онъ хотѣлъ затѣмъ доказать то же по отношенію къ капиталу, но внѣшнія обстоятельства, между прочимъ— продолжительная болѣзнь, неоднократно прерывавшая его работу, въ теченіе восьми лѣтъ мѣшали продолженію труда, опубликованнаго въ 1859 г. Первый выпускъ книги совершенно замолчали. Зато изданія рошеровскаго „Учебника политической экономіи" слѣдовали быстро одно за другимъ, а историческій методъ праздновалъ здѣсь свой тріумфъ безпорядочной болтовней о товарѣ и деньгахъ, вплоть до открытія, что деньги—„пріятный товаръ".

---

3. Гераклитъ Лассаля.

Сочиненіе Лассаля о Гераклитѣ, появившееся въ 1857 году, не соприкасается непосредственно съ его общественной дѣятельностью. Въ извѣстномъ отношеніи это была пробная работа на званіе мастера, которой ученикъ Гегеля увѣнчалъ годы своего ученія, аттестатъ зрѣлости, съ которымъ онъ вступилъ въ высшую школу жизни.

Лассаль понялъ свою задачу очень широко. Онъ ссылается на слова одного современнаго ученаго, вѣроятно Бёкка, что со временъ Винкельмана, Гердера и Канта нѣмецкая наука сознательно и безсознательно стремится разсматривать земное и небесное съ всемірно-исторической точки зрѣнія и старается осуществить свое стремленіе путемъ сочетанія филологіи, исторіи и философіи. Лассаль пророчески прибавляетъ, что наступитъ время,

когда исторію философіи, какъ и исторію религіи, искусства, государства и формъ жизни гражданскаго общества, не будутъ излагать больше въ видѣ самостоятельныхъ, обособленныхъ дисциплинъ, но всѣ онѣ будутъ пониматься и излагаться въ своемъ конкретномъ взаимодѣйствіи въ пантеонѣ историческаго духа, т.-е. впервые начнутъ изображаться въ живомъ процессѣ ихъ возникновенія и развитія. Признаніемъ единства всѣхъ наукъ самостоятельный мыслитель заранѣе отдѣлилъ себя отъ ученыхъ спеціалистовъ-ремесленниковъ; именно по этой причинѣ Лассаль обратилъ свой взоръ на человѣка, впервые открывшаго единый законъ, правящій всѣмъ міромъ.

Чтобы понять этого человѣка и выполненный имъ трудъ, требовалось незаурядно-высокое мастерство въ области филологіи, исторіи и философіи. „Философія Гераклита Темнаго изъ Эфеса", которую Лассаль изложилъ въ двухъ солидныхъ томахъ „на основаніи новаго собранія ея отрывковъ и по свидѣтельствамъ древнихъ", была уже въ древности извѣстна своей трудностью для пониманія. Такой гигантъ мысли, какъ Аристотель, признавался, что въ рѣчи Гераклита нѣтъ мѣстъ, на которыхъ можно было бы передохнуть, и что одно раздѣленіе написаннаго имъ на отдѣльныя предложенія составляетъ трудную работу, ибо не видно сразу, куда относится каждое слово, къ послѣдующему или къ предыдущему. Но современный изслѣдователь не имѣетъ даже въ своемъ распоряженіи сочиненія Гераклита о природѣ. За исключеніемъ нѣсколькихъ отрывочныхъ положеній оно совершенно утеряно, да и эти положенія дошли до насъ лишь въ томъ искаженномъ и испорченномъ видѣ, въ которомъ греко-римскія философскія школы и христіанскіе отцы церкви истолковали и передѣлали ихъ для своихъ особыхъ цѣлей, воспользовавшись ими для построенія своихъ философскихъ и религіозныхъ системъ.

Съ тѣхъ поръ какъ въ 18-мъ столѣтіи голландскій ученый Даніилъ Виттенбахъ обратилъ опять вниманіе на Гераклита, разгадкой гераклитовой философіи занимались преимущественно выдающіеся умы Германіи: Шлейермахеръ, Шеллингъ, Крейцеръ, Беккъ, Гегель и др. Наиболѣе крупная заслуга по собиранію и истолкованію ея отрывковъ принадлежитъ Шлейермахеру. Онъ понималъ основную идею греческаго философа какъ движеніе и становленіе, но движеніе—какъ движеніе впередъ по прямой линіи, а становленіе—какъ простое безразличное измѣненіе. Наоборотъ, Гегель доказывалъ, что Гераклитъ первый усмотрѣлъ въ

становленіи діалектическое движеніе, что онъ первый понялъ и положилъ въ основу своей системы единство противоположностей, тождество бытія и небытія, что у Гераклита мы впервые находимъ философскую идею въ ея спекулятивной формѣ. Съ этого пункта Лассаль началъ свое изслѣдованіе о Гераклитѣ; то обстоятельство, что онъ хотѣлъ превзойти самыхъ выдающихся мыслителей и изслѣдователей вѣка въ области, исполненной неизмѣримыхъ трудностей, одинаково характеризуетъ какъ высокія стремленія, такъ и самоувѣренность этого юноши, не достигшаго еще 20-лѣтняго возраста.

Объ отношеніи работы Лассаля къ Гегелю распространены два одинаково ложныхъ или, по меньшей мѣрѣ, одинаково преувеличенныхъ мнѣнія. Одни утверждаютъ, что Лассаль не прибавилъ ничего къ тому, что въ главныхъ чертахъ можно найти уже у Гегеля,—утвержденіе приблизительно такого же достоинства, какъ утвержденіе, что Марксъ не далъ ничего такого, чего въ главныхъ чертахъ нельзя было бы найти уже у Рикардо. Лассаль беретъ своей исходной точкой Гегеля по законному праву изслѣдователя—разрабатывать научную проблему съ того пункта, до котораго она уже развита другими; по сравненію съ набросаннымъ на нѣсколькихъ страницахъ очеркомъ Гегеля сочиненіе Лассаля является совершенно самостоятельной работой, исправляющей и дополняющей, расширяющей и углубляющей. Другіе говорятъ, что Лассаль попросту подогналъ греческаго философа подъ гегелевскую философію. Но такое утвержденіе можетъ высказать лишь тотъ, кто не читалъ книги Лассаля или, въ лучшемъ случаѣ, только перелистывалъ ее. Лассаль неустанно повторяетъ, что Гераклитъ былъ по существу еще физикомъ, а не умозрительнымъ логикомъ, что онъ пытался овладѣть діалектическимъ міровымъ процессомъ при помощи чувственныхъ понятій, что ограниченный характеръ его философіи сказывается именно въ ея неспособности выразить природу мысли въ формѣ мысли.

Съ удивительной остротой ума и не менѣе удивительной эрудиціей въ области греко-римскихъ первоисточниковъ Лассаль доказываетъ, что Гераклитъ подъ видомъ огня, потока, войны и другихъ чувственныхъ понятій изображалъ безпрерывно осуществляющееся единство бытія и небытія; что подъ первичнымъ началомъ огня онъ понималъ, напр., не опредѣленную чувственную стихію, а лишь становленіе, движеніе и процессъ въ философской формѣ; что подъ своимъ міровымъ пожаромъ онъ раз-

умѣлъ не горѣніе вселенной въ чувственномъ огнѣ, а діалектическій потокъ становленія, какъ міросозидающій и правящій всѣмъ законъ. Лассаль вдвигаетъ философію Гераклита въ самыя широкія историческія рамки, отъ орфическихъ представленій и ученій восточныхъ религій до умозрѣній Платона и стоиковъ и даже догматовъ первобытнаго христіанства. Онъ стоитъ, несомнѣнно, на идеалистической точкѣ зрѣнія, но онъ не разрѣжаетъ ее въ легкую дымку, какъ это дѣлала оффиціальная гегельянщина, а ищетъ ея центра тяжести тамъ, гдѣ гегелевская философія, употребляя позднѣйшее выраженіе Лассаля, сама себя побиваетъ, гдѣ абсолютная идея должна уступить престолъ историческому развитію. Лассаль видитъ въ исторіи философіи исторію постигающей себя научной мысли, но прибавляетъ, что эта исторія не является только самостоятельнымъ процессомъ развитія въ отгороженномъ небѣ идеологическаго сознанія, а осуществляется лишь черезъ посредство народнаго представляющаго сознанія и проникнутыя имъ сферы дѣйствительности; отъ нихъ она затѣмъ отдѣляется и на нихъ она въ свою очередь воздѣйствуетъ.

Упрекъ въ томъ, что Лассаль превратилъ эфесскаго философа въ гегельянца, правиленъ лишь постольку, поскольку Лассаль пользуется діалектическимъ методомъ современной философіи, какъ ключомъ для пониманія античной философіи. Кто въ единствѣ абсолютной противоположности бытія и небытія и въ ихъ превращеніи другъ въ друга видитъ легкомысленное изобрѣтеніе „ерундиста“ Гегеля, тотъ можетъ отвергать произведеніе Лассаля о Гераклитѣ какъ „глубокоученое заблужденіе“; онъ долженъ, конечно, удовлетвориться тогда признаніемъ философіи Гераклита за безсвязную кучу непонятныхъ предложеній. Но если эта точка зрѣнія, по крайней мѣрѣ, послѣдовательна, то совершенно напрасно стараніе одного буржуазнаго біографа умалить цѣнность лассалевской работы замѣчаніемъ, что Целлеръ „часто весьма энергично поправляетъ“ ее. Результаты научной работы независимыхъ изслѣдователей не теряютъ еще своего значенія оттого, что ученый спеціалистъ „поправляетъ“ ихъ. Целлеръ „поправляетъ“ Лассаля такъ же точно, какъ Лассаль „поправляетъ“ Целлера. При этомъ Лассаль полемизируетъ съ Целлеромъ въ самой любезной и лояльной формѣ, тогда какъ Целлеръ пускаетъ въ ходъ противъ Лассаля сердитыя выраженія, въ родѣ „многословный“, „растянутый“, „отчаянная увертка“, словомъ—обороты

рѣчи, которые всего менѣе считаются доказательствомъ превосходства, увѣреннаго въ своей побѣдѣ.

Этимъ мы отнюдь не думаемъ отрицать, что въ своихъ возраженіяхъ противъ взглядовъ Лассаля Целлеръ и другіе были во многомъ, быть-можетъ, правы. Но если бы даже всѣ ихъ возраженія были правильны, если бы даже Лассаль дѣйствительно невѣрно понялъ философію Гераклита, то все же этимъ не умалялось бы значеніе его труда. Онъ могъ бы тогда сказать своимъ противникамъ такъ же спокойно, какъ Лессингъ, съ работами котораго объ античной литературѣ спеціалисты-ученые тоже не хотѣли считаться: „Въ изученіи древности открытіе вѣроятнаго часто дѣлаетъ больше чести, чѣмъ открытіе истиннаго". Привилегія умовъ, прокладывающихъ новые пути, заключается въ томъ, что своими геніальными заблужденіями они способствуютъ разрѣшенію трудныхъ проблемъ больше, чѣмъ искусная повседневная рутина съ ея тривіальными истинами, и потому одинъ буржуазный историкъ философіи правильно замѣчаетъ, что сочиненіе Лассаля занимаетъ центральное мѣсто въ спорахъ о Гераклитѣ: всѣ дальнѣйшія изслѣдованія о темномъ философѣ должны брать этотъ трудъ своей исходной точкой, либо потверждая, либо отвергая его выводы. Когда Руге читалъ послѣ смерти Лассаля эту „великолѣпную, до прозрачности ясную" книгу, то, несмотря на всю свою ненависть къ соціалистамъ и злобу противъ евреевъ, созданныхъ въ концѣ-концовъ дьяволомъ, онъ по старой философской совѣсти выдалъ ей все-таки слѣдующій аттестатъ: „Это философскій шедевръ и, при всей глубинѣ своего содержанія, самая легкая и удобочитаемая книга во всей нашей ученой литературѣ, такъ какъ авторъ, вполнѣ владѣющій своимъ великимъ предметомъ и въ совершенствѣ понимающій философію, не встрѣчаетъ никакихъ трудностей въ передачѣ другимъ того, что онъ самъ видитъ". Эта оцѣнка одинаково воздаетъ должное и формѣ, и содержанію лассалевскаго сочиненія.

Какъ это ни странно, но тѣ самые господа, которые въ лассалевскомъ Гераклитѣ усматриваютъ Гегеля 6-го в. до Р. Х., не прочь сдѣлать изъ Лассаля Гераклита 19-го столѣтія. Опять-таки буржуазный біографъ Лассаля находитъ между героемъ своей біографіи и Гераклитомъ поразительнѣйшее сходство, не только въ ихъ логическомъ складѣ и діалектической тенденціи, но и въ ихъ этикѣ съ ея самопожертвованіемъ въ интересахъ общаго, даже въ ихъ личныхъ свойствахъ, въ добродѣтеляхъ такъ же, какъ

въ порокахъ. По мнѣнію этого біографа, Лассаль сходенъ съ эфесскимъ философомъ въ невѣроятно высокомъ мнѣніи о себѣ и въ презрѣніи къ людямъ; несмотря, однако, на свою самоувѣренность и гордость, они одинаково страстно стремились къ славѣ и почету, къ преклоненію и похваламъ со стороны другихъ; одинакова была, наконецъ, ихъ политическая философія. Разница лишь въ томъ,—и тутъ чортъ высовываетъ свой хвостикъ,—что изъ политической теоріи греческаго мыслителя очень легко можно понять, почему онъ вопреки своему уваженію къ общему долженъ былъ стать въ самое враждебное отношеніе къ господству массы въ его родномъ городѣ Эфесѣ, тогда какъ гораздо труднѣе понять, какимъ образомъ Лассаль, исходя изъ аналогичныхъ основныхъ понятій о государствѣ, могъ стать защитникомъ всеобщаго избирательнаго права, борцомъ за такое господство массъ, какого еще никогда не видала исторія. Въ указываемомъ пунктѣ у этой интересной индивидуальности произошло внутреннее раздвоеніе. „Аристократъ ума и соціалъ-демократъ! Въ человѣческомъ сердцѣ уживаются рядомъ и бо̀льшія противорѣчія, но это не проходитъ безнаказанно.“ Этотъ контрастъ въ мірѣ принциповъ обнаруживался „чисто внѣшнимъ образомъ“, когда Лассаль въ лакированныхъ ботинкахъ и тонкомъ бѣльѣ произносилъ рѣчи передъ фабричными рабочими съ испачканными сажей лицами и мозолистыми руками.

Начнемъ съ менѣе важнаго пункта. Высокое мнѣніе о себѣ вытекало у Гераклита и у Лассаля изъ совершенно различныхъ источниковъ. У Лассаля оно было результатомъ горячей и побѣдоносной борьбы съ гнетущими условіями жизни, у Гераклита — непоколебимой увѣренности въ томъ, что онъ открылъ, и при томъ одинъ открылъ, абсолютный, разумный законъ, управляющій міромъ. Опьяненный этимъ открытіемъ, говоритъ Лассаль, Гераклитъ свысока третировалъ своихъ философскихъ предшественниковъ, а тѣмъ болѣе своихъ неученыхъ согражданъ; озлобленный и презрительный тонъ по отношенію къ нимъ чувствуется во всѣхъ отрывкахъ Гераклита и, конечно, не могъ не навлечь на него упрека въ заносчивости и высокомѣріи. Лассаль самъ имѣлъ право осуждать эту черту Гераклита, ибо ничто не было ему такъ чуждо, какъ презрѣніе къ людямъ. Возьмемъ первый ближайшій примѣръ: Лассаль относится къ своимъ предшественникамъ по изслѣдованію о Гераклитѣ съ почтительнѣйшимъ вниманіемъ, составляющимъ діаметральную противоположность полемической манерѣ Гераклита.

Вообще научная полемика Лассаля именно въ отношенiи формы вполнѣ безупречна. Онъ умѣлъ, конечно, наносить и удары палицей, но за исключенiемъ одного случая, когда онъ выступилъ мстителемъ за нашихъ постыдно облаянныхъ классиковъ, онъ нападалъ рѣзко лишь тогда, когда противники самымъ грубымъ образомъ затрагивали его личность. Лассаль скорѣе страдалъ противоположнымъ недостаткомъ: онъ придавалъ слишкомъ большое значенiе суду людей, и мы видимъ, дѣйствительно, что его „несчастное пристрастiе къ шуму и грому славы“ противопоставляется его высокому мнѣнiю о себѣ. Но обѣ указанныя черты имѣли одинъ и тотъ же корень: тщеславiе Лассаля было послѣднимъ остаткомъ той внутренней нетвердости, которую ему не удалось окончательно преодолѣть въ борьбѣ, создавшей его самоувѣренность. Между тѣмъ Гераклитъ, насколько намъ извѣстно, былъ совершенно свободенъ отъ тщеславiя подобнаго рода.

Лассаль удивительно красиво доказываетъ, что любовь Гераклита къ славѣ не была непосредственнымъ чувствомъ, а была сознательной и выработалась путемъ мысли, что она находится въ тѣснѣйшей связи съ его философской системой. Слава, исключительное вмѣсто рядового, выбираемое лучшими, это — бытiе людей въ ихъ небытiи, чистое продолженiе бытiя, несмотря на гибель самого чувственнаго существованi слава есть поэтому достигнутая и реализованная безконечность человѣка, реальность, не состоящая, однако, больше въ его непосредственномъ бытiи. Вотъ почему, говоритъ Лассаль, слава всегда производила столь могучее дѣйствiе на великiя души и возвышала ихъ надъ всѣми мелкими и ограниченными интересами, вотъ почему одинъ нѣмецкiй поэтъ (Платенъ), одаренный эллинскимъ генiемъ, сказалъ о ней, что она можетъ приблизиться лишь „рука объ руку съ испытующимъ ангеломъ смерти“; этимъ же объясняется, почему Гераклитъ видѣлъ въ славѣ моральное осуществленiе своего умозрительнаго принципа. Гераклитовская любовь къ славѣ совпадаетъ съ его основнымъ этическимъ принципомъ—беззавѣтною преданностью всеобщему. Гераклитъ разумѣетъ подъ этимъ сознательное и добровольное подчиненiе отдѣльнаго человѣка всеобщему мiровому закону; такъ какъ отдѣльный человѣкъ достигаетъ истиннаго единства бытiя и небытiя лишь „въ вѣковѣчной славѣ“, то слава становится высшей цѣлью человѣческихъ стремленiй и лучшимъ удѣломъ смертнаго.

Лассаль также усматриваетъ „вѣчный принципъ всего нрав-

ственнаго" въ беззавѣтной преданности всеобщему, но его отдѣляетъ отъ Гераклита понятіе всеобщаго. Лассаль знаетъ, что мысль есть историческій продуктъ и что она живетъ не только „въ отгороженномъ небѣ идеалистическаго сознанія". Для Гераклита „всеобщимъ" былъ правящій вселенной законъ, гдѣ еще не было разграничено все то, что впослѣдствіи выдѣлилось, какъ теорія познанія, физика, этика, политика. Такъ какъ эфесцы не признавали объективнаго разума этого закона природы, то ихъ господство массъ тоже было лишь безумствомъ многихъ, противъ котораго Гераклитъ, какъ единственный знающій, не могъ не выступать самымъ рѣзкимъ образомъ. Понятія государства въ современномъ смыслѣ слова у него, конечно, еще не могло быть. Свою страстную полемику онъ направилъ противъ культа боговъ среди его согражданъ, противъ астрологовъ и даже противъ поэтовъ, которые поддерживали вѣру въ высшія силы, господствующія надъ человѣкомъ; въ этомъ смыслѣ онъ говорилъ, что Гомеръ заслуживаетъ быть исключеннымъ изъ собраній для общественныхъ игръ и наказаннымъ розгами.

Чтобы выяснить понятіе „всеобщаго" у Гераклита, Лассаль прибѣгаетъ къ мѣткому сравненію, указывая, что въ гегелевской философіи законы тоже понимаются какъ реализація всеобщей субстанціальной воли, безъ всякаго отношенія къ формальной волѣ субъектовъ и ихъ числу. И Лассаль нисколько не вступалъ въ противорѣчіе съ этимъ взглядомъ, когда онъ, почитатель объективнаго разума, въ то же время являлся защитникомъ всеобщаго избирательнаго права. Подобно Гераклиту и Гегелю, Лассаль ничуть не воображалъ, что объективный разумъ можно получить путемъ подсчета голосовъ массы, и не такъ понималъ онъ всеобщее право голоса. Это право было для него не средствомъ произвести объективный разумъ, а средствомъ помочь этому объективному разуму получить господство. Ибо если Лассаль вмѣстѣ съ Гераклитомъ и Гегелемъ усматривалъ въ посвященіи себя „всеобщему" вѣчный принципъ нравственнаго, то „всеобщее" имѣло у него, соотвѣтственно историческому развитію, иное историческое значеніе, чѣмъ у Гераклита и Гегеля. Для него этимъ всеобщимъ была не всеобщая міровая идея, не абсолютная идея государства, а „идея рабочаго класса". Лассаль не потому выступилъ въ защиту рабочаго класса, что онъ наиболѣе многочисленный, а потому, что рабочій классъ—какъ часто Лассаль развивалъ эту мысль и какъ глубоко онъ ее обосновалъ!—въ историческихъ условіяхъ совре-

меннаго классоваго государства воплощаетъ преданность „всеобщему“, и воплощаетъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что онъ одинъ изъ всѣхъ классовъ способенъ на такую преданность; во-вторыхъ, потому что въ хаосѣ классовыхъ интересовъ его особые интересы являются всеобщими интересами. И къ этому-то „міру принциповъ“ приплетены—правда, „лишь чисто-внѣшнимъ образомъ“—лакированныя ботинки Лассаля и мозолистыя руки фабричныхъ рабочихъ.

Въ основѣ всѣхъ этихъ разговоровъ о „внутреннемъ раздвоеніи“ Лассаля, о трагической или, по мнѣнію другихъ, комической противоположности между „аристократомъ ума“ и „соціалъ-демократомъ“, лежитъ грубое недоразумѣніе. Оно происходитъ отъ той изолированности и оторванности мышленія, которую жестоко бичевалъ уже Лассаль и внѣ которой либеральная буржуазія не въ состояніи обнять политическое содержаніе.

---

4. Трагедія Лассаля.

Въ 1844 и 1845 годахъ Лассаль составилъ планъ своего сочиненія о Гераклитѣ и обработалъ болѣе двухъ третей его; на обработку послѣдней трети ему потребовалось еще два года, отъ 1855 до 1857 года.

Въ одномъ письмѣ къ Марксу онъ изобразилъ душевное состояніе, которое постоянно мѣшало ему работать, описалъ мучительную необходимость теоретизировать въ то время, „когда столько крови уже пролито и столько дѣяній вопіетъ о мщеніи“; исключеніе онъ дѣлалъ лишь для экономическихъ работъ, потому что онѣ одновременно являются и практическими дѣйствіями. Страстное стремленіе Лассаля къ практической дѣятельности заставляетъ его жаловаться, что теоретизированіе не приноситъ никакой непосредственной пользы, ибо люди продолжаютъ жить такъ спокойно, словно лучшія и величайшія произведенія мысли никогда не были написаны и передуманы. И вотъ Лассаль, „какъ бы для успокоенія“, взялся одновременно съ работой надъ Гераклитомъ за другое спеціальное изслѣдованіе, которое стояло въ извѣстной связи съ его интересами дня, но все же не настолько, чтобы совершенно поглотить его. Онъ сталъ изучать великій міровой переломъ реформаціонной эпохи.

Эти признанія Лассаля столь же характерны для него, какъ и форма, въ которую онъ облекъ результаты своихъ изслѣдова-

ній. Онъ сдѣлалъ Франца фонъ-Зикингена героемъ исторической трагедіи. Лассаль не былъ поэтомъ и не обманывалъ себя на этотъ счетъ. Онъ признается, что, даже будучи юношей, ни разу не согрѣшилъ лирическимъ стихотвореніемъ, что у него совершенно нѣтъ фантазіи, и свою трагедію онъ писалъ скорѣе при помощи революціонной энергіи, чѣмъ поэтическаго таланта; всякая другая драма, которую онъ могъ бы еще написать, отличалась бы отъ этой лишь формами и названіемъ. Онъ говоритъ, что для него самого было бы легче изложить свои мысли о реформаціонной эпохѣ въ научномъ сочиненіи, но онъ хотѣлъ, чтобы всѣ сознательно продумали и страстно прочувствовали этотъ культурно-историческій процессъ, и потому рѣшилъ написать драму. Эпиграфомъ для трагедіи взяты слова Александра фонъ-Гумбольдта, что лучшую форму для всякаго сюжета даетъ все-таки поэзія.

Такъ какъ Лассаль самъ открылъ свою слабую сторону для нападокъ съ художественной точки зрѣнія, то излишне еще разъ перечислять часто выдвигавшіеся недостатки его трагедіи, какъ драматическаго произведенія. Безцѣльно также останавливаться долго на эстетическихъ воззрѣніяхъ Лассаля. У него не было особенно глубокихъ связей съ искусствомъ, въ которомъ онъ видѣлъ больше средство, нежели цѣль. Одинъ живописецъ, часто встрѣчавшійся съ Лассалемъ въ 50-е годы,— правда, художникъ не изъ крупныхъ,—говоритъ даже о немъ, что онъ совершенно не понималъ творческой стороны искусства. Лассаль цѣнилъ искусство только какъ истолкователя идей, въ музыкѣ обнаруживалъ нѣкоторую симпатію къ декламаторскому паѳосу Рихарда Вагнера, въ живописи восхищался однимъ молодымъ баталистомъ, въ которомъ видѣлъ призваннаго изобразителя будущихъ боевъ за свободу; къ слову сказать, этотъ художникъ впослѣдствіи своими батальными картинами въ придворномъ вкусѣ много способствовалъ упадку нѣмецкой живописи. Приведенная характеристика несомнѣнно преувеличена, но что она не совсѣмъ выдумана, показываютъ тѣ афористическія замѣчанія о будущности исторической драмы, которыя Лассаль дѣлаетъ въ предисловіи къ своей трагедіи.

Онъ желаетъ, чтобы историческій элементъ драматическаго произведенія заключался впредь не въ исторической фабулѣ, не въ событіяхъ и лицахъ, а главнымъ образомъ въ совершенно ясномъ драматическомъ раскрытіи и изображеніи глубочайшей всемірно-исторической идеи и идейнаго конфликта той или иной

эпохи. Лассаль прекрасно видѣлъ камень преткновенія такой драмы, нелѣпость абстрактной и ученой поэзіи, но онъ думалъ, что этотъ камень можно вполнѣ обойти, что определенность идей и цѣлей, которымъ отдаютъ себя дѣйствующія лица, можетъ сообщить послѣднимъ опредѣленную и сильную, даже грубоватую и реалистическую индивидуальность. Ясно, чтó Лассаля вводитъ здѣсь въ заблужденіе его идеалистическое міровоззрѣніе. „Грубый реализмъ" историческихъ конфликтовъ вытекаетъ не изъ идейныхъ столкновеній, и чѣмъ точнѣе воспроизводятся идеи, которыя борющіяся люди создаютъ себѣ о своихъ цѣляхъ, тѣмъ менѣе онѣ отвѣчаютъ обыкновенно тому, что позднѣйшій историкъ резюмируетъ въ понятіи историческаго конфликта идей.

Правда, какъ это часто бываетъ у Лассаля, данное преувеличеніе также является лишь чрезмѣрно страстной реакціей противъ серьезнаго недуга нѣмецкой жизни. Лассаль говоритъ: „Мнѣ, воспитавшему свои взгляды на искусство подъ вліяніемъ античной поэзіи и ея свѣтлыхъ образовъ, казалось, что этимъ планомъ драмы исключается лишь плохая партикуляристика (т.-е. приверженность къ частному), которая такъ пышно разрослась въ искусствѣ новѣйшаго времени, исключается непомѣрное углубленіе въ безъидейныя и несущественныя особенности случайнаго характера, и что подобное исключеніе можетъ быть только полезно для дѣла". Этимъ Лассаль наносилъ первый ударъ Юліану Шмидту, какъ разъ тогда превозносившему „свѣтлые образы" національной поэзіи, выведенные въ лицѣ дѣвушекъ-подростковъ и скупыхъ лавочниковъ Густава Фрейтага или въ лицѣ честныхъ кровельщиковъ Отто Людвига, испытывавшихъ въ тотъ моментъ, когда любимая женщина страстно прижималась къ ихъ груди, смутное чувство, что вотъ-вотъ „нѣчто въ родѣ чернильницы" можетъ упасть „на что-то въ родѣ бѣлья или цѣнной бумаги". Изъ этихъ душныхъ низинъ Лассаль хотѣлъ вернуть поэзію на высоты исторической жизни, и его стремленіе придать драмѣ философскій характеръ представляетъ собою, во всякомъ случаѣ, не столь опасный ложный путь, какъ та „плохая партикуляристика", которая постоянно всплываетъ вновь тамъ, гдѣ поэзія старается трусливо обходить великія проблемы эпохи. Лассаль не былъ поэтомъ, но отъ его Зикингена все-таки больше вѣетъ историческимъ духомъ реформаціонной эпохи, чѣмъ отъ „Флоріана Гейера" Гергарда Гауптмана—настоящаго, вѣдь, поэта.

Хотя Энгельсъ уже въ „*Revue d. Neuen Rheinischen Zeitung*"

выяснилъ рѣшающее вліяніе экономическихъ факторовъ на развитіе нѣмецкой реформаціи, тѣмъ не менѣе Лассаль при изученіи этой грандіозной эпохи все еще не могъ отдѣлаться отъ своей идеалистической точки зрѣнія. Въ великой крестьянской войнѣ, которую Энгельсъ трактовалъ какъ революціонную традицію нѣмецкаго народа, Лассаль хотѣлъ неизмѣнно видѣть лишь реакціонное явленіе. Къ этому ошибочному взгляду его приводила склонность разсматривать историческія катастрофы какъ внутренніе конфликты идей. Поелику землевладѣніе было „господствующимъ принципомъ" феодальнаго средневѣковья, а крестьяне, желая придать этому отжившему принципу болѣе послѣдовательную и чистую форму, именно поэтому стремились сохранить его, несмотря на его внутреннюю гнилость,—по этимъ соображеніямъ крестьянскіе мятежи, вопреки своему кровавому и насильственному характеру, были реакціонны. Нельзя отрицать, что въ аргументаціи Лассаля есть нѣчто подкупающее на первый взглядъ. Оставаясь на классовой точкѣ зрѣнія патріархальнаго крестьянскаго хозяйства, феодальный способъ производства нельзя было сдвинуть съ мѣста; всѣ возстанія крестьянъ, пытавшихся собственными силами разбить феодальное ярмо, кончались пораженіемъ; лишь кое-гдѣ они удавались, благодаря мѣстнымъ или инымъ особымъ условіямъ, и то на весьма ограниченной территоріи. Революціонная сила, разрушившая феодальныя формы общества, исходила не отъ крестьянъ, а отъ городовъ. Но какъ это ни справедливо, столь же вѣрно и то, что всѣ буржуазныя революціи—въ Англіи, Франціи и, поскольку она вообще кончилась побѣдой, въ Германіи также—побѣждали главнымъ образомъ силой крестьянъ. Поэтому глубоко ложенъ взглядъ Лассаля на крестьянскія войны, какъ на реакціонное явленіе. Онѣ потерпѣли пораженіе не потому, что хотѣли повернуть назадъ колесо исторіи, а потому, что хотѣли повернуть его впередъ въ такое время, когда еще не были выполнены условія, при которыхъ его можно было бы поворачивать впередъ.

Реакціоннымъ по своему существу было скорѣе возстаніе Зикингена, цѣлью котораго было спасти средневѣковое рыцарство, безповоротно обреченное на историческую гибель. Энгельсъ убѣдительно доказалъ это, и въ сущности Лассаль былъ того же мнѣнія. Съ своей идеалистической точки зрѣнія онъ, вѣдь, меньше всего могъ отрицать, что средневѣковый рыцарь стоялъ обѣими ногами на почвѣ „господствующаго принципа" землевладѣнія.

Тѣмъ болѣе удивительнымъ кажется на первый взглядъ то, что Лассаль сдѣлалъ исторически-реакціонную фигуру героемъ драмы, которая вся насыщена революціонной энергіей. Но и этому существуетъ идеологическое объясненіе.

Въ исторіи нѣмецкой реформаціи больше всего привлекалъ къ себѣ Лассаля образъ Гуттена. Но Гуттенъ былъ не только теоретикомъ низшаго дворянства, онъ былъ прежде всего гуманистомъ. Наряду съ Лютеромъ это былъ единственный писатель реформаціонной эпохи, голосъ котораго находилъ время отъ времени откликъ во всѣхъ классахъ, особенно когда Гуттенъ началъ писать по-нѣмецки. Когда онъ пѣлъ: „Wir wöllens halten ingemein, Lasst doch nit streiten mich allein, Erbarmt euch übers Vaterland, Ihr werten Teutschen regt die Hand! Itzt ist die Zeit zu heben an Um Freiheit krigen. Gott wills han". („Будемъ дѣйствовать сообща, не оставляйте меня одинокимъ въ борьбѣ, сжальтесь надъ родиной, вы, досточтимые нѣмцы, протяните руку! Теперь настало время начать борьбу за свободу. Такъ хочетъ Господь".)—то настоящія народныя пѣсни явились отвѣтнымъ откликомъ „благородному Гуту изъ Франконіи". Но у Гуттена было одно преимущество передъ Лютеромъ—его воодушевленіе за свободу человѣческой личности. Пламенное и бурное краснорѣчіе Гуттена, также воспитавшееся на античной литературѣ, направлялось въ своемъ идеологическомъ размахѣ противъ государей и поповъ; оно тѣмъ сильнѣе маскировало узкую классовую точку зрѣнія, чѣмъ усерднѣе Гуттенъ въ разраставшейся борьбѣ искалъ союза съ городами, даже союза съ крестьянами, если „*Der Neue Karsthans*" написанъ имъ, что́ Лассаль считаетъ несомнѣннымъ. Такимъ образомъ Гуттенъ сталъ для Лассаля національнымъ героемъ.

Но Лассаль не скрывалъ отъ себя, что какъ разъ тотъ „лирическій основной тонъ", который привлекалъ его въ Гуттенѣ, мѣшалъ франконскому рыцарю сдѣлаться политическимъ героемъ, что у Гуттена все въ концѣ-концовъ не выходило изъ области теоріи. Самъ Гуттенъ превозносилъ Зикингена какъ спасительную десницу Германіи. И вотъ передъ Лассалемъ всталъ вопросъ: почему Зикингенъ потерпѣлъ неудачу? Какъ превращаются революціонныя идеи въ революціонныя дѣйствія? Какъ разрѣшить противорѣчіе, выступающее на сцену вмѣстѣ съ первымъ же практическимъ шагомъ революціонера, противорѣчіе между воодушевляющей силой и исчерпывающей послѣдовательностью принципа, съ одной

стороны, и холоднымъ разсчетомъ, неизбѣжной односторонностью всякой политики—съ другой? Это глубокое діалектическое противорѣчіе, которое скрываетъ въ себѣ природа всякаго дѣйствія, въ особенности же дѣйствія революціоннаго, Лассаль называетъ формальной трагической идеей своей исторической трагедіи.

По мнѣнію Лассаля, Зикингенъ потому потерпѣлъ крушеніе, что онъ хотѣлъ осуществить свою революціонную цѣль при помощи реакціонныхъ средствъ, что на защиту своихъ національныхъ идей онъ не призвалъ всего народа, что онъ хотѣлъ начать національную революцію окольнымъ путемъ рыцарской междоусобной распри съ духовнымъ имперскимъ княземъ,—окольнымъ путемъ, который ни на минуту не обманулъ ни князей, ни поповъ, но зато ввелъ въ заблужденіе народныя массы. На вопросъ о томъ, можетъ ли такая интеллектуальная вина быть трагической виной, Лассаль отвѣчаетъ слѣдующими глубокими соображеніями: интеллектуальная вина революціонера, который такъ мало полагается на свой принципъ, что старается провести его исподтишка, которому хотѣлось бы сокрушить прогнившій міръ, не будучи въ то же время настолько выше его умственно, чтобы быть въ состояніи выбрать надлежащія средства для низверженія этого міра,—такая вина есть также моральная вина; эта моральная вина, смягчаемая опять-таки тѣмъ, что она—вина интеллектуальная, представляетъ собою самый подлинный трагическій конфликтъ. Но Лассаль не замѣтилъ одного обстоятельства, — что историческая вина Зикингена незамѣтно для автора превратилась у него въ свою противоположность. Зикингенъ потерпѣлъ пораженіе не потому, что желалъ достигнуть революціонной цѣли реакціонными средствами, а наоборотъ, потому, что хотѣлъ достигнуть реакціонной цѣли революціонными средствами. Какъ доказалъ уже Энгельсъ, національной цѣлью Зикингена была своего рода дворянская демократія съ монархомъ во главѣ; разъ эта цѣль была дана, то нужно признать, что Зикингенъ дѣйствовалъ настолько рѣшительно и ясно, его средства были настолько проникнуты его цѣлью, насколько этого вообще можно желать съ точки зрѣнія революціонной тактики. Допустимъ, что онъ бы хотѣлъ и могъ поднять всю націю; въ такомъ случаѣ онъ тоже ни на шагъ не подвинулся бы впередъ. Ибо тогдашнее мелкое дворянство было не только національнѣйшимъ, но и ненавистнѣйшимъ классомъ для крестьянъ и горожанъ, т.-е. для массы націи; дѣйствительно, ничто не могло такъ рѣзко противорѣчить

интересамъ крестьянъ и горожанъ, какъ задуманная Зикингеномъ реформа имперіи. Несомнѣнно, что историческая вина Зикингена была трагической виной въ лассалевскомъ смыслѣ, но въ смыслѣ фактически обратномъ, т.-е. Зикингенъ вообразилъ себѣ, что онъ революціонеръ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ реакціонеромъ.

Зато трагическая вина, которую Лассаль приписывалъ Зикингену, была исторической виной нѣмецкой буржуазіи въ мартовскую революцію. Ей предстояло разрѣшить революціонную задачу, и она могла бы ее разрѣшить, если бы только она выбрала надлежащій путь къ этой достижимой цѣли. Можно было, конечно, спорить, имѣетъ ли вообще какое-нибудь отношеніе къ трагикѣ та трусливая хитрость, при помощи которой нѣмецкая буржуазія разсчитывала одурачить своихъ смертельныхъ враговъ. Но до поры до времени Лассаль бралъ этотъ классъ не такимъ, какимъ онъ былъ, а какимъ его можно было бы считать въ самомъ благопріятномъ случаѣ; упрекать за это Лассаля нѣтъ основаній. Въ своей „рѣчи передъ судомъ присяжныхъ (1849 г.) Лассаль исполосовалъ до крови нѣмецкую буржуазію, надѣясь, быть можетъ, еще въ послѣдній моментъ побудить ее къ болѣе энергичному образу дѣйствій; теперь же, когда она была раздавлена контръ-революціей, Лассаль относился къ ней съ благожелательной деликатностью. Политика, которой онъ слѣдовалъ въ 50-е годы, все еще считалась съ возможностью, что урокъ мартовской революціи не прошелъ безслѣдно для буржуазныхъ классовъ. Несомнѣнно, что эта политика была правильна и съ пролетарской точки зрѣнія, поскольку указанная выше возможность была вообще возможностью и поскольку снисходительное отношеніе къ прошлому не шло въ ущербъ требованіямъ настоящаго и будущаго. Эту границу Лассаль сумѣлъ очень точно соблюсти: лекція о революціонной тактикѣ, которую онъ прочиталъ нѣмецкой буржуазіи въ своей трагедіи, не оставляла ничего желать въ смыслѣ внушительности.

Въ этомъ отношеніи „*Зикингенъ*“ Лассаля есть тенденціозная драма. Было бы преувеличеніемъ утверждать, что Лассаль по праву поэта—спорному или безспорному—навязалъ своему герою тенденціозныя намѣренія, которыхъ Зикингенъ въ дѣйствительности не имѣлъ. Публичныя заявленія Лассаля и, быть можетъ, въ еще большей степени письма, которыми онъ обмѣнялся съ Марксомъ и Энгельсомъ по поводу своей трагедіи, не оставляютъ никакого сомнѣнія насчетъ того, что онъ понималъ исторически

возстаніе Зикингена, хотя бы и съ нѣкоторой долей идеализаціи, такимъ же образомъ, какимъ онъ изобразилъ его въ драмѣ. Но разумѣется, Лассаль обработалъ этотъ историческій сюжетъ въ формѣ драмы лишь потому, что видѣлъ въ судьбѣ Зикингена вѣрное отраженіе судьбы, которую нѣмецкая буржуазія уготовила мартовской революціи.

Діалектическое противорѣчіе, заключающееся въ природѣ революціоннаго дѣйствія, Лассаль разрѣшаетъ въ своей драмѣ положеніемъ, что революціонныя цѣли могутъ быть достигнуты лишь революціонными средствами. Подъ революціонными средствами онъ понимаетъ, конечно, не исключительно насильственныя средства. По этому поводу онъ говоритъ лишь, что необходимыя революціонныя средства не должны быть отвергаемы только потому, что они насильственныя средства. Между буржуазной революціей XVI и XIX вѣка существовала полная аналогія постольку, поскольку ихъ носители грозили огнемъ и мечомъ, пока они были далеки отъ поля сраженія, и начинали вести себя, какъ самые мирные обыватели въ мірѣ, едва попадали въ сферу огня. И вотъ, въ отвѣтъ на проповѣдь лютеранскаго священника объ оскверненіи чистаго ученія грубымъ земнымъ насиліемъ, объ ученіи любви, которое не должно быть запятнано кровью, Лассаль вкладываетъ въ уста Гуттену пламенный гимнъ мечу, поднятому въ защиту свободы, какъ воплотившемуся слову, какъ рожденному для дѣйствительности Богу. Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду, что въ противоположность односторонне-реалистическому революціонеру Зикингену Гуттенъ изображенъ въ драмѣ исключительно какъ восторженный революціонеръ, не замѣчающій реальныхъ условій дѣйствительности, слѣдовательно— какъ революціонеръ, столь же и даже болѣе односторонній, чѣмъ Зикингенъ. Когда Гуттенъ отвѣчаетъ упомянутому выше священнику:

> Ehrwürd'ger Herr! Schlecht kennt ihr die Geschichte.
> Ihr habt ganz recht, es ist Vernunft ihr Inhalt,
> Doch ihre Form bleibt ewig die Gewalt *),

то мы имѣемъ предъ собой положеніе изъ историко-философскаго, но отнюдь не изъ практически-революціоннаго символа вѣры Лассаля. Лассаль безчисленное множество разъ осмѣивалъ глупость,

*) Достопочтенный мужъ! вы плохо знаете исторію. Вы совершенно правы, ея содержаніе составляетъ разумъ, но формой ея всегда остается сила.

которой при словѣ „революція“ сейчасъ же мерещатся вилы; правда, онъ не лучше относился и къ противоположной глупости, которая выдаетъ эксплуатирующимъ и угнетающимъ классамъ вольную грамоту, запрещающую свергать ихъ силой, — даже тогда, когда иначе, какъ силой, ихъ невозможно свергнуть.

Истинный критерій революціонныхъ средствъ, которыми только и можно достигнуть революціонныхъ цѣлей, Лассаль видитъ въ положеніи Гегеля, что цѣль лишь тогда можетъ быть достигнута при помощи даннаго средства, когда оно заранѣе уже проникнуто насквозь природою цѣли. При практическомъ примѣненіи этого положенія къ исторической классовой борьбѣ, Лассаль оперируетъ еще въ извѣстной мѣрѣ философскими понятіями, но интересно наблюдать, какъ изъ нихъ постепенно извлекается его революціонная практика, на которой эти понятія остаются потомъ лишь подобно кусочкамъ разбитой скорлупы. Въ сущности же Лассаль ведетъ свое доказательство на основаніи реальнаго характера классовой борьбы.

Силу всѣхъ господствующихъ классовъ составляетъ выработанное, совершенно ясное, неподдающееся никакому обману классовое сознаніе, съ которымъ они защищаютъ свои классовые интересы. Слабость всѣхъ классовъ, дѣлающихъ революцію, всегда состоитъ въ томъ, что ихъ классовое сознаніе еще не выработано окончательно, что, сообразно съ этимъ, ихъ политическое пониманіе еще не ясно, ихъ практическій разумъ еще не развитъ, ихъ сила еще не организована. При такихъ обстоятельствахъ вожди революціи проявляютъ на первый взглядъ высшее благоразуміе, если, считаясь съ данными средствами, скрываютъ истинныя и конечныя цѣли движенія отъ другихъ (и, къ слову сказать, часто именно потому даже отъ самихъ себя) и, благодаря такому намѣренному обманыванію господствующихъ классовъ, получаютъ возможность организовать новыя силы, чтобы съ помощью этого хитро добытаго кусочка дѣйствительности побѣдить самую дѣйствительность. Но на самомъ дѣлѣ эта, повидимому, столь умная тактика должна погубить всякую революцію. Она не обманываетъ господствующихъ классовъ, которые, благодаря своему вполнѣ ясному классовому сознанію, никогда не могутъ быть обмануты. Но зато она вводитъ въ заблужденіе классъ, дѣлающій революцію: не обладая еще классовымъ сознаніемъ, онъ понимаетъ принципъ революціи въ его полномъ, непосредственномъ видѣ, всякое же ослабленіе этого принципа, всякіе компромиссы лишь сбиваютъ его съ толку.

„Въ концѣ-концовъ получается то, что разсчетливые революціонеры, надѣявшіеся путемъ обмана избавиться отъ своихъ враговъ и сохранить въ то же время своихъ друзей, оказываются, наоборотъ, лицомъ къ лицу со своими врагами и безъ поддержки сторонниковъ своего принципа. Высшее, повидимому, благоразуміе оказалось на дѣлѣ высшимъ неразуміемъ". Побѣда революціи возможна, слѣдовательно, лишь тогда, когда всѣ ея практическія мѣры проникнуты ея принципомъ, когда она презрительно отвергаетъ всякую дипломатію и игру въ прятки и въ самой открытой игрѣ усматриваетъ самую сильную свою игру.

Эти положенія Лассаля заключаютъ въ себѣ его революціонную программу дѣйствій, и глубина внутренняго убѣжденія дѣлаетъ изъ него даже до извѣстной степени поэта, когда онъ въ развязкѣ своей драмы заставляетъ стараго Бальтазара обратиться къ Зикингену съ слѣдующими словами:

O nicht der Erste seid ihr, werdet nicht
Der Letzte sein, dem es den Hals wird kosten,
In grossen Dingen schlau zu sein. Verkleidung
Gilt auf dem Markte der Geschichte nicht,
Wo im Gewühl die Völker dich nur an
Der Rüstung und dem Abzeichen erkennen.
Drum hülle stets vom Scheitel bis zur Sohle
Dich kühn in deines eignen Banners Farbe,
Dann probst du aus im ungeheuren Streit
Die ganze Triebkraft deines wahren Bodens
Und stehst und fällst mit deinem ganzen Können *).

Буржуазный классъ, по адресу котораго Лассаль направилъ свою трагедію, не обратилъ на нее никакого вниманія, да если бы и

*) „Не первый вы, да вы и не послѣдній
Поплатитесь своею головой
За страсть перехитрять въ дѣлахъ великихъ.
Вѣдь человѣка узнаетъ народъ по платью и оружью на аренѣ
Исторіи; не служитъ ни къ чему
Тамъ переодѣванье. Каждый долженъ
Туда являться съ знаменемъ своимъ
И на себѣ носить его цвѣта.
Тогда лишь можетъ онъ въ борьбѣ великой
Испробовать всю жизненность тѣхъ силъ,
Которыя ему опорой служатъ,
И устоитъ онъ или упадетъ—
Онъ все свершитъ, на что способенъ только".

(*Перев. А. и Е. Криль*).

обратилъ, то не понялъ бы ея. Его политика понынѣ сводится къ тому, чтобы „хитрить въ дѣлахъ великихъ“. Лассалевская революціонная тактика нашла себѣ практическое осуществленіе въ политическомъ развитіи нѣмецкаго рабочаго класса. И вопросъ объ ея правильности разрѣшается легче и быстрѣе всего сравненіемъ того, что свершили въ политической области за послѣднее поколѣніе нѣмецкая буржуазія, съ одной стороны, и нѣмецкій пролетаріатъ—съ другой.

---

5. Главный трудъ Лассаля по философіи права.

То самое стремленіе къ практической дѣятельности, въ силу котораго Лассаль сочинилъ свою трагедію, побудило его также написать свою „Систему пріобрѣтенныхъ правъ“.

Многимъ можетъ показаться парадоксальнымъ утвержденіе, что тяжелая теоретическая работа, сочиненіе, которое съ почти необозримой эрудиціей проникаетъ въ самыя сокровенныя складки тысячелѣтней исторіи права, что такое произведеніе имѣло своимъ источникомъ интересъ практической политики. Тѣмъ не менѣе это такъ, и это дѣлаетъ только честь Лассалю. Его великій умъ проявлялся въ способности видѣть великую связь вещей. Практика и теорія были для него не двумя противоположными понятіями, даже не двумя сторонами одного понятія, а однимъ и тѣмъ же понятіемъ, властвующимъ одинаково въ мышленіи и въ дѣйствіи. Такъ какъ время теоретизированія все еще не прошло для нѣмцевъ, то Лассаль готовилъ въ теоріи оружіе, которое можно было бы тотчасъ пустить въ ходъ, какъ только снова начнется борьба. Если онъ въ своей трагедіи ставилъ вопросъ, какъ должны революціонныя идеи превращаться въ революціонныя дѣйствія, чтобы побѣдить, то въ своемъ сочиненіи по философіи права онъ спрашивалъ: какимъ образомъ революціонный принципъ превращается послѣ побѣды въ положительное право, какимъ образомъ перейти отъ стараго правового порядка къ новому? „Выковывая изъ археологическаго хлама стараго Рима и всего всемірно-историческаго движенія оружіе для цѣлей новѣйшей современности“, Лассаль желалъ построить „твердыню научной системы права для революціи и соціализма“.

Берлинское національное собраніе 1848 года не справилось съ задачей—превратить феодальное право въ буржуазное. У него не было принципа, при помощи котораго оно могло бы совершенно

раздѣлаться съ притязаніями „пріобрѣтенныхъ правъ", которыми прикрывалась всякая феодальная мерзость. Послѣ побѣды контръ-революціи всякое однажды пріобрѣтенное право было объявлено священнымъ, а когда подъ давленіемъ неумолимой необходимости приходилось отказываться отъ него въ его средневѣковой формѣ, то его снова устанавливали въ формѣ болѣе современной—фактъ, который можно было десятки разъ наблюдать въ законодательствѣ 50-хъ годовъ. Какъ разъ тогда, когда Лассаль приступилъ къ обработкѣ своего сочиненія по философіи права, былъ выдвинутъ проектъ—выкупить за множество милліоновъ феодальныя изъятія отъ поземельнаго налога и снова провозгласить „личную зависимость народа отъ землевладѣльцевъ дворянскаго сословія". Въ противовѣсъ этому Лассаль развилъ научную теорію пріобрѣтенныхъ правъ и твердо установилъ, могутъ ли и какимъ образомъ могутъ новые законы оказывать обратное дѣйствіе на пріобрѣтенныя права.

Въ гегелевской философіи права Лассаль не находитъ отвѣта на этотъ вопросъ. По его мнѣнію, Гегель далъ въ лучшемъ случаѣ общій планъ для настоящей философіи права, но не ее самое, ученики же Гегеля довольствовались безконечнымъ повтореніемъ его плана и пережевываніемъ самыхъ тощихъ юридическихъ категорій, въ родѣ собственности, договора и т. д.; вмѣсто того чтобы проникнуть въ положительный матеріалъ права и облечь его въ понятія, они держались въ заоблачной сферѣ общихъ фразъ, возможно дальше отъ грубой земли, реальнаго содержанія права. Лассаль хочетъ исправить ихъ ошибку. Онъ сравниваетъ науку права съ полемъ, въ борозды и канавки котораго онъ желаетъ проникнуть, чтобы извлечь изъ нихъ лучи свѣта, тогда какъ подражатели Гегеля только и умѣли, что освѣщать это поле мимолетнымъ, брошеннымъ сверху фейерверкомъ.

Лассаль рѣзче, чѣмъ когда бы то ни было прежде, порываетъ съ абсолютной идеей, чтобы воздать должное историческому развитію. Онъ того мнѣнія, что абстрактными общими категоріями собственности, наслѣдственнаго права, договора, семьи вообще ничего нельзя достигнуть, что римское понятіе собственности иное, чѣмъ германское и т. д.; другими словами, философія права, входя въ область историческаго духа, не имѣетъ дѣла съ вѣчными логическими категоріями, и правовые институты суть лишь реализаціи понятій историческаго духа, они лишь выражаютъ духовное содержаніе опредѣленнаго историческаго духа того или иного народа и эпохи, и потому должны быть понимаемы только какъ таковые.

Но лишь въ этой мѣрѣ Лассаль порываетъ съ Гегелемъ. Знамени Гегеля онъ не хочетъ покинуть, онъ желаетъ лишь доставить ему побѣду инымъ путемъ. Лассаль крѣпко держится за идеалистическо - діалектическій методъ Гегеля. Единственнымъ источникомъ права является для него общее сознаніе всего народа, всеобщій духъ. „Со временъ Гегеля это положеніе теоретически настолько твердо установлено, что оно не нуждается ни въ какомъ новомъ доказательствѣ". Именно эту задачу ставитъ себѣ Лассаль: онъ хочетъ изъ историческаго права различныхъ народныхъ духовъ выдѣлить правовую идею, довести ее до полной прозрачности; онъ хочетъ дать формальную логику права, показать, какъ новые законы, независимо отъ содержанія правосознанія данной эпохи, воздѣйствуютъ согласно идеѣ права на существующія уже юридическія отношенія. Взирая на колебанія отливающихъ и приливающихъ волнъ и на ихъ повторяющійся водоворотъ, Лассаль хочетъ твердой рукой провести неизмѣнные основные контуры понятія обратнаго дѣйствія законовъ.

Въ самыхъ общихъ чертахъ выводы его заключаются въ слѣдующемъ. Не можетъ имѣть обратной силы никакой законъ, затрагивающій индивидуума лишь черезъ посредство актовъ его воли. Такого рода обратное дѣйствіе было бы абсолютно недопустимымъ вмѣшательствомъ въ свободу и вмѣняемость человѣка, въ свободу мышленія и хотѣнія, эти неприкосновенныя основы всякаго права; какъ ни велика власть законодателя, она никогда не простирается такъ далеко, чтобы заставить индивидуума желать чего-либо иного, чѣмъ онъ желалъ. Но отсюда слѣдуетъ также, что индивидуумъ можетъ всегда выставлять это возраженіе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о добровольномъ дѣяніи, объ индивидуальномъ актѣ воли, который предполагается уничтожить или исказить позднѣйшимъ закономъ. Права, которыми охватываетъ индивидуума законъ, какъ таковой, безъ посредства индивидуальной воли, представляютъ собою ничто иное, какъ общія свойства и правомочія, которыя существуютъ лишь на основаніи сообщающаго ихъ закона, слѣдовательно—измѣняются и исчезаютъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ законѣ воплощается правосознаніе всего народа; всякое законное право представляетъ, слѣдовательно, лишь опредѣленное состояніе, полагаемое вѣчно мѣняющимся всеобщимъ духомъ, такъ что всякое новое опредѣленное состояніе тотчасъ овладѣваетъ индивидуумомъ съ такимъ же правомъ, съ какимъ старое состояніе господствовало надъ

нимъ. *Прочнымъ* можетъ быть для индивидуума лишь то, что онъ отвелъ себѣ изъ этого потока своимъ собственнымъ дѣйствіемъ и хотѣніемъ, что онъ превратилъ въ свое достояніе. Всякій законъ, слѣдовательно, который не затрагиваетъ прежнихъ волевыхъ дѣйствій индивидуумовъ, и поскольку онъ ихъ не затрагиваетъ, долженъ по своей природѣ тотчасъ же вступать въ силу.

Такимъ образомъ, положеніе, что не можетъ имѣть обратной силы *никакой* законъ, затрагивающій индивидуума лишь черезъ посредство собственныхъ актовъ его воли, совпадаетъ съ другимъ положеніемъ, что обратную силу можетъ имѣть *всякій* законъ, который затрагиваетъ индивидуума безъ посредства такого добровольнаго акта, который затрагиваетъ, слѣдовательно, индивидуума непосредственно въ его непроизвольныхъ, общечеловѣческихъ, или естественныхъ, или перенесенныхъ на него обществомъ свойствахъ, или затрагиваетъ его лишь тѣмъ, что измѣняетъ органическія учрежденія самого общества.

Изъ этого понятія обратной силы закона слѣдуетъ еще нѣчто большее. Индивидуумъ можетъ своими дѣйствіями, одностороннимъ или двустороннимъ договоромъ, обезпечить себѣ или другимъ права лишь тогда и постольку, когда и поскольку это дозволяютъ существующіе законы. Къ каждому договору нужно съ самаго начала присоединять въ умѣ молчаливое условіе, что право, выговариваемое въ немъ для себя или для другихъ, имѣетъ силу лишь до тѣхъ поръ, пока законодательство будетъ считать такое право вообще допустимымъ. Противоположное желаніе индивидуума съ самаго начала недѣйствительно и неправомѣрно, ибо единственнымъ источникомъ права является всеобщій духъ народа, отъ котораго отдѣльный индивидуумъ не можетъ отрываться, не уничтожая самаго понятія права. Индивидуумъ не можетъ вколотить въ почву права ни одного колышка, которымъ онъ объявилъ бы себя самодержавнымъ на всѣ грядущія времена. Между тѣмъ, именно такое желаніе самодержавной верховности индивидуума лежитъ въ основѣ требованія, чтобы пріобрѣтенное право сохраняло свою силу и для такого времени, когда его допустимость будетъ исключаться абсолютными или принудительными законами, т.-е. законами, не разрѣшающими индивидуальному произволу никакого уклоненія въ сторону. „Такого колышка такъ же нельзя вогнать въ почву права, какъ нельзя вбить такого колышка въ землю и требовать, чтобы онъ и тогда оставался на своемъ мѣстѣ, когда весь земной шаръ, въ которомъ онъ держится, при-

ходитъ въ движеніе. Вотъ въ чемъ заключается истинный смыслъ часто повторяемаго положенія: нѣтъ права противъ права. Это означаетъ, что каждое отдѣльное право подчинено процессу измѣненія самой правовой субстанціи, изъ которой оно возникло и съ которой оно связано... Изъ сказаннаго сразу уже видно, насколько неоснователенъ и глубоко противорѣчитъ праву оглушительный и заинтересованный вопль, поднимаемый всякій разъ лицами, имѣющими извѣстныя права, когда народный духъ въ своемъ прогрессивномъ развитіи приходитъ къ необходимости прекратить дальнѣйшее существованіе какого-нибудь прежняго права, напримѣръ, крѣпостной зависимости, барщинныхъ работъ, службъ и оброковъ опредѣленнаго характера, права охоты, свободы отъ поземельнаго налога, фидеикомиссовъ и т. д.". Абсолютные или принудительные законы, исключающіе опредѣленное правовое содержаніе, разрушаютъ это содержаніе и въ индивидуально-пріобрѣтенныхъ правахъ, что̀ не даетъ еще основанія говорить о непозволительномъ обратномъ дѣйствіи этихъ законовъ.

Лассаль обосновываетъ эту точку зрѣнія въ блестящей полемикѣ противъ Шталя, теоретика прусской феодальной партіи. Съ ѣдкой насмѣшкой Лассаль показываетъ, въ какую безсмысленную и безсодержательную, самое себя уничтожающую болтовню о пріобрѣтенныхъ правахъ впалъ этотъ мужъ науки, одаренный всѣми талантами фокусника,—впалъ именно потому, что хотѣлъ сдѣлать извѣстныя уступки современному правосознанію. Затѣмъ Лассаль обращается противъ главы исторической школы права, противъ Савиньи, который нерѣшительно признавалъ обратное дѣйствіе абсолютныхъ законовъ на пріобрѣтенныя права, но требовалъ, чтобы въ каждомъ подобномъ случаѣ „лицо, обладающее пріобрѣтеннымъ правомъ, получило дѣйствительно полное вознагражденіе". Ему Лассаль возражаетъ, что трудно представить себѣ большее заблужденіе, чѣмъ это мнимое право на вознагражденіе. „Само право могло быть выговорено индивидуумомъ путемъ договора лишь до того момента, пока общее бытіе такого права не столкнется съ сознаніемъ народнаго духа, которое отрицаетъ его и объявляетъ его невозможнымъ. Право имѣло силу до тѣхъ поръ, пока оно могло и должно было имѣть силу. Роковой, неизбѣжный день, съ самаго начала предопредѣленный договору, наступилъ— и этимъ все сказано. Предѣлъ, до котораго право могло и должно было имѣть силу, достигнутъ, и потому ни съ логической, ни съ юридической стороны здѣсь не можетъ быть ни мѣста, ни

основанія для вознагражденія. Здѣсь не за что вознаграждать". Допускать тѣмъ не менѣе право на вознагражденіе въ такихъ случаяхъ, когда содержаніе упраздненнаго права уже воспрещено народнымъ сознаніемъ, т.-е. признано имъ противорѣчащимъ праву, это логически значило бы, не болѣе и не менѣе, какъ признать за извѣстными классами или индивидуумами право облагать народный духъ данью за его прогрессивное развитіе, другими словами—признать крѣпостную, данническую зависимость народнаго духа отъ упомянутыхъ правомочныхъ классовъ или индивидуумовъ.

Но если сказанное вытекаетъ изъ понятія обратной силы, то нужно прибавить, что изъ него вытекаетъ и нѣчто другое. Когда новое правосознаніе отвергаетъ не само юридическое отношеніе, а лишь опредѣленный способъ его примѣненія, то противнымъ праву объявляется только этотъ способъ, а не само юридическое отношеніе, и тогда должно наступить такое превращеніе его, которое можетъ и часто будетъ носить форму вознагражденія. Но это лишь обманчивая внѣшность. На самомъ дѣлѣ, этимъ превращеніемъ правовое содержаніе, признанное еще дѣйствительнымъ, переводится изъ воспрещенной формы его удовлетворенія въ его невоспрещенную форму. Это превращеніе должно имѣть мѣсто по той простой причинѣ, что не слѣдуетъ упразднять больше, чѣмъ дѣйствительно воспрещается новымъ правосознаніемъ.

Лассаль поясняетъ эту сторону принципа на прусскомъ законѣ объ охотѣ 1848 г. Онъ говоритъ, что берлинское національное собраніе должно было, конечно, высказаться за уничтоженіе права охоты на чужой землѣ, вытекавшаго изъ помѣщичьихъ правъ, ибо феодально-помѣщичье происхожденіе сервитута охоты было осуждено новымъ правосознаніемъ. Но Собранію слѣдовало также допустить доказательство того, что право охоты было отчуждено собственникомъ земли за вознагражденіе, и предписать въ этомъ случаѣ выкупъ, такъ какъ новое правосознаніе позволило землевладѣльцу отдѣлить право охоты отъ земли путемъ свободнаго договора. Лассаль думаетъ поэтому, что, отклонивъ соотвѣтствующее предложеніе Шульце-Делича, берлинское собраніе допустило непозволительное обратное дѣйствіе закона. Достойно вниманія, какъ мягко Лассаль и здѣсь относится къ буржуазному классу. Направляя самые жестокіе удары противъ феодальныхъ теоретиковъ и продажной практики высшаго трибунала, онъ останавливается лишь на сравнительно самомъ слабомъ изъ грѣховъ буржуазнаго

народнаго представительства въ этой области, прибавляя еще къ тому, что собранію нельзя дѣлать упрековъ, если при мощномъ напорѣ практическихъ событій оно оставило безъ вниманія различіе, имѣющее скорѣе теоретическое значеніе. Врядъ ли, молъ, представилось бы много случаевъ, въ которыхъ долженъ былъ имѣть мѣсто выкупъ права охоты, а юристъ долженъ имѣть въ виду, главнымъ образомъ, правило, а не исключенія.

Вся эта теорія пріобрѣтенныхъ правъ не есть измышленіе Лассаля: исполняя свое обѣщаніе, онъ выводитъ ее изъ реальныхъ явленій въ области права. Онъ отыскиваетъ идею обратнаго дѣйствія законовъ, начиная съ римскаго законодательства двѣнадцати таблицъ и кончая прусскимъ законодательствомъ 50-хъ годовъ; онъ прослѣживаетъ ее въ различныхъ правовыхъ институтахъ, съ поразительнымъ знаніемъ права и глубиной философскаго умозрѣнія, не перестающими возбуждать удивленіе на каждой страницѣ. Легкость, съ которой Лассаль выводитъ прозрачно-ясное понятіе обратнаго дѣйствія законовъ изъ чрезвычайно запутаннаго и огромнаго матеріала, навсегда останется замѣчательнымъ свидѣтельствомъ о силѣ человѣческаго ума.

Спрашивается, чего Лассаль практически достигъ своей работой? Въ суть этого вопроса насъ скорѣе всего введутъ нѣкоторыя возраженія, сдѣланныя Родбертусомъ противъ его заключеній. По Лассалю вопросъ о вознагражденіи зависитъ отъ того, отвергаетъ ли народное сознаніе опредѣленное право принципіально, или же оно отвергаетъ лишь опредѣленную форму этого права. Родбертусъ поставилъ вопросъ: какимъ образомъ узнать это различіе? Вѣдь большинствомъ голосовъ и даже полнымъ согласіемъ всѣхъ нельзя установить его. Лассаль отвѣтилъ, что формальной логикѣ права, теоріи обратнаго дѣйствія нѣтъ вообще никакого дѣла до этого вопроса. Чего желаетъ сознаніе настоящей или какой-нибудь будущей эпохи, что думаетъ современная или будетъ думать какая-нибудь позднѣйшая эпоха о бракѣ, государствѣ, монархіи, охотѣ, горномъ промыслѣ, газетахъ, собственности и т. д., этого никогда нельзя опредѣлить при помощи формальнаго правила, которое было бы тогда настоящимъ карманнымъ путеводителемъ по всей міровой исторіи. Но какъ ни убѣдителенъ на первый взглядъ этотъ отвѣтъ, все же Лассаль чувствуетъ, что возраженіе Родбертуса не исчерпано имъ. Самая ясная логика права должна потерять свою ясность, если неясно содержаніе, къ которому ее приходится примѣнять. И Лассаль отвѣчаетъ поэтому „мимоходомъ“,

что ни большинствомъ голосовъ, ни полнымъ единогласіемъ нельзя, конечно, установить, чего желаетъ сознаніе данной эпохи. Но онъ думаетъ, что это желаніе можно констатировать „совершенно просто". „То, что вы въ состояніи доказать себѣ и своей эпохѣ при помощи разума, логики и науки—того желаетъ эпоха!" Эта фраза опять рисуетъ намъ всего Лассаля, съ его энергичной силой, съ его сосредоточенной страстностью, съ его непоколебимой вѣрой въ неотразимую мощь идеи, но и со слабостью, которая была неотдѣлима отъ всѣхъ этихъ сильныхъ сторонъ.

Несомнѣнно, что каждая эпоха ставитъ себѣ всегда лишь тѣ задачи, которыя она въ состояніи разрѣшить. Но раньше чѣмъ эти задачи разовьются настолько, чтобы эпоха ясно сознала ихъ и перешла къ ихъ разрѣшенію въ положительномъ правѣ, могутъ пройти десятилѣтія и столѣтія, а до того момента эпоха не позволяетъ, чтобы ей доказывали разумомъ, логикой и наукой, чего она хочетъ. Если бы дѣло обстояло иначе, то не было бы распято и сожжено столько великихъ піонеровъ, узнавшихъ кое-что на этотъ счетъ и доказывавшихъ своей эпохѣ, чего она хочетъ. Самому Лассалю пришлось скоро испытать на себѣ самомъ, какъ плохо его примѣръ сходится съ правиломъ. Онъ видѣлъ, что живыя движущія силы эпохи работаютъ надъ освобожденіемъ пролетаріата, и тѣмъ не менѣе вся сила разума, логики и науки, съ которой онъ доказывалъ этотъ безспорный фактъ, не уяснили эпохѣ ея воли настолько, чтобы возникло новое правосознаніе, на которомъ могла бы испытать себя его формальная логика права.

Идеалистическое міровоззрѣніе Лассаля было одновременно и сильной и слабой стороной его. Въ своихъ трудныхъ изслѣдованіяхъ реальнаго матеріала права ему „постоянно" приходится констатировать тотъ фактъ, что законодатели въ своемъ практическомъ чувствѣ права всегда ближе подходили къ правовой идеѣ, чѣмъ теоретики съ ихъ разумомъ, логикой и наукой. Если бы Лассаль сдѣлалъ еще одинъ шагъ, то онъ нашелъ бы, что темный инстинктъ массъ улавливаетъ обыкновенно идею права еще гораздо вѣрнѣе, чѣмъ это дѣлаетъ законодательство со своимъ практическимъ чувствомъ права. Остъ-эльбскіе крестьяне, которые послѣ 18 марта прижали угнетавшихъ ихъ юнкеровъ и объявили уничтоженными феодальныя службы, примѣняли теорію пріобрѣтенныхъ правъ съ несравненно большимъ пониманіемъ дѣла, чѣмъ прусскій парламентъ.

До извѣстной степени Лассаль дѣлаетъ даже и этотъ дальнѣй-

шій шагъ въ одной изъ самыхъ интересныхъ главъ своего сочиненія. Онъ говоритъ, что у народовъ древности народный духъ представлялъ такую объективную субстанціальную компактность, въ индивидуумахъ жило и дѣйствовало такое нравственное единство и согласіе народнаго духа, что на отвергнутое этой внутренней субстанціей можно было фактически смотрѣть съ полнымъ основаніемъ какъ на отвергнутое также закономъ. Но это было допустимо только у народовъ древности, да и у тѣхъ лишь въ ихъ классическій періодъ. Это недопустимо больше въ новѣйшія времена, когда субъективизмъ и индивидуализмъ, образованіе и скептицизмъ и т. д. расшатали существовавшее въ индивидуумахъ строгое единство и согласіе нравственныхъ воззрѣній народнаго духа, когда нравственное сознаніе индивидуумовъ, принадлежащихъ къ одному и тому же государству, очень часто раздѣлено другъ отъ друга почти цѣлыми міровыми періодами. Въ подобныя эпохи на правовую реальность можетъ претендовать лишь такое содержаніе всеобщаго правосознанія, которое прямо или косвенно уже проявилось въ дѣйствительной жизни. Прямо или косвенно, ибо нѣтъ надобности, конечно, чтобы оно было формулировано *словами*, для его правовой реальности достаточно, чтобы оно проявилось въ *дѣйствіяхъ* всего народа. Лассаль доказываетъ затѣмъ, что конвентъ не провинился въ недопустимомъ обратномъ дѣйствіи, когда онъ сообщилъ своимъ законамъ о правѣ наслѣдованія обратную силу вплоть до дня взятія Бастиліи. Ибо въ этотъ день народъ разрушилъ правовой порядокъ феодальнаго общества и открыто проявилъ свое правосознаніе, противоположное феодальнымъ привилегіямъ: мы разумѣемъ принципъ равенства всѣхъ передъ закономъ.

То, что Лассаль сказалъ однажды о Савиньи, въ одинаковой мѣрѣ примѣнимо къ нему самому: онъ близко подходитъ къ истинѣ, но, благодаря своей идеологической точкѣ зрѣнія, проходитъ мимо нея. Ясно, что взятіе Бастиліи было дѣйствіемъ не всего народа, а только части народа—большой или малой, это безразлично; расшатанныя въ индивидуумахъ нравственныя воззрѣнія народнаго духа оно не собрало въ строгое единство и согласіе, а доказало, напротивъ, что нравственное сознаніе индивидуумовъ, принадлежащихъ къ одному и тому же государству, дѣйствительно можетъ отстоять другъ отъ друга на цѣлые міровые періоды. Если же взятіе Бастиліи создало тѣмъ не менѣе новое право, какъ оно его исторически несомнѣнно создало, то право это долж-

но было имѣть другой источникъ, нежели всеобщій народный духъ. Выражаясь языкомъ Лассаля, въ штурмѣ Бастиліи проявляло себя не всеобщее правосознаніе, а отдѣльное классовое сознаніе, которое развилось во всеобщее правосознаніе только потому, что отвѣчало всеобщимъ потребностямъ общества и лишь поскольку отвѣчало имъ. То, что Лассаль разумѣетъ подъ идеалистическимъ понятіемъ „эпохи", есть всегда одно опредѣленное общество, историческое развитіе котораго своими измѣненіями опредѣляетъ также измѣненія права.

Все сказанное колеблетъ, однако, лишь аргументацію Лассаля въ пользу его теоріи обратнаго дѣйствія, а не саму теорію. Такъ какъ теорія была построена Лассалемъ на основаніи реальнаго и обильнаго правового матеріала, то онъ могъ совершенно правильно построить ее, независимо отъ того, искалъ ли онъ ея объясненія въ надлежащемъ или ненадлежащемъ мѣстѣ. Однако Родбертусъ напалъ и на саму теорію, говоря — и это было его второе возраженіе,—что уже вслѣдствіе различій историческаго духа Лассаль ни въ какомъ случаѣ не могъ найти свою теорію въ римскихъ пандектахъ. По мнѣнію Родбертуса, Лассаль впадаетъ въ противорѣчіе, когда, постоянно подчеркивая различіе историческаго духа, онъ хочетъ все-таки доказать существованіе одной и той же теоріи въ столь различныя эпохи, какъ современная и римская. На это Лассаль отвѣтилъ сравненіемъ, приведеннымъ однажды самимъ Родбертусомъ,—что можно отлично разсуждать о животномъ вообще, о позвоночномъ вообще, хотя болѣе подробное разсмотрѣніе возможно лишь какъ разсмотрѣніе отдѣльныхъ порядковъ животныхъ. Въ правѣ дѣло обстоитъ такъ, что содержаніе историческаго духа различно, но черезъ это различное содержаніе проходитъ неизмѣнно другой элементъ, который онъ называетъ формальной логикой права. Подобно тому какъ онъ, Лассаль, сознательно развилъ такую формальную логику права для всѣхъ грядущихъ эпохъ, независимо отъ того, каково будетъ содержаніе правосознанія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, точно такъ эта самая формальная логика права могла быть уже у римлянъ безсознательно дѣйствующимъ моментомъ.

Отвѣтъ Лассаля былъ бы убѣдительнѣе, если бы онъ сказалъ: подобно тому какъ позвоночныя животныя, несмотря на всѣ прочія различія своего строенія, имѣютъ все-таки по сравненію съ безпозвоночными животными нѣчто общее между собою, въ видѣ позвоночнаго столба, точно такъ опредѣленная система права можетъ,

при всемъ различіи своего историческаго развитія, имѣть, однако, одну общую основную черту по сравненію съ другими системами права. Въ своемъ трудѣ онъ подробно показываетъ, что понятіе обратнаго дѣйствія чуждо китайскому, индійскому и даже моисееву законодательству, ибо они вообще еще ничего не знали о субъективности духа, о свободѣ и вмѣняемости индивидуумовъ, которыя стали ясны лишь классическимъ народамъ древности. Мало того, Лассаль идетъ еще дальше и говоритъ, что германское средневѣковое понятіе собственности болѣе или менѣе упразднило теорію обратнаго дѣйствія и отвело преувеличенное значеніе принципу недопустимости обратнаго дѣйствія. Сколько онъ ни говоритъ о правовой идеѣ, какъ таковой, онъ безсознательно также понимаетъ ее только какъ историческую, а не какъ логическую идею. Онъ ограничиваетъ ее эпохой римскаго права и эпохами современныхъ народовъ, которые въ исходѣ среднихъ вѣковъ реципировали римское право и по своему развили его дальше.

Но римское право является правомъ общества товаропроизводителей. Классическіе народы древности дошли до „субъективности духа", до „свободы и вмѣняемости индивидуума" не путемъ образованія или искусства или религіи, какъ думалъ Лассаль, а черезъ посредство частной собственности и товарнаго производства, развившихся изъ первобытнаго коммунизма. Только на этой опредѣленной общественной почвѣ каждый шагъ впередъ въ историческомъ развитіи, каждая революція должны были выражаться въ побѣдѣ одной формы частной собственности надъ другой; только на этой почвѣ понятіе пріобрѣтенныхъ правъ могло стать, выражаясь на идеологическій манеръ Лассаля, „движущимъ источникомъ всякаго дальнѣйшаго образованія формъ". Вполнѣ понятно, что съ исчезновеніемъ товарнаго производства и товарной торговли въ натуральномъ хозяйствѣ средневѣковья затуманилась также формальная логика права пандектовъ и что вмѣстѣ съ новымъ возрожденіемъ ихъ въ исходѣ среднихъ вѣковъ римское право опять заняло почетное мѣсто, какъ право, которое лучше всего подходитъ обществу товаропроизводителей. О правовой идеѣ, какъ таковой, какъ логической категоріи Лассаль вправѣ былъ говорить, лишь постольку, поскольку право въ техническомъ смыслѣ слова, спеціальная наука права, юриспруденція, какъ таковая, возникла изъ товарнаго производства и обезпечиваетъ предпосылки, безъ которыхъ оно вообще не можетъ развиваться. Выдающаяся заслуга Лассаля заключается въ томъ, что онъ прослѣдилъ, какъ основная

идея науки права становилась все болѣе и болѣе сознательной, начиная съ простого товарнаго производства древности и кончая гигантски развитымъ, капиталистическимъ способомъ производства современнаго буржуазнаго общества, прослѣдилъ ее до полной ясности положительнаго права для послѣдней революціи, вообще еще возможной на почвѣ частной собственности и товарнаго производства, т.-е. положительнаго права для превращенія феодальной собственности въ буржуазную.

Эта работа Лассаля не потеряла бы существенно въ своей цѣнности, если бы ему даже случалось иной разъ при этой колоссальной работѣ дѣлать черезчуръ увѣренно заключеніе отъ послѣдующаго къ предыдущему, если бы даже, какъ полагалъ Родбертусъ, онъ вычиталъ изъ пандектовъ нѣчто большее, чѣмъ они въ дѣйствительности содержатъ. Гораздо важнѣе вопросъ, въ какой мѣрѣ Лассаль могъ притязать на примѣнимость своей формальной логики во всѣ будущія эпохи, слѣдовательно, не только для превращенія феодальной частной собственности въ буржуазную, но и для превращенія самой частной собственности въ коллективную.

Наиболѣе подробно онъ трактуетъ объ этомъ въ одномъ обширномъ примѣчаніи своего сочиненія,—примѣчаніи, на которое онъ впослѣдствіи охотно ссылался. Онъ развиваетъ здѣсь слѣдующую мысль. Въ общихъ чертахъ культурно-историческій ходъ исторіи права состоитъ въ томъ, что сфера собственности частнаго лица все болѣе съуживается, что все большее количество объектовъ ставится внѣ частной собственности. Ходячее представленіе видитъ въ господствѣ свободной конкурренціи фактъ, благодаря которому собственность только и достигла истинной свободы и развитія. Представители этого направленія говорятъ о „неограниченной свободѣ собственности", и безспорно, что эта сторона, въ силу діалектики, присущей всѣмъ логическимъ опредѣленіямъ, вполнѣ имѣется на лицо съ ея реальными слѣдствіями. Если вникнуть, однако, въ глубь вопроса, то введеніе свободной конкурренціи и упраздненіе монополій и цеховъ основано скорѣе на мысли, что частной собственностью индивидуума ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть исключительное право на занятіе извѣстнымъ промысломъ и торговлей, т.-е. право не допускать другихъ лицъ къ совершенію дѣйствій, которыя сами по себѣ дозволены.

Естественно, если человѣкъ въ началѣ исторіи, подобно ребенку, протягиваетъ свои руки ко всему, если онъ считаетъ все

своимъ и не знаетъ никакой границы для объема своего личнаго произвола. Лишь поздно—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше—онъ научается находить эту границу. Идолопоклонникъ разбиваетъ еще своихъ идоловъ, если они не исполняютъ его желаній, и такимъ образомъ обращается даже со своими богами, какъ съ собственностью. Религіозныя святыни рано были изъяты изъ произвола частнаго лица, но еще долго человѣкъ самъ оставался предметомъ собственности другого человѣка. Затѣмъ рабство смягчилось въ крѣпостное состояніе съ его различными градаціями, пока крѣпостной рабочій не былъ признанъ свободнымъ рабочимъ. Въ настоящее время Европа стоитъ передъ двумя очень интересными вопросами собственности: въ политическомъ отношеніи — передъ упраздненіемъ порядка, въ силу котораго общественная воля какой-нибудь націи можетъ быть собственностью одной семьи, слѣдовательно—передъ уничтоженіемъ монархіи, въ соціальномъ отношеніи—передъ вопросомъ, должно ли теперь, когда уже нѣтъ больше права собственности на непосредственное пользованіе человѣкомъ, существовать такое право на косвенную эксплуатацію его, иными словами — должно ли свободное приложеніе и развитіе рабочей силы человѣка быть исключительно частной собственностью обладателя субстрата труда и аванса труда (капитала) и слѣдуетъ ли признавать за предпринимателемъ, какъ таковымъ, право собственности на цѣнность чужого труда (прибыль на капиталъ).

Это все возрастающее съуженіе объема частной собственности зиждется не на чемъ иномъ, какъ на положительномъ развитіи человѣческой свободы. Въ поступательномъ ходѣ этого развитія часть свободы, которая раньше мыслилась какъ нѣчто отчуждаемое, признается элементомъ неотчуждаемой свободы человѣка, разсматривается поэтому какъ нѣчто, вытекающее изъ нравственной идеи и публичнаго права, и регулируется абсолютными законами. Совершенно параллельно съ этой тенденціей исторіи права—выбрасывать изъ сферы собственности все больше и больше содержанія—экономическое развитіе проявляетъ вполнѣ соотвѣтствующую тенденцію перебрасывать во все возрастающемъ количествѣ факторы производства и самые продукты его изъ сферы экономической собственности, изъ сферы возмездности въ сферу безвозмедности, короче говоря, уменьшать издержки производства,—мысль сама по себѣ совершенно правильная, но получившая въ *„Экономическихъ Гармоніяхъ“* Бастіа совершенно ложное и одностороннее истолкованіе.

Противъ этого Родбертусъ выставилъ третье возраженіе, что отъ напыщеннаго тезиса Бастіа положеніе рабочихъ ничуть не становится лучшимъ. Онъ истолковалъ взглядъ Лассаля въ такомъ смыслѣ, который Лассаль прямо отвергалъ; естественно, если послѣдній съ нѣкоторой живостью возсталъ противъ этого грубаго непониманія. Свою отповѣдь онъ кончаетъ однако учтивой фразой, что проведенная имъ параллель „дѣйствительно не особенно глубока", и это, быть можетъ, дало поводъ Родбертусу искать въ ней болѣе глубокаго смысла, чѣмъ она въ дѣйствительности имѣетъ. Здѣсь Лассаль снова подходитъ близко къ истинѣ, но въ силу своей идеологической точки зрѣнія совершенно проходитъ мимо нея.

Его параллель была достаточно глубока, но такъ какъ Лассаль смотрѣлъ на нее черезъ свои юридическіе очки, то онъ не видѣлъ ея послѣдняго основанія. Все сказанное имъ о ходѣ исторіи права совершенно справедливо, если, конечно, понимать исторію права въ томъ болѣе узкомъ смыслѣ, согласно которому право развилось вообще лишь изъ частной собственности и товарнаго производства. Лассаль еще не зналъ, что первобытное коммунистическое общество обнимаетъ первый и самый длинный періодъ исторіи человѣчествà, и что дикарь, протягивающій на зарѣ исторіи свою руку за всѣмъ, чтобы объявить его своимъ, въ дѣйствительности никогда не существовалъ. Но, поскольку Лассаль правильно отмѣтилъ явленіе, онъ самъ затемняетъ его себѣ тѣмъ, что ищетъ причины его въ облакахъ, вмѣсто того чтобы искать ея на землѣ. Все большее съуженіе объема частной собственности зиждется не на положительномъ развитіи человѣческой свободы, а къ указанной выше параллели Лассаля ведетъ прогрессъ производства на почвѣ частной собственности: онъ удешевляетъ продукты и расширяетъ человѣческую свободу. Трудъ раба дороже и хуже, чѣмъ трудъ крѣпостного, трудъ крѣпостного дороже и хуже, чѣмъ трудъ свободнаго рабочаго. Античное общество погибло отъ рабскаго труда, феодальное общество — отъ труда крѣпостныхъ, какъ буржуазное общество погибнетъ отъ свободнаго труда, но не потому, что онъ юридически свободенъ, а потому, что онъ экономически несвободенъ.

Діалектическое развитіе частной собственности имѣетъ свою „сокровеннѣйшую причину" не въ ограниченіи ея права, а въ раскрытіи ея силы. Центръ тяжести лежитъ „въ фактическихъ, реальныхъ слѣдствіяхъ",—чтò манчестерцы правильно поняли, не-

смотря на свою ограниченность въ иныхъ отношеніяхъ или даже благодаря ей. Лишь раскрытіе силы имѣетъ слѣдствіемъ ограниченіе права. Собственность сбрасываетъ узы права и дѣлаетъ рабочихъ юридически свободными, но лишь для того, чтобы тѣмъ безграничнѣе развернуть свою экономическую силу и тѣмъ успѣшнѣе эксплуатировать экономическую несвободу рабочихъ. Лассаль придаетъ видимости большее значеніе, чѣмъ сущности, и возлагаетъ на науку права бóльшую задачу, чѣмъ она въ состояніи выполнить, если она должна, по его мнѣнію, послѣ уничтоженія всякой юридической зависимости устранить также и экономическую зависимость рабочаго. Она такъ же не въ состояніи это сдѣлать, какъ феодальная теологія не могла устранить правовой зависимости средневѣковаго рабочаго ученіемъ о томъ, что всѣ люди—дѣти одного Бога. Всякое новое общество уничтожаетъ не только экономическій строй, но и идеологическую надстройку стараго общества, изъ нѣдръ котораго оно рождается.

Оба вопроса собственности, передъ которыми Лассаль ставитъ современную Европу, имѣютъ между собою то общее, что они лежатъ за предѣлами науки права, какъ ее понимаетъ Лассаль: съ той разницей, конечно, что одинъ лежитъ позади, а другой впереди нея, что одинъ былъ разрѣшенъ при ея возникновеніи, а другой будетъ разрѣшенъ, когда она прекратитъ свое существованіе. Монархія, какъ вопросъ собственности, какъ вопросъ о томъ, можетъ ли публичная воля націи быть собственностью опредѣленной семьи, принадлежитъ къ эпохѣ, еще не знавшей „свободы и вмѣняемости индивидуума", принадлежитъ праву востока, ничего еще не знавшему о „субъективности духа". Въ древней Греціи и Римѣ, даже въ феодальное средневѣковье, не говоря уже о современномъ буржуазномъ обществѣ, монархія, безразлично въ какомъ идеологическомъ одѣяніи, была всегда лишь вопросомъ политической организаціи, на который господствующіе классы отвѣчали въ зависимости отъ обстоятельствъ, не заботясь о допотопной фантазіи монархіи, будто ея воля — высшій законъ*). Устраненіе монархіи ничего не мѣняетъ по существу въ отношеніяхъ собственности современнаго буржуазнаго общества: оно лишь формально придаетъ имъ законченную ясность и рѣзкость очертаній, такъ что демократическая республика является идеаль-

---

*) Авторъ намекаетъ здѣсь, очевидно, на извѣстное изреченіе Вильгельма II: suprema lex regis voluntas.—Прим. перев.

ной ареной для рѣшительной борьбы между буржуазіей и пролетаріатомъ.

Напротивъ, вопросъ о прибыли на капиталъ есть вопросъ собственности въ самомъ рѣзкомъ смыслѣ слова; болѣе того, онъ обнимаетъ весь вопросъ о собственности, ибо прибыль на капиталъ беретъ начало изъ исторически и логически наиболѣе развитой формы частной собственности. Уничтоженіе прибыли было бы уничтоженіемъ частной собственности во всѣхъ формахъ, а слѣдовательно, и права, выросшаго на почвѣ частной собственности. Короче говоря: юридически вообще нельзя устранить прибыли на капиталъ. Всѣ соціалистическія попытки въ этомъ родѣ кончались неудачей и должны были кончиться ею. Великій шагъ впередъ, сдѣланный научнымъ коммунизмомъ по сравненію со всѣми прежними видами соціализма, заключается въ томъ, что, переставъ разсматривать прибыль на капиталъ (точнѣе — прибавочную цѣнность) какъ посягательство на справедливость и мораль, онъ отнесся къ ней какъ къ экономическому факту, и сумѣлъ доказать, что именно этотъ экономическій фактъ долженъ разложить частную собственность и превратить ее въ общественную.

Эту задачу формальная логика права Лассаля не можетъ разрѣшить. Уже сущность его теоріи обратнаго дѣйствія имѣетъ одну физіономію, если вся вообще частная собственность должна перейти въ коллективную, и совершенно другую физіономію, если дѣло идетъ о превращеніи одного вида частной собственности въ другой. Частная собственность есть господство имущихъ классовъ надъ неимущими, и для находящихся подъ чужимъ господствомъ представляется, несомнѣнно, вопросомъ величайшей важности, обязаны ли они за свой счетъ превратить снова собственность, ставшую негодной для господствованія, въ собственность, годную для этой задачи. Напротивъ, коллективная собственность есть уничтоженіе всякаго классоваго господства, такъ что можно считать сравнительно неважнымъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли дать вознагражденіе прежнимъ частнымъ собственникамъ: какъ бы велико или мало это вознагражденіе ни было и какой бы характеръ оно ни носило, оно ни въ коемъ случаѣ не можетъ обезпечить вновь господства надъ людьми. Если Марксъ никогда не считалъ нужнымъ публично касаться вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ поступить насчетъ вознагражденія при „экспропріаціи экспропріирующихъ", то въ интимныхъ разговорахъ онъ, по свидѣтельству Энгельса, говорилъ обыкновенно, что всего дешевле обойдется дѣло, если выкупить всю банду.

Насколько лассалевская теорія пріобрѣтенныхъ правъ оказывалась вѣрной, когда онъ примѣнялъ ее къ превращенію одного вида частной собственности въ другой, настолько же она оказалась недостаточной при попыткѣ напасть на частную собственность самое, и прежде всего при попыткѣ доказать, что современное наслѣдственное право есть крупное недоразумѣніе, сплошная теоретическая невозможность. Этому доказательству онъ посвящаетъ второй томъ своего сочиненія, который по эрудиціи и діалектической игрѣ мыслей поражаетъ почти больше еще, чѣмъ первый. Но Лассаль не доказалъ того, что́ онъ хотѣлъ доказать. Онъ не доказалъ бы этого во всякомъ случаѣ, даже если бы не впалъ въ заблужденіе и не выводилъ римскаго завѣщанія изъ идеи безсмертія у древнихъ римлянъ. Еслибъ современное наслѣдственное право дѣйствительно было невѣрно понятымъ осадкомъ древне-германскаго и древне-римскаго наслѣдственнаго права, то этимъ было бы доказано лишь одно,—что оно облеклось въ неподходящій для себя костюмъ. Лассаль разорвалъ этотъ костюмъ въ клочья, и современное право наслѣдованія тутъ то и выступило настоящимъ образомъ во всей своей голой реальности. Всюду, гдѣ существуетъ частная собственность, тамъ мы видимъ также и право наслѣдованія; въ этомъ логическомъ слѣдствіи ничего не мѣняетъ сколько угодно полная теоретическая невозможность иллюзій, которыя наслѣдственное право создаетъ себѣ относительно своего собственнаго происхожденія.

Надежды, которыя Лассаль возлагалъ на практическое вліяніе своего сочиненія, не оправдались. Онъ правильно предвидѣлъ, что надвигается „бурный періодъ“ законодательной работы, и если бы буржуазія имѣла мужество завязать серьезную борьбу съ юнкерами, то, конечно, ни одинъ „членъ парламента, ни одинъ политическій дѣятель“ не могъ бы обойтись безъ книги Лассаля, какъ этого ожидалъ авторъ. Въ дѣйствительности, однако, она не оказала никакого вліянія на практическое законодательство, если не считать того, что иной „членъ парламента“ случайно пользовался ею для украшенія своихъ рѣчей. Это сдѣлалъ, напр., въ январѣ 1869 г. одинъ либеральный депутатъ, полемизировавшій противъ феодальныхъ брачныхъ привилегій, установленныхъ прусскимъ Земскимъ правомъ. Но указанный случай былъ, вѣроятно, единственнымъ. Извѣстно, съ какимъ удовольствіемъ прусскія палаты принимали въ теченіе поколѣнія законодательныя мѣропріятія, которыя Лассаль въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ

заклеймилъ какъ отсутствіе чувства долга и стыда. Особеннымъ виртуозомъ по этой части былъ Бисмаркъ: изъ феодальныхъ претензій, выставляемыхъ его классомъ въ современномъ буржуазномъ обществѣ, онъ всѣми правдами и неправдами создавалъ „право требовать возмѣщенія у народнаго духа",—возмѣщенія, принимавшаго форму хлѣбныхъ пошлинъ, подарковъ водочникамъ, сахарозаводчикамъ и т. д.! Съ уходомъ Бисмарка это искусство отнюдь не исчезло, однако, въ прусскомъ законодательномъ собраніи, въ частности—среди буржуазныхъ законодатедей. Не далѣе какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ феодальная податная привилегія десятка средневѣковыхъ графовъ была выкуплена за нѣсколько милліоновъ народныхъ денегъ прусскимъ министромъ финансовъ Микелемъ, которому по старой памяти коммуниста слѣдовало бы, кажется, понимать аргументацію Лассаля.

Въ ученомъ мірѣ произведеніе Лассаля вызвало нѣсколько единичныхъ восторженныхъ отзывовъ. Старый Савиньи, при жизни котораго вышелъ лишь первый томъ, сдѣлалъ честь себѣ и своему противнику, сказавши, что со временъ Донелла не было написано такой книги, а Альбертъ Ланге изучалъ на этой теоріи пріобрѣтенныхъ правъ практику отнятыхъ правъ. Но въ общемъ нѣмецкіе ученые оказались не на высотѣ этого научнаго спора. Циглеръ бранился, что во всемъ Берлинѣ, если не считать университета, не найдется и десяти юристовъ, которые прочли бы книгу Лассаля, и пяти, которые поняли бы ее. Изъ извѣстныхъ юристовъ Іерингъ ограничился вымученными остротами по поводу нѣкоторыхъ рискованныхъ образовъ, употребленныхъ Лассалемъ во второмъ томѣ, и увѣрялъ, что не нашелъ на 600 страницахъ его и слѣда разсудка,—утвержденіе, достаточно прѣсное даже какъ шутливая выходка противъ философскаго умозрѣнія. Получивъ отпоръ отъ одного изъ друзей Лассаля, Іерингъ сталъ оправдываться тѣмъ, что хотѣлъ выступить не противъ самого умозрительнаго направленія, а лишь противъ его заблужденій, которымъ подвержены какъ разъ наиболѣе даровитые представители его: на высокихъ утесахъ можно застать не овецъ, а только сернъ и козероговъ. Сущности того, чего хотѣлъ Лассаль, Іерингъ совершенно не коснулся. Эта сущность была полной загадкой для человѣка, способнаго на протяженіи цѣлыхъ печатныхъ листовъ изрекать оракульскія сужденія о „борьбѣ за право" и въ то же время подобострастно восхищаться бисмарковской политикой насилія, противъ которой почти три десятилѣтія

приходилось вести въ Германіи борьбу за право. Если Лассаль доказывалъ, что феодальное право, напримѣръ — прусское положеніе о батракахъ, само собой теряетъ силу въ буржуазномъ обществѣ, то Іерингъ въ своей книгѣ „Борьба за право“ училъ, что „хозяинъ, который не имѣетъ больше смѣлости примѣнять положеніе о батракахъ“, не только попираетъ моральныя условія своей жизни и теряетъ поэзію своего характера, но и подвергаетъ опасности идеальный авторитетъ закона и жертвуетъ реальнымъ порядкомъ гражданской жизни. Этотъ маленькій катехизисъ практической житейской философіи нѣмецкая буржуазія такъ же усердно читала, какъ она отказывалась читать великое теоретическое произведеніе Лассаля.

Изъ философовъ Мишле показалъ своей критикой, что оффиціальное гегельянство благополучно пришло къ болоту вульгарнѣйшаго манчестерства. Онъ отрицалъ, напр., существованіе прибыли на капиталъ и говорилъ, что капиталъ, въ качествѣ сбереженнаго труда, долженъ участвовать „въ общемъ вознагражденіи“; Бастіа, по его мнѣнію, понялъ экономическія категоріи лучше Лассаля. Но даже на эту плоскую мудрость можно было смотрѣть снисходительнѣе, послѣ того какъ произведеніе Лассаля попало въ руки „государственнаго соціализма“ милостью Бисмарка. Въ то время какъ Лассаль развилъ свою теорію пріобрѣтенныхъ правъ именно потому, что законодатели, по его мнѣнію, отдѣлывались отъ ея ясныхъ предписаній „*большей частью* соображеніями *политики* и *житейской справедливости*“, Адольфъ Вагнеръ построилъ на „превосходномъ сочиненіи“ Лассаля свою „экономическую теорію экспропріаціи“ и поучалъ, что даже тамъ, гдѣ отсутствуетъ всякое право требовать вознагражденія, „*часто* можетъ и будетъ представляться умѣстнымъ дать таковое по соображеніямъ *политики* и *житейской справедливости*“. Вопросъ буквально приводился, такимъ образомъ, назадъ къ старому запутанному состоянію, соотвѣтствующему интересамъ имущихъ и господствующихъ классовъ, къ тому состоянію, изъ котораго Лассаль цѣною гигантскаго напряженія ума вывелъ его. Разумѣется, что послѣ этого прусскій государственный соціализмъ по своей своеобразной логикѣ получилъ неоспоримѣйшее право разыгрывать изъ себя духовнаго преемника Лассаля.

Счастье, что Лассаль успѣлъ воспитать себѣ настоящихъ духовныхъ преемниковъ!

Глава VIII.

Европейскій кризисъ 1859 года.

Лассаль работалъ еще надъ своимъ сочиненіемъ по философіи права, когда послѣдствія большого торговаго кризиса 1857 г. вызвали новое политическое движеніе въ европейскихъ массахъ. Какъ и 10-ю годами раньше, онѣ впервые зашевелились въ Италіи и Франціи. Въ Италіи быстро разраставшееся народное движеніе направилось противъ австрійскаго чужеземнаго владычества, и савойская династія была достаточно хитра, чтобы овладѣть движеніемъ, поставивъ для этого на карту собственное существованіе. Во Франціи въ пролетаріатѣ проснулся старый революціонный духъ, а буржуазія начала проявлять недовольство бонапартизмомъ, который не могъ, вѣдь, вѣчно доставлять ей то, ради чего она охотно уступила ему политическое господство: мы имѣемъ въ виду „хорошія дѣла".

Бонапартизмъ никогда не былъ свободнымъ вымысломъ геніальнаго ума. Онъ не былъ имъ даже въ лицѣ первой имперіи, когда имѣлъ, по крайней мѣрѣ, геніальнаго носителя, и еще гораздо меньше былъ имъ въ лицѣ второй имперіи, когда его носителемъ былъ весьма посредственный геній. Первый Наполеонъ былъ душеприказчикомъ революціи, въ которой буржуазія разбила на голову феодализмъ; третій Наполеонъ наслѣдовалъ послѣ революціи, въ которой буржуазія и пролетаріатъ боролись другъ съ другомъ до взаимнаго истощенія силъ. Французскій пролетаріатъ, высоко развитый уже въ городахъ, но значительно уступавшій по численности мелкому крестьянству, былъ побѣжденъ въ великой борьбѣ крупной буржуазіей, мѣщанствомъ и арміей. Но крупно и мелко-буржуазный классъ истекъ кровью въ этой борьбѣ и, помучившись нѣсколько лѣтъ, уступилъ мѣсто истинному по-

бѣдителю Іюньской бойни—арміи и тому классу, изъ котораго армія преимущественно вербовалась, т.-е. мелкимъ крестьянамъ, которые хотѣли отдохнуть наконецъ отъ городскихъ буяновъ. И военный деспотизмъ нашелъ себѣ воплощеніе въ имени Наполеона.

Сущность этого бонапартизма была обрисована Энгельсомъ въ положеніяхъ, которыя могутъ только потерять отъ всякой передачи своими словами. Вотъ они: „По отношенію къ рабочимъ и капиталистамъ бонапартизмъ проявляетъ себя тѣмъ, что мѣшаетъ имъ атаковать другъ друга, т.-е онъ защищаетъ буржуазію отъ насильственныхъ нападеній рабочихъ, благопріятствуетъ мелкимъ мирнымъ стычкамъ между обоими классами, а въ общемъ отнимаетъ у того и другого всякую тѣнь политической власти. Полное отсуствіе права союзовъ, права собраній, свободы печати; всеобщее избирательное право подъ такимъ бюрократическимъ давленіемъ, что оппозиціонные выборы почти невозможны; полицейскій режимъ, неслыханный до тѣхъ поръ даже въ полицейской Франціи. Наряду съ этимъ часть буржуазіи, какъ и часть рабочихъ, прямо покупается: первая—колоссальными кредитными аферами, при помощи которыхъ деньги мелкихъ капиталистовъ переводятся въ карманы крупныхъ; вторая—колоссальными государственными постройками, которыя сосредоточиваютъ въ большихъ городахъ, наряду съ естественнымъ и самостоятельнымъ пролетаріатомъ, пролетаріатъ искусственный, имперіалистическій, зависимый отъ правительства. Бонапартизмъ льститъ, наконецъ, народной гордости мнимо-героическими войнами, которыя всегда, однако, ведутся съ начальственнаго разрѣшенія Европы противъ общаго въ данный моментъ козла отпущенія и лишь при условіяхъ, заранѣе обезпечивающихъ побѣду". Бонапартизмъ, какимъ его изображаетъ Энгельсъ, выросъ самъ собою изъ опредѣленныхъ общественныхъ отношеній. Онъ регулярно возрождается опять при повтореніи однородныхъ условій.

Торговый кризисъ 1857 года впервые показалъ, что за громкими обѣщаніями бонапартизма скрывается только безпомощная растерянность. Затѣмъ ручныя гранаты Орсини повергли поддѣльнаго Цезаря въ трусливый страхъ, и законы объ общественной безопасности, къ которымъ онъ прибѣгъ въ паническомъ ужасѣ, не только не испугали населенія, а показали скорѣе, что бонапартизмъ послѣ 7-лѣтняго господства все еще не стоитъ крѣпко на ногахъ. Для Бонапарта оставался лишь одинъ путь къ спасенію: популярная война, которая хотя бы съ нѣкоторымъ основаніемъ

носила цивилизаторскую окраску и могла бы остановить поднимающіяся волны революціи. Гдѣ слѣдовало искать этой войны, съ достаточной ясностью указали бомбы Орсини.

Вступленіе Бонапарта въ союзъ съ савойской династіей, чтобы сломить насильническое владычество австрійцевъ въ Италіи, внесло въ итальянскую революцію реакціонный элементъ. Національное единство Италіи противорѣчило всѣмъ традиціямъ французской политики; въ устахъ Бонапарта оно было открытой ложью, ибо эта мнимая цѣль находилась въ грубомъ противорѣчіи съ истинными мотивами, толкнувшими его къ войнѣ. Цѣль Наполеона III заключалась прежде всего въ томъ, чтобы атаковать общаго козла отпущенія, котораго онъ правильно усматривалъ въ Австріи. Габсбургскій деспотизмъ сталъ, благодаря своему хозяйничанію въ Италіи, предметомъ европейскаго скандала; со старыми реакціонными товарищами изъ Священнаго союза онъ перессорился, съ Пруссіей изъ-за Ольмюца, съ Россіей изъ-за крымской войны; друзей, да и то равнодушныхъ, онъ имѣлъ развѣ въ лицѣ однихъ англійскихъ тори. Условлено было, что если Ломбардію и Венецію удастся вырвать изъ-подъ австрійскаго владычества, то онѣ должны отойти къ Пьемонту; въ награду за это Бонапартъ выговорилъ себѣ Савойю и Ниццу. Все остальное можно было пока предоставить благопріятному теченію событій. Если бы австрійскія креатуры на средне-и нижне-итальянскихъ тронахъ удалось замѣнить членами почтенной семьи Бонапарта, тѣмъ лучше; но итальянское единство ни въ какомъ случаѣ не должно было пойти дальше формъ новаго Рейнскаго союза, который объединилъ бы отдѣльныя итальянскія государства подъ почетнымъ президентствомъ папы и фактическимъ протекторатомъ Франціи.

Но на первыхъ порахъ освободителя народовъ съ береговъ Сены озабочивала больше локализація войны, чѣмъ будущее устройство Италіи. Съ Россіей онъ столковался, а на нейтралитетъ Англіи онъ также имѣлъ право разсчитывать. Вопросъ былъ лишь въ томъ, будетъ ли Германскій союзъ безучастно смотрѣть на опасный ударъ противъ его руководящей державы, хотя бы на немъ и не лежала обязанность защищать внѣгерманскія владѣнія своихъ членовъ? Между тѣмъ, вступленіе Германскаго союза въ коалицію съ Австріей, совершенно растроило бы планы Бонапарта.

Австрія сообразила, конечно, выгоду этого положенія и повела лихорадочную пропаганду съ цѣлью втянуть въ войну Германскій союзъ. Центромъ этой пропаганды была „*Всеобщая Аугсбургская*

Газета", дипломаты и стратеги которой доказывали, какъ дважды два четыре, что господство австрійскаго насильничества въ Италіи есть интересъ Германіи, что Рейнъ надо защищать на рѣкѣ По, что вся Германія должна вооруженной рукой вступиться за Австрію, если она не хочетъ оказаться безоружной передъ мечомъ могущественнаго побѣдителя, послѣ того какъ сломлена будетъ ея изолированная передовая держава. Имперско-королевскіе писаки то пугали на самые различные лады призракомъ Іены, то предавались самымъ необузданнымъ фантазіямъ. Австрія, говорили они, защищаетъ „священнѣйшія блага" отъ „переворота", какъ буквально гласили оффиціальные манифесты; она снаряжаетъ крестовый походъ народовъ противъ кроваваго и позорнаго режима декабрскаго убійцы, и подъ австрійской эгидой должна образоваться средне-европейская великая держава, которая охватила бы „всю самобытную германскую мощь" отъ Бельгіи, Голландіи и Эльзасъ-Лотарингіи до Венгріи и славяно-румынскихъ странъ на Дунаѣ,— державы, которая держала бы въ уздѣ съ одной стороны романскіе, съ другой—славянскіе народы. Въ виду этой австрійской пропаганды французская агитація также не сидѣла сложа руки и столь же мало затруднялась въ выборѣ средствъ. Главнаго застрѣльщика своего она нашла въ лицѣ бывшаго имперскаго регента Карла Фохта, который былъ подкупленъ французскимъ золотомъ, какъ это доказали расписки, найденныя впослѣдствіи въ Тюльери: онъ превозносилъ бонапартизмъ, какъ освободителя угнетенныхъ народовъ, въ произведеніяхъ, одинаково убѣдительно свидѣтельствовавшихъ какъ о безпринципности, такъ и о невѣжествѣ ихъ автора.

Подъ благодатнымъ дождемъ такого краснорѣчія проснулся вновь старый, засохшій отъ собственнаго худосочія антагонизмъ между мало-и велико-германцами. Мало-германцы прислушивались къ пѣнію бонапартистскихъ сиренъ: способъ, которымъ должно было осуществиться итальянское единство, былъ имъ какъ разъ по душѣ; роль савойской династіи они издавна предназначали династіи Гогенцоллерновъ. Съ такимъ же или даже большимъ увлеченіемъ великогерманцы гипнотизировали себя фантастическими картинами, которыя рисовали имъ авгуры Гофбурга.

Было бы слишкомъ лестно для мало-германцевъ утверждать, что они были дальновиднѣе велико-германцевъ, но надо все-таки признать, что велико-германцы еще превзошли мало-германцевъ своей близорукостью. Послѣдніе хотѣли, по крайней мѣрѣ, объединить

значительную часть Германіи, между тѣмъ какъ первые просто думали сохранить германскую раздробленность. Прусскіе крупные и средніе буржуа имѣли нѣсколько большее представленіе о существованіи историческихъ необходимостей, чѣмъ баварскіе ультрамонтаны, швабскіе партикуляристы и даже франкфуртскіе биржевики, патріотическое сердце которыхъ трепетно билось въ австрійскихъ долговыхъ обязательствахъ ихъ несгораемыхъ шкафовъ. Были, конечно, отдѣльные велико-германцы, по своему честные въ своемъ нѣмецкомъ патріотизмѣ, напримѣръ, Бухеръ и Родбертусъ, затѣмъ также лейпцигскій историкъ Вутке (Wuttke). Но именно писанія этихъ людей, относящіяся къ 1859 году, показываютъ, какъ противорѣчиво было велико-германское направленіе. Вутке вернулся съ интимнаго совѣщанія велико-германскихъ вождей въ Розенгеймѣ съ убійственнымъ выводомъ, что южно-германское дворянство злоупотребляетъ велико-германскими лозунгами для укрѣпленія своихъ привилегій, незаконно возстановленныхъ въ реакціонную эпоху, и выступилъ съ открытымъ протестомъ противъ велико-германскихъ попытокъ разстроить германскій парламентъ. Что касается Бухера и Родбертуса, то они въ нѣсколькихъ памфлетахъ требовали германскаго единства въ видѣ союзной директоріи, куда Пруссія и Австрія должны были входить, такъ сказать, по праву рожденія, а третій членъ долженъ былъ выбираться государями; предсѣдательство и мѣстопребываніе этой директоріи должны были переходить поочередно къ Вѣнѣ, Берлину и Франкфурту—реакціонная утопія, передъ которой даже союзный сеймъ имѣлъ то преимущество, что онъ былъ хотя и очень жалкой, но все же несомнѣнной дѣйствительностью.

Независимо отъ партійныхъ раздоровъ между мало-и велико-германцами, въ нѣмецкихъ народныхъ массахъ возникло стихійное національное движеніе. Общія его причины были тѣ же, которыя къ концу 50-хъ годовъ вызвали вообще оживленіе среди европейскихъ народовъ; но первымъ вѣтромъ, подувшимъ на вновь разгорающійся огонь, было нападеніе французовъ на Австрію. Инстинктивное и въ своемъ родѣ вѣрное чувство, что авантюристъ на французскомъ тронѣ лишь тогда можетъ разсчитывать на сколько-нибудь прочное существованіе, если онъ захватитъ лѣвый берегъ Рейна, что нѣмецкому Михелю всегда приходится оплачивать счетъ, когда другіе вцѣпятся другъ другу въ волосы изъ-за вопросовъ, не имѣющихъ абсолютно никакого касательства къ нему,—это чувство еще значительно обострялось чувствомъ безпомощно-

сти, жестокимъ сознаніемъ, что нація, какъ таковая, по прежнему лишена суверенитета и не имѣетъ никакого органа своей воли. Ни органа своей воли, ни даже мѣста, гдѣ она могла бы столковаться насчетъ своихъ дѣйствительныхъ интересовъ. Но именно потому, что описываемое національное движеніе возникло инстинктивно, оно особенно плохо отдавало себѣ отчетъ въ самомъ себѣ и легко могло стать добычей мало-или велико-германскихъ лозунговъ. Чтобы предотвратить эту опасность, Энгельсъ, Марксъ и Лассаль выступили со своими разъясненіями.

Первымъ выступилъ на сцену Энгельсъ, написавшій брошюру „По и Рейнъ", для которой Лассаль нашелъ ему издателя въ лицѣ Франца Дункера. Въ этой брошюрѣ Энгельсъ разбилъ фантазіи велико-германско-австрійской пропаганды. Не то, чтобы онъ останавливался долго на „защитѣ священнѣйшихъ благъ" отъ „переворота"! Это было излишне, ибо нѣмецкій филистеръ не настолько опустился еще умственно и нравственно въ 50-ые годы, чтобы его могли одурачить подобнаго родами громкими словами. Но зато Энгельсъ побѣдоносно осмѣялъ теорію средне-европейской великой державы, и съ еще большей детальностью онъ опровергъ излюбленное положеніе велико-германцевъ, что Рейнъ надо защищать на р. По. Онъ опровергъ его, показавъ при помощи данныхъ военной науки, что Германія не нуждается для своей защиты даже въ клочкѣ Италіи, и что если бы приходилось считаться только съ военными соображеніями, то Франція имѣетъ гораздо больше правъ на Рейнъ, чѣмъ Германія на Минчіо. Энгельсъ такъ ясно и неопровержимо доказалъ это, что его анонимно появившаяся брошюра была сочтена всѣми за произведеніе высокопоставленнаго и отлично освѣдомленнаго военнаго,— заблужденіе, перешедшее даже въ нѣкоторые новѣйшіе историческіе труды.

Столь же ясно и неопровержимо Энгельсъ доказалъ, что и съ политической точки зрѣнія нѣмецкіе интересы требуютъ не сохраненія, а устраненія австрійскаго владычества въ Италіи. Это иноземное владычество онъ охарактеризовалъ, какъ „нѣчто неслыханное въ цивилизованныхъ странахъ"; пока оно длится, Италія всегда должна оставаться союзникомъ Франціи противъ Германіи. Если австрійскія наемныя перья писали, что Германія имѣетъ иное призваніе, нежели служить громоотводомъ для грозовыхъ тучъ, собравшихся надъ главой бонапартовской династіи, то итальянцы съ тѣмъ же правомъ могли бы сказать, что у

Италіи есть иное призваніе, нежели быть для нѣмцевъ буферомъ противъ ударовъ со стороны Франціи и въ благодарность за это получать угощеніе палками отъ австрійцевъ. Что касается пристрастной болтовни о политической неспособности итальянцевъ, то нѣмцамъ больше, чѣмъ кому-либо, слѣдовало бы быть осторожными на этотъ счетъ. „Вмѣсто того, чтобы искать свою силу въ обладаніи чужой землей и въ угнетеніи чужой національности, у которой только предразсудокъ можетъ отрицать будущность, мы сдѣлаемъ лучше, если позаботимся о томъ, чтобы быть едиными и сильными у себя дома". Объединенная Германія едва ли когда-нибудь станетъ ссориться съ объединенной Италіей, но зато она будетъ пользоваться сильнымъ вліяніемъ въ Италіи, такъ какъ итальянцы довольно часто будутъ нуждаться въ помощи нѣмцевъ противъ Франціи.

Этой уничтожающей критикой велико-германско-австрійскихъ лозунговъ Энгельсъ не сдѣлалъ, понятно, ни одной уступки бонапартизму. Онъ подчеркивалъ, что вопросъ объ обладаніи Ломбардіей есть вопросъ, касающійся Германіи и Италіи, а не Луи Наполеона и Австріи. „По отношенію къ третьему лицу, вмѣшивающемуся ради своихъ собственныхъ, вообще говоря антигерманскихъ интересовъ, дѣло идетъ о простомъ сохраненіи провинціи, которую уступаютъ лишь по принужденію, о военной позиціи, которую очищаютъ лишь тогда, когда ея нельзя больше удерживать. Политическій вопросъ тотчасъ отступаетъ въ этомъ случаѣ передъ военнымъ; если на насъ нападаютъ, мы защищаемся". Въ національномъ движеніи, охватившемъ нѣмецкія массы, Энгельсъ видѣлъ вѣрный инстинктъ, что если р. По составляетъ для Луи Наполеона предлогъ, то его конечной цѣлью непремѣнно долженъ быть Рейнъ. Онъ хотѣлъ дать этому движенію возможность идти въ предстоящій бой съ чистыми руками и закончилъ свое изслѣдованіе выводомъ, что нѣмцы заключили бы прекрасную сдѣлку, еслибы могли обмѣнять По, Минчіо, Эчъ и всю итальянскую ветошь на единство, которое оберегло бы ихъ отъ повторенія Варшавы и Бронцелля, которое одно только можетъ сдѣлать ихъ сильными и внутри и во-внѣ.

Энгельсъ опубликовалъ свою брошюру по соглашенію съ Марксомъ, который въ свою очередь освѣтилъ вопросъ объ итальянской войнѣ въ „*New York Tribune*". Подобно Энгельсу Марксъ опровергалъ утвержденіе, будто сохраніе австрійскаго владычества въ Италіи входитъ въ нѣмецкіе интересы, и въ то же время ука-

зывалъ дверь бонапартистскимъ интриганамъ, разъясняя, что бонапартистское освобожденіе Италіи есть лишь предлогъ, чтобы держать подъ ярмомъ Францію, подчинить Италію правительству государственнаго переворота, передвинуть „естественныя границы“ Франціи въ Германію, превратить Австрію въ орудіе русской политики и втянуть народы въ войну „законной“ контръ-революціи съ незаконнорожденной. Въ своихъ писаніяхъ объ европейскомъ кризисѣ 1859 г. Марксъ и Энгельсъ изслѣдовали общее положеніе вещей въ Европѣ во всѣхъ направленіяхъ; они использовали всѣ вспомогательныя средства науки, чтобы освѣтить самые скрытые уголки его. Лишь одного вопроса они себѣ не поставили,—вопроса о томъ, въ какое отношеніе къ своимъ ближайшимъ врагамъ, къ нѣмецкимъ государямъ, становится національное движеніе въ Германіи? Этотъ вопросъ былъ бы излишенъ лишь въ томъ случаѣ, если бы русско-французская коалиція угрожала нѣмецкой націи непосредственной опасностью, ибо народъ долженъ, конечно, существовать, прежде чѣмъ дѣлать выборъ между той или иной формой своего существованія. Но разъ такой опасности не было, то указанный выше вопросъ отодвигалъ всѣ другіе на задній планъ.

Отвѣтъ на него далъ Лассаль своей брошюрой „Объ итальянской войнѣ и задачѣ Пруссіи“, которая вышла у того же издателя, что и брошюра Энгельса, въ извѣстномъ смыслѣ дополняя ее. Энгельсъ говорилъ: „Если на насъ нападаютъ, то мы защищаемся“, Лассаль же прибавлялъ: „Хорошо, но посмотримъ сначала, въ какой мѣрѣ на насъ нападаютъ“. Во всѣхъ принципіальныхъ вопросахъ Лассаль былъ согласенъ съ Марксомъ и Энгельсомъ: онъ раздѣлялъ ихъ мнѣнія о необходимости нѣмецкаго и итальянскаго единства, о своекорыстной политикѣ Бонапарта, о предосудительности австрійскаго владычества въ Италіи, о внутренней пустотѣ бонапартистской и габсбургской пропаганды, наконецъ—о необходимости войны, *если* нѣмецкимъ интересамъ угрожаетъ опасность. Съ буржуазными мало- и велико-германцами Лассаль имѣлъ такъ же мало общаго, какъ Марксъ и Энгельсъ. Расходился онъ съ этими послѣдними только въ фактическомъ вопросѣ, *дѣйствительно ли* война въ Верхней Италіи подвергаетъ уже опасности нѣмецкіе интересы. Лассаль отнюдь не былъ настолько близорукъ, чтобы считать переходъ французской арміи черезъ нѣмецкую границу непремѣннымъ предварительнымъ условіемъ для наличности casus belli; онъ видѣлъ такое основаніе для войны уже

въ томъ случаѣ, если Бонапартъ желаетъ сдѣлать завоеванія въ Италіи для себя или своей родни. Тогда нѣмецкій народъ долженъ вести войну, войну противъ бонапартизма, въ союзѣ съ итальянскимъ народомъ и демократическими инстинктами французской націи. Лассаль былъ достаточно непатріотиченъ, чтобы придавать несравненно бóльшую цѣну этимъ союзникамъ, чѣмъ союзу съ нѣмецкими государями.

Если бы эти государи захотѣли на свой рискъ и страхъ объявить войну Франціи, пока ничто не угрожало серьезно нѣмецкимъ интересамъ, пока дѣло шло лишь о насильственномъ владычествѣ австрійцевъ въ Италіи, слѣдовательно объ ослабленіи Австріи, но не объ ослабленіи Германіи, то Лассаль ничего не имѣлъ противъ этой войны государей. Онъ скорѣе горячо привѣтствовалъ ее, но при одномъ условіи,—что національное движеніе выступитъ противъ этой династической, контръ-революціонной войны и используетъ ея неизбѣжныя превратности для своихъ революціонныхъ цѣлей. Лассаль надѣялся, что нѣмецкіе государи выйдутъ изъ такой войны основательно поколоченными, и видѣлъ въ этомъ чрезвычайно благопріятное обстоятельство для истинныхъ интересовъ нѣмецкаго народа. Но противъ чего Лассаль отчаянно боролся, это противъ нѣмецко-французской народной войны, въ которой оба великихъ культурныхъ народа континента терзали бы другъ друга во имя обманчивыхъ національныхъ призраковъ, тогда какъ фактически на той и другой сторонѣ дѣло шло бы только о династическихъ интересахъ. Народная война противъ Франціи, не имѣющая за собой никакого національнаго жизненнаго вопроса, почерпающая свою духовную пищу изъ болѣзненно приподнятаго національнаго чувства, изъ заносчиваго патріотизма и французоѣдства,—вотъ въ чемъ Лассаль видѣлъ страшнѣйшую опасность для европейской культуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ для всѣхъ національныхъ и для всѣхъ революціонныхъ интересовъ. И такъ какъ подобной войны можно было ожидать каждый день, такъ какъ наиболѣе лѣвые органы общественнаго мнѣнія, „*Національная Газета*“ и „*Народная Газета*“, толкали къ ней національное движеніе, то Лассаль счелъ своимъ долгомъ выступить противъ грозившей бѣды.

Въ своемъ памфлетѣ онъ подробно показываетъ, что въ дѣйствительности ничто вообще не угрожаетъ Германіи. Нѣмецкій народъ въ высшей степени заинтересованъ въ удачѣ итальянскаго объединительнаго движенія, и хорошее дѣло не становится

еще дурнымъ оттого, что за него берется дурной человѣкъ. „Если Луи Наполеонъ берется за великое и истинно народное дѣло именно для того, чтобы съ помощью отклика, какой оно находитъ въ сердцѣ народовъ, получить нѣсколько грошей популярности, то надо отказать ему въ этихъ грошахъ и, такимъ образомъ, сдѣлать предпріятіе, на которое онъ рѣшается изъ личныхъ цѣлей, безполезнымъ для этихъ личныхъ цѣлей. Но какъ можетъ у людей, обладающихъ обыкновеннѣйшимъ здравымъ смысломъ, явиться теперь желаніе самимъ поднять мечъ противъ этого дѣла? Какъ можно хотѣть теперь воевать противъ того, чего до сихъ поръ хотѣли, желали, добивались?" На одной сторонѣ дурной человѣкъ съ хорошимъ дѣломъ, а на другой—дурное дѣло и—„Ну, и человѣкъ? Какъ насчетъ этого человѣка? Мы хотѣли бы все-таки знать, въ какихъ поступкахъ можно упрекнуть Луи Наполеона, при перекличкѣ которыхъ Австрія не могла бы отвѣтить: здѣсь!... Если Луи Наполеонъ имѣетъ Кайенну, то развѣ Австрія не имѣетъ кровавой арадской ночи, развѣ она не имѣетъ висѣлицъ венгерскихъ генераловъ?... Что касается спеціально нѣмецкихъ и прусскихъ укоровъ, то вполнѣ ясно, чьи вѣсы должны склониться до земли. За Роберта Блюма, Ольмюцъ, Голштинію, Бронцелль—Луи Наполеону *не* приходится отвѣчать". Австрійскій деспотизмъ болѣе опасный врагъ демократическаго развитія, чѣмъ бонапартовскій: онъ представляетъ собою цѣльный реакціонный принципъ, тогда какъ Бонапартъ, будучи лично деспотомъ, своимъ постояннымъ заигрываніемъ съ демократическими принципами, поневолѣ дѣлаетъ себя смѣшнымъ, а позицію свою невозможной.

По мнѣнію Лассаля, противодѣйствіе ослабленію Австріи тѣмъ менѣе входитъ въ интересы нѣмецкаго народа, что полное раздробленіе Австріи является первымъ условіемъ нѣмецкаго единства. Стремленія нѣмцевъ къ единству до сихъ поръ разбивались о самостоятельную міровую позицію, которую Австрія занимаетъ, опираясь на свои внѣ-германскія владѣнія. Въ тотъ день, когда Италія и Венгрія станутъ самостоятельными, 12 милліоновъ австрійскихъ нѣмцевъ будутъ возвращены нѣмецкому народу, и лишь тогда они смогутъ чувствовать себя нѣмцами, лишь тогда возможна будетъ единая Германія. О понятіи австрійскаго государства Лассаль говоритъ, что оно должно быть разорвано, раздроблено въ куски, уничтожено и стерто въ порошокъ, что пепелъ его долженъ быть развѣянъ по всѣмъ краямъ свѣта.

Лассаль категорически протестуетъ противъ всякаго истолкованія этого положенія въ смыслѣ прусскаго шовинизма: онъ говоритъ о мірѣ не съ специфически-прусской точки зрѣнія, а съ самой что ни на есть нѣмецкой; то же самое онъ говорилъ бы, если бы былъ австрійцемъ.

Лассаль подробно объясняетъ затѣмъ, почему Луи Наполеонъ не можетъ думать о завоеваніяхъ въ Италіи и тѣмъ менѣе о войнѣ за Рейнъ. Какъ бы ограниченъ ни былъ этотъ человѣкъ, о которомъ Европа имѣетъ въ общемъ преувеличенно высокое мнѣніе, онъ все же никогда не будетъ задаваться столь безразсудными и невыполнимыми завоевательными планами, не соотвѣтствующими всему его положенію. Самое большое, къ чему онъ можетъ стремиться, это къ соединенію Савойи съ Франціей. И неизбѣжное рано или поздно соединеніе Савойи—французской по языку, положенію, образу мыслей и условіямъ сообщенія—съ Франціей не можетъ вызывать больше никакихъ возраженій съ того момента, какъ Германія получаетъ компенсацію, уравновѣшивающую это территоріальное увеличеніе Франціи.

Но допустимъ болѣе чѣмъ невѣроятный случай, что Бонапартъ носится съ фантастическими завоевательными планами,—какое основаніе имѣютъ нѣмцы такъ неприлично бояться, поднимать такой отчаянный вопль и напоминать о Іенѣ? Подобно Энгельсу Лассаль издѣвается надъ милыми патріотами, для которыхъ дни Іены являются нормальной мѣркой нѣмецкой національной силы. И вотъ изъ преувеличеннаго страха становятся безумно смѣлыми! Опасаясь по меньшей мѣрѣ чрезвычайно сомнительнаго и невѣроятнаго зла, французскаго нападенія на Германію, люди толкаютъ къ нападенію на Францію и, такимъ образомъ, хотятъ превратить сомнительное зло въ несомнѣнное, пугающую вѣроятность въ непосредственную дѣйствительность. Мало того, такимъ путемъ увеличиваютъ зло, вѣдь только еще считаемое возможнымъ, ибо ясно, какъ Божій день, что при отраженіи французскаго нападенія Германія можетъ развить и разовьетъ совершенно иныя силы, чѣмъ при наступательной войнѣ противъ Франціи,—войнѣ, которая бы только сплотила французскій народъ вокругъ Бонапарта и укрѣпила его тронъ.

Лассаль яркими красками рисуетъ послѣдствія *народной* войны между Франціей и Германіей. Онъ подчеркиваетъ, что не всякая война между обоими народами должна имѣть такія гибельныя послѣдствія, хотя война при всякихъ обстоятельствахъ явилась бы

печальнымъ событіемъ. Этихъ послѣдствій не имѣла бы война, которая съ обѣихъ сторонъ или даже только съ одной была бы настоящей войной кабинетовъ, слѣдовательно—война въ родѣ той, какая велась до Седана. Но ихъ имѣла бы война, если бы она велась не ради какого-либо національнаго интереса нѣмецкаго народа и если бы, несмотря на это, удалось привлечь на ея сторону въ Германіи общественное мнѣніе и національное чувство, слѣдовательно война въ родѣ той, какая велась послѣ Седана и какой демократическіе якобы вожди добивались въ 1859 г. „И какъ только можно не видѣть съ демократической точки зрѣнія, что эта война была бы самымъ враждебнымъ культурѣ событіемъ, какое только можно себѣ представить? Въ настоящій моментъ возрожденія французоѣдства болѣе чѣмъ когда-либо своевременно громкое напоминаніе со стороны каждаго, кто хоть сколько-нибудь въ состояніи обозрѣть историческій ходъ европейской культуры, что доброе согласіе между обоими великими культурными народами, нѣмцами и французами, есть пунктъ, отъ котораго безповоротно зависитъ всякая политическая свобода, всякій цивилизаторскій прогрессъ въ Европѣ, всякое увеличеніе и осуществленіе духовнаго идейнаго богатства, словомъ всякое демократическое развитіе и, слѣдовательно, культурное развитіе вообще! Отъ этого пункта зависитъ не только судьба опредѣленной націи, это—вопросъ жизни для всей европейской демократіи! Разбудите снова изъ его логовища укрощеннаго наконецъ кровожаднаго тигра національной ненависти между этими обоими народами,—и на три, быть можетъ, десятилѣтія остановится дальнѣйшее движеніе культуры, затормозится всякій историческій прогрессъ, станетъ возможной всякая смута въ умахъ, снова раскроются настежъ двери мрачной маккіавелистической политикѣ кабинетовъ, и на знамени народовъ будетъ начертана, вмѣсто внутренняго развитія, варварская манія взаимнаго завоеванія и истребленія. Это было бы самой ужасной и самой необозримой по своимъ послѣдствіямъ побѣдой реакціоннаго принципа, одержанной имъ съ 1848 года!“ О глубинѣ и вѣрности этого пророчества едва ли есть надобность распространяться теперь, больше чѣмъ поколѣніе спустя послѣ Седана.

Вотъ гдѣ лежитъ центръ тяжести лассалевской брошюры, а не въ ея послѣдней части, гдѣ его часто искали. Освѣтивъ тотъ роковой и ложный путь, на который хотѣло свернуть національное движеніе, Лассаль долженъ былъ, для законченности

своей аргументаціи, отвѣтить также на вопросъ, какой же путь должно избрать это движеніе, разъ оно уже существуетъ, чтó Лассаль признавалъ наравнѣ съ Марксомъ и Энгельсомъ. Этотъ правильный путь онъ охарактеризовалъ слѣдующими словами: „Единственнымъ достойнымъ и великимъ поведеніемъ, отвѣчающимъ одинаково интересамъ нѣмецкой націи и Пруссіи, было бы слѣдующее заявленіе Пруссіи: «Наполеонъ исправляетъ на югѣ европейскую карту согласно принципу національностей, хорошо, мы сдѣлаемъ то же на сѣверѣ. Наполеонъ освобождаетъ Италію, хорошо, въ такомъ случаѣ мы беремъ Шлезвигъ-Голштинію». И сдѣлавъ такое заявленіе, отправить наши войска противъ Даніи". Въ этой войнѣ демократія можетъ и будетъ сама нести знамя Пруссіи. Если же прусское правительство будетъ медлить и ничего не будетъ дѣлать, то его поведеніе еще разъ докажетъ, что монархія въ Германіи неспособна больше на національный подвигъ. Если, наконецъ, прусское правительство, несмотря на отсутствіе опасности для какихъ-либо національныхъ интересовъ, втянетъ Германію въ войну, натравливающую одинъ народъ на другой, то она будетъ имѣть демократію противъ себя.

Благодаря двумъ столь же широко распространеннымъ, сколько неосновательнымъ заблужденіямъ, брошюра Лассаля получила ложное освѣщеніе. Когда послѣ сраженія при Кениггрецѣ одинъ націоналъ-либеральный государственный мужъ сталъ искать средствъ для утѣшенія своей неспокойной совѣсти, онъ натолкнулся на эту брошюру и тотчасъ же протрубилъ на весь міръ, что нѣмецкая политика Бисмарка имѣетъ въ лицѣ національнаго революціонера Лассаля несомнѣнно достовѣрнаго свидѣтеля въ свою пользу. Изъ этого шахматнаго хода, внушеннаго партійной политикой, постепенно выросла легенда, что при составленіи своей брошюры Лассаль имѣлъ цѣлью подготовить путь для прусской сепаратной политики, которую велъ потомъ Бисмаркъ. Достаточно, однако, нѣсколькихъ словъ, чтобы разсѣять эти измышленія.

Когда въ 1863 г. смерть датскаго короля снова подняла шлезвигъ-голштинскій вопросъ, началось опять національное движеніе, которое отличалось отъ предшествовавшаго ему движенія 1859 г. тѣмъ, что имѣло совершенно ясную цѣль: отторженіе эльбскихъ герцогствъ отъ Даніи, другими словами — уничтоженіе лондонскаго протокола отъ 8 мая 1852 г., гдѣ великія державы самовластно и насильственно измѣнили шлезвигъ-голштинскій порядокъ престолонаслѣдія въ интересахъ датскаго королев-

скаго дома. Совмѣстными усиліями мало- и велико-германскихъ политическихъ дѣятелей, которые при этомъ случаѣ показали себя, наконецъ, противоположными полюсами одной и той же буржуазной ограниченности, удалось навязать народному движенію противъ датскаго чужеземнаго владычества положительную программу сомнительнаго достоинства: именно—признаніе августенбургскаго наслѣднаго принца герцогомъ Шлезвигъ-Голштиніи, слѣдовательно—признаніе такого княжескаго права, легитимность котораго не могла считаться незапятнанной съ тѣхъ поръ, какъ оно было продано за изрядную сумму отцомъ наслѣднаго принца. Но не это смущало Бисмарка, а если и смущало, то лишь постольку, поскольку онъ надѣялся обойти августенбуржца въ интересахъ прусской короны. Онъ набросился съ яростнымъ ожесточеніемъ именно на то, что составляло истинную сущность народнаго движенія, на требованіе разорвать лондонскій протоколъ. Бисмаркъ началъ свою національную политику съ того, что объявилъ документомъ, имѣющимъ законную силу, это торжественное засвидѣтельствовані нѣмецкаго позора.

Опираясь въ своей шлезвигъ-голштинской политикѣ на тотъ фактъ, что Данія не выполнила обязанностей, возложенныхъ на нее лондонскимъ протоколомъ, Бисмаркъ тѣмъ самымъ призналъ его законную силу. Онъ не хотѣлъ задѣть ни одной державы, онъ хотѣлъ съ помощью дипломатическихъ фокусовъ проскользнуть между всѣми, чтобы стянуть Шлезвигъ-Голштинію для прусской короны. Австрійскую ревность онъ успокоилъ, домогаясь союза Австріи и предоставляя Гофбургу участіе въ игрѣ для надлежащаго контроля надъ національнымъ движеніемъ. Онъ смягчилъ русскую ревность, предложивъ царскому деспотизму свои услуги палача въ польскомъ возстаніи. Французскую ревность онъ усыпилъ, раззадоривая „медлительными переговорами“ бонапартовскій аппетитъ къ нѣмецкимъ пограничнымъ полосамъ. Оставался лишь одинъ болѣе или менѣе серьезный противникъ—Англія, но можно было заранѣе поручиться, что одна она не вступится съ оружіемъ въ рукахъ за Данію. И тѣмъ не менѣе—послушайся датскій кабинетъ совѣта англійской дипломатіи, выскажи онъ готовность отказаться отъ присоединенія Шлезвига къ датской монархіи, въ чемъ выразилось главное нарушеніе лондонскаго протокола,—и геніальная политика Бисмарка привела бы къ тому блестящему результату, что эльбскія герцогства попали бы навсегда въ руки Даніи. Вѣрнѣйшій поклонникъ его среди прусскихъ историковъ укоризненно за-

мѣчаетъ, что со стороны Бисмарка было очень рискованно ставить всю свою шлезвигъ-голштинскую политику на одну карту ослѣпленія Даніи. Правда, Бисмаркъ хвасталъ впослѣдствіи, что изъ всѣхъ своихъ дипломатическихъ кампаній онъ особенно гордится этой, но въ самомъ разгарѣ ея въ заявленіяхъ его слышались иныя нотки. Черезъ день послѣ того, какъ датское упрямство дало ему возможность отказаться отъ лондонскаго протокола, онъ писалъ одному другу: „Чѣмъ больше я занимаюсь политикой, тѣмъ меньше становится моя вѣра въ человѣческіе разсчеты... Затѣмъ, чувство благодарности Богу за помощь, которую онъ оказывалъ до сихъ поръ, выростаетъ у меня въ вѣру, что Господь умѣетъ даже наши ошибки обращать намъ на благо, въ этомъ я убѣждаюсь ежедневно, почерпая отсюда урокъ спасительнаго смиренія". Лицемѣрно-благочестивые обороты рѣчи вообще не были слабостью Бисмарка; если же онъ на этотъ разъ тревожитъ Господа, то это былъ лишь вздохъ глубокаго облегченія.

Здѣсь не мѣсто изслѣдовать, долженъ ли былъ Бисмаркъ въ своемъ особомъ положеніи вести именно эту политику, или онъ могъ также вести другую. Одно ясно во всякомъ случаѣ: что его политика въ 1863 г. отличалась отъ политики Лассаля въ 1859 г. настолько, насколько реакціонная война правительства отличается отъ войны народной. Въ противоположность Бисмарку Лассаль желалъ именно того, чтобы Пруссія съ революціонной рѣшимостью разорвала Лондонскій протоколъ и бросила клочки его въ лицо европейскимъ великимъ державамъ: она должна была доказать своими поступками, что Германія способна, наконецъ, сама позаботиться о своихъ дѣлахъ. Какое близкое также сходство въ томъ, что Бисмаркъ покупалъ благоволеніе царскаго деспотизма добровольной полицейской службой на границѣ Польши, тогда какъ Лассаль хотѣлъ „изгнать этотъ злой духъ", содѣйствуя возмущенію въ Польшѣ! Словомъ, Лассаль требовалъ такой же революціонной народной войны за Шлезвигъ-Голштинію, какой 11 лѣтъ назадъ требовала „*Новая Рейнская Газета*". Поэтому несправдливо упрекать его, что онъ изъ демагогическихъ соображеній рекомендовалъ войну, которой совершенно не желалъ, будучи увѣренъ, что этой войны все равно не станутъ вести. Лассаль очень желалъ этой войны, онъ необычайно сильно желалъ ея, желалъ ея по тѣмъ же основаніямъ, которыя дѣлали ее невозможной для прусской короны, основаніямъ хорошо извѣстнымъ

Лассалю и которыхъ онъ совершенно не скрывалъ. Ибо эта корона не могла вести никакой войны, къ жертвамъ которой принадлежала бы она сама; она не была способна ни къ какому „національному подвигу“, ибо каждый „національный подвигъ“ долженъ былъ начаться съ привлеченія ея самой къ отвѣту.

Если Лассаль рекомендовалъ, такимъ образомъ, не ту нѣмецкую политику, которую велъ впослѣдствіи Бисмаркъ, а ея прямую противоположность, то указанная рекомендація отнюдь не была все таки его главной задачей. Лассаль желалъ предохранить національное движеніе отъ колоссальной ошибки и противопоставилъ ложной цѣли, которую оно преслѣдовало, правильную цѣль, не скрывая, однако, что практически эта цѣль при данныхъ условіяхъ также недостижима. Онъ говорилъ волнующимся массамъ: если вы хотите вести національную политику, то сдѣлайте государей орудіемъ своихъ національныхъ интересовъ; если же они не даютъ себя использовать въ этомъ направленіи, то остерегайтесь тѣмъ больше, чтобы они не сдѣлали васъ орудіемъ своихъ династическихъ интересовъ.

Лассаль столь же мало дѣлалъ уступки точкѣ зрѣнія мало-германцевъ, сколько точкѣ зрѣнія велико-германцевъ; онъ не дѣлалъ ихъ даже своимъ требованіемъ раздробленія Австріи, что̀ по недоразумѣнію приписывалось его „мало-германству“, подобно тому какъ Энгельса ругали „мало-германцемъ“ за то, что онъ не въ состояніи былъ приходить въ энтузіазмъ отъ австрійскаго насильническаго режима въ Италіи. Европейская необходимость существованія Австріи была какъ разъ той догмой, изъ которой выросли и мало-германскія и велико-германскія превратныя идеи. Всѣ мало-германцы, отъ Гагерна до Трейчке, оплакивали раздробленіе Австріи, какъ „страшное несчастіе“; именно потому, что безъ этого раздробленія нельзя было получить цѣльную Германію, они хотѣли удовольствоваться ощипанной Германіей. Въ этомъ смыслѣ Лассаль сказалъ разъ впослѣдствіи, что все мало-германское есть сплошная трусость, страхъ передъ серьезнымъ, передъ войной, революціей, республикой, и порядочная доля національнаго предательства; что онъ никогда въ своей жизни не написалъ ни одного слова въ интересахъ мало-германской партіи. Когда Марксъ, и въ сходныхъ съ нимъ выраженіяхъ Энгельсъ, говорилъ, что единственнымъ обстоятельствомъ, оправдывающимъ съ середины 18-го вѣка существованіе Австріи въ видѣ государства, является ея безпомощное, не-

послѣдовательное, трусливое, но все же упорное сопротивленіе успѣхамъ Россіи въ восточной Европѣ, то совершенно таково же было мнѣніе Лассаля. Но это единственное основаніе для ея существованія совершенно отпадало, разъ самостоятельная Германія, самостоятельная Польша, самостоятельная Венгрія могли бы противопоставить захватамъ царскаго деспотизма еще болѣе упорное и тѣмъ болѣе послѣдовательное и смѣлое сопротивленіе, чѣмъ австрійское принудительное государство.

Тактика Лассаля была во всѣхъ отношеніяхъ честна, ясна, революціонна, и она была также правильна. Историческій ходъ вещей извѣстенъ. Прусскій принцъ, получившій за нѣсколько мѣсяцевъ до того регенство, колебался и медлилъ; овладѣть національнымъ движеніемъ по образцу савойской династіи—это совершенно выходило за предѣлы его реакціоннаго кругозора, а для завоевательной политики на счетъ Австріи у него былъ, правда, аппетитъ, но не было пока храбрости. Не зная, на какой ему сѣсть изъ стульевъ, предложенныхъ Франціей и Австріей, онъ сѣлъ, наконецъ, съ большой энергіей между обоими. Онъ мобилизовалъ прусскую армію, что́ было на-половину угрозой по адресу Франціи, и выставилъ притязаніе на независимое верховное командованіе германской союзной арміей, что́ было наполовину угрозой противъ Австріи. Въ результатѣ французское и австрійское правительства съ одинаковымъ шумомъ заявили: первое—что Пруссія не даетъ ему осуществить свою освободительную миссію, второе — что Прусссія мѣшаетъ ему „защищать священнѣйшія блага". Они поспѣшили заключить между собою миръ при Виллафранкѣ, и прусская политика снова стала общимъ посмѣшищемъ во всѣхъ градахъ и весяхъ Европы.

Дѣло имѣло, однако, не только смѣшную, но и серьезную сторону. Австрійское правительство оффиціозно заявило, что отказъ Пруссіи вести войну въ качествѣ вассала Австріи сдѣлалъ заключеніе мира, хотя бы цѣною отказа отъ Ломбардіи, повелительной необходимостью: невѣрная Ломбардія имѣетъ безконечно меньшую цѣнность, чѣмъ сохраненіе австрійской гегемоніи надъ Германіей, т.-е. дальнѣйшее существованіе германской раздробленности. Этимъ было доказано, что нѣмецкая народная война противъ Франціи подъ австрійской эгидой бросила бы національные интересы нѣмецкаго народа изъ огня въ полымя, все равно, кто побѣдилъ бы, бонапартовскій или габсбургскій деспотизмъ. Затѣмъ, честный Бонапартъ объяснилъ своему раболѣпному се-

нату, что при продолженіи войны ему пришлось бы пойти на такой рискъ, который оправдывается только необходимостью защищать независимость своей собственной страны,—другими словами, продолженіе войны далеко превосходило силы бонапартизма. Слова Бонапарта доказывали, что рейнскій виноградъ висѣлъ слишкомъ высоко для этой лисицы. Наконецъ, русскій царь послалъ послѣ прусской мобилизаціи генералъ-адъютанта во французкую главную квартиру, чтобы настоять на заключеніи мира. Этимъ было доказано, что Россія въ такой же мѣрѣ, какъ Франція, не подготовлена къ міровой войнѣ, безъ которой нельзя было получить ни Рейна, ни Константинополя, что Германіи вообще ничто серьезно не угрожало. Совершенно такъ, какъ Лассаль предсказывалъ въ своей брошюрѣ: факты не преминули доказать его правоту.

Въ слѣдующемъ году Марксъ, Энгельсъ и Лассаль еще разъ вернулись въ отдѣльныхъ работахъ къ европейскому кризису 1859 г. Въ брошюрѣ о политическомъ завѣщаніи Фихте Лассаль доказывалъ, что національное единство Германіи, въ противоположность подчиненію ея Австріи или Пруссіи, возможно лишь въ видѣ единой и нераздѣльной республики. Чего нація можетъ ждать отъ своихъ государей, это онъ указалъ очень вѣжливо, но и очень ясно, сказавъ, что прямо-таки глупо требовать идеализма такого рѣшенія (т.-е. пожертвованія династическими интересами ради національнаго единства) отъ людей, духовная личность которыхъ, какъ и всѣхъ другихъ людей, является продуктомъ опредѣленныхъ факторовъ воспитанія, традиціи, природныхъ наклонностей и исторіи, и которые столь же мало способны на упомянутый подвигъ, сколько былъ бы способенъ каждый изъ насъ, если бы его образованіе и воспитаніе было опредѣлено тѣми же факторами.

Затѣмъ къ исторіи 1859 г. вернулся Марксъ въ своемъ памфлетѣ противъ Карла Фохта. Бывшій имперскій регентъ, а нынѣ наемный писака Бонапарта, выступилъ противъ Маркса съ самыми низкими клеветами, которыя были жадно подхвачены „*Національной Газетой*“ и распространились дальше. Попытки Маркса опровергнуть передъ прусскимъ судомъ взведенныя на него обвиненія разбились о знаменитое безпристрастіе „судей въ Берлинѣ“. Подъ самыми ничтожными предлогами они отказали изгнанному революціонеру въ его правѣ. Тогда Марксъ самъ взялъ себѣ это право, учинивъ жестокій судъ надъ своими клеветниками въ энергич-

номъ памфлетѣ подъ заглавіемъ „Карлъ Фохтъ“, который былъ привѣтствованъ Лассалемъ какъ „мастерская вещь“. Марксъ не касается здѣсь непосредственно того вопроса, о которомъ онъ спорилъ съ Лассалемъ въ предшествующемъ году; почему онъ этого не дѣлаетъ, онъ объясняетъ въ предисловіи слѣдующимъ образомъ: „Во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній замѣчу лишь одно: лица, которыя уже до 1848 г. были согласны между собой въ томъ, что независимость Польши, Венгріи и Италіи слѣдуетъ отстаивать не только какъ право этихъ странъ, но и какъ интересъ Германіи и Европы, эти лица выступили съ прямо противоположными взглядами насчетъ тактики, которой Германія должна держаться по отношенію къ Луи Бонапарту въ виду итальянской войны 1859 г. Эта противоположность взглядовъ имѣла своимъ источникомъ противоположную оцѣнку фактическихъ предпосылокъ, рѣшеніе которыхъ принадлежитъ будущему. Что касается меня, то я въ настоящей брошюрѣ имѣю дѣло лишь со взглядами Фохта и его клики. Даже тотъ взглядъ, который онъ якобы защищалъ, по его собственнымъ словамъ и въ воображеніи легковѣрной толпы, лежитъ фактически внѣ предѣловъ моей критики. Я разбираю лишь взгляды, которые онъ дѣйствительно защищалъ“. Но раскрывая бонапартистское происхожденіе агитаціи Фохта, Марксъ вынужденъ анализировать исторію предыдущаго года и приходитъ въ этомъ понынѣ еще крайне поучительномъ изслѣдованіи къ выводамъ, которые въ сущности дѣлаютъ большія уступки тактикѣ Лассаля. Марксъ почти съ большей еще убѣдительностью, чѣмъ Лассаль, доказываетъ, что Бонапартъ могъ вести только локализированную войну.

Приблизительно то же мы находимъ въ памфлетѣ Энгельса о Савойѣ, Ниццѣ и Рейнѣ. Такъ, Энгельсъ показываетъ, что Луи Наполеонъ былъ лишь орудіемъ въ рукахъ царизма, настаивавшаго на заключеніи мира при Виллафранкѣ потому, что самъ онъ не въ состояніи былъ вести внѣшнюю войну вслѣдствіе ряда причинъ: истощенія страны, отъ котораго она не успѣла еще оправиться, броженія въ русской Польшѣ и сопротивленія дворянства уничтоженію крѣпостного права. Чѣмъ вѣрнѣе все это было, тѣмъ яснѣе становилось, что опасность, угрожавшая Германіи отъ бонапартистско-царской коалиціи въ 1859 г., была не такъ ужъ страшна. По существу своему памфлетъ Энгельса былъ снова очень важной спеціальной работой о силѣ той военной позиціи, которую бонапартизмъ создалъ себѣ присоединеніемъ Савойи и Ниццы;

этого важнаго вопроса Лассаль въ своей брошюрѣ почти не коснулся.

Вообще при ретроспективномъ взглядѣ на весь споръ приходишь къ выводу, что Марксъ и Энгельсъ понимали европейскую политику глубже и шире Лассаля. Но въ томъ пунктѣ, въ которомъ онъ расходился съ ихъ воззрѣнiемъ, Лассаль видѣлъ положенiе вещей яснѣе и отчетливѣе ихъ, и именно этотъ пунктъ былъ рѣшающимъ для Германiи.

Глава IX.

Прусскій конституціонный конфликтъ.

---

1. „Новая эра“ и министерство Бисмарка.

Событія 1859 года оказали сильное вліяніе на дѣла въ Германіи и особенно въ Пруссіи. Они разрушили идиллическія надежды, которыми было привѣтствовано регентство Прусскаго принца.

Въ настоящее время трудно себѣ представить ликованіе, съ которымъ буржуазный классъ привѣтствовалъ этого 60-лѣтняго старика, считавшагося до 1848 г. самымъ упорнымъ защитникомъ абсолютизма и вполнѣ оправдавшаго это мнѣніе во время революціи. Его самого нельзя даже упрекнуть въ томъ, чтобы онъ лицемѣрно проявлялъ либеральныя убѣжденія, которыхъ у него не было. Въ программѣ, съ которой онъ выступилъ, взявъ на себя регентство, онъ прямо заявилъ, что о разрывѣ съ прошлымъ ни теперь, ни въ будущемъ не можетъ быть рѣчи: лишь тамъ, гдѣ обнаруживается произволъ или что-нибудь идущее въ разрѣзъ съ потребностями времени, тамъ будутъ заботливой рукой предприняты улучшенія. Но либеральное министерство не приступило даже къ этимъ заплатамъ. Все осталось по старому, совсѣмъ такъ, какъ при Мантейфелѣ; единственная разница заключалась въ томъ, что новые совѣтники короны были лично неподкупны и воздерживались отъ чрезмѣрно злобныхъ прижимокъ по отношенію къ вѣрноподданнымъ. Съ политической честностью ихъ личная честность не имѣла ничего общаго. Когда молодой писатель Вильгельмъ Эйхгофъ нѣсколько приподнялъ въ смѣлыхъ брошюрахъ завѣсу, которая прикрывала безконечную гнилость полицейскаго государства, и когда даже въ берлинской судебной палатѣ нашелся прокуроръ, осмѣлившійся—безразлично изъ какихъ мотивовъ—

обвинить спасителя государства Штибера въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ по службѣ, то Штибера, оправданнаго послушными судьями, только удалили со сцены, надѣливъ его на дорогу порядочнымъ кушемъ, но зато прокуроръ, возбудившій противъ него дѣло, принужденъ былъ оставить службу, а Эйхгофъ былъ тѣми же послушными судьями приговоренъ къ продолжительному тюремному заключенію за „оскорбленія“, которыя онъ нанесъ хрупкой чести Штибера. Въ изгнаніи онъ искупалъ свою вѣру въ прусскую справедливость при либеральномъ правительствѣ.

У строптиваго юнкерства, окопавшагося въ палатѣ господъ, либеральные министры такъ же не посмѣли волоса тронуть, какъ у бюрократіи; лишь двумъ или тремъ реакціоннымъ чиновникамъ, которые слишкомъ досадили самому принцу Прусскому, пришлось выйти въ отставку. При новыхъ выборахъ въ ландтагъ, происходившихъ въ самомъ началѣ регентства, ландраты вели себя хуже, чѣмъ когда-либо; если при министерствѣ Мантейфеля они съ неподражаемой виртуозностью примѣняли систему министерскихъ кандидатуръ, то теперь они боролись именно съ этой системой, какъ съ возмутительнымъ ограниченіемъ конституціонной свободы выборовъ, а министерство дѣлало видъ, что оно въ своей конституціонной невинности не понимаетъ этой злой насмѣшки.

Тѣмъ болѣе возмущался либерализмъ всѣхъ оттѣнковъ такимъ отсутствіемъ вѣрноподданническаго образа мыслей, и онъ имѣлъ на это полное право. Ибо самъ онъ показывалъ своими дѣйствіями, что этотъ Божій даръ отпущенъ ему въ избыткѣ. Онъ восторженно превозносилъ на всѣ лады „новую эру“, хотя—или именно потому, что зналъ, по насмѣшливому замѣчанію Валесроде, что Пруссіей предполагалось править нѣсколько конституціонно не въ интересахъ конституціи, а въ интересахъ принца-регента, что разные Ауэрсвальды, Патовы, Шверины были призваны въ министры не изъ-за ихъ либерализма, а изъ-за безобидности ихъ либерализма, что ихъ режимъ былъ въ лучшемъ случаѣ только поправкой къ режиму Мантейфеля. Лица, высказавшіяся въ 1848 г. за отказъ отъ уплаты налоговъ, тотчасъ прекратили свою политическую обструкцію и—за немногими исключеніями—такъ далеко зашли въ своемъ патріотическомъ самопожертвованіи, что заключили въ свое сердце, какъ драгоцѣннѣйшее сокровище конституціонализма, ту самую трехклассную систему выборовъ, изъ-за которой они въ теченіе 9-ти лѣтъ сидѣли надувшись по своимъ угламъ.

Рѣшивъ принять участіе въ выборахъ, они себя самихъ объявили неизбираемыми. Вальдекъ, Родбертусъ, Шульце-Деличъ отклонили кандидатуры, для того чтобы депутаты съ ихъ прошлымъ не создали никакихъ затрудненій либеральнымъ министрамъ въ отношеніи къ реакціонной партi эти бравые люди поступали такъ, словно они въ 1848 г. дѣйствительно были политическими поджигателями и цареубійцами, какими рисовалъ ихъ со злой ироніей Мантейфель. Даже Іоганнъ Якоби отклонилъ кандидатуру, хвалилъ истинно мужественное конституціонное поведеніе регента и выразилъ свое „глубокое убѣжденіе", что во всей демократической партіи нѣтъ ни одного человѣка, которому даже во снѣ пришло бы въ голову пожелать и, тѣмъ менѣе, активно добиваться для Пруссіи иной формы правленія, чѣмъ монархической. Хотя Якоби—въ этомъ отношеніи бѣлый воронъ—продолжалъ твердо стоять за „равномѣрное избирательное право", тѣмъ не менѣе онъ протестовалъ противъ мнѣнія, будто онъ имѣлъ при этомъ въ виду какую-нибудь „частичную уплату долга", какое-нибудь „требованіе, подлежащее немедленному исполненію", какую-нибудь „неприличную настойчивость", какой-нибудь „твердый срокъ или непремѣнное условіе". Въ такомъ же духѣ „*Народная Газета*", самый радикальный въ то время органъ, заявляла, что кардинальный вопросъ демократіи, всеобщее и равное избирательное право, отсроченъ на много лѣтъ. Среди этого безпримѣрнаго опьяненія „довѣріемъ" сохранили ясность ума лишь очень немногіе буржуазные демократы въ родѣ Валесроде и Циглера.

При такихъ условіяхъ выборы, несмотря на всю агитацію ландратовъ, дали благопріятный для министерства результатъ. Изъ 352 депутатовъ оно имѣло 263 сторонниковъ, большинство которыхъ сплотилось подъ главенствомъ вестфальскаго барона фонъ Финке, занимавшагося уже въ Соединенномъ ландтагѣ словеснымъ жонглерствомъ по поводу такъ наз. „почвы права". Для либерализма былъ, такимъ образомъ, расчищенъ путь, но, раньше чѣмъ онъ могъ вступить на него, началась война 1859 г., отнявшая у принца-регента единственный ореолъ, дававшій хотя нѣкоторое видимое основаніе его либеральной славѣ. Хуже, чѣмъ онъ осрамилъ прусскую политику во время французско-австрійской войны, не могъ бы осрамить ея даже его романтическій братъ.

Всеобщее похмѣлье, которымъ закончилось національное движеніе, проявилось во всеобщей грызнѣ; сѣверо-германцы и южно-

германцы, католики и протестанты, демократы и конституціоналисты ссорились другъ съ другомъ. Но такъ какъ ни одинъ изъ ссорившихся не хотѣлъ наложить руку на корень зла, на династическое многовластіе въ Германіи, то весь этотъ бѣсовскій шабашъ далъ въ конечномъ результатѣ лишь одинъ призракъ или вѣрнѣе призракъ призрака: блаженной памяти имперскую конституцію 1849 года.

Вокругъ этой конституціи сплотился „Національный союзъ", возникшій осенью 1859 года и опиравшійся главнымъ образомъ на буржуазію среднихъ и мелкихъ государствъ. Президентомъ его былъ ганноверскій либералъ фонъ Беннигсенъ. Программа Союза, очищенная отъ всѣхъ многословныхъ украшеній, требовала единства Германіи въ духѣ буржуазіи. Національному союзу хотѣлось, въ частности, слить готцевъ и сторонниковъ отказа отъ уплаты налоговъ, конституціоналистовъ и демократовъ, въ высшемъ единствѣ матеріальныхъ интересовъ буржуазіи. Требуя отъ нихъ, чтобы они пожертвовали всякими идеологіями, Союзъ точно такъ же не церемонился съ идеологіей имперской конституціи. Главное дѣло было: сильная центральная власть и, вмѣсто союзнаго сейма, германскій парламентъ, а для достиженія этихъ цѣлей—иниціатива Пруссіи. Такъ какъ моментъ для объявленія „главенства Пруссіи" условіемъ спасенія Германіи былъ крайне неблагопріятенъ, то были сдѣланы еще нѣкоторыя оговорки въ томъ смыслѣ, что прусское правительство должно раньше выказать себя достойнымъ отводимой ему почетной роли. Но такіе опытные дипломаты, какъ господинъ фонъ Беннигсенъ, возбуждали надежду, что они будутъ сговорчивы, если Пруссія создастъ въ германскомъ хаосѣ столько порядка, сколько требуется классовымъ интересамъ буржуазіи. Національный союзъ былъ такой же язвой въ политической области, какой въ экономической области былъ конгрессъ экономистовъ.

Въ Пруссіи надвинулись между тѣмъ болѣе насущныя заботы. Послѣ того какъ первая сессія новаго ландтага прошла въ 1859 г. безрезультатно подъ давленіемъ европейскаго кризиса, либеральное министерство выступило въ 1860 г., во второй сессіи, съ первой своей крупной мѣрой, съ требованіемъ обширной военной реформы, которая должна была обременить бюджетъ ежегоднымъ добавочнымъ расходомъ приблизительно въ 10 милліоновъ талеровъ. Вокругъ нея группировалось нѣсколько скромныхъ реформъ: законопроекты о гражданскомъ бракѣ, о новой организаціи уѣздовъ, о законодательномъ распредѣленіи избира-

тельныхъ округовъ; важнѣйшій изъ этихъ проектовъ касался уничтоженія феодальныхъ изъятій отъ поземельнаго налога, которое должно было дать бо̀льшую часть средствъ для покрытія расходовъ по реорганизаціи арміи.

Необходимость военной реформы, въ которой, какъ это было всѣмъ извѣстно, былъ лично заинтересованъ принцъ-регентъ, мотивировалась опытомъ мобилизаціи 1859 года, и въ этой мѣрѣ она дѣйствительно была обоснована. Тяжелый ущербъ, понесенный арміей при стѣсненномъ финансовомъ положеніи до-мартовскаго абсолютизма, обнаружился уже послѣ мобилизаціи 1850 г. и былъ въ значительной степени устраненъ при Мантейфелѣ. Послѣдняя мобилизація показала, однако, что прежняя, чисто оборонительная организація ландвера отжила свой вѣкъ и не годится больше для борьбы съ современными арміями. По этому пункту не было серьезныхъ разногласій. Противъ предложеннаго способа реорганизаціи нельзя было также многаго возразить съ военно-технической точки зрѣнія, равно какъ съ той буржуазно-либеральной точки зрѣнія, которая видѣла въ прусской арміи мечъ, призванный сковать нѣмецкое единство. Правительственный проектъ почти обращалъ въ дѣйствительность всеобщую воинскую повинность, единственный демократическій институтъ, существовавшій въ Пруссіи, правда — только на бумагѣ. Требованіе правительства объ увеличеніи набора съ прежнихъ 40.000 до 63.000 чел. въ годъ почти соотвѣтствовало увеличенію населенія съ 1815 до 1860 года; такъ какъ богатство Пруссіи за указанный періодъ возросло еще сильнѣе, чѣмъ ея населеніе, и такъ какъ другія великія державы Европы за это же время усилили свои арміи въ гораздо большей еще степени, то предложенное увеличеніе не было чрезмѣрнымъ. Не подлежало также сомнѣнію, что боевая готовность арміи значительно повысится, если срокъ службы въ линейныхъ войскахъ будетъ увеличенъ съ 5 до 7 лѣтъ (3 года въ строю и 4 года въ запасѣ), а продолжительность пребыванія въ ландверѣ будетъ, наоборотъ, соотвѣтственно сокращена. Лишь противъ трехлѣтней службы въ строю, продолжавшей быть обязательной по закону, хотя фактически съ 30-хъ годовъ существовала двухлѣтняя служба, можно было возразить, что ея требуютъ не изъ военно-техническихъ, а изъ реакціонно-политическихъ соображеній.

Въ этихъ предѣлахъ военная реформа отвѣчала желаніямъ либеральной буржуазіи, которая должна была, наконецъ, понять, что

желаемаго ею единства нельзя получить безъ сильнаго прусскаго войска. Но кто могъ ей поручиться за то, что оружіе, которое ей предстояло отточить, будетъ употребляться также для ея цѣлей? Конечно, не принцъ-регентъ. Если онъ уже во время кризиса 1859 г. велъ себя нерѣшительно, то теперь онъ выдвинулъ самый заскорузлый принципъ легитимизма противъ итальянскаго объединительнаго движенія, которое, въ полномъ согласіи съ предсказаніемъ Лассаля, освободилось отъ бонапартистской опеки и съ помощью геройской революціонной силы Гарибальди разбило въ дребезги прогнившій неаполитанскій тронъ. А какой порукой являлось либеральное министерство, которое каждый день могло быть свергнуто рукой, вознесшей его, объ этомъ и говорить не приходилось.

У всѣхъ еще живо было въ памяти, какъ торжественныя обѣщанія романтическаго короля привести войско къ присягѣ на вѣрность конституціи нашли себѣ осуществленіе въ параграфѣ конституціи, запрещавшемъ присягу войска конституціи. „Законъ позоренъ! Полное, лишь замаскированное уничтоженіе ландвера, какъ послѣдняго демократическаго остатка эпохи 1810 года, созданіе громаднаго орудія власти для абсолютизма и юнкерства,— такова въ двухъ словахъ цѣль его",—писалъ тогда Лассаль Марксу; и это впечатлѣніе, раздѣлявшееся всѣми, не было ошибочнымъ. Крики о „военной негодности ландвера" раздавались не въ первый разъ, какъ введеніе къ новымъ реакціоннымъ мѣрамъ: въ 1819 г. они сопровождали паденіе либеральнаго военнаго министра фонъ Пойена, какъ теперь—паденіе либеральнаго военнаго министра фонъ Бонина, вмѣсто котораго въ либеральный кабинетъ проникъ клиномъ генералъ фонъ Роонъ, реакціонеръ до мозга костей. Принцъ-регентъ меньше всѣхъ могъ забыть, что поведеніе ландвера въ революціонные годы уменьшило цѣнность войска для цѣлей государственнаго переворота и что въ будущемъ оно можетъ еще больше уменьшить ее. Предпринимая „самое близкое ему дѣло", онъ всего меньше заботился о буржуазныхъ цѣляхъ; движущимъ мотивомъ его было, наряду съ личной любовью къ солдатчинѣ, стремленіе усилить свою позицію внутри и внѣ Пруссіи. Ежегодно выбрасывать на это 10 милліоновъ талеровъ либеральная буржуазія не чувствовала никакой охоты, не говоря уже о сотнѣ другихъ соображеній, которыя должны были до глубины души возмущать ее противъ такихъ „непроизводительныхъ" расходовъ.

Она находилась, такимъ образомъ, въ затруднительномъ положеніи, но отнюдь не въ тупикѣ, изъ котораго не было бы выхода. Принцъ-регентъ не могъ думать о томъ, чтобы безъ согласія ландтага провести мѣру, такъ глубоко захватывающую интересы массъ; онъ тѣмъ болѣе зависѣлъ отъ доброй воли палаты депутатовъ, что палата господъ сильно противилась, если не самой военной реформѣ, обѣщавшей юнкерству новыя вліятельныя мѣста, то ея финансовой основѣ, регулированію поземельнаго налога. Она отвергла этотъ проектъ огуломъ такъ же, какъ и другія мелкія реформы, предложенныя министерствомъ. Большинство палаты депутатовъ могло дать принцу-регенту согласіе на реорганизацію арміи подъ такими условіями, которыя бы содѣйствовали больше его собственнымъ цѣлямъ, нежели цѣлямъ регента, и обезпечили, наконецъ, прусскому парламентаризму нѣкоторую реальную власть. Вѣроятно, пришлось бы долго и упорно торговаться; но если буржуазія не умѣетъ побѣждать своихъ противниковъ въ искусствѣ предлагать и запрашивать, то въ чемъ другомъ она можетъ это дѣлать? Положеніе было такъ ясно, что даже Мантейфель, несомнѣнно не страдавшій избыткомъ ума, сказалъ тогда: „Если либералы будутъ ловки, то они военнымъ вопросомъ навсегда оттѣснятъ насъ отъ кормила власти".

Но онъ совершенно напрасно безпокоился. Палата депутатовъ выбрала въ отношеніи къ министерству тотъ же мужественный девизъ, какой министерство выбрало въ отношеніи къ принцу-регенту: только не насѣдать! Буржуазныя заячьи души сочли наиболѣе удобнымъ для себя прикрыться упорствомъ юнкеровъ: подъ тѣмъ предлогомъ, что послѣ отклоненія палатой господъ законопроектовъ о поземельномъ налогѣ военная реорганизація все равно отложена въ долгій ящикъ, палата депутатовъ уклонилась отъ прямого „да" или „нѣтъ" и одобрила, въ качествѣ „вотума довѣрія" „почтеннымъ" министрамъ, чрезвычайный кредитъ въ 9 милліоновъ талеровъ для поддержанія „дальнѣйшей боевой готовности" арміи среди опаснаго положенія. Разумѣется, что принцъ-регентъ и его реакціонный военный министръ поняли подъ „дальнѣйшей боевой готовностью" именно введеніе военной реорганизаціи. Такимъ образомъ, палата депутатовъ сдала партію, благодаря своей истинно сказочной глупости. Насколько для принца-регента было бы трудно или невозможно осуществить военную реформу противъ воли народнаго представительства, настолько же трудно или невозможно было для палаты депутатовъ уничто-

жить реформу, разъ она уже существовала. Прусскій парламентаризмъ былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы перевести нѣсколько сотъ батальоновъ, эскадроновъ и батарей изъ реальнаго бытія обратно въ бумажное.

Въ январѣ 1861 г. умеръ безумный король, и принцъ-регентъ вступилъ на престолъ подъ именемъ Вильгельма I. Жалкая амнистія, полная политическихъ заднихъ мыслей и оговорокъ, достаточно показала, сколь немногому новый государь научился и какъ мало онъ забылъ. Чего можно было ожидать для нѣмецкаго единства отъ государя, въ глазахъ котораго позорное подавленіе баденскаго возстанія продолжало оставаться славнымъ подвигомъ? Храбрымъ борцамъ, рисковавшимъ за это единство кровью и жизнью,—о чемъ свидѣтельствовалъ мстительный приговоръ военнаго суда,—этимъ борцамъ двери родины открывались снова лишь въ томъ случаѣ, если они подадутъ унизительную просьбу о помилованіи! Юнкеры поняли, что наступило ихъ время. За милостивыя слова короля и наличныя денежки плательщиковъ налоговъ они теперь дали выкупить у себя феодальную свободу отъ поземельнаго налога и тѣмъ доказали, что твердую опору корона имѣетъ только въ ихъ лицѣ. Нѣсколько мелкихъ реформъ, предложенныхъ министерствомъ, они опять бросили въ бумажную корзину, не теряя оттого милостиваго расположенія короля. Наоборотъ, палата депутатовъ и въ своей третьей и послѣдней сессіи не сумѣла сдѣлать ничего лучшаго, какъ снова вотировать расходы по реорганизаціи арміи въ чрезвычайномъ бюджетѣ и подъ предлогомъ сохраненія „дальнѣйшей боевой готовности". Она разошлась, напутствуемая пустозвонной рѣчью Финке объ ея геройскихъ подвигахъ, фактически заключавшихся въ томъ, что изъ либеральныхъ реформъ почти ни одна не была проведена, но зато положеніе военнаго вопроса было основательно испорчено, а между короной и юнкерствомъ установилось доброе согласіе.

Постепенно избиратели стали все-таки отдавать себѣ ясный отчетъ въ истинномъ характерѣ этого либерализма. Ихъ недовольство росло, по меньшей мѣрѣ, столь же быстро, какъ досада короля. Небольшое число восточно-прусскихъ депутатовъ, которыхъ Финке презрительно обозвалъ „младо-литовцами", уже въ самомъ ландтагѣ возстало противъ самоубійственной политики большинства; послѣ закрытія сессіи они сплотились для предстоявшихъ выборовъ въ одну организацію съ тѣми старыми дѣятелями 48-го года, которые до сихъ поръ уклонялись отъ избранія. 9 іюня

1861 года была опубликована программа новой партіи. Она окрестила себя стыдливымъ именемъ „нѣмецкой прогрессистской партіи“, и у нея несомнѣнно было полное основаніе пренебречь честнымъ именемъ демократіи. Ея принципы ни въ чемъ не выходили за предѣлы буржуазнаго либерализма; демократическія требованія, которыя наряду съ интересами буржуазіи принимали бы также въ разсчетъ интересы пролетаріата, были обойдены многозначительнымъ молчаніемъ. Такъ, прежде всего не было упомянуто всеобщее избирательное право, погребенное на предварительныхъ совѣщаніяхъ послѣ нѣкотораго сопротивленія со стороны Берлина, Кёнигсберга и Кельна; ту же участь испытала свобода печати и союзовъ, противъ реакціонныхъ искаженій которой программа новой партіи не выступила ни единымъ словомъ. Программа хотѣла лишь передать практическое примѣненіе этой мантейфельщины буржуазному классу, требуя „возстановленія компетенціи суда присяжныхъ для политическихъ преступленій и нарушеній законовъ о печати“.

Всѣ главные пункты программы—вѣрность королю и конституціи, прочное объединеніе Германіи, немыслимое безъ сильной центральной власти въ рукахъ Пруссіи и безъ общаго нѣмецкаго народнаго представительства, реформа палаты господъ, отвѣтственность министровъ, ограниченіе всемогущества бюрократіи, уничтоженіе вотчинной полиціи, величайшая экономія въ военномъ дѣлѣ, двухлѣтній срокъ военной службы, освобожденіе экономическихъ силъ отъ стѣснительныхъ путъ и многое другое въ этомъ родѣ—были односторонними требованіями буржуазіи, остріе которыхъ было направлено противъ бюрократіи и феодализма; даже самыя скромныя требованія рабочаго класса были съ черствой беззастѣнчивостью обойдены молчаніемъ, словно бы ихъ совсѣмъ не было. По существу новая партія не отличалась отъ фракціи Финке, которую она, впрочемъ, и упрекала только въ недостаточной активности; она желала нѣсколько больше „насѣдать“, вообще же отнюдь не собиралась дѣлать „принципіальную оппозицію“ министерству Новой эры. Неудивительно, если тѣ старые дѣятели 48-го года, которые могли еще съ нѣкоторымъ основаніемъ называть себя демократами, отказались быть воспріемниками новорожденнаго младенца; подъ программой не было именъ Бухера, Родбертуса, Циглера и даже Вальдека. Изъ вождей берлинскаго Національнаго собранія 1848 года ее подписали только Унру и Шульце-Деличъ; изъ новыхъ политическихъ величинъ, подпи-

савшихся вмѣстѣ съ ними, выдѣлялся, главнымъ образомъ, профессоръ Вирховъ, которому слава, пріобрѣтенная въ научной спеціальности, не помѣшала сохранить всѣ буржуазные предразсудки.

При всей безобидности новой партіи она вызывала въ умѣ напуганнаго короля, сохранившаго живое воспоминаніе о 18-мъ марта, представленіе о баррикадахъ. Онъ, словно въ бреду, говорилъ о „стремленіяхъ", могущихъ вызвать „прежнія гибельныя смуты". Въ видѣ отвѣтнаго хода онъ обнародовалъ 3 іюля манифестъ, гдѣ возвѣщалъ, что хочетъ торжественнымъ коронованіемъ въ Кёнигсбергѣ засвидѣтельствовать священныя и непреходящія во вѣки права короны Божіей милостью. Это было совершенно въ стилѣ Фридриха-Вильгельма IV, съ той лишь разницей, что предшественникъ былъ большій мастеръ по части такихъ маскарадовъ, чѣмъ преемникъ. Талантливый романтикъ всегда находилъ въ подобныхъ случаяхъ то или иное блестящее словечко, тогда какъ трезвый фронтовикъ разражался топорнѣйшими провокаціями. Во время коронаціи онъ призывалъ войско противъ всѣхъ враговъ, „откуда бы они ни пришли"; онъ заявилъ грубо представителямъ ландтага, что „корона дается только Богомъ", что онъ „возьметъ ее съ престола Божія и возложитъ на свою главу". Вильгельмъ прибавилъ, что ландтагъ „долженъ давать совѣты коронѣ", и затѣмъ не только не смягчилъ, но еще рѣзче подчеркнулъ эти слова, направленныя противъ конституціонныхъ полномочій ландтага, милостиво снисходительнымъ обѣщаніемъ, что онъ будетъ „прислушиваться къ совѣтамъ". Политическое благомысліе избирателей не выдержало этого испытанія, и на новыхъ выборахъ прогрессистская партія сразу получила 161 мандатъ. Прежнему министерскому большинству пришлось удовлетвориться 95 мѣстами, которыя въ большинствѣ случаевъ достались болѣе рѣшительнымъ членамъ его; вмѣсто Финке, который не былъ переизбранъ, во главѣ его сталъ Грабовъ, бывшій президентъ Національнаго собранія 1848 года, довольно сильно склонявшійся къ прогрессистской партіи и выбранный теперь опять въ президенты палаты депутатовъ. Въ январѣ 1862 г. ландтагъ былъ созванъ, и понятно, что послѣ столь крупныхъ успѣховъ прогрессистская партія смѣло приступила къ „насѣданію". Прежде всего она рѣшила нѣсколько серьезнѣе отнестись къ совершенно призрачному до тѣхъ поръ бюджетному праву палаты депутатовъ. Со временъ Мантейфеля установился безобразный порядокъ, въ

силу котораго собиравшемуся въ началѣ каждаго года ландтагу предлагался только бюджетъ текущаго года; такимъ образомъ, смѣтные расходы производились уже въ дѣйствительности, когда палата депутатовъ еще только обсуждала роспись. Затѣмъ, кредиты вносились въ бюджетъ въ видѣ нѣсколькихъ крупныхъ суммъ, подъ широкимъ покровомъ которыхъ министры могли продѣлывать разные фокусы, шедшіе въ разрѣзъ съ намѣреніями народнаго представительства. Первое изъ указанныхъ злоупотребленій не могло быть сейчасъ же устранено, но это было вполнѣ возможно относительно второго, и прогрессистскій депутатъ Гагенъ внесъ предложеніе, въ которомъ требовалъ большей спеціализаціи бюджета; предложеніе было принято 6 марта 171 голосомъ противъ 143. Возмущенное до глубины души этимъ „вотумомъ недовѣрія", либеральное министерство распустило палату, но затѣмъ, въ убійственномъ сознаніи своего ничтожества, само убралось черезъ нѣсколько дней. „Новая эра" умерла такъ же безславно, какъ она жила.

Послѣ этого король призвалъ къ власти реакціонное министерство. Оно состояло большей частью изъ бюрократическихъ и феодальныхъ нулей; душой его былъ, рядомъ съ военнымъ министромъ фонъ Рооном, бывшій министръ торговли, а нынѣ министръ финансовъ фонъ деръ Гейдтъ, который со своей дерзкой богобоязненностью вуппертальскаго ханжи съумѣлъ переползти змѣей отъ старой мантейфельщины черезъ „новую эру" къ новой мантейфельщинѣ. Затѣмъ возгорѣлась избирательная борьба. Реакція сплотилась вокругъ знамени: „король или парламентъ!", но по совершенно основательнымъ причинамъ ждала такъ мало отъ этого возвышеннаго девиза, что наряду съ нимъ одинаково энергично дѣйствовала „хлыстомъ и пряникомъ". Такого давленія на выборы, какое теперь производилось во имя короля Божіей милостью, не видала даже эра Мантейфеля, но одновременно съ этимъ были обѣщаны пониженіе налоговъ и сокращеніе военнаго бюджета, въ особенности же исполненіе требованій, изъ-за которыхъ палата депутатовъ только что была распущена: составленіе подробнаго бюджета и своевременное внесеніе его. Напротивъ, прогрессистская партія подняла оглушительный крикъ, что конституцію собираются отмѣнить, и избиратели дали ей блестящее удовлетвореніе. На майскихъ выборахъ 1862 года она побѣдила по всей линіи, получивъ приблизительно 250 мандатовъ. Фракція Грабова совершенно распалась; одна часть ея перешла къ про-

грессистамъ, а другая продолжала влачить жалкое существовані въ качествѣ меланхолическаго остатка былого готскаго величія. Феодальная партія потерпѣла еще большій разгромъ и едва насчитывала какую-нибудь дюжину членовъ.

Дальнѣйшія событія не оправдали, однако, первоначальной надежды прогрессистской партіи, что одного исхода выборовъ будетъ достаточно, чтобы смести со сцены реакціонное министерство. Какъ только ландтагъ собрался въ маѣ, ей пришлось принять рѣшеніе относительно своей будущей тактики. Ближайшія требованія ея были исполнены: бюджетъ для 1862 года былъ разработанъ детально; бюджетъ 1863 года своевременно внесенъ; правительство исполнило также обѣщаніе ограничить военные расходы и облегчить податное бремя. Прогрессистская партія должна была рѣшить теперь вопросъ, одобрить ли ей издержки на военную реформу, которыя правительство помѣстило въ бюджетѣ на 1862 годъ въ числѣ обыкновенныхъ расходовъ, или нѣтъ. Постепенно она начинала понимать, что требуемое ею объединеніе Германіи подъ прусской каской не можетъ быть достигнуто безъ военной реформы. Изъ ея собственной среды раздавались голоса, предостерегавшіе противъ принятія рѣшеній, выполненіе которыхъ нежелательно ей самой: въ такомъ смыслѣ высказывался особенно берлинскій городской судья Карлъ Твестенъ, который создалъ себѣ политическую извѣстность рѣзкой полемикой съ начальникомъ военнаго кабинета, кончившейся въ концѣ-концовъ дуэлью, и котораго нельзя было заподозрить въ чрезмѣрномъ преклоненіи передъ милитаризмомъ. Къ тому же расходы, о которыхъ шла рѣчь, были за 1862 годъ уже произведены въ значительной своей части, и правительство могло сослаться на то, что ландтагъ дважды одобрилъ ихъ. Вычеркнуть ихъ, несмотря на это, post factum значило извѣстнымъ образомъ насильно толкать министерство къ нарушенію конституціи. Навстрѣчу этимъ соображеніямъ благоразумія шли такія же соображенія среди правительственныхъ сферъ. При всей своей политической безпринципности Гейдтъ былъ слишкомъ завзятый буржуа, чтобы не коситься на ростъ военныхъ расходовъ и не взирать съ искреннимъ ужасомъ на опасность управленія безъ разрѣшеннаго парламентомъ бюджета.

Одну минуту казалось, что удастся компромиссъ на почвѣ двухлѣтней военной службы. Прогрессистская партія поступала при этомъ съ своей точки зрѣнія совершенно послѣдовательно. Всѣ

знали, что двухлѣтняя служба достаточна для боевой пригодности арміи, мало того—что она больше соотвѣтствуетъ предпринимаемой реорганизаціи, нежели трехлѣтняя служба; третій годъ долженъ былъ лишь пробуждать „солдатскій духъ“, безъ котораго войско не годилось для цѣлей государственнаго переворота. Если бы корона уступила въ этомъ пунктѣ, то палата депутатовъ могла бы записать на свой счетъ крупный успѣхъ, и прогрессистская партія поднесла бы избирателямъ пріятный подарокъ въ видѣ значительнаго облегченія военнаго бремени.

Но что было по вкусу ей, то не нравилось королю. Въ совѣтѣ министровъ онъ заявилъ, что скорѣе отречется отъ престола, нежели откажется отъ трехлѣтняго срока военной службы. По словамъ одного оффиціальнаго біографа короля, сопротивленіе министровъ пошло еще дальше, и корона дѣйствительно была предложена наслѣдному принцу, который отказался, однако, отъ нея, указавъ на то, что прусскій король, начинающій съ униженія „солдатскаго духа“, будетъ занимать шаткое положеніе,—анекдотъ, о которомъ можно сказать, что если бы онъ и не отвѣчалъ дѣйствительности, то онъ удачно придуманъ въ духѣ тогдашняго и даже теперешняго положенія. Такъ или иначе, но военный министръ опять сдѣлался неуступчивымъ по отношенію къ палатѣ депутатовъ, а министръ финансовъ прибѣгъ къ послѣднему отчаянному средству—къ угрозѣ, что если палата не уступитъ, то произойдетъ нѣчто такое, о чемъ въ конституціи не говорится прямо. Этимъ онъ достигъ, конечно, не желаннаго, а скорѣе обратнаго дѣйствія. Упорство короля сдѣлало всякое дальнѣйшее уклоненіе отъ конфликта невозможнымъ. 23 сентября 1862 года палата перенесла издержки по военной реформѣ въ отдѣлъ чрезвычайныхъ расходовъ на 1862 годъ и затѣмъ крупнымъ большинствомъ отклонила ихъ. Тогда корона отставила министра финансовъ, а на постъ министра-президента призвала въ Берлинъ Бисмарка, прусскаго посланника въ Парижѣ.

Бисмаркъ происходилъ изъ обѣднѣвшаго дворянскаго рода въ Альтмаркѣ, ведшаго свою родословную съ XIV вѣка, отъ одного патриція богатаго въ то время города Штендаля. Впослѣдствіи Бисмаркъ для вящей славы культуркампфа хотѣлъ превратить этого предка въ своего рода вѣщаго генія и утверждалъ, что сей просвѣщенный мужъ былъ изгнанъ изъ Штендаля вслѣдствіе ссоръ съ католическиии духовенствомъ. Можно допустить, что Бисмаркъ дѣйствительно чувствовалъ въ себѣ атавистическіе порывы, но ему

слѣдовало бы искать ихъ не въ религіозной сферѣ. Если бы дѣло зависѣло только отъ католическаго духовенства, то блаженной памяти Николай Бисмаркъ могъ бы спокойно жить и умереть въ Штендалѣ. Прогнало его навсегда изъ родного города возмущеніе цеховъ, которое онъ и его товарищи вызвали суровымъ притѣсненіемъ небогатыхъ людей и корыстнымъ расхищеніемъ городской казны. Однако, онъ сумѣлъ при помощи неправедной мамоны пріобрѣсти добрыхъ друзей, такъ что тогдашній курфюрстъ изъ баварскаго дома, сильно задолжавшій ему, далъ ему въ ленъ замокъ и включилъ его въ ряды альтмаркскаго низшаго дворянства. Подобнаго рода карьеры не были въ XIV вѣкѣ такъ часты, какъ теперь, и предокъ господъ фонъ Бисмарковъ былъ несомнѣнно продувнымъ дѣльцомъ. Въ XVI вѣкѣ пріобрѣтенныя имъ имѣнія были изъ-за ихъ прекрасныхъ мѣстъ для охоты отняты у семьи Бисмарковъ тогдашними Гогенцоллернами; въ вознагражденіе ей дали награбленныя монастырскія и церковныя земли. Вопросъ о томъ, были ли при этомъ Бисмарки надуты своими законными государями, знаменитѣйшій отпрыскъ этой семьи разрѣшалъ категорически въ положительномъ смыслѣ, быть можетъ—съ полнымъ основаніемъ, быть можетъ—изъ дозволительнаго почтенія къ своимъ предкамъ, оставившимъ во всякомъ случаѣ ему самому лишь два имѣньица, на которыя въ 19-мъ столѣтіи съ большимъ трудомъ можно было вести существованіе, приличествующее добропорядочному помѣщику и дворянину.

Неудивительно, если Бисмаркъ игралъ въ революціонные годы роль самаго отчаяннаго юнкера, если онъ со всѣмъ остроуміемъ здороваго и голоднаго желудка боролся за феодальныя привилегіи и относился съ отвращеніемъ къ нѣмецкому единству буржуазіи, какъ къ смертельной опасности для дворянскаго царства въ Пруссіи. Такого благороднаго борца контръ-революція не могла не увѣнчать лаврами: нескрываемый энтузіазмъ Бисмарка по поводу Ольмюца привлекъ къ нему взоры романтическаго короля, который узрѣлъ въ немъ наиболѣе подходящаго представителя униженной Пруссіи въ возстановленномъ Союзномъ сеймѣ. На богатомъ франкфуртскомъ торжищѣ бѣдный юнкеръ узналъ, что капиталистическій міръ при всѣхъ своихъ мерзостяхъ, приводящихъ въ ужасъ честное юнкерское сердце, открываетъ, однако, и волшебныя перспективы,—перспективы, въ сравненіи съ которыми феодальное живодерство въ песочницахъ Остъ-Эльбіи представлялось чѣмъ-то весьма жалкимъ. Бисмаркъ подружился съ

домомъ Ротшильдовъ, берлинскій представитель которыхъ Блейхредеръ взялъ его скудные финансы подъ свое заботливое покровительство. Но изъ-за этого онъ еще не думалъ сбрасывать съ себя прежній юнкерскій образъ и продолжалъ отъ всей души ненавидѣть притязанія буржуазіи на политическую власть. Понять историческую необходимость либерализма и, тѣмъ болѣе, соціализма онъ никогда не былъ въ состояніи. Они навсегда остались для него книгой за семью печатями, и каждый разъ когда эти враждебныя силы всплывали передъ его взоромъ, онъ, какъ средневѣковый юнкеръ, обрушивался на нихъ огнемъ и мечемъ.

Этотъ юнкеръ въ высокой степени обладалъ наслѣдственными чертами своего класса: великолѣпнымъ аппетитомъ, энергичной, ни съ чѣмъ не считающейся волей и, въ тѣсной связи съ этими качествами, той исторической ограниченностью, которая при всей зоркости по части дѣлъ и гешефта совершенно слѣпа тѣмъ не менѣе къ движущимъ силамъ въ жизни народовъ. Въ бонапартизмѣ Бисмаркъ видѣлъ не преходящій эпизодъ всемірно-исторической классовой борьбы между буржуазіей и пролетаріатомъ, а классическую форму современнаго деспотизма, который развиваетъ колоссальныя производительныя силы буржуазіи лишь затѣмъ, чтобы подавлять желѣзной рукой ея политическія притязанія. Уже во время крымской войны Бисмаркъ бранилъ щепетильность своихъ товарищей по классу, которые изъ-за феодальныхъ или легитимистскихъ сомнѣній отказывались ломать дѣла съ геніальнымъ государственнымъ человѣкомъ на берегахъ Сены. Его самого не мучили подобныя сомнѣнія, и чѣмъ больше онъ знакомился съ государственной мудростью Бонапарта, тѣмъ болѣе онъ отворачивался отъ габсбургской государственной мудрости, не вылѣзавшей изъ вѣчной финансовой нужды. По своимъ служебнымъ обязанностямъ при Союзномъ сеймѣ онъ имѣлъ возможность воочію убѣдиться, какъ сильно нѣмецкая раздробленность задерживаетъ процессъ капиталистическаго накопленія, и онъ скоро научился ругать „совершенно неисторическое, безбожное и беззаконное шарлатанство съ суверенитетомъ нѣмецкихъ государей", конечно—тѣхъ государей, чьи права Божіей милостью становились поперекъ пути стремленіямъ прусскаго юнкерства къ власти и нѣмецкой буржуазіи къ прибыли, хотя это были права совершенно одинаковаго калибра съ правами Божіей милостью, на которыя прусская корона какъ разъ въ это время ссылалась съ такимъ апломбомъ.

Маленькій юнкеръ постепенно превратился въ большого дипломата. Въ 50-е годы онъ ловко и осторожно вывернулся изъ всѣхъ внутреннихъ раздоровъ феодально-бюрократической реакціи. Онъ настолько научился побѣждать въ себѣ врожденную ненависть юнкера къ бюрократіи, что былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и съ Мантейфелемъ и со сторонниками Герлаха; онъ былъ persona grata и у короля и у наслѣдника, и съ „новой эрой" онъ тоже сумѣлъ устроиться такъ, что она лишь отставила его на берега Невы и, по нѣмецкой поговоркѣ, бросила его „вверхъ по лѣстницѣ", давъ ему постъ петербургскаго посла, который по традиціи считается первымъ постомъ въ прусскомъ дипломатическомъ вѣдомствѣ. Здѣсь Бисмаркъ изучалъ беззастѣнчивую практику русской дипломатіи и во время либеральной интермедіи занимался политикой за собственный рискъ и страхъ. Въ тѣ времена онъ еще не зналъ дипломатическаго догмата, что послы должны слушать команду, какъ унтеръ-офицеры. Новый король сохранилъ къ нему прежнюю благосклонность. Онъ охотно прислушивался къ смѣлымъ планамъ Бисмарка насчетъ будущаго, хотя былъ слишкомъ робкой и нерѣшительной натурой, чтобъ безъ оглядки поддаваться властной волѣ своего „бранденбургскаго вассала". Король держалъ Бисмарка въ запасѣ на случай крайности, и послѣ крушенія „новой эры" жаждущему подвиговъ юнкеру пришлось опять только облизнуться. Онъ воспользовался отсрочкой, чтобы въ качествѣ посла въ Парижѣ пріобрѣсти послѣднюю шлифовку по части бонапартистскихъ фокусовъ. Затѣмъ, когда вмѣстѣ съ рѣшеніемъ палаты депутатовъ отъ 23 сентября 1862 г. наступила крайность, пробилъ и его часъ.

Когда Бисмаркъ былъ призванъ въ Берлинъ, юнкеры возликовали: конецъ купеческой интермедіи, а прогрессисты завопили: вотъ идетъ государственный переворотъ. Но самъ Бисмаркъ понималъ свою задачу въ „болѣе высокомъ" стилѣ. Слѣдуя своему бонапартистскому образцу, онъ хотѣлъ, правда, поймать буржуазію на удочку, однако по возможности щадя ее, и сдѣлалъ ей поэтому примирительныя предложенія. Если въ спорѣ по поводу военной реформы альфой и омегой ея возраженій было: да, кабы мы только были обезпечены, что это орудіе будетъ использовано для объединенія Германіи!—то онъ обѣщалъ ей разрѣшить нѣмецкій вопросъ „кровью и желѣзомъ", какъ только будутъ вотированы издержки по реорганизаціи арміи. Но прогрессистская партія отвѣтила довольно презрительно: да что ты можешь дать,

бѣдняга? Ее совершенно несправедливо упрекали, что она тогда „не разглядѣла генія“. „Генія“ она замѣтила довольно хорошо, но Шульце-Деличъ тотчасъ же высказалъ въ палатѣ депутатовъ мнѣніе, что феодальная партія никогда не потерпитъ энергичной внѣшней политики. Черезъ годъ Вирховъ со свойственной ему многоглаголивой и самодовольной манерой иронизировалъ, что Бисмаркъ уже не тотъ человѣкъ, который вступилъ въ министерство съ намѣреніемъ вести энергичную иностранную политику; на это Бисмаркъ кратко и сухо возразилъ, что гдѣ-нибудь вѣдь ему надо было остаться, а такъ какъ либеральные боги не хотѣли его услышать, то онъ продалъ свою душу консервативной преисподней. „Геній“, слѣдовательно, былъ совершенно ясенъ для прогрессистской партіи; но что оставалось для нея крайне туманнымъ, это сила, стоявшая за спиной „генія“.

Бисмаркъ былъ приглашенъ въ министры-президенты не благодаря, а вопреки его планамъ насчетъ Германіи. Онъ получилъ отъ короля и юнкерства полномочіе править безъ утвержденнаго бюджета и вопреки конституціи, внѣшняя же политика его была его личнымъ дѣломъ, которое отнюдь не было одобрено ни королемъ, ни юнкерствомъ. Прогрессисты не были настолько плохими дѣльцами, чтобы отдать свои политическія притязанія въ настоящемъ за чечевичную похлебку, которая можетъ быть поднесена имъ въ какомъ-то таинственномъ будущемъ, отдать свои ходкія на биржѣ бумаги въ обмѣнъ за ненадежный вексель сомнительнаго „генія“.

Послѣ того какъ корона призваніемъ Бисмарка ясно показала свое намѣреніе уничтожить бюджетное право палаты депутатовъ, прогрессистская партія не могла уже отступить съ честью. Она должна была принять вызовъ, и дѣло шло лишь о томъ, какъ ей повести борьбу, чтобы выйти побѣдительницей. По незаслуженному счастью она натолкнулась на проводника, указавшаго ей единственный путь къ побѣдѣ.

---

2. Лассалевскій планъ кампаніи.

Лассаль переживалъ дни „новой эры“ со все возраставшимъ нетерпѣніемъ. „Кто живетъ теперь въ Берлинѣ и не умираетъ отъ либерализма, тотъ никогда не умретъ отъ досады“, писалъ онъ разъ Марксу, а въ другой разъ онъ заклеймилъ въ еще болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ либеральный „заговоръ печати“,

которая своимъ молчаніемъ и своими статьями прикрываетъ прогнившее насквозь правосудіе.

Это было тогда, когда прусскіе судьи взяли подъ свою защиту клеветническіе навѣты, которыми „*Національная Газета*“ хотѣла очернить личный характеръ Маркса. Въ письмѣ къ Лассалю Марксъ выразилъ свое удивленіе по поводу этого грубаго отказа въ правосудіи, на что Лассаль отвѣтилъ: „Ты рисуешь себѣ, очевидно, прусскую юстицію въ слишкомъ розовыхъ еще краскахъ; мнѣ и не то еще пришлось испытать отъ этихъ молодцовъ... Когда я вспоминаю эти десять лѣтъ ежедневнаго попиранія закона судомъ, которыя мнѣ пришлось пережить, то я вижу словно кровавый туманъ предъ глазами и испытываю такое ощущеніе, что приливъ ярости вотъ-вотъ задушитъ меня! Но все это я давно преодолѣлъ и пережилъ, съ тѣхъ поръ прошло достаточно времени, чтобы относиться къ этому спокойно, но никогда мои губы не складываются въ болѣе презрительную улыбку, чѣмъ когда я слышу разговоры о существованіи у насъ судей и закона. Каторжники кажутся мнѣ весьма почтенными людьми въ сравненіи съ нашими судьями“. На замѣчаніе Маркса, что пруссаки дали ему матеріалъ, пріятные результаты котораго они замѣтятъ скоро въ лондонской прессѣ, Лассаль отвѣчалъ: „Нѣтъ, милый другъ, они ничего не замѣтятъ. Я не сомнѣваюсь, конечно, что ты ихъ изобразишь и уничтожишь въ лондонской прессѣ; но они ничего, ровно ничего не замѣтятъ, все будетъ такъ, какъ если бы ты совсѣмъ не писалъ. Вѣдь англійскихъ газетъ у насъ не читаютъ, что же касается нашихъ нѣмецкихъ газетъ, то ни одна изъ нихъ не обратитъ вниманія на то, что ты напишешь, ни одна не приведетъ оттуда хотя бы самаго невиннаго словечка. Онѣ поостерегутся! И наши либеральныя газеты больше всѣхъ! Какъ могутъ эти телячьи головы цитировать хотя бы одно словечко противъ своего священнѣйшаго палладіума, противъ „прусскаго судейскаго сословія“, при одномъ упоминаніи котораго они захлебываются отъ восторга и почтительно дѣлаютъ земные поклоны; вѣдь они никогда не произносятъ этого слова иначе, какъ гордо надувшись! О, они ничего не станутъ оттуда цитировать, они спокойно замолчатъ это отъ Дуная до Рейна, вообще повсюду, гдѣ „раздается нѣмецкая рѣчь“. Что подѣлаешь съ этимъ заговоромъ печати? Что ни говори, наша прусская полиція все еще гораздо болѣе либеральное учрежденіе, чѣмъ наша печать!“ Фразы, которыя при всей ихъ горечи

доказывали, что Лассаль зналъ прусскія условія лучше, нежели Марксъ.

Лассаль носился тогда съ планомъ издавать въ Берлинѣ вмѣстѣ съ Марксомъ и Энгельсомъ большую демократическую газету, въ противовѣсъ продажной либеральной прессѣ. Еще въ январѣ 1862 года онъ пытался заинтересовать въ этомъ дѣлѣ стараго Брокгауза изъ Лейпцига. Едва ли, однако, приходится сожалѣть о томъ, что планъ остался воздушнымъ замкомъ. Съ издателями-капиталистами подобной газетѣ при подобныхъ редакторахъ пришлось бы еще хуже, чѣмъ „*Новой Рейнской Газетѣ*" съ ея акціонерами. Вдобавокъ оказалось, что весь расчетъ былъ сдѣланъ безъ хозяина, т.-е. безъ либеральнаго министра Шверина, толковавшаго реакціонныя оговорки амнистіи такъ, что если бы Марксъ вернулся, то его разсматривали бы какъ иностранца, и, слѣдовательно, онъ былъ бы отданъ въ жертву полицейскому произволу.

Пока продолжалось буржуазное опьяненіе „довѣріемъ", въ Германіи вообще ничего еще нельзя было сдѣлать. Выпустивъ въ 1861 году свое сочиненіе по философіи права, Лассаль отправился для отдыха въ довольно продолжительное путешествіе по Швейцаріи и Италіи. Въ Цюрихѣ онъ часто встрѣчался съ Гервегомъ и извѣстнымъ военнымъ писателемъ Вильгельмомъ Рюстовымъ. Рюстовъ былъ когда-то поручикомъ въ прусской арміи, но палъ жертвой своихъ демократическихъ убѣжденій, дослужился затѣмъ до майорскаго чина въ швейцарскомъ генеральномъ штабѣ и только что вернулся со свѣжими лаврами изъ похода Гарибальди на Неаполь. Рекомендаціи Рюстова ввели Лассаля въ круги итальянскихъ патріотовъ. Онъ посѣтилъ Гарибальди на островѣ Капрерѣ и, повидимому, сильно заинтересовался новымъ ударомъ, который итальянская партія дѣйствій замышляла тогда противъ Австріи. Однако изъ отрывочныхъ заявленій Лассаля и другихъ лицъ объ этомъ эпизодѣ не видно, какихъ послѣдствій для хода нѣмецкихъ дѣлъ онъ ждалъ отъ этой диверсіи. По одному очень мутному источнику, оффиціозному біографу Бухера, Лассаль ждалъ отъ нападенія Гарибальди на Далмацію революціи въ Венгріи и „дословно" сказалъ Бухеру слѣдующее: „Революція въ Пештѣ, это революція въ Вѣнѣ, а революція въ Вѣнѣ, это революція въ Берлинѣ". Между тѣмъ приписываемое здѣсь Лассалю заявленіе находится въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ очень трезвымъ сужденіемъ его о склонности нѣмецкаго мѣщанина къ революціи, если даже осво-

бодить приведенное заявленіе отъ ребяческой формы, въ которой литературная лакейская Бисмарка представляетъ себѣ революціонную политику. Лассаль съ радостью привѣтствовалъ всякое революціонное дѣйствіе, но онъ былъ слишкомъ осторожнымъ и умнымъ политикомъ, чтобы возлагать большія надежды на планъ, который всецѣло висѣлъ въ воздухѣ и, какъ извѣстно, никогда не былъ осуществленъ. 9 февраля 1862 года онъ довольно холодно писалъ Рюстову, что хотѣлъ получить отъ итальянцевъ опредѣленныя свѣдѣнія, имѣется ли что-нибудь въ виду къ этой веснѣ; между тѣмъ тремя недѣлями раньше онъ въ письмѣ къ Бухеру съ совершенно инымъ жаромъ писалъ о планахъ, въ сравненіи съ которыми революціонное значеніе похода итальянскихъ добровольцевъ въ Далмацію являлось довольно второстепеннымъ дѣломъ.

Въ началѣ января 1862 года Лассаль вернулся въ Берлинъ, и здѣсь онъ засталъ положеніе вещей значительно измѣнившимся. Прогрессистская партія мѣсяцемъ раньше одержала свою первую побѣду на выборахъ и начала теперь „насѣдать". Лассаль не ждалъ отъ нея многаго; онъ писалъ Рюстову: „Въ нашей палатѣ старое горе! Эти молодцы не знаютъ, въ какую сторону имъ направить свой парусъ! Не въ состояніи вести самую легкую лодчонку и хотятъ направлять государственный корабль!" Если бы Лассаль былъ вообще склоненъ къ иллюзіямъ, то три года „новой эры" могли совершенно разсѣять ихъ; не ослѣпляли его ни на одну минуту и личныя дружескія отношенія, въ которыхъ онъ находился со многими вождями прогрессистской партіи и Національнаго союза. Эти отношенія были совершенно аналогичны отношеніямъ, существовавшимъ сто лѣтъ назадъ между Лессингомъ и берлинскими представителями эпохи просвѣщенія. Какъ и Лессингъ, Лассаль никогда не разыгрывалъ роли мрачнаго фанатика своихъ убѣжденій, за которой скрывается обыкновенно умственная ограниченность; обворожительно любезный собесѣдникъ, всегда склонный къ веселой шуткѣ и даже необузданной шаловливости, онъ не зарывалъ и этого таланта. Кругъ его знакомыхъ былъ, безъ сомнѣнія, нѣсколько смѣшанный, и въ концѣ-концовъ Лассаль, быть можетъ, чувствовалъ себя въ немъ пріятнѣе, чѣмъ онъ чувствовалъ бы себя при меньшемъ личномъ тщеславіи. Но вліяніе этой среды на Лассаля, какъ мыслителя и борца, еще меньше слѣдуетъ переоцѣнивать, чѣмъ вліяніе графини Гацфельдтъ. Фактически оно равнялось нулю. Лассаль разсуждалъ о по-

литикѣ съ современными важными персонами прогрессистской партіи и философствовалъ со старичками-гегельянцами изъ Философскаго Общества, не забывая ни на одну минуту, что̀ отдѣляетъ его отъ всей этой милой посредственности.

Равными себѣ Лассаль считалъ среди своихъ друзей только нѣкоторыхъ дѣятелей 48-го года, державшихся приблизительно такого же мнѣнія насчетъ прогрессистской партіи, какъ онъ: мы имѣемъ въ виду Циглера и Бухера, къ которымъ нѣсколько позже присоединился еще третій—Родбертусъ. Циглеру Лассаль писалъ однажды, что Норна вынула имъ при рожденіи одинъ и тотъ же жребій, а Родбертусу, что они явились на свѣтъ Божій словно сіамскіе близнецы. Но въ большей степени, чѣмъ Циглеръ и Родбертусъ, вторымъ Лассалемъ былъ Бухеръ, поскольку Лассаль былъ возможенъ безъ его желѣзныхъ костей и безъ его бурной крови.

Подобно Лассалю Бухеръ обладалъ юридическимъ и философскимъ образованіемъ, а главное—способностью ясно видѣть реальныя жизненныя отношенія. Цѣлый рядъ излюбленныхъ идей Лассаля впервые былъ намѣченъ Бухеромъ, не въ лассалевской ясной и рѣзкой формулировкѣ, но все же съ зачаточной явственностью: такъ, уже въ берлинскомъ національномъ собраніи 1848 г. онъ выставилъ теорію пріобрѣтенныхъ правъ и конституціонную теорію, согласно которой конституціонные вопросы въ корнѣ своемъ суть вопросы силы, а не права. Затѣмъ Бухеръ въ своей остроумной книжкѣ объ англійскомъ парламентаризмѣ показалъ, какъ растущее раздѣленіе труда дѣйствуетъ неодинаково на буржуазію и на пролетаріатъ. Чѣмъ болѣе специализируется торгово-промышленное дѣло, тѣмъ одностороннѣе становится человѣкъ, чѣмъ больше крупные и мелкіе торговцы стараются монополизировать отдѣльные виды товаровъ, тѣмъ больше они тупѣютъ въ этой капиталистической спекуляціи; наоборотъ, по мѣрѣ того какъ усовершенствованіе машинъ сводитъ работу людей при нихъ къ машинообразной дѣятельности, совершается духовное освобожденіе рабочаго, раскрѣпощеніе всей его духовной мощи. Сама мысль была уже развита Марксомъ въ его полемическомъ сочиненіи противъ Прудона, но Бухеръ разъяснилъ ее самостоятельно при помощи практическихъ наблюденій, которыя онъ сдѣлалъ надъ англійской буржуазіей и англійскимъ пролетаріатомъ. Его положеніе: „Наиболѣе правильное сужденіе можно найти на обѣихъ крайнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, среди джентельме-

новъ, живущихъ исключительно умственными интересами, и среди рабочихъ, которыхъ обычное словоупотребленіе называетъ «руками»",—это положеніе стало лейтмотивомъ, проходившимъ черезъ всю рабочую агитацію Лассаля.

Бухеръ видѣлъ уже истинную физіономію господства англійской буржуазіи въ то время, когда нѣмецкіе либералы смотрѣли еще съ восхищеннымъ удивленіемъ на этотъ блестящій идеалъ; въ этомъ также заключалась важная точка соприкосновенія его съ Лассалемъ. Если нѣмецкая буржуазія 50-хъ и 60-хъ годовъ такъ же восторгалась англійской буржуазіей, какъ она восторгалась въ 40-е годы французской, то по положенію вещей это былъ рѣшительно реакціонный поворотъ. Буржуазное французоѣдство направлялось не столько противъ бонапартизма, съ которымъ нѣмецкому буржуа скоро предстояло довольно тѣсно сойтись, сколько противъ „политическаго развитія" Франціи, отъ котораго онъ, по выраженію „*Народной Газеты*", хотѣлъ „эмансипироваться"; подъ „политическимъ развитіемъ" разумѣлась классовая борьба между буржуазіей и пролетаріатомъ, которую будто бы удалось преодолѣть въ Англіи. Въ связи съ этимъ ложнымъ взглядомъ было распространено деморализующее представленіе, будто англійская буржуазія достигла господства не революціонными дѣйствіями, а разговорами въ парламентѣ. Въ своихъ лондонскихъ корреспонденціяхъ для „*Національной Газеты*" Бухеръ показалъ на примѣрѣ англійской буржуазіи, что дипломатія и политика поглощаются въ Англіи политической экономіей, что божественное право, историческая традиція и богословскія фразы вынуждены со скрежетомъ зубовнымъ склоняться передъ тарифной ставкой, что иностранная политика Англіи есть чисто торговая политика, чуждая какихъ бы то ни было идеальныхъ цѣлей и побужденій. Но для лицемѣрной лавочки нѣмецкой буржуазіи это былъ совершенно неподходящій товаръ; она не имѣла никакой охоты допускать, чтобы въ ея любимомъ органѣ разрушали ея любимыя иллюзіи. Когда Бухеръ послѣ амнистіи вернулся на родину, онъ былъ очень сердито принятъ своими старыми единомышленниками. „*Національная Газета*" отказалась отъ его услугъ, и издателю ея Вольфу казалось еще, что онъ обнаружилъ удивительное великодушіе, когда за нищенское вознагражденіе принялъ Бухера въ свое телеграфное бюро для „подкрашиванія" депешъ. Какъ Унру признался впослѣдствіи самъ, увѣренія Вольфа, что Бухеръ страшный еретикъ, достаточно было для „либеральной партіи", чтобы она сняла съ себя

всякую отвѣтственность за его судьбу. Насколько нѣмецкая буржуазія искони была слабѣе и мелочнѣе французской и англійской, настолько она искони превосходила ихъ мастерскимъ умѣніемъ злобно и жестоко изводить голодомъ каждаго изъ своей среды, кто осмѣливался усомниться въ ея величіи. Бухеръ, никогда не отличавшійся большой жизненной энергіей, былъ этимъ окончательно надломленъ. Когда Лассаль въ Философскомъ Обществѣ пошелъ ему навстрѣчу съ сердечнымъ сочувствіемъ и матеріальной поддержкой, то онъ уклонился съ боязливымъ недовѣріемъ, которое поборолъ въ себѣ лишь постепенно, хотя никогда, вѣроятно, не отдѣлался отъ него вполнѣ.

Въ продолжительныхъ бесѣдахъ съ Бухеромъ Лассаль разбиралъ политическое положеніе, какимъ оно представлялось въ началѣ 1862 года. Насколько онъ мало надѣялся на обѣщанные геройскіе подвиги прогрессистской партіи, настолько же онъ горѣлъ желаніемъ использовать въ революціонныхъ цѣляхъ наступившее оживленіе среди массъ. Первый разговоръ его съ Бухеромъ происходилъ 21 января. Лассаль завелъ при этомъ рѣчь объ ударѣ, который итальянская партія дѣйствій замышляла противъ Австрі но, какъ свидѣтельствуетъ Бухеръ, онъ никогда больше не возвращался къ этой темѣ. Указываемый планъ былъ для него лишь конкретнымъ исходнымъ пунктомъ для обсужденія принципіальнаго вопроса о томъ, возможно ли низвергнуть и уничтожить въ Германіи современный порядокъ (или безпорядокъ) вещей. Бухеръ заявилъ, что считаетъ возможнымъ низверженіе, но не уничтоженіе. На слѣдующій день онъ писалъ Лассалю: „То, что вы хотите поставить на мѣсто (буржуазнаго порядка), меня не удовлетворяетъ. Всѣ указываемыя вами мѣры носятъ опять-таки лишь политическій, можно сказать—юридическій характеръ, онѣ стоятъ на старой соціальной почвѣ, создаютъ лишь новыхъ буржуа. И эти новыя отношенія собственности — новыя перемѣной лицъ, а не химическими свойствами собственности, если позволительно такъ выразиться—могутъ быть поддерживаемы лишь путемъ вѣчной войны, путемъ терроризма очень небольшого меньшинства. Я оцѣниваю ихъ на основаніи статистическихъ данныхъ и моего близкаго знакомства съ сельскимъ населеніемъ въ восточныхъ провинціяхъ“. Бухеръ считаетъ подобную цѣль достижимой лишь въ томъ случаѣ, если меньшинство можетъ предложить большинству какое-нибудь положительное благо, по крайней мѣрѣ—вѣру. „Я возвращаюсь, слѣдовательно, къ своимъ старымъ

словамъ: popolo (народу) недостаетъ dio (бога) *, а намъ того, за что мы съ честью могли бы погибнуть". Изъ цитируемаго письма Бухера явствуетъ, что Лассаль познакомилъ его въ общихъ чертахъ съ планомъ своей будущей агитаціи; фраза Бухера о политическо-юридическихъ мѣрахъ, которыя не сходятъ со старой соціальной почвы, заключаетъ въ себѣ по существу все, что впослѣдствіи справедливо возражали противъ лассалевскихъ производительныхъ ассоціацій при помощи государственнаго кредита.

Въ немедленно посланномъ отвѣтномъ письмѣ Лассаль самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуетъ противъ недоразумѣнія, будто „тѣ мелочи составляютъ его настоящую соціальную программу": онъ намѣтилъ ихъ лишь для начала, не вдаваясь въ болѣе глубокія экономическія объясненія, и прямо подчеркнулъ, что предлагаемыя имъ мѣры можно принять, оставаясь еще на чисто-юридической почвѣ, что для нихъ нѣтъ надобности еще становиться на почву соціальную. Замѣчательно, опять-таки, какъ идеологія Лассаля начинаетъ сейчасъ же испаряться, какъ только онъ принимается за практическую работу. Онъ ясно высказываетъ здѣсь мысль, еще неизвѣстную ему въ „Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ": что соціальный вопросъ нашей эпохи нельзя разрѣшить, оставаясь на юридической почвѣ. „Замѣчательно удачныя слова" Бухера о „химическихъ свойствахъ собственности",—пишетъ далѣе Лассаль, являются для него несомнѣннымъ ручательствомъ за то, что они придутъ къ соглашенію; Бухеръ справедливо напираетъ на тотъ первоисточникъ, изъ котораго вытекаютъ и слѣдуютъ всѣ политическіе вопросы: на соціальную программу. „Для меня, слѣдовательно, какъ соціалиста, можетъ быть только пріятнымъ то, что я узналъ о васъ. Оно дѣйствуетъ и можетъ дѣйствовать только какъ подтвержденіе того, что я стою на истинномъ пути и что каждый серьезно мыслящій человѣкъ съ неизбѣжной необходимостью приходитъ самъ къ тому единственному источнику, изъ котораго я также почерпнулъ для себя ясность и разрѣшеніе, успокоеніе и увѣренность". По мнѣнію Лассаля, Бухеръ уже соціалистъ, и имъ остается еще только переговорить о научно-критическихъ вопросахъ.

Но отбрасывая юридическую идеологію, Лассаль отнюдь не порываетъ еще съ философской. Онъ говоритъ, что мистическія

*) Бухеръ намекаетъ на извѣстный девизъ Маццини „Dio e popolo" (Богъ и народъ).—*Перев.*

слова Мащини о „Богѣ“ выражаютъ лишь то, что онъ самъ издавна считалъ необходимымъ признакомъ всякаго новаго мірового принципа, а именно, принципъ долженъ обладать силой, способной создать извнутри самого себя новое общество, опредѣлить, какъ свое слѣдствіе, политическую форму и образовать основу новой этики. Лассаль намѣчаетъ здѣсь, такимъ образомъ, основныя идеи своей будущей „Программы работниковъ“. Лишь такой принципъ, который одновременно является и нравственнымъ принципомъ, можетъ, по его мнѣнію, развернуться въ новый міровой порядокъ, какъ въ наукѣ, такъ и въ дѣйствительной жизни. „Если бы монтаньяры 1793 года встали теперь изъ гроба, то они именно для настоящаго момента были бы революціонерами лишь въ своемъ воображеніи“. Напротивъ, гуманная мысль въ высшей степени обладаетъ силой развиться въ такое цѣлое.

Второе собесѣдованіе, о которомъ Лассаль проситъ въ этомъ письмѣ Бухера, состоялось, и 9 февраля Лассаль пишетъ Рюстову, что послѣ этого второго разговора, длившагося восемь часовъ, причемъ онъ вынужденъ былъ развернуть и наглядно представить „всю“ экономическую науку, Бухеръ призналъ себя убѣжденнымъ и готовымъ перейти на сторону Лассаля. Самъ Бухеръ послѣ смерти Лассаля утверждалъ въ докладѣ Бисмарку, ставшему теперь его начальникомъ, что въ упоминаемой бесѣдѣ Лассаль не убѣдилъ его. Такъ какъ Бухеръ говоритъ въ этой докладной запискѣ съ полнымъ достоинствомъ о своихъ прежнихъ отношеніяхъ къ Лассалю, то мы не имѣемъ права предполагать, что онъ просто прибѣгъ къ отрицанію фактовъ. Напротивъ, его разсказъ воздаетъ должное обоимъ, когда онъ говоритъ, что между ними было много точекъ соприкосновенія, но была также и противоположность, постоянно дававшая себя знать: Лассаль, какъ метафизикъ и гегельянецъ, всегда отправлялся отъ общаго къ частному, отъ абстрактнаго къ конкретному, тогда какъ онъ, Бухеръ, благодаря реалистическому складу своего ума, недостаточному знакомству со школьными системами и 10-лѣтнему пребыванію въ Англіи всегда имѣлъ склонность итти противоположнымъ путемъ. То же произошло и въ упомянутомъ разговорѣ. „Результатомъ было наше согласіе по вопросу о сущности общества и ходѣ исторіи въ общемъ; но затѣмъ между нами тотчасъ же обнаружился старый конфликтъ, въ данномъ случаѣ въ слѣдующей формѣ: Лассаль, исходя изъ развитія идей въ исторіи, ждалъ осуществленія ближайшаго фазиса скоро, еще при жизни своей,

а я, исходя ихъ разсмотрѣнія классовъ и группъ, какими они представлялись мнѣ въ отдѣльныхъ типахъ, исходя изъ естественнаго эгоизма однихъ и косности другихъ, полагалъ, что можно предвидѣть продолжительное сопротивленіе матеріи идеямъ, а потому нельзя ждать появленія новыхъ хозяйственныхъ формъ раньше, чѣмъ черезъ нѣсколько поколѣній". Бухеръ прибавляетъ, что Лассаль очень серьезно отнесся къ его возраженіямъ; особенно сильное впечатлѣніе произвели на него слова Лессинга о томъ, что во всѣ времена были люди, которые вѣрно заглядывали въ будущее и только не могли дождаться этого будущаго: имъ хотѣлось, чтобы въ моментъ ихъ бытія созрѣло то, на что исторія требуетъ столѣтій. Но затѣмъ, говоритъ Бухеръ, взяло верхъ вліяніе другой страстной особы, и Лассаль предпринялъ свою агитацію въ надеждѣ, которую часто высказывалъ своимъ друзьямъ, что ему приведется еще увидѣть свою побѣду.

Этотъ разсказъ носитъ на себѣ печать искренности, и онъ отлично совмѣщается съ разсказомъ Лассаля. „Въ общемъ" Лассаль убѣдилъ Бухера; что́ продолжало еще раздѣлять ихъ, была не столько противоположность убѣжденій, сколько противоположность темпераментовъ. Это инстинктивно чувствовали и они. Сообщая Рюстову о своемъ тріумфѣ, Лассаль прибавлялъ, что онъ еще посмотритъ, на долго ли ему удалось обратить Бухера, а Бухеръ, въ свою очередь, не умѣлъ себѣ объяснить сопротивленіе Лассаля его доводамъ иначе, какъ влі іемъ другой страстной особы.

Какъ извѣстно, сомнѣнія Лассаля насчетъ постоянства Бухера оказались весьма основательными, и съ точки зрѣнія практическихъ послѣдствій этотъ духовный поединокъ не заслуживалъ бы особаго разсмотрѣнія въ исторіи нѣмецкой соціалъ-демократіи. Но онъ въ высшей степени заслуживаетъ его потому, что позволяетъ намъ глубоко заглянуть въ происхожденіе лассалевской агитаціи среди рабочихъ. Имъ разъ навсегда опровергается ходячая легенда, будто Лассаль началъ свою агитацію изъ оскорбленнаго честолюбія или другихъ низкихъ мотивовъ; онъ показываетъ, наоборотъ, что агитація съ самаго начала была задумана Лассалемъ въ грандіозномъ стилѣ, что ея свѣтлыя и тѣневыя стороны были нераздѣльно связаны другъ съ другомъ, что она вытекала изъ глубокаго и непоколебимаго убѣжденія. Очень правдоподобно, что Лассаль отнесся весьма серьезно къ возраженіямъ Бухера. Насколько замкнутая натура Бухера была спо-

собна привязаться къ человѣку, настолько онъ былъ тогда привязанъ къ Лассалю; Бухеръ самъ признавался, сколько усилій ему приходится сдѣлать надъ собой, чтобы судить такъ объективно, несмотря на всѣ имѣющіяся у него основанія ненавидѣть старый міровой порядокъ. И его возраженія были далеко не поверхностнаго характера. Бухеръ зналъ лучше Лассаля не только остъ-эльбскій пролетаріатъ, но и крупно-капиталистическое развитіе и игру его имманентныхъ законовъ; онъ прожилъ столь важное въ экономическомъ отношеніи десятилѣтіе отъ 1850 до 1860 года не въ Дюссельдорфѣ и Берлинѣ, а въ Лондонѣ и Парижѣ. Насколько можно возстановить теперь возраженія Бухера, они довольно близко сходятся съ тѣмъ, что можетъ выставить противъ агитаціи Лассаля объективная историческая критика.

Тѣмъ не менѣе Бухеръ глубоко заблуждался, когда высказывалъ мнѣніе, что Лассаль сталъ глухъ къ его возраженіямъ подъ вліяніемъ графини Гацфельдтъ или кого-либо другого. Слухъ у Лассаля былъ гораздо тоньше, чѣмъ у Бухера; только шумъ неудержимо и стремительно надвигавшагося будущаго заглушалъ для него предостерегающій голосъ настоящаго. Ни въ чемъ своеобразная сила и своеобразная слабость лассалевскаго идеализма не выражается такъ ясно, какъ въ этомъ спорѣ съ Бухеромъ, возобновившемся впослѣдствіи въ аналогичной формѣ съ Циглеромъ и Родбертусомъ. То, что возражалъ ему „реалистическій складъ" его друзей, было довольно основательно, но Лассаль видѣлъ отчетливѣе, глубже и дальше, чѣмъ всѣ они, когда говорилъ, что все-таки вещи достаточно созрѣли для мощнаго толчка человѣческой руки, который привелъ бы ихъ, наконецъ, въ движеніе. Въ Лассалѣ не было поэтому ничего фантазерскаго, но безспорно былъ геній, который увѣренно схватываетъ глубочайшую сущность вещей. Человѣкъ въ цѣломъ всегда представляетъ еще нѣчто иное, чѣмъ тѣ тысячи частностей, изъ которыхъ онъ состоитъ, и сколько бы онъ ни ошибался въ частностяхъ, онъ все-таки можетъ имѣть историческое право на своей сторонѣ.

---

3. Лассаль и прогрессистская партія.

Итакъ Лассаль началъ свою политику непосредственнаго настоящаго. Кампанія, которую онъ велъ съ весны 1862 г. до весны 1863 г., является изо всѣхъ его кампаній не только наиболѣе значительной и плодотворной, но, если можно такъ выразиться, наибо-

лѣе законченной въ художественномъ отношенiи и наиболѣе чистой въ человѣческомъ: настоящiй шедевръ революцiонной стратегiи, построенный по строго опредѣленному плану постепеннаго усиленiя. Вначалѣ мы видимъ веселую гусарскую перестрѣлку, затѣмъ движенiе впередъ, сомкнутыми рядами несокрушимой логики, съ хладнокровно обдуманной тактикой и все-таки на высотѣ принципа, наконецъ—могучiй ударъ молота, разбивающiй ворота, черезъ которыя пролетарiатъ, сознавшiй свои классовые интересы, долженъ былъ совершить свое побѣдоносное вступленiе въ нѣмецкую исторiю.

Подобно Марксу и Энгельсу въ 1848 г., Лассаль въ 1862 г. также взялъ отправнымъ пунктомъ крайнiй конецъ буржуазнаго движенiя. Несмотря на весь горькiй опытъ, который онъ вынесъ отъ либерализма въ дни „новой эры“, Лассаль твердо держался воззрѣнiя, руководившаго имъ въ 50-е годы: не нападать на буржуазный классъ и не ослаблять его, а подкрѣплять его и толкать впередъ, покуда существуетъ хотя какая-нибудь надежда, что онъ выполнитъ историческое призванiе буржуазiи и покончитъ съ самодержавно-феодальной реакцiей. Благодаря капризному упрямству короля, прогрессистская партiя имѣла на своей сторонѣ почти всю страну, во всякомъ случаѣ—политически наиболѣе развитые элементы населенiя: энергичные и дѣльные элементы бюргерства, наряду съ пробуждающимися слоями рабочаго класса. Лассаль не игнорировалъ этого обстоятельства, какъ свободенъ онъ ни былъ отъ всякихъ иллюзiй. Попытка заставить прогрессистскую партiю пойти впередъ была вполнѣ стоющимъ дѣломъ, и если бы она даже была совершенно безнадежна, то ее все-таки слѣдовало сдѣлать. Пока прогрессистская партiя не доказала воочiю всему мiру, что она не въ состоянiи разрѣшить поставленную ей историческую задачу и даже не желаетъ разрѣшить ея, до тѣхъ поръ не имѣло никакого смысла переходить, игнорируя ее, къ очереднымъ дѣламъ.

Первой жертвой лассалевскаго меча палъ Юлiанъ Шмидтъ, перекочевавшiй изъ „*Grensboten*“ въ „*Berliner Allgem. Zeitung*“. Этотъ органъ государственныхъ мужей „новой эры“ самымъ злобнымъ образомъ нападалъ на прогрессистскую партiю; столь же скромное, сколько справедливое предложенiе послѣдней о большей детальности бюджета онъ объявлялъ, вполнѣ на манеръ продажныхъ оффицiозныхъ писакъ, „заподозриванiемъ“ министра финансовъ фонъ Патова, который „извѣстенъ во всей странѣ, какъ

мастеръ своего дѣла и какъ защитникъ конституціонной свободы". Именно въ эту сторону былъ направленъ заслуженный ударъ, который Лассаль нанесъ „грабовцу" Юліану Шмидту, а не, какъ ошибочно полагали, въ сторону всей буржуазной оппозиціи, какъ таковой. Нападать на оппозицію въ тотъ моментъ, когда она начала серьезно защищать бюджетное право парламента, совершенно не входило въ намѣренія Лассаля; наказывая Юліана Шмидта, онъ отхлесталъ негоднаго забіяку, нападавшаго на прогрессистскую партію именно за то, что она сдѣлала реальную попытку защитить народныя права.

Отсюда не слѣдуетъ, конечно, что Лассаль хотѣлъ играть роль палача прогрессистской партіи. Цѣль, которую онъ преслѣдовалъ своими „Примѣчаніями наборщика", посвященными бравому Юліану, указана въ энергично написанномъ предисловіи. Лассаль хотѣлъ выступить противъ духовнаго отупѣнія, противъ дряблаго и бездѣятельнаго опьяненія словами, губившаго нѣмецкое бюргерство. Онъ выбралъ Юліана Шмидта, какъ классическій типъ этой литературной и политической распущенности, не скрывая того, что званыхъ одинъ, а избранныхъ много, не замалчивая также вины почтенной публики въ обличаемомъ безобразіи. Въ этомъ смыслѣ памфлетъ Лассаля былъ направленъ также—и даже прежде всего—по адресу прогрессистской партіи. Но это дѣлалось въ ея же интересахъ, и во всей книжкѣ нѣтъ ни одного слова, которое могло бы затруднить названной партіи борьбу съ короной. Лассаль бичевалъ литературнаго и политическаго глашатая готцевъ, постыдно запутавшихъ борьбу съ короной, а теперь клавшихъ палки въ колеса прогрессистской партіи; уничтоженіе либерализма подобнаго сорта могло принести коронѣ лишь вредъ, а буржуазной оппозиціи только пользу.

Брошюра Лассаля противъ Юліана Шмидта относится къ классическимъ произведеніямъ нѣмецкой полемической литературы, хотя, или скорѣе потому, что наряду съ множествомъ горькихъ истинъ она содержитъ, какъ замѣтилъ вскорѣ послѣ ея выхода Альбертъ Ланге, много натяжекъ и несправедливаго. Но то же самое можно сказать о писаніяхъ Лессинга противъ Клотца и его сторонниковъ, о „Ксеніяхъ" Гёте и Шиллера, о литературныхъ сатирахъ Гейне и Платена. Если только не хотятъ изгнать борьбу изъ литературы и политики,—а изгнать ее значило бы убить всякую литературную и политическую жизнь,—то приходится мириться съ фактомъ, что на войнѣ все именно и ведется, какъ на

войнѣ. Мало того, чѣмъ больше основаній существуетъ для такой борьбы, тѣмъ несправедливѣе она должна становиться въ извѣстномъ смыслѣ. Ея законность растетъ въ той мѣрѣ, въ какой она задѣваетъ лицо ради дѣла, но чѣмъ больше она въ лицѣ видитъ только дѣло, тѣмъ больше нарушаетъ она личныя права этого лица.

Можно съ полнымъ уваженіемъ относиться къ критическому изслѣдованію, которое заднимъ числомъ доказываетъ, что Клотцы и Шмидты не были такъ ужъ плохи, какъ ихъ изобразили Лессинги и Лассали: это долгъ справедливости, противъ котораго всего меньше возражали бы что-нибудь Лессинги и Лассали. Но противъ нихъ самихъ это ничего не говоритъ. Они боролись съ гнилымъ и дурнымъ, потому что оно было гнило и дурно, и совершенно справедливо не заботились о томъ, сможетъ ли оно передъ судомъ потомства привести въ свою пользу то или иное смягчающее вину обстоятельство. Лассаль былъ въ этомъ отношеніи даже снисходительнѣе своихъ знаменитыхъ предшественниковъ. Онъ открыто высказалъ, что публицистическая дѣятельность Юліана Шмидта составляетъ продуктъ всеобщаго процесса разложенія; онъ оказалъ бѣдному грѣшнику, котораго тащилъ на мѣсто казни, всѣ почести, полагавшіяся королю бездарной банды, а форма его „Примѣчаній наборщика" заранѣе исключала предположеніе что онъ желаетъ буквальнаго пониманія всѣхъ задорныхъ шутокъ, которыя онъ продѣлывалъ со своей жертвой. По существу это была борьба за правое дѣло, и всѣ истинные люди науки благодарно пожимали ему за нее руки, какъ и теперь еще поблагодаритъ всякій, кто заглянетъ въ „Исторію литературы" Юліана Шмидта и убѣдится, насколько злобны и въ то же время безсодержательны ея издѣвательства надъ нашей классической литературой и философіей.

Въ этой работѣ Лассаля Бухеръ еще принималъ участіе, но затѣмъ Лассаль выступилъ самостоятельно съ двумя рѣчами, въ которыхъ онъ разъяснилъ буржуазіи и рабочему классу политическое положеніе. Рѣчь о сущности конституціи, произнесенная имъ подъ рядъ въ четырехъ окружныхъ либеральныхъ ферейнахъ, внесла необходимую ясность въ тогдашній избирательный лозунгъ прогрессистской партіи, согласно которому дѣло шло о спасеніи конституціи.

Лассаль изслѣдовалъ сущность конституціи и показалъ, что подобно тому какъ всякій организмъ имѣетъ свое устройство,

такъ и каждая страна имѣетъ свою конституцію. Въ каждой странѣ должно существовать какое-нибудь фактическое соотношеніе силъ; это фактическое соотношеніе силъ и представляетъ собою всегда дѣйствительную конституцію страны. Лассаль съ яркой наглядностью иллюстрировалъ свою мысль: король, которому повинуются войска и пушки, дворянство, имѣющее вліяніе на короля и дворъ, крупная промышленность и торговля, банкъ и биржа, въ извѣстныхъ предѣлахъ также общее сознаніе и въ самыхъ крайнихъ случаяхъ даже народная масса,—все это части конституціи. Такія фактическія конституціи всегда существовали и должны были всегда существовать. Особенность новѣйшаго времени составляютъ не дѣйствительныя, а писанныя конституціи или листы бумаги.

Какимъ же образомъ возникаетъ это стремленіе къ писанной конституціи? Очевидно, лишь потому, что въ странахъ, гдѣ оно появляется, произошло измѣненіе въ дѣйствительномъ соотношеніи силъ. Общество, въ которомъ дѣйствительное соотношеніе силъ не измѣнилось, не испытываетъ рѣшительно никакой потребности въ новой конституціи. Эта потребность возникаетъ въ новѣйшее время изъ гигантскаго развитія бюргерства, сила которой превзошла силу короны и дворянства. Граждане не хотятъ больше быть управляемой массой, не имѣющей собственной воли; они хотятъ, напротивъ, сами властвовать и сдѣлать государя исполнителемъ своей воли. Въ интересахъ своего господства они хотятъ собрать и закрѣпить въ одномъ документѣ всѣ учрежденія и принципы управленія страны. Но фактически бо́льшая сила ихъ не организована, а потому они не могутъ одолѣть меньшую, но организованную силу, какую король имѣетъ въ арміи и пушкахъ. Лишь тогда, когда вслѣдствіе продолжительнаго веденія національныхъ дѣлъ въ духѣ, противоположномъ волѣ и интересамъ націи, послѣдняя рѣшается противопоставить организованной силѣ свою неорганизованную большую силу, наступаетъ... 18-ое марта 1848 года.

Въ этотъ день старая конституція страны была разрушена, и требовалось теперь составить новую. Что нужно было, слѣдовательно, дѣлать? Берлинское собраніе должно было создать дѣйствительную конституцію, измѣнить существующія въ странѣ реальныя соотношенія силъ въ интересахъ гражданъ, подчинить своей власти организованную силу арміи и пушекъ. Тогда оно могло бы въ три дня создать писанную конституцію. Вмѣсто этого

оно растрачивало попусту драгоцѣнное время, а когда оно предложеніемъ Штейна сдѣлало, наконецъ, первый робкій шагъ, чтобы овладѣть арміей, то вся буржуазія и половина страны завопили: не заниматься посторонними дѣлами, не браниться съ министерствомъ, а во что бы то ни стало составлять конституцію! Кончилось тѣмъ, что корона разогнала собраніе своими несломленными орудіями силы.

Корона гораздо лучше понимала сущность конституціи. Когда она побѣдила, она и не подумала написать реакціонную конституцію. Напротивъ, она добровольно дала довольно либеральную писанную конституцію, но зато первой практической мѣрой ея было распущеніе гражданскаго ополченія, обезоруженіе гражданъ. „Разоружить побѣжденныхъ, вотъ что важнѣе всего для побѣдителя, если онъ не хочетъ, чтобы борьба возобновилась въ любую минуту". Побѣдоносная корона могла охотно и безъ вреда для себя даровать писанную либеральную конституцію, покуда она удерживала неослабленными въ своихъ рукахъ фактическія, реальныя орудія власти, въ полной увѣренности, что *дѣйствительная* конституція шагъ за шагомъ будетъ одерживать верхъ надъ писанной, съ такой же необходимостью, какая заключается въ законѣ тяготѣнія. Такъ оно и вышло. „Ни одно знамя, перебывавшее въ ста сраженіяхъ, не можетъ быть такъ изодрано и продырявлено, какъ наша конституція". Хвататься тѣмъ не менѣе съ лихорадочнымъ трепетомъ за этотъ обрывокъ знамени значитъ ничто иное, какъ испускать крикъ страха, значитъ признать, что въ *писанной* конституціи все еще имѣется нѣчто противорѣчащее *дѣйствительному* соотношенію силъ.

Гдѣ писанная конституція отвѣчаетъ дѣйствительному соотношенію силъ, тамъ никогда не случится, чтобы какая-нибудь партія сдѣлала своимъ особымъ боевымъ кличемъ сохраненіе конституціи. Такой конституціи никто не посмѣетъ тронуть. Но если фактическое соотношеніе силъ противорѣчитъ писанной конституціи, то она безнадежно погибла, и никакой богъ, никакіе вопли не помогутъ ей. Она будетъ измѣнена либо вправо, т.-е. приноровлена къ реальному могуществу организованной силы, либо влѣво, когда неорганизованная сила общества снова докажетъ свое превосходство надъ организованной силой арміи и пушекъ. Но во всякомъ случаѣ она погибла.

Лассаль резюмировалъ свой взглядъ слѣдующимъ образомъ: „Конституціонные вопросы суть прежде всего вопросы силы, а не

права; дѣйствительная конституція страны заключается лишь въ реальныхъ, фактическихъ соотношеніяхъ силъ, существующихъ въ данной странѣ; писанныя конституціи лишь тогда цѣнны и долговѣчны, когда онѣ являются точнымъ выраженіемъ дѣйствительнаго соотношенія силъ въ обществѣ". Лассаль прибавилъ, что принципы, которые онъ развилъ относительно арміи, какъ самаго рѣшительнаго и самаго важнаго изъ организованныхъ орудій власти, приложимы, конечно, и къ организаціи чиновниковъ, служащихъ въ судебномъ вѣдомствѣ, по администраціи и т. д. Послѣ сказаннаго слушатели, безъ единаго слова съ его стороны, поймутъ сами, изъ какой потребности возникли правительственные проекты о реорганизаціи арміи. Лассаль закончилъ: „Господа, служители монархіи—практики, а не краснобаи, но такихъ практическихъ слугъ слѣдовало бы пожелать и вамъ".

Въ настоящее время кажется почти непостижимымъ, что изложенная рѣчь Лассаля, съ поразительной ясностью указавшая больной нервъ положенія, не произвела, повидимому, большого впечатлѣнія на тѣхъ, къ кому она была обращена, но этотъ фактъ тѣмъ ярче свидѣтельствуетъ о господствовавшей тогда путаницѣ. Въ окружныхъ ферейнахъ, гдѣ говорилъ Лассаль, его рѣчь сопровождалась обычными рукоплесканіями, и въ знакъ совершенно особаго уваженія къ оратору публика воздержалась, по его просьбѣ, отъ куренія, пока онъ говорилъ. Но въ прочихъ отношеніяхъ эти добряки, повидимому, совершенно не замѣтили, что Лассаль поднесъ имъ совсѣмъ иную пищу, нежели ходячія фразы, къ которымъ ихъ пріучили другіе. Вожди прогрессистской партіи едва ли такъ грубо ошиблись; отъ нихъ врядъ ли могло ускользнуть, куда мѣтитъ Лассаль. Но они уже тогда были знакомы съ великолѣпнымъ средствомъ замалчивать неудобныя вещи, если это сколько-нибудь возможно, и пока пасомое ими стадо не проявляло безпокойства, они не имѣли также никакого повода связываться съ Лассалемъ. Большее вниманіе, чѣмъ у этихъ „краснобаевъ", рѣчь Лассаля встрѣтила у „практическихъ служителей" короны. *„Крестовая Газета"* заявила, что Лассаль—еврей-революціонеръ, о которомъ много говорили въ свое время—съ вѣрнымъ инстинктомъ попалъ въ самую точку и не сказалъ еще всего, что онъ знаетъ и думаетъ. Это былъ языкъ юнкеровъ, желавшихъ возможно скорѣе и возможно непоправимѣе поссорить корону съ буржуазнымъ классомъ. Само правительство вело себя осторожнѣе: военный министръ фонъ-Роонъ и оффиціозная

„*Sternzeitung*“ обвинили Лассаля въ разрушительныхъ тенденціяхъ.

Если Лассаль въ этой рѣчи предостерегалъ буржуазный классъ: берегитесь повторять тѣ глупости, изъ-за которыхъ вы проиграли свою игру въ 1848 году,—то во второй своей рѣчи, произнесенной 12 апрѣля 1862 года въ ремесленномъ ферейнѣ ораніенбургскаго предмѣстья передъ машиностроительными рабочими этого квартала, онъ сказалъ: не забывайте, что въ общей оппозиціи гражданъ вы являетесь представителями особыхъ интересовъ. Эта рѣчь составила то, что Лассаль назвалъ впослѣдствіи „программой работниковъ“; онъ хотѣлъ въ ней разобрать „особенную связь современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія“.

Для лучшаго поясненія своей темы Лассаль заглянулъ сначала въ исторію, въ прошедшее, которое, если вѣрно понять его, всегда вскрываетъ значеніе настоящаго и намѣчаетъ очертанія будущаго. Въ средніе вѣка господствующимъ принципомъ было землевладѣніе; причина его господства заключалась въ экономическомъ, хозяйственномъ строѣ этого періода, въ состояніи его производства. На землевладѣніи покоилась общественная власть, ленная система, покоилось публичное право, устройство имперіи, покоились податныя привилегіи крупнаго землевладѣнія и пренебрежительное отношеніе общества ко всякому труду, кромѣ занятія земледѣліемъ.

Лассаль показалъ затѣмъ подробно, какъ прогрессъ промышленности, буржуазнаго производства, все болѣе и болѣе развивающагося раздѣленія труда,—какъ возникшее благодаря этому капиталистическое богатство подѣйствовало разлагающимъ образомъ на средневѣковую организацію общества. Этотъ историческій очеркъ опирается въ существенныхъ чертахъ на Коммунистическій Манифестъ, хотя отнюдь не является плагіатомъ, а продуманъ вполнѣ самостоятельно. Медленный, незамѣтно революціонирующій прогрессъ промышленности лишилъ землевладѣніе его былого значенія; революція наступила въ нѣдрахъ общества уже задолго до того, какъ она проявилась во Франціи. „Таково, господа, вообще значеніе всѣхъ революцій! Революціи никогда нельзя сдѣлать; рѣчь можетъ идти только о внѣшнемъ юридическомъ признаніи и послѣдовательномъ проведеніи революціи, уже совершившейся въ фактическихъ отношеніяхъ общества. Хотѣть сдѣлать революцію могутъ только глупые, неразвитые люди, не имѣющіе никакого представленія о законахъ исторіи. Именно потому представляется также глупостью и ребячествомъ желаніе задержать ре-

волюцію, уже совершившуюся въ нѣдрахъ общества, сопротивляться ея правовому признанію, упрекать такое общество или отдѣльныхъ лицъ, помогавшихъ при этихъ родахъ, за ихъ революціонность. Коль скоро революція существуетъ внутри общества, въ его фактическихъ отношеніяхъ, она должна выступить наружу и перейти въ собраніе законовъ, и никакими усиліями не помѣшаешь этому". Прядильная машина, разбившая средневѣковую цеховую организацію и подготивившая свободную конкурренцію, была уже живымъ воплощеніемъ революціи.

Во время великой французской революціи буржуазія, третье сословіе, пріобрѣла правовое положеніе, соотвѣтствовавшее ея фактической силѣ. Въ первый моментъ она отождествляла себя со всѣмъ народомъ, свое дѣло съ дѣломъ всего человѣчества. Такъ ли оно было въ дѣйствительности, или это третье сословіе, буржуазія, таило въ себѣ еще четвертое сословіе, отъ котораго оно, въ свою очередь, хотѣло отмежеваться юридически и которое оно желало подчинить своей власти? Лассаль толковалъ понятіе буржуазіи въ томъ смыслѣ, что при наступленіи французской революціи весь не-дворянскій классъ гражданъ состоялъ, какъ и теперь еще состоитъ, изъ двухъ подклассовъ: во-первыхъ, изъ лицъ, получающихъ свой доходъ исключительно или главнымъ образомъ отъ своего труда и не пользующихся при этомъ никакимъ или же самымъ ничтожнымъ содѣйствіемъ капитала; во-вторыхъ, изъ лицъ, которыя располагаютъ крупнымъ имуществомъ, большимъ капиталомъ и на основѣ такого крупнаго капитала занимаются производствомъ или получаютъ доходъ въ видѣ ренты. Но такой богатый гражданинъ самъ по себѣ еще не есть буржуа. Если онъ наслаждается у себя дома большими удобствами своего положенія, то это какъ нельзя болѣе просто, естественно и законно. Лишь тогда, когда этотъ богатый гражданинъ, не довольствуясь фактическими удобствами отъ своей крупной собственности, хочетъ сдѣлать этотъ фактъ правовымъ условіемъ политической власти, онъ становится буржуа. Третье сословіе, достигшее господства благодаря французской революціи, несомнѣнно смотрѣло на себя, какъ на буржуазію въ указанномъ смыслѣ, оно подчинило народъ своему привилегированному политическому господству. Подобно тому какъ дворянство въ средніе вѣка сдѣлало землевладѣніе господствующимъ принципомъ всѣхъ общественныхъ учрежденій, такъ буржуазія сдѣлала этимъ принципомъ капиталъ.

Лассаль доказываетъ это рядомъ параллельныхъ фактовъ. Съ помощью цензовыхъ выборовъ буржуазія дѣлаетъ изъ суммы уплачиваемыхъ налоговъ, слѣдовательно, въ послѣднемъ счетѣ, изъ владѣнія капиталомъ масштабъ, опредѣляющій право выборовъ въ палаты, а вмѣстѣ съ нимъ и участіе отдѣльнаго лица въ господствѣ надъ государствомъ. При помощи косвенныхъ налоговъ, которые не она, правда, изобрѣла, но которые она развила въ неслыханную раньше систему, буржуазія доставляетъ крупному капиталу податныя льготы, которыми въ средніе вѣка пользовалось крупное землевладѣніе. При этомъ Лассаль подчеркиваетъ характерное противорѣчіе и своеобразную справедливость порядка, въ силу котораго почти всѣ потребности государственнаго хозяйства удовлетворяются изъ доходовъ отъ косвенныхъ налоговъ и взваливаются, такимъ образомъ, на плечи неимущихъ народныхъ массъ, между тѣмъ какъ масштабомъ и условіемъ избирательнаго права, а, слѣдовательно, и права на политическое господство дѣлаются прямые налоги, составляющіе въ 108-милліонномъ бюджетѣ прусскаго государства ничтожно малую долю въ 12 милліоновъ талеровъ. Съ какимъ презрѣніемъ относятся въ обществѣ ко всѣмъ тѣмъ, которые не владѣютъ буржуазной собственностью,—безразлично, въ какой бы области и какъ бы много они ни работали—это его слушателямъ довольно часто приходилось, конечно, испытывать въ повседневной жизни. Мало того, въ извѣстныхъ отношеніяхъ буржуазія идетъ еще дальше, чѣмъ феодальное дворянство, такъ какъ при помощи залоговъ и штемпельныхъ сборовъ она дѣлаетъ привилегіей капитала обученіе взрослаго населенія, которое въ средніе вѣка лежало на духовенствѣ, а въ новѣйшее время лежитъ на періодической печати.

Но и этотъ историческій періодъ внутренне изжилъ себя, хотя видимость говоритъ иное. „24 февраля 1848 г. взошла заря новаго историческаго періода. Въ этотъ день во Франціи, въ этой странѣ, могучая внутренняя борьба которой своими побѣдами и пораженіями свободы знаменуетъ побѣды и пораженія всего человѣчества, разразилась революція, призвавшая рабочаго въ члены временнаго правительства, возвѣстившая цѣлью государства улучшеніе судьбы рабочаго класса и провозгласившая всеобщее и прямое избирательное право, въ силу котораго каждый гражданинъ по достиженіи 21 года получаетъ, независимо отъ своего имущественнаго положенія, равное участіе въ господствѣ надъ государствомъ, въ опредѣленіи воли и цѣли государства“. Если

революція 1789 года была революціей третьяго сословія, то четвертое сословіе, которое въ 1789 году еще таилось въ складкахъ третьяго сословія и, на первый взглядъ, сливалось съ нимъ, желаетъ сдѣлать отнынѣ свой принципъ господствующимъ принципомъ общества, оно хочетъ, чтобы имъ были проникнуты всѣ общественныя учрежденія. Затѣмъ Лассаль совершенно въ духѣ Коммунистическаго Манифеста доказываетъ, что это послѣднее и низшее сословіе, этотъ обездоленный классъ общества, не выставляетъ и не можетъ больше выставить никакого исключительнаго, правового или фактическаго условія, что это четвертое сословіе, въ сердцѣ котораго нѣтъ и зародыша новой привилегированности, именно потому совпадаетъ со всѣмъ человѣческимъ родомъ. Его дѣло поистинѣ является дѣломъ всего человѣчества, его свобода есть свобода самого человѣчества, его господство есть господство всѣхъ. Кто провозглашаетъ идею рабочаго сословія господствующимъ принципомъ общества, тотъ провозглашаетъ не лозунгъ, разобщающій общественные классы, а лозунгъ примиренія, единенія, любви,—кличъ, который, однажды раздавшись изъ сердца народа, навсегда останется истиннымъ лозунгомъ его и по своему внутреннему содержанію будетъ лозунгомъ любви даже тогда, когда грянетъ браннымъ кличемъ народа.

Лассаль разсматриваетъ далѣе принципъ рабочаго сословія, какъ господствующій принципъ общества, съ трехъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія формальныхъ средствъ его осуществленія, со стороны его нравственнаго содержанія и со стороны присущаго ему воззрѣнія на цѣль государства. Формальнымъ средствомъ осуществленія этого принципа является всеобщее и прямое избирательное право. Это не волшебный жезлъ, предохраняющій отъ мимолетныхъ ошибокъ, но это—единственное средство, которое съ теченіемъ времени само исправляетъ ошибки, къ какимъ можетъ повести неправильное пользованіе имъ въ данную минуту. Это—копье, само исцѣляющее наносимыя имъ раны. При всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ собраніе выборныхъ народныхъ представителей не можетъ не стать въ концѣ-концовъ точнымъ и вѣрнымъ отраженіемъ избравшаго ихъ народа.

Переходя къ нравственному содержанію принципа рабочаго сословія, Лассаль доказываетъ, что наступленіе его господства сопровождалось бы такимъ расцвѣтомъ нравственности, культуры

и науки, какого еще не видала исторія. Развитіе народовъ, духъ исторіи съ давнихъ поръ приводятъ ко все большему устраненію привилегій, гарантирующихъ высшимъ сословіямъ ихъ положеніе, какъ высшихъ и господствующихъ сословій. Поэтому желаніе сохранить это положеніе или личный интересъ заранѣе ставитъ всякаго члена высшихъ сословій въ принципіально враждебное отношеніе къ развитію народа, къ распространенію просвѣщенія и науки, къ успѣхамъ культуры, ко всякимъ вѣяніямъ и побѣдамъ исторической жизни,—если онъ, благодаря широкому кругозору, разъ навсегда не возвысился надъ всѣмъ своимъ личнымъ положеніемъ. Это противорѣчіе необходимо влечетъ за собой высокую и неизбѣжную безнравственность высшихъ сословій. Иное дѣло низшіе классы. Правда, и въ ихъ средѣ существуетъ еще, къ сожалѣнію, достаточно много своекорыстія,—гораздо больше, чѣмъ слѣдовало бы. Но здѣсь это недостатокъ отдѣльныхъ лицъ, а не неизбѣжный недостатокъ класса. Членамъ низшаго класса уже весьма элементарный инстинктъ подсказываетъ, что пока каждый изъ нихъ заботится и думаетъ только о себѣ, онъ не въ состояніи значительно улучшить свое положеніе. Но когда низшіе классы общества стремятся къ улучшенію своей классовой участи, ихъ интересъ вполнѣ совпадаетъ по своему направленію съ развитіемъ всего народа, съ побѣдой идеи, съ самимъ жизненнымъ принципомъ исторіи, которая есть ничто иное, какъ развитіе свободы. „Вы счастливцы, ибо то, что составляетъ вашъ истинный личный интересъ, совпадаетъ съ бьющимся пульсомъ исторіи, съ движущимъ жизненнымъ началомъ нравственнаго развитія". Рабочіе могутъ поэтому отдаться историческому развитію съ личной страстностью, будучи увѣрены, что они будутъ тѣмъ нравственнѣе, чѣмъ ярче и глубже будетъ эта страсть въ объясненномъ здѣсь чистомъ смыслѣ.

Наконецъ, въ тѣсной связи съ этимъ находится различіе въ воззрѣніяхъ четвертаго сословія и буржуазіи на государство. „Нравственная идея буржуазіи заключается исключительно въ томъ, что надо гарантировать каждому безпрепятственное проявленіе своихъ силъ. Эту идею можно было бы считать удовлетворительной и моральной, если бы мы всѣ были одинаково сильны, одинаково умны, образованны и богаты. Но такъ какъ этого нѣтъ и не можетъ быть, то мысль эта недостаточна и необходимо приводитъ въ своихъ слѣдствіяхъ къ глубокой безнравственности. Она ведетъ къ тому, что болѣе сильный, болѣе лов-

кій, болѣе богатый эксплуатируетъ и забираетъ въ руки слабѣйшаго. Напротивъ, нравственная идея рабочаго сословія заключается въ томъ, что одного безпрепятственнаго и свободнаго проявленія индивидуальныхъ силъ еще недостаточно, а что въ нравственно упорядоченномъ общежитіи необходимы еще сверхъ того: солидарность интересовъ, общность и взаимность въ развитіи!" Соотвѣтственно этому различію буржуазія понимаетъ цѣль государства такимъ образомъ: государство должно защищать исключительно личную свободу индивидуума и его собственность. Это идея будочника, „будочника потому, что она неспособна представить себѣ государство иначе, какъ въ образѣ ночного сторожа, функція котораго заключается въ предупрежденіи грабежа и разбоя". Если бы буржуазія хотѣла послѣдовательно договориться до конца, то она должна была бы сознаться, что при отсутствіи грабителей и воровъ государство становится вообще совершенно излишнимъ.

Совершенно иначе понимаетъ цѣль государства четвертое сословіе; оно понимаетъ ее именно такъ, какова она есть на самомъ дѣлѣ. „Исторія есть борьба съ природой, съ нищетой, невѣжествомъ, бѣдностью, безсиліемъ, т.-е. со всяческой неволей, въ которой мы находились, когда человѣческій родъ начиналъ свою исторію. Постепенное преодолѣніе этого безсилія есть развитіе свободы, которое представляетъ собою исторія. Мы никогда не сдѣлали бы ни одного шага впередъ въ этой борьбѣ и никогда не сдѣлаемъ его, если бы вели или хотѣли вести ее каждый самъ по себѣ, каждый поодиночкѣ. Государство имѣетъ своей задачей осуществить это развитіе свободы, это развитіе человѣческаго рода къ свободѣ. Государство является этимъ единствомъ индивидуумовъ въ одномъ нравственномъ цѣломъ, единствомъ, безконечно увеличивающимъ силы *всѣхъ* отдѣльныхъ личностей, входящихъ въ это единеніе, безконечно умножающимъ силы, которыя находились бы въ ихъ распоряженіи, какъ отдѣльныхъ лицъ". Рабочее сословіе уже вслѣдствіе безпомощнаго положенія, въ которомъ находятся члены его, какъ отдѣльныя лица, чувствуетъ глубоко инстинктивно, что назначеніе государства состоитъ и должно состоять въ томъ, чтобы путемъ объединенія всѣхъ помочь отдѣльному лицу достигнуть такого развитія, какое для одинокой личности недоступно. „Правда, этой нравственной цѣли безсознательно и часто даже вопреки своей волѣ служили до сихъ поръ всѣ государства по самой природѣ вещей и

подъ давленіемъ обстоятельствъ. Но при господствѣ идеи рабочаго сословія государство стало бы служить ей съ совершенной ясностью и съ полнымъ сознаніемъ. Оно выполняло бы совершенно добровольно и съ полнѣйшей послѣдовательностью то, что до сихъ поръ приходилось вырывать у него лишь скудными клочками и противъ его воли. Несомнѣнно, что этимъ былъ бы вызванъ такой подъемъ духа, такая сумма счастья, просвѣщенія, благосостоянія и свободы, какихъ еще не видала всемірная исторія и передъ которыми совершенно померкли бы самые прославленные порядки прежнихъ временъ".

Этотъ рядъ идей Лассаль называетъ идеей рабочаго сослові и изъ нея онъ выводитъ обязанность рабочихъ держаться совершенно новаго поведенія. „Высокая всемірно-историческая честь такого предназначенія должна преисполнить собою всѣ ваши помыслы. Пороки угнетенныхъ, праздныя развлеченія немыслящихъ, даже невинное легкомысліе ничтожныхъ,—все это теперь недостойно васъ. *Вы*—скала, на которой созиждется церковь настоящаго". Развивъ въ прекрасныхъ выраженіяхъ эту мысль, Лассаль заявляетъ, что считалъ бы себя щедро вознагражденнымъ, если бы ему посчастливилось зажечь нравственное пламя ея хотя бы только въ двоихъ или троихъ изъ присутствующихъ слушателей. Онъ убѣждаетъ рабочихъ въ своемъ стремленіи не поддаваться прежде всего душевному упадку и сомнѣніямъ. Съ высокихъ вершинъ науки, говоритъ онъ, утреннюю зарю новаго дня можно узрѣть раньше, чѣмъ внизу, въ сутолокѣ повседневной жизни; что часъ въ естественномъ зрѣлищѣ ежедневныхъ небесныхъ перемѣнъ, то—одно или два десятилѣтія въ гораздо болѣе величественномъ зрѣлищѣ всемірно-историческаго восхода солнца.

Въ этой рѣчи, даже больше чѣмъ въ рѣчи о сущности конституціи, вылился весь Лассаль. Прозрачная ясность въ расположеніи матеріала, строгая логичность аргументаціи, увлекательный языкъ, глубокая симпатія къ пролетаріату, которой освѣщена и согрѣта вся рѣчь, симпатія, которая, будучи одинаково далекой отъ холоднаго разсчета демагога и отъ слезливаго паѳоса человѣка чувства, приводитъ къ ясному опредѣленію задачъ, поставленныхъ пролетаріату въ современномъ буржуазномъ обществѣ,—все это дѣлаетъ „Программу работниковъ" въ своемъ родѣ такимъ же великимъ шедевромъ, какимъ является въ своемъ родѣ Коммунистическій Манифестъ. Можно сказать, что „Про-

грамма работниковъ“ это—Коммунистическій Манифестъ, отраженный въ зеркалѣ нѣмецкихъ условій.

Этимъ самымъ сказано, конечно, что она одностороннѣе Коммунистическаго Манифеста. Но въ ея односторонности лежитъ также ея сила. Лассаль оставляетъ безъ вниманія англійскую революцію 17-го столѣтія, онъ оставляетъ безъ вниманія чартистское движеніе, которое задолго до февральской революціи сдѣлало всеобщее избирательное право боевымъ лозунгомъ пролетаріата, онъ оставляетъ безъ вниманія классическую форму буржуазіи въ Англіи. Оттого, что Лассаль ограничиваетъ свое изслѣдованіе французскимъ и нѣмецкимъ историческимъ развитіемъ, его картина становится, конечно, болѣе или менѣе односторонней, но отнюдь не невѣрной. Ни субъективно невѣрной, потому что Лассаль дѣйствительно представлялъ себѣ вещи такъ, какъ онъ ихъ изображалъ, и при знакомствѣ со всѣмъ ходомъ его образованія и развитія нетрудно объяснить себѣ, почему англійская историческая эволюція всегда была ему болѣе чужда, чѣмъ французская и нѣмецкая; ни объективно невѣрной, ибо въ предѣлахъ историческаго горизонта Лассаля воззрѣніе его было правильно, а сами эти предѣлы были достаточно широки, чтобы уяснить нѣмецкимъ рабочимъ, чтó для нихъ важно въ настоящемъ и будущемъ. При тогдашнихъ условіяхъ Коммунистическій Манифестъ долженъ былъ представляться для массы нѣмецкаго пролетаріата книгой за семью печатями; при тогдашнемъ уровнѣ ея пониманія онъ могъ бы въ лучшемъ случаѣ бросить сумеречный свѣтъ на путь, которымъ исторически долженъ былъ слѣдовать нѣмецкій рабочій классъ. Наоборотъ, „Программа работниковъ“ Лассаля, хотя и указывала ему лишь первые этапы этого пути, но зато указывала ихъ съ законченной ясностью.

При всемъ томъ Лассаль освѣтилъ въ „Программѣ работниковъ“ очень важный и рѣшающій отдѣлъ буржуазнаго историческаго періода. Онъ ошибается собственно лишь въ одномъ пунктѣ, занимающемъ, впрочемъ, второстепенное мѣсто въ его аргументаціи—въ вопросѣ о залогахъ и штемпельныхъ сборахъ съ газетъ: тѣ и другіе служили въ общемъ орудіями феодально-абсолютистскаго господства, и буржуазія, вообще говоря, всегда вела борьбу противъ нихъ. Но наиболѣе важные, рѣшающіе признаки, по которымъ Лассаль опредѣляетъ господство буржуазіи, вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Цензовые выборы самымъ упорнымъ образомъ отстаивались англійской буржуазіей во время борьбы за

„билль о реформѣ“, а французской буржуазіей—во время революціи 1848 года; во всякомъ расширеніи избирательнаго права этотъ классъ усматривалъ и усматриваетъ потрясеніе своего господства, его всегда приходилось и приходится насильно вырывать у буржуазіи. Въ Пруссіи трехклассная система выборовъ была, правда, „дарована свыше“ абсолютистско-феодальной контръ-революціей, противъ воли буржуазіи и при бумажномъ протестѣ съ ея стороны, но къ тому времени, когда Лассаль опубликовалъ свою „Программу работниковъ“, буржуазный классъ давно уже созналъ свое минутное заблужденіе и старался исправить его тѣмъ болѣе пламенной приверженностью къ цензовымъ выборамъ. Наконецъ, достаточно извѣстно, какъ враждебно относится въ настоящее время нѣмецкая буржуазія ко всеобщему избирательному праву тамъ, гдѣ оно существуетъ, и какъ упорно она сопротивляется его проникновенію туда, гдѣ его еще нѣтъ.

Точно такъ же дѣло обстоитъ съ косвенными налогами. Когда Лассаль говорилъ, что хотя буржуазія и не изобрѣла этихъ налоговъ, но она развила ихъ въ неслыханную раньше систему, то онъ повторялъ сказанное уже Марксомъ въ полемическомъ сочиненіи противъ Прудона: „Налогъ на потребленіе,—читаемъ мы тамъ,—достигъ полнаго своего развитія лишь вмѣстѣ съ побѣдой буржуазіи“. Историческіе факты вполнѣ подтверждаютъ этотъ взглядъ. Лассалю возражали, что именно въ Пруссіи „буржуазію“ ужъ несомнѣнно нельзя считать отвѣтственной за введеніе косвенныхъ налоговъ въ 17-мъ столѣтіи, и это возраженіе совершенно правильно, поскольку оно утверждаетъ, что въ указанную эпоху не было прусской „буржуазіи“ въ современномъ смыслѣ слова. Фактически, однако, города добились на бранденбургскомъ сеймѣ 1667 года введенія акциза противъ воли рыцарства, говоря, что онъ „согласенъ со словомъ Божіимъ и съ природой вещей“. Представители городовъ умоляли своего любезнѣйшаго „отца страны“ услышать мольбу объ облегченіи многихъ тысячъ сердецъ въ городахъ и деревняхъ и ввести во всей странѣ налогъ на потребленіе вмѣсто такъ наз. контрибуціи, прямого налога того времени. Чѣмъ болѣе убѣдительнымъ кажется на первый взглядъ приведенное возраженіе противъ Лассаля, тѣмъ убѣдительнѣе оно говоритъ за Лассаля; чѣмъ болѣе жалкими зачатками современной буржуазіи были бранденбургскіе города 17-го столѣтія, тѣмъ больше ихъ пламенная мольба объ акцизѣ доказываетъ, какъ глубоко коренятся косвенные налоги въ существѣ буржуазнаго историческаго періода.

Безспорно, косвенные налоги, какъ выразился впослѣдствіи Лассаль, представляютъ собою „богатую и мозаикообразную матерію". Борьба изъ-за этихъ налоговъ,—которые при своемъ возникновеніи имѣли одной изъ главныхъ своихъ цѣлей уничтожить косвеннымъ образомъ феодальныя податныя привилегіи дворянства,—происходила не только между господствующими и подвластными классами, но и внутри самихъ господствующихъ классовъ. Государямъ и юнкерамъ косвенные налоги скоро чрезвычайно понравились, тогда какъ буржуазія начала страстно бороться противъ нихъ, когда они въ ущербъ ей стали укрѣплять силу фиска и феодальнаго класса, когда они стали повышать земельную ренту и понижать прибыль на капиталъ. Во время этой борьбы буржуазная политическая экономія собрала богатый арсеналъ доводовъ противъ косвенныхъ налоговъ, что́ не помѣшало буржуазной практикѣ при помощи налоговъ на потребленіе переложить государственные расходы на трудовые классы въ формахъ, отвѣчавшихъ исключительно или преимущественно ея классовымъ интересамъ. Въ тѣхъ широкихъ историческихъ рамкахъ, въ которыхъ лассалевская „Программа работниковъ" разсматриваетъ этотъ вопросъ, косвенные налоги несомнѣнно развились во время господства буржуазіи въ неслыханную раньше систему и являются однимъ изъ существеннѣйшихъ признаковъ буржуазнаго историческаго періода.

Вообще крупнымъ достоинствомъ „Программы работниковъ" является ея стремленіе отыскать экономическую основу историческаго развитія. Идеологія Лассаля имѣетъ уже здѣсь видъ очень тонкой кожицы, черезъ которую всюду видна струящаяся красная кровь жизни. Феодальный „принципъ" выводится изъ средневѣковаго способа производства, „идея рабочаго сословія" фактически истолковывается какъ пролетарская классовая борьба, и даже разсужденія Лассаля о государствѣ могутъ вызывать возраженія скорѣе со стороны формы, чѣмъ со стороны содержанія. Въ своемъ письмѣ къ Бухеру Лассаль перечислилъ среди требованій, которыя должно предъявить къ новому міровому принципу, созданіе новой общественности—не новаго государства, а въ „Программѣ работниковъ" онъ прослѣживаетъ историческое движеніе не на переворотахъ въ государствѣ, а на переворотахъ въ обществѣ. Въ противовѣсъ манчестерской идеѣ о государствѣ - будочникѣ, господствовавшей тогда въ общественномъ мнѣніи, безусловно необходимо было подчеркнуть, что рабочій классъ

нуждается въ государствѣ для осуществленія своей эмансипаціи. Въ этомъ пунктѣ Лассаль вполнѣ сходился съ Коммунистическимъ Манифестомъ, хотя онъ упустилъ прибавить, что завоеваніе политической власти рабочимъ классомъ повлечетъ за собой раствореніе государства въ соціалистическомъ обществѣ. Это опущеніе объяснялось, впрочемъ, довольно просто задачей „Программы работниковъ“, которая имѣла своей ближайшей цѣлью пробудить заснувшее или вообще еще не просыпавшееся классовое сознаніе пролетаріата; ничто не заставляетъ насъ предполагать, что Лассаль не одобрялъ указаннаго вывода Коммунистическаго Манифеста или что онъ намѣренно умолчалъ о немъ. Насколько онъ старался предупредить всякое ложное истолкованіе понятія государства, доказываетъ рѣзкое подчеркиваніе имъ того факта, что государство сможетъ выполнять свою цивилизаторскую роль лишь при политическомъ господствѣ пролетаріата, тогда какъ до сихъ поръ оно выполняло ее лишь болѣе или менѣе безсознательно, подъ давленіемъ обстоятельствъ и часто противъ воли его руководителей.

Эта рѣчь Лассаля также не произвела, повидимому, большого, непосредственнаго впечатлѣнія. Избирательная борьба поглотила всѣ интересы; участіе въ выборахъ 1862 года было такъ велико, какъ никогда до и послѣ этого при трехклассной избирательной системѣ. Машиностроительные рабочіе, къ которымъ Лассаль обращался, принадлежали къ самымъ вѣрнымъ сторонникамъ прогрессистской партіи, и они могли тѣмъ скорѣе проглядѣть болѣе глубокій смыслъ рѣчи, что главной цѣлью оратора отнюдь не было отвлечь ихъ въ избирательной борьбѣ отъ прогрессистской партіи. Требованіе всеобщаго и прямого избирательнаго права, единственный практическій выводъ рѣчи, также не могло особенно поразить ихъ своей новизной, такъ какъ въ Берлинѣ существовалъ тогда „Народный избирательный ферейнъ“, который подъ руководствомъ писателя Адольфа Штрекфуса, стараго участника революціи 1848 года, агитировалъ въ предѣлахъ самой прогрессистской партіи за избраніе кандидатовъ, желающихъ возстановленія всеобщаго избирательнаго права. Это обстоятельство явилось, быть можетъ, и для вождей прогрессистской партіи достаточнымъ основаніемъ поднимать возможно меньше шума по поводу ересей Лассаля. Они были проникнуты рѣшимостью похоронить всеобщее избирательное право, но благоразумно остерегались слишкомъ открыто показывать это благородное намѣреніе и прибѣгли къ весьма хит-

рой тактикѣ — обходить этотъ жгучій вопросъ неопредѣленными фразами; благодаря этому усыпляющему методу, руководимая Штрекфусомъ агитація вскорѣ дѣйствительно замерла.

Правительство оцѣнило значеніе лассалевской рѣчи съ большею проницательностью, чѣмъ буржуазія и пролетаріатъ. Тотчасъ по напечатаніи ея въ іюнѣ того же года, прокуроръ фонъ Шеллингъ конфисковалъ ее и притомъ продѣлалъ это съ возможно большимъ шумомъ, съ столь же излишнимъ, сколько незаконнымъ обыскомъ въ квартирѣ Лассаля. Такъ какъ даже для прусскаго прокурора должно было представляться трудной задачей подвести академическій и строго научный докладъ подъ одинъ изъ каучуковыхъ параграфовъ, какими кишитъ прусское уголовное уложеніе, то весьма вѣроятно предположеніе, высказанное впослѣдствіи Лассалемъ, что онъ былъ выбранъ козломъ отпущенія, за счетъ котораго правительство хотѣло придти къ соглашенію съ буржуазіей. „Программа работниковъ" Лассаля должна была казаться тогдашнему министру-президенту ф. д. Гейдту чѣмъ-то ужаснымъ, и судебнымъ преслѣдованіемъ Лассаля онъ хотѣлъ, вѣроятно, дать буржуазіи залогъ того, что правительство будетъ держать ей рабочихъ въ уздѣ, если только она одобритъ предложенную правительствомъ военную реформу. Въ пользу предположенія, что при конфискаціи отпечатанной рѣчи дѣло шло о дипломатическомъ спасаніи государства, говоритъ еще то обстоятельство, что Лассалю не было предъявлено тотчасъ же обвиненіе — случай, весьма рѣдкій въ лѣтописяхъ прусской юстиціи, которая въ политическихъ процессахъ старается обыкновенно возмѣстить быстротой то, чего ей не хватаетъ со стороны основательности.

Тѣмъ временемъ прогрессистская партія одержала свою великую побѣду на выборахъ, и Лассалю приходилось выжидать дальнѣйшаго развитія событій, — выжидать, окажется ли буржуазная оппозиція способной разрѣшить свою задачу. Въ эти дни онъ обдумывалъ возможность того, что ему снова придется вернуться къ теоріи; онъ задумалъ тогда написать сочиненіе подъ заглавіемъ: „Основанія научной политической экономіи". Передъ большой публикой онъ снова выступилъ 17 мая ораторомъ отъ Философскаго Общества на юбилейномъ торжествѣ по поводу столѣтней годовщины рожденія Фихте. Въ этомъ обществѣ были представлены въ большомъ числѣ патентованные ученые. Какъ разъ въ то время они были сильно возмущены недостойными избирательными махинаціями министра народнаго просвѣщенія ф. Мюлера и, поручая

Лассалю произнесеніе торжественной рѣчи, хотѣли, повидимому, произвести демонстрацію. Во всякомъ случаѣ это избраніе доказывало, что буржуазные круги пока еще не находили агитаціи Лассаля особенно предосудительной. Рѣчь о Фихте и статья о Лессингѣ, незадолго до того опубликованная въ „*Demokratische Studien*" Валесроде, отмѣчаютъ крайніе предѣлы въ идеалистическомъ направленіи, до которыхъ Лассаль дошелъ какъ популярный ораторъ и писатель. Между обѣими работами существуетъ, однако, та разница, что рѣчь о Фихте, согласно ея задачѣ, должна стоять на почвѣ философскаго идеализма, что юбилейный ораторъ хочетъ выступить въ облаченіи Фихте и носить его цвѣта, тогда какъ въ статьѣ о Лессингѣ авторъ даетъ нѣсколько вымученныя идеалистическія конструкціи, къ тому еще скроенныя по весьма доморощенно-реалистическому образцу. Статья о Лессингѣ — единственная работа Лассаля, гдѣ мы видимъ его нѣсколько зараженнымъ непріятными особенностями прусской демократіи, между тѣмъ какъ рѣчь о Фихте дѣйствительно показываетъ его намъ на высотѣ классической философіи; она была въ то же время и его прощальнымъ привѣтомъ этой философіи.

Въ іюлѣ 1862 года Лассаль ѣздилъ въ Лондонъ и пытался привлечь на сторону своихъ плановъ Маркса. Но они не могли придти къ соглашенію, и переписка ихъ послѣ этого замираетъ, хотя настоящаго разрыва между ними и не произошло. То, что Марксъ возражалъ Лассалю, было впослѣдствіи резюмировано имъ слѣдующимъ образомъ: Лассаль слишкомъ поддается власти непосредственныхъ условій момента. Онъ выбираетъ слишкомъ незначительный исходный пунктъ, когда въ противовѣсъ самопомощи, проповѣдуемой карликомъ въ родѣ Шульце-Делича, дѣлаетъ центральнымъ пунктомъ своей агитаціи помощь государственную. Онъ подхватываетъ этимъ пароль, выдвинутый когда-то главою католическаго соціализма во Франціи Бюшезомъ въ противовѣсъ дѣйствительному рабочему движенію. Съ требованіемъ государственной помощи для ассоціацій Лассаль связываетъ чартистскій лозунгъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, упуская при этомъ изъ виду, что условія въ Германіи и Англіи неодинаковы, забывая также уроки бонапартизма насчетъ всеобщаго избирательнаго права. Онъ отрекается отъ естественной преемственной связи съ прежнимъ рабочимъ движеніемъ и впадаетъ въ ошибку Прудона, стараясь найти реальный базисъ для своей агитаціи не въ дѣйствительномъ классовомъ движеніи и предпи-

сывая послѣднему его теченіе согласно опредѣленному доктринерскому рецепту, вслѣдствіе чего лассалевская агитація получаетъ сектантскій характеръ.

Трудно думать, чтобы Лассаль не видѣлъ, насколько вѣски эти возраженія. Если они все-таки не убѣдили его, то произошло это, безъ сомнѣнія, оттого, что онъ слишкомъ сильно находился подъ давленіемъ „непосредственныхъ условій момента". Затѣмъ оставался еще открытымъ вопросъ, кто правильнѣе оцѣнивалъ нѣмецкія условія: Марксъ или, какъ уже во время европейскаго кризиса 1859 г., Лассаль? А этотъ вопросъ сводился, въ свою очередь, къ вопросу, какъ поведетъ прусская буржуазія свою борьбу съ короной и юнкерствомъ.

---

4. Политическое банкротство буржуазіи.

Когда Лассаль осенью 1862 года вернулся въ Берлинъ, прусскій конституціонный конфликтъ достигъ своего апогея. 13 октября правительство закрыло сессію ландтага. До этого палата депутатовъ, ссылаясь на ст. 99 конституціи, объявила противоконституціоннымъ производство правительствомъ всякаго расхода, прямо и окончательно отклоненнаго рѣшеніемъ палаты депутатовъ. Палата господъ отвергла принятый палатой депутатовъ бюджетъ, на что она имѣла право, и приняла предложенный правительствомъ бюджетъ, чтó было открытымъ нарушеніемъ конституціи. Наконецъ, правительство объявило, что выводъ, который палата депутатовъ дѣлаетъ изъ 99-ой статьи конституціи, не выдерживаетъ критики; что палаты, пересматривавшія конституцію, ясно и недвусмысленно отказались истолковать эту статью въ томъ смыслѣ, въ какомъ его угодно теперь толковать палатѣ депутатовъ. При обсужденіи конституціи, говорило правительство, былъ, напротивъ, оставленъ открытымъ вопросъ, какъ поступать въ томъ случаѣ, если три законодательныхъ фактора не могутъ столковаться насчетъ бюджетнаго законопроекта. Такой случай теперь наступилъ, и потому правительство должно во что бы то ни стало сохранить въ цѣлости существующія государственныя учрежденія, слѣдовательно производить также вычеркнутые палатой расходы на фактически осуществленную уже военную реформу.

При этомъ Бисмаркъ совершенно не скрывалъ, что весь конфликтъ ему крайне непріятенъ. Какъ практическій дѣлецъ, онъ отлично зналъ, что ключъ отъ денежнаго сундука находится въ

рукахъ буржуазіи. Онъ имѣлъ противъ себя всю страну, а въ тѣхъ вопросахъ, которые его собственно занимали, онъ не имѣлъ за собой даже короля и юнкерства. Вѣрный своей юнкерской натурѣ онъ сталъ сыпать репрессіями, насколько это было въ его силахъ; тогда, какъ и впослѣдствіи, онъ не понималъ, что подобными вызовами онъ не ослабляетъ, а, наоборотъ, усиливаетъ то сопротивленіе, которое ему хочется сломить. Затѣмъ онъ тотчасъ пустилъ въ ходъ свои бонапартистскіе фокусы, показывая буржуазіи одновременно сладкую и кислую физіономію. Противъ „Программы работниковъ" Лассаля было, наконецъ, возбуждено безсмысленное обвиненіе въ томъ, что она публично возбуждала въ неимущихъ классахъ ненависть и презрѣніе къ имущимъ классамъ; въ то же время въ средѣ пролетаріата появились темныя личности, распространявшія удивительныя сказки о благоволеніи королевско-прусскаго правительства къ рабочему классу. При всемъ томъ Бисмаркъ не скрывалъ, что онъ предпочелъ бы возможно скорѣе помириться съ буржуазіей. Онъ „скорбѣлъ" о томъ, что вынужденъ „вести государственное хозяйство безъ предусмотрѣннаго конституціей фундамента". Онъ не уставалъ предлагать прогрессистской партіи компромиссы, которые, по его увѣренію, были квинтъ-эссенціей конституціонализма. Онъ говорилъ: что жъ дѣлать, конституція не разграничиваетъ правъ трехъ законодательныхъ факторовъ при установленіи бюджета, и имъ остается только быть взаимно уступчивыми; лишь когда одна часть отвергаетъ по своему „доктринерскому абсолютизму" всякій компромиссъ, другой части, имѣющей въ своихъ рукахъ власть, приходится поступать по своему, такъ какъ государственная жизнь не можетъ остановиться ни на одну минуту.

Какъ бы многочисленны ни были возраженія, которыя можно было выставить противъ точки зрѣнія Бисмарка, она имѣла, однако, то достоинство, что понимала спорный вопросъ въ его настоящемъ видѣ: какъ реальный вопросъ силы. Съ другой стороны, какъ бы многочисленны ни были доводы, которые можно привести въ пользу буржуазной оппозиціи, она все же страдала тѣмъ недостаткомъ, что понимала спорный вопросъ не въ настоящемъ его видѣ, а какъ формальный вопросъ права. Прогрессистская партія продолжала по прежнему кричать о конституціи, какъ о святынѣ, которая находится въ опасности, на которую дѣлается неслыханное покушеніе. Она изображала прусскую конституцію цѣломудренной

дѣвой, надъ которой еще ни одинъ бюрократъ и ни одинъ юнкеръ не произвелъ насилія,—фикція, требовавшая еще болѣе крѣпкой вѣры, чѣмъ догматъ о непорочномъ зачатіи. Наряду съ этимъ существовало, однако, въ строптивой буржуазіи теченіе, для котораго бисмарковская теорія компромисса звучала не совсѣмъ уже такъ непріятно: оно было представлено не столько въ парламентскомъ авангардѣ буржуазіи, сколько въ экономическо-политической ея толпѣ, въ „Національномъ Союзѣ“ и въ „Конгрессѣ экономистовъ“. Правда, было ясно какъ день, что разъ разрѣшеніе конфликта поставлено въ зависимость отъ силы, то съ помощью компромисса нельзя больше заполучить ни малѣйшей политической власти, но въ области матеріальныхъ интересовъ буржуазіи Бисмаркъ легко пошелъ бы на уступки, а вѣдь это все-таки составляло кое-что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ — многое, а для значительной части буржуазіи даже все.

Въ эту-то путаницу Лассаль внесъ свѣтъ своей второй рѣчью о сущности конституціи, произнесенной впервые въ ноябрѣ 1862 г. и повторенной затѣмъ въ слѣдующіе мѣсяцы въ нѣсколькихъ берлинскихъ окружныхъ ферейнахъ; рѣчь эта была напечатана подъ заглавіемъ: „Что же теперь?“. Лассаль могъ сослаться на то, что событія вполнѣ подтвердили теорію, изложенную имъ въ первой рѣчи о сущности конституціи, что конституціонный конфликтъ оказался фактическимъ вопросомъ силы. Но изъ вѣрной теоріи должно вытекать и вѣрное средство, обезпечивающее народу побѣду; такъ оно дѣйствительно и есть.

Прежде всего, говоритъ Лассаль, необходимо правильно поставить вопросъ. Его ставятъ неправильно, когда спрашиваютъ, какимъ образомъ можно сохранить данную прусскую конституцію. На этотъ вопросъ такъ же нельзя отвѣтить, какъ на вопросъ, можно ли гальванизаціей оживить трупъ. Да народъ и не заинтересованъ нисколько въ сохраненіи прусской конституціи съ ея безчисленнымъ множествомъ заднихъ дверей. Правильный вопросъ, который ставится конституціоннымъ конфликтомъ, гласитъ скорѣе: какимъ путемъ можно осуществить въ жизни абсолютное право народа, право утвержденія бюджета, признанное даже этой конституціей и долженствующее быть внесеннымъ на всѣ грядущія времена во всѣ будущія конституціи?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, Лассаль показываетъ сначала, какихъ средствъ не слѣдуетъ выбирать, какими бы подходящими они ни казались на первый взглядъ. Такъ, многимъ при-

ходитъ, конечно, въ голову отказъ отъ платежа налоговъ. Но это средство, какъ ни превосходно оно въ рукахъ народа, уже обладающаго реальной властью, уже занявшаго крѣпость, напр. англійскаго народа, совершенно недѣйствительно въ рукахъ народа, который имѣетъ лишь писанную конституцію и только собирается завоевать крѣпость, реальныя средства власти. Теоретическое непониманіе этого погубило въ 1848 году берлинское Національное собраніе. У народа, еще только собирающагося завоевать реальныя средства власти, отказъ отъ уплаты налоговъ имѣетъ смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ имѣетъ своимъ назначеніемъ поднять всеобщее возстаніе, о которомъ при данныхъ обстоятельствахъ невозможно, однако, и помышлять. Въ 1848 году могло, конечно, произойти побѣдоносное возстаніе, и тогдашній отказъ отъ уплаты налоговъ былъ бы разуменъ, если бы берлинское собраніе пошло послѣдовательно дальше и декретировало національное возстаніе. Но, какъ извѣстно, этому помѣшало печальной памяти пассивное сопротивленіе, изобрѣтенное Унру.

Но если указанное средство не годится, то палата имѣетъ все-таки неотразимое средство для побѣды: для этой цѣли ей достаточно высказать то, чтò фактически существуетъ, другими словами разрушить мнимый конституціонализмъ, безъ котораго абсолютизмъ не можетъ долго держаться. Абсолютизмъ прекрасно знаетъ, что общественная сила буржуазіи далеко превосходитъ его собственную силу; онъ прекрасно знаетъ, что онъ не можетъ сидѣть на штыкахъ; какъ бы вызывающе онъ ни держался, онъ все-таки отнюдь не находитъ удовольствія въ непрочномъ существованіи, въ открытомъ и ясномъ антагонизмѣ съ соотношеніемъ общественныхъ силъ. Ему нуженъ поэтому лжеконституціонализмъ, чтобы возможно больше продлить свое существованіе.

Сущность лжеконституціонализма Лассаль пояснилъ слѣдующимъ образомъ: „Абсолютизмъ издаетъ конституцію, въ которой онъ сводитъ права народа и его представителей къ ничтожному минимуму, не обезпеченному никакой реальной гарантіей; такой конституціей онъ, слѣдовательно, заранѣе отнимаетъ у народныхъ представителей отчасти возможность, отчасти охоту занять самостоятельное положеніе по отношенію къ нему. Всякую попытку депутатовъ провести волю народа вопреки правительству онъ клеймитъ названіемъ „парламентскаго режима",—какъ будто сущность всякаго истинно-конституціоннаго правительства не заключается, на самомъ дѣлѣ, въ парламентскомъ режимѣ и только въ немъ

одномъ. Наконецъ, абсолютизмъ про себя рѣшаетъ, что если бы народное представительство все-таки приняло независимое, не согласное съ волей правительства постановленіе, то считать его несостоявшимся, сохраняя, однако, показный блескъ конституціонныхъ формъ". Легко видѣть, что Лассаль списалъ эту вѣрную картину мнимаго конституціонализма съ прусскихъ порядковъ.

Лжеконституціонализмъ не есть, слѣдовательно, народное завоеваніе; наоборотъ, это—пріобрѣтеніе для абсолютизма и важнѣйшій способъ продленія его жизни. Въ своей старой, откровенной формѣ абсолютизмъ не можетъ долго выдерживать напряженія, обусловливаемаго открыто признаннымъ противорѣчіемъ его со всѣмъ общественнымъ строемъ; онъ прикрываетъ это противорѣчіе пустымъ призракомъ конституціонныхъ формъ, усыпляетъ, успокаиваетъ и парализуетъ его. Противъ этой лжи и ея силы существуетъ абсолютное, несомнѣнно побѣдоносное средство: это—раскрыть ее, заставить правительство сбросить съ себя личину и предстать формально передъ всѣмъ міромъ такимъ, какъ оно есть, т.-е. самодержавнымъ правительствомъ. Тотчасъ по открытіи сессіи палата должна, ссылаясь на то, что правительство производитъ отвергнутые ею расходы на реорганизацію арміи, постановить, что она прекращаетъ свои засѣданія на неопредѣленное время, именно—до тѣхъ поръ, пока правительство не представитъ доказательства, что отвергнутые палатой расходы не производятся больше.

Этимъ правительство будетъ побѣждено. Если оно распуститъ палату, то новые депутаты будутъ выбраны съ тѣмъ же паролемъ, и новая палата тотчасъ повторитъ указанное заявленіе. Вѣчно правительство не можетъ править безъ палаты. Если взглянуть на Европу, то за исключеніемъ одной Россіи, гдѣ и общественныя отношенія совершенно иныя, чѣмъ въ другихъ странахъ, мы повсюду видимъ государства съ конституціонными формами. Даже бонапартовскій и габсбургскій деспотизмъ не могли обойтись безъ внѣшняго конституціонализма. И допустить, что именно Пруссія съ ея сильнымъ буржуазнымъ сословіемъ можетъ существовать безъ конституціонныхъ формъ? Это совершенно невозможно. При такомъ открытомъ и постоянномъ противорѣчіи съ собственнымъ народомъ правительство не можетъ вести иностранной политики, не подвергая себя при каждомъ осложненіи самымъ невыносимымъ и грубымъ пинкамъ со стороны другихъ правительствъ. Лассаль протестуетъ противъ возможнаго упрека, что онъ высказываетъ непатріотическія мысли. Подобно естествоиспытателю поли-

тикъ долженъ разсматривать все, что есть, слѣдовательно—взвѣшивать всѣ дѣйствующія силы. Невозможно почти представить себѣ, на какой ступени варварства находился бы еще міръ, если бы зависть и взаимный антагонизмъ правительствъ не были искони дѣйствительнымъ средствомъ принуждать ихъ къ внутреннему прогрессу. Кромѣ того, существованіе нѣмцевъ не такъ уже непрочно, чтобы пораженіе ихъ правительствъ заключало въ себѣ дѣйствительную опасность для существованія націи. Въ большой внѣшней войнѣ могутъ, конечно, рухнуть отдѣльныя правительства, саксонское, баварское, прусское, но изъ пепла ихъ, какъ фениксъ, возродился бы нѣмецкій народъ.

Разрушеніемъ мнимаго конституціонализма правительство парализуется также и во внутренней политикѣ. Бросивъ взглядъ на стремительный ростъ податного бремени, Лассаль дѣлаетъ выводъ что правительство, вынужденное добывать средства для такого бюджета и потому непрерывно запускать руку въ карманъ каждаго гражданина, должно, по крайней мѣрѣ, дѣлать видъ, что имѣетъ на это согласіе всѣхъ и каждаго. Лассаль называетъ провозглашеніе того, что есть, самымъ могучимъ политическимъ средствомъ, которому, какъ показалъ уже Фихте, былъ обязанъ своими великими успѣхами старый Наполеонъ. Всякое великое политическое дѣло заключается въ провозглашеніи того, что есть, и съ него начинается. Напротивъ, всякая политическая мелочность, ничтожество заключается въ замалчиваніи и скрываніи того, что есть. Въ связи съ этимъ Лассаль даетъ злую критику блаженнаго „довѣрія", господствовавшаго въ дни „новой эры", когда „вожди народной партіи" старались лицемѣрно убѣдить правительство въ его конституціонализмѣ, но обманули такимъ путемъ лишь народъ и расчистили лже-конституціонализму путь, по которому тотъ и дошелъ до требованій о реорганизаціи арміи.

Но, заканчиваетъ Лассаль это отступленіе, миръ прошлому! Нужно только тѣмъ ревнивѣе, тѣмъ строже наблюдать въ настоящей тяжелой борьбѣ, чтобы народъ не былъ вторично лишенъ своего права политикой лживаго прикрыванія. Избиратели должны путемъ неотступной агитаціи принудить депутатовъ, чтобы они слѣдовали этой единственно побѣдоносной тактикѣ. Продолжая свои засѣданія, палата не въ состояніи побѣдить правительство; если первый, безспорно конституціонный отказъ палаты былъ попранъ ногами, то невозможно, чтобы второй, третій или четвертый отказы постигла лучшая судьба; правительство, да и народъ, при-

выкнетъ лишь такимъ образомъ считать неудобныя для него рѣшенія палаты недѣйствительными. Еще худшимъ, если это возможно, рѣшеніемъ былъ бы компромиссъ. По тому теченію, которое приняло дѣло, на первомъ планѣ стоитъ основной конституціонный вопросъ: должно ли правительство прекратить расходы, отвергнутые палатой? При такомъ положеніи вещей компромиссъ былъ бы не соглашеніемъ, а полнымъ отреченіемъ отъ принадлежащаго народу права.

Въ заключеніе Лассаль доказываетъ, что его средство во всякомъ случаѣ безвредно. Если оно окажется недѣйствительнымъ, то еще менѣе дѣйствительнымъ окажется уступчивое продолженіе засѣданій палаты, которое дастъ лишь правительству средство продолжать комедію лже-конституціонализма, сбить съ толку народное сознаніе и, какъ всякая основанная на лжи правительственная система, развратить народную нравственность. Но предлагаемое средство и не опасно: для примѣненія его нужны только ясный взглядъ на вещи и энергія, особаго же мужества тутъ не требуется; бастующихъ депутатовъ нельзя одолѣть ни прокурорами, ни судомъ; въ худшемъ случаѣ имъ пришлось бы отказаться на нѣкоторое время отъ почета оффиціальнаго положенія. Возможно, что правительство будетъ упорствовать нѣкоторое время, но это будетъ какъ разъ очень выгодно для народа: тѣмъ больше оно унизится потомъ передъ величіемъ народа, когда ему придется уступить, тѣмъ больше оно признаетъ тогда превосходство общественной силы бюргерства. „Но тогда, господа, безъ всякихъ слащавыхъ примирительныхъ фантазій! Вы накопили теперь достаточный опытъ, чтобы видѣть, что́ такое старый абсолютизмъ. Слѣдовательно, никакихъ новыхъ компромиссовъ; нужно одно: рукой за горло и колѣномъ на грудь!“

Какъ извѣстно, предложенная Лассалемъ тактика не была испробована на практикѣ, и потому объ ея пригодности очень много спорили. Но изъ вызванныхъ ею возраженій, по крайней мѣрѣ, девять десятыхъ отпадаетъ потому, что критики не дали себѣ труда правильно понять мысль Лассаля. Особенно остроумно наиболѣе часто встрѣчающееся возраженіе, что несмотря на конституціонный конфликтъ Бисмаркъ велъ побѣдоносныя войны съ Даніей и Австріей. Лассаль, конечно, блестяще опровергнутъ, если тактика, діаметрально противоположная его предложенію и непригодность которой для борьбы съ правительствомъ онъ заранѣе доказалъ,—если эта тактика дѣйствительно не пара-

лизовала правительства! Этимъ критикамъ не мѣшало бы подумать надъ тѣмъ, почему Бисмаркъ, послѣ того какъ онъ побѣдилъ по всей линіи, послѣ того какъ реорганизованная армія разгромила 3 іюня 1866 г. австрійско-саксонскія военныя силы, а прусскіе избиратели разгромили парламентскую оппозицію, почему онъ, вопреки сильнѣйшему сопротивленію юнкеровъ, просилъ все-таки парламентъ объ индемнитетѣ за управленіе безъ утвержденнаго бюджета, мотивируя свое желаніе въ особенности соображеніями внѣшней политики? Столь же остроумно другое возраженіе: если бы, молъ, палата депутатовъ даже поступила въ духѣ Лассаля, то въ распоряженіи правительства остался бы еще весьма хорошо обставленный аппаратъ средствъ, чтобы распущеніями, избирательными маневрами и всякаго рода административнымъ давленіемъ сдѣлать въ концѣ-концовъ оппозицію „шелковой", сохраняя въ то же время мнимо-конституціонныя формы. Что правительство могло бы подобными средствами оттянуть на нѣкоторое время капитуляцію, это указалъ въ различныхъ мѣстахъ своей рѣчи самъ Лассаль, справедливо видѣвшій въ такой возможности лишній благопріятный шансъ; онъ утверждалъ лишь одно: что оппозиція, которая такъ шумѣла, какъ тогдашняя прогрессистская партія, и дѣйствительно имѣла за собою всю страну, не должна позволить, чтобы ее „сдѣлали шелковой". Тѣмъ хуже для прогрессистовъ, если они были не тѣми серьезными людьми, за которыхъ ихъ принималъ Лассаль! Тѣмъ необходимѣе было въ такомъ случаѣ основаніе рабочей партіи, которая за сорокъ лѣтъ своего существованія показала, что серьезная оппозиціонная партія можетъ вынести, не „становясь шелковой", и не такія вещи, какъ ничтожныя въ концѣ-концовъ прижимки, которыми Бисмаркъ донималъ въ то время прогрессистскую партію.

Но если мы можемъ справедливо игнорировать подобныя близорукія возраженія, то намъ остается взвѣсить еще одно сужденіе о тогдашней тактикѣ Лассаля, такъ какъ въ зависимости отъ того, правильно ли оно или нѣтъ, отношенія между Лассалемъ и прогрессистской партіей выступаютъ въ весьма неодинаковомъ свѣтѣ. Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ соціалистовъ, Лассаль поступилъ правильно, если имѣлось въ виду возможно скорѣе вызвать революцію; на это у Лассаля, какъ революціонера, было достаточно рѣшимости. Но нельзя ставить въ упрекъ прогрессистской партіи, если она съ своей точки зрѣнія, т.-е. признавая революцію преждевременной или вообще нежелательной, отклонила

совѣтъ Лассаля. Безъ революціи въ непосредственномъ запасѣ добровольный отказъ отъ парламентской трибуны имѣлъ не больше значенія, чѣмъ пресловутое пассивное сопротивленіе. По этому поводу необходимо замѣтить слѣдующее. Мы уже видѣли выше, что Лассаль по тѣмъ же соображеніямъ отвергъ планъ отказа отъ уплаты налоговъ; невозможно допустить, слѣдовательно, чтобы, дѣлая свое собственное предложеніе, онъ имѣлъ такую заднюю мысль. Онъ былъ, напротивъ, вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что при данныхъ условіяхъ революція невозможна. Въ этомъ пунктѣ, какъ и въ вопросѣ объ отказѣ отъ уплаты налоговъ, его взглядъ вполнѣ совпадалъ со взглядомъ прогрессистской партіи. Когда Іоганнъ Якоби нѣсколько позже выступилъ съ этой мыслью, то самый видный изъ вождей прогрессистской партіи Вальдекъ заявилъ совершенно въ духѣ Лассаля, что для успѣшнаго проведенія отказа отъ уплаты налоговъ надо обладать тѣми учрежденіями, какими въ свое время располагалъ Джонъ Гемпденъ, слѣдовательно, прежде всего — возможностью бороться судомъ противъ насильственнаго взиманія налоговъ.

То, что предложилъ Лассаль, нисколько не выходило изъ предѣловъ возможнаго для буржуазіи; мало того, оно вполнѣ отвѣчало глубочайшей сущности буржуазіи. Лассаль принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ людямъ, которые умѣютъ поучаться изъ исторіи, и онъ требовалъ не болѣе того, что съ порядочнымъ успѣхомъ и порядочной выдержкой сумѣла провести прусская буржуазія сороковыхъ годовъ. Не было ничего чрезмѣрнаго въ требованіи, чтобы господа Твестены и Вальдеки выполнили при несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ 60-хъ годовъ то, что Кампгаузены и Ганземаны выполнили въ 40-хъ гг. Резюмируя тактику Лассаля въ выразительно-популярной формѣ, все его требованіе заключалось въ томъ, чтобы буржуазія укротила абсолютизмъ, лишивъ его доходовъ. Въ своей откровенной формѣ прусскій абсолютизмъ искони пользовался горестно малымъ кредитомъ на европейскомъ денежномъ рынкѣ. „Эти господа, т.-е. европейскіе финансовые короли,—писалъ Энгельсъ нѣсколько лѣтъ спустя,—учитываютъ только векселя съ тремя подписями, и если на векселѣ подписана, кромѣ правительства, только палата господъ — безъ палаты депутатовъ — или палата депутатовъ изъ маріонетокъ, то они считаютъ его бронзовымъ векселемъ и отказываются отъ сдѣлки". Именно это и составляло сущность лассалевскаго предложенія, и, слѣдуя указанному Лассалемъ пути, буржуазія могла съ

математической, такъ сказать, увѣренностью принудить абсолютизмъ къ капитуляціи.

Но если бы даже этой увѣренности не было, все-таки Лассаль имѣлъ право сказать, что его планъ отвѣчаетъ интересамъ буржуазной оппозиціи больше, чѣмъ противоположная тактика. Самое разительное доказательство тому можно привести, отправляясь „отъ противнаго". Дурныя послѣдствія, которыя Лассаль предсказывалъ отъ дальнѣйшаго функціонированія палаты, сбылись слово въ слово. Благодаря тому, что палата депутатовъ вообразила себѣ, будто вторымъ, третьимъ и четвертымъ отказомъ можно сломить сопротивленіе правительства первому отказу, бюджетное право парламента стало совершенно призрачнымъ. Создалась лишь привычка смотрѣть на неудобныя рѣшенія палаты, какъ на несостоявшіяся, чтò и предсказывалъ Лассаль. Г. Б. Оппенгеймъ, неизмѣнный спутникъ Руге съ 1848 года и въ эпоху конституціоннаго конфликта издатель „*Deutsche Jahrbücher*", которые прогрессистская партія признавала своимъ „научнымъ", такъ сказать, органомъ, пишетъ по этому поводу слѣдующее: „Скоро обсужденіе бюджета превратилось въ пустую, почти смѣхотворную работу, такъ какъ правительство и въ другихъ областяхъ, кромѣ военнаго бюджета, перестало обращать вниманіе на вычеркиванія второй палаты (напримѣръ, по отношенію къ секретнымъ фондамъ), а палата господъ вообще отвергала исправленный бюджетъ и, явно нарушая конституцію, возстанавливала опять правительственный проектъ. Такое отношеніе должно было отразиться вредно на самомъ характерѣ дебатовъ. Реальнѣйшая функція государственной жизни была низведена до уровня пустой демонстраціи. Поддерживая фикцію отправленія парламентскихъ функцій, заходили въ этомъ направленіи еще дальше и не стѣснялись, напримѣръ, постоянно рекомендовать петиціи для свѣдѣнія и соображенія, просить объ устраненіи золъ, высказывать свои желанія и надежды министерской скамьѣ, которая грубо выражала свое презрѣніе палатѣ и съ которой палата была въ открытой ссорѣ". „*Deutsche Jahrbücher*" думали, правда, что при такомъ положеніи палата можетъ „оградить себя отъ униженія и осмѣянія", что она можетъ „выпутаться" изъ внутреннихъ противорѣчій существованія, правовыя основы котораго постоянно нарушались силой, прибѣгнувъ къ „наивному формализму", къ „юридической фикціи—продолженію правильной парламентской дѣятельности". Но факты доказали скоро основательность опасеній Лассаля, какъ бы этотъ „наивный формализмъ", который

онъ правильнѣе, хотя и менѣе учтиво, назвалъ „лживымъ замазываніемъ“ фактическаго положенія вещей, не внесъ путаницы въ народное сознаніе и не ослабилъ народной нравственности.

Не прошло и года, какъ болѣе серьезныя и глубокія натуры среди буржуазной оппозиціи возмутились поведеніемъ прогрессистской партіи, которая, любуясь своими безсильными протестами и резолюціями, разыгрывала изъ себя гиганта, кулакъ котораго въ состояніи сокрушить прусскіе штыки, какъ соломинки. Политику прогрессистовъ стали съ большимъ или меньшимъ негодованіемъ осуждать не только политическіе дѣятели, сколько-нибудь сознательно пережившіе 1848 годъ, въ родѣ Бухера, Якоби, Родбертуса, Циглера, но и болѣе молодыя силы: такъ, Альбертъ Ланге очень скоро пришелъ къ заключенію, что прогрессистская партія отступаетъ въ страхѣ предъ тѣмъ, въ чемъ лежитъ центръ тяжести конфликта, — предъ борьбой съ короною, а Генрихъ фонъ Трейчке подъ львиными шкурами прогрессистскихъ народныхъ трибуновъ открылъ самыхъ мирныхъ обывателей, которые въ состояніи завтра вотировать учрежденіе комитета общественнаго спасенія, а послѣзавтра съ спокойствіемъ мудрецовъ разводить свою капусту, платить свои налоги и снимать шляпу передъ фельдъегеремъ. Не прошло затѣмъ и двухъ лѣтъ, какъ болѣе радикальные органы прогрессистской партіи, въ родѣ „*Рейнской Газеты*“ и „*Берлинской Реформы*“, сухо заявили: „Намъ прiѣлись уже торжественные протесты. Безконечные разговоры и резолюціи не приводятъ во всей Германіи въ движеніе даже сухого листика“; даже органы самаго рядового либерализма, какъ „*Эльберфельдская Газета*“ и „*Бреславльская Газета*“, издѣвались надъ „фразерами“, „которые, шумно всходя на любимую ораторскую трибуну, не знаютъ еще обыкновенно, что̀ они скажутъ“. Въ своей критикѣ прогрессистской партіи Лассаль отнюдь не былъ одинокъ; онъ только лучше другихъ видѣлъ разыгрываемую комедію и, стараясь отвлечь рабочій классъ отъ этой милой партіи буржуа, онъ дѣлалъ лишь то, что предписывалось при такихъ обстоятельствахъ необходимостью историческаго прогресса. Другіе критики либо дѣлали необходимое поздно и нерѣшительно, какъ Якоби и Ланге, либо застревали все-таки въ концѣ-концовъ въ прогрессистскомъ болотѣ, какъ Циглеръ, либо переходили, какъ Бухеръ, Родбертусъ и Трейчке, на сторону Бисмарка, который готовъ былъ дать имъ объединеніе Германіи хотя бы въ скудномъ объемѣ.

Предложеніе Лассаля было достаточно ясно и удобопріемлемо,

чтобы по меньшей мѣрѣ смутить берлинскихъ избирателей и даже парламентскую фракцію прогрессистской партіи. Ограничиться замалчиваніемъ теперь уже нельзя было. 10 января *„Народная Газета"* открыла канонаду противъ Лассаля, правда не называя его по имени, но обнаруживая тѣмъ большую злобность въ своихъ безсодержательныхъ по существу вылазкахъ, на ряду съ явной тревогой, что Лассаля будутъ на этотъ разъ охотно слушать. Дѣйствительно, когда 13 января 1863 г. собрался ландтагъ, то восточно-прусскій депутатъ Мартини внесъ планъ Лассаля на обсужденіе прогрессистской парламентской фракціи, и въ теченіе нѣкотораго времени, по крайней мѣрѣ, мнѣнія колебались. Въ пользу такого предположенія недвусмысленно говоритъ то обстоятельство, что *„Реформа"* и *„Фоссова Газета"* помѣстили у себя 13 и 15 января рѣзкія возраженія Лассаля на нападки *„Народной Газеты"* и напечатали также благожелательный къ Лассалю отчетъ о бурномъ судебномъ засѣданіи, къ которомъ разбирался 16 января лассалевскій процессъ по поводу „Программы работниковъ". Но затѣмъ фракція все-таки отклонила предложеніе Мартини всѣми голосами противъ единственнаго голоса самого депутата, внесшаго предложеніе; Мартини тогда сложилъ съ себя полномочія, сопроводивъ свой актъ соотвѣтствующей мотивировкой. 27 января, когда графъ Шверинъ, явно извращая сдѣланное Бисмаркомъ заявленіе, сказалъ въ палатѣ депутатовъ, что въ Пруссіи право всегда идетъ впереди силы, а не сила впереди права, прогрессистская партія привѣтствовала эту трижды безсмысленную въ устахъ графа Шверина тираду безконечнымъ ликованіемъ, показавшимъ ея готовность во весь опоръ мчаться къ своей погибели.

Мотивы, побудившіе ее отклонить предложеніе Лассаля, были разнообразнаго свойства, но ихъ можно свести къ тремъ категоріямъ. Во-первыхъ, противъ него уперся руками и ногами парламентскій кретинизмъ. Лассаль зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, когда въ своей рѣчи говорилъ прогрессистскимъ депутатамъ, что осуществленіе его тактики не сопряжено рѣшительно ни съ какой опасностью для жизни, что единственная жертва, которой она требуетъ отъ нихъ, временный отказъ отъ оффиціальнаго положенія, не такъ вѣдь ужъ тяжела. Однако для посредственностей, которыми кишѣла прогрессистская партія, это оффиціальное положеніе составляло ихъ все и вся, и они отнюдь не были склонны позволить „господину Лассалю", чтобы онъ посягнулъ на это со-

кровище. Къ сожалѣнію, они нашли себѣ сильную опору въ лицѣ Вальдека, завитой хохолъ котораго прогрессистская печать торжественно величала „султаномъ на шлемѣ демократіи". Со времени своего процесса 1849 года по обвиненію въ государственной измѣнѣ Вальдекъ былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ какъ разъ въ болѣе радикальныхъ кругахъ мелкой буржуазіи, среди которыхъ предложеніе Лассаля скорѣе всего могло найти себѣ сторонниковъ; но именно этотъ процессъ нанесъ королевско-прусскому демократу Вальдеку рану, которая никогда не зажила вполнѣ и, продолжая болѣть, скоро заглушила первоначальныя сомнѣнія въ правильности прогрессистской тактики. Если Вальдекъ уже въ 1848 году превратилъ депутатское полномочіе въ какое-то первосвященство, то теперь онъ съ ревнивой недовѣрчивостью оберегалъ фракцію отъ всякаго вліянія извнѣ, требуя на ряду съ этимъ, чтобы депутатъ не развивалъ никакой публичной политической дѣятельности внѣ палаты. Вальдекъ рѣшительнѣе, чѣмъ кто-либо другой, заявлялъ: мы продолжаемъ засѣдать, не заботясь о послѣдствіяхъ; о нихъ пусть позаботятся Богъ и народъ. Понятно, что было апогеемъ парламентскаго кретинизма сначала герметически замкнуться отъ народа, а затѣмъ объявить послѣдній высшей инстанціей, которая должна отвѣчать за всѣ глупости народныхъ представителей; но Вальдекъ былъ по-своему все-таки честнымъ человѣкомъ, и впослѣдствіи онъ, несмотря на свою олимпійскую самоувѣренность, сдѣлалъ даже горькое признаніе, что прогрессистская партія сдѣлала грубую ошибку, принявъ „господина Лассаля" за глупаго малаго.

Второй и болѣе глубокой причиной, сдѣлавшей прогрессистскую партію глухой къ предложенію Лассаля, была присущая ей склонность къ компромиссамъ, Она необыкновенно гордилась тѣмъ, что объединила въ одной „сомкнутой фалангѣ" всѣ элементы оппозиціи, „отъ Беккера до Шверина"; жаль только, что дорога, по которой могли шагать плечо о плечо бывшій коммунистъ Беккеръ и завзятый монархистъ Шверинъ, лежала въ несуществующемъ царствѣ. Лассаль справедливо замѣтилъ, что хотя его тактика не требуетъ никакой особенной отваги, но она требуетъ, конечно, энергіи и яснаго взгляда на вещи, а этихъ качествъ не было въ распоряженіи прогрессистской партіи, По мѣткому выраженію Альберта Ланге, ея прославленная „сомкнутость" состояла въ томъ, что лучшіе элементы ея взаимно нейтрализовали другъ друга. Прогрессистская печать хитроумно утверждала,

что Лассаль проповѣдуетъ ничего-не-дѣланіе, тогда какъ ея великіе мужи желаютъ дѣйствовать практически; но этотъ фокусъ ни на іоту не мѣнялъ того факта, что прогрессистская мѣшанина не могла возвыситься до практическаго дѣйствія, котораго требовалъ отъ нея Лассаль, и что ея безконечное разглагольствованіе было пустымъ ничего-не-дѣланіемъ. Чтобы только удержать всю компанію у знамени, прогрессистская партія во всякій рѣшительный моментъ свертывала его, благодаря каковой „неуклонности" она все дальше отклонялась отъ пути и все глубже погружалась въ трясину. При такомъ отступленіи звучало болѣе чѣмъ комично увѣреніе вождей, что они способны на самые смѣлые геройскіе подвиги, только народъ недостаточно „созрѣлъ" для правильной оцѣнки такихъ подвиговъ.

Но третій и наиболѣе глубокій доводъ, который прогрессистская партія могла выставить противъ Лассаля,—хотя, понятно, она всего меньше распространялась по его поводу, — это была классовая противоположность между буржуазіей и пролетаріатомъ. Между буржуазіей 40-хъ и буржуазіей 60-хъ годовъ лежали первые революціонные шаги пролетаріата. Какъ безупречно ни было предложеніе Лассаля именно съ буржуазной точки зрѣнія, все же оно несомнѣнно поднимало вновь вопросъ о прусской конституціи съ самаго его начала и требовало возвращенія правъ, отнятыхъ не только у буржуазіи, но и у пролетаріата. Между тѣмъ у прогрессистовъ и въ мысляхъ не было возвращать рабочимъ тѣ права, которыя обманомъ отняла у нихъ самодержавно-феодальная контръ-революція. Именно отнятіемъ этихъ правъ у рабочихъ прусская конституція и была, вопреки всему, такъ мила сердцу прогрессистовъ; презрительный тонъ, въ которомъ Лассаль говорилъ объ этомъ „обрывкѣ знамени", его открытое заявленіе, что борьбу съ абсолютизмомъ необходимо еще разъ продѣлать сначала, внушали непреодолимый ужасъ всѣмъ буржуазнымъ сердцамъ.

Настоящій и рѣшающій отвѣтъ далъ Лассалю Унру. 22 декабря 1862 года, въ то самое время, когда была произнесена рѣчь Лассаля, Унру во главѣ депутаціи поднесъ прогрессистскимъ представителямъ Берлина въ палатѣ благодарственный адресъ, покрытый сорока тысячами подписей, и при этомъ сказалъ: „Если бы только противники не хотѣли забыть или замолчать того, что нашъ теперешній избирательный законъ ведетъ свое начало отъ мая 1849 года, т.-е. времени, когда національное собраніе 1848 года было разогнано, а вторая палата, избранная въ январѣ 1849 г.

на основаніи всеобщаго избирательнаго права, была распущена въ апрѣлѣ того же года! Побѣда реакціи была тогда полная. Избирательный законъ не былъ плодомъ рѣшеній палатъ, онъ былъ введенъ путемъ королевскаго указа при министерствѣ Мантейфеля, устранившемъ оба указанныя выше представительныя собранія. Двѣ трети выборщиковъ избираются первымъ и вторымъ классомъ гражданъ, платящими наиболѣе высокую цифру прямыхъ налоговъ и обнимающими вмѣстѣ едва десятую часть всѣхъ избирателей. Отъ этого меньшинства, выходящаго изъ рядовъ богатыхъ и зажиточныхъ гражданъ, зависитъ исходъ выборовъ. Если палата депутатовъ, получившаяся въ результатѣ такихъ выборовъ, имѣетъ на своей сторонѣ не только имущіе классы, но и менѣе зажиточную часть населенія и даже ту, которая живетъ трудомъ своихъ рукъ, то подобный фактъ разительно доказываетъ, что во всемъ населеніи существуетъ рѣдкое единодушіе". До сихъ поръ все идетъ прекрасно. Теперь слѣдовало бы ожидать, что Унру сдѣлаетъ выводъ: разъ пролетаріатъ такъ храбро вступается за попранное бюджетное право буржуазіи, то буржуазія должна столь же храбро вступиться за уничтоженное избирательное право пролетаріата. Ничуть не бывало! Такъ какъ Вагенеръ и другіе реакціонеры заигрывали тогда съ идеей всеобщаго избирательнаго права, чтобы напугать буржуазію, то Унру продолжалъ: „Согласно ясному смыслу статьи 115-й конституціи, *подтвержденной присягою*, указъ о выборахъ отъ 30 мая 1849 года (т.-е. указъ, который октроировалъ трехклассную систему выборовъ и незаконность котораго только что была признана самимъ Унру) сталъ нераздѣльной частью конституціи. Всякое измѣненіе избирательнаго закона путемъ указа несомнѣнно представляетъ собою, такимъ образомъ, нарушеніе конституціи. Мы не допускаемъ, чтобы правительство, имѣя дѣло съ спокойнымъ и уважающимъ законы народомъ, посовѣтовало королю шагъ, столь чреватый послѣдствіями для правосознанія и могущества Пруссіи, и твердо убѣждены, что его королевское величество не послѣдовалъ бы такому совѣту". Продувной дѣлецъ и твердый руководитель оппозиціи Унру становится здѣсь мистикомъ, передъ экзальтированными видѣніями котораго блѣднѣетъ вся реакціонная романтика. Присяга, приносимая „его королевскимъ величествомъ", превращаетъ право въ неправду, равно какъ неправду въ право. Всеобщее избирательное право существовало правомѣрно и было неправомѣрно устранено трехклассной системой выборовъ, но такъ какъ „его королевское величе-

ство“ присягой превратилъ юридическую неправду трехклассной системы въ право, то правомѣрное всеобщее избирательное право должно примириться съ ролью неправды. Если бы мы не имѣли передъ собой дословнаго воспроизведенія рѣчи Унру въ прогрессистскихъ газетахъ того времени, сохранившихъ черезъ нѣсколько десятилѣтій еще влажность отъ слезъ умиленія, пролитыхъ народными представителями, къ которымъ она была обращена, то ее можно было бы принять за сатиру на тогдашнюю политику прогрессистской партіи, сочиненную какимъ-нибудь необыкновенно злымъ сатирикомъ. Но она отнюдь не была сатирой: это былъ скорѣе вопль души, вырвавшійся у буржуазіи.

Въ то же время рѣчь показывала, что предложеніе Лассаля не было бы принято и въ томъ случаѣ, если бы прогрессистская партія обладала ясными принципами и не была заражена парламентскимъ кретинизмомъ. Буржуазія хотѣла вести конституціонный конфликтъ при помощи пролетаріата ровно до того пункта, который соотвѣтствовалъ ея одностороннимъ классовымъ интересамъ, и ни на волосъ дальше. Она скорѣе готова была вступить въ сдѣлку съ „его королевскимъ величествомъ“, чѣмъ предоставить рабочимъ участіе въ ожидаемой добычѣ послѣ побѣды. Классъ, „живущій трудомъ своихъ рукъ“, долженъ былъ достать ими каштаны изъ огня для имущаго класса, а затѣмъ убраться, какъ оно подобаетъ „мавру, исполнившему свое дѣло“.

Лассаль до послѣдняго момента не закрывалъ дверей передъ буржуазіей; еще въ рѣчи, произнесенной на судѣ 16 января 1863 года, онъ заявлялъ: „Буржуазія и рабочіе,—мы всѣ члены одного народа и вполнѣ единодушны противъ нашихъ угнетателей“. Другое дѣло прогрессистская партія. Послѣ того какъ она приняла свое рѣшеніе, она постаралась скомпрометтировать въ глазахъ избирателей предложеніе Лассаля на-половину злобной, на-половину ребяческой сплетней, что Лассаль работаетъ заодно съ Бисмаркомъ: онъ требуетъ, молъ, чтобы сила предшествовала праву. Лассаль сдѣлалъ попытку защитить себя отъ этого недостойнаго заподозриванія, но теперь „*Берлинская Реформа*“ и „*Фоссова Газета*“ также закрыли передъ нимъ свои столбцы. „Заткнуть глотку, замолчать, скрывать все, что не подходитъ для идейной лавочки прогрессистской партіи“ — такова стала теперь опять, по горькому и справедливому замѣчанію Лассаля, тактика буржуазіи и ея органовъ. Онъ вышелъ изъ затрудненія, выпустивъ протестъ, не принятый названными газетами, въ видѣ

отдѣльной брошюры подъ заглавіемъ: „Сила и право". Ему нетрудно было, конечно, доказать, что историческое изслѣдованіе не есть трактатъ о нравственности. Въ своихъ рѣчахъ о конституціи онъ показалъ, что сила предшествуетъ праву и почему это такъ, но, вскрывая то, что *есть*, онъ ни однимъ словомъ не затронулъ совершенно посторонняго въ данномъ случаѣ вопроса о томъ, что̀ согласно его субъективному сознанію *должно* быть. Противъ обыкновенія онъ въ данномъ случаѣ совершенно согласенъ съ графомъ Шверином и „*Народной Газетой*",—что право *должно* предшествовать силѣ, но говорить о правѣ имѣетъ право лишь старая демократія, никогда не унижавшаяся до компромиссовъ съ силой. Графъ Шверинъ, господинъ фонъ Унру, „*Народная Газета*" не вправѣ дѣлать это, такъ какъ они либо сами участвовали въ рядѣ актовъ грубѣйшаго попиранія права, либо прикрашивали ихъ, либо заднимъ числомъ одобрили таковые. Жертвуя правомъ, они надѣялись заполучить въ этой сдѣлкѣ частичку силы, но отъ силы, какъ это и подобаетъ, они не получили ничего, кромѣ... пинковъ.

Такова уже судьба всякой измѣннической политики, что она сильнѣе всего поражаетъ своихъ собственныхъ творцовъ; то же произошло и въ настоящемъ случаѣ. Если прогрессистская партія желала трактовать конституціонный конфликтъ не какъ историческій вопросъ силы, а какъ формальный вопросъ права, то она должна была вернуться къ апрѣльскимъ законамъ 1848 года. Эти законы были, правда, лишь буржуазнымъ правомъ, кое-какъ состряпаннымъ для того, чтобы отнять у пролетаріата плоды мартовской революціи; Марксъ со своей революціонной точки зрѣнія отвергъ ихъ уже въ 1849 году, а Лассаль ссылался на нихъ впослѣдствіи лишь съ цѣлью показать непослѣдовательность прогрессистской партіи. Но съ точки зрѣнія партіи прогрессистовъ они были формальнымъ правомъ, и только они одни были имъ. Все, что пришло послѣ нихъ—разгромъ Берлинскаго собранія, октроированіе конституціи и трехклассной системы выборовъ,—было рядомъ противозаконныхъ государственныхъ переворотовъ, которыхъ не могло сдѣлать формальнымъ правомъ и послѣдующее одобреніе палаты, выбранной на основаніи трехклассной системы выборовъ, противной праву. Съ формально-юридической точки зрѣнія прусская конституція, какъ неоднократно доказывалъ впослѣдствіи Лассаль, не имѣла еще ни одного дня правомѣрнаго существованія.

Но вернуться къ законамъ 6 и 8 апрѣля партія прогрессистовъ

не хотѣла, хотя эти законы несомнѣннѣйшимъ образомъ закрѣпили бюджетное право народнаго представительства. Дѣло въ томъ, что эти законы закрѣпили также всеобщее, хотя и непрямое, избирательное право, они закрѣпили также неограниченную свободу печати и собраній, между тѣмъ партія прогрессистовъ не желала даже прикоснуться къ насилію и несправедливости, которыя контръ-революція совершила по отношенію къ рабочему классу. Несчастье прогрессистской партіи заключалось въ томъ, что, судорожно цѣпляясь за дорогую ей почву права, чтобы обмануть пролетаріатъ, она сама потеряла ее подъ ногами. Прусская конституція въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала, въ какомъ она была принята палатами, созванными для ея пересмотра, и подтверждена присягой короля,—эта конституція дѣйствительно содержала „пробѣлъ", которымъ Бисмаркъ покрывалъ теоретическіе расходы по конституціонному конфликту. Если рѣшающее значеніе должны были имѣть смыслъ и текстъ прусской конституціи, тогда бюджетное право палаты депутатовъ представлялось настолько же сомнительнымъ, насколько оно было неприкосновенно по закону 6 апрѣля 1848 г. Палаты, пересматривавшія конституцію, категорически отклонили предложеніе истолковать 99-ую статью конституции въ смыслѣ этого закона; онѣ намѣренно оставили открытымъ вопросъ о томъ, какъ поступить, если три законодательныхъ фактора не смогутъ притти къ соглашенію относительно бюджетнаго законопроекта. Ссылаясь на прусскую конституцію, Бисмаркъ вправѣ былъ сказать, что его безбюджетное управленіе, хотя и не будучи конституціоннымъ, однако и не противно конституціи. „Право", которымъ буржуазія хотѣла побѣдить пролетаріатъ, было чистой находкой для абсолютизма.

Такимъ образомъ, прусская и—что исторически одно и то же—нѣмецкая буржуазія во второй и послѣдній разъ совершила актъ политическаго банкротства. Изъ страха передъ пролетаріатомъ она снова уклонилась отъ рѣшительной борьбы съ короной и юнкерствомъ. Какими бы громкими словами она ни пыталась обмануть себя насчетъ послѣдствій своей политики, эти послѣдствія не преминули однако наступить съ величайшей пунктуальностью. Вотъ уже сорокъ лѣтъ, какъ нѣмецкая буржуазія отказалась отъ борьбы за политическое господство; все это время она довольствовалась тѣмъ, что защищала съ беззастѣнчивымъ эгоизмомъ матеріальные интересы своего класса и пронырствомъ или лестью добывала себѣ иной разъ отъ короны и юнкерства скромную долю

въ политическомъ господствѣ. Если кому-либо изъ ея среды удавалось иногда проползти въ министерство, то онъ видѣлъ свою высшую задачу въ разыгрываніи роли вѣрноподданнѣйшаго слуги короля, а при нуждѣ даже юнкерства, какъ это можно видѣть на достославномъ примѣрѣ Микеля, который несомнѣнно принадлежалъ еще къ наиболѣе даровитымъ политическимъ дѣятелямъ нѣмецкой буржуазіи.

Для Лассаля описанный ходъ событій не явился, конечно, неожиданнымъ разочарованіемъ. Но отъ этого не уменьшается правильность политики, которой онъ послѣдовательно держался до тѣхъ поръ и которая состояла въ томъ, чтобы итти рука объ руку съ буржуазіей, пока это сколько-нибудь возможно. Самостоятельная политика рабочаго класса получила оправданіе лишь съ того момента, когда буржуазія оказалась неспособной покончить съ абсолютизмомъ и феодализмомъ, когда она именно потому не захотѣла разрѣшить своей исторической задачи, что задумала сообща съ абсолютизмомъ и феодализмомъ угнетать рабочій классъ. Сами факты наложили печать на политику Лассаля: въ ту самую минуту, когда буржуазія сорвала послѣднее покрывало съ внутренняго своего существа, раздались первые голоса изъ среды рабочаго класса, объявившіе себя готовыми и способными сдѣлать то, что отнынѣ было историческимъ правомъ и исторической обязанностью этого класса.

Такъ какъ нѣмецкая буржуазія совершила актъ политическаго банкротства и отбросила права народа, то нѣмецкій пролетаріатъ подхватилъ эти права и заявилъ свои притязанія на политическое господство.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Когда вышло въ свѣтъ первое изданіе настоящаго сочиненія (1897 г.), періодъ отъ начала мартовской революціи до появленія „Открытаго письма“ Лассаля не былъ еще разсмотрѣнъ никѣмъ съ точки зрѣнія соціалистическаго развиті съ этой стороны онъ и впослѣдствіи не былъ никѣмъ обработанъ. Нѣкоторые буржуазные критики удивлялись, что я сравнительно подробно распространяюсь о годахъ революціи и реакціи, и съ нѣсколько наивнымъ изумленіемъ спрашивали, какое, собственно, отношеніе имѣетъ прусскій конституціонный конфликтъ къ соціализму. Однако я могу сослаться на то, что другіе критики очень хорошо поняли цѣль, которую я преслѣдовалъ, и вполнѣ согласились съ моимъ воззрѣніемъ, мало того—даже особенно хвалили именно эту часть моего изложенія. Я считаю затѣмъ достаточнымъ перепечатать ниже руководившіе мною мотивы въ томъ видѣ, какъ они были изложены въ примѣчаніяхъ къ первому изданію.

Книга вторая.

Классовая борьба во время нѣмецкой революціи. Дать здѣсь хотя бы краткій историческій очеркъ нѣмецкой революціонной эпохи было, конечно, невозможно; въ этомъ отношеніи я отсылаю къ Blos, Deutsche Revolution, Stuttg. 92. Буржуазная литература непригодна для пользованія, особенно профессорская литература; то же замѣчаніе относится къ трескучему сенсаціонному роману Шерра.—A. Bernstein, D. Jahre d. Volkes, Berl. 75, не византійски-реакціоненъ, но буржуазно-ограниченъ. Для моей цѣли представлялось наиболѣе важнымъ разыскать въ оффиціальныхъ

документахъ и современныхъ источникахъ все, что объясняетъ и бросаетъ свѣтъ на позднѣйшее развитіе германской соціалъ-демократіи. Совершенно невозможно правильно понять его, если не вникнуть критически въ классовую борьбу революціонныхъ годовъ; въ частности только этимъ путемъ можетъ быть достигнуто исчерпывающее и справедливое сужденіе о Лассалѣ и его агитаціи. Многимъ я обязанъ, конечно, „Новой Рейнской Газетѣ“ и тѣмъ историческимъ разсужденіямъ Маркса и Энгельса о нѣмецкой революціи, которыя имѣются въ другихъ мѣстахъ; см. въ особенности Marx, Revolution and counter-revolution, or Germany in 1848, Lond 1896. Мнѣ пришлось, однако, выяснить многія отношенія, которыя были затронуты Марксомъ и Энгельсомъ лишь вскользь или которыхъ они совсѣмъ не касались. Изъ другихъ газетъ революціонныхъ годовъ я просмотрѣлъ „National-Zeitung“ и „Vossische-Zeitung“, изъ рабочихъ газетъ мнѣ были доступны „Volk“, „Verbrüderung“, „Konkordia“ и „Prometheus“, всѣ въ болѣе или менѣе неполныхъ экземплярахъ. Max Quarck, Dr., Arbeiterverbrüderung, 1848/49, Frankf. 1900, содержитъ важнѣйшія статьи изъ „Verbrüderung“. Stephan Born, Erinnerungen, Leipz. 98, даетъ мало новаго. Въ октябрѣ 1897 г. я получилъ отъ Борна,—съ которымъ раньше не имѣлъ никакихъ отношеній, — письмо, гдѣ онъ выражалъ свою радость по поводу того, что я взялъ его историческую дѣятельность подъ свою защиту противъ чрезмѣрно суроваго приговора Энгельса; онъ писалъ, что собирается выполнить свою давнишнюю мысль и издать свои воспоминанія: къ сожалѣнію, Борнъ позволилъ себѣ въ нихъ некрасивый реваншъ по отношенію къ Энгельсу. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ, и хотя я никакъ не могу хвалить его послѣднюю книгу, тѣмъ не менѣе я поддерживаю, конечно, все сказанное мною въ текстѣ объ его заслугахъ въ революціонные годы. Затѣмъ я подвергъ подробному анализу стенографическіе отчеты о засѣданіяхъ прусскаго національнаго собранія („Stenogr. Berichte über die Verhandlungen der preussischen Nationalversammlung, 9 Bde, Berl. 48); они въ историческомъ отношеніи гораздо важнѣе, чѣмъ пользующіеся гораздо большимъ вниманіемъ отчеты о засѣданіяхъ франкфуртскаго парламента. Для берлинскихъ дѣлъ является богатымъ источникомъ Ad. Wolffs Revolutionschronik, Berl. 51, но ея три объемистыхъ тома доводятъ разсказъ только до паденія министерства Кампгаузена. Отличный матеріалъ для со-

ціальной исторіи революціонныхъ годовъ даетъ Schlüter, NZ *) 3, 28. Кромѣ указанныхъ источниковъ я пользовался: Jacoby, Preussen u. Deutschland; Unruh, Skizzen, Magdeb. 49; Gneist, Berliner Zustände, Berl. 49; Rodbertus, Mein Verhalten etc., Berl. 49; P. Reichensperger, Die preuss. Nationalvers., Berl. 49, противъ Родбертуса; Prozess Waldeck, Stenogr. Bericht, Berl. 49; Weichsel, D. Zieglersche Prozess, Magdeb. 50; Ranke, Briefwechsel Friedr. Wilh. IV mit Bunsen, Leipz. 73; H. Blum, Robert Blum, Leipz. 78, представляетъ большой интересъ по многимъ сообщеннымъ въ немъ документамъ, въ прочихъ отношеніяхъ жалкая болтовня; A. Bernstein, Schulze-Delitzsch, Berl. 79; H. B. Oppenheim, Waldeck, Berl. 80.

Neue Rheinische Zeitung. Я старался очертить со всѣхъ сторонъ содержаніе знаменитой революціонной газеты, но именно потому вынужденъ былъ довольствоваться часто по отдѣльнымъ вопросамъ весьма бѣглыми замѣчаніями. Важнѣйшія статьи перепечатаны теперь въ 3-мъ томѣ NA. Mehring, Märzrevolution u. Kommunistenbund, NZ 20[1], 737. Записка царя, относящаяся къ веснѣ 1848 г., помѣщена въ Berlin und Petersburg, Leipz. 80. Weerth, Leben u. Taten des berühmten Ritters Schnapphanski, Hamb. 49: перепечатка геніально-остроумныхъ фельетоновъ, которые теперь еще подвергаютъ столь тяжкой опасности нравственное сознаніе подающихъ надежды доцентовъ.

Фердинандъ Лассаль. Литература о Лассалѣ отличается больше обширностью, чѣмъ содержательностью. Дѣйствительно цѣнную работу представляетъ лишь біографическо-критическій очеркъ, предпосланный Бернштейномъ его изданію рѣчей и сочиненій Лассаля; я обязанъ этому очерку важными указаніями, хотя во многомъ и расхожусь съ воззрѣніемъ Бернштейна. Кромѣ свѣжей Gedenkschrift Kegel'я, Stuttg. 89, заслуживаютъ еще упоминанія только Brandes, Ferd. Lassalle, ein liter. Charakterbild, Berl. 77, и Plener, Ferd. Lassalle, Leipz. 84. Брандесъ дѣлаетъ хорошія замѣчанія о формально-литературномъ талантѣ Лассаля; наканунѣ закона противъ соціалистовъ его книга была, сверхъ того, мужественнымъ profession de foi, но уровень ея политическо-соціальнаго пониманія невысокъ: нельзя оцѣнить жизненный трудъ Лассаля при

---

*) Сокращенія. NZ: Neue Zeit, Stuttgart 82—03. NA: Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle, Stuttgart 02.

помощи остроумной, часто даже только умничающей беллетристики. То же замѣчаніе примѣнимо къ Пленеру, съ той лишь разницей, что онъ пишетъ не какъ односторонній беллетристъ, а какъ односторонній юристъ. Для психологическаго пониманія Лассаля очень важенъ его Дневникъ (Tagebuch), Bresl. 92, изд. Полемъ Линдау, съ нелѣпымъ введеніемъ, затѣмъ его Письма къ Марксу и Энгельсу, напеч. въ 4-мъ томѣ NA. О Гацфельдтовскомъ процессѣ: Lassalle, Kassettenrede, и составленное Лассалемъ для гр. Гацфельдтъ прошеніе о разводѣ, экземпляръ котораго имѣется въ архивѣ с.-д. партіи; также Eine Liebesepisode a. d. Leben Lass., Leipz. 78. Объ участіи Лассаля въ революціонной борьбѣ: „Neue Rhein. Ztg." и Lassalle, Assisenrede.

Исходъ нѣмецкой революціи. Отчасти тѣ же источники, что въ первой главѣ настоящаго отдѣла. О майскомъ возстаніи въ Дрезденѣ: Waldersee, Der Kampf in Dresden, Berl. 49; Röckel, Die Erhebung Sachsens u. d. Zuchthaus in Waldheim, Frankf. 65; также статья Борна въ „*Verbrüderung*"; скудный матеріалъ въ „Erinnerungen" Борна, гдѣ Бакунинъ при помощи недостаточныхъ аргументовъ изображается пятой спицей въ колесницѣ. О рейнско-прусскомъ возстаніи: N. Rhein. Ztg. и Engels, Reichsverfassungskampagne. О баденско-пфальцскомъ возстаніи: J. Ph. Becker, Geschichte d. süddeutschen Mairevol., Genf 49, и опять-таки Engels, цит. ст.; Sigel, Denkwürdigkeiten, изд. В. Блоссомъ, Mannh. 02. О нѣмецкихъ эмигрантахъ: Revue d. N. Rhein. Ztg., затѣмъ цитированныя уже соч. о „Союзѣ коммунистовъ", Marx, Herr Vogt und (противъ Виллиха) d. Ritter vom edelm. Bewusstsein, London 53. Rüegg, Aus d. Erinnerungen eines Achtundvierzigers (Borkheim) NZ 8, 125.

Кельнскій процессъ коммунистовъ. Источники о „Союзѣ коммунистовъ", особенно Marx, Enthüllungen и Herr Vogt. — A. Bernstein, Die Jahre d. Reaktion, Berl. 81. О концѣ Вейтлинга: Sorge, NZ 9^2, 234, и Zukunft 78.

Пятидесятые годы. Кромѣ историческихъ трудовъ Бидерманна и Зибеля, письма и воспоминанія Бернгарди, Бисмарка, Бунзена, Герлаха, Мантейфеля, Роона, Вагенера. — Riedel, Bismarks Reden (въ контръ-револ. парлам.), Berl. 81. Poschinger, Preussen im Bundestage, Leipz. 82. Meitzen, Landwirtsch. Verhältnisse d. preuss. Staats, Berl. 68. Thun, Industrie a. Niederrhein. Anton, Preuss. Fabrikges.—Diest-Daber,

Geldmacht u. Sozialismus, Berl. 74. Baumgarten, Der deutsche Liberalismus, Berl. 66. Bastiat, Harmonies économiques, 1850. Нѣмецкая литература манчестерства (Prince-Smith, Faucher, Braun и т. д.) представляетъ собою только повторенiе чужихъ мыслей, особенно Бастiа. Schulze-Delitzsch, Die arbeit. Klass u. d. Assoziationwesen i. Deutschl., Leipz. 58. Источники для литературно-философской эволюцiи 50-хъ годовъ видны изъ самого текста.

Успѣхи научнаго коммунизма. H. Oncken, Die Rückehr Lassalles nach Berlin 57/58, Preuss. Jahrb., Febr. 03. Mehring, Zur Biographie Lassalles, NZ 21[1], 627. Bailleu, Lassalles Kampf um Berlin, Deutsche Rundschau, Juni 03. Mehring, Zur Psychologie Lassalles, NZ 21[2], 456. Marx, Zur Kritik. Lassalle, Herakleitos d. Dunkle, Berl. 57. Zeller, Die Philosophie der Griechen, Leipz. 92. Noak, Histor.-biogr. Handwörterb. z. Gesch. d. Philos. Berl. 79. Lassalle, Franz von Sickingen. Lassalle, System der erworbenen Rechte, Leipz. 61. Превосходный разборъ второго тома, не входящаго въ рамки моего изложенiя, даетъ Bernstein въ указ. мѣстѣ. Lassalles Briefe an Rodbertus, Berl. 78. Ihering, Der Kampf ums Recht, Wien 72. A. Wagner, Allgem. Volkswirtschaftslehre, Leipz. 76.

Европейскiй кризисъ 1859 г. Rodbertus, Kleine Schriften, Berl. 90, изд. M. Виртомъ. Wuttke, Pro patria, Leipz. 59. Vogt, Studien z. gegenw. Lage Europas, Genf 59. Engels, Po und Rhein, Berl. 59. Lassalle, Der italien. Krieg u. die Aufgabe Preussens. Vogt, Mein Prozess gegen die Allgem. Zeitung, Genf 59. Lassalle, Fichtes polit. Vermächtniss. Engels, Savoyen, Nizza u. d. Rhein, Berl. 60. Marx, Herr Vogt.

Прусскiй конституцiонный конфликтъ. Подобно нѣмецкой революцiи, пришлось изложить также въ основныхъ чертахъ исторiю прусскаго конституцiоннаго конфликта, и по той же причинѣ: такъ какъ иначе нельзя понять рабочей агитацiи Лассаля и вообще историческаго развитiя германской соцiалъ-демократiи. Какая путаница господствуетъ еще въ этой области, показываетъ примѣръ Зомбарта, который при всѣхъ своихъ претензiяхъ ухищряется написать, что Лассаль основалъ рабочую партiю изъ „демоническаго честолюбiя“, изъ „титанической жажды славы“, такъ какъ, молъ, прогрессистская партiя знать его не хотѣла, и— вы подумайте только!—тамъ, „гдѣ стоялъ Бисмаркъ, всякiй другой могъ стоять только въ тѣни“. Walesrode, Demokr. Studien,

Hamb. 60 и 61. Jacoby, Grunds. d. preuss. Demokr. Parisius, Deutschl. polit. Part., Berl. 78. Müller, Kais. Wilh., Berl. 78. Marcks, Kais. Wilh. I., Leipz. 97. Götze, Urkundl. Gesch. der Stadt Stendal, Stend. 73. Hahn, Fürst Bismarck, Berl. 78, и прочая литература о Бисмаркѣ, особенно Busch и Poschinger. Если Бисмаркъ сказалъ разъ, что приличные люди не пишутъ для него, то онъ могъ бы прибавить, что солидные писатели также не дѣлаютъ этого; болѣе небрежныхъ писакъ, чѣмъ всѣ эти Ганы, Буши, Пошингеры, Гардены и имъ подобные, трудно найти въ мірѣ.—Lassalles Briefe an G. Herwegh, Zür. 96, изд. весьма неудовлетворительно M. Гервегъ. Bucher, Der Parlamentarismus wie er ist, Berl. 55. Poschinger, Ein Achtundvierziger, Berl. 91, кое-какъ состряпанная біографія, приведшая въ ярость самого героя ея, но необходимая для пользованія въ виду нѣкоторыхъ сообщенныхъ въ ней документовъ. Берлинская среда, въ которой вращался Лассаль, изображена некрасивыми чертами, но мѣтко у L. Pietsch, Wie ich Schriftsteller gew. bin, Berl. 93.—Lassalle, Herr Julian Schmidt d. Literarhistor. Lassalle, Ueber Verfassungsfragen. Lassalle. Arbeiterprogramm. Марксъ Швейцеру NZ 15[1],5. Lassalle, Was nun? Рѣчь Унру отъ 22 декабря 1862 г. можно найти у Schulthess, Europ. Geschichtskal., Nördl. 63. Lassalle, Macht und Recht.

———

Замѣченныя опечатки.

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
32	14 св.	волкамъ;	волкамъ:
120	4 сн.	предѣлахъ	предѣлахъ которой
129	3 св.	совѣты	совѣты,
158	20 сн.	силой	силой,
174	4 сн.	ганебюхенской	основательной
248	6 сн.	влекала	влекла
287	11 св.	саму	самое
	16	саму	самое